

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

«Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» — так называлась книга Марии и Виктора Котляровых, вышедшая в 2008 году, в которой рассказывалось об удивительных, таинственных явлениях и событиях, происходивших на заповедной земле Кабардино-Балкарии.

Своеобразным продолжением этой работы стала книга «Загадочное. Занимательное. Забытое», вышедшая в 2009 году и в которую, наряду с материалами о необъяснимых явлениях, вошли рассказы о реальных событиях прошлых лет, и поныне покрытых завесой неизвестности.

Третья книга авторов — «Тайное. Таинственное. Труднообъяснимое» — также о загадочных явлениях и фактах, каждый из которых тем не менее имеет реальное подтверждение — документальными источниками, архивными материалами, историческими записками, свидетельствами очевидцев.

Все эти книги и составили сборник «Таинственная Кабардино-Балкария», предлагаемый вниманию читателей.

Многие истории, вошедшие в эту книгу, выглядят фантастическими, но грань между реальным и выдуманным авторы не переходят, предоставляя читателю самому сделать выбор — поверить сказанному или просто иронически улыбнуться.

И еще. Своеобразная перекличка заголовков трех книг вовсе не говорит об их идентичности — материалы работ абсолютно не повторяют друг друга, а расширяют, дополняют, углубляют наши знания о Кабардино-Балкарии, которую авторы, солидаризируясь с писателем И. Бабелем, считают настоящей «страной чудес».

Мария и Виктор Котляровы

Таинственная Кабардино-Балкария

Сто невероятных, загадочных,
труднообъяснимых
фактов, явлений, событий,
происшедших в республике,
которую называют
жемчужиной Кавказа

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
2011

ББК 63.3 (2Р-6КБ)
К73

Котляровы М. и В.

К73 Таинственная Кабардино-Балкария. — Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. — 592 с., 48 с. ил.
ISBN 978-5-93680-446-5

Тех, кто откроет эту книгу, ожидают встречи с говорящими... мумиями, о которых сообщают рапорты царских чиновников, и прогулки по «немецкому аэродрому», упоминаемому в разведсводках советского военного командования, знакомство с необычными памятниками — менгирами, рисунками древних художников — и посещение монастыря, вырубленного в горе...

Туры Тимура и озеро в Тызыльской пещере, лашкутинские каменные истуканы и верхнекуркужинский Стонхендж, балкарские могильники и священные камни, «греческая» лестница и геопатогенная «Поляна грибов» — все это не выдумки, эти необычные объекты можно увидеть и потрогать.

Тайны Лесистого кургана, в котором размещался подземный храм, и горы Тузлук, используемой тысячелетия назад под солнечную обсерваторию; огромных скифских котлов, вмещавших целое стадо, и английской экспедиции, пропавшей при восхождении на гору Коштан-тау; пещеры, в которой прятались от завоевателей жители Чегемского ущелья и Адыгской Амазонии, располагавшейся на территории нынешнего селения Кенже, — это лишь часть из ста занимательных очерков, вошедших в книгу.

Еще вы узнаете, что из себя представляют мегалитические сооружения поселка Звездный и туузсыртовский истукан, цитадели Безенги и твердыни Черека, кызбурунские стражи и аномальная зона «Альфа», кумтюрбинский полигон НЛО и вулкан, который величают отцом Эльбруса... А также о том, где был спрятан брус от корабля Ноя и где находится гора-могильник, огромная стена, запирающая ущелье, и епископия Ахохия Аланской епархии, насколько реальны Эльбрусская Дева, Черный Альпинист и Белый Спелеолог, как распилили царскую корону и чем закончились поиски французенкой Жанной Кофман неуловимого алмасты...

Обо всем этом и о многом другом авторы повествуют увлекательно, живо, образно.

© М. А. и В. Н. Котляровы, 2011

© Ж. А. Шогенова, фото;
оформление, 2011

© ООО «Полиграфсервис и Т», 2011

Книга
первая

Содержание первой книги

1	Говорящие мумии	7
2	Друг по имени Палестина	16
3	Привидение из Долины нарзанов	21
4	Кёнделеновский телеотключатель	23
5	Сны о пришельцах	25
6	Сошедшие со звезд	28
7	Контактер из Хушто-Сырта	31
8	Визиты инопланетян	35
9	Древние художники Тызыла	41
10	Удивительная птица	45
11	Дверь, ведущая в иной мир	49
12	Греческая лестница	53
13	Менгиры – стражи прошлого	57
14	Монастырь на Сарай-горе	60
15	Дука-Бек из Этоко	68
	<i>Приложение. На берегу реки Этоко</i>	74
16	Глиняные замки	81
17	Кыргыцкие склепы	83
18	Верхнечегемские могильники	86
19	Священные камни	89
20	Гора-кольцо и туры Тимура	91
21	Балкарский Город мертвых	93
22	Джулат, помнящий великого завоевателя	98
23	Священные холмы Кызбуруна	103
24	Пещера чудес	105
25	Верхнекуркужинский Стонхендж	109
26	Лашкутинские истуканы	111
27	«Поляна грибов»	114
28	«Немецкий аэродром»	118
29	Голубой сапфир	123
30	Карьер, излечивающий болезни	132
31	В окрестностях Нальчика	134
32	Каменноостские катакомбы	137
	<i>Приложение. Озеро Шатхурей</i>	140
33	«Антенны» Когутая	142
34	«Мать-гора»	144
35	Эльтюбю «вне времени»	146

ГОВОРЯЩИЕ МУМИИ

Леденящие дух мистические истории о таинственной смерти исследователей, потревоживших покой мумий фараонов, стали сюжетами множества триллеров, голливудских блокбастеров и знакомы практически каждому. Но мало кто знает, что в Кабардино-Балкарии чуть более 240 лет назад, весной 1767 года, имели место аналогичные по своему сюжету события, однако, в отличие от египетских, основанных на домыслах и натяжках, подтвержденные солидной фактологической базой. Но начнем по порядку.

В 1996 году издательский центр «Эль-Фа», где авторы этих строк в то время работали, выпустил сборник документов «Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II». Сборник подготовил великий радетель адыгской истории, ученый, чей подвижнический труд (его многотомная «Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи с древнейших времен по 1917 год» не имеет аналогов в российской исторической науке) по достоинству так и не был оценен современниками, Р. У. Туганов. В первый из задуманных четырех томов вошли документы, охватившие период с 1763-го по 1774 год.

В процессе редакторской подготовки было обращено внимание составителя на отсутствие в рукописи некоторых сообщений (исходя из нумерации представленных рапортов), в частности, от кизлярского коменданта генерал-майора Н. А. Потапова. Рашад Умарович ответил, что это легко объяснимо – многие из имеющихся материалов все еще не выявлены, ждут своего исследователя.

В тот момент мы не знали, что один из пропущенных в нашем издании документов уже опубликован владикавказскими учеными, мало того, хотя и хранится в «Осетинских делах» Архива внешней политики России, но имеет самое прямое отношение к Кабарде. Речь идет о рапорте за номером 26, отправленном Николаем Потаповым 3 апреля 1767 года в Святейший синод. Имеющийся на нем гриф «По секрету», которым предварялись документы государственной важности (в частности, «О мерах приведения в покорность горских народов в

условиях войны с Турцией», «О защите владельцев Малой Кабарды от владельцев Большой Кабарды...» и т. д.), говорит сам за себя. Публикатор сборника «Русско-осетинские отношения в XVIII веке» (Орджоникидзе, 1984) профессор М. М. Блиев аннотировал его следующими словами: «...о найденном в Чегемском ущелье местными пастухами храме с золотыми и серебряными вещами, а также просьбе прислать Григория в Осетию».

Впрочем, лучше всего об этом расскажет сам документ. Так как он написан на старорусском, передадим его современным языком. Итак, «находящийся в Моздоке господин полковник Копытовской, присланный ко мне с рапортом от 28 февраля от посланного им в Большую Кабарду для сбора разведданных ротмистра Шейдякова, доносил, что от живущего в Кабарде армянина Хачатура и от прочих кабардинцев ему стало известно следующее. Один из жителей Чегемского ущелья (чегемцев) в трех верстах от места выпаса баранов нашел яму, а в ней двери. Войдя в них, он увидел сидящего престарелого мужа и девицу. Перед стариком лежала книга, которую он читал, а перед девицей – золотой таз, а в нем – золотое колечко, и сверх того множество золотых и серебряных вещей. Об этом он рассказал своим шестерым товарищам, и они к тем людям ходили и все золото и серебро, которое там было, забрали. А когда стали брать золотое кольцо, то девица будто сказала им, чтобы они оно не делали, ибо придет им через это гибель. Однако пастухи не послушались, забрали сокровища и отнесли в свою деревню. После чего по всей деревне в три ночи слышен был голос, вещавший, чтобы те, кто оное сокровище взял, принесли его обратно, иначе всем жителям будет беда. Чегемы сокровища в ту ямину отнесли, но оных людей уже не увидели.

А на четвертую ночь все пастухи и члены их семей умерли, после чего и другие жители деревни умирать начали. Почему мной в Большую Кабарду был послан с Особой комиссией ротмистр Киреев с предписанием разведать, отчего у чегемских жителей необычная смерть приключилась.

Киреев в своем рапорте сообщил, что владелец Касай Атажукин и чегемский житель Барак Бештов поведали ему, что зараза была у них в осеннее время по причине того, что чегемские пастухи пасли в горах овец, один из них нечаянно оступился и провалился под землю, где усмотрел выкладную каменную хоромину. Когда он зашел в нее, то увидел множество казны, несколько крестов золотых и

серебряных и два лежащих нетленных тела: мужское в монашеском одеянии и женское, по-видимому, девичье. Пастух рассказал об этом своим товарищам, которые сходили в то место, немало казны и прочих вещей взяли, а напоследок, когда стали с руки девичьей снимать перстень, то услышали необычайный голос, запрещающий им брать сокровища. Однако они не послушались его, взяли, что им надобно было, принесли в свои дома, после чего вскорости один за другим все до последнего с женами и детьми умерли, а всего через два месяца двадцать душ преставились. Чего убоялись прочие жители, взятые вещи в ту же палату вернули, по своему закону чинили богомолие, зараза в ту же осень утихла, и ныне обстоит благополучно. Но так как это вторичное подтверждение заслуживает еще большего внимания, мною господину полковнику Копытовскому велено дьячка при Осетинской комиссии, Петра Давыдова, бывавшего в тех местах, под каким-нибудь видом послать в чегемские жилища осмотреть то место, где тела были найдены, разведать и, не касаясь ни до чего, возвратиться».

Далее в рапорте Николая Потапова содержится просьба срочно прислать ему в помощь опытного миссионера – грузинского игумена Григория, который в Осетинской духовной комиссии занимался обучением грамоте детей осетинских и киштинских (ингушских) старшин, но в настоящее время находится в Москве «для принесения святым мощам должного поклонения». Но если отлучка игумена Григория продлится долго, сетует кизлярский комендант, то возложенная «на него Императорским Величеством из Государственной коллегии иностранных дел указом секретная работа остановиться может». Николай Потапов просит Святейший Правительствующий синод учесть «вышеописанные обстоятельства» и игумена Григория «безудержно из Москвы отправить сюда».

Москва отреагировала весьма оперативно. В мае был издан Указ Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской из Святейшего синода Коллегии иностранных дел, опубликованный в цитируемом нами сборнике за № 28. Датирован он 25 мая и подписан обер-секретарем Михайло Остолоповым и канцеляристом Алексеем Древским. В преамбуле раскрывается суть рапорта коменданта Потапова и содержащихся в нем представлений полковника Копытовского и ротмистра Шейдякова, а также просьба отправить в Кизляр «искуснейшего и совершенно сведущего в тамошних делах» игумена Григория.

Сообщается, что Григорий 20 мая был вызван в канцелярию Святейшего синода, где, судя по всему (в документе об этом прямо не говорится), ему было предложено выехать на Кавказ, чтобы разобраться с «найденными в землянке человеческими нетленными телами». Имеется в документе и постановляющая часть: «С оного присланного Святейшему синоду от генерал-майора господина Потапова рапорта снять точную копию и для рассмотрения послать оную в Коллегию иностранных дел».

К слову говоря, документ этот, сотворенный, напомним, почти четверть тысячелетия назад, написан столь махровым бюрократическим языком, что до его конечного смысла добраться совсем непросто. Вот откуда, оказывается, берут начало канцеляризмы, и поныне столь вольготно чувствующие себя на просторах «великого и могучего».

Уместно будет уточнить, что Синод – высший коллегиальный орган Русской православной церкви, являвшийся частью общегосударственного управления и занимавшийся среди прочих обязанностей распространением христианства. Как писал профессор, доктор исторических наук В. Виноградов, «подоплека интереса не скрывалась: в те годы так называемая осетинская духовная миссия по заданию российского правительства разворачивала деятельную пропаганду христианства среди горцев Центрального Кавказа. И факт обнаружения христианских древностей и «святых мощей» (нетленные тела), которые покарали святотатцев, нарушивших их покой, представлялся крайне заманчивым для миссионерской пропаганды... Церковники хотели полностью использовать в своих интересах подвернувшийся шанс»¹.

С помощью кабардинского князя Нитча и чегемских старшин А. Тузову удалось подняться на ту гору, где он увидел сундук сосновый и ему «показывали восемь книг, писанных краской и чернилами на пергаменте и на бумаге, величиной в десть, в полдесть и в четверть. Тут же, вынув из сундука, показывали дьяконский оларь кутняной ветхий. И из того сундука книги вынимали, сняв шапки, с великим благоговением и страхом. И, кроме христиан, к тем книгам никого, а паче мухамедан, отнюдь не допускают».

...О христианских памятниках, расположенных в Чегемском ущелье, написано много. В обобщенном виде этот материал представлен в работе выдающегося кавказоведа Леонида Лаврова «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века», вошедшей во второй выпуск «Балкария: страницы истории», опубликованный нашим издательством в 2005 году.

Из него узнаем, что «по сообщению И. А. Гюльденштедта, около селения Верхний Чегем стоит одна каменная церковь, имеющая в длину 3 сажени... П.-С. Паллас, говоря о балкарцах, замечает, что «они были христианами и имеют у себя церкви, среди которых особенно замечательна одна на Чегеме. Она расположена на скале, в которой вырублен витиеватый проход, снабженный с обеих сторон железными перилами. Здесь еще сохраняются остатки книг. Несколько листов из них, добытые оттуда со многими опасностями, оказались: один лист — из Евангелия на древнегреческом языке, другие — из [других] греческих церковных книг».

Г. Ю. Клапрот пишет, что «во время моего пребывания на Кавказе я имел случай доставить себе несколько отрывков: одни принадлежали греческому Евангелию, другие — служебнику и составляли часть службы ноября месяца; у меня хранятся семь листов. По письму рукопись относится ко второй половине XV века и преисполнена ошибок».

В 1867 году Нарышкину сообщили в Нальчике, что «во время управления бывшего тут начальником князя Эристова были найдены в Чегемском ущелье старинные книги и вещи и что все это было взято князем Эристовым».

В. Ф. Миллер в 1883 году слышал народное предание, которое гласило, что близ Чегема, на горе, в пещерах был когда-то склад христианских книг. У подножия горы сохранились следы прилепленных к скале построек, фундаментов, ниш, стен и т. п., а выше по горе идет искусственный, укрепленный камнями из извести карниз. Эта тропинка ведет к пещере, в которой будто бы были найдены книги...

И вот какой вывод делает, исходя из имеющихся источников, Леонид Лавров: «Таким образом, в районе Верхнего Чегема существовали небольшие церкви. Кроме них, в пещере, на левом берегу реки Джилги, находился склад богослужебных книг и других церковных предметов. К пещере вела высеченная в скале лестница, остатки которой до сих пор видны. Надо думать, что использование пещеры для хранения книг относилось к более позднему времени, чем постройка церквей около селения Верхний Чегем. Перенос «священных» предметов из церквей в пещеру, по всей вероятности, произошел тогда, когда, в силу сложившейся политической обстановки, построенные до этого церкви оказались перед возможностью разграбления».

Современный ученый В. А. Кузнецов убежден, что в районе Верхнего Чегема находилась не просто церковь, а знаменитая епископия Кавказия — подразделение Аланской епархии, о которой име-

ются сведения в акте Константинопольской патриархии 1364 года (см. подробнее об этом в третьей части нынешней книги, в приложении к материалу «Калеж, осененный крестами»).

Следовательно, сокровища действительно были. Но неужели и спустя несколько столетий, то есть в 1767 году, кто-то из греческих миссионеров оставался жив? Конечно, это маловероятно, но тем не менее обратите внимание: из сообщения явствует, что речь шла о живых людях, находящихся в склепе — сидящем старике, читающем книгу, и девице, предрекшей похитителям гибель.

В последующем, правда, речь идет уже о нетленных телах, то есть мощах. Но голос-то, запретивший выносить сокровища, пастухи слышали! Чей он был? Кто предупреждал похитителей о грозящей им гибели? Если бы речь шла о событиях, имевших место какое-то время назад, то наличие такого предупреждения можно было бы отнести к людской фантазии, основанной на постигших чегемцев бедах. Но ведь все, знавшие про эту историю, были опрошены, так сказать, по свежим следам, когда флер народной молвы еще не успел скрыть происшедшее туманом выдуманных напластований. Мистика да и только...

Вероятнее всего, что пророчествующий голос — элемент привнесенный. А вот постигшая расхитителей гробницы гибель вполне объяснима. Скорее всего хранители христианских сокровищ, находившиеся в погребальном склепе (а речь идет, конечно, о нем), умерли от чумы, черной смерти, как ее называли, чьи микробы, как известно, могут сохранять свои свойства столетиями.

В истории Кавказа известно немало эпидемий, унесших в могилу целые поселения, тысячи и тысячи жителей; чума вносила свои весомые коррективы в войны. На Кавказе даже существовало поверье, как писал профессор Сорокин в газете «Кавказ» (1886. № 146), «будто чума приходит каждые 7 лет и что перед ее появлением можно встретить двух всадников. Один одет в красную, другой в черную одежду. Они входят в дом и палками обозначают людей и животных, исписывая тело невидимыми знаками. Кого коснется черный — тот обречен на смерть, красный — выздоровление»².

Известно, что заболевшие жители ущелий, дабы не заразить своих соплеменников, уходили высоко в горы, в пещеры, и умирали там. В начале прошлого века по России были широко распространены открытки, на которых некий весьма бравый молодой человек запечатлен рядом с мумиями, прислоненными к стенке могильника. Снимки

эти (они воспроизведены в альбомах нашего издательства «Балкария: время и лица») были сделаны в так называемом Городе мертвых, находящемся за селением Верхняя Балкария, которое, как известно, связано с Верхним Чегемом перевалом. Что с тем молодым стало впоследствии, нам не ведомо, но известно другое – потревожившие покой мертвых покидают наш мир достаточно быстро, и не только чума способствует этому.

А вот как описывает посещение одного из таких склепов выдающийся писатель Константин Чхеидзе, автор книги «Страна Прометея»: «Я нагнулся, посмотрел, и во тьме пещеры ничего не увидел. Чтобы пробраться внутрь, надо было влезть, как в спальный мешок.

Внутри пещеры, когда глаза привыкли к скудному свету, я увидел десятка два скелетов, частью разрушенных, частью сохранившихся. Некоторые из них находились в наклонном положении, полуприслоненные к стене; некоторые сидели, некоторые лежали. Там и сям валялись почти совершенно истлевшие куски тканей. В одном углу собраны были глиняные кувшины, большие и маленькие, целые и разбитые. Вокруг бедер у некоторых скелетов висели пояса. Кожаные кавказские пояса с серебряной насечкой. На полу лежали кинжалы, шашки, старинные пистолеты, женские украшения, почти разъеденный кумган (металлический кувшин) и множество монет... Я взял шашку. Она походила скорее на меч, ее кривизна была слишком мала сравнительно с современной. Но как только я ее взял, истлевшее дерево рукоятки рассыпалось прахом. Из моих рук посыпалась пыль...

...По дороге я расспрашивал Абдуллу о происхождении этих обших могил. По его словам, сохранилось предание, что «много, много лет тому назад...».

– А сколько именно лет? – заинтересовался я.

– Здесь был один ученый, он говорил, лет триста или пятьсот... Так вот, тогда посетила наши места моровая язва. Не успевали хоронить, да и опасно было совершать все обряды. Тогда приходилось делать общие могилы...»³

Напомним, что побывал Константин Чхеидзе в склепе в 1916 году.

К сожалению, документального продолжения чегемской истории мы так и не нашли, хотя и просмотрели великое множество документов по интересующей теме. Простудировали пятитомное «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование го-

сударыни императрицы Екатерины Второй», а также «Книгу именных высочайших указов Синоду 1767 г.», «Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.», целый ряд других изданий. Имя кизлярского коменданта Потапова на их страницах упоминается довольно часто, как и сообщения о событиях в Большой и Малой Кабарде. Встречается и имя игумена Григория, прежде всего в Указе № 354 от 8 июня 1767 года «Об устройении дел в Осетинской комиссии». Но о самих реликвиях и их судьбе – ни слова.

Возникает вопрос, что же стало с немалыми драгоценностями – золотым тазом, колечком, прочими вещами из золота и серебра, которые пастухи вернули в склеп? Можно предположить, что сокровища трогать поостереглись, опасаясь смертельных последствий. Да и огласка у этого дела была столь великой, что если бы драгоценности изъяли, об этом наверняка остались документальные свидетельства. Их нет, а значит, весьма вероятно, что в одном из скрытых под землей могильников, что в районе Верхнего Чегема, до сих пор охраняют священные реликвии мумии старца и девушки. Кого следующего настигнет их гнев, если вход в склеп будет-таки найден? И зазвучит ли при этом необычный голос, предупреждающий о каре?..

История эта имела продолжение, вернее, целых два. Во-первых, она заинтересовала газету «Московский комсомолец», которая прислала репортера, разразившегося удивительным материалом «Мумии извращаются»⁴. Редакция действительно «поизвращалась» всласть – один из авторов этих строк, великодушно названный «сталкером», с удивлением прочитал, как именно он поведал журналистке, что «в больших склепах погребали богатых господ, а в маленьких – простолюдинов»; что местный житель, говоря об обитателях гробниц, апеллирует к трагедиям Шекспира, ничтоже сумняшеся называя погребенных «Йориками»; что «в гробницах находили старинные Библии и предметы православного культа»; что «склепы строили во время эпидемии чумы – заболевшие уходили сюда умирать, чтобы не заразить близких».

И еще один пассаж, окончательно потрясший наше воображение – оказывается (со слов опять-таки «сталкера»), «один краевед фотографировал эти места с высоты птичьего полета, и захваченный им из дома металлоискатель отчаянно пищал даже на таком огромном расстоянии». Как это могло быть (внутри вертолета, сделанного из металла, на который и реагирует детектор!), репортер могла не

знать (блондинка, что с нее взять), но готовящий материал к выпуску редактор, но дежурная бригада... Воистину не то что железяка, сам отчаянно запищишь...

А о втором продолжении этой истории, имевшем на самом деле место быть, вы узнаете из материала «В поисках высокогорного склепа», публикуемого в третьей книге этого издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградов В.* Тайна Чегемского ущелья // Кабардино-Балкарская правда. 1987. 28 янв.

² Цит. по: История медицины Кабардинского округа. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2005. С. 177.

³ *Чхеидзе К.* Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 62–69.

⁴ Московский комсомолец. 2007. 13 апр.

ДРУГ ПО ИМЕНИ ПАЛЕСТИНА

Если, выезжая из турбазы «Долина нарзанов», свернуть влево, то окажешься в местечке, которое называется Мушт. Это и одноименное урочище, и небольшая речка Мушта, и поселок, существовавший здесь перед войной. Поселение крошечное – несколько домиков, контора да магазин, но в архивных документах упоминаемое куда чаще, чем другие. Еще бы – поселок ведь старательский, здесь добывали – и довольно успешно – золото. Многие тонны породы перемыли старатели, попадались им и приличные самородки, а уж золотой песок сдавали килограммами. Малка в те годы проходила по геологическим сводкам как солидное золотосодержащее месторождение, притягивающее, как и все прииски, не только работяг, но и авантюристов, бродяг, грабителей с большой дороги.

Рассказывают, что последнее золото здесь намыли как раз в конце июня 1941 года, но железный ящичек, весьма, кстати говоря, тяжелый, до Нальчика так и не довели: сопровождающие ценный груз попали в засаду, были расстреляны, а золото исчезло. И как ни старались энкавэдэшники, допрашивая рабочих с пристрастием, перерыв, в прямом смысле, всю землю в месте нападения, но безуспешно – виновные так и не были найдены, а железный ящичек как сквозь землю провалился.

Ходили слухи, что в грабеже был замешан кое-кто из старателей и будто бы драгметалл, желая переждать, пока стихнет первый шум и золото можно будет вывезти за пределы республики, спрятали где-то поблизости – благо в этих местах пещер и укромных мест предостаточно. Но власть искала грабителей достаточно долго, посадила многих – весьма возможно, и виноватых, к тому же война подбиралась все ближе и ближе, пришли немцы... И следы золота затерялись окончательно. Воспользовались ли им, ждет ли оно своего часа, закопанное в землю, – одному Богу известно...

Эту историю, подтверждение которой имеется в ведомственных архивах, рассказала нам Татьяна Дмитриевна Полякова, старожил

этих мест, личность на редкость колоритная. Сегодня ей около восьмидесяти, практически вся ее жизнь прошла в Муште. Здесь в тридцатых годах прошлого века поселились ее родители, отец оставался и во время оккупации, а она с матерью, взяв два мешка картошки, пережидала в Курсавке Ставропольского края. Вернувшись, наладила личную жизнь – вышла замуж, родила детей... Роды, кстати говоря, принимал муж – транспорта добраться до больницы не нашлось.

Жили тяжело, но дружно: работали с утра до вечера, держали кабана, коров. Муж ловил рыбу, коптил форель, в зимнее время плотничал, что позволило приобрести квартиру в Кисловодске. Но уж очень быстро ушел из жизни. В 35 лет она осталась одна с детьми. Первое время с наступлением холодов уезжала в город, но с приходом тепла обязательно возвращалась. Привыкла, прикипела к этому месту, где похоронены ее родные и близкие, теперь живет здесь постоянно. Часто навещают дети, помогают чем могут...

Что такое Мушт сегодня? Это пара-другая неказистых домиков, в которых летом живут пчеловоды, отсутствие элементарных удобств, начиная от света и кончая водой из речки, натуральное хозяйство, где хлеб из привозной муки, а вся остальная еда с подворья: молоко – от коровы, яйца – от кур... Летом еще терпимо: функционирует детская турбаза, можно, если что, обратиться за помощью. Зимой, а случались годы, когда Татьяна Дмитриевна оставалась в Муште абсолютно одна, надеяться и ждать помощи не от кого.

С одиночеством смирилась, принимает его за наказание господне. Как и все женщины, многого боится, а поэтому, чуть стемнеет, запирается она в своем домике. Убежище на редкость ненадежное – хлипкая дверь вывалится от первого же удара ногой. Но бог миловал – люди не обижали и звери стороной обходили. Одно время следы медвежьи около дома чуть ли не каждое утро находила – медведи ходят вокруг, мычат, словно жалуются на что-то.

Но куда больше ее беспокоит не привычный и весьма добродушный медведь, а другое создание. И не человек и не животное – лесной житель. Этому дикому Татьяна Дмитриевна даже дала имя, причем весьма необычное – *Палестина*. Почему так, ответить затрудняется: то ли книжку какую божескую читала, то ли слово по душе пришлось – мягкое, спокойное, но как повелось с первого раза, так и приклеилось. Была как-то на первом ключе – всего их на речке Мушта с добрый десяток – и вдруг услышала звук необычный: словно человек в ладоши громко хлопает. Но откуда здесь людям взяться,

если никто через поселок не проходил, а звуков похожих от зверей она никогда не слышала...

Стала замечать, что на деревьях пучки травы кто-то раскладывает для просушки, мало того, когда та высохнет, забирает ее и на только сорванную, совсем свежую, заменяет.

Как-то решила она узнать, откуда Мушта берет свое начало. В дорогу с раннего утра собралась: путь вдоль речки, без тропок, по буреломам да откосам, неблизкий – километров двадцать, не меньше. Шла-шла и у четвертого ключа вдруг следы увидела – да преогромные, чуть ли не в два человеческих, ступня босая, с вмятинами от пальцев. Неожиданно звуки непонятные раздались, чем-то на сигналы радио похожие, что-то вроде «пи-пи-пи», но не звонкое, а более грубое, басовитое, словно обиженное. Еще подумала: «Откуда здесь радио взялось?».

А тут собачка, которая ее сопровождала, тихо взвизгнула и молниеносно под корягу забилась, только нос и торчит. Обернулась Татьяна Дмитриевна в ту сторону, откуда звуки доносились, и не увидела, скорее почувствовала, что из-за деревьев за нею кто-то внимательно наблюдает. Сама от себя такой смелости не ожидая, произнесла ласково: «Палестина». Но никто не отозвался, на полянку не вышел...

Испуг пришел только потом, но все обошлось. С тех пор она часто ощущала присутствие дикого человека: за смородиной пойдет, а он где-то рядом тихо-тихо бродит, потом даст о себе знать – в ладоши начнет хлопать, звуки, те, что на радиосигналы похожи, издавать. Поняла, что вреда он ей не причинит, но тем не менее далеко от дома не уходит.

О том, что дикий человек по-прежнему живет где-то поблизости, свидетельствовали и следы, что заметны каждую зиму на снегу – большие, размашистые, совсем не медвежьи. Года два назад приезжали на лошадях несколько любителей необычного, все расспрашивали, интересовались, искали местного алмасты. Он же, считает Татьяна Дмитриевна, догадался, что у людей по отношению к нему недобрые намерения, – ушел подальше. Как-то голос подал, да такой грубый, толстый, аж мурашки по телу побежали. А потом лошадь кто-то задрал – люди на медведя пеняли, но она-то знает, что это Палестина свое недовольство так проявил. Так ни с чем те гости и уехали.

Была Полякова и свидетелем вовсе необычного случая. Интересно, что связывает она его тоже с диким человеком. Как-то проснулась ночью оттого, что посветлело за окном. Взглянула и обомлела – вся гора, словно освещаемая ярким прожекторным светом, льющим

откуда-то с неба, как днем видна. Луч яркий и белый-белый на месте одном не стоял, перемещался, будто пытался найти кого-то. Почему-то Татьяна Дмитриевна уверена, что искали инопланетяне (в том, что это были именно они, женщина ни на минуту не сомневается) именно Палестину. Но нашли или нет — не знает...

А вот на месте, которое освещал таинственный луч, обнаружила она необычные блестящие баночки — то ли от еды, то ли еще от чего-то, а странность их была в том, что открывались они не наружу, а вовнутрь.

— Может, они его кормить прилетали, — говорит женщина и вопросительно смотрит на нас...

Последнее время дикий человек знать о себе дает нечасто. Все чаще волки беспокоят — воют тоскливо, жалуются на жизнь голодную, да рысь — по следам видно — к домику похаживает. Судя по всему, обитает где-то поблизости, в пещерке.

...Можно по-разному относиться к рассказу муштовской отшельницы, считать ее человеком, не осознающим, что она выдает выдумку за реалии. Только вот что ей от этой лжи — ни славы, ни денег. Другое дело, что эта малообразованная женщина, не прочитавшая ни одной книги о лесных людях, чье существование так и не подтверждено наукой, рассказывает такие детали, которые известны только специалистам, рассказывает так, что не возникает ни малейшего сомнения, что она была их свидетелем, слышала, видела...

Еще знаменитый Геродот писал о том, что на Кавказе обитают лесные люди, питающиеся дикими плодами деревьев и кустарников. Рассказывая о них, знаменитый греческий историк сообщал, что особой застенчивостью они не отличались, имея свободное совокупление, в то же время браки их были моногамными, то есть с одной женщиной мужчина жил до конца жизни. Впрочем, по Геродоту, пожилых среди лесных людей не было — старики своих они убивали.

Свидетельствами об антропоидах переполнен Интернет, изданы сотни книг, проведено великое множество экспедиций, найдены многочисленные следы, сделаны фотографии, некоторые из которых экспертами признаны подлинными, но живого пленника ученому миру пока так и не представлено.

Предания о диких людях, алмасты, как их еще называют кабардинцы, — неотъемлемая часть местного фольклора, причем в большей степени их надо рассматривать как быль, чья основа реальна и насыщена конкретными деталями. Арсен Бишенов, житель располо-

женного сравнительно неподалеку селения Каменномоетского, рассказывал нам, что, по словам его бабушки, женщина-алмасты одно время жила в их семье. В Герпегеже один из стариков видел, и не раз, лесного человека. Об этом вам расскажут и старики Кёнделена.

Так есть ли он или нет, этот неизвестный науке примат, приходящий к нам, по одной из фантастических версий, из параллельных миров и по этой причине способный мгновенно исчезать, становясь невидимым? Или эта досужая выдумка любителей острого и необычного? Не знаем... Но вполне разумная и отнюдь не склонная пофантазировать пожилая женщина с красным, обветренным, обожженным горным солнцем лицом, с руками — мозолистыми, натруженными, потемневшими от тяжелой работы, рассказывает, не задумываясь, не прягаясь, не подбирая слов, как о своем хорошем знакомом, близком соседе — лесном человеке, которому она дала имя, известное мировой истории тысячелетия, — Палестина. И кажется, что он, дикий и неразумный (а может, наоборот?), где-то совсем рядом, готовый подать голос, знак...

Вглядываемся в зелень Мушта, вслушиваемся в звонкую, протяжную тишину, и на мгновение кажется, что сквозь птичьи трели доносятся еще какие-то необычные и странные звуки...

Не ты ли это, таинственный и неуловимый Палестина?..

...О том, как энтузиастка из Франции искала в Кабардино-Балкарии «снежного человека», читатель узнает из материала «Жанна Кофман в поисках алмасты», публикуемом в третьей книге этого издания.

ПРИВИДИЕНИЕ ИЗ ДОЛИНЫ НАРЗАНОВ

По реке Харбас, через носящее такое же название плато, расчеченное в его средней части ущельем, из района Джилы-су можно спуститься к реке Хасаут и далее к турбазе «Долина нарзанов», построенной в форме старинного замка. Кстати говоря, на самой турбазе сейчас никто не живет, кроме... привидения (назовем его так). Сами мы его не видели, но впервые услышали о нем от скотника из Былыма Музафара Тебердиева, с которым познакомились в Джилы-су. Потом о своей встрече с привидением рассказал врач турбазы Арсен Мидов. Когда же и от третьего человека, чья фамилия, к сожалению, затерялась в блокнотах, мы услышали совершенно идентичный рассказ, то задумались: ведь что-то видели эти трое, никогда не встречавшиеся друг с другом.

В воспроизведении А. Мидова, как, впрочем, и других, привидение предстало перед ними не в человеческом облике, а в виде аморфной, зыбкой, растекающейся субстанции, безглазой, но чей пристальный взгляд ощущала, кажется, каждая клеточка тела, — субстанции, источающей холод и внушающей тревогу, перерастающую в ужас. Встреча врача с таинственным призраком произошла в половине второго ночи у источников, куда он пришел, чтобы набрать нарзана. Стоит ли говорить — выпуск адреналина был столь мощным, что домчался Арсен до своего домика за какие-то мгновения и нарзана расхотелось надолго.

Спустя год двое парней, узнав о местном привидении, решили сами удостовериться, что здесь правда, а что ложь. Они решили заночевать в «замке». Снаряжались долго — взяли матрасы, постельные принадлежности, даже запас воды. Вернулись на турбазу ночью — достаточно быстро и налегке: звуки, напоминающие потрескивание полов во время ходьбы, непонятные постукивания не настраивали на приятный сон. А когда ребята обнаружили на винтовой лестнице чьи-то влажные, словно человек только что ходил по воде, следы, весь исследовательский пыл и вовсе улетучился.

Чего в этой истории больше — правды или выдумки, сказать трудно. Но если в Англии существование привидений никто не отрицает, даже при продаже в стоимость старинных домов они включаются отдельной строкой, то почему бы и нам не поверить рассказанному.

Правда, не так давно, как свидетельствует одна из интернетовских публикаций, именно британские ученые поставили точку на вопросе существования призраков: «На самом деле, виной всему недостаточная образованность людей и их яркое воображение, — говорит руководитель исследования. — Стоит им увидеть нечто необъяснимое, как тут же включается воображение, и человек видит то, что хочет увидеть.

Большинство людей, заявляющих, что они видели призрака, наблюдали не что иное, как парящую в воздухе пыль, которая взаимодействовала со статическим электричеством. Визуально она может быть похожа на человеческий силуэт, далее подключается работа воображения.

Также за призраков часто принимают фосфор, поднимающийся из глубины земли. В ночное время он поднимается до двух метров над землей и имеет зеленоватый, светящийся оттенок. При малейшем порыве ветра он начинает движение — таким образом, человеку может показаться, что «призрак» преследовал его».

Можно ли с этой точки зрения объяснить то, чему немало людей были свидетелями в Долине нарзанов, сказать трудно. Ведь, напомним, наличие привидений людская молва практически всегда связывает с преступлением, с тем, что чья-то душа не может успокоиться.

Что же такое произошло на турбазе «Долина нарзанов», что ее таинственный обитатель облюбовал замок для своего присутствия в нашем мире? Мало того, совершает прогулки к нарзанам источникам.

Их, кстати говоря, здесь более десяти, и один на другой не похож. Вода бодрит, вливает энергию земли, короче говоря, живит.

Может, и привидение решило в момент встречи с ним врача подпитаться живыми соками земли?

КЁНДЕЛЕНОВСКИЙ ТЕЛЕОТКЛЮЧАТЕЛЬ

Один из кёнделеновских пастухов, большой любитель телевизионных сериалов, взял себе в привычку по вечерам возвращаться в селение, чтобы посмотреть очередную «мыльную оперу». Не смущали его ни многие километры, которые предстояло преодолеть пешком до дома, ни ежедневная обратная дорога: приходил тютелька в тютельку к началу фильма, сразу после его окончания ложился спать, чтобы утром ни свет ни заря уйти на пастбище. И все бы хорошо, да вот беда: как-то раз только он вошел в комнату, где стоял телевизор, а тот возьми и потухни. Светился себе экран, голоса звучали, а появился пастух, на стул присел – и все прекратилось, словно кто-то, безжалостный, телевизионный сигнал прервал.

Сколько по ящику ни стучали, антенный вход ни проверяли – бесполезно. Повздыхал пастух, да отдыхать пошел: пиджак старый снял, ложиться собрался, слышит: хозяйка кричит – телевизор заработал. В зал рванул – радости предела не было, почти ничего и не пропустил.

А на следующий вечер история один в один повторилась – только пастух к телевизору, тот в отключку. Вышел из зала в свою комнату, пиджак на стул повесил – хозяйкин радостный голос: заработал аппарат. Но когда и в очередной раз история сия повторилась, задумался пастух о некой странной закономерности происходящего.

Задумался, да и припомнил, что несколько дней назад на пастбище собака, роясь в заброшенной старой могиле, раскопала странный кругляшок, чем-то на крышечку от кофейной банки похожий, только чуть побольше. То, что не драгоценный, видно было сразу: с одной стороны желтоватый, словно из меди, с другой – серебристый: латунный ли, алюминиевый – трудно сказать. То, что в хозяйстве бесполезный, не менее ясно: почти плоский, вместо блюдца не используешь. Тем не менее ради любопытства пастух в той могиле и сам все-таки порылся, но ничего, кроме еще нескольких кругляшков, не нашел. Хотел их запустить подальше, да раздумал – в карман пиджа-

ка сунул и забыл. А вечером и случилась эта история с отключением.

Решил пастух проверить, в чем тут дело. Достал диск из кармана пиджака, к телевизору подошел — тот мгновенно потух. Вышел из комнаты — через несколько минут экран сам засветился. Еще раз повторил сельчанин процедуру — «крышечка» словно пульт работает, жаль, в этих целях не используешь ее — кнопок нет.

Что же это было такое? Из какого металла изготовлено? Для чего предназначено? И главное — кем, когда и где применялось? Не иных ли миров изделие? Ответов на эти и все последующие вопросы нет. Да и сама эта история больше напоминает байку, хотя в ней есть и конкретные участники, и реальные зрители.

О дальнейшей судьбе дисков известно немного: не придавая ценности своей удивительной находке, пастух отдал ее в чужие руки — ему обещали показать диски ученым в Москве, исследовать их. Были ли проведены эти исследования, где теперь диски — спросить не у кого...

СНЫ О ПРИШЕЛЬЦАХ

Свидетельств, что над «немецким аэродромом», что в Джилы-су, видели корабли инопланетян, более чем предостаточно, правда, подтверждением служит только воображение очевидцев, тем не менее этот фольклор каждый год подпитывается все новыми и новыми фактами. Особенно много подобной информации в Интернете. Вот одна из них: «В течение последних двух десятилетий XX столетия из этого региона (Приэльбрусье и район Кавказских Минеральных Вод) начали все чаще и чаще поступать новые сообщения о явлениях загадочных и непознанных. Не только над гигантом Эльбрусом, но и над горами помельче – Бештау, Машуком, Развалкой – все регулярнее стали наблюдать НЛО.

Специалисты, занимающиеся этим вопросом, считают, что на земле существуют особые районы и своеобразные каналы или окна для проникновения внеземного разума на нашу планету. Границы таких окон или коридоров за десятилетия исследования, а тем более при помощи мощной современной компьютерной техники, достаточно четко определены в США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Австралии, Бразилии и других странах, в том числе и в России.

Существуют также предпочтительные трассы, по направляющим которых (их обычно специалисты называют реперными метками) прибывают инопланетные корабли. Во многих случаях ими служат аномальные зоны, а среди них прежде всего – горные вершины. Именно с их помощью можно объяснить феномен концентрации НЛО в определенных точках земного шара. Навигация по реперным направляющим, по всей видимости, идет день и ночь.

«Мы не замечаем и не можем заметить многие явления, – полагает член Академий космонавтики и энергоинформационных наук Лев Мельников, – лишь потому, что эти районы удалены от населенных пунктов, так как это труднодоступные горные местности, а сами пролеты НЛО происходят преимущественно в ночное время».

Еще в феврале 1989 года большое число людей наблюдало множество светящихся объектов различной формы. Все трассы полетов

брали начало с Эльбруса. Над ним и возле него неоднократно видели пролеты и зависания неопознанных объектов. Хотя на вершинах двуглавого исполина за полвека побывали тысячи людей, на нем, по свидетельству местных горцев, еще немало мест, где не ступала нога человека.

«Найти базу космических пришельцев, — говорят они, — может, и не удастся, но присматриваться надо...»

...Это Интернет, а вот вам реалии. Достопримечательностью Джилы-су является весьма своеобразная личность — Михай (по жизни Михаил Васильевич Масюкевич). Невысокого роста, еще подвижный и бодрый, бывший когда-то неплохим футболистом, волею судьбы и обстоятельств, а самое главное — по причине известной русской горькой беды, нашедший кров у подошвы Эльбруса: он здесь летом, он здесь и зимой, когда добраться до источников практически невозможно. Мы пытались выведать у Михея, был ли он свидетелем каких-то необычных явлений или событий. И вот что интересно: Михай сразу замыкался, уходил в себя, всячески стараясь перевести разговор на что-то другое. И лишь раз, когда один из авторов этих строк стал рассказывать о своих нальчикских знакомых, которые, как оказалось, были хорошо известны и джилы-суйскому отшельнику, Михай разговорился. Ничего особенного он не сказал, но свидетельство его дорогого стоит. Видел Михай, как сверху опустился солнечный столб, идеально ровный, словно луч прожектора: в нем, ярко-сияющем, пронзительно-притягивающем, плавали неведомые создания, похожие на воздушные пылинки — мельтешили, сталкивались, опускались вниз и поднимались вверх, циркулируя между небом и землей.

Что это было, какое явление природы — нам не узнать, но там, чуть выше «немецкого аэродрома», где проложила свое русло застывшая лава (в ряде древних сказаний об Эльбрусе говорится, как о дымящейся горе, следовательно, люди были свидетелями его вулканической деятельности), в какой-то момент одному из авторов этих строк показалось, что столб, похожий на солнечный, извергнутый пронзительно-голубым небом, завис в какой-то полусотне метров от него. Здесь, среди хаотического нагромождения лавовых глыб самых разных размеров — от сантиметровых до многометровых, принявших на редкость удивительные формы и силуэты, достаточно малейшего воображения — и вот уже перед тобой абрис Пушкина, а вот блоковский, пастернаковский; застывшие лавовые потоки, практически ли-

шенные растительности, — прошлое земли воочию предстает перед тобой.

Поведший нас туда житель Былыма Исса Кудавев, натура поэтическая, хоть и чабан, предупредил, что на этом плато надо соблюдать определенную осторожность. Чего надо опасаться, он не сказал, но добавил:

— На плато лучше не расходиться в стороны, держаться рядом, так как пришедших сюда людей тянет в сон. Были случаи, люди засыпали и просыпались только к вечеру.

Улыбнувшись сказанному, мы смело слезли с лошадей и стали с трудом преодолевать лавовый поток, сохранившийся во всем своем великолепии. Наш спутник — известный кабардинский художник Руслан Црим — в какой-то момент присел на притягивающий яркой зеленью клочок земли, откинулся на спину и... мгновенно заснул. Последовав его примеру, один из авторов этих строк почувствовал, как нестерпимо хочется спать, зевота буквально разрывала рот. Стояла удивительная, абсолютно ничем не нарушаемая тишина. Даже ветер притих, словно нашел пристанище в укромных уголках причудливых нагромождений лавы.

Исса поторопил нас, сообщив, что пора возвращаться. Наверное, тому, что на этом плато, заполненном земной магмой, так тянет ко сну, есть вполне конкретные объяснения, но ведь так хотелось верить в чудесное и необычное. Верить именно здесь, у подножия горы, ставшей колыбелью древних цивилизаций. Именно здесь, где Гефестом по приказу Зевса был прикован Прометей, похитивший огонь для людей. Как писал во II веке до нашей эры Филострат Афинский, «об этой горе у варваров ходят те же предания, что и у эллинских поэтов, а именно: что к ней был прикован Прометей за свое человеколюбие... Вершина эта двуглавая, и говорят, что он был прикован руками к этим отрогам, между которыми не меньше стадия расстояние: так громаден будто бы был он. А птицу — орла, обитателя Кавказа, считают врагом, и гнезда, которые орлы устраивают на скалах, сжигают посредством огненосных стрел, ставят также и западни на них, объясняя все это мезтью за Прометея: до такой степени уверены они в справедливости предания».

СОШЕДШИЕ СО ЗВЕЗД

Есть в Джилы-су захоронения, в которых были найдены черепа – «необычно вытянутые, с огромными лбами». Как пишет пятигорский исследователь А. Асов, «в древних цивилизациях обладатели голов такой формы почитались не людьми, а чародеями и существами волшебными, «духами». На Кавказе их называли *альвинами*, или *алками*... О них говорили, как о сынах богов, сошедших со звезд...

В мире известно всего еще три места, где находили такие необычные черепа. В Археологическом музее города Лимы, столицы Перу, экспонируется несколько черепов... царей-жрецов народа кечуа. Это центр древней высочайшей цивилизации Тиауанако, которую относят к VI–VII векам нашей эры. В Древнем Египте подобные формы голов были у знаменитой семьи фараона Эхнатона, правившего в XIV веке до нашей эры. ...Подобные черепа были найдены недавно и на берегу Иртыша под Омском. Дату Омского захоронения отнесли к V веку нашей эры. И мы теперь можем сказать, что там, где правили «высоколобые», там и находились центры величайших древних цивилизаций».

Но далеко не все, сказанное пятигорчанином, соответствует действительности. Еще Гиппократ, знаменитый греческий врач, основоположник научной медицины, живший, как известно, в 460-м – ок. 377 года до нашей эры, в работе «О воздухе, водах и местностях» писал: «Я умолчу о тех народах, у которых отличия мало заметны, расскажу только о тех, которые представляют важные особенности, происходящие от природы или от обычаев. Прежде всего скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшей причиной удлиненной формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происшедшему оттого, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем: лишь только родится ребенок, пока еще кости его мягки, неотвердевшую его головку вправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие

которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насилует ее»¹.

В комментариях составителя сборника «Античные источники о Северном Кавказе» В. М. Аталикова говорится, что «обычай придания голове искусственно удлинённой формы подтверждается археологическими данными сарматских — на Средней Волге — и так называемых готских некрополей в Крыму».

Гиппократ дополняет софист Зенобий, живший в Риме во времена императора Адриана: «Сираки дают царский венец самомурослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову»².

Интересно, что Науруз Урусбиев, тот самый, о котором композитор С. И. Танеев рассказывал П. И. Чайковскому, по поводу этих самых деформированных черепов (их было найдено четыре) делал доклад на 28-м заседании отделов Антропологического и этнографического императорского общества любителей естествознания, состоявшемся в большой аудитории Политехнического музея.

В его сообщении (оно опубликовано в 1886 году), в частности, говорится: «Черепы эти найдены в двух различных местностях, именно: два из них около аула Урусбиево, а остальные два — в местечке Отлук-кала. Расстояние между ними не более 30–40 верст. Как аул Урусбиево, так и Отлук-кала находятся в Нагорной полосе (близ Эльбруса) Терской области, там, где живут горцы-татары, которых обыкновенно называют балкарцами»³.

Далее идет подробное описание захоронений, из которых были вынуты черепы, — они, кстати, разные: первые представляют из себя обычные могилы, вторые — подземные гробницы, сооруженные из камней и имеющие одно или два отверстия. Описание самих черепов в докладе Науруза Урусбиева отсутствует.

А вот что свидетельствует археолог Исмаил Мизиев: «В километрах восьми от впадения Хасаута в Малку, там, где ныне стоит ферма, прижатая к скалам, справа от дороги некогда было большое кладбище. Часть его состоит из грунтовых ям, обложенных каменными плитами, а часть — из подземных склепов. И те и другие на одном кладбище и относятся к одному и тому же времени, V–VII векам. В тех и других черепы были искусственно вытянуты — деформированы. У многих племен Приазовья, Поволжья и Северного Кавказа этот обряд деформации черепа еще в младенчестве существовал от

первых веков до седьмого века новой эры. На Кавказ он, конечно, привнесен, ибо до этого времени подобные черепа здесь неизвестны. Любопытно в связи с этим вспомнить, что у города Тырнауза в 1968 году удалось зафиксировать групповое захоронение в подземном склепе V–VI веков новой эры, где встречались черепа обычные и деформированные»⁴.

Кем они были, длинноголовые? Откуда появились в наших краях? На эти вопросы мы пока ответить не можем...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В. М. Аталиков. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 32.

² Там же. С. 123.

³ Цит. по: Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.: Избранное: В 2 т. Нальчик: Эльбрус, 1993. Т. 1. С. 83.

⁴ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 52–53.

КОНТАКТЕР ИЗ ХУШТО-СЫРТА

Места за селением Хушто-Сырт, что в Чегемском ущелье, на редкость живописны, особенно в летнее время – луговые поляны, расположенные террасами, сменяют одна другую: есть столь удивительно ровные, словно предназначенные для посадки... космических кораблей. И не случайно именно здесь один наш общий знакомый, нальчанин В. П. Кострыкин, контактировал с... инопланетянами. А было, как рассказывал сам Виктор Петрович, это так: «Я всегда интересовался звездными явлениями. Заметил, что очень часто над Нальчиком пролетают неизвестные объекты. Что это – спутники, кометы? Хотелось выяснить. Стал наносить их маршруты на карту. Нашел закономерность. Оказалось, что над Главным Кавказским хребтом и перпендикулярно ему над Нальчиком проходят интенсивные маршруты. И почти параллельно нальчикскому шли маршруты в Приэльбрусье... Для наблюдений я выезжал в горы. Однажды, в ночь с 6-го на 7 июля 1968 года, я поехал в Хушто-Сырт, где наблюдается высокая интенсивность НЛО... В 3 часа ночи мне показалось, что рядом упал метеорит. Такое свечение яркое было, потом погасло и за косогором опять возникло. Вскоре рядом с копной, на которой я сидел, появилось какое-то существо. Я съехал с копны и побежал. Меня задержали, без всякой боли, внушением в мозг: «Остановись, мы не сделаем тебе ничего плохого». У меня выступил холодный пот. Я вернулся, взял свой рюкзак и направился к этому существу. Когда подошел, увидел за пригорком колоссальных размеров дисковый аппарат, метров в 100 диаметре, он весь светился. Существо предложило мне войти. Люк открылся, и я вошел. Внутри еще было 5 существ, все они выше моего роста, глаза раскосые, при разговоре губами не шевелили, казались мне одинаковыми. А прямо в мозг слышалась их речь. Контакт мой длился 3 часа...»¹.

Что подумали читающие эти строки, понятно. Во всяком случае, один из авторов, ранее имевший возможность общаться с Виктором Петровичем, покрутил пальцем у виска. Хотя, если быть честным, Кострыкин был личностью и без контакта с пришельцами весьма ори-

гинальной: с одной стороны, склонен к выдумкам и рассказам, с другой – проявлявший удивительные таланты. Так, он предсказывал погоду с такой точностью и на такой большой срок, что удостоился попасть на страницы книги Георгия Радова, известного советского публициста восьмидесятых годов прошлого века. Уместно сказать, что свои, кстати говоря, всегда сбывающиеся предсказания он тоже объяснял влиянием тех самых инопланетных существ. Но Радову об этом не говорил, справедливо полагая, что будет неправильно понят.

Естественно, никто из тех, с кем Виктор Петрович общался, ему не поверил. Доказательств он никаких не представил, разговоры о том, будто ему сделали полостную операцию да еще без наличия шрама, вызвали еще больший поток шуток. Да и время было такое – инопланетные контакты не приветствовались, ибо противоречили идеологическим установкам руководящей и направляющей, а считавшие себя контактерами были первыми претендентами на помещение в психушки, где жильцов в эти годы хватало. Одним словом, Кострыкин замолчал и лишь в перестроечные годы стал давать интервью и даже осуществлять экскурсии в Хушто-Сырт. В одной из таких поездок побывали и мы, вдоволь впоследствии поиздевавшись в газете как над нальчикским контактером, так и над его доморощенными адептами: «Ночь. Фары машин разрывают темноту ущелья. Тревожно и волнительно. Проезжаем Чегемские водопады. Еще несколько километров. Остановка. Площадка чуть выше дороги. Выходим. Народ разный – пожилые, молодые, мужчины, женщины. У некоторых в руках рамки из металлических стержней. Объясняют: вот Чертов Палец (скала, поднимающаяся над противоположным гребнем) – ориентир для инопланетян. Два огромных камня чуть пониже – опознавательные знаки, заряженные один положительно, другой – отрицательно. И рамки показывают это.

...Тишина. Лишь где-то далеко внизу шумит река. Вооружившись биноклями, подзорными трубами, рассматриваем окрестности. Никого. Ничего. И вдруг: «Виджу сущность!» – «Где?» – спрашиваю прерывающимся голосом. «Возле вас». Осматриваюсь, даже развожу по сторонам руки, неосознанно пытаюсь кого-то поймать. Воздух. «Смотрите внимательнее!» Уж куда дальше. Тщетно. «Вокруг вас свечение, вы светитесь. И другие тоже». Черт возьми, оказывается, уже засветился и, главное, ничего не почувствовал...»².

Одним словом, воз и маленькая тележка иронии и неверия, кстати говоря, вполне обоснованных. Хотя, как понимается сейчас,

дело-то было не в Кострыкине, а в тех, кто попытался поиметь с него определенного рода капитал. Но чудо – явление штучное и повторяться ой как не любит. Впоследствии Виктор Петрович побывал в Германии, где в 1990 году во Франкфурте-на-Майне проходила Международная конференция «Диалог со Вселенной» по проблемам внеземных цивилизаций. О нем писала известная летчица Марина Попович, но наше отношение к его контактам оставалось прежним, да и сегодня оно практически то же. Если бы...

Если бы не материалы той самой конференции, спустя многие годы случайно попавшие в наши руки, вернее маленькая ремарка, предваряющая рассказ Виктора Петровича: «Рассказ контактера, – говорится в ней, – является правдивым, так как его автор был проверен на детекторе лжи».

Если бы не позднее – где-то во втором часу ночи – возвращение из Чегемского ущелья и замеченные при подъезде к Хушто-Сырту непонятные блуждающие огоньки, которые мы, ничтоже сумняшеся, приняли за свет... фар. Только вот чьих? Какой смельчак, на каком крылатом джипе взлетел в темноте на плато?

Если бы не рассказы чабанов из Хушто-Сырта, опрошенных нами впоследствии специально и, как оказалось, бывших свидетелями непонятных явлений – яркого света на горах, где, по их предположениям, никого не должно было быть. Впрочем, даже если кто и был – свет-то не алый, как от костров, а белый, пронзающий, словно проекторный.

Может, поэтому едкая ирония петербургского уфолога Михаила Герштейна, посвятившего Кострыкину весьма злую заметку «Пепелац» в горах под Владикавказом»³, не находит у нас соответствующего отклика. Личность контактера Кострыкина действительно весьма неординарная – и в психиатрической больнице сидел, и о родственных связях по материнской линии с... Лениным сообщал, и контактов не один, а несколько имел... Все верно, но ведь можно перевести вопрос и в другую плоскость – а что если они, то бишь представители внеземного разума, таким вот людям, мягко говоря, «не от мира сего», и отдают предпочтение...

Сегодня Виктор Петрович в мире ином; никому доподлинно неизвестно (даже неподкупному детектору лжи), правдой ли был его рассказ, над которым он сам умылся слезами, или выдумкой, позволившей маленькому, незаметному человечку оказаться хоть на миг в центре человеческого внимания. Но каждый раз, когда мы проезжаем

Хушто-Сырт, невольно выглядываем из окон машины и смотрим на горы: а вдруг над ними вновь завис космический корабль пришельцев. Ведь здесь, в Чегемском ущелье, чудеса не просто возможны, они объективно закономерны. Не может такое одаренное Богом место обойтись без чудес!

К контактам В. П. Кострыкина мы еще вернемся на страницах этого издания, в его третьей книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пришельцы из других миров // Версия. Нальчик, 1990. 11–18 сент.

² Зин-Нар не выходит на связь // Версия. Нальчик, 1990. 18–25 сент.

³ НЛО попискивали и пахли навозом...: «Пепелац» в горах под Владикавказом // Комсомольская правда. 2006. 16–23 ноября.

ВИЗИТЫ ИНОПЛАНЕТЯН

Главный проспект Нальчика – улица, которая позволяет заглянуть в... свое прошлое. Авторы со всей серьезностью заверяют, что им известно, по крайней мере, два подобных места – у одного из фонарей дневного света с правой стороны от входа в Дом Правительства и у парапета здания универсама «Центральный» (бывшего «Детского мира»). Надо только суметь выбрать момент, настроиться на такое путешествие – и тогда весьма возможно, что случится невероятное.

Места эти указал нам человек, за которым прочно закрепилась кличка Дурик. Так относились и мы к нему, пока однажды не вслушались в его быструю, не всегда понятную скороговорку, и вдруг уловили в ней слова и понятия, которые он в силу своего ума и познаний слышать ну никак не мог. Его путешествия в свое прошлое казались фантазией больного ребенка – доброго, чистого, славного, но все-таки нездорового. Казались до тех пор, пока как-то январским вечером, в снегопад, уступая настойчивым просьбам своего спутника, с которым и идти рядом при дневном свете казалось стыдным, мы не очутились под тем волшебным фонарем. Оказалось, что надо было долго-долго смотреть на снежный танец в круге света от фонаря и вспоминать себя, того, каким ты был много лет назад. И все? И это все, что нужно для путешествия через годы?! Было жалко потраченного времени, себя – снежная влага проникла через ботинки; крепла мысль, что любить убогих людей нужно, но не до такой же степени...

И все-таки, уступая слезливым уговорам спутника, один из нас попытался поступить так, как ему предлагалось. Мельтешили, сталкивались друг с другом снежинки, падали на землю, а на смену им летели мириады им подобных. Движение это завораживало и усыпляло: так же падал снег год назад, десять, двадцать, тридцать лет... Вспомнилось, как в один из таких же вечеров один из нас шел именно здесь, по площади, шел вместе с отцом, шел за елочными игрушками, которые лежали на чердаке старого дома...

«Смотрите, смотрите туда!» – возглас чудика был так некстати, да и на что смотреть: по другой стороне проспекта медленно брели двое –

мужчина и мальчик. Обычные мужчина и мальчик. Но что-то такое до боли знакомое и родное увиделось в их фигурах, что неожиданно для самого себя один из нас в прямом смысле слова рванул через улицу. И лишь раз оглянулся, чтобы не попасть под машину...

А когда перебежал, вдруг осознал, что перед ним никого нет. Совершенно никого. Да и был ли кто? Осмотрелся по сторонам — ни справа, ни слева людей нет. И лишь черные следы на укутанном в белое покрывало асфальте быстро-быстро заносил снег. Четко видимые цепочки следов — больших и маленьких, обрывающихся неожиданно, словно те, кто их оставил, взмыли в небо...

Кстати говоря, со зданием Дома Правительства, где располагаются властные структуры Кабардино-Балкарии, у одного из авторов этих строк связано целых семь лет жизни, проведенных в кабинете на втором этаже в должности помощника Председателя Президиума Верховного Совета республики. Здесь продолжают работать близкие ему люди, в частности, большой патриот Нальчика, глубокий знаток его прошлого и настоящего, человек интернациональной закалки Аслан Бекулов, общение с которым тешит душу и поддерживает надежду, что не все так плохо в нашем мире.

Другой вопрос: в единственном мире или одном из многих?.. Дело в том, что именно отсюда же, с проспекта, многие из нальчан в октябре 1989-го и в марте 1990 года могли наблюдать... будущее. А откуда еще, как не из будущего могли прибывать к нам те неопознанные летающие объекты, о встречах с которыми сообщали все центральные газеты?

Вот что писал Али Казиханов, собственный корреспондент газеты «Известия» по Северному Кавказу, близкий товарищ авторов этих строк: «Диспетчеры пункта «Подход» Нальчикского авиаотряда в течение 23 минут наблюдали на экранах своих радарных установок неопознанный летающий объект. Видел НЛО, так сказать, живьем в то же время и экипаж вертолета Ми-2.

Рассказывают руководитель полетов аэропорта Нальчик Э. Арамисов и диспетчер М. Абилевич:

— В 10 часов 40 минут 7 марта на экране радара появился неопознанный объект. Почему мы обратили на него внимание? Цель от метеообразований имеет размытые формы, а эта выглядела «как отметка воздушного судна. Скорость ее равнялась 160–200 километрам в час, и летела она невысоко над землей. Мы решили поначалу, что это вертолет. Опросили все смежные пункты управления, выяснили, что никакого вертолета в этом квадрате нет и не может быть. Пока

наводили справки, в воздух поднялся вертолет отряда Ми-2 – для обычного учебно-тренировочного полета. Запросили экипажи, дав при этом азимут и место цели: не видят ли они визуально объект. Экипаж ответил утвердительно. Дальнейшее мы наблюдали на экранах радаров. Вертолет стал приближаться к НЛО. Когда между ними оставалось 6 километров, оба исчезли с экранов и не появлялись 18–20 секунд. Но радиосвязь с вертолетом не прерывалась ни на секунду. После того как на экранах опять появились объекты, мы увидели, и экипаж это подтвердил, что цель идет параллельно с машиной. Через какое-то время объект изменил курс и пошел на вертолет, который немедленно отвернул и пошел на базу. Кстати, как нам сообщили из служб ПВО, они также наблюдали неопознанный объект.

– По сообщению командира Ми-2 В. Сылки и штурмана летного отряда Н. Бортичука, – рассказывает замкомандира авиаотряда З. Мусаев, – летчики увидели сверкающий на ярком солнце объект и направили к нему вертолет. НЛО летел ниже, в приземной дымке. Когда вертолетчики стали приближаться, объект начал уходить от них, а затем внезапно развернулся и пошел на вертолет, как на таран, резко увеличиваясь в размерах. Диаметр он был приблизительно в три метра. Шаровидной формы. Сильно светящийся: скорее всего от солнца, лучи которого «били» сзади – справа от вертолета. В этот момент экипаж решил отвернуть, избежать столкновения и, развернувшись, пошел на посадку.

А вот рассказ штурмана Н. Бортичука:

– Погода в тот день была солнечной. Взяли предложенный с земли курс. Цель обнаружили сразу, хотя на земле было множество естественных бликов, которые исходят от озер, речек: объект сверкал ярче, каким-то ртутным блеском. Его высота была порядка 500 метров. Но, завидев нас, цель поднялась на нашу высоту (800 метров) и начала уходить от нас. Через несколько мгновений объект внезапно развернулся, и понесся на нас, лоб в лоб, с бешеной скоростью увеличиваясь в размерах. Видя такое, мы стали отворачивать, где-то под 90 градусов. Объект зеркально повторил наш маневр. Уходя на посадку, мы видели, что НЛО остановился и, повисев, возвратился в свое исходное положение.

Честно говоря, нам, наверное, повезло, что цель не отреагировала на нас отрицательно.

На что похож предмет? По ЦТ показывали недавно кадры, снятые японцами на Аляске. Так вот, наш объект – точная копия тех, что

мы видели на экранах телевизоров. И еще один штрих. Быть может, мне и показалось, но на теле шара четко различались концентрические круги, где-то около четырех-пяти штук.

Из рассказа диспетчера имярек:

— После того, как вертолет пошел на посадку, на экранах радаров мы наблюдали минуты три, как НЛО совершает полет по кругу в районе Нарткалы и Прохладного. Потом он внезапно исчез. У нас была возможность зафиксировать на фотографии курс и высоту объекта, но уж очень мы растерялись, о чем жалуемся.

В том же месяце жители столицы Дагестана, Махачкалы, наблюдали над пригородным селом Денинкент странный объект, а несколько человек даже видели вблизи, как НЛО опускалось на улицу села.

Вот что описывали потрясенные люди в газете «Дагестанская правда»: «Начало смеркаться, когда жительница поселка Зарипат Гаджиева, погостив у матери, засобиравалась домой. Вспомнив тот день (а было это 12 ноября), говорит:

— Знала бы, что ждет впереди, ни за что бы не пошла. Первое, на что обратила внимание, — свет. Улица, которая в это время утонула в темноте, была ярко освещена. Невидимые и неведомые где установленные прожекторы высвечивали каждое деревце и каждую дощечку в изгороди. От страха онемели ноги. Повернула голову в сторону гор: «О Боже!». На развилке дорог стоял непонятный аппарат. Ярко светящийся, он не был похож ни на что виденное раньше.

Помнит, с каким огромным трудом заставила себя зайти в дом, приказала детям не выходить во двор, на вопрос мужа, что случилось, ответила:

— Выйди, посмотри! — И пожалела о сказанном.

— Вышел я во двор и глазам не верю, — рассказывает Багаутдин Гаджиев. — Напротив, метрах в трехстах, стоит модуль. Создалось впечатление, что он или стоял на земле или парил на небольшой высоте. В каждом «окне» поочередно вспыхивал прожектор. Местность освещалась не только с моей стороны, но и по другую сторону объекта. Из этого делаю выводы, что имел он форму шара или эллипса. Пока не вспыхивал прожектор, свет в окнах был другого оттенка — темно-синий, матовый, тусклый. Думаю, что и с размерами не ошибусь: общая длина — метров двенадцать, каждое окно — два метра на один метр двадцать сантиметров. Постоял-постоял объект и начал передвигаться.

Я служил в армии, был ракетчиком, уверен, что это был материальный объект. К нему можно было подойти и постучать о стенку. Как

строитель скажу: то, что я видел, напоминало добротно построенный дом.

Так вот, объект передвигался. Легко, плавно, даже изящно. Иногда исчезал из поля видимости. Когда его уже долго не видел, решил: «Улетел». А вскоре заметил его уже в расщелине гор. Там, где у нас водохранилище. Это за пару километров отсюда. На этот раз его прожекторы освещали не местность, а небо, причем лихорадочно и нервно. Словно бы искали что-то. Рядом с ним, чуть выше, горели две крупные звезды. Объект постоял-постоял и исчез»¹.

Дополняет данную публикацию материал «НЛО: четвертая точка отсчета», опубликованный республиканской газетой «Версия»: «7 марта этого года в 10 часов 45 минут экипаж вертолета Нальчикского авиаотряда с бортовым номером 20597, совершавший тренировочный полет, получил указание диспетчера изменить курс. Через пять минут командир вертолета В. Сылка и старший штурман авиаотряда Н. Бортичук из пилотской кабины увидели обнаруженный ранее на экране локатора неопознанный летающий объект. Он парил на высоте около 600 метров над районом Черной речки, и при визуальном наблюдении с расстояния 5–6 километров представлял собой отливающий ртутью шар, размером с футбольный мяч. Это позволило определить его истинный диаметр в 3–4 метра.

Дальнейшее сближение стало небезопасным, так как НЛО принял угрожающий маневр. Вертолет развернулся, а в 11 часов НЛО исчез с экрана локатора.

...Увидев на экране локатора отметку НЛО, руководитель полетов Эдуард Арамисов направил в этот район вертолет не из праздного любопытства, а действуя в строгом соответствии с инструкцией. Дело в том, что точка над Чернореченским лесом, в которой засекли НЛО, является местом так называемого «четвертого разворота» — последнего разворота каждого заходящего на посадку в Нальчикский аэропорт самолета. А появление в этой зоне любого неизвестного летающего объекта — ЧП, чреватое нежелательными последствиями.

Вот почему Арамисов, пытаясь опознать неизвестный объект, немедленно связался с ПВО, откуда подтвердили наличие цели и сообщили, что военных в этом квадрате нет. Тот же результат дал запрос в диспетчерскую управления полетами Кавминводского района. Но отметка на экране локатора не исчезала, вызывая у руководителя полетов резонное беспокойство. И тогда он направил сюда вертолет.

На этом история не закончилась. Арамисов написал докладную записку об инциденте, адресуя ее в Ростов, в Службу безопасности полетов Северо-Кавказского управления ГА. А до получения дальнейших указаний «арестовал» магнитофонную пленку с многоканальной записью, зафиксировавшую переговоры с ПВО, вертолетами, диспетчерской в Минводах и несущую, кроме всего, индексы точного времени.

Прошла неделя. Ответа не было. Собственное расследование также не проводилось, несмотря на то, что через несколько дней НЛО над Нальчикским аэропортом среди бела дня наблюдали многие авиаторы. С пленки сняли арест и вновь использовали, стерев при этом старую запись, несшую ценную информацию.

По этому поводу В. Н. Задорожный, старший диспетчер-инспектор Службы безопасности полетов СКУ ГА, сообщил, что, хотя сам и допускает существование НЛО, но в работе руководствуется инструкцией. А в ней предусмотрены действия в случаях инцидента, ЧП, аварий, катастрофы. Но ничего нет об НЛО. И даже если НЛО пройдет в метре от самолета, расследования не будет. Оно начнется только тогда, когда на воздушном судне останется след от подобной встречи»².

И случай описанный выше далеко не «единственный. Первый произошел в октябре прошлого года. А в ноябре жители видели на протяжении почти недели странные светящиеся предметы, летавшие на огромной высоте, от которых исходили пучки света»³.

Так что, как видите, Нальчик на законных основаниях включен уфологами в число зон наиболее активного наблюдения НЛО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неделя. 1989. № 23.

² Казиханов А. Радары фиксируют НЛО? // Известия. 1990. 26 марта.

³ Казиханов А. НЛО в районе Нальчика // Известия. 1990. 2 апр.

ДРЕВНИЕ ХУДОЖНИКИ ТЫЗЫЛА

Сразу за селением Кёндеден начинается Тызыльское ущелье. Здесь множество поистине удивительных мест, изучение которых могло бы раскрыть немало тайн прошлого. Чего стоят одни наскальные рисунки, выполненные густой коричневой краской (охрой?). Вот как описывает их ученый Исмаил Мизиев: «На самом верху – круг, разделенный на четыре равные части. Ниже, чуть левее, всадник с луком, справа какое-то фантастическое животное. Немного поодаль от них, уже у стыка склона с отвесной скалой, на потолке небольшого навеса, высотой едва больше метра, нарисованы той же краской шеренгой выстроенные какие-то непонятные животные. Напоминают они фантастических «петушков»¹.

Мы давно мечтали воочию увидеть рисунки древних живописцев. Знали место их расположения, были уверены, что сможем добраться до скального карниза самостоятельно, тем более что до него от дороги, казалось, совсем близко – на глаз, какие-то две-три сотни метров; одолеть их можно за полчаса, час от силы. Но уже практически первые шаги показали: предстоит нелегкое и весьма опасное восхождение. Начиная от дороги, склон так круто уходит вверх, что взбираться по нему можно, только цепляясь за траву. Удовольствия от такого подъема немного, но главное – скорость увеличить весьма проблематично; и спустя время, отведенное нами на весь путь, мы оказались лишь под козырьком горы. Над этим своеобразным гротом – сырым, сочащимся, с ракушками, впаянными в каменные стены, отделяемым от внешнего мира узкой пеленой воды, спадающей с многометровой высоты, – и располагались интересующие нас рисунки. Чтобы добраться до них, надо было пойти вправо, пролезть через узкий, сантиметров 35–40, лаз в скале, уходящий отвесно вверх, что-то около двух метров, которые можно одолеть, если кто-то тебя подтягивает сверху. И дальше двигаться по сплошным зарослям мощных лопухов и жгучей крапивы, вымахавших выше человеческого роста.

Двоим из нас, наиболее худощавым, после ряда попыток сие удалось, а третий, в силу своей более широкой комплекции, застрял и в конце концов решил двинуться в обход, минуя лаз снизу. То, что ре-

шение было ошибочным, ясно стало практически сразу – лаз обойти удалось, но дорога наверх оказалась отрезана скальным выступом, да к тому же столь отвесным, что преодолеть его без альпинистского снаряжения не было никакой возможности. Оставалось идти вправо по отвесному козырьку, который, как оказалось, и не думал пропускать наверх. Уходя все дальше от цели, один из авторов этих строк в какой-то момент очутился над такой пропастью, что сердце усиленно запрыгало от открывшейся внизу бездны. Резкий, в большей степени неосознанный рывок вверх внезапно привел туда, откуда, как вскоре выяснилось, не было ходу ни вправо, ни влево, ни выше, ни, что удивительно, вниз.

Оказавшись в роли озверевшего попа Федора, оставалось перебирать возможные варианты спасения. Понятно, что пожарники, вызволившие неудачливого искателя двенадцати стульев, отпадали сразу – жаль, но лестниц, длиной в сотни метров, еще не изобрели. На дельтапланеристов, как подсказывала практика, рассчитывать не приходилось. На спутников, ушедших весьма далеко, – тоже: на жалобные призывы если уж не о помощи, то сочувствии никакого отклика не последовало. Оставалось вызволять себя самому. Впрочем, в те мгновения было отнюдь не до иронии. Особенно в момент, когда, нащупывая возможный спуск, начал потихоньку двигаться вниз и не заметил, что склон, внезапно закончившийся отвесным скальным выступом, продолжался лишь где-то метрами пятью-шестью ниже. Совершив невероятный кульбит через себя – ползучие травяные растения, облепившие спортивные штаны и так сковывавшие продвижение, самортизировали в какой-то мере падение, – покатился, подминая под себя шляпы лопухов и передергиваясь от крапивных ласк. До многометрового обрыва, под которым бурлила река, оставалось всего ничего, когда удалось зацепиться за торчащий острый камень. Видно, провидение было действительно на нашей стороне.

Честно говоря, после таких приключений не хотелось больше испытывать судьбу, тем более что и спутники, хоть и пошли единственно возможной дорогой, заплутали в лопухово-крапивных джунглях и также не смогли подняться на скальный козырек. Но сопровождавший нас в следующей поездке по Тызылу уроженец селения Кёнденен Аниуар Життеев, чья увлеченность историей, бережное, поистине сыновнее отношение к прошлому достойны всяческого уважения, убедил, что добраться до рисунков нам вполне по силам. Уже знакомая дорога до лаза, которую, следуя за проводником, мы одолели куда как быстрее.

Сам лаз, также достаточно просто покорившийся, и... отвесная, над глубокой пропастью, узкая тропка, выходящая по прилепившемуся козырьку, идти по которой можно только боком, прижавшись спиной к стене. И так с добрый десяток метров. А потом тропка просто обрывается и продолжается через метр или что-то около того. То есть, чтобы оказаться на другой стороне, надо поднатужиться и перепрыгнуть, забыв о глубине бездны, открывающейся внизу.

Здесь весь наш героизм вмиг куда-то улетучился, сменившись неистребимым желанием как можно скорее двинуться в обратный путь. Убеждения Аниуара, что потом будем жалеть, ведь осталось пройти каких-то 15–20 метров, что пережитое и увиденное сегодня останется в памяти навсегда, что это совсем не страшно – перешагнуть через пропасть, не находили отклика. И когда его рука, протянутая все это время в сторону одного из пишущих, готова была уже опуститься, вытянул свою и сам не заметил, как оказался по ту сторону козырька. Действительно, рисунки оказались совсем рядом. Вернее то, что от них осталось. За те тридцать лет, что прошли с момента, как их описал Исмаил Мизиев, многие из них практически слились с текстурой скалы, иные исчезли совсем, но несколько по-прежнему хорошо различимы. И это удивительно: столетиями выжигаемые солнцем, поливаемые дождевыми струями, выбиваемые колкой снежной крошкой, они являют миру взгляд художника прошлого. Почему он оставил свое послание потомкам именно здесь, в месте, столь не доступном для людей, так подверженном воздействию природных сил? Какими побеждающими время красками пользовался? Как, с помощью чего творил, ведь некоторые рисунки расположены на высоте от двух до трех метров над скальным выступом? Что, какие сведения, мысли, чувства хотел донести до нас? К сожалению, вслед за ученым остается констатировать, что «эти рисунки весьма загадочны, и мы вряд ли сможем понять их, потому что уж больно скудны подобные памятники в наших районах... относительно же времени этих рисунков говорить чрезвычайно сложно. Можно только полагать, что они относятся к эпохе Средневековья»². С последним можно поспорить.

Здесь, на многометровой высоте, на узком козырьке, прилепившемся посередине грандиозной скалы, прошлое так явственно и зримо открылось перед нами, что, казалось, где-то рядом, только посмотри внимательно (не под тем ли низким пещерного типа лазом?), притаилась невидимая дверь, ведущая через века в удивительный тоннель, позволяющий совершить путешествие во времени. Солнце

освещало желтое полотно скалы с разбежавшимися по нему фигурками неведомых животных, силуэтом всадника, и от этой композиции невозможно было оторвать взгляд, она притягивала и будоражила...

Из знаменитого отчета братьев Нарышкиных известно, что «в ущелье реки Гунделен, в 20 верстах приблизительно от впадения ее в Баксан, есть остатки старинных памятников, кладбище и развалины на самом берегу реки. Местность эта едва доступна пешеходам, ибо к ней ведут тропинки, давно размытые весенними водами и весьма опасные. Снизу видно на скале, спускающейся совершенно отвесно, отверстие вроде пещеры, которая заложена камнями или кирпичами. К этому месту ни снизу ни сверху нет никакого доступа»³.

Таких пещер, как описанная Нарышкиным, в Тызыльском ущелье несколько; до большинства из них действительно добраться очень и очень затруднительно. Знаем (правда, только со слов местных жителей), что в одной из них весь потолок исписан руническими надписями. Руны — как известно, символы древнейшего письма, во многом заимствованные из латинского алфавита и отражающие религиозные и памятные надписи. Одно из таких посланий запечатлено на каменной скале, что на противоположной стороне турбазы «Тызыл». О чем в нем говорится, нам неизвестно, хотя надпись, по имеющимся сведениям, опубликована в научном сборнике одной из европейских стран. Уже знакомый читателю Аниуар Життеев показал нам места, где река Кёнделен вымыла из своих берегов человеческие останки, керамические изделия, которые, вероятнее всего, принадлежат сарматам, жившим, как известно, примерно с III века до нашей эры до III века нашей эры. Останки мы присыпали землей, а кувшины перенесли в музей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 46.

² Там же. С. 46–47.

³ Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. Вып. 1. С. 21–22.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПТИЦА

...В Урды, хранящем тайну неизвестных науке наскальных рисунков, мы направились осенью – в середине октября. Надо сразу сказать, что добраться сюда можно только весной, пока не вымахала трава, или осенью, когда она уже полегла. Раньше в ущелье пасли скот, заготавливали сено, но вот уже более десятилетия здесь практически никто не бывает. Помимо Аниуара нас сопровождали еще двое жителей Кёнделена – Музафар и Кралби, добродушные, улыбчивые, заботливые и, само собой, выносливые. Выносливость и терпение – первое, что понадобится путешественникам, ибо дороги как таковой в ущелье нет. Кое-где еще сохранилось что-то вроде подобия узкой тропки, но в подавляющем большинстве мест она исчезла – заросла травой, деревьями, завалена буреломом, снесена частыми оползнями, своенравной речкой, много раз за это время менявшей свое русло. Так что приходится почти все время идти по краю речного берега, а где он непроходим – по воде, постоянно переходя с одной стороны на другую. Хорошо, если воды в речке мало, как в нашем случае, но и то сухим не остался никто. И если при первых переправах мы еще пытались найти более-менее мелководное место, чтобы не зачерпнуть воды в сапоги, то при последующих обращать на это внимание было просто некогда. Ведь таких переправ-переходов было не пять и даже не десять, а около сорока! Естественно, оставалось только снимать сапоги и выливать из них литры холодной воды, а если не хотел отстать, то идти, не обращая внимания на хлюпающую воду и невероятную тяжесть в ногах. Только теперь мы поняли, почему у одного из наших спутников сапоги были дырявыми. Вначале подумалось-посочувствовалось: «Как же он сможет идти?», а потом даже зависть определенная проснулась к такой обуви да желание появилось изрешетить свои. Да вот действительно останавливаться было нельзя – хоть и вышли мы достаточно рано, но предстояло пройти куда как более десяти километров по бездорожью, осыпям, кручам, кустарникам, чтобы успеть засветло вернуться домой. Ночью двигаться по ущелью невозможно: гляди не

гляди, расщелины, выемки между камнями не усмотришь и сломать ногу, а то и покалечиться — секундное дело.

Честно скажем, мы выдохлись уже где-то через пару часов: постоянные переходы с одного берега речки на другой, бесконечные подъемы и спуски, цепляющиеся за одежду кустарники и ветки деревьев, напряжение от вновь и вновь возникающих препятствий довольно быстро погасили наше желание постичь неизвестное, сделать — чем черт не шутит! — мировое открытие. К тому же день выдался на редкость сумрачным, серым, холодным. Урды — ущелье узкое, лесистое, влажность в нем повышенная, а солнце если и заглядывает, то не задерживается. Скалы то практически смыкаются, то немного расходятся, но ни о каких полянках речи не идет: косогоры да обрывы. Есть места, где невозможно подняться ни по одному из берегов — столь они отвесны и неприступны, ни по самой реке — вода стремительно мчит-ся между огромных валунов: почерневших, скользких, безжалостных к человеку. Хорошо, что наши спутники предвидели подобные трудности — захватили страховочные веревки, помогли обойти неприступные на первый взгляд препятствия.

Урды действительно одно из самых суровых ущелий Кабардино-Балкарии, но его недоступность позволила в первозданном виде сохранить величие дикой природы. На сгнивших пнях разместились колонии опят: не сходя с места, можно набрать полный рюкзак, да вот как его потом донести домой? Ведь руки постоянно должны быть свободными, чтобы вовремя ухватиться за ветки на опасных обрывах, а тело не напряжено излишним грузом, дабы вовремя перепрыгнуть через расщелины и поваленные деревья, то и дело преграждающие путь вперед.

А какой величины форель мы видели в речке! Черные, более чем полуметровые рыбины косяками ходят в недоступных для человека заводях — играют, резвятся, а то и выпрыгивают на поверхность воды. Зрелище потрясающе завораживающее!

Да и ружье — один из наших спутников его предусмотрительно захватил, — как мы убедились в дальнейшем, здесь будет нелишним: непуганый зверь, в частности рыси, то и дело дают знать о своем близком присутствии. Правда, оружие нам в тот день не понадобилось, но с ним было, право, как-то спокойнее.

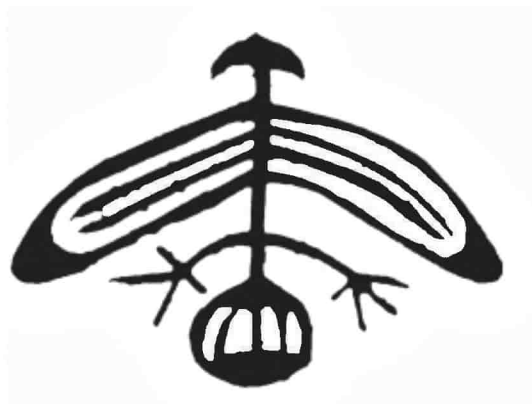
После примерно километров десяти ущелье начинает расширяться: с одной стороны (левой по течению) неприступные скалы буроватого цвета поднимаются чуть ли не на сотни метров, достаточно

отвесный склон, густо заросший травой, упирается в них, протянувшись также на сотню-другую метров. Где-то далеко внизу шумит речка, противоположный берег которой покрыт лесом, в основном высокогорным березняком. Но это еще далеко не конец ущелья — до него не километр и не два, а намного больше. Именно здесь расположены древние могильники, именно здесь на одной из скал и разместилась та самая галерея древних художников. К огромному сожалению, за последнее время она подверглась сокрушительному воздействию природных сил и от сырости, выветривания, отслаивания плиточника практически исчезла. Аниуар, побывавший здесь каких-то два десятка лет назад, был искренне расстроен увиденным — от доброй сотни рисунков сегодня не осталось и следа, а те, что еще видны, вряд ли сохранятся уже через пару-другую лет. Это тем более обидно, что рисунки эти неизвестны ученым, мало того, они никем не зафиксированы, не описаны, и, естественно, не атрибутированы, и именно сегодня впервые вводятся нами в научный и общественный оборот. А ведь есть среди них поистине удивительные — красной охрой на достаточно большой высоте нарисованы птица, человек... Интересно, что подобного изображения птицы мы не нашли в доступной нам искусствоведческой литературе. Поражает точная графическая схема пернатого существа, символизирующего небо. Такая познавательность предполагает наличие у художника высокого интеллекта, стремление передать другим людям какие-то важные сведения.

Силуэтный же человечек, изображенный рядом на скале, похоже, был частью какой-то сценки. Такие наскальные рисунки, писаницы, как их называют ученые, характерны для эпохи неолита, нового каменного века, когда совершался переход к земледелию и скотоводству, когда уже появилась глиняная посуда, а орудия из камня сверлились и шлифовались. Можно только предполагать, какие сведения о той эпохе мы могли бы почерпнуть из утраченных изображений. Но и сама птица полна странной силы, выразительности и притягательности, какого-то намека на зашифрованную, ведомую только ее создателю, тайну. Вглядитесь в нее — сразу возникает великое множество ассоциаций!

Само место это, окаймленное скалами с одной стороны и лесистыми горами — с другой, с виднеющимися в отдалении травянистыми склонами, напоминает обжитой дом, хотя, как мы говорили выше, в последние годы люди здесь бывают очень и очень редко.

Прозрачная речка и лесок в ложине, обширный подскальный нагревающийся солнцем склон — отличное место для жилья. И люди здесь жили, и не столетия, а, вероятнее всего, несколько тысяч лет назад, если отталкиваться от датировки наскальных рисунков. Только вот какой осколок древней цивилизации они представляли? Хочется верить, что когда-нибудь мы сможем получить доказательный ответ на этот вопрос...

ДВЕРЬ, ВЕДУЩАЯ В ИНОМИР

Через год мы вновь, и опять в октябре, побывали в Урды, но добились до галереи древних художников с противоположной стороны. По дороге, идущей от селения Былым, мимо хвостохранилищ Тырныаузского горно-металлургического комбината и далее по горной «одноколейке» — петляющей из стороны в сторону, круто взбирающейся вверх, резко уходящей вниз, но весьма наезженной. О чем говорит тот факт, что обратно мы возвращались в полнейшей темноте, ехали при свете фар, но за два часа таки одолели почти двадцатикилометровый горный серпантин.

В этих местах природа не поскупилась на красоту — ущелье Джуэрген, гора Гижгит, открывающийся по левую сторону Эльбрус притягивают взгляд, а от массива Тещины Зубы, что протянулся справа от дороги, так его и вовсе оторвать невозможно: рваные пики, так и не приглаженные ветрами, дождями и снегами, а оттого яркие — кремовые, бордовые, снежно-белые, практически не знакомые с зеленью, сменяются, словно выстроившиеся в шеренгу стражи, один другим. Вот и конечный пункт нашего маршрута — чабанский кош, за которым дороги нет. И не только для транспорта. То, что нам вначале показалось натопанной человеком тропинкой, оказалось одной из многочисленных овечьих и коровьих тропок, идущих по склону горы практически на всем его протяжении сверху донизу: узких — вдвоем не развернешься, бугристых — то нога утопает в колее чуть ли не по колено, то балансирует над отвесным склоном, круто уходящим вниз.

Не движение, а мучение: идешь долго, проходишь мало. Один склон сменяется другим, следующий — очередным. Ноги вязнут в сером песке, скользят по тончайшему слою осыпающегося от первого прикосновения чернозема, минуты перетекают в часы, а гора, к которой мы направляемся, как была впереди, так там и остается. Хорошо, что растительность — все-таки начало октября — хоть пожухла, опала, к земле приникла: в летний травостой здесь не пройти, особенно через участки, обильно поросшие жгучей крапивой, причем куда выше человеческого роста.

...Через несколько часов, поняв, что такими темпами мы не доберемся до цели, было решено разделиться: одна группа, что повыносливее, возглавляемая уже упоминавшимся ранее проводником Кралби, двинулась к козырьку горы, под коим и располагались рисунки древних художников. Вторая, в которую входили авторы этих строк, осталась рядом с древними захоронениями, чьи почти слившиеся с землей холмики были видны сквозь поредевшие заросли крапивы. После приема пищи (один из наших равнинных спутников, долго упрашивавший взять его с собой, прихватил даже бутылку красного вина, правда, забыв при этом стаканы, которые пришлось заменить разовыми пластмассовыми тарелочками) всех разморило. Тем более что день выдался на редкость теплым — на голубом небе ни тучки, солнце буквально обжигало лица (после поездки носы облезли практически у каждого). Веки сами опускались вниз...

Царила удивительная тишина — ни насекомые, ни птицы ни одним звуком не нарушали ее. Даже ветер и тот ничем не напоминал о себе. Безмолвие, которое редко встретишь в природе, еще более настраивало на сонный лад.

Борясь с самим собой, один из авторов этих строк стал осматривать в бинокль подножия скал, тем более что многочисленные гроты, а главное, предвещающая подступы к ним сохранившаяся каменная кладка свидетельствовали, что здесь находили приют, а вернее будет сказать — жили много веков назад люди...

Тот черный, почти квадратный прямоугольник в ровной скальной породе, казалось, сам притянул окуляр бинокля. Еще мгновение назад на этом месте ничего не было, и вдруг в плывущем, мерцающем солнечном мареве он возник. На редкость ровный, чем-то напоминающий дверной проем, уходящий внутрь горы. Откуда он взялся, как мы его не заметили и почему, если это вход в пещеру, он такой идеально ровный?.. Ответы на эти вопросы можно было получить, лишь подойдя поближе. А поближе — это не совсем рядом: до подножия скалы как будто рукой подать, а на самом деле — сотни две-три метров, и все вверх, по отвесному косогору, по земляным наплывам, встающим, словно волны, один над другим и преграждающим путь.

Сказав своим спутникам, уже решившим двигаться обратно, что пойду вслед за ними, только поверху, полез в гору, стараясь не терять из виду чернеющий проем. Но удивительное дело, подъем давался с таким трудом, словно позади был безостановочный длиннющий путь, а не получасовой отдых. В иные моменты, казалось, ноги невозможно

было оторвать от земли – так от стопы до колен налились они свинцовой тяжестью.

Едкий, густой пот, стекавший чуть ли не потоком со лба, столь обильно заливал глаза, что мельтешащее черно-белое марево скрывало окружающее. Пришлось снять спортивную куртку, связав ее рукавами на поясе так, чтобы одним из них, оказавшимся чуть подлиннее, вытирать лицо. Но уже через несколько минут из рукава можно было в прямом смысле выжимать воду, которую, как невольно представлялось, организм хотел исторгнуть из себя всю до последней капли. Каждый шаг вверх доставался такими невероятными усилиями, что создавалось впечатление – кто-то очень не хочет, чтобы чужой добрался до подножия скалы с необычным прямоугольником, ведущим куда-то внутрь.

Но как только возникло желание повернуть назад, таинственный проем, еще мгновение назад такой недостижимый, непонятно каким образом оказался рядом, в каких-то десяти-двенадцати шагах. Он был до невероятного ровным: словно в отвесно спускающейся скальной стенке кто-то невиданным по мощности инструментом выпилил прямоугольник высотой около полутора метров и шириной примерно с метр. Именно выпилил, а не вырубил, столь идеальными были края стенок.

Черный проем (вход?), за грани которого не проникал дневной свет, теперь уже не столько отталкивал, сколько притягивал. Тем более что вдруг показалось (пришло ощущение?), что там, в темноте, кто-то есть. Отер пот со лба, прищурился и увидел (представил?) два силуэта. Большой и маленький – женщина и ребенок. Почему женщина и ребенок? Силуэты были столь расплывчаты, размыты, аморфны, что никак не позволяли идентифицировать себя. Просто они воспринимались именно так – женщина и ребенок. Более того, была твердая уверенность, что ребенок – девочка. Девочка, которая неожиданно подняла руку и призывно взмахнула ладошкой. Словно позвала к себе...

Тем не менее очередной шаг дался с невероятным трудом. Еще один, другой. Пришло понимание, что идти дальше нельзя, что пора остановиться, более того, бежать как можно дальше от этого места. Дрожь волнами пробегала по телу. Из проема тянуло холодом. Пот прекратил течь...

Тем временем мать и девочка стали как будто дальше, словно отодвинулись назад, не сделав при этом ни одного движения. Лишь де-

вочка вновь призывно взмахнула рукой. Значит, она звала не к себе, а за собой? Куда? Зачем?

Проем в скале был совсем рядом, всего лишь в шаге-двух. Казалось, нога уже сама готовилась его сделать, ступив в темноту. Но проем оказался ниже среднего человеческого роста. Чтобы войти в него, надо достаточно сильно нагнуться. Мелькнула мысль: «Как же тогда видел женщину и девочку? Видел на уровне своих глаз. Значит, показалось. Привиделось. Следовательно, там никого нет. Вообразил черте что!»

Верх проема практически на уровне руки. Протянул ее. Медленно-медленно. До скалы. Глубже. Внутрь. На расстоянии ладони. Затем локтя. И...

И вдруг увидел себя стоящим около скальной стенки, с вытянутой на уровне плеча рукой, засунутой по локоть в узкую щель. Попытался вытянуть и не смог: по прямой руку нельзя было освободить — мешали изгибы щели. Пришлось выкручивать руку, помогать пальцами. С трудом освободившись, увидел, что глубокая царапина, нанесенная острым краем скального выступа, протянулась почти до запястья. Никакого проема перед глазами не было и в помине. Росла уверенность, что его на самом деле не было, что все привиделось в коротком сне, сморившем после тяжелого подъема, на солнцепеке у скалы. Только вот рука не давала покоя: жгла, ныла, обильно кровоточила. А еще притягивали взгляд капельки крови на скале — мгновение назад алые, они на глазах темнели под лучами солнца.

И спрашивается, зачем, под влиянием кого туда ее засунул?

Было ли все это или приснилось? Если было, то куда вела та дверь? В какой из миров? Можно ли оттуда вернуться?

Если нет, значит... Что значит?

«Где это тебя так угораздило повредить руку?» — на этот вопрос отвечал еще целую неделю после той поездки. И, кстати говоря, всю эту неделю голова раскалывалась от нестерпимой боли. Не помогали никакие, даже самые разрекламированные, таблетки. Врачи грешили на давление, но и оно оказалось нормальным. Естественно, с поправкой на возраст...

ГРЕЧЕСКАЯ ЛЕСТНИЦА

У селения Верхний Чегем расположена так называемая Греческая лестница, вырубленная в Средние века и выющаяся по отвесной скале на высоту чуть не в двести метров! Сколько приходилось слышать о ней, как мечталось взобраться к узкой террасе, где из скалы бьет струя воды, где имеется пещера, в которой, согласно легенде, византийцы хранили добытое в горах золото...

Действительность несколько образумила: сегодня по лестнице, называемой балкарцами «Битикле», можно подняться всего на несколько ступенек – и то по стене, служащей ее основанием и сложенной из мелких камней на известковом растворе. Длина этой стены около 14 метров, а высота колеблется от одного до двух с половиной метров. Дальше ступени мало напоминают таковые, и подъем под силу лишь опытнейшему альпинисту, умеющему пользоваться веревкой и крюками. Тем более что время и непогода не пощадили столь необычное строение.

«Собственно Битикле, – писал в 1961 году исследователь Г. В. Понтек, – представляет собой прилепившийся к отвесной скале наклонный ход – пандус приблизительно метровой ширины, где еще местами сохранились ступени, переходящий в интересную систему каменных маршей частично с забежными ступенями. Марши соединяют остатки двух боевых башен. Нижняя, полукруглая в плане, имеет диаметр 280 см. От нее сохранилась нижняя часть каменной кладки в 14–16 слоев общей высотой около трех метров. От верхней дошли до нас только крупные камни основания и следы кладки.

Далее вверх ведет крутой марш с остатками каменного барьера-ограждения. От него берет начало горизонтальный ход, расположенный на узком (минимальная ширина 1 м) уступе отвесной стены скалы. Среди местных жителей бытует поверье, что там на естественном карнизе имеются могилы. Очевидно, за могилы принимаются, в силу внешнего сходства, сохранившиеся фрагменты сооружений, по мнению автора, оборонительных. Когда-то горизонтальный ход был благоустроен и соединял воедино всю систему, завершавшуюся глубокой пещерой.

Многочисленные повороты делали горизонтальный ход практически неприступным. К тому же, чтобы попасть на него, нужно было

проникнуть через 2 башни, систему маршей и наклонный ход в начале Битикле.

Во время обследования и обмеров Битикле у его подножия автором были обнаружены остатки еще двух крепостных сооружений. Одно из них, от которого сохранилось основание их камней среднего размера (до 120480460 см), будучи полуокруглым в плане, примыкало к началу наклонного хода и служило бастионом, прикрывавшим вход на Битикле. Другие камни циклопической кладки (размером до 3504230470 см) служили основанием прямоугольной в плане башни, еще более усиливавшей неприступность Битикле.

На самом верху скалы, в тылу у всего сооружения находится основание еще одной башни (диаметр 540 см), господствовавшей над всем ущельем. Она была связана с верхними боевыми башнями системой наклонных ходов и лестниц, следы которых хорошо прослеживаются в остатках вырубленных ходов.

Вся система тщательно продумана, и даже если бы пало одно из укреплений внизу, взять лестницу было бы невозможно. В случае же блокады защитники могли продержаться длительное время. Имеющиеся выходы водоносного слоя в избытке снабжали осажденных водой. Пещера, башни, природные навесы и широкие площадки (до 8 метров шириной) позволяли делать большие запасы провизии»¹.

А вот какими впечатлениями о лестнице поделился корреспондент журнала «Вокруг света» И. Цибульский, приехавший в Кабардино-Балкарию в 1976 году в поисках белого тура. Сопровождал журналиста известный фотограф Евгений Монин (в цитируемом ниже тексте — Женя), большой любитель гор (на его могиле установлен кусок скалы с пронзительной надписью: «Горы, я любил вас!»), с которым один из авторов этих строк «познакомился» чуть ли не в первые дни своего рождения — Евгений Тимофеевич был его крестным отцом.

А в Джилги с ними пошли местные жители — восемнадцатилетний парень Тахир Батчаев и Малик, инструктор с турбазы «Башиль»:

«— Вот Греческая лестница, смотрите, — сказал Малик.

Мне не сразу удалось рассмотреть это сооружение, прекрасно замаскированное временем под цвет древнего гранита, и только кое-где проглядывающая кладка из плоских камней выдавала работу человеческих рук. Пожалуй, это сооружение больше всего напоминало пожарную лестницу.

— Она ведет к карнизу, — объяснил Малик, — а карниз идет вдоль всей скалы.

— Сходим? — спросил я беспечно. — Вдруг повезет, увидим туров...

— Можно, — спокойно согласился Тахир.

Я перехватил какой-то странный взгляд Малика. Наверное, Женья тоже почувствовал неладное.

— Ты там поосторожнее! — крикнул он.

Идти по древней «пожарной» лестнице было удобно, да и поднималась она метров на двадцать, не больше. Тут начинался карниз. Был он шириной около метра и словно бы вырубленный в скале.

Я шагал по этой полочке вслед за Тахиром и слышал постоянный свистящий шорох. Моя куртка терлась о камень. «Не жмись к стене!» — приказывал я себе, но ничего не мог с собой поделать... В некоторых местах карниз сужался настолько, что ботинок не умещался на нем. Здесь я прижимался не плечом, а грудью к стене, остро чувствуя ее отталкивающую твердость.

Внизу, в подвальном полумраке, извивалась серебряная от пены лента Джилги. Здесь, наверху, было светлее, может быть, оттого, что тучи были совсем рядом. Противоположная стена ущелья казалась очень близкой, а вот вниз стены словно бы расходились — странное нарушение перспективы. До дна ущелья было не меньше ста метров.

Я шел за Тахиром, не отрывая глаз от его танцующих ног, всем телом чувствуя страшную пустоту справа, от нее точно холодом веяло. Помимо воли, краем глаза я улавливал медленное движение противоположной стены ущелья, потом мне стало чудиться, что движение это становится быстрее, точно с шага мы перешли на бег. Понял — начинает кружиться голова.

Неожиданно Тахир исчез, будто провалился. Я остановился, непроизвольно вцепившись пальцами в пучок жухлой травы, торчащей из щели в стене.

— Давайте сюда, — сказал Тахир где-то совсем рядом.

Оказывается, здесь тропинка обрывалась и начиналась снова, но уже ниже метра на полтора.

— Прыгайте, — безмятежно посоветовал Тахир.

Я видел площадку и понимал, что спрыгнуть на нее несложно, но рядом с площадкой зияла пустота до самого дна, до реки.

— Знаешь, Тахир, — сказал я, стараясь говорить нормальным голосом, — пошли обратно. Я уже все видел.

— Зачем назад? — удивился Тахир. — Конец рядом.

Подолы гулко ударили в камень, и я испытал неповторимое облегчение, что-то похожее на блаженство.

...Долгое время я размышлял над загадкой Греческой лестницы. Для чего она сооружена? Может быть, это спортивный снаряд, инвентарь для воспитания в балкарских мальчишках необходимых качеств горца? Уже потом, в Нальчике, узнал: то, что лестница названа Греческой, чистейшее недоразумение; это часть древнего оборонительного сооружения, включавшего еще и крепость на самой вершине скалы...»²

К сожалению, журналиста проинформировали неверно. Местные жители называли лестницу Греческой потому, что здесь располагалась Кавказская епископия. Вела лестница к пещере, в которой хранились богослужебные книги; трудности, с которыми сюда нужно было добираться, служили серьезным препятствием для грабителей.

О том, что собой представляло это удивительное сооружение, можно узнать из книги «Записки краеведа», автор которых – Тимур Шаханов – был поистине удивительной личностью, кладезем знаний, многие из них, к огромному сожалению, ушли вместе с ним.

Вот что он писал в «Дневнике археологической экспедиции музея и КБНИИ 1958 года»: «Лестница сооружена на отвесной скале. Сначала она круто поднимается вверх на 22 м, затем делает пять зигзагов общим протяжением 20 м, которые приводят к площадке, имеющей в длину около 3,5 м, а в ширину 1,5 м.

На этой площадке сохранилась стена высотой до 2 м и длиной в 1,2 м. Толщина стены – 60 см. И зигзаги, и стена сложены из камня на известковом растворе. От площадки вправо идет узенькая дорожка (30 см), которая местами заменяется лестницей. Дорожка приводит к горизонтальной террасе... С площадки на террасе видна небольшая пещера, а на конце террасы из скал вытекает тонкая струя воды, для сбора которой в камне высечены чашеобразные ямы».

Сегодня нам остается мысленно проделать весь этот нелегкий путь по лестнице, ведущей к сокровищам прошлого, от которых ныне не осталось даже следа...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пионтек Г. В. Селение Эльтубю как потенциальный музей балкарского народного зодчества на открытом воздухе // Ученые записки Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Сер. Архитектура. Л., 1961. Т. 1. Вып. 1. С. 102–110.

² Цибульский И. Снежный сын Абсаты // Вокруг света. 1977. № 3. С. 60–68.

МЕНГИРЫ – СТРАЖИ ПРОШЛОГО

Если выбираться из района Джилы-су через плато водораздела рек Ингушли и Малка, открывается прекрасный вид на Скалистый хребет с величественно царящими над ним вершинами Западный и Восточный Канжол. Здесь можно увидеть, прикоснуться к удивительному созданию рук человеческих – менгирам. Вот он, более чем трехметровый красавец, зарытый на треть в землю. Его верх – голова воина в шлеме: четко просматривается лицо – глаза, нос, рот; руки очерчены бороздками, спускающимися по бокам и скрещивающимися на животе. Менгиры – еще одна загадка Джилы-су. Когда их установили, кто, почему именно здесь – исследователи отвечают на эти вопросы по-разному. Александр Асов убежден, что «одинокий менгир, который стоит здесь, как древний часовой», на каменном столбе которого «высечено лицо витязя, смотрящее прямо на восток», охраняет колоколообразный холм – Тузулук, на вершине которого находятся развалины древнего святилища Солнца. Тут писатель дает самый полный ход своей фантазии, проводя параллели с английским Стонхенджем, рассказывая об астрологических расчетах волхвов, вознесением своего мифического героя Буса Белояра «на драконе к вершине Алатырь-горы (Эльбруса)»...

Археолог из Кабардино-Балкарии Бияслан Атабиев, опубликовавший научную работу по данной теме, пишет, что «изваяние стоит врытым вертикально лицевой частью на восток, но это не изначальная его ориентировка; в таком положении оно было установлено в 1980-х годах чабанами. Стела была обнаружена приблизительно в 150–200 метрах к западу от ее нынешнего местоположения, при террасировании склона горы для строительства грунтовой дороги, ведущей в сторону горячих лечебных источников... Форма памятника предельно проста, и изваянием его можно назвать лишь условно, поскольку это простой цилиндрический столб, а грубое и предельно лаконичное подобие пластической проработки имеется только на верхнем конце. Полная высота его неизвестна, во вкопанном состоянии он возвышается над землей на 2,3 метра. Диаметр в основании

около 50 сантиметров, в сечении он представляет слегка деформированный круг. По направлению вверх столб плавно сужается, образуя слабо выраженный усеченный конус, торец заовален. Он вытесан из зеленоватого гранита, под длительным воздействием ветра и атмосферных осадков поверхность во многих местах выщерблена. Главной особенностью изваяния является элемент «скульптурной» моделировки на верхнем конце – подобие человеческой головы в шлеме. Изображение выполнено крайне примитивно: контуры носа, бровей и всей нижней части лица обозначены одной непрерывной линией, широкой и глубоко врезанной, образующей замкнутый круг. Глаза показаны посредством двух круглых выемок, а рот – коротким дуговидным желобком. В технике выпуклого рельефа изображена только окантовка нижнего края шлема, а также гривна (?) в виде горизонтального валика вокруг подразумеваемой «шеи». С двух сторон шлема, у «висков», от нижней окантовки свисают два полуovalа с точками в центре. Вероятно, это так называемые «наушники» – точнее, приспособления для крепления ремешка от шлема; как и черты лица, «наушники» выполнены в технике контррельефа. Общая высота «головы» от гривны до торца стелы составляет 52,5 сантиметра, плечи не выделены.

...Создается впечатление, что в особенностях рассматриваемого памятника отражены традиции как переднеазиатского, так и киммерийского камнерезного искусства. Судя по изображению человеческого лица, данное изваяние, вероятнее всего, следует связать со скифами, знакомыми с образцами как киммерийского, так и переднеазиатского искусства.

Чем можно подтвердить такое предположение? Обратимся к изображению головного убора на изваянии... На наш взгляд, это не что иное, как ассирийский шлем с короткими боковыми ушками для ремешка, посредством которого шлем держался на голове воина. Появление таких шлемов на Северном Кавказе исследователи датируют временем либо «не ранее конца VIII в. до н. э.», либо «не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э.». Думается, эти ориентиры дают некоторое основание предварительно отнести данное изваяние к началу VII столетия до нашей эры»¹.

Кстати говоря, и для него, Бияслана Атабиева, было открытием количество найденных нами и сфотографированных менгиров. Когда встанешь рядом с одним из них, тем самым, что описывает

А. Асов, на какое-то мгновение может показаться, что время повернуло вспять; прошлое, словно всасываемое за веком век в огромную временную воронку, приблизилось, ожило.

«А может, действительно,— подумалось,— менгир и указывает, и охраняет этот священный путь. Путь к нам самим...» И, обхватив менгир, закрыв глаза и постояв так несколько минут, один из авторов этих строк вдруг почувствовал, как какая-то неизвестная энергия проходит через него — словно тысячи иголок закололи по всему телу, а само тело завибрировало, готовое взлететь, оторваться от земли. Не случайно силуэт менгира так напоминает наши первые космические корабли «Восток». Впрочем, некоторые ученые ассоциируют его и с фаллосом — символом жизни.

Здесь, по дороге к Долине нарзанов, менгиров не два и не три. Большинство из них — трехметровые (вместе с зарытым основанием), но есть и вполовину меньше — без человеческих лиц. Трагедия в том, что многие из них сломаны, повалены, стали мишенями для варваров с ружьями. Расстрелянный менгир — это прошлое, которое дикари пытаются убить.

Наряду с менгирами в этих местах встречаются массивные кресты, довольно искусно вытесанные из цельного камня. Надпись на них чаще всего вырезана латинскими буквами. Как писала в 1889 году газета «Терские ведомости» (№ 86), старики говорили, что здесь проходила дорога, по которой «христианский народ ратью шел в Азию за веру» и оставил на своем пути эти кресты ². О пребывании в этих местах римлян свидетельствует и череп со следами трепанации, техническое исполнение которой указывает на римский метод операции.

Тема джила-суйского менгира во второй и третьей книгах данного издания найдет продолжение, и, к сожалению, не всегда позитивное...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Атабиев Б. Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

² История медицины Кабардинского округа: события и лица (1858–1899). Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2005. С. 160.

МОНАСТЫРЬ НА САРАЙ-ГОРЕ

...Еще одно незабываемое путешествие по окрестностям Нальчика – на Сарай-гору, самую высокую вершину (1327 метров) Лесистого хребта. Своей верхушкой, представляющей большое плато, она действительно чем-то напоминает крышу сарая. Как сообщает Г. Подъяпольский, «на географических картах название этой горы – Издара (на некоторых картах – Избора). Вся она покрыта листовым, высокоствольным, преимущественно буквым лесом, который уступает место полянам только на ее южных склонах и на самой вершине, откуда открывается замечательный вид на Скалистый, Боковой и Главный хребты...»¹.

В этих местах расположен интереснейший рукотворный памятник – «монастырь», вырубленный прямо в горе. Сколько слышали о нем в детстве, как мечтали побывать в его кельях, а удалось это сделать только совсем недавно...

Вот что сообщает по интересующей нас теме Е. Кюль: «Одним из христианских памятников истории и архитектуры является Издаринский комплекс монастырей, расположенный... в верховьях реки Хео (район горы Издара). Оба монастыря – мужской и женский – относятся к типу катакомбных. Четырехъярусные ряды келий, соединенных подземными галереями, вырублены в глинистых отложениях по обоим берегам реки. Издаринский монастырский комплекс напоминает знаменитый грузинский пещерный храмовый комплекс, построенный в царствование грузинской царицы Тамары...»².

В «Путеводителе по Кабарде и Балкарии», выпущенном в 1928 году, директор Краеведческого музея М. И. Ермоленко писал: «Верстах в 16–18 от г. Нальчика расположена гора, называемая «Сарай-гора». Она видна даже из Нальчика в виде серокаменной, отвесно выдающейся на север скалы, покрытой лесом. Путь на нее из г. Нальчика – через дачи Долинские, реку Нальчик, сел. Хасанья (6 верст от Нальчика). От последнего идет колесная дорога на юго-запад к подошве горы. Потом дорога идет вверх по склону, по лесу, а затем она там суживается до простой тропы и круто поднимается к самому концу хребта. Почти у него расположены пещеры в виде земля-

нок и комнат, вырытые в массиве горы на северо-восток. Пещеры эти давние. В них, вероятно, жили отшельники-богомольцы; после... там была группа толстовцев, но распалась и разбрелась. Интересно осмотреть самые пещеры, родник у них и окружающую местность и подышать там кристаллически-чистым горным воздухом»³.

Но выше мы не случайно взяли слово «монастырь» в кавычки. В обыденном сознании за нальчикским комплексом действительно прочно закрепилось данное определение. Напомним, что монашество (от греческого *monachos* — «живущий уединенно») — это посвящение себя религии и Богу, суть его в отказе от мирской жизни. Первые христианские монастыри возникли именно как поселения отшельников еще в III–IV веках нашей эры в Египте. На Руси они появились значительно позднее — с принятием христианства и стали своего рода «центрами культуры»; после революции 1917 года были закрыты «как очаги религиозного дурмана и контрреволюции». Небольшие монастыри, расположенные в отдалении от городов, назывались «пустынями». Еще более мелкие именовались «скиты», «киновии». Пещерный комплекс под Нальчиком не отвечал требованиям, предъявляемым к ним. И даже натуралист Георгий Подъяпольский, бывавший здесь неоднократно, место это иначе как «так называемый монастырь»⁴ ни разу не называет.

Действительно, кельи в горе Издара напоминают жилища затворников. «Боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником» был широко известный и почитаемый блаженный Серафим Саровский, затворник Задонского монастыря блаженный Георгий. Но еще в конце XIX века, именно в те годы, когда появляются первые известия о нальчикском «монастыре», святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместный, чем когда-либо. В этом надо видеть волю Божию и покоряться ей. Если хочешь быть приятным Богу безмолвником, возлюби молчание и со всевозможным усилием приучись к нему. Не позволяй себе празднословия ни в церкви, ни в трапезе, ни в келии; не позволяй себе выходов из монастыря иначе как по самой крайней нужде и на самое краткое время; не позволяй себе знакомства, особливо близкого, ни вне, ни внутри монастыря; не позволяй себе свободного обращения, ни пагубного развлечения; ведай себя как странник и пришелец и в монастыре, и в самой жизни....»⁵.

Мы позволили себе столь обширную цитату, чтобы прояснить суть отшельничества, ибо во все времена были люди, выбирающие «из всех возможных жизненных путей тяжелейший», не взирающие при этом «на презрение общества, на прямую опасность попасть за решетку и даже лишиться самой жизни»⁶.

О нальчикских отшельниках, которых считали сектантами, писали всякое, но в подавляющем числе случаев публикации эти носили негативный оттенок. В частности, в журнале «Живая старина» в заметке «„Святой старец“ Михаил» сообщается о том, что зимой 1893/94 года в Нальчике появился некто Михаил Субботин, о котором говорили, что он провидец. И «вскоре несколько человек ушли из слободы в горы, вырыли там пещеру и начали вести «праведную жизнь», проводя дни и ночи в слезах и покаянии, «в умерщвлении плоти своей»⁷. В народе их стали называть «Михайльцами-пещерниками». Находились «отшельники» в пещере до осени 1894 года, но, не поладив с местными жителями (речь идет о горцах), возвратились в слободу. Тогда они выбрали место более «удаленное от людского глаза», общими усилиями (в группу копателей входило около десяти человек) вырыли еще несколько пещер и устроили в ней обитель с кельями.

Правда, есть одно смущающее обстоятельство: в публикации говорится, что пещера находилась на берегу реки Урвань. Но это неточность, так как в исторических документах и печатных источниках тех лет упоминаний об урванских скитах мы не встречали.

Как жили затворники? В «молениях и борениях»... Далеко не все выдерживали подобный путь к спасению. Ведь, говоря словами автора записок «В горах Кавказа», «люди, живущие на равнинах, не ведают тех трудностей, какие испытывают монахи-пустынники, вынужденные часто взбираться на горные перевалы с грузом за плечами. Они зачастую устают настолько, что все мышцы тела трясутся от чрезмерного переутомления. Расстояние в 14–15 километров летним днем едва-едва удастся преодолеть за 12–13 часов. Но тяжелее всего бывает, если в пути застигнет неожиданный дождь, особенно в осеннее время. Он вымочит всю одежду до последней нитки. Вода потечет с головы и плеч по всему телу, стекая в обувь. Но если даже и дождь перестанет, положение не облегчается. Стоит только слегка задеть кустик или деревце, как на путника изливаются новые потоки воды. К тому же по размокшей глинистой земле ноги скользят, словно по льду, поэтому путешественники бесконечно спотыкаются

и падают на спусках и подъемах, что беспрдельно усугубляет и без того тяжелый путь»⁸.

(К слову будет сказано, в памяти местных жителей отложился и тот факт, что отшельникам раз в неделю одна из слобожанок доставляла на ослике хлеб и другие продукты.)

Испытания холодом, уединением, недоеданием оказались не под силу многим, и кельи со временем стали пустеть. К 1907 году в «жилищах отшельников практически никого не осталось», а зимой «в Нальчикское слободское правление округа» был доставлен «неизвестный молодой человек лет 33–35, худой, обросший черными волосами, в лохмотьях, через которые проглядывало изможденное тело... Поимка «пещерного человека», как окрестили его местные жители, вызвала большие толки среди обывателей. Большинство из них склонялось к мнению, что неизвестный – один из ушедших из «мира» в 1905 году и давший обет молчания»⁹. В какой-то мере об этом свидетельствовало настоящее паломничество в тюрьму местных жителей, иначе как «святой», «приобщившийся к Богу» заключенного не называвших...

До «монастырского комплекса» можно добраться несколькими путями (в том числе и самым апробированным – по гребню Сарай-горы за шесть-семь часов, что подразумевает ночевку). Мы направились сюда на военном грузовом ЗИЛе одного из жителей селения Хасанья. Не доезжая селения Герпегеж, свернули вправо и двинулись напрямик по ущелью Хео. То, по чему мы поехали, дорогой можно назвать, лишь обладая большим воображением, – колея, петляющая из стороны в сторону, то уходящая резко вверх, то проложенная по самому краю обрыва, то идущая прямо по речному руслу. Десятки раз дорога пересекает речку, причем берег порой поднимается столь отвесно, что удивляешься, как это мотор машины, возмущившись столь непосильной нагрузкой, не глохнет, а сама она не переворачивается от чуть ли не вертикального карабкания, переваливаясь, как каракатица, с одного огромного валуна на другой, – своенравная и задиристая речка ворочает ими с места на место (но лишь после дождей, так как она родниковая и подпитывается только небесной влагой). То и дело уклоняясь от нависших над колеей веток деревьев, немилосердно хлещущих по лицам (ехали стоя в кузове, до побеления костяшек пальцев стискивая руками борт машины), 18 километров мы преодолевали почти два часа. Но среди каких красот пролегли эти километры!

Снова обратимся к одному из очерков Георгия Подъяпольского, досконально знавшего реки республики и писавшего: «Хео красивее всех. Она протекает среди лучших буковых лесов Кабардино-Балкарии, в глубокой живописной долине, прорезающей Меловой хребет на протяжении 20 километров. Местами над руслом, от самой воды, поднимаются белые, желтые, розовые отвесные стены, состоящие из известняков, песчаников и доломитов; они то сплошные и гладкие, как стены небоскребов, то слоистые, сложенные ровно и красиво. Словно выложены рукой человека. В стенах этих встречаются куполообразные ниши, напоминающие своды соборов, их венчают «башни», «шпили». Дно реки почти на всем ее протяжении представляет собой сплошную каменную плиту, по которой прозрачные волны с негромким шумом переливаются через крупные валуны, порожки, скаты, крутятся над ямами»¹⁰.

А воистину девственный лес: могучие буки (для заготовки их древесины и пробита здесь дорожная колея), дикие груши и яблони, орешник, бересклет, шиповник, бузина, ярко-зеленые узорчатые пики папоротников чуть ли не с человеческий рост... и — опять не удержимся от цитаты — «группы высоких стройных чинар со светло-серыми стволами, а рядом причудливое дерево — осокорь, вот кудрявый мелколистный клен, а здесь, на утесе, оригинальное дерево — хмелеграб, у которого соцветия словно сережки хмеля. Седоствольные грабы только что распустили листву; отцвела украшенная мелкими пушистыми листьями ветла. Подлесок составляют заросли малины, азалии, жимолости...»¹¹.

Царство растительности, напоенной живительным солнечным светом и теплом, буйство ярчайших красок, речные борта, уходящие круто вверх на десятки метров, — глаза не устают поражаться картинам, возникающим перед взором. А вот и сам «монастырь» — по правую сторону, на самом верху практически отвесной скалы зияют окна-провалы. Снизу они кажутся крошечными и чем-то напоминают ласточкины гнезда, только прилепили их не под крышей дома, а прямо на стене. До «окон» метров сто, не меньше.

Поднимаемся по пологому косогору и примерно через полчаса достигаем вершины. Теперь «монастырь» под нами, остается только войти в него. Но ведущая ко входу тропка практически разрушилась, обрывается над пустотой — надо пробираться по перекинутому с одной стороны на другую узкому стволу кем-то срубленного дерева. Преодолеваем и это препятствие и по узкому проходу, шириной

не больше полуметра, уходящему куда-то в земную толщу, начинаем медленно гуськом спускаться. Вспугнутые неожиданными гостями, летучие мыши то и дело проносятся мимо, задевая лица своими размашистыми крыльями. Фонари освещают невысокие, практически в средний человеческий рост, своды – закругленные, со следами копти.

Вот и первая келья – земляная комната площадью метра в четыре, с относительно ровным основанием, служащим полом; на высоте чуть выше пояса дыра в стене (одно из тех самых, видимых снизу, «окон»). Выглядываем в него – и дух захватывает от открывающейся перспективы: почти отвесно уходит вниз ровная скалистая поверхность, лишь спустя метров 60–70 переходящая в покатый, короткий склон, постоянно подмываемый бурливой речкой. Она и растущие по руслу деревья кажутся отсюда игрушечными. Голубой бесконечный простор предстает перед взором.

Вот еще одна келья, в ней имеется что-то вроде земляной лежанки. А эта комната, самая большая по размерам, вероятно, служила чем-то вроде трапезной – когда ее долбили, наткнулись на валун огромных размеров, с которым отшельникам было никак не справиться. Тогда его обкопали со всех сторон, углубив под ним пол и приложив кое-какие усилия для выравнивания верха: получился весьма удобный стол.

Все кельи – а они расположены на двух уровнях – соединяет петляющий из стороны в сторону, в одном месте упирающийся в тупик узкий коридор, в стенах которого выбито несколько мелких ниш. Протяженность его несколько десятков метров, замысел людей, сотворивших этот подземный комплекс, не всегда ясен (вероятнее всего, ходы рылись спонтанно, в зависимости от сил и возможностей копателей), но их старание, терпение и вера вызывают самое искреннее уважение. Эти же чувства владели Федором Шаляпиным, посетившим эти места летом 1917 года. В дальнейшем здесь побывали многие охотники до всего необычного – кое-кто испытывал себя, другие, скрывавшиеся от преследования властей, находили временный приют от непогоды.

В годы Великой Отечественной здесь прятались те, кого раньше было принято называть непримиримыми врагами советской власти. Рассказывают, что одна из таких групп была окружена войсками НКВД. Чекисты, чтобы не рисковать людьми, «заперли» диверсантов взрывами, разрушив при этом часть подземных ходов. И будто бы

все скрывавшиеся были уничтожены. Но людская молва говорит о другом: один из окруженных спасся, он прыгнул вниз и не разбился – его падение смягчила бурка, полы которой, раскрывшись, послужили чем-то вроде парашюта. Данная легенда имеет под собой основание: нам называли даже имя этого человека. Мало того, один из участников той операции (имя тоже известно) рассказывал, что вскоре – во время перехода государственной границы – «парашютист» был застрелен, вследствие чего и выяснилось, что ему удалось ускользнуть из чекистского окружения. Так это или нет, не столь важно, ведь подобные места буквально созданы для всевозможных легенд и мифов, да и само время способствовало им.

А вот как эту историю дополняет егерь расположенного неподалеку от «монастыря» лесничества Мурат Хуламханов: «Это было в середине 70-х годов прошлого века. Мы с друзьями решили посетить монастырь. Подойдя поближе, увидели старушку и молодую женщину, обрабатывающих огород, как оказалось, принадлежащий монашенкам. Мы поздоровались, и они проводили нас к себе в монастырь, завели в кухню и угостили конфетами, свежими булочками. Одна из женщин рассказала любопытную историю. Как-то давно в обитель явились бандиты, чтобы в ней скрыться на время. Вскоре пришли солдаты, и все, кто был внутри обители, целых шестнадцать дней находились в окружении. Воду получали через полые стебли камыша, которые проходили сквозь стены. Узнав об этом, солдаты отрезали их от воды. Когда вода закончилась, двое бандитов, надев бурки, спрыгнули с балкона и скрылись в лесу. После этого случая солдаты заминировали вход в обитель и взорвали. Трещина от этого взрыва проходит по потолку главной галереи монастыря. Оставшихся бандитов заставили копать траншею, которая стала им последним приютом. Преступников расстреляли, а монашкам дали по двадцать лет за укрывательство». И далее: «Говорят, что после освобождения женщины вернулись. Они были очень скрытны и при встрече с незнакомыми людьми убегали. Приближаться к монастырю надо было очень осторожно. Его расположение таково, что малейший шум внизу или у входа эхом отдается внутри. Старики рассказывали, что монашья тропа начиналась в окрестностях Нальчика и вела прямо в обитель. Вдоль тропы на деревьях монахи вырезали кресты, для того чтобы не заблудиться. Внутри монастыря первая дверь вела в кладовую, дальше хлев, где они держали ослов. Затем галерея разветвлялась. Всего в монастыре восемь келий. С середины 80-х годов здесь

уже никто не живет. Какое-то время обитал монах-отшельник, жил тем, что продавал туристам крестики, которые вырезал из дерева. В 1999-м в монастырь приехал священник. То, что у него лежало в бричке, очень напоминало тело человека, завернутое в мешковину. Спустя несколько дней я обнаружил на монастырском кладбище свежую могилу»¹².

Сегодня монастырское кладбище практически сровнялось с землей и подсчитать, сколько затворников здесь захоронено, невозможно.

Стал недоступен для туристов и сам монастырь: дорожка, ведущая к нему, окончательно обвалилась и, чтобы попасть внутрь, надо или ее пробивать заново по склону, или спускаться с вершины горы, держась за прикрепленную веревку. Но это столь трудно и опасно, что смельчаков за последнее время так и не нашлось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подъяпольский Г. Н. Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 68.

² Кюль Е. В. Издаринский комплекс монастырей как памятник истории и архитектуры // VII Славянские чтения в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 91–92.

³ Ермоленко М. И. Путеводитель по Кабарде и Балкарии: Пособие туристам-экскурсантам с приложением очерка Н. Крыленко «На горных высотах». Нальчик: Экскурсионное общество туристов при облоно, 1928. С. 25.

⁴ Подъяпольский Г. Н. Жизнь в лесу. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 17.

⁵ Цит. по: Монах Меркурий. В горах Кавказа: Записки современного пустынника. М.: Паломник, 1998. С. 5. Далее: В горах Кавказа.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ «Святой старец» Михаил // Живая старина. 1991. № 1. С. 137.

⁸ В горах Кавказа. С. 18–19.

⁹ Лечинкаев-Кахунский. Пещерный человек // Живая старина. 1992. № 2. С. 141.

¹⁰ Подъяпольский Г. Н. По Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 149–150.

¹¹ Там же. С. 151–152.

¹² Жанимов А. Тайна монастыря на Сарай-горе // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 16 сент.

ДУКА-БЕК ИЗ ЭТОКО

Один из самых необычных памятников, найденных когда-либо в Кабарде, — «каменный истукан», как его называли русские и европейские путешественники. Он стоял справа от дороги Нальчик–Пятигорск, у нынешнего селения Этоко. Вот что, в частности, писал Семен Броневский, автор книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», вышедшей, напомним, в 1823 году: «Между Бештовыми горами на полугоре Тёмир-Кубшаки при ручье Етака стоит каменный поясной истукан вышиною в 8 футов 8 дюймов, называемый кабардинцами Дука-Бех, с надписью, коея буквы имеют сходство с греческими или славянскими, и с разными изображениями людей и зверей, высеченными на подножии онаго. Надписи никто не мог разобрать, и кому воздвигнут сей памятник также неизвестно. По некоторым изображениям догадываются только, что рыцарь Дука-Бех был христианин»¹.

В 1840-х годах Шора Ногмов в своем труде «История адыгейского народа» попытался дать ответ на эти вопросы. А вот как он описывает самого истукана: «Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой. Застегнут он четырьмя четвероугольными застежками и подпоясан кожаным узким поясом, прошитым посредине ниже лифа; платье идет складками. Ноги не сделаны, но нижняя часть представляет столб с греческой надписью на передней стороне и множеством фигур, представляющих людей на охоте за зверями, воинские игры пеших и конных людей и с правой стороны колчан со стрелами, ниже пояса статуи, а с левой — сабля с рукояткой наподобие грузинской и лук в футляре. В этой греческой надписи можно многое разобрать и, между прочим, имя Баксана...»².

Что это за «множество фигур», можно узнать из книги Г. Ионе и О. Опрышко «Памятники рассказывают»: «Ниже подписи, спереди изображены три человеческие фигуры. Одна из них держит чашу, другая из сосуда, стоящего рядом, черпает воду, третья стоит на колене с чашей в руке. Под фигурами высечены два всадника, сражающихся

на копьях. С обратной стороны пьедестала — фигура человека, стреляющего из лука в оленя; ниже ее — два человека, стреляющих друг в друга из лука. На левой узкой боковой стороне статуи, у пояса, — человек с поднятой саблей в правой руке, в левой он держит цепь с пятиглавым змеем. Под ним — человек с палицей на плече. Справа высечены олень и собака»³.

У Шоры Ногмова есть и объяснение, кому и за что был поставлен памятник. Приводим его в интерпретации автора книги «Очерки этнографии Кавказа», известного ученого и государственного деятеля России (он был министром народного просвещения) Е. П. Ковалевского (1792–1867): «В половине IV столетия от Р. Х. на реке Баксане, протекающей по Кабарде, жил князь Дауо; у которого было восемь сыновей; из них старший Баксан, знаменитый нарт (витязь), со всеми братьями и 80 нартами был убит в жестоком сражении с гутами (готами, по мнению автора). По этому случаю была сложена в честь Баксана песня и совершаются ежегодно игрища народные в память его. Сестра убитых братьев перенесла трупы их в Кабарду, похоронила их с честью на берегу реки Этоко и воздвигла на могиле их памятник, существующий и поныне». Далее Е. П. Ковалевский опровергает версию кабардинского летописца, переносящего имя «антов со славян на адыгов». Предлагает Шоре Ногмову «для убеждения нас в том, что под ним покоится именно прах героя Божа, или Боксана, что он действительно погиб в сражении с готами, предводимыми Винитаром, и погребен своей сестрой в IV столетии... снять и предъявить верхний снимок (facsimile) с надписи...»⁴.

Не факсимиле, а сам памятник стараниями А. Фирковича вскоре был доставлен в Пятигорск и установлен у так называемого Цветника. Впоследствии он был перевезен в Москву и передан в хранилища Исторического музея. В 1886 году академик В. В. Латышев предложил свой перевод начального текста: «Успокоился раб божий Георгий Грек... 130 года 12 марта» (то есть XII век), — и на этом остановился, заявив, что ему «удалось разобрать в этой надписи далеко не все» и что «быть может, другим посчастливится более нашего в ее разборе».

В 1947 году профессор Г. Ф. Турчанинов предложил расшифровку Этокской надписи с позиции адыгского языка, то есть народа, которому памятник принадлежал, и дал такую интерпретацию переводу: «Текст... показывает, что Бек является сыном Кануко, который, в свою очередь, был сыном Туко. Иначе, Кануко Бек был отцом, а Туко — дедом. Надпись выполнена сыном некоего Маремуко»⁵.

И сегодня мнение ученых по поводу Этокского памятника неоднозначно, и это дает повод для самых невероятных гипотез. К одной из них авторы этих строк имели отношение, так как готовили к печати книгу: «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника». Ее автор А. Ж. Кафоев.

...Имена отважных летчиков братьев Кафоевых вписаны в историю Великой Отечественной войны: Магомед сгорел в воздухе, защищая Москву, Владимир погиб в небе над Финским заливом, а артиллерист Рамазан сложил голову, защищая Тамань. Единственный из братьев Арсен, удостоенный двух орденов Красного Знамени, остался жив. Представляли его и к самой высокой награде, но подвиг воина пришлось на то время, когда готовилась депортация отдельных северокавказских народов, судьбу которых лишь чудом не разделили кабардинцы.

Арсен Кафоев никогда не интересовался, почему представление осталось без ответа. Главным для него было сознание, что он способен на поступки, продиктованные его волей, его мужеством, его целеустремленностью. Он был хозяином самому себе, хозяином в воздухе. Он видел перед собой врага, сразу понимал его характер и мгновенно вырабатывал тактику боя. На земле слова затевают, искажают, камуфлируют истинную суть человека, а здесь другие законы. Та независимость и широта взглядов, которые Кафоеву подарило небо, большинству из нас не присущи. Всю жизнь он искал открытого боя, открытой научной полемики, в частности.

«Я не хочу ни суда наполовину, ни предубежденных судей», — написал он в 1999 году в предисловии к своей книге «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника», посвященной памяти погибших братьев.

Почему суд? Кафоев, опираясь на сведения Шоры Ногмова, дерзнул пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды в кавказоведении. Он сделал попытку прочесть надпись на памятнике Дука-Бек по-адыгски, датировав его 375 годом. Тогда происхождение многих терминов, имеющих отношение к происхождению кабардинцев, например: «адыгэ», «нарт», «касог», «алан», «черкес», имеет не этнический характер, а выражает отношения племен. Отсюда же следует, что адыго-кабардино-черкесы с первых веков нашей эры были знакомы античным авторам, которых Арсен Жебраилович знал назубок, и упоминаемы ими как «анты». Кафоевское прочтение Этокского памятника укореняет адыгов на местах их нынешнего проживания не с XI века, как принято в сегодняшней науке, а с IV. В кавказоведении это озна-

чает не только пересмотр традиционной историко-географической карты расселения народов, но и изменение подходов к многочисленным историческим проблемам нашего региона. Дешифровав посвоему Этокскую надпись, Кафоев дал понять, что народными песнями и историческими преданиями следует не пренебрегать, а дорожить ими, как древними памятниками народа. На это обстоятельство в книге Кафоева особое внимание обратил доктор исторических наук Ахмат Мусукаев: не фольклорный источник «Повесть о Баксане, сыне Дауове» «подтверждает слова надписи, а, наоборот, содержание текста памятника в данном случае служит основой информации».

Однако историки не торопятся с публичным обсуждением и рассмотрением всерьез гипотезы Кафоева. Мотивация проста – по образованию он экономист. Действительно, Арсен Жебраилович закончил соответствующий факультет и аспирантуру МГУ и сорок лет преподавал эту общественную дисциплину студентам Госуниверситета, но до того учился на филологическом и историческом факультетах Кабардино-Балкарского пединститута. Со второго курса МГУ с присущей ему одержимостью по рекомендации своих профессоров целеустремленно занимался проблемами происхождения северокавказских народов, изучая античные источники и архивные рукописи. Так, в начале 50-х годов он познакомился с Этокским памятником, стал горячим поклонником «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова, а в 1963 году в Нальчике выпустил книгу «Адыгские памятники». Спустя год по этой теме защитил кандидатскую диссертацию по истории. Уже в этой работе он датирует Этокский памятник Дука-Бек V веком, а впоследствии делает его старше еще на сто лет, апеллируя к событиям антско-готской войны.

Словом, идефикс – идея, всецело увлекшая все помыслы и интересы ученого человека со студенческих времен на всю отведенную ему жизнь. То, что стало делом всей его жизни, рано или поздно будет объектом пристального внимания исторической науки: откроются малоизвестные или вовсе неизвестные страницы прошлого, вырастут другие поколения исследователей старины, появятся финансовые средства на археологические раскопки... Хрестоматийный пример: «Илиада» Гомера две тысячи лет считалась литературным памятником, а одержимый мечтатель Генрих Шлиман взял да и отыскал Трою. Легенда стала историей.

В последние годы жизни Арсена Жебраиловича мы тесно общались с ним, не уставая поражаться тому, как упорно бывший бесстрашный летчик сражался с атакующими его организм болезнями,

как не падал духом, как не сомневался, что его слово будет услышано. Философы утверждают, что в будущем нет ничего, чего не было бы в прошлом. Именно будущее решит, был ли прав Кафоев — человек, нарушавший все законы перспективы, крупным планом видевший то, что отстоит от нас на многие столетия назад.

А вот версия о происхождении Этокского памятника пятигорчанина Александра Асова, уверенного в том, что именно на Северном Кавказе вершилась ранняя русская история, экстравагантна, если не сказать больше. Ей целиком посвящена восьмая глава «Сказание о Бусе Белояре» его занимательной книги о Древней Руси. Согласно ей, «великий князь Русколани Бус из рода Белояров (295–368 гг. н. э.)», родившийся «в граде Кияр (Сар-град) в Пятигорье», чья власть «распространялась от Алтая, Загроса до Кавказа и Днепра», «укреплял Русь, которая вела войны с гуннами»; воевал он и «с готами-арианцами (древними германцами), предводитель которых «Германарех повел свой народ завоевывать мир». Данное предложение специально построено нами из закавыченных фрагментов, дабы отвести обвинения от фальсификации истории посредством мифологических событий. Согласно Асову, Германарех личностью был прелюбопытнейшей — прожил 110 лет, мало того, в этом возрасте решил вступить в династический брак с сестрой Буса, по имени Лебедь, а когда выяснилось, что его сын Рандвер эту самую Лебедь полюбил, повесил его, а саму невестку бросил под копыта коней. Погибель свою этот «великий полководец... захвативший после долгих войн почти всю Восточную Европу», нашел от меча Буса и его брата Златогора. Но и сам Бус прожил после этого недолго — его «и семьдесят иных князей распяли на крестах» воины Амала Винитария, преемника Германареха. Все сказанное выше видится необходимой преамбулой к тому, что будет сказано ниже. Цитируем дословно: «По кавказскому преданию, на родину тело Буса и иных князей привезли восемь пар волов. Жена Буса повелела насыпать над их могилой курган на берегу реки Этоко (приток Подкумка) и воздвигла на кургане памятник, сделанный греческими мастерами («Хотя памятник ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце...» — пела она, согласно легенде). Она же, дабы увековечить память Буса, повелела переименовать реку Альтуд в Баксан (реку Буса).

По преданию (балкарскому и болгарскому, то есть богумильскому), Бус, как и Иисус, затем воскрес и вошел на Фаф-гору (Эльбрус). И отныне он в Ирии, в Небесном царстве у трона Всевышнего.

На земле же памятником Бусу остался монумент. И он стоял на древнем кургане на реке Этоко много лет, и прохожие могли про-

честь древнюю надпись на нем, пока не забылся древний язык и древняя письменность»⁶.

Все это написано вполне серьезно, с многочисленными ссылками на источники IV–VI веков нашей эры – знаменитую «Книгу Велеса», церковника Иоанна Златоуста, готского летописца Иордана, римского поэта Децилл Маги Авзония... История, так сказать, творится на наших глазах: акценты смещаются, мифические герои определяются в конкретном времени, выдуманные координаты становятся реальными. Уверены: даже небезызвестный Фоменко с его новой трактовкой мирового летосчисления позавидовал бы воображению пятигорчанина. Впрочем, не будем больше иронизировать – ведь тем не менее и эта версия имеет право быть. Вероятно, точку в данном вопросе расставят только далекие потомки наши, которым – чем черт не шутит! – возможно, удастся прогуляться по прошлому. По местам, где – тут нет никакого преувеличения – писались и страницы мировой истории...

Дука-бек по-прежнему вызывает интерес и споры. И публикуемая в приложении к данному материалу статья «На берегу реки Этоко» еще одно подтверждение этому.

Делать из нее выводы мы предлагаем самим читателям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Броневский. С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 129–130.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 82.

³ Ионе Г., Опришко О. Памятники рассказывают. Нальчик: КБКИ, 1963. С. 85.

⁴ Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 280, 282.

⁵ Цит. по: Кафоев А. Ж. Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик: Эль-Фа, 1999, С. 16, 17.

⁶ Асов А. Русколань: Древняя Русь. М.: Вече, 2004. С. 105.

НА БЕРЕГУ РЕКИ ЭТОКО¹

...Судя по рисунку Гюльденштедта, а также фотографии, статуя князя Буса изображает человека в одежде, традиционной для берендея или бродника-казака. Кожаные латы, сшитые полосами, подобным образом носили, по крайней мере, с XIII века, а теперь мы можем утверждать, что и ранее – с IV. Голова обрита так, как это всегда было принято у казаков.

Связано это с древним ведическим обрядом жертвоприношений волос – из этих волос, по поверью, строится мост, по которому люди после смерти будут переходить в загробный мир. Следуя тому же обычаю, казаки оставляли на голове чуб, за который Бог вынимает душу после смерти. На статуе Буса традиционного чуба не видно под круглым шлемом. Шлемы такого рода, как на статуе, были на вооружении у бродников, половцев и сотников из Черниговского княжества.

Бус держит в правой руке рог с медовой сурьей. С правой стороны у него колчан со стрелами, с левой – лук и сабля. На правой грани постамента изображены следующие фигуры и символы. Сверху – круг (по Гюльденштедту, «солнечный диск»). Также изображены две коровы (Гюльденштедт их назвал «самками оленя»), думаю это дочери небесной коровы Земун, которые впряжены в чегирное колесо – вращающееся звездное небо. Между коровами – окружность (по Гюльденштедту, «мировой круг»), а ниже – воин с копьем. Полагаю, что это изображение следует толковать, как рассказ о введении Бусом Белояром календаря. Ибо «мировой круг» – это, очевидно, круг Сварожий, то есть небо, символически представленное кругом зодиакальным, иначе – «мировым».

Воин с копьем – это сам Бус, держащий копье-стожар, которое должно быть направлено на Полярную звезду. (Подобные изображения мы можем найти и на других древних надгробиях, например, на Эльхотском кресте.)

На задней части постамента также представлен сюжет из «Книги Коляды». Здесь повествуется о преображении Крышняя из «Веды Крышняя». В нижней части два ратника – это Крышень и Черный бог. Они пускают друг в друга стрелы, после чего Крышень уходит по звездному мосту к трону Всевышнего. К вратам Ирия Крышня провожает Небесный Олень – он открывает перед сыном Всевышнего врата Неба.

Думаю, что на тризне по князю Бусу его сын Боян пел эти песни из «Книги Коляды», имея в виду не только Коляду и Крышню, но и самого Буса Белояра, воплотившегося Вышня.

На передней части монумента изображена тризна по князю Бусу. Суд с сурьей, из которого тризники черпают сурью. Один из них должен быть сын Буса — Боян. Внизу состязаются два конных ратника, как это принято на тризне. Над фигурами Гюльденштедт изобразил руническую надпись.

Надпись сделана теми же пелласго-фракийскими рунами, что и «Боянов гимн». Некоторая разница в начертании рун объясняется тем, что нанесены они были на разный материал. Есть в надписи и собственно греческие буквы (в «Бояновом гимне» также для красоты используются греческие буквы — несколько раз в заглавии и первых строках).

Мы видим руну, подобную поставленной на бок греческой букве «омега». В греческом алфавите и в кириллице (а также в азбуке «Боянова гимна») она означает долгий звук «о». Также она является христианским символом Всевышнего. Вспомним, Христос говорил: «Я есмь Альфа и Омега» (Апок. 22:13).

По ведической традиции, представленной в Упанишадах, шастрах Индии, «Оом» — имя Бога, неотличимое от него самого. В санскрите имя «Оом» изображается специальным знаком, сходным с изображенным на этом монументе. Ближко по начертанию изображается имя Аллаха и в арабской письменности.

«Оом-Хайэ», несколько раз повторяющееся в начале надписи, — это основная ведическая мантра, прославление Всевышнего. Означает: «Оом — мой Боже!». Подобное восклицание есть в «Книге Велеса», «Веде славян», в шастрах Индии. «Хайэ» — у славян (ср. с совр. «хвала»), «хайре» — у греков, «хайль» — у германцев», «хай» — у англичан и пр. суть восклицание, означающее приветствие, пожелание здоровья и благополучия. В целом надпись перевожу так:

О-ом! Боже! Ом!
О-ом хайэ! О-ом хайэ! О-ом хайэ!
О-ом хайэ! О-ом хайэ! Побуд!
О-ом хайэ! Побуд! Сар!
Верьте! Сар Ярь Бус — Богов Бус!
Бус — Побуд Руси Божей! —
Боже Бус! Ярь Бус!
5875, 31 лютеня (368 год н. э., 21 марта)

Боян называет Буса — *Побудем Руси Божей*. Вспомним, что себя в «Бояновом гимне» Боян именует *послушцем*, то есть — послушником, учеником, тем, кто слушает.

Побуд — слово, образованное по тому же закону. Оно означает того, кто будит, пробуждает, именно духовного учителя, пробужденного. Тот же смысл и то же происхождение имеет слово «Будда». Замечу, в «Книге Велеса» Буса именуют «Будю», а также «Будаем».

В современном языке «побудок» – это благовест, утренний колокольный звон. Потому Побуд – это также и благовестник, пророк. Тот, кто несет слово Божье.

Сохранились на месте древних святилищ Буса Белояра и почитаемых мест созвучные названия. Например, в Москве есть речка Будаика, впадающая в Яузу (буквально в двух шагах от моего дома).

Дата, приведенная в конце, написана по греко-славянской, раннехристианской традиции. Весьма характерна цифра, означающая 800.

Такое написание этой цифры отметил только А. И. Сулакадзев в своей рукописи «Буквозор»², в коей, в разделе «Кириллические азбуки», он описал также азбуки раннехристианских славянских рукописей, входивших в его собрание.

Эта дата, а также крест, носимый, как это было принято у ранних христиан, на воротнике, говорит о том, что Бус принимал не только ведическое, но и христианское учение, идущее еще от апостола Андрея. То учение, которое еще не было искажено позднейшими наслоениями, не отрицающее ведическую веру.

Замечу, что в Причерноморье к IV веку христианство уже имело прочные и давние корни. Апостол Андрей в I веке нашей эры принес учение Христа в Сурож и Херсонес (Хорсунь).

Русские легенды об апостоле Андрее повествуют о том, что он водрузил крест на Киевском холме, а потом проповедовал в Новгороде. Очевидно, имеются в виду Киев Антский у горы Эльбрус (на Днепре Киев был основан через четыре века), а также Неаполь Скифский в Крыму (на Ильмене Новгород был основан только в VI–VII веках).

В IV веке на Боспоре уже было свое епископство. Так Боспорский епископ Кадм принимал участие в Никейском соборе 325 года и подписал никейский символ веры. Известно в Боспоре (в Илурате) и несколько греческих и скифских христианских надгробий того времени, находящихся в языческих некрополях.

Не так давно были известны раннехристианские рукописи, сделанные еще в то время (они хранились вместе со славянскими ведическими книгами).

Возможно, это те самые Евангелия (полагаю, от апостола Андрея), которые, согласно «Житию Кирилла и Мефодия», были писаны русским письмом, то есть руникой.

Подобные рукописи изучал в Хорсуне Кирилл перед началом своей проповеднической деятельности. Но ныне отыскать эти книги непросто при бытующем отрицательном отношении к таким находкам в России.

Вернемся к дате, стоящей на постаменте статуи князя Буса. 5875 год от сотворения мира – это 367 год от Р. Х. 31 лютого – это последний день 367 года (равнозначно 21 марта 368 года по современному календарю). Это особая дата.

Известно, что лютеню соответствует февраль. В феврале ныне 28 дней, а 29-й бывает только в високосном году. Некогда в феврале было на один день больше, но его отнял римский император Август и прибавил к месяцу, названному в его честь августом – дабы в августе не было меньше дней, чем в июле, названном в честь другого императора – Юлия Цезаря. Разумеется, эти римские нововведения не коснулись славянского календаря, потому последний месяц года – лютень имел в обычном году 29 дней, а в високосном – 30 дней. 368 год – високосный, в лютене тогда должно было быть 30 дней. 31-й день мог быть только в том случае, если славяне имели отличный от юлианского календарь.

Как известно, юлианский календарь был заменен григорианским, дабы день весеннего равноденствия не отходил от 21 марта, назначенного Никейским собором. Возможно, в славянском календаре число 31 лютеня было введено для этих же целей. По крайней мере, тогда было известно, что истинный год отличается от юлианского. Уже греческий ученый Гипарх во II веке до нашей эры вычислил долготу года $365 \frac{1}{4} - \frac{1}{300}$ суток, и это вычисление могло быть известно на Руси.

Могла сохраниться на Руси и иная календарная традиция, о которой мы можем только догадываться. В любом случае день 31 лютеня не мог быть обычным днем. Возможно даже, что он прибавлялся не только раз в четыре года, но и в определенных случаях еще раз, например в 300–500 лет (если каждую сотню лет, подобно тому, как то делается в григорианском календаре, славянами также отменялся високосный год).

Последний день эпохи Белояра – 31 лютеня. Это день преображения князя Буса. День, завершающий Сварожий круг. Это день, который Черный бог отнял тогда у весны. Силы Черного бога обрели самую большую силу за всю эпоху Белояра, потому Бус был распят, потому в этот день он ушел к Всевышнему и оставил землю.

Но нам, русским людям, он оставил великое наследие. Это и русские земли, которые удалось тогда отстоять. Это календарь Буса, который слился с православным народным календарем, определявшим в течение столетий образ жизни русского человека. Это и песни сына Буса, Бояна, и брата его, Златогора, дошедшие до нас народными песнями, былинами. Из этой традиции выросло «Слово о полку Игореве».

Бус заложил основание русского национального духа. Он оставил нам в наследство Русь, земную и небесную.

Бус Белояр и нарты

С самого начала своего исследования я попытался собрать максимум источников, в которых каким-то образом освещалась интересующая меня тема. Обращение в Исторический музей окончилось ничем. По информации работников музея, монумент Буса находится в запасниках, и прислать мне его фотографию не представлялось никакой возможности.

Поэтому я взял за основу рисунки Этокского изваяния из книги А. Асова «Атланты. Арии. Славяне», фотографии монумента, сделанные Раевым, и изображение Буса Белояра из переизданной в 2002 году книги И. Гюльденштедта «Путешествие по Кавказу (1770–1773 гг.)».

«На холме, на восточном берегу Этоки, прямо к западу от средней горы Темиркубшек и намного к северу от прекрасного родника, стоит статуя с надписью... У черкесов статуя называется Дука Бек, однако неизвестно, откуда происходит это имя. Буквы имеют много сходства как с греческими, так и со славянскими...»³

ДУКА БЕК – странное сочетание двух слов, из которых я с большой долей уверенности интерпретировал второе, так как оно по произношению и понятию близко к кавказским наименованиям особ княжеского рода. Бек – князь. Расшифровка же первого слова долго не давалась мне, пока в книге А. К. Гуца «Многовариантная история России» я не наткнулся на портрет царя Ивана Грозного с надписью под ним: «IOHANES BASLIDES MAGNUS MOSCOVITA RUM DUX». Слово DUX в славянском языке трансформировалось в слово ДУКА и, по всей вероятности, обозначало то же понятие – *знатный вельможа*. Обратившись к словарю В. Даля, я с удовлетворением обнаружил в нем подтверждение своим выводам: «ДУКА – знатный, сильный богач, вельможа... датский король Гарольд в VII веке, победив балтийских славян, увел с собою князей их, Дука и Даля, приняв их в свою дружину».

Однако в нашем случае слово *Дука* не означает имя князя, но оно явно определяет его славянское происхождение. Сочетание двух слов *Дука Бек* для живших на Пятигорье племен означало главенство знатного, сильного славянского вельможи над всеми князьями данной территории. Над всеми князьями князь! Даже если интерпретировать строку текста: СЮ ГАРА НАРТ СЕЛ как СЮ САРА НАРТ СЕЛ, т. е. ЦАРЬ НАРТОВ, то независимо от высеченного на камне титула главы племени нартов он подчинялся воле славянского ДУКА БЕКА.

«Фотография памятника Буса Белояра была опубликована в книге А. Ж. Кафоева «Адыгские памятники» (Нальчик, 1963). Он забыт, не составляется и не причисляется к славянским древностям». Далее в книге А. Асова на с. 360 приводится рисунок памятника, взятый из книги И. Гюльденштедта. В связи с малыми размерами рисунка и, по всей вероятности, многократным копированием, надпись на памятнике прочитывается с большим трудом. Тем не менее, мной была предпринята попытка расшифровки надписи, сделанной, как правильно утверждалось ранее многими очевидцами, смесью греческих и славянских букв...

Надпись, высеченная на монументе, полностью выглядит и переводится на современный русский язык так:

ЕН ЕЖЕ АС
ОЙ А ОЙ ЛЕ

ОЙОЙ СОГЛ
 О ТТ СК СЮ САР
 А НАРТ СЕЛ
 И ОЙ КО КЛ В ЛЖ КО
 КО ТТ Ъ КУТ БОР
 КА А ИНЕ РЕШЕ КО
 О КОЛ ЕА ОС ГАД.

В переводе:

Я ЯВЛЯЯСЬ БОГОМ (КНЯЗЕМ)
 всех ГОЕВ (русов) решил для
 ГОЕВ СОГЛАСНО
 О ТУТ СКАЗАННОМУ ЗДЕСЬ ЦАРЯ
 НАРТОВ ПОСАДИЛ (поселил)
 И ГОЙ КОТОРЫЙ КЛЯНЕТСЯ ВО ЛЖИ КОМУ
 КОТОРЫЙ ТАТЬ В ЭТОМ УГЛУ ЛЕСА (борка)
 А ИНАЧЕ РЕШИТ КТО
 КОЛЯДА ЕГО ОСУДИТ (как) ГАДА (дракона).

Первый вариант расшифровки последней фразы вначале предполагал наказание ослушника заключенного договора между русами и нартами путем посадки его на кол, но впоследствии, изучив трактовку изображения, сделанную А. Асовым: «...на левой грани монумента можно видеть рельеф на сюжет из «Книги Коляды». Это последнее деяние Коляды. Согласно тексту песни, Коляда после освобождения отца, Даждьбога, плыл на корабле по Черному морю (на статуе это символически изображает Коляда с веслом). На корабль Коляды напал Черный бог, обратившийся в пятиглавого Дракона. Коляда опутал его корабельной цепью, оседлал и улетел на нем к трону Всевышнего. Этот сюжет повествует о преображении Коляды, об уходе его из земного мира (подобный змей изображен и на Эльхотском кресте)», — я полностью согласился с данной трактовкой. Она вполне соответствует расшифровке надписи: «Коляда его осудит (накажет), как дракона (гада)», — и это заключает не земное, а божественное наказание провинившегося.

Удивительно то, что А. Асов, дав в своей книге вполне жизнеспособную трактовку рисунку, не сумел увязать его с надписью на монументе!

Согласно сделанной расшифровке надписи на памятнике, он, по всей видимости, являлся документальным подтверждением заключенного договора о поселении князем славян на части территории, принадлежащей его родам, некоего племени нарттов. Об этом довольно красноречиво говорят рисунки, сделанные на четырех сторонах памятника. На лицевой части в ознаменование заключенного договора два вождя воинственных племен (что подтверждается изображениями двух вооруженных копьями всадников

в нижней части группы) подняли чашу с вином над большим сосудом. Стоящий слева князь славян протягивает чашу (братину) князю нартов, позади которого его соплеменник стоит в позе просителя на полусогнутых ногах.

На левой стороне памятника в подтверждение договора нартам разрешается использовать пастбища для выпаса скота.

На задней плоскости монумента высечено разрешение на совместную охоту на диких зверей, что символично показано изображением лунников с двух сторон, загонщика и оленя.

И самое удивительное изображение высечено на правой стороне монумента. По моей первоначальной трактовке, воин, изображенный сверху, отсекает мечом материализованную дурную мысль о захвате чужого, что символично отображено в виде пятипалой руки, охваченной цепью. Однако впоследствии, при более детальном изучении фотографий и письменных источников, стало понятно, что наказание должно последовать от божественных предков русов – в данном случае, от Коляды.

В процессе раскопок под самим изваянием не было найдено захоронение князя, и это еще раз подтверждает правильность предлагаемой интерпретации событий, происходивших в глубокой древности на территории Северного Кавказа. А сам памятник весьма интересен тем, что на нем есть прямое подтверждение от первого лица князя славян условий договора. Тем самым монумент, несомненно, олицетворяет облик одного из именитых вождей древних славян, и если хронология и инструментальный научный анализ, которыми занимаются многие современные русские историки, подтвердятся, в самом недалеком настоящем можно будет с уверенностью сказать, что перед нами находится легендарный велесовский Бус Белояр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Славянское родноверие. Ставрополь, 2009. № 2. С. 40–47.

² «Буквзор» издан В. В. Грицковым в брошюре «Сказания русов» (М., 1994).

³ Гюльденштедт И. А. Путешествие по Кавказу (1770–1773). СПб., 2002. – 505 с.

⁴ Асов А. И. Атланты. Арии. Славяне: История и вера. М.: Гранд-Фаир, 2000. – 560 с.

ГЛИНЯНЫЕ ЗАМКИ

Актопрак – это известнейший с древнейших времен перевал, позволявший общаться жителям Чегемского и Баксанского ущелий; через него проходил старинный торговый путь. О нем мы находим косвенное упоминание у Шереф эд-Дин Йезди, когда он ведет рассказ о походах к крепостям Кулы и Тауса: «Тимур, снова оставив обоз, двинулся оттуда к крепости Кулы и Тауса. Они также принадлежали к племенам обитателей Эльбруса. У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотрящего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы»¹.

Крепость, о которой здесь говорится, находилась в местности Кала-Кол с баксанской стороны перевала Актопрак – у селения Былым, где осенью 1395 года и произошло одно из сражений с войсками Тимура.

А с чегемской стороны имеются тоже своего рода крепости, но возведенные не руками человека, а самой природой из подручного сырья – глины. Ведь Актопрак в переводе с балкарского и означает «белая глина».

...Если через сотню-другую метров после начала перевала перебраться на правую сторону, то окажешься среди невиданных сооружений – многоступенчатых замков, многометровых башен.

Кто посмелее, может забраться в зигзагообразные галереи, проникнуть в узкие лазы, заканчивающиеся тупиком или ведущие в шарообразные и продольные пещеры высотой в человеческий рост, а то и более. Правда, при этом следует соблюдать немалую осторожность – почва здесь настолько непрочная, осыпающаяся под ногами, что, оступившись, мгновенно окажешься в расщелине или проеме глубиной в несколько метров. И без посторонней помощи сам выбраться не сможешь. Поэтому местные жители старались держаться от этих мест подальше. Путешественник В. Тепцов писал в своей

работе «По истокам Кубани и Терека»: «Горцы... боятся заглядывать в темные ходы из суеверного страха – встретить там шайтанов. Пастухи прогоняют скот через тоннели Актопрака на другую сторону, но не нашлось еще смельчака, который сопровождал бы стадо по этим подземным галереям»².

И у него же чуть выше читаем: «Подземные ключи и ныне журчат во многих галереях Актопрака. Из них у подножия этого гребня составляется довольно большой ручей. Вода в ручье грязна, сильно насыщена известью и почему весьма неприятна на вкус».

За прошедшие после написания этих строк 120 лет подземные ключи, благодаря которым и возникли необыкновенные объекты Актопрака, потеряли свою силу. Об этом можно судить хотя бы потому, что практически исчез «большой ручей». Не осталось следов и от тоннелей, через которые перегоняли скот.

Но по-прежнему живут легенды. Прежде всего о кладях, которые спрятаны в этих местах за несколько столетий – начиная с периода, когда именно здесь, по мнению некоторых историков, проходил один из участков караванного пути, и кончая периодом депортации балкарского народа. Ведь Актопрак – это и большое селение, куда после 8 марта 1944 года так и не вернулись люди...

Авторы неоднократно бывали в Актопраке. Чем закончилась одна из поездок читатель узнает в третьей части этой книги..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Шаханов Т. Б.* Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 94.

² *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 152.

КЫРТЫКСКИЕ СКЛЕПЫ

Кыртык – место, где и сегодня люди бывают нечасто: уж очень трудно сюда добираться. Но, право, увиденное оправдывает все тяготы дороги.

Сразу за селением Верхний Баксан по невероятно крутому подъему, извивающемуся серпантином, надо достаточно долго подниматься вверх. Наша «Нива», не ожидавшая столь серьезных испытаний, вначале натужно рычит от негодования, а потом и вовсе закипает от бессилия. Через полчаса продолжаем движение вперед, и вновь незапланированная остановка – сошедший пару дней назад сель практически смыл дорогу. Слева – пропасть, справа – отвесный склон; на узкой, не более полутора метров, площадке – груды камней. Разобрать их без бульдозера практически невозможно, тем не менее отступать не хочется – достаем лопату и начинаем подкапывать правый край дороги. При этом убеждаем водителя, с опаской поглядывающего в пропасть, что если вплотную прижаться к склону, то машина сможет проехать...

У перевала Кыртык два названия: со стороны Баксана – *Су-Арык* (от балкарского *су айры* – «водораздел»), со стороны Малки – *Кыртык-Ауш* (*кырдык* с балкарского «трава», *ауш* – «перевал»). Это перевал через водораздел рек Баксан и Малка, и идет он по заросшим травостоем горным склонам. Открывающаяся взору кипенно-белоснежная панорама Эльбруса с перевала кажется лежащей на травяной зелени пастбищ.

Сразу вспоминается описание И. Иванюкова и М. Ковалевского, побывавших в этих местах в восьмидесятых годах XIX века: «К девяти часам утра мы были на высшей точки перевала. Перед нами стояла вторая линия вечных снегов и Эльбрус во всем своем величии и великолепии. Чем ближе подходишь к этому гиганту, тем сильнее он захватывает. Кажется, будто с куполообразных шатров его виден весь мир...

Спуском средней крутизны по дикому ущелью, окаймленному высокими горами, въехали мы к полудню в Кыртыкскую долину... Правую сторону долины составляет виденная нами с перевала цепь вечных снегов, почти отвесно спускающаяся к извивающейся реке Кыртык.

Горы левой стороны долины покрыты роскошными бархатистыми пастбищами, над которыми высятся по крутым склонам могучие хвойные леса»¹.

А вот что можно узнать из записок В. Тепцова «По истокам Кубани и Терека» (на самом деле — Череха), побывавшего в этих местах в те же годы: «Долина Кыртыка — одна из довольно живописных долин северного склона. Местами она суживается до того, что на расстоянии версты и более вы идете узкими воротами, прижимаясь к отвесным стенам скал. У истоков Кыртыка долина довольно широка. Здесь она образует обширное зеленое нагорье, окаймленное высокими кряжами. На западном кряже видна цепь утесистых остроконечных снежных вершин, а на восточном такая же цепь желтых причудливых формой утесов и пещер. Пещеры встречаются на левом берегу и по всему протяжению долины. Некоторые из них довольно обширны, расширяясь, по всей вероятности, искусственно, и, несомненно, в древности служили надежным убежищем для разоренных обитателей долины во времена нашествия с Востока. В пещерах этих горцы находили кости человека, остатки одежды и медных украшений»².

Эти пещеры и есть цель нашего путешествия.

...Наконец, дорога более-менее выровнена. На ее правую сторону, обрывающуюся в пропасть, даже смотреть страшно, а уж ехать... Мотор взревел, машина рванула по прорытой колее, тут же поползла вниз, забуксовала, выскочила на гребень, на какое-то мгновение зависла задним колесом над бездной и... проскочила селевой лоток. Правда, мы не знали, что таких селевых прорывов — дорога поднималась серпантином — впереди еще целых два, но они были куда меньше, а главное — не так опасны.

Открывшееся по правую сторону травянистое плато, плавно уходящее вниз, поразило своим волшебным изумрудием, благостной тишиной, нарушаемой лишь жужжанием многочисленных насекомых да посвистом ветра. На одном из склонов — нагромождение камней. Приблизившись, понимаем, что они выложены руками человека и представляют из себя практически ровный круг. Но вот с какой целью он выложен, понять затруднительно. То, что это не остатки фундамента, ясно. Тогда что? Астрономическое сооружение? Культовое?

Ответов нет. Как и на тот вопрос, кто и когда здесь обитал, о чем свидетельствуют пещеры, которыми зияют склоны горы, носящей имя *Уллукай* (уллу с балкарского — «большой»). Впрочем, это в большей

степени не пещеры как таковые, а каменные мешки. Под огромными валунами имеются лазы, через которые можно попасть, причем только ползком, в небольшие помещения неравномерной высоты: у входа они достаточно низки — стоять можно лишь полусогнувшись, зато через пару шагов вглубь выпрямляешься в полный рост. Видно, что одна из боковых стенок выложена из пригнанных друг к другу камней известковым раствором. Имеется даже что-то вроде полочки.

Впрочем, жить в таком закутке весьма затруднительно. В большей степени «мешок» напоминает могильник. Да и виднеющиеся на земле кости как будто свидетельствуют об этом. Но тогда для чего мертвым очаг, сооруженный прямо у входа? Или перед нами своего рода напластование эпох — одни обрели здесь вечный покой, другие — временный, от захватчиков, коих во все времена так притягивали эти благодатные места? Огромный каменный жернов, валяющийся поблизости, также убеждает, что люди жили здесь постоянно — выращивали хлеб, пасли скот, пили нарзан, источник которого, расположенный в нижней части осыпи, не иссякает веками. Цивилизованные археологические раскопки здесь практически не проводились, а значит, еще возможно прикоснуться к тайнам прошлых веков, попытаться восстановить цепочку ушедших поколений.

Кыртык видится нам местом сакральным, привлекавшим издревле людей не только благодатными местами, но и чудесными явлениями, необъяснимыми с позиций разума. Пастухи, проводящие здесь долгие летние месяцы, рассказывают много необычного, начиная от пронизывающих ночное небо световых лучей неизвестного происхождения и кончая исцеляющей силой необычного проема в скале. Будто бы, пройдя через него несколько раз, избавляешься от многих болезней. Эта «дверь» в скале действительно интересна, но ощутить ее волшебное влияние нам в тот приезд так и не удалось. В какой-то момент погода мгновенно поменялась, тут же резко похолодало, стал накрапывать дождь, с гор пополз туман. А ведь предстоял еще обратный путь — почти двадцать километров по дороге, размытой селем...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльборуса // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. Вып. 1. С. 35.

² Тепцов В. По истокам Кубани и Череха // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 128–129. Далее: СМОМПК.

ВЕРХНЕЧЕГЕМСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

Самые впечатляющие сооружения Верхнего Чегема – наземные склепы, расположенные на древнем могильнике сразу за селением. Сложены они из камня, имеют как четырехугольную форму, так и форму восьмигранного конуса. Это своего рода Город мертвых, издавна привлекавший внимание ученых. Памятники многократно изучены, описаны и поэтому видится правильным, рассказывая о них, дать слово специалистам.

Вот что, в частности, пишет Л. И. Лавров: «Внешний осмотр Верхнечегемского могильника дает возможность различить в нем семь типов могил: 1) земляная насыпь, обложенная по краям камнями; 2) каменная насыпь; 3) каменный ящик, сложенный из гладкопригнанных камней и внутри засыпанный камнями. То есть та же каменная насыпь, но с укрепленными стенками; 4) каменный сцементированный ящик с крутой двускатной крышей; внутренность ящика заполнена камнями. Эта могила отличается от предыдущей лишь тем, что она лучше предохранена от разрушения; 5) могила с таким же ящиком, как и у предыдущей, отличающимся от него тем, что, во-первых, внутри он пустой и, во-вторых, имеет маленькое квадратное окошечко с восточной стороны. То есть это маленький склеп, как бы повторяющий собою внешние формы каменной зацементированной насыпи; 6) большой четырехугольный склеп (*кешене*) с высокой двускатной крышей и окном с восточной стороны; 7) большой восьмиугольный склеп с пирамидальной (также восьмигранной) высокой крышей, переходящей вверх в конус».

И далее: «Уже один простой перечень семи встречающихся типов наводит на мысль, что склепы Северного Кавказа не повторяют архитектурную традицию тех или иных, в прошлом более культурных, народов, оказывавших влияние на горцев. Склепы органически увязаны с местной «архитектурой» горских могил. Мы видим, как каждый тип является лишь усложнением предыдущего. Вопрос еще может стоять о происхождении многоугольных склепов, но отнюдь не четырехугольных»¹.

Напомним, что побывал здесь ученый летом 1936 года, а спустя 20 лет Тимур Шаханов застал только восемь из одиннадцати склепов. А вот что он говорит о склепе, расположенном за селением: «...на расстоянии километра, в местности Сюгюлчю ичи, на склоне горы имеется одинокий склеп (кешене). Склеп этот шестигранный, единственный встреченный нами кешене, имеющий не восемь, а шесть граней. Возможно, что это случайная ошибка строителя. Высота этого склепа 4,5 м, внутри размеры – 240 x 110 см, имеет вид неправильного овала, кверху суживается, окно 50 x 40 см, ориентировано на северо-запад, толщина стены 65 см. Рядом со склепом могильник»².

Представляет интерес и статья, автор которой, Г. В. Пионтек, видел в начале шестидесятых годов прошлого века «Селение Эльтюбю как потенциальный музей балкарского народного зодчества на открытом воздухе», чего, к сожалению, не произошло и поныне. Вот что он отмечал: «Над всем некрополем доминируют несколько хорошо сохранившихся монументальных усыпальниц — «кешэнэ». Они относятся к разным периодам и делятся на два типа по плану и внешнему виду: прямоугольные в плане и восьмиугольные. Последние являются более поздними.

Эти небольшие каменные усыпальницы с одним окном и тонким карнизом, высотой в пять-шесть метров представляют собой неправильные выпуклые восьмигранные пирамидальные объемы с плавно изогнутыми ребрами и гранями, завершающиеся сверху шишкой из цельного камня.

Старые чегемские строители не знали настоящего свода, арки, купола, и во всех случаях применяли только ложный свод, то есть такую систему, когда каждый камень чуть нависает над нижним, постепенно сокращая расстояние между противоположными стенами. Кроме того, стены из камней неправильной формы делались книзу толще, чем вверх. Все это и создает то своеобразие силуэта, которым отличаются кешэнэ.

Многогранные мавзолеи с конусовидными или пирамидальными завершениями встречаются в архитектуре и Средней Азии, и Азербайджана, и на Северном Кавказе (в частности, в чеченских районах, почти аналогичные, но, в отличие от чегемских, нештукатуренные), и в кабардинских районах. Все эти памятники относятся к памятникам «мусульманского» зодчества. Это дает основание видеть в кешэнэ Эльтюбю памятники мусульманского периода и датировать их не ра-

нее конца XVII – начала XVIII века. (Однако нельзя забывать, что подобные сооружения имелись и в христианской Осетии.)

Построенные с помощью ложного свода, утончающиеся кверху боковые стены которых, постепенно смыкаясь, завершаются острым коньком, прямоугольные кешэнэ выглядят исключительно монументально и воспринимаются значительно крупнее своих абсолютных размеров. Сравнительно небольшое сооружение Баймурза-кешэнэ, имеющее высоту 8 м 60 см и объем около 160 м³, своей монументальностью подчиняет себе окружающий пейзаж, так что кажется, будто создал его не человек, а сама природа.

Необходимо отметить, что эстетическое воздействие всех погребальных сооружений определяется не нагромождением деталей, а композицией объема, контрастом пятна проема со светлым оштукатуренным полем стены, умелой постановкой сооружения среди ландшафта. Лишь только на одном кешэнэ имеется декоративное убранство в виде нескольких отпечатков на свежем растворе то горлышка, то дна кувшина»³.

Относительно того, когда были сооружены верхнечегемские мавзолеи, ученые и сегодня не пришли к единому мнению. В целом принято считать, что сооружать их начали не ранее XIII века и возводили вплоть до XVIII века.

«Город мертвых», как еще называют эти захоронения, – излюбленное место остановок туристов, приезжающих в Чегемское ущелье. Большинство из них уверено, что с этим местом связано немало преданий, таинственных историй, необычных фактов. И они правы. Чего стоит хотя бы такой: во время раскопок, которые осуществлялись с наружной стороны склепов, были найдены скелеты невиданных для тех времен размеров – два метра и даже более. Спрашивается: кого, даже после смерти, охраняли те великаны?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // Советская этнография. М., 1939. Т. 2. С. 178–179, 181.

² Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 109.

³ Пионтек Г. В. Указ. соч.

СВЯШЕННЫЕ КАМНИ

Если сразу за селением Верхний Чегем переехать через мост на левый берег реки Чегем, то прямо напротив могильников видна дорога, ведущая в селение Думала. Проходит она под горой (местность эта называется *Шегишти*), на которой сохранились два необычных камня, имеющих весьма интересную историю. Один из них – Аш-Тотур. Около него в старину устраивали жертвоприношения по поводу совершеннолетия юношей, а всадники, проезжая, всегда спешивались. Вот какую легенду записал об этом камне Л. Лавров: «Рассказывают, что однажды ехали мимо балкарец и кабардинец. Балкарец сошел с коня и предупредил о том же своего спутника. Но тот отказался.

– Я князь, – сказал он, – и ничего на свете не боюсь! – В доказательство своего бесстрашия он выстрелил в «священный» камень и поехал дальше.

Вдруг показалось облачко, которое все увеличивалось и приближалось к кабардинцу. В середине облачка была какая-то пчела. Когда облако окутало кабардинца, пчела укусила его в ноздрю. Через некоторое время нос распух, завелись в нем черви, и кабардинец умер»¹.

Не менее интересен и другой камень, находящийся неподалеку и считающийся священным. На нем четко видны отпечатки рук и ног, которые, как гласит легенда, принадлежат святому, носившему имя Пайханпар. Л. Лавров считает, что термин «пайханпар» восходит к персидскому слову, означающему «пророк».

Т. Б. Шаханов в своих «Записках краеведа» пишет: «В прошлом на этом камне пять раз в день молились верующие сельчане. На нем остались следы ног, рук и коленей молящихся. Камень этот, расположенный на дороге, получил название «Намаз-таш», то есть «Молитвенный камень». Не каждый камень, какой бы он ни был гладкий, удостоивается такого названия. Такой чести он обязан своим расположением – ориентацией на Мекку, родину пророка»².

Самое интересное, что есть у «Намаз-таша» и еще одно название – камень Бердибия «Бердибий-таш». Согласно легенде – так звали одного из военачальников Тимура. Но, по мнению того же Ти-

мура Шаханова, «чегемский Бердибий вовсе не воин Тимура, а его противник. Вероятно, потомки, желая возвеличить память своего предка (по-видимому, кипчака, захватившего власть над чегемцами), сделали Бердибия одним из военачальников Тимура. Ведь в древних текстах нет ни слова о победе или пленении Бердибия»³.

Но вернемся к Намаз-ташу. Сколько времени надо было провести пророку, дабы оставить такие явственные следы, представить трудно, но они видны и, без сомнения, неприродного происхождения. Здесь, на достаточно отвесной горе, став на камень и преклонив колени, понимаешь, что истинная вера может творить чудеса и сила скал ничто перед ней.

Кстати, в Верхнем Чегеме можно говорить о настоящем культе камней! Ведь имеется еще и так называемый Камень позора с проделанным в нем отверстием. Через это отверстие была протянута веревка, которой к камню привязывали преступников, и каждый местный житель, проходя мимо провинившегося, мог высказать к нему свое отношение — словом и делом.

И Камень силачей — по большому счету, что-то вроде штанги. Победителем считался тот, кто отрывал его от земли. Чаще всего участвовал в таких своеобразных соревнованиях жених, приезжавший в селение за невестой. И многие из молодых людей смущенно отступали от Камня силачей, что понятно — его вес превышает триста килограммов.

А еще есть в этих местах Камень Авсолту, которому раньше поклонялись, видя в нем покровителя охоты Афсати и «священный» камень — Байрам-таш... Кстати говоря, некоторые из этих камней передвигались с места на место, для чего имелось древнее средство по их перевозке — «дорласын».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // Советская этнография. М., 1939. Т. 2. С. 177.

² Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус. 2004. С. 89.

³ Там же. С. 93–94.

ГОРА-КОЛЬЦО И ТУРЫ ТИМУРА

Если от бывшего аула Думала свернуть влево, обойти нижней тропинкой развалины другого балкарского аула Ачи (здесь, кстати говоря, сохранилась одна из саклей – почти нетронутая временем, она зримое свидетельство своеобразия архитектуры балкарского народного жилища, так глубоко и детально описанного в знаменитом труде Э. Б. Бернштейна), то мы попадем на Ачинский перевал.

Тропинка достаточно хорошо нахожена и не представляет особых трудностей. Одолев небольшой перевал, надо на гребне свернуть влево и взобраться по достаточно пологому склону вверх, где и открывается взору необычная гора – гора-кольцо. Природа-скульптор потрудились на славу, пробив в скальном массиве почти правильной формы отверстие. Ветер, дожди и снега обточили, сгладили его острые края. Издалека гора эта чем-то напоминает одноглазого циклопа. Если же взглянуть под другим углом зрения, то создается ощущение, что перед тобой громадное первобытное животное, превратившееся в камень и застывшее навсегда.

На нижнюю площадку горы можно легко взобраться, а если постараться, то одолеть и два-три метра, на которых и начинается само кольцо. Места для фотосъемок здесь редкостные.

Если же подниматься по Думалинскому перевалу вверх, то можно увидеть на вершинах гор, опять же по левую сторону, каменные изгороди, протянувшиеся на многие сотни метров. Поражает то долготерпение, которое потратили на их возведение люди: многие тысячи больших и маленьких камней собраны, ровно уложены на метровую высоту, да так, что спустя десятилетия (или столетия?) кладка, ничем не скрепленная, не разрушилась, не осыпалась. С какой целью был осуществлен этот поистине титанический труд? Трудно ответить однозначно. Одни местные жители говорят, что это границы земель, принадлежащих разным балкарским родам, другие утверждают, что так отмечены границы разных пастбищ.

Туров этих, возведенных, как отмечено выше, на самых высоких точках, пять-шесть. Под одним из них что-то вроде могильной пли-

ты достаточно больших размеров. Наш спутник, учитель из Верхнего Чегема Исхак Газаев, чья влюбленность в свой край была достойна самых теплых слов, говорит, что в народе туры эти называют Тимуровыми. Правда, при этом смущенно улыбается – доказательств-то нет никаких. Ему, конечно, хочется верить, что каменные сооружения возведены всадниками Тимура. Напомним, что писали арабские источники того времени: «Победоносное знамя выступило оттуда (из Азака) и двинулось к Кубани. Черкесы сожгли луга, которые находятся между Азаком и Кубанью; поэтому множество скота победоносного войска погибло на этом пути, и оно бедствовало около 7 или 8 дней от бескормья. Переправившись через много рек и болот... благодаря помощи Всевышнего и блеску счастья Тимура, властной рукой ограбили их улус Черкесский, захватили большую добычу...

Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью черкесов, то он со всеми войсками повернул к горе Эльбурз. В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов. Вырубив леса и проложив дорогу, (Тимур) с целью джихада взошел на гору Эльбурз. В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек с врагами веры и во всех делах победоносное войско (его), согласно обещанию: «Поистине наши войска будут победителями», одержало победу, разорило их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных»¹.

А вот что пишет турецкий путешественник Эвлия Челеби в своем знаменитом труде «Книга путешествий»: «Затем, испив воды жизни и перейдя на конях реку Чегем, шли еще два часа до реки Лачек. Эти две реки начинаются в Дагестане и впадают в реку Терек. Мы перешли эту реку также на лошадях и через четыре часа достигли реки Терек»².

Означенные временные параметры и конкретные географические объекты, приводимые жившим в XVII веке Эвлией Челеби, и неточны, и несоотносимы, так что трудно представить, о чем он говорит, но то, что упоминание им реки Чегем – одно из первых, зафиксированных в исторических документах, общеизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Золотая Орда в источниках: В 4 т. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Ч. 1–2. С. 359–360.

² Челеби Э. Книга путешествий. М.: Наука, 1979. С. 103.

БАЛКАРСКИЙ ГОРОД МЕРТВЫХ

Местность за селением Верхняя Балкария получила название «Город мертвых» — это «скопление бесчисленных могильников», над ними «по склонам стелются зеленые горные луга, точно гобеленовые ковры, на которых рисунок сделан то розоватыми, то синеватыми обнажениями скал. Вдали высоко поднимаются к небу и сияют вечными снегами вершины. Еще выше бездонное небо, полное солнечного сияния. А здесь, у могильников, под огромной горной стеной лежит глубокая тень, всегда холодно, всегда мрачно»¹.

Вот что можно узнать из того же отчета археолога Всеволода Миллера: «Могилы Балкарского ущелья представляют два главных типа — могилы подземные и надземные (кешене). Могилы первого типа по пути следования экспедиции были осмотрены в следующих местах:

а) могильник, находящийся в 3 верстах от Кашхатау, на берегу Хуламского Череха. Наружные признаки могил составляют круги, выложенные из булыжных камней;

б) могильник близ аула Зылги, на высоком холме, близ дороги. Могилы представляют два вида: с наружными признаками и без них. Могилы первого типа, в свою очередь, бывают двух родов: одни обозначены камнями, положенными по краям и образующими как бы контур могилы; в других — пространство могилы засыпано грудой камней. Внутреннее устройство тех и других могил одинаково. Раскопка двух могил обнаружила следующее: под снятыми камнями оказался слой насыпанной земли, толщиной в 10–12 вершков; под ним три плиты, составляющие крышку каменного ящика, сложенного из грубо отесанных плит насухо. Вход в ящик образуют вертикально стоящие плиты в ногах костяка; костяк лежит на материке. Размеры ящика: длина 2 аршина 13 вершков, ширина в середине 9 вершков, в головах и ногах 7 вершков, глубина 13 вершков. Голова костяка на северо-запад. В головах у костяка первой раскопанной могилы были найдены бараньи кости и куски дерева (от чашки?). Вещей не оказалось. В ногах близ входной плиты был найден деревянный, сильно перегнивший, сруб из бревен. Вторая раскопанная могила обнаружила те же детали, как и первая, и также не представила никаких вещей.

Могила без наружных признаков, то есть не обозначенные камнями на поверхности, также представили по внутреннему устройству две разновидности: в одних костяк лежит в ящике из шиферных плит, но без крышки; в других – костяк просто засыпан землей без признаков гроба. Размеры разрытого каменного ящика: длина 2 аршина 14 вершков, ширина 13 вершков, глубина 11 вершков. Головой костяк лежит на юго-запад. В головах был найден глиняный кувшин в черепках, горшок в таком же состоянии, затем в середине гроба: бронзовое колечко, такой же браслет, подвеска, 7 бубенчиков, 3 бусы и бронзовая пряжка от ремня. В могиле без каменного ящика оказалась только железная пряжка. Кости во всех разрытых могилах рассыпаются при прикосновении, так что нельзя было добыть цельного черепа.

В заключение следует заметить, что могилы с наземными признаками расположены гораздо выше могил 2-го типа и лежат почти на вершине холма. Многие могилы 1-го и 2-го типа разрыты местным населением, и добытые в них предметы – бронзовые вещи и бусы – были приобретены нами в ауле Зылги;

в) могильник значительных размеров (приблизительно на 2 десятинах), обнесенный стеной в $\frac{3}{4}$ аршина вышины, тянется на правом берегу Черёка, близ аула Шканы. Здесь, вокруг Абаевских кешене, расположены такие же могилы с наружными признаками, как в могильнике близ Зылги. Под слоем наружных камней насыпной слой земли, толщиной до 18 вершков; под ним плита, покрывающая каменный, выложенный на извести ящик. Размеры внутри: длина 2 аршина 9 вершков, ширина 11 вершков, глубина 1 аршин. Вход образуется на северо-восточной стороне вертикально поставленной плитой. Голова костяка лежит к юго-западу. Тело было обернуто льняной тканью, от которой сохранились лишь небольшие лоскуты. Вещей в раскопанной могиле не оказалось. Могила, по-видимому, мусульманская. Выше этого могильника на юго-восток, по склону холма, находятся могилы со склепами, идущими внутрь горы. Передняя стенка, выложенная из камней на извести, обнаружена, и входное отверстие открыто. Все склепы ограблены. Склеп сложен из грубо отесанных камней на глине и представляет сверху свод. Размеры довольно значительны: длина достигает 4 аршин, ширина 2 с лишком, высота 3 аршина. Костяки лежали головами на юго-восток, причем голова и ноги покоятся на шиферных плитах. В одном из таких склепов было найдено 22 черепа»².

«Балкарский Город мертвых, — писал С. Анисимов, — это памятник разных исторических эпох. Самые древние из этих погребений — склепы, совершенно врытые в землю, с выдающейся над поверхностью каменной кровлей из двух покатых скатов, лежащих на низеньких каменных стенках. В склеп ведет круглое отверстие, через которое спускали покойника. В этих общих больших могилах трупы не зарывали, и склепы полны и сейчас костей, разбросанных в беспорядке, черепов или даже целых скелетов; на некоторых из них сохранились кожа и мышцы, а иногда даже остатки одеяния. ...Описанные могильники — семейные или, вероятнее, даже родовые, куда клали покойников набальзамированных, в лучших одеждах, с оружием, с сосудами, с украшениями. Весь этот вещевой погребальный инвентарь в открытых могильниках не сохранился. Сохранились только остатки мумий и масса человеческих костей». Далее он же пишет, что «в Городе мертвых имеются два могильника совершенно особого типа: небольшие базилики в 6–8 м высотой с остроконечным покрытием в два ската. Внутри них были саркофаги, от которых теперь остались груды камней... Наконец, третий вид могильников — магометанские погребения, относящиеся к XVII и XVIII векам. Это восьмигранные здания высотой около 8 м с купольными восьмигранными покрытиями. Внутри также сохранились остатки саркофагов, но нет ни скелетов, ни костей»³. Ученые по-разному датируют Город мертвых, но в целом принято считать, что «подавляющая часть склепов (в том числе полуподземные и с земляными насыпями сверху) относятся к позднему Средневековью (XII–XIV века). Но часть склепов, из числа сооруженных на склонах горы, по аналогии с многочисленными склепами горных районов Центрального Предкавказья следует отнести к раннему Средневековью (V–IX века)»⁴.

«Могильник «Город мертвых» почти полностью разрушен и разграблен еще в дореволюционный период», — сообщает Исмаил Чеченов, а Исмаил Мизиев уточняет: «Грабились склепы различными путешественниками и любителями экзотики, посещавшими эти места. В 1909–1910 годах даже выпускались почтовые открытки с мумиями балкарских склепов. Бесцеремонно вытаскивались высохшие трупы, устанавливались у склепов и фотографировались, чтобы эти снимки служили для развлечения всякого рода любителей старины»⁴. Это действительно так: открытки эти, сделанные преимущественно фотографами из Пятигорска, были широко известны, две из них мы воспроизвели в альбоме «Балкария: время и лица» (Нальчик, 2006).

Но вот заключение о том, что все могильники были разграблены, не совсем верно.

О том, что видел в них в 1916 году автор книги «Страна Прометей» Константин Чхеидзе, мы уже рассказали выше. Напомним, что внутри пещеры-кладбища, расположенной «недалеко от группы селений, объединенных общим именем Верхняя Балкария», он нашел «десятка два скелетов, частью разрушенных, частью сохранившихся. Некоторые из них находились в наклонном положении, полуприслоненные к стене; некоторые сидели, некоторые лежали. Там и сям валялись почти совершенно истлевшие куски тканей. В одном углу собраны были глиняные кувшины, большие и маленькие, целые и разбитые. Вокруг бедер у некоторых скелетов висели пояса. Кожаные кавказские пояса с серебряной насечкой. На полу лежали кинжалы, шашки, старинные пистолеты, женские украшения, почти разъеденный кумган (металлический кувшин) и множество монет...

Потом я обратил внимание на один скелет, лежавший в самом дальнем углу. По-видимому, это был настоящий богатырь. Его руки были длиннее, чем мои ноги; а череп был никак не меньше солдатского барабана. Меня одолело искушение. Как-то само собой руки потянулись к черепу, я поднес его к свету. Череп был действительно огромный. На темени и затылке сохранилась морщинистая сухая кожа. Поражали совершенно целые зубы, плотно вросшие в челюсти. Я попробовал крепость трехсотлетней человеческой кожи. Послышался сухой треск, кожа отдиралась с трудом.

Тысячи мыслей роились в моей голове, когда я держал перед собой череп отдаленного предка Абдуллы: «Вот под этими костями пробегали искры мыслей. Гнев, радость, уныние, тооржество — все это сосредоточивалось здесь, под этими выпуклостями. В этих глазных впадинах сияли глаза. Какие это были глаза?.. Что они видели? На что они любили смотреть?..»

И я вспомнил, как великолепно всходило солнце; я вспомнил, какая нестерпимая радость сжимала мою грудь, когда смотрел я на снеговые вершины... И стало на душе спокойно и легко. Я почтительно опустил череп на землю, которой он принадлежал, и с умиротворенной и радостной душой поднялся наверх, к Абдулле.

Только теперь я узнал, что провел в обществе мертвых не пять, не десять минут (как мне казалось), а около часа. Но я никогда не жалел об этом часе...»⁵.

От спрятанного в той пещере, которая на самом деле была одним из множества подземных склепов в урочище Уллу-Тюз, давным-давно

не осталось и следа. Да и саму описанную пещеру мы, к сожалению, не нашли, хоть и искали ее тщательно, и помогал нам в этом Борис Темукуев, уроженец Верхней Балкарии, человек, сделавший очень много для восстановления подлинной истории своего народа, устранения в ней «белых пятен» (он автор четырехтомного труда «Спецпереселенцы», в нашем издательстве также вышел двухтомник подготовленных им документов «Семь дней одного века» и монументальный труд «Балкарская общественная колесная дорога»), хотя и обошли весь Город мертвых, заглядывали в самые укромные уголки. Время, но в большей степени люди не пощадили верхнебалкарские могильники: заброшенные, разграбленные, опустошенные (кости предков можно видеть повсюду), они буквально вопиют о нашем беспамятстве...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: ГСЭС, 1937. С. 77.

² Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 94–96.

³ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 78.

⁴ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 23.

⁵ Чхеидзе К. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 62–69.

ДЖУЛАТ, ПОМНЯЩИЙ ВЕЛИКОГО ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Джулат — это средневековый город, который располагался на высоком правом берегу реки Терека. Сегодня мало что осталось от некогда обширного поселения, протянувшегося почти на три с половиной километра по возвышенности, северная оконечность которой была окружена мощными валами и рвами, видимыми и ныне. А ведь здесь жили тысячи людей, о чем свидетельствуют археологические раскопки, позволившие восстановить подлинную историю Джулата. Сведения об этом городище встречаются в средневековых рукописях. У Гавриила Ионе и Олега Опрышко, авторов книги «Памятники рассказывают», читаем: «В сочинении «Дербенд-Наме» («История Дербенда») указывается, что это поселение уже во втором веке мусульманского летосчисления (VIII век нашего летосчисления) было очень большим и богатым и имело своего градоначальника Дзулата. Именем его и стали называть городище. Даже в XIV веке после монголо-татарского нашествия, говорит нам Шериф эд-Дин в «Истории Тимура», Джулат продолжал оставаться богатым и оживленным городом с многотысячным населением. Из того же источника известно, что под стенами города произошла знаменитая битва среднеазиатского эмира Тимура с ханом Золотой Орды Тохтамышем.

В конце XIV века Тимур, пройдя через Дербентские Ворота, из Закавказья вышел на Северный Кавказ. Тохтамыш с войском выступил ему навстречу. Тимур, переправившись через реку Сунжу, стал здесь лагерем, поджидая хана. Однако недостаток продовольствия и корма для лошадей заставил Тимура перейти Терек и двинуться к Джулату, где, как указывает далее Шериф эд-Дин, армия эмира нашла для себя все необходимое.

Пятнадцатого апреля 1395 года к Джулату подошел Тохтамыш. В тот же день началась битва, в которой Тохтамыш был разбит и с остатками армии спасся бегством. Воины Тимура разграбили и сожгли Джулат. С тех пор как населенный пункт он прекратил свое существование»¹.

А теперь на мгновение представьте, какой величины это был город, какими продовольственными запасами обладал, если много-

численная армия Тимура смогла найти здесь «все необходимое». В очень часто встречающихся при раскопках земляных ямах, служивших погребам, жители хранили мясо, зерно. Сами они обитали в полужемлянках, жилищах, сооруженных из обмазанного глиной плетня; встречались и кирпичные сооружения, о чем мы скажем ниже.

«Одно из таких жилищ настолько хорошо сохранилось, что по нему нетрудно представить себе, какого типа дома строились в XIV веке. В материковой глине на склоне возвышенности была вырыта яма глубиной до метра. По остаткам деревянных столбов удалось установить, что они стояли врытыми по углам ямы для поддержания крыши и крепления стен. Жилище состояло из одной комнаты и хозяйственной пристройки, отделенной от жилой части глинобитной стеной»².

Раскопки показывают, что это был не столько город-воин, а город-труженик. Здесь жили мастера-ремесленники, чьи изделия, в первую очередь гончарные, составляющие большинство находок, и сегодня вызывают неподдельное восхищение. Изящные, оригинальной формы, покрытые глазурью и украшенные орнаментами, всевозможные сосуды для питья, горлышки которых выполнены в виде птичьих голов. Огромные – до полутора метров высотой и более метра в диаметре! – емкости (так называемые пифосы) для хранения воды, вина, зерна.

О мастерстве оружейников можно судить опосредованно – по косяным пластинкам, шедшим на изготовление рукояток для холодного оружия. А о строительных способностях зодчих – глядя на развалины знаменитой Джулатской мечети. В записках Иоганна Антона Гюльденштедта «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.», уникального письменного источника по истории, исторической географии, этнографии, археологии, экономике региона, составивших, по оценкам специалистов, «целую эпоху» отечественного кавказоведения, имеется доскональное описание Татартупской мечети. (Татартуп – еще один город на Тереке, который иногда называют Верхним Джулатом, так как в описываемые времена «это были два города с единой культурой и, по-видимому, однородным населением»³.)

Ориентируясь на его описание, можно узнать, что собой представляла Джулатская мечеть. Итак, «строение, имеющее 28 шагов в длину и 14 в ширину; длинные стены стоят (в направлении) на юг и север; северная длинная и западная короткая стены еще целы; от южной осталась только половина и восточной совсем нет; стены в

высоту достигают 14 футов, выстроены из булыжников и кирпичей; крыша, от которой сейчас ничего больше не видно, была, должно быть, плоской. В середине длинной южной стены имеется площадка, которая почти на один фут глубиной выступает в западной короткой; близко от угла с северной стеной имеется низкий вход; в северной длинной есть четыре и в западной короткой есть две овальные, криво идущие через стену щели для пропускания света. Это строение, несомненно, является магометанской церковью, или мечетью; так как площадка, обращенная на юг, является тем местом, где обычно стоит священник или мулла, не напротив площадки, а всегда сбоку, как и здесь, вход. К этому же подходит еще и то, что меньше чем в трех шагах от западной стены стоит высокая башня, с которой мулла обычно созывает народ на молитву.

...Башня, построенная из кирпичей в виде цилиндра, достигающая около 9 сажень в высоту, так как в ее внутреннем пространстве, достигающем 3 сажень, имеется 75 ступеней, [причем] каждая из них достигает 20 дюймов в высоту. Постаментом этой башни является четырехугольник; каждая сторона его толщиной около двух сажень и высотой приблизительно в полторы сажени. Затем башня полностью цилиндрическая до высоты в 7 сажень, около 12 футов в поперечнике; остальная верхняя часть уже приблизительно на 3 фута. У подножия суженной части имеются отверстие на юг и обход вокруг выступающей нижней части башни. Верхняя часть башни открытая и такого же размера, как и вся башня. Вся башня построена из очень прочного кирпича и прочно связывающей извести; на внутренних ступенях лежат дубовые доски; нет только последних десяти, и также камни этих ступеней распались; больше ничего не разрушилось в этой правильно выстроенной башне. Нижний вход – на восток, напротив двери в мечеть»⁴.

На месте Джулата побывавший здесь в начале XIX века академик Г.-Ю. Клапрот увидел только двенадцатиметровую башню минарета с винтовой лестницей, состоящей из 75 ступеней. Эту самую башню застали и авторы этих строк, в начале семидесятых годов прошлого века взбиравшиеся на самую вершину Татартупа.

Археологические раскопки нашего времени позволили установить, что «здание мечети, вероятно, было самым массивным и выдающимся сооружением города... Находясь у развалин минарета, невозможно было даже представить себе, что рядом с ним, под землей, покоятся руины громадного сооружения... Фундамент мечети сложен

из обтесанных каменных глыб... Стены мечети шириной до метра возводились из кирпича... квадратной формы, характерной для Средневековья. Внутри стены были оштукатурены и выбелены. Остатки штукатурки видны и сейчас. Частично сохранился пол, выложенный из кирпичных плиток.

Четыре ряда колонн (по двенадцать в каждом в длину здания) поддерживали кровлю мечети. От колонн остались лишь круглые каменные базы, служившие для них основанием.

К мечети был пристроен минарет. С него муэдзин призывал горожан к молитве. Высота башни достигала тогда 30–35 м. Даже сейчас, по сохранившимся внутри башни нишам для ступеней, можно представить крутизну винтовой лестницы, поднимающейся вверх... Судя по размерам мечети и ее положению, можно предполагать, что она являлась в свое время если не крупнейшей, то, по крайней мере, одной из самых монументальных в районе Центрального Кавказа... Вполне возможно, что именно эту мечеть и имел в виду арабский дипломат и историк Ибн-Батута, когда в 1324 году записал, что в предгорьях Северного Кавказа стоит соборная мечеть»⁵. Напомним, что мы процитировали книгу, написанную по итогам раскопок 1962 года.

Картина дня сегодняшнего разочарует многих: о былом величии напоминают лишь остатки фундамента да фрагменты стен, выложенных из кирпича. Сами кирпичи представляют собой квадратные (23 x 23 см) пятисантиметровой толщины плиты, каждая весом более четырех килограммов. Они розоватого цвета с сединой от раствора, не совсем ровные, с вкраплениями от неразмешанных глиняных катушек и следами, чем-то напоминающими разрезы. Прочность у них невероятная: молотком стучи – не отобьешь; средневековый кирпич несколько грубоват, но обжигали его так, чтобы он служил многим поколениям. Впрочем, и он не устоял от ударов современных варваров – тут и там в траве видны части, половинки, а то и целые пластины. Говорят, что кое-кто из местных жителей сподобился построить из него даже какие-то постройки, сделав тем самым прошлое фундаментом своего настоящего. Будет ли оно таким же прочным – вот вопрос...

Покидая Джулат, где и сегодня страницы давней истории может прочитать каждый, где не надо даже представлять, как жили наши предки – прошлое само открывает окна во времена Средневековья, мы прихватили с собой один из отбитых кем-то осколков мечети. Кирпич этот – кто знает, может, именно его касались руки Железного

Тамерлана – вызывает у всех, впервые видящих его, множество вопросов, начиная от удивления его формой и кончая неверием в дату обжига. Но заметили одно: взявшие его в руки на какое-то мгновение замолкают. словно неведомая сила, вложенная древними мастерами в свое изделие, переливается в нас, живущих сегодня...

Более того, одна из женщин, в чьих способностях экстрасенса мы имели возможность убедиться лично, увидев кирпич впервые и ничего не зная о его происхождении, сказала поразительные слова: «На этом камне тень великого завоевателя!». Что сулит эта тень, она не ответила, хотя долго не выпускала кирпич из рук, будто пытаясь посредством камня прикоснуться к прошлому. Но на наше предложение принять кирпич в подарок, отказалась, заявив, что еще не готова. Примерно так же ответил и руководитель телерадиокомпании «Мир», побывавший в офисе нашего издательства. А вот депутат местного парламента Заур Апшев мистике оказался не подвержен – кирпич обрел себе место теперь в его рабочем кабинете. Правда, добра не прибавил, но и худа не принес...

Джулат, уже как будто изученный, еще хранит немало тайн. К сожалению, археологи основательно подзабыли сюда дорогу, ничего не было сделано и властями для консервации, не говоря уже о реставрации этого единственного в своем роде памятника на территории нашей республики. А ведь здесь можно было бы открыть потрясающий музей под открытым небом, изучая прошлое не по книжным страницам, а вживую, к нему прикасаясь и ощущая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ионе Г., Опрышко О. Памятники рассказывают. Нальчик: КБКИ, 1963. С. 87.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 92.

⁴ Гюльденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т. К. Шафрановской; Коммент. и общ. ред. Ю. Ю. Карпова // Рукопись книги, подготовленной учеными Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 388–389.

⁵ Ионе Г., Опрышко О. Памятники рассказывают. С. 90–91.

СВЯШЕННЫЕ ХОЛМЫ КЫЗБУРУНА

Места эти не только живописные, но и таинственные, особенно когда речь заходит о так называемых Кызбурунских холмах, что в Баксанском ущелье. Вот что писала одна из центральных газет: «Холм Кызбурун – возвышенность, которую в Кабардино-Балкарии считают чудодейственной. С некоторых пор сюда тянутся паломники и археологи. Одни уверены, что это – кладбище мусульманских праведников, другие – что скифские захоронения. Установить истину не позволили местные жители, не желающие, чтобы кто-то осквернял усыпальницу. Люди оберегают красивую легенду холма.

Местная жительница Зурияна Кунашева с детства видела ангелов. Они «сообщали», какие ритуалы следует соблюдать во время намаза. Однажды Зурияна увидела сон: курган около селения светился. А потом как-то утром, перед рассветом, на Кызбурун пришла группа людей, которые заметили, что он горит неземным огнем. Люди усердно стали молиться, и большинство избавилось от болезней! Очень скоро весть о чудесных исцелениях на холме разнеслась по республике. Экстрасенсы зафиксировали над Кызбуруном мощное положительное поле. Правда, научных исследований вблизи холма не проводилось. И все-таки есть у него вполне «ощутимые» особенности: земля всегда теплая. А по весне, когда вокруг все зеленое, курган выделяется желтым цветом травы»¹.

А вот какое развитие эта тема получила в книге «Энциклопедия загадочных мест России»: «18-летняя местная жительница Зурияна Кунашева – «виновница» такого паломничества. С детства девочка видела невидимый мир ангелов, которые покровительствовали ей во всех делах, например, когда она шла из школы уже затемно по неосвещенным улицам села. Когда было страшно, вдруг появлялся небесный луч, который освещал путь школьницы до самого дома. (Мир непознанного. 1995. № 8. С. 19). Иногда она получала от них советы, как поступить в этом или ином случае, какие ритуалы следует соблюдать во время намаза. Односельчане-мусульмане приходили к ней за советом. Однажды Кунашевой во сне прошло сообщение о

том, что близ селения есть курган, излучающий свечение, возле которого следует устраивать коллективные молебны. Какой именно курган — неизвестно, пришлось Зурияне посмотреть самой на курганы вокруг села и определить, который из них действительно светится.

В октябре 1993 года Зурияне снова приснился сон, в котором пророк Мухаммед возвестил, что на указанном ранее холме можно исцелять больных — неважно, какой веры, однако ритуал исцеления следует провести точно по его указаниям. И вот однажды утром, перед рассветом, на холм пришла группа людей, которые обратили внимание, что холм светится! Люди стали усердно молиться, и большинство избавилось от болезней! Очень скоро весть о чудесных исцелениях на холме разнеслась по республике. С каждым днем стало приходиться все больше людей... В соседнем селении жил пожилой мужчина, он был парализован и не мог сам прийти на место чудесных исцелений. Его принесли сюда на руках, а обратно он пошел сам... То же произошло и с малышом, которому было два года, а он не ходил...»².

Как и всегда бывает, действительность оказалась несколько иной. Место, о котором так много писалось, мы искали достаточно долго — сельчане посылали нас то в одну сторону, то в другую, кое-кто вообще не мог понять, о чем идет речь, пока, наконец, не нашелся «краевед», знающий все и обо всем.

Внешне так называемый священный холм малоотличим от других — такой же поросший зеленой травой, с достаточно пологим верхом. Взобраться на него совсем просто, на вершине видны следы раскопок. Из книги «Древности Кабардино-Балкарии» можно узнать, что Кызбурунские курганы ученый Б. Е. Деген-Ковалевский, исследовавший их в 1932 году, относит к XIV–XV векам.

Земля на кургане действительно теплая, но и день, когда мы побывали здесь, был отнюдь не холодным...

Тем не менее, черные копатели неоднократно пытались пробраться внутрь холма. Говорят, кому-то это даже удалось. Каковы результаты — неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Священный Кызбурун // Комсомольская правда. 2002. Янв.

² Энциклопедия загадочных мест России. М.: Вече, 2007. С. 486.

ПЕЩЕРА ЧУДЕС

Недалеко от турбазы «Тызыл», что в Тызыльском ущелье, есть пещера, которая буквально потрясает своей волшебной красотой. По тропинке – скользкой, глинистой, со следами от лошадиных копыт, заполненными водой, – через вымахавшие выше человеческого роста безвредные лопухи и весьма жгучие борщовники надо подняться на гору, что невдалеке от турбазы «Тызыл», по правую сторону течения реки. Восхождение, скажем, не из самых приятных: в некоторых местах трава настолько разрослась, что каждый шаг давался с трудом, да к тому же свирепый гнус, который бросался в атаку, пренебрегая страхом смерти и невзирая на самые хваленые противомоскитные средства (правда, такое наблюдается только с 15 июля по 27 августа).

Но, спустившись к пещере (проще сделать это сверху, цепляясь за деревья и кустарники), забываешь обо всем, буквально теряя дар речи. Вход внутрь горы зарос мхом, по которому, переливаясь на солнце, струится множеством струй и струек вода. Человек, приложив всю свою неумную фантазию, не смог бы создать столь необычную картину – ощущение, что вода сочится из рта горы, который, если взглянуть под разными углами, то приоткрывается в улыбке, то хмурится, выражая свое недовольство. Зрелище это возможно рассмотреть только вблизи, так как горный склон настолько зарос зеленью, что издали ничего незаметно.

Но самое необычное внутри горы. Обойдя водопад справа, обнаруживаешь еще один, достаточно узкий проход, ведущий вначале прямо, а потом уходящий отвесно вниз. Мало того, по нему потоком струится вода. Так что, если хочешь попасть в саму пещеру, изволь искупаться в ледяной воде. Спуститься вниз одному, без веревки, страуемой кем-то сверху, еще можно. Край узкого каменного желоба вода так обкатала, что пролетишь их пулей, так как ухватиться руками не за что. Но без травм, и весьма серьезных, при этом не обойдешься. А уж подняться наверх без посторонней помощи совершенно немыслимо – поток тянет вниз, ноги скользят, короткое расстояние

до выхода видится непреодолимым, вызывая паническое настроение от тщетной безысходности предпринимаемых усилий.

Преодолев пятиметровый желоб, оказываешься на небольшой ровной площадке и видишь перед собой озеро пронзительной голубизны. Мы не ставили целью вычислить его глубину (она впечатляет — свет от мощного фонаря теряется где-то внизу, так и не достигая дна) и размеры (резиновая лодка позволила проплыть лишь несколько метров до нависающего прямо над водой каменного полога), пусть этим займутся спелеологи. Мы были поражены возникшей перед взором картиной: отблеск света на сочащихся влагой стенах, остатки свисающих сталактитов (печально, но кто-то уже успел отбить их), грохочущая в замкнутом пространстве струя водопада, череп неизвестного животного, буквально впаянный в каменное основание (бедное, как его угораздило сюда попасть?!), голубой бриллиант озерной глади, манящей и сверкающей. И облик Спасителя на одной из стен — лицо, глаза, контур... Все так узнаваемо, что глаза невозможно оторвать. Словно не сама природа постаралась, а руки человеческие...

Зуб на зуб не попадал от холода, а уходить не хотелось — столь завораживающей была картина.

...Через год мы вновь побывали в Тызыле, но не одни. Нашим рассказом о горном озере заинтересовались аквалангисты Игорь Галайда и Роман Прохоров из дайвинг-центра на Голубых озерах, что в Черекском районе. Как известно, глубина Голубого озера, этой удивительнейшей карстовой воронки, выработанной в известняках, достигает 25,5 метра. И аквалангистам есть к чему стремиться. Но и Тызыльское озеро не оставило их равнодушными. Не смутило даже то, что весьма массивные акваланги, многокилограммовый свинцовый пояс, предназначенный для погружения, пришлось тащить на себе вначале до коша чабанов, а потом и до вершины горы. По весенней распутице, под то затихающим, то вновь усиливающимся дождем, по склизкой, уходящей из-под ног тропинке полуторачасовой подъем не самое большое удовольствие.

Но внутренний вид пещеры, за это время еще больше обросшей травертинами, буквально потряс воображение аквалангистов. Травертин — это известняк, сформировавшийся в результате осаждения известкового раствора угольной кислоты в зонах, подобных бассейнам, богатых травянистой растительностью. Растительность эта, подвергаясь со временем разложению, оставляет своеобразные следы, так называемые «пустоты травертина», размером в несколько миллиметров.

Травертин, особенно золотисто-желтого и кремового цветов, используется в виде стеновых камней на протяжении нескольких тысячелетий, в частности, при возведении знаменитого римского Колизея.

Свисающие с потолка, спускающиеся по стенам удивительные сплетения явили картину, завораживающую и неповторимую. Окаменевшие мхи, травы, ветки под светом яркого фонаря сверкали и переливались всеми цветами радуги. От узоров, вытканых великим мастером – природой, невозможно было отвести взгляд. И пусть озеро оказалось не таким глубоким, как представлялось ранее (чуть более трех метров), а зеркало его, как выяснилось, было практически все на виду, восхищение от скромности размеров тызыльского голубого чуда не уменьшилось.

Впоследствии на своем сайте Игорь и Роман поделились впечатлениями об увиденном в тот день: «Вся пещера состоит из нескольких небольших залов. Попад в первый через водяные ворота, замираешь от необычного зрелища. Над входом, через который ты только пролез, нависла шапка причудливо изогнутых сосулек, покрывающих чуть ли не половину потолка. Разглядывать их можно долго, рисуя в воображении сказочные образы, а естественный контрсвет только усиливает сказочность впечатления. Впрочем, наличие фонаря открывает дополнительные возможности ознакомиться с натечным убранством потолка этого небольшого зала.

Чтобы попасть во второй, нижний, зал, нужна веревка и непромокаемая одежда. Можно в случае нужды обойтись и без того и без другого, но для этого необходима некоторая скальная подготовка и пониженная чувствительность к холодной воде. Спускаться надо по почти вертикальной натечной стенке под струей ледяной воды. При всем этом конечно же необходим фонарь. Здесь уже царство вечной темноты. Нас привело сюда стремление познакомиться с озерком, которое расположено в этом зале. В свете фонаря хорошо видно дно озера и подводные стены. Стены зала уходят вертикально вниз. Дно находится на «глубине» около пяти метров. То, что сверху виделось проходами, оказалось замкнутыми нишами. Кристально прозрачная вода озера моментально становится мутной при малейшем соприкосновении со стенами и дном, покрытыми кальциевой взвесью.

Как бы аккуратно ты не плавал под водой, все равно вскоре озеро теряет свою хрустальную чистоту. Наши надежды на продолжение

пещеры за озером не оправдались, зато подтвердилась гипотеза о подвешенной натечной ванне. И, конечно, от увиденного осталось чувство восторга».

От себя скажем, что восторг этот испытывают все побывавшие здесь. Кабардинский художник Мухадин Кишев и его супруга англичанка Жаклин Диана Мосс, посетившие десятки стран мира, видевшие всевозможные чудеса, перед поездкой в Тызыл были настроены несколько скептически. Но спустившись к озеру, проявив при этом немалое мужество, особенно если вспомнить, что Мухадину семьдесят, а Жаклин лишь на десять лет его младше, были единомышленны – увиденное из тех впечатлений, которые остаются на всю жизнь.

А ведь подземное чудо-озеро лишь один из необычных объектов этой горы, из которой вытекают десятки подземных ключей. Множество ходов пронизывают скальные породы, создавая удивительнейшие узоры, напластования, целые скульптурные композиции, укутанные зелеными и бордовыми одеждами мхов, сверкающие бриллиантовыми украшениями сочащейся отовсюду воды...

ВЕРХНЕКУРКУЖИНСКИЙ СТОНХЕНДЖ ¹

...Если сразу за последними домами селения Верхний Куркужин повернуть направо и проехать около полутора-двух километров по не очень пологому склону, то взору предстанут весьма необычные нагромождения каменных истуканов. Поднявшиеся из земли на высоту от пяти-шести и более метров, они, выстроившиеся в ряд, чем-то напоминают элементы башенной стены, сооруженной природой миллионы лет назад.

На первый взгляд в них действительно нет ничего особенного – камни как камни, ничем не отличающиеся от других, оголившиеся на склонах горы, словно вытолкнутые могучей силой из земли там, где им легче было пробиться на белый свет.

Но видится и нечто необычное в построении каменных стражей: там, где склон переходит в естественную площадку – достаточно плоскую, будто специально выровненную, – истуканы треугольной формы выстроились в четко очерченный и практически замкнутый круг.

Вглядевшись внимательнее в расколы линий, пронзающих эти природные массивные блоки, невольно ловишь себя на впечатлении, что перед тобой вовсе не трещины в камнях, образовавшиеся под тысячелетним прессом времени, напором природных сил – дождя, снега, ветра, а чья-то ювелирная работа, позволившая огромные валуны тесно, практически вплотную – лезвие ножа не протолкнешь! – прижать друг к другу.

Невольно убеждает в этом и строгая вертикальность, прямота разломов, само расположение камней, чем-то напоминающее (особенно сверху) солнечную обсерваторию. Необычной формы углубления, имеющиеся на боковых гранях великанов, рассветные лучи небесного светила, озаряющие их поутру и скользящие по ровной поверхности, словно огромные часовые стрелки, еще более создают впечатление чего-то необычного, ирреального, присутствия каких-то неземных (а может, и земных, но ушедших и забытых предыдущих цивилизаций) сил, создавших в незапамятные времена этот верхнекуркужинский Стонхендж.

Конечно, знаменитый английский астрономический комплекс здесь притянут явно за уши, и таинственные углубления на поверхности истуканов имеют, без сомнения, естественный, а не искусственный характер, как и выстроенный непревзойденным архитектором – самой природой – каменный круг...

Но тем не менее что-то неосознанное, внутреннее заставляет раз за разом возвращаться в эти места, которые кабардинцы метко назвали «мывэду» (камнехранилище), вновь и вновь вглядываться в неодинаковой формы природные блоки, выстроенные один над другим и формой напоминающие готический замок (такое сооружение, словно венчающее с одной стороны пологий, а с другой – отвесно уходящий вниз холм, расположено выше «обсерватории»). И забывая о настоящем, думать о прошлом, пытаясь пронзить мыслью толщи веков.

Ясным осенним днем, когда травы уже полегли, когда воздух свеж и осязаем, когда не вдали, а совсем рядом – чуть ли не в десятке метров от тебя – небесная синь сливается с земной твердью, когда ветер в одно мгновение отправляет в полет тысячи земных паучков, превращая их в воздушных пловцов, барражирующих туда-сюда на своих невесомых кораблях-паутинках, понимаешь: мир этот был всегда.

Пусть он и будет всегда...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ С т о н х е н д ж – остатки доисторического сооружения около города Солсбери в Англии, одна из крупнейших мегалитических построек. Широко распространенное название – *Стоунхендж*, но верно *С т о н х е н д ж*. (См.: Наука и жизнь. 2003. № 7; БСЭ; словарь Брокгауза и Ефрона и совр. энциклопедические словари.)

ЛАШКУТИНСКИЕ ИСТУКАНЫ

В книге Георгия Подъяпольского «Достопримечательности Кабардино-Балкарии», сегодня незаслуженно забытой и вот уже более тридцати лет не переиздававшейся, есть страничка, озаглавленная «Каменные чудища». Речь в ней идет о необычных камнях, расположенных за селением Лашкута, и, в частности, об одном из них, увенчанном «подобием человеческой головы, имеющей четко выраженные черты лица. Это изваяние природы, имеющее метра 2–2,5 от лба до подбородка, с широким приплюснутым носом, смотрит на юг, на проходящую мимо дорогу. Но оно остается незамеченным, если не подойти ближе к скалам. Если же подойти к нему с востока и посмотреть в профиль, кажется, что лицо этого великана высечено кем-то нарочно. Отчасти оно напоминает сфинкса, но более похоже на лицо беззубой старухи, сжавшей длинные губы широкого рта в скептическую гримасу и вперившей круглые глаза из глубоких глазниц в виднеющиеся вдали горы. При свете заходящего солнца это каменное лицо приобретает особую выразительность. Глядя на него, невольно вспоминаешь описанные перуанским ученым Даниелем Руссо огромные чудища, изваянные исчезнувшим племенем на плато Марко Гуаси, выступающие при определенном положении солнца и освещенности гор»¹.

После такого весьма красочного описания понятно наше желание самим увидеть каменного истукана...

Если у населенного пункта Жанхотеко, что в Баксанском ущелье, свернуть вниз, к реке, то окажешься в селении Лашкута. Проехав через него, надо все время держаться влево, поднимаясь на довольно покатый горный склон, преодолеть который по силам лишь внедорожнику. Колея настолько продавлена, что машина буквально цепляет днищем землю. Подъем затяжной, многокилометровый. Лесные заросли обступают дорогу со всех сторон, земля до конца не просыхает даже в самые жаркие дни, и, если машина застрянет, помощи ждать не от кого.

В один из моментов наша выдавшая виды «Нива», взобравшись на бугорок, вдруг осознала, что ее колеса зависли в воздухе и движение

вперед не просто проблематично – невозможно. Но голь на выдумку хитра – вышли из положения весьма мудренным способом: подняли на домкрате одно из колес, подложили под него каменную плиту, столь кстати оказавшуюся поблизости, и со всего маху газанули вперед, забыв о том, что еще предстоит возвращение назад.

Проехали еще пару-другую километров, миновав кош, на котором уютно разместилась пасека; дорога поворачивает на юго-восток и резко уходит вверх. Склон этот нашему транспорту не преодолеть, и дальше двигаемся пешком. Как оказалось, пройти надо совсем немного.

Березовый лес расступается, и взгляду открывается обширнейшая, покрытая травой выше человеческого роста поляна. Весьма неровная, покатая, окаймленная сверху и снизу, словно выложенными по ранжиру, огромными валунами. Но вовсе не они представляют здесь главный интерес, а их собратья, разместившиеся в самом центре несколькими группами. Зрелище впечатляющее: вот величественный истукан, напоминающий перевернутую призму, уходящую острием в землю, поддерживаемый с боков более скромными валунами. Его плоская шапка, словно крышка гигантского стола, предназначена для каких-то непонятных целей.

Вот целая группа выложенных в строго заданном порядке огромных каменных блоков, составивших разомкнутый круг, посередине которого расположился совершенно плоский валун. Ассоциации с верхнекуржунским камнехранилищем возникают сами собой – и там и здесь невольно ловишь себя на мысли об искусственном происхождении этих «сооружений».

Конечно, это не так, но вопрос, почему в одном месте сосредоточено такое количество каменных исполинов, отчего так замысловато они выложены, словно кто-то, могучий и всесильный, забавлялся, играя гигантскими альчиками, не покидает все время, пока находишься на этой необычной поляне.

Лашкутинский каменный комплекс, а такое определение видится нам вполне уместным, рассредоточен на обширном пространстве и весьма разнообразен. Это и высокие замковые стены, сложенные из трех-пятиметровых блоков, словно подогнанных друг к другу, и похожие на них по строению башни, расположившиеся по разные стороны поляны, и отдельные огромные камни-великаны, словно решившие прогуляться по округе, да так и застывшие навсегда...

Было бы интересно взглянуть на комплекс с высоты птичьего полета. Может, сверху увидится какой-то смысл в расстановке камней, может, вовсе не скульптор-природа, а чья-то длань вырубил на одном из них черты лица, в котором легко определяются и глубокие глазницы, и узкие губы широкого рта, и абрис лица... И глядя на который, ловишь себя на мысли, что за каждым твоим шагом следит чей-то внимательный, пристальный взор...

Мы уходили, ощущая спиной холодный, высокомерный взгляд каменного чудища, молчаливо оберегающего свою тайну и свои, известные только ему и бесконечному времени, секреты.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Подъяпольский Г. Н. Достопримечательности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 151–152.

«ПОЛЯНА ГРИБОВ»

Среди чудес северного склона Эльбруса есть весьма необычная местность, получившая название «Поляна грибов». Грибы эти не настоящие, а каменные: словно неведомо кто, играя и забавляясь, аккуратно уложил на узкие природные основания плоские каменные шляпки. На самом деле каменные грибы – это уникальные формы выветривания окаменевшего пепла, или, как говорят ученые, «формы выветривания игниоритов под воздействием стоковых ветров с Эльбруса».

Интересно, что подобного рода природные памятники можно увидеть и на правом берегу реки Гара-Аузусу (правого истока реки Чегем). Как сообщает А. Галин: «Высота столбов достигает 5 м, диаметр у основания до 1 м. Кверху они сужаются до 20–30 см, а макушки их увеличиваются уплощенными камнями, имеющими в поперечнике 30–40 см. Перед нами как бы гриб с длинной ножкой и маленькой шляпкой. Состоят столбы из песчано-глинистой массы и сцементированных в нее валунов и гальки. Под воздействием колебаний температуры, а также воды и ветра порода разрушалась. Но процесс этот шел неравномерно. Плоские валуны защищали находящийся под ними материал от воздействия солнечных лучей и дождевых вод и дали возможность сохраниться грибообразным каменным столбам»¹.

Так это или не так, решать ученым, но вот у простого люда «Поляна грибов» пользуется пристальным вниманием по другой причине – побывавшие на ней уверяют, что здесь расположена особого рода геопатогенная зона, оказывающая поистине удивительное влияние на человека, прежде всего на повышение мужской силы... Исса Кудаев рассказывал, что его дядя Джамал, умерший несколько лет назад, регулярно поднимался в эти места. А другой знакомый – чегемский милиционер в отставке (Исса назвал его имя и фамилию) – утверждал, что стрессы профессии после посещения «Поляны грибов» остались в прошлом, подтверждением чему служит его весьма оптимистичное высказывание: «Теперь хоть с женой спать могу».

Очень много слышали мы о «Поляне грибов» и от Аркадия Давыдова, чья жизнь в последние годы непосредственно связана с Северным

Приэльбрусьем – долгие месяцы он провел в хижине, служащей приютом для восходящих на Эльбрус с этой стороны, а сейчас работает в лечебно-оздоровительном учреждении «Джилы-су». Несколько лет назад, неизлечимо больной, движимый судьбой ли, провидением, оказался он в этих местах и обрел здоровье, радость восприятия жизни.

Вот небольшой отрывок из очерка об этом необычном человеке (о нем еще будет рассказано ниже в материале «Эльбрусская Дева», публикуемом в третьей книге этого издания), где речь идет именно об интересующей нас «Поляне грибов»: «...Перевалив через небольшой склон, Аркадий увидел небывалое чудо природы – каменные грибы.

– Я страшно устал, провел на ногах к тому времени часов десять. Снял куртку, положил на один из грибов, лег и сразу же провалился в сон...

«Сколько времени?» – Аркадий внезапно очнулся, глянул на небо. Солнце палило по-прежнему, но возникло ощущение, что он проспал здесь довольно долго. Однако стрелки говорили, что прошло всего полтора часа. Встал, и... словно не было ни утомительного похода, ни боли. Быстро собрался – нужно возвращаться. К собственному удивлению, проскочил расстояние от «грибов» до Джилы-су за час с небольшим.

Пьющие нарзан наблюдали за быстро двигавшимся по каменистым склонам к источникам человеком с удивлением. В горах так – почти не разбирая дороги – никто не бегают. Через минуту стало ясно – тот самый русский, но откуда взялась у него, больного, такая прыть?

– Где ты был? – врач-целительница, вместе с группой больных находившаяся в это время на Джилы-су, подошла, встревоженная, к запыхавшемуся путешественнику. – Я начала уже волноваться, пропал на целый день.

В комнатке заставила присесть, осмотрела, решила провести сеанс. Давыдов закрыл глаза, положил руки на колени, расслабился. Почувствовал, что ладони словно загорелись. Ощущение было неприятное, от него хотелось избавиться. Поднял ладони...

– Убери руки, убери, – он не сразу узнал сдавленный голос женщины-врача. Увидел, как она отпрянула к стене. – От тебя идет волна энергии, разрушительная волна, нужно избавиться от этого.

Целительница закончила сеанс, заинтересовалась каменными грибами.

– Я много снимал каменные грибы, хотелось найти особый ракурс, – рассказывает наш собеседник. – Наконец нашел удачную точ-

ку. Остановился. Вдруг чувствую: на меня устремлен чей-то тяжелый, недобрый взгляд. Почудится же! Осмотрелся, никого не заметил. Но ощущение не пропало, а, наоборот, усилилось. Сделал всего один кадр и поторопился уйти оттуда. Когда отпечатал снимок, поразился: из камня как бы проступило лицо — взгляд действительно тяжелый, таящий угрозу.

Тогда для него, человека в прошлом военного, все эти мистические детали казались околonaучной чепухой. Но и объяснения странным вещам, которые с ним происходили, начиная от утихнувшей тяжелой болезни и заканчивая столбами энергии на фотографиях, он не находил. Только спустя несколько лет он узнал от группы медиков-нетрадиционщиков, что такое земная чакра, расспросил подробнее, заинтересовался. Они утверждали: это прямая связь с космосом, энергия здесь чистая, целительная. Потом узнал о существовании легенды, рассказывающей, что недалеко от плато каменных изваяний когда-то было поселение. Камень с крестообразной трещиной жители сделали местом жертвоприношений. Поселение, когда начал извергаться Эльбрус, накрыло лавовым потоком, а место жертвоприношения поднялось вверх и осталось в нетронутом виде. Это место входит в десятикилометровую по протяженности аномальную зону.

Позже, несколько лет спустя, Аркадию довелось не раз приводить туда специалистов нетрадиционной медицины. Они и рассказали своему проводнику о так называемой сети Хартмана. Это было хоть какое-то объяснение странным ощущениям, которые испытывают в этом месте многие. Наступишь на некую полосу, не заметную взгляду, — по ногам бежит тепло, полшага назад или вперед — все исчезает. Долго стоять на этом месте невозможно: когда тепло поднимается выше колен, начинается необъяснимая дрожь в ногах и слабость»².

...Надо прямо сказать, что неподготовленному туристу добраться до «Поляны грибов» не так-то просто — необходим практически целый световой день. Надо преодолеть достаточно высокую гору, далее двигаться по узкой отвесной ложбине, уходя влево от Эльбруса. Потом по крутой осыпи подняться в своего рода скалистый цирк, осилить одну из его отвесных стенок — и вот она, знаменитая «Поляна грибов».

Действительно, открывающееся перед тобой неземное зрелище поражает. Воистину инопланетный, уточнили бы, если судить по голливудским блокбастерам, марсианский пейзаж. На достаточно покатом гребне шириной в несколько десятков метров, словно выдавленном неведомой могучей силой из земной толщи, обойденном по

бокам сжигающей все на своем пути лавой, расположилось добрых два десятка выросших то там, то сям «грибов-исполинов». Одни из них выше – до пяти и более метров, другие пониже – от двух-трех метров.

Каменные столбы, обдуваемые шквальными ветрами, разъедаемые снегом и дождем, мужественно и терпеливо несут свою неустанную тысячелетнюю вахту. Не рушатся, не уходят в землю, словно выполняя какую-то неведомую миссию, известную только им одним да Создателю. Кто он? Природа? Стихия? Разум? Каждый волен ответить то, что ему ближе и предпочтительней.

Плоские шляпки нерукотворных истуканов словно притягивают, а когда, не в силах противостоять извечному человеческому желанию покорить все, что выше твоего роста, взбираешься на них, явственно ощущаешь поток тепла, идущий вовсе не сверху, а снизу, от самих шляпок. Словно каменные плиты вобрали в себя солнечное тепло, аккумулируя его за день, а теперь щедро делятся с тобой. Вполне естественное явление, но вот только от камней, расположенных чуть ниже поляны и точно так же одаряемых теплом светила, почему-то тянуло холодом, и достаточно пронзительным.

Впрочем, подобное можно отнести к индивидуальным ощущениям, исходящим от человеческого воображения, но то, что в какой-то из моментов кварцевые часы одного из пишущих эти строки остановились, отнюдь не выдумка. Часам этим немало лет, за прошедшие годы они выработали неукоснительную привычку убегать на несколько минут вперед, а здесь не просто замедлили свой ход, а остановились. Под каким из «грибов» это произошло и где, судя по всему, находится эта самая энергетическая зона, нам не удалось выяснить. К сожалению, то, что часы останавливались, выяснилось уже при спуске.

Уподобимся скептикам: может, у часов (уместно будет уточнить, их механизм подпитывается от движения руки) просто кончился завод? Впервые за десяток лет?

...Вероятно, и нет никакой геопатогенной зоны на «Поляне грибов» (космический пейзаж, идущее от камней тепло, ощущение прикосновения к запредельному – факторы весьма субъективные), но то, что и ничего подобного этому месту в Джилы-су, как и во всем Приэльбрусье, нет, не подлежит сомнению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галин А. Загадочные столбы // Ветер странствий. 1967. № 2. С. 121.

² Турищева С. Увидеть мир и... умереть. Мужской характер. 2005. № 7.

«НЕМЕЦКИЙ АЭРОДРОМ»

Чуть ниже «Поляны грибов» еще два не менее таинственных места. Одно из них – плато, именуемое пастухами «немецкий аэродром», уже упомянутый выше. Поражают его размеры – несколько сот метров в ширину и более километра в длину, а также то, что площадка эта совершенно ровная, словно природа создала ее для каких-то известных только ей целей. А человек (и только ли он?) лишь воспользовался ее дарами. Ступив на этот «аэродром» у подошвы Эльбруса, на какое-то мгновение замираешь, пораженный величием и грандиозностью открывшегося перед тобой вида – бесконечным полем, упирающимся где-то далеко-далеко в отвесную гряду, наверху которой как раз и расположена «Поляна грибов». Слева нависают вершины Эльбруса, до которых как будто рукой подать, а перед ними удивительные нагромождения лавы.

Расспрашивая чабанов, каждое лето выгоняющих в урочище Джилы-су скот, выяснили, что место это, сколько они себя помнят, сколько помнят себя их отцы, всегда называли аэродромом. Причем только немецким. Старожилы из Былыма тоже как о чем-то само собой разумеющемся говорят о плато, как об аэродроме, уточняя, что сразу после войны здесь имелись соответствующие атрибуты летного поля – железные мачты. Приземлялись ли здесь самолеты, никто не видел – и немудрено: даже тем, кто был в то время 12–14-летним подростком, сегодня к восьмидесяти. Но рассказы полны самых живописных подробностей. В частности, мы услышали о том, что немцы привозили сюда смуглых безволосых людей в белых необычных одеждах (тибетских лам?) и по какой-то причине (будто бы услышав нежелательный прогноз о ходе завершения войны) всех их расстреляли. Кое-кто из старожилов обещал нам показать даже место, где произошла эта казнь – мол, оно отмечено знаком свастики, выложенной из камней.

Интерес Гитлера к Тибету, находящейся там таинственной, хотя до сих пор так и не найденной стране Шамбала, куда его сподвижники Карл Хаусхофер и Рудольф Гесс организовали несколько экспедиций,

стремясь привлечь на свою сторону всемогущих повелителей Шамбалы, и где офицер СС Эрнст Шеффер в 1938 году в Лхасе, столице Тибета, даже организовал так называемую «Встречу западных и восточных свастик», общеизвестен. Как и то, что, взяв Берлин, наши солдаты обнаружили более тысячи трупов людей с чертами лица, характерными для жителей Гималаев. Вот что об этом пишут авторы книги «Утро магов»: «В 1926 году в Берлине и Мюнхене обосновались, в то время еще малочисленные, колонии тибетцев и индусов. Как только нацистское движение начало располагать крупными финансовыми средствами, оно организовало многочисленные экспедиции в Тибет, следовавшие одна за другой практически непрерывно вплоть до 1943 года! В день, когда русские закончили битву за Берлин, они среди трупов последних защитников нацизма обнаружили около тысячи тел добровольцев-смертников, людей тибетской крови. Смертники были одеты в немецкую форму без знаков различия, и в их карманах не было документов».

И далее: «Перед приходом Гитлера к власти в Берлине жил тибетский лама, прозванный «человеком в зеленых перчатках». Он трижды и с большой точностью предсказал в прессе, сколько нацистов пройдет в рейхстаг. Гитлер регулярно навещал «человека в зеленых перчатках». Посвященные называли ламу «хранителем ключей от двери в королевство Агарты».

Кстати говоря, проявляли интерес к Шамбале и органы ОГПУ — неизвестный Яков Блюмкин, тот самый, что вошел в историю как участник убийства немецкого посла Мирбаха, в двадцатых годах прошлого века побывал в Гималаях.

Не меньший интерес проявлял подверженный мистицизму Гитлер и к священной горе арийцев — Эльбрусу. Еще в семидесятых годах прошлого века, занимаясь подготовкой книги об истории и становлении комсомола Кабардино-Балкарии, записывая воспоминания ветеранов, мы обратили внимание на то, как много встреч с туристами из Германии проходило в конце тридцатых годов. Естественно, свидетельствовали они о пламенном интернационализме, пролетарской солидарности; все немецкие друзья были «ротфронтовцами», тельманцами — одним словом, представителями германского рабочего класса. Но уж очень много среди них оказывалось любителей горного туризма. Понятно, что Эльбрус, как магнит, притягивает альпинистов. Только время показало, что большинство из этих восходителей были еще к тому же и профессиональными разведчиками, выполнявши-

ми достаточно специфические задания, причем связанные не только с рекогносцировкой местности, в частности Приэльбрусья. Совсем скоро многие из них вернутся сюда, но уже в составе подразделений горных егерей...

А вот что пишут французы Луи Повель и Жак Бержье, первыми исследовавшие мистические теории, лежащие в основе германского нацизма, в уже цитированной нами книге «Утро магов»: «Когда следующей весной войска захватили Кавказ, произошла странная церемония. Три эсэсовских альпиниста взобрались на вершину Эльбруса, священной горы арийцев, колыбели древних цивилизаций, магическую вершину секты «Друзья Люцифера». Они водрузили там знамя со свастикой, благословленной в соответствии с ритуалом Черного ордена. Благословение знамени на вершине Эльбруса должно было отметить начало новой эры. Теперь времена года должны были повиноваться и огонь — на тысячелетия победить лед. В предыдущем году имело место серьезное разочарование, но это было только испытанием, последним перед подлинной духовной победой. И вопреки предостережениям классических метеорологов, предсказывающих еще более опасную зиму, чем прошлая, вопреки тысяче угрожающих признаков войска двинулись на север, к Сталинграду, чтобы разрезать Россию надвое»¹.

У немецкого генерала Курта Типпельскирха в его фундаментальной работе «История Второй мировой войны» есть такая несколько ироничная фраза: «На Эльбрусе немецкие горные стрелки подняли 21 августа немецкий флаг, но это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения»². А в материалах Нюрнбергского процесса генерал-полковник Альфред Йодль вспоминает, что одно упоминание Эльбруса «вызвало у Гитлера неслыханный скандал»³.

Откуда Типпельскирху и Йодлю, профессиональным штабистам, прожженным воякам, знать, что Эльбрус должен был стать самым главным шагом к Тибету, к овладению высшими знаниями, к полному овладению миром, когда народы сами падут ниц перед сверхчеловеком...

Все перечисленное выше: о таинственных пассажирах, приведенных к подножию Эльбруса, их медитации, предсказании и последующей смерти, как и сам «немецкий аэродром», — можно, ничуть не сомневаясь, отнести к области фольклора, легенд, привнесенных извне альпинистско-туристской братией, склонной к шуткам и ро-

зыгрышам. Да только вот в 1943 году туристов в Приэльбрусье не наблюдалось, а 8 марта следующего года балкарцев депортировали в Среднюю Азию и Казахстан. Так что мифотворчеством заниматься было некому.

Принимало ли летное поле под Эльбрусом самолеты – вопрос спорный. По своим параметрам оно соответствовало аэродрому, годному для приземления даже тяжелых бомбардировщиков, может и сейчас принять даже самые современные самолеты – об этом нам говорили специалисты. Но вот по сводкам наших военных летчиков место это не проходит. Олег Опришко, автор книги «На Эльбруском направлении» (Нальчик, 1970), досконально изучивший военные архивы, тоже категоричен: аэродрома здесь не было. Но вот что интересно: тем не менее он о нем слышал, причем неоднократно. И даже, пытаясь выяснить истину, расспрашивал об этом Александра Сидоренко, того самого, знаменитого, снимавшего с группой альпинистов фашистский флаг с Эльбруса. Подтверждения, что и понятно, не получил. Но ведь аэродром-то считался тайным, и в те времена сплошной секретности о нем могли знать лишь единицы.

Уже впоследствии, когда эта работа была написана, в издательстве появился Олег Опришко с обнаруженной им в архиве Министерства обороны РФ (Подольск) разведсводкой от 29 августа 1942 года № 041 штаба 2-й стрелковой дивизии. И в ней такие строки: «Посадочная площадка для самолетов используется немцами для посадки самолета «фокке-вульф», который, по словам жителей, производит ежедневную посадку»⁴. Что и требовалось доказать.

...Материал о «немецком аэродроме» – один из самых известных очерков авторов этой книги. Дело в том, что им заинтересовалась всероссийская газета «Аргументы и факты», приславшая в 2005 году в Кабардино-Балкарию своего специального корреспондента. Так, «Тайна немецкого аэродрома» приоткрылась для многомиллионной читательской аудитории. Но доведена была до нее (надо учитывать специфику таблоидов, к которым с полным основанием сегодня можно отнести и «АиФ») не в форме гипотезы, а как неоспоримый факт.

И пошло-поехало: «Не наши в белом» – не кто иные, как тибетские ламы, переправленные на «фокке-вульфах» по приказу Гитлера на священную гору ариев, так называемое «место силы», где «небо открывается и можно провидеть будущее. Скорее всего, они, восточные мудрецы, посвященные в тайны духа и мироздания, меди-

тировали на склоне Эльбруса, проникая в будущее, пока рядом пас свою отару молодой пастух Муса. Именно им, а не трем эсэсовским альпинистам, водрузившим флаг над высочайшей точкой Кавказских гор, было поручено вести переговоры с небом.

Обратный рейс самолет, привезший пассажиров в белом, выполнял пустым. Как утверждал старик, немцы расстреляли тибетских лам в урочище Джилы-су. И якобы даже где-то есть знак свастики, выложенный камнями, отмечающий место их захоронения. Тайна пришельцев с Востока, одетых во все белое, пока остается тайной⁵...

И сегодня никто не сомневается (во всяком случае, из числа молодежной аудитории, черпающей познания с интернетовских полей), что главной целью Гитлера была не закавказская нефть, а «вершина Эльбруса», как утверждает «АиФ», что ламы, предсказавшие захватчику «плохой прогноз исхода войны», действительно были расстреляны и нашли последний приют на «немецком аэродроме». Более того, уже осуществлено несколько экспедиций по поиску их захоронений – причем не только дилетантских, но и научных. Правда, «яму для ламы» найти все никак не удастся. И немудрено – сложно поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Ведь в нашем материале про тех же лам отнюдь не говорится утвердительно, как и об их могилах – показать-то обещали, да слово не сдержали. А коль так – было иль не было?

Так был он или нет, «немецкий аэродром»? Можно долго гадать и спорить, но ясно одно: место это все еще хранит свою тайну. Она обязательно будет раскрыта, а пока к ней можно только приблизиться, ступив на это, созданное природой, словно выглаженное мощнейшим бульдозером летное поле, как будто предназначенное для рукотворных небесных птиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повель Л., Бержье Ж. Утро магов: Власть магических культов в нацистской Германии. М.: ИЦ «Российский раритет», 1992. С. 46.

² Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. С. 236.

³ Цит. по: Симонов Е. Д. Слово об Эльбрусе. С. 135–136.

⁴ Архив МО РФ, ф. 2-й гвсд, оп. 1, д. 113, л. 67.

⁵ Иванушкина П. Зачем Гитлер завоевывал Эльбрус? // Аргументы и факты. 2005. № 25.

ГОЛУБОЙ САПФИР

Это чудо природы, ослепительная жемчужина Черекского ущелья, никого не оставит равнодушным. Открывающееся взору невиданное зрелище настолько неожиданно, впечатляюще, что путешественник, особенно впервые оказавшийся в этих местах, на мгновение прямо-таки немеет, восхищенный открывшейся его взору картиной. Бездонная, пронзительная голубизна напоминает кусочек неба, упавшего на землю. Оттенки озера – от ярко-голубого до нежно-зеленого и иссиня-черного в зависимости от времени года, дня, погоды. А бездонность – до сих пор точно неизвестна его точная глубина, отсутствие впадающих в этот природный водоем речек придает озеру особую таинственность и притягательность.

Врач Антон Дроздовский (более подробно об этом человеке можно узнать из выпущенной нашим издательством книги: История медицины Кабардинского округа: события и лица. Нальчик, 2005) является автором исследования, содержащего немало занимательных сведений о природе Кабарды и Балкарии, быте населяющих их народов. Он, в частности, писал: «Озеро Ширегяно (неточное воспроизведение кабардинского *Шэрэдж янэ* – «Мать Черека») в Б. Кабарде, в Черекском ущелье, находится на большой высоте, окруженное лесистыми горами. Поверхность воды озера представляется зелено-голубой, хотя вода, взятая в сосуд, совершенно чистая, прозрачная и приятная на вкус. На небольшом расстоянии от озера, с западной стороны, в глубокой теснине быстро стремится река Черек. Озеро это замечательно тем, что оно появилось в одну ночь на месте провалившейся земли почти на глазах пастухов, находившихся со своими баранами не в далеком расстоянии от этого места»¹.

Конечно, последнее не соответствует действительности, но главное то, что местное население считало озеро появившимся сравнительно недавно. Имеется и соответствующего рода легенда, в которой говорится о чудовище, жившем высоко в горах и наводившем страх на людей; сила его заключалась в крыльях. О молодом смельчаке, по имени Батраз, вступившем с ним в схватку и отсеком мечом крылья.

Чудище, рухнув, телом своим раздвинуло горы (сочившаяся кровь потекла по ущелью — те самые ржавые от окислов железа склоны), стало погружаться в землю. На месте падения образовалась воронка, заполнившаяся чистой голубой водой. В этом подводном царстве чудище, до конца не испутившее дух, и обосновалось. Имеется и продолжение легенды — о девушке Гюльчи, чья красота отражалась в водной глади, как в зеркале, о влюбившемся в нее чудище и все том же Батразе, снова вставшем у него на пути и отбившем красавицу. Одним словом, чудище приказало долго жить, упокоившись навсегда на дне озера, называемого с тех пор местными жителями Чирик-Кёль (то есть «гнилое озеро»).

Эта легенда воспроизведена в статье «По горам Северного Кавказа», которая была напечатана в шестом томе ежемесячного журнала «Вестник Европы» за 1888 год. Ее автор — Николай Харузин (1865—1900), проживший весьма недолго, но оставивший о себе добрую память, в том числе и как автор учебника по общему курсу этнографии. Он и его товарищ З. П. Тулинцев побывали здесь летом 1886 года в составе научной экспедиции знаменитого профессора Московского университета Всеволода Федоровича Миллера (1848—1913), чье имя в этой книге будет упомянуто не один раз. В 2006 году извлечения из этой работы, посвященные поездке в наши места, мы опубликовали в третьем выпуске сборника «Балкария: страницы прошлого».

Вот каким увидел автор Голубое озеро: «Среди леса находится небольшое горное озеро, синие спокойные воды его отражают, как в зеркале, скалистые вершины, поднимающиеся за ним; деревья на берегу стоят недвижно, словно застывшие, отражаясь также ясно до мельчайших подробностей в чистой воде. Вода здесь так чиста, что если бросить в нее камень, то долго можно следить за его падением. Говорят, это озеро отличается своей глубиной и, по мнению некоторых балкарцев, даже совсем дна не имеет. Это озеро, столь спокойное, имеет в себе что-то особенное, привлекательное, таинственное; его спокойные воды, словно недобро сулят тем, кто решился бы войти в него для купания или поплыть по нему. Народ считает это озеро почти священным: оно произошло сверхъестественным путем; по преданию, наверху горы, поднимающейся за озером, было давно одно большое озеро, потом разразилась однажды страшная гроза над этой местностью, сотряслись окрестные горы, и озеро на горе разделилось на три части: две части его остались наверху, образовав небольшие озера, а третья опустилась вниз и залегла у подошвы

горы, образовав третье озеро. Быть может, народное предание сохранило воспоминание о некогда бывшем здесь вулканическом перевороте. Само озеро сделалось жилищем страшного чудовища, форму и вид которого рассказчик не мог описать; чудовище это сидело глубоко в озере, но стоило только кому-нибудь спуститься в воду, чтобы искупаться, или даже наклониться, чтобы выпить воды, как чудовище быстро поднималось со дна и пожирало смельчака, дерзнувшего нарушить покой его. Впоследствии это чудовище опустилось в озеро и с тех пор не появлялось уже на поверхности. Много лет прошло с тех пор, говорил рассказчик; но, несмотря на то что даже самые древние старики не запомнят, когда чудовище явилось в последний раз, все-таки озеро служит для местных жителей, в том числе и нашего рассказчика, предметом суеверного страха»².

Известный русский географ Н. Я. Динник, автор работ «Эльбрус, его отроги и ущелья», «Горы и ущелья Терской области», «Современные и древние ледники Кавказа» (переизданы нами в серии «Народы Кавказа: страницы прошлого» в 2010 году) и множества других, дважды в конце восьмидесятых годов XIX века совершил поездку в эти места, оставив нам великолепные отчеты натуралиста об увиденном (издательство вернуло их в 2009 году читателям, объединив под одной обложкой и дав общее название «Поездки в Балкарию в 1886 и 1887 годах»).

В работе Динника содержится не только описание этого природного феномена, но попытка дать ему научное объяснение: «Это озеро находится на дне долины Череха и окружено с одной стороны крупным лесом, а с другой — прилегает к большой красивой поляне; впрочем, и с этой стороны его также тянется узкая, местами прерывающаяся кайма леса, состоящего из ольхи, черной ольхи и довольно высоких рододендронов. Длина озера простирается до 300 шагов, а ширина около 200; вода его необыкновенно чиста и прозрачна; в некоторых местах она отликает нежным небесно-голубым цветом, в других — темно-синим, а там, где над нею висят ветви, покрытые зелеными листьями, она представляется изумрудно-зеленой. Необыкновенно красиво и дно озера. Нужно заметить, что вода озера содержит сернистый водород, который, разлагаясь, выделяет на подводные предметы желтовато-белый осадок серы. Дно озера сильно углубляется по мере удаления от берегов и почти везде покрыто целым лесом разнообразных водорослей и других подводных растений, которые, благодаря беловатому цвету, происшедшему вследствие осаждения

на них серы, особенно рельефно выделяются на сине-зеленом фоне воды, представляя, таким образом, чрезвычайно эффектную картину. Подобные же осадки покрывают все ветви, сучки, случайно попавшие в воду, и камни, лежащие на дне. Замечательно и то, что деревья с их ветвями и кустарники, свешивающиеся над водой, дают в ней такие отчетливые и ясные изображения, что их почти нет возможности отличить от предметов, действительно находящихся в воде.

Из озера вытекает короткая, но довольно широкая речка, впадающая в Черек. Глубина ее около аршина, ширина шагов 15 или 20; течет она не особенно медленно и несет такое количество воды, которое, несомненно, указывает на существование в дне озера очень богатых ключей. Камни, ветки и растущие на дне этой речки травы кажутся еще красивее, чем в самом озере, так как покрываются здесь еще более значительными осадками серы. Температура воды в озере 10,5°, а в речке, вытекающей из него, у краев 8,5°, в середине же 7,75°. Очевидно, что большая часть воды попадает в эту речку непосредственно со дна озера.

Существование такого интересного озера, конечно, не могло не быть связано с какими-либо сказаниями, легендами и т. д. Говорят, что горцы пытались достать его дно при помощи лота, но безуспешно; поэтому они считают озеро бездонным. Кроме того, по их рассказам, на дне озера живет страшное чудовище, которое иногда всплывает на поверхность воды. Один из стариков-горцев уверяет, что он даже видел, как это чудовище однажды поднялось со дна и показалось над водой, причем вода выступила из берегов озера и залила всю прилегающую к нему поляну. Существование рыбы в этом озере незаметно, хотя и говорят, что сюда приезжают ловить форель. Очень возможно, что рыба даже не в состоянии жить в такой воде. Из насекомых на поверхности озера мы видели очень много вертячек (*Girinus*), а из птиц – двух куличков (*Totanus ochropus*); кроме того, на деревьях около озера попало нам на глаза несколько штук снегирей.

На берегу озера мы сделали привал и с наслаждением провели здесь часа два. Я в это время занимался осмотром озера: измерил в нескольких местах температуру его воды, собрал немного растений, а мои спутники готовили чай и кофе. Для того и другого вода была взята из озера; при кипячении, как и следовало ожидать, она утратила свой запах и для чая и кофе оказалась вполне пригодной. Температура кипения воды в сосуде гипсометрического термометра на берегу озера равнялась 97 °С, следовательно, высота этого места около 2900 футов над уровнем моря»³.

Занимательны и заметки репортера Владимира Гиляровского: «Мы сделали привал на довольно широкой горной долине, посреди не которой – красота незабываемая – голубело перед нами довольно широкое озеро, голубое, как сапфир на солнце. На земле такого огромного правильного пространства голубого я никогда не видал: будто кусок прозрачного неба каким-то чудом лежал перед нами в этой каменной трещине, среди нависших скал. Но не только небо голубело, в нем сама вода оказалась голубая. Ага молча взял два больших белых камня и бросил в воду. Они из белых стали сразу темно-голубыми, синели и пропали в глубине темно-синими. Кругом пахло серой»⁴.

В 1926–1927 годах детально занимался изучением Голубого озера И. Г. Кузнецов, удостоенный за свои исследования серебряной медали Русского географического общества. Кстати говоря, Иван Георгиевич родился в Нальчике, в 1919 году окончил в Петрограде Горный институт, стал доктором наук, профессором. Его очерк о Голубом озере был издан отдельной брошюрой Кабардино-Балкарским отделением Российского общества туристов и Кабардино-Балкарским областным экскурсионным бюро. Вот что в нем сообщается: «По площади Чирик-Кёль принадлежит к числу самых маленьких озер. Его площадь – 26 130 квадратных метров. Тем поразительнее оказывается громадная глубина озера, достигающая 258 метров. В озеро с поверхности не впадает ни одного хотя бы маленького ручья, но из него вытекает речка, в сутки выносящая 5–6 миллионов ведер воды. В условиях известняков на уровне дна озера или еще глубже, очевидно, циркулируют подземные воды, образующие мощные потоки, может быть, целые подземные реки.

Водовместилище озера представляет собой глубокий колодезь с отвесными стенками, сложенными слоистыми известняками. Вода в колодезь поступает снизу, с большой глубины, и находится под большим напором, ибо она мощным потоком вытекает сама из озера.

В данных геологических условиях единственным источником подземных вод являются атмосферные осадки, выпадающие в виде снега и дождя в окрестностях озера. Принимая во внимание, что часть атмосферных осадков по выпадении стекает в Черек и другие речки, что часть осадков испаряется и что не все поглощенные известняками воды потом выходят в озеро, мы с полным основанием можем принять площадь области питания не менее 50 квадратных километров».

Интересно описание С. Анисимова, сделанное в тридцатых годах прошлого века: «Голубое озеро – *Шерек-Яна*, или по-кабардински

«Мать Череха». По-балкарски озеро называется Церик-Кёль. Оно имеет правильную форму овала, длиной в 300 м и шириной около 200 м. Глубина его доходит до 290 м, и только кое-где у краев имеются небольшие неглубокие подводные площадки. Температура этого озера в глубине постоянная, около +10 °С. В летнее время поверхностный слой несколько нагревается, и тогда в нем можно купаться.

Голубое озеро замечательно тем, что в него не впадает ни один поток. Оно питается подземными водами. Но из него вытекает речка, впадающая в Черек. Поэтому воды озера имеют движение очень медленное у краев и более быстрое посредине, переходящее в круговое. Воды озера имеют яркий лазоревый цвет, зависящий от примеси сероводорода. Хотя примесь невелика, незаметна на вкус и не дает никакого запаха, но все-таки в Голубом озере почти отсутствует жизнь: нет ни животных, ни растений, за исключением одного вида рачка-гамарус, и на небольшой глубине у берега встречается несколько видов водорослей. Голубое озеро провального происхождения. Оно образовалось в меловых известняках вследствие размывания их подземными водами»⁵.

В 1980 году изучением озера занялись ученые Института географии Академии наук Грузинской ССР. Экспедиция, которую возглавлял доктор географических наук Г. Гигинейшвили, определила, что длина водяного зеркала 233 метра, ширина – 146, глубина 254 метра.

Озером восторгался Вадим Гиппенрейтер: «У озера удивительный цвет воды. Еще более удивительная прозрачность: глубоко просматриваются уходящие в воду берега. В озеро не впадает ни один ручей, из него вытекает река. Природа словно показывает таинственный фокус. Зеркало озера – два с половиной гектара, длина немногим более 200 метров. Глубина – 368 метров! Озеро – шестое по глубине в Советском Союзе. Такому феномену под стать были бы невиданные рыбы, но живет в нем лишь небольшой рачок-гамарус, изредка забредает случайная форель, а на поверхности застыли кособокие лодки – это свесившиеся через борта туристы пытаются проникнуть взглядом сквозь прозрачную толщу. Об озере ходят легенды, но есть и прозаическое знание – оно карстового происхождения, питают его подземные источники. Им озеро обязано постоянством температуры – плюс 9,3 градуса – и неизменностью уровня. Вода содержит сероводород. Он-то и убивает все живое»⁶.

Нетрудно заметить, что разные авторы называют весьма отличающиеся друг от друга глубины озера – 290 метров, 368 метров, но на сегодня принято считать, что глубина выработанной в известняках

карстовой воронки 25,5 метров, длина – 235, ширина 125 метров, площадь зеркала 2,6 гектара, дебит минеральной воды 72 миллиона литров в сутки ⁷.

Что же касается лодок, то катание по озеру запоминается надолго: ощущение земной бездонности, раскрывшейся прямо под тобой, и кажущейся невозможности спастись, если утлое суденышко по какой-нибудь причине опрокинется, все время давит, и ты плывешь в ожидании каких-то невероятных событий. А вдруг ветер прорвется сквозь кольцо окруживших озеро деревьев и лодка не выдержит его ударов, а вдруг озеро вспучится, родив невиданную волну, которая поглотит и лодку, и сидящих в ней... Но ничего не происходит, мистический ужас постепенно отступает и рождается желание... искупаться в этом кусочке неба.

В семидесятые годы прошлого века один из нас попытался это проделать. Смелости и физических усилий хватило на какой-то десяток метров – несмотря на июльскую жару, руки-ноги занемели практически тут же, и лишь желание не опозориться перед сверстниками, куда большее, чем воля к жизни, позволило без потерь для общества добраться до берега, на который, помнится, еле выполз и долго еще дрожал под испепеляющим солнцем не в силах согреться. Впрочем, это говорит больше о физической неподготовленности, чем о реальной невозможности переплыть Голубое озеро – таких смельчаков хватало и хватает. Как и тех, кто пытался познать его глубину.

До последнего времени водолазы опускались в воды озера на десятки метров; в 2003 году Игорь Галайда и Роман Прохоров достигли глубины 150 метров, установив тем самым рекорд России по погружению. Вот что рассказывал Игорь: «Реальное погружение на 150 метров заняло 8 минут. Где-то чуть ниже 100 метров стену стало не видно (она ушла нишей в глубь массива), и мы падали вниз в крошечной темноте исключительно по приборам. На отметке компьютера 150 м провисели одну минуту и начали подъем. Первая остановка на 103 метрах. Появилась стена. До нее всего пара метров. Стало веселее. На 60 переход на воздух. На 35 забираем баллоны с нитроксом и переходим на него. Последнее переключение на кислород на 9 метрах. Общее время пребывания в воде заняло 159 минут». Впоследствии они увеличили его до 185 метров. Тогда же было принято решение о создании на берегу Голубого озера центра глубоководных исследований, так называемого дайвинг-центра, призванного привлечь зарубежных ныряльщиков.

Летом 2005 года его строительство завершилось – подземная часть бункера уходит под землю на три метра и сообщается с озером через туннель для погружений; здесь расположены раздевалки, сушилки, помещения для хранения водолазного снаряжения, компрессорная, барокамера. В наземной части разместился офис с научной лабораторией и рабочими кабинетами. Организаторы уверены: по причине своей природной уникальности – озеро не замерзает, пригоден к погружению круглый год, вода отличается особой прозрачностью – оно будет манить «заграничных и российских ныряльщиков, как магнит»⁸. Поживем-посмотрим, как отразится это первое за всю историю озера столь серьезное вмешательство в его экологию.

Нижнее Голубое озеро – самое необычное из всех имеющихся на этом участке Черекского ущелья. Но если по дороге, уходящей влево, подняться вверх, то можно полюбоваться еще тремя озерами – Секретным (бессточный замкнутый бассейн с площадью зеркала 2,6 гектара при глубине 17 метров) и Верхними (в них можно купаться, ловить рыбу). Заодно и осмотреть провал «глубиной около 100 метров. Это пропасть, на дно которой жутко заглянуть. Лет двадцать-тридцать назад здесь, в глубине, виднелась такая же голубая чистая вода, как в Голубом озере»⁹. Автору этих строк Сергею Анисимову можно верить, ведь он писал только о том, что видел сам, следовательно, еще сравнительно недавно в Сухом озере была вода. Кстати говоря, существует предположение, что она перетекла в нижнее Голубое озеро. В отчете упоминаемой выше грузинской экспедиции о провале Кёль-Кечхен (в переводе с балкарского – «пропавшее озеро») говорится, что его площадь 60 тысяч квадратных метров, максимальная глубина – 177 метров. Высказывается предположение, что 25–30 тысяч лет тому назад «колодцы озер Чирик-Кёль и Кёль-Кечхен составляли единую гидродинамическую систему. Причем водоем современного озера Чирик-Кёль был заполнен водой подземной полости. В самом конце плейстоцена (12–13 тысяч лет назад) полость вскрылась, озеро Чирик-Кёль вышло на поверхность, и в него стекла вода из Кёль-Кечхен. Кроме того, река Черек, питавшая Кёль-Кечхен, поменяла русло, и озеро высохло»¹⁰.

К сожалению, «провал» посещается немногими туристами, хотя до него добраться не так уж трудно. Но впечатление от увиденного – разверзшейся земной тверди, отвесных скал, уходящих вниз на многометровую глубину, хрупкости человеческого существования – столь велико, что даже способно затмить красоту голубого сапфира...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дроздовский А. И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 341.

² Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 114–115.

³ Динник Н. Поездки в Балкарию в 1886 и 1887 годах. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 8–10.

⁴ Гиляровский Вл. Сочинения: В 4 т. М.: Правда, 1968. Т. 1: Восходящая звезда. С. 377.

⁵ Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: ГСЭИ, 1937. С. 72–73.

⁶ Гиппенрейтер В. Вершины впереди. М.: Планета, 1978.

⁷ Природа Черекского района Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 26–27.

⁸ Дайвинг-центр на Голубых озерах // Газета Юга. 2004. 5 авг.; В Кабардино-Балкарии построят дайвинг-центр // Комсомольская правда. 2004. 13 авг.; Махти Темиржанов стал «первым балкарским водолазом» // Газета Юга. 2005. 16 июня.

⁹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 74.

¹⁰ Цит. по: Белоцерковская И. Чирик-Кёль и его тайны // Кабардино-Балкарская правда. 2005. 9 июля.

КАРЬЕР, ИЗЛЕЧИВАЮЩИЙ БОЛЕЗНИ

...Из Нальчика по верхней Белореченской дороге можно попасть на карьеры цементного завода. Разработки известняка расположены примерно в двух километрах от заброшенного ныне завода, а вся дорога от города не займет более получаса.

Здесь, как и на стеновых обрывах речного русла, «хорошо видны пласты месторождения. Каждый такой пласт определяет отрезок времени жизни древнего моря... Около 100 миллионов лет тому назад» здесь «плескалось древнее море. Осаждавшиеся на морское дно в течение веков останки моллюсков-иноцерамов и таких морских животных, как, например, морской еж, образовали эти слоистые известняки. Позднее же (около 60 миллионов лет тому назад), в период горообразования, это морское дно мощными подземными силами было приподнято до современного горизонта, что позволяет в разрезах, подобных белореченскому, видеть огромную толщу осадочного материала и примерно определить его возраст»¹.

...Если взглядеться внимательно в развалы известняков, то действительно можно увидеть множество морских ежей. Их панцири достаточно хорошо сохранились, встречаются даже абсолютно неповрежденные экземпляры. Особенно красивы те из них, чьи окаменевшие панцири украшены, как коронами, наплывами золотистых кристаллов пиритов. Вглядываясь в эти удивительные создания, так и ловишь себя на мысли, что они живые и просто погрузились в сон: долгий-предолгий. Впрочем, может, так оно и есть? Вспоминается прочитанное на одном из интернетовских сайтов: «В 1818 году в меловом карьере на глубине 15 метров в слое окаменевших морских ежей и тритонов геолог Кларк увидел трех существ, выкарабкивающихся из глыб мела. Два из них вскоре умерли, а третье, выпущенное в воду, «стало резвиться и купаться, как будто никогда не находилось в состоянии спячки». Геолог и его коллеги очень удивились, когда определили, что эти существа принадлежали к виду, вымершему десятки миллионов лет назад!»

К слову говоря, окаменелости морских ежей активно использовались в своей практике средневековые колдуны — их чешуйчатые колю-

чеобразные панцири дробили в ступке и употребляли как снадобье при заболеваниях мочеполовой системы.

Поиск представителей животного мира далекого прошлого, исчезнувшего миллионы лет назад, настолько увлекает, затягивает, что в прямом смысле забываешь обо всем, теряешь времени счет. Белые горные отвесы слепят глаза, солнце светит здесь по-особому ярко, и неожиданно замечаешь, как буквально на глазах оголенные участки тела бронзовеют. Загар столь впечатляющ и насыщен, что остается только удивляться. Особенно ярко он проявляется у тех, кто ранее находился на солнце, уже напитав свою кожу энергией светила.

Получается, вот оно, место паломничества для желающих стать мгновенно такими, как героиня популярного шлягера «мулатка-шоколадка»? Так-то оно так, но есть одно «но» — как только вы отъезжаете от карьеров, кожа светлеет, а загар исчезает, словно его и не было. Право, не стоит переживать, потому что местными жителями замечено и другое — у многих людей, побывавших в карьерах, проходят простудные заболевания, особенно насморк, значительно меньше дают о себе знать застарелые недуги, улучшается общий тонус. Происходит своего рода зарядка организма. Солнечной энергией? Флюидами, исходящими из земли? Ответ нам неизвестен. Феномен карьеров всесторонне никто не изучал.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Подъяпольский Г. Н. Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 57–58.

В ОКРЕСТНОСТЯХ НАЛЬЧИКА

Миновав кордон Нальчикского лесохозяйства, проехав несколько километров по достаточно накатанной дороге – она под силу любому внедорожнику, попадаем на один из полигонов Высокогорного геофизического института, призванного бороться с градообразующими облаками, которые несут бедствия сельскому хозяйству. Лучшие времена градобойцев остались в советском прошлом, но нас интересуют вовсе не они, а каньон реки Нальчик. Вид с площадки полигона открывается неповторимый: уходящая чуть ли не отвесно на сотни метров пропасть; несущая свои воды где-то внизу и кажущаяся с такой высоты серебряной ниточкой речушка; смыкающиеся вдалеке горные склоны, заросшие лесом; горный орел, разрезающий бесконечную небесную синь...

Площадка, представляющая собой что-то вроде качающегося балкона, укрепленного на массивных балках, зависших над бездной, с примитивными перилами и без досок, служивших полом (их растащили в первую очередь), – своего рода экстрим для желающих проверить свои поджилки. Но куда больше адреналина можно получить, если, уйдя по тропинке вправо, затем спуститься вниз и под нависающими скалами добраться до пещер. Их здесь несколько, они достаточно известны и разведаны как московскими, так и доморощенными нальчикскими спелеологами. И для них особого интереса не представляют. Но нам, никогда так глубоко не забиравшимся под землю, все увиденное было внове и в диковинку. Вначале мы осмотрели достаточно просторный грот со всевозможными ответвлениями, уходящий на несколько десятков метров под скалу, стены которого облюбовали для своего жилья летучие мыши.

А потом, спустившись по склону еще ниже, оказались у сравнительно небольшого отверстия, из которого с шумом вырывался поток воды. Подойдя к этому месту, наш спутник Василий, оригинальнейшая и колоритная личность, электрик по профессии, а в свободное от нее время аквалангист, спелеолог, исследователь всего необычного (чего стоят фотографии его пребывания в экстремальных местах

республики!), произнес весьма уместную в этих диких местах фразу: «Синьоры, мы пришли». Дело в том, что одно время Василий работал вместе с итальянцами и их галантные «синьор», «синьорина» так ему пришлись по душе, что заменили все другие формы обращения к незнакомым людям. И понятно: разве могут холодное «товарищ» или даже уважаемое «господин» соперничать с изысканным «синьор»?!

Ни «синьор», ни «синьорина», если честно, не могли понять, где же находится эта самая – в несколько десятков метров – пещера. Оказалось – в этой самой горе, войти в которую можно было только по пробитому водяным потоком руслу. Из своего безразмерного и невероятно тяжелого рюкзака (тяжесть его груза за все время пути Василий ни на кого не перенес) он один за другим извлек три прорезиненных комбинезона, достающих до самого горла и завязывающихся тесемками. Дальше началось не самое легкое: у одного из будущих спелеологов комбинезон ну никак не хотел лезть выше пояса, и лишь спустя весьма немалое время, общими усилиями – в шесть рук, удалось буквально затолкнуть живот в это прокрустово «одеяние». Но оказалось, что это еще не вся наша одежда – поверх резиновых комбинезонов мы натянули другие – такелажные, из кремовой хлопчатобумажной ткани (подарок все тех же итальянцев), дабы обезопасить первые, легкорвущиеся, от острых скальных выступов. На голову – оранжевые монтажные каски с закрепленными на них лампочками; через плечо – сумки с аккумуляторами. Даже не по пересеченной местности в этом корсете для всего тела передвижение было затруднительным, что уж говорить о подъеме по катящейся на тебя трехметровой водопадной струе. Василий поднялся первым, помог забраться и нам. Из проема значительно ниже человеческого роста неслась вода, тянуло пронзительным холодом, а свет фонарей никак не мог пробить черную мглу. Честно говоря, радости от предстоящего купания в ледяной воде не ощущалось, но назад отступать было уже поздно.

И мы пошли... Практически сразу попали в расщелину, в которой вода доходила почти до самой головы. А если к этому добавить, что внизу то и дело встречались песчаные зыбуны, в которые проваливались ноги, то вполне объяснимо, как вода находила себе путь в комбинезон. Проход то сужался до такой степени, что через него можно было пробираться лишь бочком, цепляя плечами стены, то расширялся на несколько метров, образуя своего рода раковины, то опускался так низко над водой, что приходилось двигаться на полуосо-

гнутых ногах; лишь наши головы, то и дело касками задевающие потолок, виднелись над водой. Неожиданно лаз стал уходить чуть ли не отвесно вверх, и, чтобы подняться, надо было на животе, цепляясь за скользкие холодные камни, ползти по ним, упираясь ногами в стены. О том, что будет, если не удержишься, думать не хотелось.

Наконец мы оказались в достаточно просторной галерее, где и остановились, пораженные открывшейся картиной. Нависающие высоко над головой каменные своды, шум падающего потока, лучи фонаря, отражающиеся в водяных бассейнах и пляшущие на стенах с носиками сталактитов, отбитых чьей-то варварской рукой...

Происходящее казалось ирреальным, создавало чувство гнетущего одиночества, бесконечной оторванности от непостижимо далекого мира света и тепла. Василий рассказывал о пещере. Он с товарищами обследовал ее до конца, выбравшись с другой стороны. Но для этого нужны акваланги, так как кое-где вода заполняет все свободное пространство. Один из залов поражает воображение своей высотой и шириной, особенно в зимнее время, когда весь он буквально усыпан самой разнообразной формы и величины остроконечными сверкающими люстрами – сосульками. Есть места, где в ледяной купели водяных лагун плавают трупы непонятно как попавших сюда лосей, рысей, других животных. Вообще Василий экстремал еще тот – в каньоне реки Нальчик он обследовал все пещеры, спускался по карстовым вертикальным штольням на глубину в несколько десятков метров, с аквалангом обследовал знаменитый провал, что на Голубых озерах... Где только не испытывал судьбу этот неунывающий балагур, и она подарила ему немало встреч с удивительным, таинственным, непознанным. После нашей спелеологической вылазки ломило окоченевшее, налившееся усталостью тело, набирала силу уверенность, что для подобного рода подвигов мы уже староваты. Но на реплику Василия: «Летом в пещерах делать нечего, красота не та... Может, выберемся зимой?» – голоса наши ответили в унисон: «Давайте!».

КАМЕННОМОСТСКИЕ КАТАКОМБЫ

В районе селения Каменномоостского есть настоящее природное чудо – карстовые озера, аналогичные по своему образованию голубой жемчужине Черекского ущелья. Местные жители называют их *Шэдхурей*, что можно перевести с кабардинского как «круглое болото». Но, право, если прилагательное «круглый» здесь как нельзя кстати, то название «застойная вода» совсем неуместно. Сравнение куда как не новое, но при взгляде с высоты ощущение одно – огромные человеческие глаза смотрят прямо на тебя, притягивают взор, их голубая бездонность завораживает и затягивает в свою воронку-омут. Еще несколько десятилетий назад озер было три. Но одно в силу разного рода причин, в том числе связанных с деятельностью людей, высохло, от него осталась только внушительных размеров воронка.

Зато два других по-прежнему впечатляют, особенно когда поднимаешься на их восточную сторону, расположенную под достаточно крутой многометровой возвышенностью. Обрыв так грандиозен, что создается ощущение – перед тобой не десятки метров, уходящих к озеру, а многие-многие сотни. А само оно поистине бездонное. Но это не так. Наши друзья – аквалангисты Игорь Галайда и Роман Прохоров из дайвинг-центра, что на Голубых озерах – совершали погружение и здесь. Определенная ими глубина одного из озер – более шестидесяти метров. Глубина другого примерно аналогична. Интересно, что из озер не вытекает ни одного ручейка, тем не менее наполняемость их все последние годы остается почти на одном и том же уровне.

Спуск к этим жемчужинам довольно обрывист, но весьма нетруден. В нижней своей части верхнее озеро заросло камышами, кустарником. В них водятся утки, а в самом озере – рыба, в основном карп, запущенный когда-то людьми. Любителей рыбной ловли здесь предостаточно, уловы бывают достаточно внушительными.

Кстати говоря, именно в этих местах снимался популярный в советские времена фильм «Земля Санникова». Многим памятна сцена из него, когда плот с оленем затягивает в водяную воронку. Спе-

шим огорчить любителей таинственного – воронок-убийц на озере нет (показанную в фильме организовали киношники – водолазы под водой раскручивали плот, весьма правдоподобно создавая иллюзию разбушевавшейся природы), а вот то, что озера, хоть они и расположены достаточно далеко друг от друга, соединены между собой подземной водной артерией, – весьма вероятно. Косвенным свидетельством этому может служить необычный колодец, вернее, дырка в земле на перешейке между ними. Как рассказывают местные жители, если бросить в эту дырку камень, то через весьма продолжительное время можно услышать всплеск воды.

Какие ходы и какой длины проточила в этих горах вода – неизвестно по одной простой причине: до сих пор спелеологи обходили каменномостские пещеры стороной. Но одна из них – местные жители называют ее «Готыж», что переводится как «заброшенная», – достойна внимания.

...Высокая трава и кустарники разрослись так густо, что вход-лаз обнаружишь не сразу. Практически это своего рода разлом в скале – узкий, петляющий, продвигаться по нему можно только ползком. Если к этому добавить уходящие вниз колодцы в два, а то и три человеческих роста, в которые спуститься можно только по страхуемой сверху веревке, зимний холод, струящийся снизу, то становится ясно, почему пещера пользуется недоброй славой у каменномостцев и пройдена наиболее бесстрашными из них (судя по следам копоты от факелов) лишь на протяжении каких-то 15–18 метров.

Мало того, для спуска, помимо специального оборудования, необходима еще и худощавая комплекция. По причине отсутствия первых и несоответствия второй один из пишущих эти строки, к сожалению, вынужден был остаться на поверхности. Правда, и спустившиеся в пещеру в тот раз далеко не прошли – прежде всего из-за отсутствия профессиональных навыков.

Но вскоре мы вновь вернулись сюда вместе со спелеологом-любителем Павлом Кравчиком. Павел – поляк, увлекается лошадьми, активно пропагандирует знаменитую кабардинскую породу, участвуя в ярмарках, пробегах. Поэтому тесно связан с Кабардино-Балкарией деловыми, партнерскими отношениями, а в последнее время и семейными – в жены взял кабардинку. Одним словом, человек не чужой нашей республике, более того – ее горячий патриот: исходил КБР в прямом смысле вдоль и поперек.

...Под землей сложно судить, какое расстояние ты преодолел, тем более когда двигаться приходится только ползком, но отсутствовали

Павел и наш фотограф более часа, и уже это в определенной мере говорит о пройденном ими пути. Тем не менее, пещера своей тайны не открыла – лаз надо было расширять вручную, чего без дополнительной помощи сделать оказалось невозможно. Судя по потоку воздуха, должен был быть и второй выход. Но вот где он? Павел полон желания получить ответ на этот вопрос – из лаза он вылез весь в глине, потирая ушибленные локти, но радостный и возбужденный. И все твердил, что перед нами один из самых необычных подземных разломов, в которых он бывал. Это признание человека, побывавшего во многих пещерах Европы, дорогого стоит. В ближайшее время поляк намерен вернуться и помочь нам разгадать каменномоностскую тайну.

Ученые в долгу перед этими местами, которые ждут внимания археологов, историков, спелеологов. У местного краеведа-энтузиаста Арсена Бишенова за время многочисленных походов по окрестностям родного для него селения скопилась целая коллекция найденных им древних окаменелостей, некоторые представляют, без сомнения, научный интерес. А с какой любовью рассказывал нам Арсен о самом Каменномоностском, показывал древние захоронения, пещеры, в которых многие века назад жили люди, удивительные природные богатства этих мест. Здесь, где все радует глаз, практически не бывает посторонних, туристы, даже на знаменитых карстовых озерах, – гости редчайшие. Дарованные Создателем для умиротворения людского неповторимые красоты котловины Джэманкуль, одной из самых чарующих в Кабардино-Балкарии, остаются совершенно невостребованными.

Известный кавказовед, знаменитый ученый-этнограф Лев Григорьевич Лопатинский (1842–1922), автор не потерявших своей актуальности и ныне трудов по вопросам кабардинского языка, фольклора, истории, опубликовал в 1891 году в 12-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОПМК) несколько кабардинских сказаний, записанных им от Талиба Кашежева (1866–1931).

Есть среди них и «Озеро Шатхурей», представляющее из себя топонимическое предание, которое мы и публикуем в приложении к этому материалу.

ОЗЕРО ШАТХУРЕЙ

Один хозяин всегда косил сено на речке Жеманкул, а на склонах прибрежных гор пас своих овец; на зиму он загонял их в овчарню, недалеко от озера Шатхурей. Повеял от Ошхамахо холодный ветер; началась стужа и припорошило снежком. Пастухи в первую же ночь загнали овец в овчарню, а сами грелись у костров. Зашел хозяин, чтобы посмотреть, все ли исправно.

Он остался всем доволен и, уходя к себе в саклю, сказал пастухам:

— В эту ночь будет слышен в овчарне шум; но вы не тревожьтесь! Не выходите из своего шалаша и не заглядывайте туда, что бы там ни делалось!

Была уже глубокая ночь, когда в овчарне послышался необычный шум. Пастухи прислушиваются: явственно слышно, как кто-то гоняется за овцами. Они недоумевают, что это такое. Долгое время они не вставляли, не обращая ни на что внимания, согласно приказу. А шум все увеличивается; поднялась страшная беготня и невообразимый гвалт: они уже думали, что настал последний час для бедных животных. Наконец, они не выдержали, зажгли восковую свечку и заглянули в овчарню. И что же они видят: овец гоняют из одного конца овчарни в другой два белых, как снег, барана, с черными ушами.

«Что за диковина?» — думают пастухи. Они растерялись и, забыв о приказании хозяина, бросились ловить таинственных баранов. Но лишь только они вошли с зажженной свечой в овчарню, белые бараны бросились к выходу, повалили пастухов и выскочили из овчарни. Овцы сначала сомкнулись в одну кучу, а потом стремительно понеслись за белыми баранами, которые направились прямо к озеру Шатхурей и бросились туда; за ними последовало и все стадо.

Утром приехал на арбе хозяин, и пастухи рассказали ему о случившемся.

— Я ведь вам запрещал выходить, — сказал хозяин, — все наше счастье было только в этом стаде; когда его нет, то и нам нечего жить. И нам туда дорога! — с этими словами он приказал пастухам запрячь арбы, уложить все добро и ехать за ним. Когда уже все было готово, первым въехал на арбе в озеро хозяин, а за ним и другие арбы. Все погрузились в пучину: виднелись только круги, расходящиеся по поверхности озера и слышался плеск воды у берега, заросшего камышами. Наконец, все стихло на зеркальной поверхности Шатхурей.

С тех пор, каждый год весной, во время стрижки баранов, поверхность озера покрывается шерстью: все это шерсть утонувшего стада овец. При лунном свете выходят из воды два белых, как снег, барана, пасутся на берегу, а затем опять погружаются в бездонную пропасть Шатхурей.

Озеро Шатхурей находится недалеко от селения Кармова. Если подняться по речке Екепцок вверх, то на расстоянии трех верст попадаетесь сперва небольшое, почти высохшее озеро; затем второе, значительно больше, овальной формы; наконец третье, самое большое, несколько продолговатое. Последнее и есть Шатхурей. Эти три озера имеют горько-соленую воду и отличаются своим чудным цветом аквамарина. Шатхурей считают кабардинцы заколдованным и полагают, что в нем нельзя купаться: многие пытались, во время жары, освежиться купаньем в этом озере, но никто не выходил оттуда: всех затягивала в себя пучина. Но каково было удивление кармовцев, когда несколько москвичей, приехавших нарочно из Кисловодска посмотреть озеро, выкупались в нем – без вреда для своего здоровья! Они нашли купание превосходным.

В III выпуске сборника за 1883 год напечатан карачаевский вариант этого предания, который относится к горному озеру Хурлакюль в Карачае. Основа фабулы та же, но некоторые, менее важные, детали видоизменены: в карачаевском сказании производит среди стада ночную тревогу баран с золотыми рогами, излучавший какой-то фосфорический свет, а в кабардинском два белых барана, но уже без упомянутых выше атрибутов; в карачаевском предании погибает в озере один только хозяин, по имени Аймуш, между тем как в кабардинском за хозяином последовали его слуги. Все остальное поразительно схоже.

Народные предания придают всякой местности, чем-нибудь замечательной, фантастическую окраску; так и здесь с озером Шатхурей. Глубина этого озера, особенный цвет воды, обрывистые берега, пустынные окрестности – все это доставляло пищу народному воображению; условия могли быть подходящими и в обстановке карачаевского озера, но не сказывается ли в этом предании более глубокий смысл? Как кабардинцы, так и карачаевцы занимаются по преимуществу скотоводством; поэтому добровольная смерть хозяина, а у кабардинцев и его слуг, выражает только ту степень привязанности, которую эти народы питают к любимому своему занятию, – ту цену, которую они придают своим стадам, чуть ли не единственному их богатству.

«АНТЕННЫ» КОГУТАЯ

...В последнее время с чьей-то легкой руки вершины Когутая (большая и малая), расположенные в северном отроге Главного Кавказского хребта, иначе как антеннами не называют. Почему именно этим двум вершинам отведена сия роль, понять можно: находящиеся рядом (более того, если глядеть с определенной точки, создается впечатление, что они и лежат на одном уровне), симметричные (их контуры чуть ли не идеально повторяют друг друга), они действительно своей правильной формой чем-то напоминают пирамиды, созданные руками человека.

А для чего в горах пирамиды? Или для последнего приюта богов, или приема сигналов от звездных собратьев. Так как первые до сих пор бессмертны и на землю давно не спускались, то вторая версия получила большее распространение. Мало того, вершинам этим стали приписываться и другие чудесные явления. Впрочем, дадим слово экскурсоводу Сергею Александровичу: «На Когутае самая сильная энергетика, там можно увидеть на льду отражение своей ауры, там цветные тени. Многие подтвердят: когда рукой проводишь по воздуху, раздаются громкие звуки, у каждого движения свои, ни на что не похожие тональность и громкость... Можно даже мелодии играть: просто руками по-разному в воздухе водишь-взмахиваешь – и мелодия.

Говорят, что Когутай – не природные вершины, а их построили люди, настолько они неестественно симметричны и правильной формы, а шаманы в таких же пещерах в Америке устанавливали ловушки для снов и камлали. Ловушки для снов – это специальные сетки, чтобы войти в транс. Они считали, что снами можно управлять, и, если поймать сон, можно жить в нем по своим законам и менять реальность... Они так лечили больных, входили в его сон и все исправляли, а когда человек просыпался, он был уже здоров...»¹

Понятно, что в рассказе этом, адресованном молодой журналистке, ироничной выдумки куда больше, чем приземленных реалий. Приблизившись к Когутая, сразу понимаешь, что мастеровой люд (те же

строители пирамид) здесь и близко не бывал, природа, возводя сии вершины, в руках человеческих не нуждалась (да и был ли в те времена человек как таковой?!).

Что касается цветных теней на льду, то их происхождение объясняется весьма просто – от лучей ослепительного солнца, отражающихся в зеркальной ледяной поверхности, разноцветные круги, плывущие перед глазами (черные, оранжевые, белые), создают действительно многокрасочную картину – постоянно меняющуюся, напоминающую своими всполохами ауру.

Да и звуки от движений руками на самом деле раздаются – в разреженном воздухе это обычное явление, а мороз – музыкант известный: и посвистывает, и потрескивает, и наяживает...

Так, что же, получается, что Когутай – обычная горная вершина, получившая свое название (как гласит балкарская легенда) по той причине, что когда-то именно на ней отстал от товарищей балкарский охотник по имени Когу? Конечно, нет. Чудо Когутая не в легендах и выдумках, оно в другом – в удивительном приливе жизненной энергии, который ощущаешь в этих местах, в неистребимом желании спешить открывать, постигать, чувствовать мир, дарованный нам Создателем, и себя в нем. И для этого не нужны никакие ловушки, даже для снов...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мурсалиева Л. Ловушки для снов. Новая газета. 2004. № 67.

«МАТЬ-ГОРА»

Ущелье Адыр-Су, что в Баксанском районе, называют «висячим». Дело в том, что река Адырсу, давшая название ущелью (в переводе с балкарского означает «крутая река», от *адыр* – круча), берет свое начало от ледника Уллу-Тау, буквально вырываясь из узкого крутого каньона. Поэтому попасть в само ущелье можно только по лестнице, а в ней ни много ни мало – 300 ступеней; или с помощью фуникулера-подъемника, предназначенного для автомобилей. Подъем на высоту в несколько десятков метров на открытой всем ветрам лифтовой площадке, ползущей медленно, со скрипом, и доставляющей машины к началу ущелья, – своего рода прелюдия того необычного, что ждет впереди. Как писал В. Гиппенрейтер: «На протяжении десяти километров автомобильная дорога вьется через сосновые и березовые леса с густыми зарослями малины, смородины и крыжовника в подлеске, изредка пересекает живописные, все в цветах, поляны и наконец вырывается на простор широкой долины. Это одно из отличий ущелья Адыр-Су: узкое, с крутыми склонами, оно в верховьях становится широким, с плоским дном, по которому река разливается на много постоянно изменяющихся русел»¹.

Действительно, виды, открывающиеся взору, вызывают неподдельное восхищение, словно ты прикасаешься к чему-то первозданному, чистому, светлому. Хвойные леса величественно охраняют склоны. Многочисленные ручейки, пересекающие дорогу, стремясь вниз, к речке, не знаящей усталости, которая потрясает своей дикой мощью, грохоча почище небесного хозяина. Воздух буквально пьянит. Ощущаешь великую радость от жизни.

Особенно притягивает взор горный массив Уллу-Тау, что означает «большая гора». Правда, совсем недавно с легкой руки падких до сенсаций журналистов Уллу-Тау стала Мать-горой. Именно так – «Мать-гора спасает от бесплодия» – назывался материал, опубликованный в 2006 году в газете «Жизнь». Мало того, ознакомившись со статьей, телевизионщики с российского канала ТНТ сняли передачу для программы «Необъяснимо, но факт» и дважды за короткое время выдали ее в эфир.

Тема оздоровительных семинаров, проводимых в этом районе учредителями эзотерического издания «Аура» (нальчанами Борисом и Ольгой Кольченко), стала фоном для поистине сенсационных выводов: у горы Уллу-Тау излечиваются многие недуги рода человеческого, так как именно здесь расположено «место силы». И началось... Сотни людей, страдающих не подвластными современной медицине заболеваниями, ринулись в ущелье, будучи уверены, что стоит им изложить на кусочке ткани свою просьбу, адресованную «Мать-горе», повесить ее на священное дерево – и чудо свершится, болезнь отступит.

Подойти к «исцеляющей» горе они не могли – о пропусках не позаботились, а пограничники – народ строгий. Обращались к исцелительнице на расстоянии и, естественно, безрезультатно. Да и если бы оказались поближе, эффект был бы тот же. К месту будет сказано, у массива Уллу-Тау не одна, а целых три вершины: Восточная, Главная и Западная. Но ранее ни один из многочисленных авторов: *С. П. Соловьев* – «Экскурсии по Эльбрусскому району» (1935); *П. С. Рототаев* – «Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии» (1969); *А. Ф. Наумов* – «Чегем-Адырсу» (1980) и другие – не расшифровывал наименование массива как «мать-гора». Тем более, даже в ироническом ключе, никто не писал о волшебных свойствах этих мест, об индивидуальном влиянии Уллу-Тау на человеческий организм. Потому что нет такого влияния, а есть общая атмосфера – воодушевление от красоты, свежести и легкости, от присутствия в самом «чертоге богов».

И вполне объяснимо, что кто-то, побывав в здешних местах, мог позабыть о своих болячках. Только чудо – вещь штучная, и оно – в руках Всевышнего, а не журналистов. Больно было выслушивать по издательскому телефону просьбы онкологических больных из многих уголков страны и зарубежья о помощи, разрушать последнюю надежду людей, но сохранять ее было еще больнее. А главное – нечестно.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Гиппенрейтер В. Вершины впереди. М.: Планета, 1978.

ЭЛТЮБЮ «ВНЕ ВРЕМЕНИ»

И еще об одной публикации российского таблоида ¹ – о том, что «в загадочном кабардино-балкарском ауле часы показывают разное время». Оказывается, крошечный поселок Эльтюби обследовали специалисты Института земного магнетизма и распространения радиоволн Российской академии наук и выяснили, что «это место является уникальной хрональной зоной... все процессы идут здесь медленнее, чем на равнине». Более того, как утверждает корреспондент, «особое течение времени в Эльтюби чувствуется во всем. Дома, построенные пятьдесят лет назад, несмотря на суровые климатические условия, по сей день не нуждаются даже в косметическом ремонте. Холодильниками местные жители не пользуются даже в летнюю жару. Нет нужды. Продукты здесь совершенно не портятся. Люди не болеют и живут очень долго. Время здесь узнают только с помощью телевидения. Потому что в каждом дворе часы показывают разное время. Как правило – всегда меньше реального».

Отчего же такое происходит? Ответ ученых и эзотериков в лице доктора физико-математических наук Владислава Луговенко прост: «Аул Эльтюби, тесно окруженный скалами, представляет собой основание пирамиды, верхушкой которой являются горные вершины. Центральной точкой в этом основании оказался одиноко стоящий дом семьи М. Там, согласно давно знакомому ученым свойству пирамид, хрональный эффект должен быть максимальным. Знакомство с хозяевами дома полностью подтвердило догадки исследователей». Подтверждением явилось то, что хозяин дома стал отцом в довольно преклонном возрасте, а, кроме того, на старости лет завел... женщину на стороне, к которой регулярно ездил на осле в соседнее село. Всё, не больше и не меньше – других доказательств в статье не приводится.

Итак, наконец-то открыта геопатогенная зона, в которой время замедляет ход. Но где же располагается этот самый Эльтюби? Место, называемое Эльтюбю, известно – обозначено оно и на картах, переводится с балкарского как «селение на дне долины», где *эл* – селение, а *тюбю* – пол, дно. Спроси любого жителя Чегемского ущелья, ответит не задумываясь: «Это же Верхний Чегем!». Да и в справоч-

нике «Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии» прямо говорится: «Эль-тьюбу — селение в Чегемском ущелье, носящее также название Верхний Чегем». Тот самый Верхний Чегем, которому в этой книге посвящено сразу несколько материалов, тот самый Верхний Чегем, окрестности коего мы исходили вдоль и поперек, то самое селение, в котором живут люди, близкие и дорогие нам. Да и на фотоснимке, иллюстрирующем сенсационный материал, запечатлен не только «дом долгожителей, расположенный в самом центре зоны», но и знаменитый архитектурный памятник — башня Малкарук-кала.

Так что ошибки нет: мифический Эльтуби — это реальный Верхний Чегем, который сегодня вновь носит название Эльтубю. Только отличие второго от первого в том, что в нем живут нормальные люди, часы которых, в силу изношенности механизмов, случается, показывают разное время. А телевидение — всегда точное: как-никак из Москвы вещает. Холодильники здесь действительно не жалуют — большую часть года климат позволяет обходиться без них. Тем не менее, во многих домах — видели сами — аппараты такие имеются. Насчет домов, которые не требуют ремонта, — это как посмотреть. Были бы у верхнечегемцев лишние деньги — давно бы отремонтировали. А так приходится на многом экономить — ведь с началом перестройки число рабочих мест в селении сократилось в разы.

Что касается долгожителей, то здесь их ничуть не больше, чем в других населенных пунктах Кабардино-Балкарии, — данные последней переписи достаточно убедительно свидетельствуют об этом. Мы отметили практически все необычности, характерные для этого места, за исключением той, которой придан вид главного доказательства. Но это уже вопрос не научный, а этический. В том числе этики профессии как журналиста, так и ученого.

Не «вне времени» живет Верхний Чегем, а во времени, причем новейшем, все веяния которого (безработица, низкая рождаемость, отсутствие медицинской помощи) вкусил, к сожалению, сполна. А что касается «хрональной зоны», то ее здесь действительно стоит поискать: те же говорящие чегемские мумии, о которых без всякой выдумки рассказано выше, не свидетельствуют ли о ее наличии?..

Прошло каких-то два года, и еще одна российская газета обратилась к «феномену» Эльтубю, направив сюда репортера, который опубликовал по итогам командировки материал «Гнездо вечной молодости»². Все та же песня, все те же басни: «Высокогорное балкарское село Эльтубю — село-загадка. Стоит заехать в аул — и ходики начинают или сильно отставать, или вовсе останавливаются. Вопреки

законам физики минеральная вода, выставленная на ночь на мороз, не замерзает, пока бутылку не встряхнешь. Молоко и мясо даже в летний зной долго остаются свежими. Сакли, возведенные несколько веков назад, не нуждаются в ремонте. Треть жителей в селе перешагнула столетний рубеж. Женщины, в 50 лет ставшие матерями, в Эльтюбю не редкость. Ягнята и яки, привезенные из Эльтюбю, отличаются отменным здоровьем и плодовитостью.

Объяснение причины столь необычных явлений ученые видят в том, что аул, тесно окруженный скалами, представляет собой основание пирамиды, верхушкой которой являются горные вершины. Причем грани скал ориентированы строго по сторонам света, одна из них – точно на Полярную звезду».

Каковы же доказательства на этот раз? Ими служат судьбы двух чегемских женщин, одна из которых излечилась от рака, а другая родила в пятьдесят лет. Что тут особо удивительного, непонятно – в жизни все бывает. А вот относительно других фактов полет фантазии репортера не знает границ. Оказывается, «топленое масло и сыр здесь могут храниться, не портясь, два-три года»; «70-летний мужчина в селе считается молодым человеком, а аксакалы даже в столетнем возрасте отправляются в горы охотиться на туров и диких коз»; один «110-летний глава семьи (знакомый нам уже проказник) в соседнем селе умудрился завести зазубу».

Оправдываются все эти «забавы стариков» все тем же эффектом пирамид, в структурированном пространстве которых «у людей улучшается память, увеличиваются сексуальные возможности». Именно поэтому здесь «в отличие от соседних сел, растут цветы, занесенные в Красную книгу» (во как – здесь растут, а выше и ниже – не моги. Последнему, кстати, мы удивлялись вместе с биологами КБГУ). И «местную родниковую воду увозят из Эльтюбю канистрами» (действительно увозят – только те, кто приезжает из города проведать родственников: родниковая и водопроводная – две большие разницы, как говорят в Одессе); а дереву, из которого выстроены местные сакли, «десять веков», причем определили это специалисты республиканского Министерства культуры...

Как говорится, было бы смешно, если бы не было так грустно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Щербакова О. Вне времени // Жизнь. 2006. 15 марта.

² Самоделова С. Гнездо вечной молодости // Московский комсомолец. 2008. 3 апр.

**Книга
вторая**

Содержание второй книги

36	Курган с серебряной дверью	151
37	Тузлук – храм Солнца.....	162
	<i>Приложение 1. Из отчетов экспедиции «Кавказский</i>	
	<i>Арканм»</i>	168
	<i>Приложение 2. Из отчетов экспедиции «Эльбрус –</i>	
	<i>5500 лет в глубь времен»</i>	170
38	Котлы, вмещавшие стадо.....	173
39	Таинственное подземелье	180
40	Пропавшие англичане	189
41	Нижнечегемский сад камней.....	207
42	Идол урочища Тууз-Сырт	211
43	Чегемское ущелье – полигон НЛО?.....	218
44	Из Эльтюбю в Кум Тюбе	222
45	Отец Эльбруса.....	230
	<i>Приложение. И извергалась огненная лава.....</i>	236
46	Пришельцы ниоткуда	239
47	Необъяснимые круги	251
48	Адыгская амазония.....	254
	<i>Приложение. Азиатские кочевники против «страны поцелуев»</i>	266
49	Страна Кабарда	269
50	Несторы кабардинской истории.....	274
51	Битва русских с кабардинцами.....	280
52	Скифский вождь из Прохладного.....	289
53	Дороги «Чертовой теснины».....	292
54	...И «Чертова лестница».....	297
55	Твердыни Черека.....	301
56	Цитадели Безенги.....	307
57	Величие Хулама	315
58	Мосты Страны гор.....	319
59	Источники Аушигера.....	324
60	Глина-целительница.....	327
61	Кызбурунские стражи	330
62	Богатырь и красавица	332
63	Песчаные замки Ирика	336
64	Мегалиты Звездного.....	337
65	«Ледниковый период»	341
66	Украденное прошлое.....	344

КУРГАН С СЕРЕБРЯНОЙ ДВЕРЬЮ

Лесистый курган... Впервые авторы узнали о нем из труда Шоры Ногмы «История адыгейского народа». Название кургана даже вынесено в тематическую рубрикацию, содержащую краткое содержание каждой главы его уникального труда.

«Предание, – пишет Нестор кабардинской истории (это слова выдающегося кавказоведа В. К. Гарданова. – Авт.), – сохранило даже название места, где обитал первый епископ, пришедший из Греции; оно находится в четырех верстах от крепости Нальчик и называется «Лесистый курган». И теперь этот курган очень высок. Вот песня, в которой упоминается о нем и прославляется епископ, там обитавший...»¹

Строки из этой песни стоит привести, потому что именно в ней впервые упоминается «серебряная дверь». Шора Ногма, рассказывающий в этой главе о «введении христианской веры между адыгейцами», чьим сторонником был греческий император Юстиниан, называвший себя «адыгейским витязем», сообщает, что «греческое духовенство, проникши в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. К этой эпохе относят построение храмов Божиих в нашей земле. Священник назывался у нас *шогень*; епископ – *шехник*».

А вот и сама песня:

Шехник – наш защитник и воспитатель, шехник – наш свет.

Воспитатель рассуждал о законе Божиим с вершины Лесистого кургана.

И на Лесистом кургане сковал ему дом из жести с дверьми из литого серебра, и там-то обитал светлый Божий дух.

И ангелы беседовали с мудрым старцем. Свет от бороды его уподоблялся свету факела.

Он парит в воздухе, как земная птица, подымается под облака и видит творящих беззакония.

Ребро его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крест сияет на его груди ¹.

Лесистый курган в другой работе Ногмы – «Филологические труды» – назван несколько по-иному – «Курган лохматый» (Ошхаца). Но это разночтение не суть важно, так как понятно, что речь идет об одном и том же объекте.

Зато утверждение Шоры о том, что курган «находится в четырех верстах от крепости Нальчик», вызывало вопросы.

Историк Рашад Туганов, на чьи работы и мнение в своих книгах мы ссылались неоднократно, писал: «К сожалению, современная археологическая наука не обнаружила остатков каких-либо церковных сооружений в окрестностях Нальчика... Неясно также, о каком «лесистом» или «лохматом кургане» идет речь. По непроверенным данным, остатки ближайшей к Нальчику средневековой христианской обители находятся юго-восточнее Нальчик, на так называемой Сарай-горе. Если эти данные подтвердятся, то историческое сказание Ногмы получает более реальное основание»².

А вот какие подробности о подземном храме приводит Авраам Фиркович (1788–1874) в работе «Археологические разведки на Кавказе», изданной в Санкт-Петербурге в 1858 году: «Рассказы кабардинцев о кургане, находящемся на речке Урвань, в ауле Джанхот, верстах в 23 от укрепления Нальчик, заставили меня осмотреть это место.

Курган этот стоит возле самой речки; одна сторона его, подмываемая водою, обвалилась. Владелец аула нашел там птичку, вылитую из серебра, собачку и бычка – из меди; первые две, как говорит он, в его отсутствие продала дочь его торгующему армянину моздокскому за 5 рублей серебром, оставшегося же у него медного бычка я приобрел у него и передал Н. И. Надежину для представления его сиятельству графу А. А. Перовскому, находившемуся в то время в Крыму.

Местное предание говорит, что на этом месте был храм, поглощенный впоследствии землею, отчего будто бы и образовался курган; но если бы храм провалился, то была бы яма, а не насыпь или курган! В обвалившемся месте кургана находятся черепки из черной глины, зола, уголья и т. д. Я пытался разрыть курган с противоположной стороны: оказались такие же черепки и жженные кирпичи, имевшие квадратную форму в 5 вершков, а толщиною 1 $\frac{1}{2}$ вершка. Местные рассказы уверяют, что внутри кургана есть подземное здание и что, ударяя в землю, слышат гул. Почем знать? Может быть, здесь окажется древняя катакомба»³.

Так, может быть, оба автора ведут речь об одном и том же кургане, ведь их работы написаны примерно в одно время? Нет, это не

так, о чем и свидетельствует разнящееся у авторов почти в четыре раза расстояние до кургана от укрепления Нальчик. Аул Джанхот (Жанхотово) – это нынешнее селение Псыгансу, располагающееся на берегу реки Урвань примерно в тридцати километрах от Нальчика. Фиркович в 1849 году вел раскопки именно здесь – в месте, получившем название «Псыгансуевский 2-й курган». Это утверждает ученый Исмаил Чеченов в труде «Древности Кабардино-Балкарии» и добавляет: «Иных сведений о результатах раскопок этого интересного кургана не имеется»⁴.

Право, становится грустно, оттого что за минувшие 160 лет так и не была предпринята попытка разобраться: сведения о каком же древнем подземном храме сохраняет народная память. Оказывается, «ленливость и нелюбопытство», заклеянные еще Пушкиным, не по силам даже векам, и поэтому вслед за Фирковичем в отношении Псыгансуевского кургана нам остается тоже только вопрошать: «Почем знать?».

Так о каком же кургане тогда писал Шора Ногмов, утверждая, что он находится всего в четырех верстах от укрепления Нальчик? Ведь верста – старая русская мера длины – равна 1,0668 километра, а, как мы цитировали выше Рашада Туганова, «археологическая наука не обнаружила остатков каких-либо церковных сооружений в окрестностях Нальчика». Значит, действительно кабардинский Нестор ошибся? Нам кажется, не совсем. Вспомним, что величина путевой версты, упоминаемой еще в литературных памятниках XI века, на протяжении столетий неоднократно изменялась в зависимости как от числа заключающихся в ней сажений, так и величины самой сажени (2,13 метра). Причем весьма внушительно – от 500 до 1000 сажений. И хотя с конца XVIII века была твердо установлена в 500 сажений, с немалой степенью вероятности можно допустить, что четыре версты в историческом сказании Ногмы могут быть равны не только четырем километрам, но и восьми.

Но именно на таком расстоянии от Нальчика располагается один из курганов близ селения Урвань. Вот что о нем говорится в статье «Ошхаца – идол раннего христианства на Кавказе»⁵ одного из авторов нашего издательства Хабаса Бекулова: «Ошхаца – это не прилагательное, которое поддается переводу, а имя собственное географического объекта. Жителям Урвани и близлежащих сел известен этот курган, хотя на географических картах объекта с таким названием, равно как и «Лесистого», «Лохматого», не существует».

Далее Х. Бекулов рассказывает о своих архивных разысканиях, которые позволили ему определить местонахождение кургана. Как выяснилось, «Лесистый» впервые упоминается в материалах по делу о нападении абреков на конвойную команду, следовавшую 24 августа 1832 года из крепости Нальчик на пост Урванский. Указано и расстояние до него: в пяти или шести верстах от Нальчикского укрепления. В другом донесении говорится, что для поиска нападавших начальник Урванского укрепления поручик Чуликов направил «пятнадцать человек пехоты занять нужные места в ауле Мисостова секретными...». Следовательно, делает вывод Х. Бекулов, аул князя Александра Мисостова находился между Урванским укреплением и Лесистым курганом. И в подтверждение сказанного сообщает, что «в акте межевания земли, составленном в апреле 1929 года при выделении колхозу «Высокий урожай» Урванского района Нальчикского округа, в качестве ориентира взяты три кургана, расположенных вдоль старой дороги Жанхотово–Мисостово–Нальчик, проходящей у опушки Урванского лесничества. Они поименованы в следующей последовательности (с востока на запад): Ошха-Лиса (Гиса), Ошхацэ, Ошха-Гяфа. Ландшафт местности кургана Ошхаца соответствует географическому описанию, приводимому в документах по расследованию нападения на конвойную команду: «По дороге, пустившись по оной в даль к посту Урванскому...»⁶.

Авторы же услышали об этом кургане впервые от уроженца селения Урвань Арсена Жебраиловича Кафоева, того самого, который выдвинул оригинальную версию происхождения уникального памятника Дука-Беку, расшифровав Этокскую надпись с позиции адыгского языка ⁷.

Процитируем строки из очерка, опубликованного одним из авторов в книге «Отчизны верные сыны»⁸, в которых рассказывается об отце Арсена – Жебраиле Хаджи-Кумаловиче, 1884 года рождения: «У него было много других достоинств. Он был храбрым и при этом, как тогда говорили, справным хозяином. Имел лошадей, корову, птицу, ухоженный огород. Шил конскую упряжь, изготавливал ручные мельницы. Для себя смастерил щипковый инструмент наподобие балалайки и играл на нем. Скорее всего он имел хороший слух, во всяком случае, художественный свист Жебраила за работой в мастерской любила слушать его внучка Сталинат, полагающая, что именно от него все семеро детей были музыкальны – играли на самых разных инструментах. С балкарцами, татами, русскими разговаривал

на их языках, Коран читал по-арабски, знал кое-что из астрономии, математики. Конечно, никакой школы он не кончал, а обучился у священнослужителя Шогенова, который совершил хадж в Мекку и был почитаем в народе. Жебраил умел хранить тайны, был рассудительным и доброжелательным. Вот почему в Урвани он стал человеком, к которому односельчане шли за советом и помощью. Он был справедлив и строг, дети его побаивались, хотя никого из них он ни разу не только не ударил, но даже и не накричал».

И абзац, имеющий прямое отношение к теме нашего разговора: «Из всего, о чем рассказывал Арсен Жебраилович Кафоев, особенным образом задела воображение дверь, обитая листовым серебром, которая прикрывала вход в Лесистый курган. Когда началась Первая мировая война, местные власти содрали все серебро и отвезли его в город Георгиевск, сдав в Фонд помощи фронту. Отец Арсена на спор с урванцами, считавшими, что внутри кургана живут темные силы, провел ночь около входа в него, пытаясь с помощью зажженного пучка травы хоть что-нибудь да увидеть. За узким лазом угадывались очертания как будто телеги, но забраться вовнутрь Жебраил не посмел. Но и этой ночи было достаточно, чтобы прослыть в селе смельчаком».

Вот удивительно — с ночевки Жебраила в подземелье кургана прошло целое столетие, а местные жители и сегодня помнят об этом факте, более того — рассказывают как о событии дней недавних. Тот же Х. Бекулов уточняет, что Кафоев заночевал в кургане на спор и выиграл его, а вместе с ним и 20 кусков мыла, и 5 аршин сукна.

Приводит автор публикации «Ошхаца — идол...» и целый ряд других свидетельств, в частности: своего родственника М. М. Бекулова, видевшего, «как из встроенного под курганом жилища выходили за пропитанием в лес, скрываясь от недоброжелательных глаз, «иностранцы» женщины»; как Теуваж Барагунов, первым проникший в жилище, получил смертельную рану, а Арах Хажикушев, попытавшийся проделать то же самое, был избит и стал после этого заговариваться; что вход в курган, в котором вплоть до 1920 года жили люди, был расположен с западной стороны — спустившись на несколько ступенек вниз, человек попадал в достаточно длинный коридор, с правой стороны которого располагались три комнаты. Их стены были расписаны, в комнатах находились кушетки из тесаного камня. Что же касается знаменитой серебряной двери, высотой, как утверждают, два аршина (напомним, аршин равен 71,1 сантиметра), то в

1914 году местные жители ее сняли и добровольно пожертвовали в фонд армии, участвующей в Первой мировой войне.

После публикации Х. Бекулова⁹ в одной из местных газет интерес к Лесистому кургану возник у многих, но архивные поиски так ни к чему не привели. Правда, было высказано предположение, что разыскания Дмитрия Кодзокова, проводимые им во время своего краткосрочного пребывания на родине в 1839–1841 годах, и найденные им при этом материалы имеют самое прямое отношение к кургану, но доказательств этому найти не удалось. Хотя сведения, содержащиеся в письмах Дмитрия Кодзокова своим приемным родителям Хомяковым в Москву, на самом деле весьма занимательны: «Изыскания мои небезуспешны, словарь пополняется, преданий и песен собрано мною очень довольно; также достал я две грамоты турецких султанов к здешнему народу – вещи чрезвычайно интересные. Книгу шогенов (древнего духовенства) – на неизвестном языке, но начертание которых весьма сходствует с греческим...

Далее, достал я из самых отдаленнейших мест три креста железных, один обложен по краям серебром. Наконец, имею в виду чрезвычайно любопытную книгу о семи мирах и двенадцати планетах трех мудрецов багдадских, вывезенных из Египта хаджи Тлекежем, постараюсь и иметь. Это энциклопедия всей восточной мудрости. Далее, приобрел я недавно с десяток мелких греческих и римских монет и ятаган, по надписи относящийся ко времени первых калифов. Вот мои занятия, приятные для меня и, может быть, полезные со временем для других...»¹⁰.

А вот как Дмитрия Кодзокова дополняет уже упоминавшийся выше А. Фиркович: «Между тем я получил известие о древних книгах, хранящихся в ауле Атажукина на речке Баксан у одного кабардинца, по имени Шогенов («Шоген» значит на кабардинском языке «священник»; фамилию эту он усвоил от отца или деда своего, бывших христианами священниками, как он говорил; сам же он ныне исповедует мухаммеданскую веру.) Действительно, по прибытии моем туда, при содействии владельца аула мне были показаны две книги: одна в четвертку, другая в восьмую долю листа, писанные на бумаге. По внимательном рассмотрении они оказались греческие, содержащие в себе дневные и праздничные службы и Евангелия. Они списаны дурным почерком, по уверению Шогенова, его дедом, с книги, писанной на коже. Он не хотел уступить мне тех книг ни за какие деньги, считая их языком духов, имеющим чудесное свойство, и, пользуясь

суеверием окрестных жителей, Шогенов занимается посредством этих книг излечением разных болезней, употребляя различные к тому приемы и движения, читая их по-своему диким голосом нараспев, присваивая каждой букве особое название и уверяя всех, что это название разных ангелов и духов, призываемых им на помощь»¹¹.

Пока в истории Лесистого кургана и существовавшего в нем подземного храма (резиденции константинопольского епископа, а вернее будет сказать, его представителя, так как Аланская епархия, включавшая в зону своего внимания и Кабарду, располагалась, как принято считать, в верховьях Кубани) больше вопросов, чем ответов. Начиная с того, почему вход в жилище «святого владыки» («Шихънагъ») был сделан из серебра (с учетом очистительных свойств этого металла?), и кончая тем – когда завершилась деятельность этого храма?

С распадом Византийской империи, который, как известно, произошел в 1453 году? Со смертью последнего из «шихънагъ» – «потому что уже некому было посылать новых епископов на места прежних»¹²? Или в 1717 году, когда, по Шоре Ногме, христианская вера была «окончательно уничтожена»? А может, еще позднее, ведь для местных жителей долгие годы это место было по-прежнему свято: даже в конце XIX века проходившие мимо кургана люди останавливались и делали намаз.

Значит, подземное жилище было обитаемо еще долгие годы. Кто же в нем жил? Исповедующие христианство? Маловероятно. Лихие люди, скрывающиеся от власти? Тоже не очень убедительно.

Тогда кто же такие «иностранцы» женщины, о которых рассказывают очевидцы? Кто, защищая тайну кургана, смертельно ранил Теуважа Барагунова и избил до потери сознания Араха Хажикушева? С большой степенью вероятности можно сказать, что храм в кургане продолжал свою религиозную деятельность и в нем во второй половине XIX века нашли приют последователи одной из сект. Ведь, процитируем статью «Святой старец» Михаил: «...погибельный Кавказ всегда привлекал к себе толпы религиозных фанатиков различных сектантских направлений, находивших здесь приют от гонений официальной православной церкви... Не составляла исключения в данном отношении и жизнь старой слободы Нальчик. Баптисты и анабаптисты, штундисты и евангелисты, адвентисты и аскеты; хлысты различных направлений, в том числе таких изуверских по своему характеру, как шалопутов и пятидесятников; всякого рода «святые» старцы и старицы, «денно и ночью» внушали своим послушникам

только им одним известные «истины» общения с Богом, отвращали их от «бренности» земной жизни...»¹³.

Газета «Кавказ», выходящая во Владикавказе, сообщает на своих страницах о деятельности различных сектантов. Здесь и белоризцы, появившиеся в Нальчикском округе в 80-х годах XIX столетия; и евангелисты, впоследствии объединившиеся с баптистами; и отшельники, устроившие свою обитель «в глухом месте по реке Урвани, тайно от людского глаза и без ведома властей»...

Последние с немалой степенью вероятности и могли облюбовать Лесистый курган для своего местопребывания, ведь место было не простое — «намоленное» в течение многих веков.

Правда, это из области предположений, а вот то, в чем мы уже не сомневаемся: курганов, в которых размещались подземные храмы, на территории Нальчикского округа было, по крайней мере, два! Один, так и не раскопанный Фирковичем, а впоследствии и советскими археологами, у нынешнего селения Псыгансу; второй — за современным селением Урвань.

Курган, называемый «Ошхацэ», он же Лесистый (Лохматый), чья высота около 24–25 метров, а стороны уходят верх под крутым углом, образуя практически ровную площадку с диаметром более чем в сорок метров. Что же необычного в этих размерах и формах? Прежде всего, он действительно — Шора Ногма и здесь точен — «очень высок». Это тем более поражает, потому что курган, судя по всему, насыпной, то есть создан человеческими руками. Об этом говорит как сама земля, легко поддающаяся копке, так и то, что камней в ней совершенно не встречается. О последнем свидетельствуют раскопки черных археологов, углубившихся в курган на полтора-два метра: по бокам ямы сплошной чернозем! Впрочем, в одном месте камни присутствуют — именно в том, где, как пишет Хабас Бекулов, «еще каких-то 60 лет назад... достаточно легко определялся» вход в подземелье, ныне обвалившийся и заросший. Причем камни эти речные, а так как река поблизости не протекала, значит, кем-то и когда-то доставленные к Ошхацэ.

Зарос густой травой, колючими кустами, низкорослыми деревьями и сам курган, еще плотнее и надежнее укрыв от нас воздвигнутое в земной толще жилище «мудрого старца», который «рассуждал о законе Божиим с вершины Лесистого кургана» и при этом «парил в воздухе, как земная птица, подымался под облака...».

До чего же тот неизвестный проповедник, читавший проповеди с амвона, коим служил ему курган, был красноречив и артистичен, до чего

ярким и образным было его слово, западавшее в душу, горяча речь, проникавшая в сердце, велика забота об униженных и оскорбленных, коль народ сочинил о нем столь возвышенную песню! Глас его, без преувеличения, пронзил века, а намоленное место сохранило энергетику веры. Ведь разве можно считать случайным тот факт, что спустя столетия именно курган Ошхацэ стал трибуной для новых проповедников – социалистического строя, большевистских идеалов.

Именно отсюда неоднократно вещал, выступая перед урванцами, первый секретарь областного комитета Компартии Бетал Калмыков, неистовый радетель советской власти, отдавший ее молоху чужие жизни, а затем и свою. Кстати говоря, поднимался он на курган как древнеримский патриций – стоя на двуколке, запряженной лошастью, – по специально проложенной винтовой дороге, дважды опоясывавшей Ошхацэ. Поднимался под неумолкающие аплодисменты местных жителей, располагавшихся по периметру у подножия...

Курган стал для урванцев своеобразным театром, где подводились итоги посевной и прочих кампаний, награждались передовики сельскохозяйственного производства, звучали здравицы, заверения и клятвы, гремела медь оркестра и песни, прославляющие новую жизнь. И вот что удивительно: в них встречались те же самые слова, те же самые призывы и заклинания, которые столетия назад произносил с вершины кургана первый епископ. Как тут не поверить, что наше время циклично...

Раз за разом обходя по периметру Лесистый курган, взбираясь на него и два других – Гладкий и Лысый, непроизвольно ловишь себя на мысли, что в их расположении, высоте, размерах, структуре есть что-то общее: неуловимая заданность, неясная закономерность, неопределенная завершенность. Но есть ли во всем этом высший смысл? А если есть, то откроется ли он нам?..

Вопрос, которым заканчивался этот материал, оказывается, волновал не только нас. Но волновал не с научных, а с прозаически-материальных позиций. Из публикации в газете «Республика» мы узнали, что некий «черный археолог», а по большому счету обыкновенный грабитель, ознакомившись с данным очерком, решил раскрыть тайну Лесистого кургана. Для чего нанял группу из трех рабочих (граждан Белоруссии), которые менее чем за месяц выкопали в центре кургана яму глубиной – только вдумайтесь! – более 20 метров.

Оказалось, житель поселения Урвань, будучи уверен, что в кургане спрятан клад, купил дорогой металлодетектор (стоимостью больше

ста тысяч рублей), показавший наличие золота на глубине 25 метров (!). Именно так, хотя общеизвестно, что столь мощных аппаратов еще не изобретено. Напомним, что высота самого кургана всего 22 метра.

Оставалось только достать золото, для чего и были наняты приезжие, местом обитания которых стал полиэтиленовый шалаш, сооруженный на вершине. И работа закипела — с помощью примитивной техники (лопат, лебедки и ведер) белорусы прокопали двадцатиметровый шурф, но ничего не нашли. Собирались копать и дальше, если бы не бдительные граждане.

Вот как происшедшее прокомментировал представитель предприятия «Наследие»: «Я, откровенно говоря, поражен масштабом произошедшего. Аналогов подобного в новейшей российской истории не имеется. Да чего уж там — вообще не могу припомнить случаев грабительских раскопок такого размаха, если только вскрытие царских скифских курганов на территории Причерноморья, имевшее место в XIX веке. Но тогда не было ни охраны памятников, ни законов о культурном наследии.

Я часто сталкивался с грабителями и их следами, но с такими дерзостью и цинизмом впервые. Пытаться ограбить курган высотой 22 метра рядом с федеральной трассой — это апофеоз наглости, порожденной ощущением полной безнаказанности! Дело даже не в том, что они не нашли ни золота, ни серебра (их там нет по определению, поскольку это курган эпохи бронзы) — они разрушили уникальный археологический комплекс. Судя по поднятому из шахты булыжнику, копатели достигли и даже прошли уровень древнего горизонта. Ведь курганы этого типа сооружались на специально созданной булыжной вымостке. Богатых погребений под ними, повторяю, не может быть — в эту эпоху система ценностей была абсолютно другой: очень ценилась медь и бронза как сырье для орудий труда.

Об ущербе же в научном смысле даже подумать страшно — уникальный памятник фактически искалечен...»¹⁴

Комментарии к сказанному вряд ли нужны...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 77.

² Туганов Р. У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 215.

³ *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 62–63.

⁴ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 97.

⁵ *Бекулов Х. М.* Ошхаца – идол раннего христианства на Кавказе // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 2. С. 164–166.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ *Котляровы М. и В.* Необъяснимое. Непознанное. Невероятное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 119–125.

⁸ *Котлярова М.* Отчизны верные сыны. Кафоевское прочтение. М.: Тактика, 2004. С. 83–87.

⁹ *Мисхудин Х.* Епископ из Греции жил вблизи Урвани?! // Газета Юга. 2004. 9 сент. № 37.

¹⁰ Цит. по: *Туганов Р. У.* История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. С. 205.

¹¹ *Фиркович А.* Указ. соч. С. 62.

¹² *Ногмов Ш. Б.* Указ. соч. С. 77.

¹³ «Святой старец» Михаил // Живая старина. Нальчик, 1991. С. 137.

¹⁴ Курганный подряд // Республика. 2009. 24 дек.

ТУЗЛУК – ХРАМ СОЛНЦА

Гора эта не просто притягивает внимание, она останавливает взор каждого, кто ее видит, особенно впервые. Столь идеальны ее формы (покато-выглаженные), особенно в сравнении с располагающимися поблизости другими возвышенностями. Невольно возникает мысль, что к появлению горы причастны не только природные силы, но и какие-то другие – разумные, вернее было бы сказать, существующие за пределами нашего понимания, наших знаний. Не случайно Тузлук – а речь о нем – рождает великое множество предположений, легенд, творящихся чуть ли не на наших глазах, и конечно же невероятных домыслов.

Причем самых фантастических – начиная с того, что гора насыпная, а внутри полая. И полость эта – огромных размеров зал. То же, что в нем находится, вообще за пределами человеческого восприятия. По другой, более приземленной версии, в далекие-далекие времена (речь идет о четырех-пяти тысячах лет) здесь располагалось святилище – так называемый оракул, то есть место, где делаются прорицания. Самый известный из оракулов – оракул бога Аполлона в древнегреческих Дельфах. Пифии – жрицы (в нашем случае – ведуньи), прорицавшие под действием одуряющих испарений, выходивших из трещины в земле, приходили в полубессознательное состояние и начинали вещать о том, что должно произойти. Невероятно? Но и эти предположения имеют право на жизнь, пока не доказано обратное. Тем более что испарения из горы Тузлук наличествуют.

Впрочем, обо всем по порядку. Если добираться в местность Джилы-су, что в Северном Приэльбрусье, через Долину нарзанов, то до означенной возвышенности немногим более сорока километров. Тузлук невозможно не заметить, так как вид на гору открывается издалека, а сама дорога проходит прямо под ней. Высота ее сравнительно невелика – 2585,3 метра, но от уровня дороги на целых сто метров Тузлук уходит вверх чуть ли не отвесно. Естественно, этот подъем не представляет особых трудностей, тем не менее большинство направляющихся к минеральным источникам Джилы-су не останавливается у горы. А зря, ведь поднявшись наверх, обнаруживаешь, что на вер-

шине имеется достаточно ровная площадка, длина которой примерно в два раза больше ширины. В самом начале ее из земли выпирают, вернее было бы сказать, вырастают четыре каменных столба, представляющих из себя что-то вроде креста. Во всяком случае, именно такое ощущение возникает, если смотреть на камни сверху, с вертолетной высоты. И еще буквально поражает внутренняя целесообразность, геометрическая соразмерность каменных исполинов с общим видом макушки Тузлука. Словно они использовались для какой-то цели (не отсюда ли предположение, что валуны были установлены искусственно?). Для какой? Храмовый комплекс? Древняя обсерватория?

Именно к таким выводам пришел еще летом 2001 года москвич Алексей Алексеев, основавший впоследствии постоянно действующую экспедицию «Кавказский Аркаим»: «Взяв азимуты с вершины Тузлук на все заметные в окрестностях объекты и сравнив их с расчетными, мы пришли к выводу, что солнце в дни солнцестояний должно восходить вблизи заметных ориентиров. А это один из важнейших признаков всех известных пригоризонтных обсерваторий.

На следующий, 2002 год, благодаря помощи Института археологии РАН и Государственного астрономического института имени Штернберга, мы имели профессиональные расчеты азимутов восхода и захода солнца в дни солнцестояний и ряда других важных астрономических событий.

...Утром 23 июня, во второй день солнцестояния, нам удалось подняться на вершину Тузлука и установить теодолит. В это утро решалась судьба экспедиции и, вероятно, всех высказанных нами идей. Если солнце взойдет над заметным ориентиром, гипотеза о храме Солнца на горе Тузлук на северных склонах Эльбруса получит право на существование...

Ночь на исходе, над горизонтом за массивом Кинжал зажглась узкая полоска света. Красная полоска постепенно разрастается, к ней присоединяется фиолетовое, голубое, а затем и золотистое сияние. Оно ширится, занимает полнеба. За Эльбрус смещается фиолетовая полоса – тень от Земли – граница дня и ночи. Солнце уже поднялось над горизонтом, но от нас оно скрыто массивом Кинжал. Порозовел, а затем зазолотился Эльбрус. Лучи низкого солнца прорвались по долинам через горные проходы, золотят окрестные вершины.

И вот в глубокой седловине, вблизи южного края Кинжала появляется ослепительная точка. Вот она уже в перекрестии визира. Есть отсчет! Солнце на глазах поднимается из земли».

Нам не довелось встречать рассвет именно на горе Тузлук, но мы не раз наблюдали появление светила в каких-то десяти километрах от этого места — с поляны, где в 1829 году стоял лагерь экспедиции Эммануэля. Зрелище не просто удивительное — потрясающее, ошеломляющее, поистине фантастическое. Словно ты присутствуешь при великом событии — зарождении не очередного дня, а самой жизни. Вероятно, эти чувства в немалой степени способствовали фантастическим предположениям ученого из Санкт-Петербурга Вячеслава Токарева и пятигорчанина Владимиром Стасенко, участников другой экспедиции — «Эльбрус — 5500 лет в глубь времен», о том, что «в обрядовых целях гору Тузлук начали использовать еще за 4500 лет до нашей эры. Тогда ее вершина представляла плоскую цельную плиту, круто обрывающуюся в сторону горы Сирх. Площадку эту использовали как ритуальную. Позже, в 3200 году до нашей эры, плиту разрезали вдоль и поперек. Разрезы ориентированы по сторонам света. В теле горы под толщей плотных кварцевых песчаников был сооружен подземный храм Матери Земли с четырьмя камерами. В них проходили ритуалы посвящения и очищения души. На западном склоне горы с тех пор стоит каменная глыба, напоминающая быка (женский культ), — камень-чашечник с углублением в верхней части. А вокруг Тузлука установлены каменные столбы-менгиры как пояс его энергоинформационной защиты. Один из менгиров фаллической формы с лицом витязя стоит над каньоном реки Малки, между Тузлуком и Сирхом. Пастухи говорят о существовании в округе еще, по меньшей мере, шести подобных камней. Таким образом «женское» начало на лоне горы как бы было взято под охрану энергиями «мужского» начала.

На вершинной площадке горы 900–800 лет до нашей эры предположительно существовал каменный храм. Он был заброшен в 450–600 годах нашей эры, по-видимому, с концом золотого века «Трояновых веков». Время разметало его камни. Осталось всего несколько плит».

Понятно, что столь конкретная датировка событий, происходящих на протяжении тысячелетий в этих местах, не подкреплена (да и не может быть) никакими доказательствами; она целиком и полностью базируется на допущениях, предположениях, выводах ее авторов. И поэтому не просто спорна, а антиисторична: не тема для серьезных дискуссий, а больше повод для саркастических реплик.

Но, право, не хочется ни ерничать, ни на полном серьезе апеллировать к известным историческим фактам (впрочем, что нам, по

большому счету, известно о тех временах, тем более о происходившем в наших местах? Ровным счетом ничего). Не хочется и по той причине, что здесь, в Северном Приэльбрусье, среди величественных исполинов, отмеряющих виденное тысячелетиями, самые невероятные предположения не вызывают такого отторжения, какое вызвали бы где-нибудь внизу, на равнине. С удивлением ловишь себя на мысли, что занят поиском не контраргументов, а пытаешься представить, могло такое быть или нет. Особенно когда разговаривашь с Вячеславом Токаревым – не просто энтузиастом, а истинным подвижником и патриотом, искренним в своем желании приоткрыть завесу над далеким прошлым. Тем более что все это опирается на глубокие всесторонние познания, четко выстроенную аргументацию.

И по этому даже предположению, что на горе располагалось святилище, что ведуньи, надышавшись идущих из земли испарений, прозревали у тузлукского оракула будущее, невольно ищешь подтверждение. Ищешь и находишь! Действительно, между каменными слоистыми столбами имеется узкая трещина, уходящая куда-то достаточно глубоко. Глубину нельзя проверить, бросив что-то в нее: она очень узка, но по тяге, с какой устремляется вниз поднесенное к отверстию пламя зажигалки, понимаешь, что там, внутри, есть какая-то полость.

Что она из себя представляет, как далеко уходит – без специальных приборов не узнать, вот только если... Не поленившись, один из нас сбегает вниз и снова, теперь уже с двумя полными полуторалитровыми бутылками нарзана в руках, с немалым трудом взбирается на отвесную гору, наклоняется над щелью и начинает лить воду. Она уходит мгновенно – не скользит по каменным стенам, а именно льется, словно в пустоту. «Рот» горы поглощает воду, вот она уже и кончается, но ничего не происходит. А что, впрочем, должно произойти?..

Под опаляющим июльским солнцем молча сижу у огромных валунов на верхушке Тузлука, и губы сами собой шепчут незатейливые строки:

Ярило алое светило,
Вода благоволила литься.
И все, что здесь происходило,
Пусть повторится,
Пусть повторится...

И вдруг гора словно издает вздох – протяжный, долгий, мучительный. Я его отчетливо слышу: наклоняюсь над щелью и чувствую, как воздух приобретает плотность, упругость, обтекая мое лицо.

Больше ничего не ощущаю, но не ухожу, все так же пристально вглядываясь-вслушиваясь. В гору? В себя? В окружающий мир?

Через пять-семь минут в голове покалывает, она наливается тяжестью, еще через какое-то время начинают стучать звонкие молоточки. Их периодичность нарастает с каждым мгновением, и вот уже отскакиваю от щели, не в силах выдержать этот сумасшедший ритм. Ловишь себя на мысли, что момент прозрения так и не наступил. И утешаешь сам себя: но ведь и роль пифии была доступна далеко не каждой женщине, а только избранным из избранных. Впрочем (мы говорим на полном серьезе), и испарения, идущие из земного чрева, за прошедшие тысячелетия могли измениться, потерять свою силу. И мысль о том, что в горе имеется подземный храм, уже не кажется столь абсурдной, как раньше.

...Глядя на членов экспедиции (со многими из них довелось познакомиться летом 2008 года), приехавших на Кавказ из самых отдаленных мест России, людей различнейших профессий (в их перечне – астрофизик, провизор, геолог, врач, преподаватель вуза), высокого образовательного уровня (много кандидатов и докторов наук), понимаешь, что их собрала вместе вера. Вера в чудо, в возможность вживую прикоснуться к прошлому, которое не ушло бесследно, просто не может уйти, надо только найти и увидеть оставленные им метки и следы. Именно данное желание движет этими людьми, проводящими бессонные ночи на горе Тузлук и встречающими на ее вершине огненный рассвет, на горе, ставшей для них, как и для древних людей, храмом. Храмом не столько Солнца, сколько местом встречи – с самим собой.

И поэтому если не разделим, то, по крайней мере, внимательно прислушаемся к выводам их сподвижников – участников другой ежегодной экспедиции «Кавказский Аркаим»: «На берегу реки Малки в районе горы Тузлук в древности была древняя астрономическая обсерватория – храм Солнца. Экспедицией зафиксирован восход солнца в период летнего солнцестояния над единственным в данном секторе заметным ориентиром на горизонте. В тот же период отмечены азимуты восхода и захода полной луны. Проведенные расчеты показали, что некоторые другие солнечные и лунные события происходят вблизи заметных ориентиров. Таким образом, результаты инструментальных наблюдений подтвердили, что гора Тузлук могла служить пригоризонтной астрономической обсерваторией.

Вблизи нее находится каменный менгир фаллической формы, а также обработанные камни, названные «алтарями» и, вероятно, служившие культовым целям. Линия между «алтарями» близка к направлению запад-восток ($+5^{\circ}56'$). К этой линии перпендикулярно направление между «восточным алтарем» и менгиром № 1 ($+5^{\circ}58'$). Данные уточнены спутниковым навигатором JPS. Это отклонение близко к значению магнитного склонения ($+5^{\circ}19'$). Закрепление на местности сторон горизонта — важнейший признак пригоризонтной астрономической обсерватории.

К юго-востоку от горы Тузлук обнаружена скальная гряда с множеством чашеобразных углублений, вероятно, культового значения, условно названная грядой «чашечных камней». Линия между менгиром № 1 и западным краем «чашечных камней» в точности совпадает с современным направлением север-юг.

Таким образом, предполагаемый храмовый комплекс в районе горы Тузлук вполне мог служить как для культовых целей, так и для отслеживания календарных дат.

Всего в окрестностях горы Тузлук нами отмечено 14 значимых объектов. Из них четыре естественного происхождения: гора Тузлук, холм, названный нами «Северным», лавовый мост через реку Кызылсу, названный нами «Калиновым мостом» и возвышающийся среди ледовых полей Эльбруса локолит — пик Калицкого. К полуискусственным, доработанным объектам, мы условно относим «чашечные камни» и «алтари». Четыре менгира и четыре тура — объекты искусственного происхождения.

Некоторые из этих объектов расположены вдоль прямых линий. Прямая № 1: Северный холм — гора Тузлук — Калинов мост — пик Калицкого. Скорее всего, она совпадает с тектоническим разломом и конечно же природного происхождения. Прямая № 2: гора Тузлук — менгир № 1 — восточный край «чашечных камней». Прямая № 3: восточный «алтарь» — тур под дорогой — Калинов мост. Прямая № 4: гора Тузлук — восточный «алтарь» — менгир № 2. Направление прямой № 1 отклонено на $2^{\circ}50'$ к западу от северного направления, а прямой № 3 от того же направления, но к востоку — на $2^{\circ}57'$. Вместе эти углы составляют $5^{\circ}47'$, а как уже отмечалось выше, линия между «алтарями» отстоит от направления запад-восток на $+5^{\circ}56'$. К ней перпендикулярно направление между «восточным алтарем» и Калиновым мостом ($+5^{\circ}58'$). Приведенные выше результаты говорят о том, что объекты вокруг Тузлука находятся в строго определенном порядке».

С любезного разрешения руководителей экспедиций, мы публикуем строки из их отчетов, размещенных на интернетовских сайтах.

ИЗ ОТЧЕТОВ ЭКСПЕДИЦИИ «КАВКАЗСКИЙ АРКАИМ»

Аркаим — протогородское поселение, открытое в 1987 году в Челябинской области. Возраст его оценивается в 4–5 тысяч лет. Он выстроен так, что его можно использовать, как и всемирно известный Стоунхендж, в качестве пригоризонтной астрономической обсерватории. Другими словами, визирные линии, образованные элементами Аркаима и ряда объектов вне его, позволяли с большой точностью фиксировать на горизонте точки восхода и захода солнца и луны в дни солнцестояний и равноденствия, а также иные астрономические события.

Аркаим и дал название нашей экспедиции, ставящей своей целью подтверждение предположения о присутствии древних славян или их предков на Северном Кавказе за тысячелетия до его присоединения к Российской империи.

Пятигорский исследователь Александр Асов в книгах «Славянские руны и Баянов гимн», «Славянские боги и рождение Руси» (издательство «Вече») высказал предположение, что на Кавказе, в районе Эльбруса (древней Алатырь-горы), в незапамятные времена легендарным Китоврасом (князем) был построен храм Солнца. Подтверждение этому он находит в персидском эпосе «Шахнаме», германском «Старшая и Младшая Эдды», в нартских и славянских преданиях. Храм упоминался многими древними авторами, в частности Птолемеем, Геродотом, Страбоном, аль-Масуди. Там же говорилось и о Кияре — древней столице государства Русколань, находившейся где-то в тех же краях. Согласно персидскому эпосу «Шахнаме», во II тысячелетии до нашей эры храм был захвачен князьями Русом (Рустам) и Усенем (Кави Усейнас). Попытка захватить храм Солнца и легендарный князь по имени Асан. По Страбону, на рубеже нашей эры храм разграбил боспорский царь Фарнак, а окончательно его разрушили в IV веке уже нашей эры готы и гунны. Именно в это время, по преданиям, был казнен готами последний князь Русколани — Бус Белояр.

История, написанная арабским путешественником аль-Масуди, сохранила размеры храма: 60 локтей (30 метров) в длину, 20 локтей (10 метров) в ширину и 15 локтей (7,5 метра) в высоту, а также количество окон и дверей — 12, по числу знаков зодиака. Итак, если в Приэльбрусье некогда было древнее государство с развитой культурой и широко известными в Древнем мире культовыми сооружениями, оно не могло исчезнуть бесследно, не оставив на земле никакой памяти.

Из сопоставления преданий и топонимики (названий природных объектов) выстроилась цепочка. Если Эльбрус — священная гора Алатырь (про-

екция на землю мировой горы Меру), значит, у ее подножия располагался рай – Ирий. А есть ли такое место под Эльбрусом? Да, есть – это плато Ирахит-Сырт и примыкающий к нему снизу обширный луг – Ирахитюз. Ирий в традициях исконной дохристианской религии славян отделен от Яви (материального мира) рекой Смородиной (от *смага* – огонь, пламя). Ирахит-Сырт отделен от предгорий рекой Кызылсу, в переводе – Красной рекой. Но река Кызылсу не красная от примесей, как следует из ее названия! Не могло ли это название стать переводом на тюркские языки слова «огненная»?

Через реку Смородину, как известно, должен быть Калинов мост, по которому из Нави (с того света) к нам в Явь проникала многоголовая огнедышащая нечисть, а обратно из Яви в Навь следовали души умерших, а также богатыри и полубоги для выяснения отношений с жителями подземного царства. И такой мост действительно существует! В том месте, где Кызылсу прорывает застывший лавовый поток и обрушивается в долину водопадом Султан, узкое ущелье перекрыто естественным мостом из застывшей лавы!

Рядом с изумрудно-зелеными пастбищами Ирахитюза лежат огромные мрачные, продуваемые сильными холодными ветрами поля черной и красной лавы, где нет растительности и даже обычный песок не желтый, а черный. Словом, аналогия с Навью, где расположен и рай – Ирий и ад – Пекальное царство, очень близкая. Современная геология и древние авторы утверждают, что последнее извержение вулкана Эльбрус произошло примерно за 500 лет до нашей эры, то есть в исторические скифские времена. Следовательно, наши предки, входившие в государство скифов под названием скифов-землепашцев или сколотов, видели раскаленный лавовый поток – огненного змея, перегородившего Кызылсу.

...Гора Уллукая напоминает гигантскую кошку, между передними лапами которой есть узкий проход к глазам-пещерам и источнику нарзана. Согласно А. И. Асову, в трудах арабского историка аль-Масуди говорится о славянском (!) храме, посвященном богу смерти, Чернобогу. По его данным, здание было построено вблизи Эльбруса на Черной горе и «была там большая статуя бога в образе Сатурна», то есть Чернобога. В славянской традиции Чернобога звали также Седуничем, по имени матери-козы Седуни (ср. река Сетунь). От того же индоевропейского корня происходит и имя Сатурн. В храме он был представлен в виде «старика с палкою в руке, которой он двигает кости мертвецов из могил». Окружали храм чудесные воды, известные своей пользой, то есть нарзан!

В пещерах Уллукаи мы найдем огромный подиум, высеченный в скале и входы в малые пещеры в его дальней стороне. На подиум можно положить человек 50. В сочетании с видом на Эльбрус от «задней лапы» кошки и источником нарзана предположение о том, что славянский храм Чернобога был именно здесь, весьма правдоподобно.

ИЗ ОТЧЕТОВ ЭКСПЕДИЦИИ «ЭЛЬБРУС – 5500 ЛЕТ В ГЛУБЬ ВРЕМЕН»

...Приэльбрусье – это целый мир, еще не тронутый археологами. В месте перехода на левый берег ручья, вытекающего из-под перевала Исламчат, обнаружили выложенный из камней круг диаметром около 4,5 метра и высотой 0,6–0,7 метра. Камни древние, замшелые, вросшие в землю. Предположительно на месте площадки было городище-святилище, основанное примерно в 900 году до нашей эры. Расцвет его состоялся в 500–100-е годы до нашей эры. Население составляло от 50 до 200 человек. Здесь была обнаружена плитка песчаника 12 x 25 сантиметров с процарапанным и прорисованным рисунком темного цвета (фигура человека с короной или трезубцем). Она скорее всего имеет возраст около 4700 лет. Видимо, была принесена сюда из какого-то более древнего места.

...На переходе тропы через ручей, текущий с северного склона горы Каракая, на высоте около 80 метров от дна ущелья Исламчат находим круговую выкладку из замшелых камней высотой 0,3–0,4 метра и диаметром примерно 3,5 метра. Возведено строение около 650 года до нашей эры. Место уединенного проживания монаха, который погиб лет за 500 до нашей эры от людей, пришедших снизу, из ущелья. Захоронен монах рядом со своим каменным жилищем. Захоронение отмечено круговой выкладкой. Перед жилищем монаха на берегу ручья стоит глыба черного андезита высотой 1,1 метра, очевидно, алтарный или жертвенный камень. У перехода через ручей находится врезанная в скалы и выровненная площадка с четкой отбортовкой со стороны ручья. Впереди скальный выход. Размер площадки 15 x 30 метров. Предположительно – культовое место. На левом борту ручья, метров на 30 выше жилища монаха и на 200 метров ближе к кошу, находится скальный выход. Под ним, в 20 метрах ниже, из травяного склона выступают камни, образующие круг диаметром около 3 метров. Все вместе, скальный выход и каменный круг, охвачены большим кругом, диаметром около 30 метров, выложенным отдельными плоскими камнями. Внутри круга травостой заметно обильнее. Все это место – площадка, жилище монаха, круги – отличается особым микроклиматом. В сотне метров от ритуальной площадки вечером, как обычно в горах, холодно, а на самой площадке даже ночью тепло, несмотря на протекающий рядом ледяной ручей.

На площади большого и малого круга биолокацией отмечены восходящие потоки энергий. В верхней части скального выхода расчищено место — в виде кресла. Оно весьма удобно для медитаций внутри потоков энергий большого круга и в верхней точке малого. Отсюда открывается прекрасный вид на гору-пирамиду Джувурген на востоке и на ранее описанное городище-святилище в верховьях ущелья Исламчат на юге. Предположительно использовалось это место в ритуальных целях 3200 лет тому назад и позже. Наиболее активно — за 2800 лет до наших дней.

...На первой трети пути к пику Калицкого — большое выположенное место. Слева по ходу в ущелье шумит река Бырджилысу, справа подковой возвышается крутая высокая осыпь моренного склона. В дальнем углу плато еще одно святилище — «Подземные врата». Оно сложено из трех глыб лав андезитового состава. Одна из глыб поднята и установлена на двух других. Те же три точки опоры, как и в предыдущих подобных местах у вершин Калицкого и Эльдарбаши. Потоки подобных энергий у дыры-прохода между глыбами камней с запада: вниз, в землю (отрицательный); с востока, вверх, в Космос (положительный). Святилище сооружено примерно 1000–800 лет до нашей эры. ...На камнях в опоре святилища и других в трех метрах от него — резы, похожие на рисунки, а на камнях в 20 метрах, рядом с круговой выкладкой, — надписи. Технология нанесения рисунков и надписей разная. Камни также разной породы. Вызывают интерес следы обработки камня и раскола его. В глыбах имеются различные резы и отверстия, проникающие вглубь. Стенки очень гладкие и ровные, а на дне — корка вспученной красноватой породы. Там, где прорезалась широкая площадка, на дне просматриваются невысокие гребешки, как будто выборка делалась фрезой или лучом за 2–3 прохода, после чего прорезались поперечные каналы. Имеются следы выхода механического инструмента на гребешок.

...Плато Ирахит-Сырт зажато между северными ледниками Эльбруса на юге и хребтом Ташлысырт на севере. Плато малозаметными пологими уступами поднимается с востока на запад с 2570 до более 3000 метров. Историк и писатель из Москвы Асов Александр Игоревич описывает на плато семь уступов, каждый из которых имеет свою флору, отличную от соседних. Вначале подъем на плато из долины Кызылкол довольно крут, но затем плато выполаживается. Выше на плато среди травостоя — святилище. Слева от дороги разбросаны его каменные глыбы. На одном из плоских камней глубоко прорезан канавками многоконечный крест. С севера в сторону вершины Сирх он имеет сливной лоток. Святилище это использовалось начиная примерно с VIII–VII веков до нашей эры. Возлагались дарения, в том числе и мясом, домашнего скота Солнечному богу в благодарность за обильную пищу. В полукилометре на запад

лежит камень-благодарственник, в котором вырезано углубление в виде многоконечного креста, ориентированного север-юг. Далее на запад обнаружен был круг диаметром 15–20 метров, выложенный базальтовыми камнями, около одного кубического метра каждый, с центральным камнем. Все камни имеют одну из сторон гладкую.

Сюда, на плато, за 7 тысяч лет до нас приходили снизу люди. Это были собиратели лесных даров и охотники, питавшиеся в основном растительной пищей и реже – дикими животными. Освоившись здесь, на новом благодатном месте, древние люди стали устраивать святилища единому богу Солнца – основному объекту своих религиозно-мистических поклонений. Сменились цивилизации, пришли другие времена и народы. На краю плато под склоном Эльбруса почти 2800 лет тому назад обосновался древний город. Население его занималось земледелием, содержало домашнюю птицу и скот. Около 400–450 годов нашей эры внизу на равнине разразилась большая война и родственные племена оседлой культуры, предположительно скифо-аланов, были разбиты. Окончательно город опустел к 600-м годам нашей эры.

Гора Сирх (Сурх) – корневая восточная вершина хребта Ташлысырт (Каменистое плато). ...На ней совершали свои ритуалы жрецы древних верований, проживавшие там в уединении. Там и сейчас сохранились под вершиной, на гребне с восточной стороны, две ямы, оставшиеся от прежних жилищ. Ни бревен крыши, ни кладки стен не сохранилось, но по размерам углублений среди скал можно судить о том, что в бывших кельях могли жить по 2–4 жреца в каждой. Жилища эти построены за 600 лет до нашей эры, а разрушены примерно в 450 году нашей эры.

С Сирхом в период 4000–1200 годов до нашей эры были связаны разные культовые ритуалы верования в единого бога Солнце, а в период 800–600 годов до нашей эры – верования в одно из солнечных божеств.

КОТЛЫ, ВМЕШАВШИЕ СТАДО

Предание о том, что в одном из труднодоступных ущелий Балкарии сохранились гигантские медные котлы, живет уже долгие десятилетия, хотя никаких материальных подтверждений этому до сих пор не имеется. Более того, поисками столь внушительных емкостей (считается, что их изготовили скифы) занималось немало людей. Уже в наше время одним из представителей рода Абаевых была обещана весомая награда (автомашина «Жигули») тому, кто обнаружит котел.

Почему в находке оказались заинтересованы представители именно этой фамилии? В работе исследователя М. Джуртубаева «Пути предков» приводится полевая запись, сделанная в селении Верхняя Балкария, в которой информатор А. Османов передает рассказ своего деда Омара о том, что «в давние времена возле скотного двора Абаевых стоял огромный медный котел. В нем содержались большие овцы, числом более десятка. Котел назывался *тайпокъ къазан*. Его потом распилили для изготовления разной домашней утвари»¹. Ученый предлагает такое толкование этого названия: *тайпа* – племя; *окъ* – стрела; когда слово обозначает собирательное множество, оно ставится в единственном числе. *Къазан* – котел. Таким образом, словосочетание означает «котел (изготовленный) из стрел племени».

Другой балкарский исследователь, археолог Исмаил Мизиев, уверен, что речь идет именно о скифском котле: «Помещая в него больных животных, балкарцы, видимо, полагали, что котел обладает какой-то исцеляющей силой. Котел принадлежал Абаевым, то есть роду, который в течение долгого времени имел большую власть. Представители этого рода занимали должность *олия* – верховного князя, правителя Балкарии. Если мы допустим, что это был другой (не скифский) котел, нет ответа на вопрос: какая была необходимость при дороговизне металла в горах тратить его на изготовление чрезвычайно массивной вещи?»².

Оба ученых в своих выводах опираются в первую очередь на сообщение Геродота о скифском царе Арианте, который велел каждому из воинов принести по одной стреле и изготовить из их сплава в священном месте Эксампей огромный котел емкостью 600 амфор.

Эти цитаты взяты из книги «Аспекты культурной антропологии народов Кабардино-Балкарской Республики», вышедшей в нашем издательстве. В начале двухтысячных годов с ее автором Йоханном Маттисом, на тот момент аспирантом Кабардино-Балкарского государственного университета, мы встречались достаточно часто. Немец по национальности, он приехал в наши края руководить христианской миссией, за короткое время стал прекрасно говорить по-русски, активно занимался изучением балкарского и кабардинского языков. Но самое главное — искренностью, отзывчивостью, добрым нравом этот симпатичный молодой человек вовлек в круг близких друзей множество самых разных людей, воистину отражая в своей личности название представляемого им миссионерского союза «Свет на Востоке».

Увлечшись историей, этнографией местных народов, Йоханн написал ряд весьма аргументированных работ, среди которых «Тильзитский мир и утилизация медных русских монет балкарцами», «Турлук — конструкционный материал адыгов», «Применение горцами ртути и олова», «Грозовые божества черкесов и балкарцев и молния как явление», «Напитки черкесов и балкарцев и современные технологии». Эти исследования молодого немецкого ученого легли в основу успешно защищенной кандидатской диссертации и составили его монографическую работу. Есть в ней и глава, носящая название «Реконструкция скифского котла, известного в Балкарии в XIX веке». Уже из нее видно, сколь глубоки и всесторонни познания Йоханна, подходящего к легенде с рациональных позиций: если котел существовал на самом деле, кто, когда, как, из чего его мог изготовить? Пытаясь ответить на эти непростые вопросы, Маттис привлекает данные не только из истории, но и из физики, химии, металлургии. Говоря о его вместимости, а следовательно, размерах и массе, он отталкивается от имеющихся косвенных сведений — таких, как «в нем содержались большие овцы, числом более десятка», балкарской поговорки: «Как котел Абаевых, в котором 9 (или 12) овец ели корм», сведений Геродота — «огромный котел емкостью 600 амфор». И делает следующий вывод, который в силу его убедительной аргументации нам хотелось бы привести целиком: «В оценках размеров учитываем, что обычно боковые стенки котла, если рассматривать его меридиональное сечение, переходят в днище по радиусу или иной кривой. Следовательно, минимальный диаметр котла, если исходить из того, что несколько ягнят могли свободно поместиться в нем, располагаясь головами к его центру, должен быть не менее 2 м. Если же согласиться, что в

нем кормилось более десятка овец, то тогда диаметр котла должен быть примерно 2,6 м.

Исходя из условия обеспечения удобства пользования котлом и минимума расхода материала, его высоту необходимо брать примерно в два раза меньше диаметра. Таким образом, минимальные размеры котла должны быть: диаметр – 2 м, высота – около 1 м. По максимальным оценкам, диаметр котла должен быть равен 2,6 м, а высота примерно 1,4 м. Приняв радиусы скруглений в нижней части котлов равными 0,25 м, можно найти объемы двух вариантов котлов – малого и большого. Они равны соответственно 3000 и 8000 л.

Указание о том, что вместимость котла была равна емкости 600 амфор, не слишком облегчает наши оценки, так как достоверно неизвестен объем этих сосудов. Однако очевидно, что упоминался самый удобный и широко распространенный в то время вид амфор. Исходя из эргономических соображений, а также из того, что антропометрические и физические данные людей со времен Геродота принципиально не изменились, можно предположить, что амфоры имели емкость от 8 до 12 л. Здесь учитывается, что сам сосуд из керамики имел массу не менее 2,5–3 кг. Тогда искомый объем котла мог находиться в интервале от 4800 до 7000 л, что укладывается внутри диапазона емкостей, найденных из других соображений.

Итак, сопоставляя проведенные оценки, принимаем наиболее вероятные размеры скифского котла равными: диаметр – 2,5 м, высота – 1,25 м, радиус скругления в местах перехода боковой стенки котла в днище – 0,25 м. Тогда объем котла будет равен около 5000 л, а площадь его наружной поверхности – примерно $12\text{--}13\text{ м}^2$.

Теперь что касается того, из какого материала был изготовлен котел – из меди или бронзы: ведь люди, видевшие емкость, могли сильно окисленный бронзовый котел принять за медный и наоборот.

«Если предположить, – рассуждает Маттис, – что котел был бронзовым, то изготовить его можно было только литьем, так как бронза хрупка и ковке почти не поддается. При указанных размерах толщина стенки изделия должна быть не менее 7–8 мм, иначе его просто нельзя было отлить. Кроме того, для обеспечения необходимой прочности котел должен иметь местные усиления за счет утолщения стенок по верхнему краю котла. В этом случае масса литого котла получается около 1100–1200 кг. Вместе с литниками, прибылью и технологическими потерями для литья котла необходимо было иметь примерно 1300 кг бронзы.

...Если считать, что металлический наконечник стрелы в среднем имел массу 25–30 г, то число скифских воинов, сдавших металл, должно быть 45–55 тысяч... что маловероятно»⁴. Если при этом уточнить, что отливать изделия из бронзы массой в несколько сот и более килограммов научились в некоторых странах только в XIV–XV веках, то получается, что скифы не могли изготовить столь огромную емкость. Исследователь предоставляет им еще один шанс, ведь древние могли использовать «не только собранные бронзовые и медные наконечники стрел, но также большое количество небольших слитков меди, которые в то время умели получать. Весь собранный металл переплавляли в небольших печах с дутьем и отливали в литые заготовки, которые имели форму длинных плоских брусьев массой по 15–20 кг.

Полученные отливки по механическим свойствам скорее можно отнести к легированной легкоплавкими металлами меди, чем к бронзе, поскольку добавка к медным слиткам бронзы в количестве до 25–30 процентов не приводит к слишком большому увеличению содержания в сплаве олова или иных легкоплавких металлов. Таким образом, если в сплаве было не более 4–5 процентов олова, то такой материал имел однофазную структуру в виде твердого раствора олова в меди. Такой сплав пластичен и допускает обработку давлением, включая холодную ковку.

Из упомянутых длинных слитков легированной меди ковкой в несколько переходов получали трапециевидные полосы длиной около 2–2,3 м и толщиной 4–5 мм. Поскольку медь при ковке упрочняется (нагартовывается), применяли промежуточный отжиг заготовок. Из медных полос собирали котел, плотно соединяя детали клепкой. Полосы в основании котла крепились к плоскому диску, изготовленному ковкой из невысокой цилиндрической отливки. Заклепки применяли медные. При использовании заклепок из любого другого металла медный котел разрушился бы за несколько лет из-за электрохимической коррозии, которая всегда возникает при контакте разнородных металлов в присутствии влаги. Древние электрохимики, конечно, не знали и использовали медные заклепки просто из практических соображений.

...Хотя плотная клепка меди позволяет получать достаточно герметичное соединение деталей, швы для надежности могли пропаять. Скорее всего паяли свинцовым или оловянно-свинцовым припоем. В качестве флюса могли использовать водный раствор молочной

кислоты, который образуется естественным образом при молочнокислом брожении сахаристых веществ или обезжиренного молока. Этот продукт скифы, по-видимому, знали, так как с глубокой древности продукты брожения молока кочевники использовали при выделке кожи после обработки ее известью.

...Сборный медный котел, изготовленный по описанной технологии, должен был иметь массу 400–500 кг. Если медные заготовки использовали меньшей толщины (около 2,5 мм), то масса котла могла быть в два раза меньше, то есть 200–250 кг»⁵.

Вот такие весьма убедительные аргументы в подтверждение тому, что гигантский котел был изготовлен скифами, приводит Маттис. И здесь с его выводами можно согласиться. Как и с предположениями о том, что способствовало сохранности котла нахождение его «в результате крупного оползня, инициированного ливнем или землетрясением... в относительно сухих осадочных породах, которыми изобилует Северный Кавказ», а последующий выход на поверхность произошел «в результате эрозии горных склонов или непрерывного процесса изменения русла рек. Реки постоянно подмывают преимущественно один из берегов на изначально прямом участке русла. Это происходит вследствие действия известной силы Кориолиса. Проявляется это явление в том, что реки, текущие в Северном полушарии в меридиональном направлении, в результате действия силы Кориолиса перемещают свое русло вправо (закон Бэра)»⁶. Большую меридиональную составляющую имеют почти все притоки, пересекающие территорию Кабардино-Балкарии и впадающие в Малку и Терек. Их русла, постепенно перемещаясь к востоку, разрушают правый берег, что хорошо видно на примере реки Черек в районе селений Псыгансу и Старый Черек.

Тем самым Маттис сам отвечает на поставленный им же вопрос: как столь малоподъемная емкость оказалась в Верхней Балкарии? Апелляция Йоханна к «народной смекалке, которой у народа достаточно», не очень-то убеждает, даже с учетом того предположения, что «для балкарского народа этот котел, может быть, значил больше, чем в свое время Царь-колокол для русских». При отсутствии в те времена в Черекском ущелье дорог – имелись места, где на тропинке с трудом могли разминуться две лошади – доставить котел с равнины в горы было практически невозможно. Следовательно, если котел существовал, то он не был привезен в эти места два или три столетия назад, а находился здесь многие века. Может быть, и изготовлен был здесь же.

А о том, что он существовал на самом деле, свидетельствуют документальные источники. В частности, публикация в VII томе (выпуск 6) «Ежегодника по геологии и минералогии России» (ЕГМР), первого отечественного реферативного журнала в означенном направлении, издававшегося с 1897-го по 1917 год под редакцией Н. Криштафовича. Статья так и называется – «Гигантские котлы на Бештау». Ее автор – Петр Иванович Кротов (1852–1914), известный русский геолог и геоморфолог, профессор Казанского университета, автор ряда работ по стратиграфии, палеонтологии, тектонике, общей геологии и физической географии.

Означенной публикации около столетия. И речь в ней не о наших емкостях, хотя, без всякого сомнения, родственных друг другу. Громадная емкость, принадлежащая князю Абаяевых, как мы помним, была распилена для изготовления домашней утвари, но, тем не менее, легенда о котле, поныне находящемся в верховьях Черекского ущелья, продолжает жить.

Что подпитывает ее? Прежде всего, личное свидетельство одного из старожилов селения Верхняя Балкария – Хаджи-Мурата Геляева, 1930 года рождения. Как он утверждает, такой котел (причем не один, а два) он видел в ущелье Дых-Су, более того – знает, где спрятаны емкости, и даже сумел доставить к себе домой самую маленькую из них. Котлы будто бы находятся в земле – на одном из склонов. Так как берег постоянно подмывается рекой, их невозможно заметить, и если не знать точное место, то найти практически невозможно. Сам он это место помнит, может показать, но добраться в ущелье по причине преклонного возраста и болезней (далеко за семьдесят, из дома давно не выходит) ему уже не под силу, а на словах объяснить, где именно надо искать, не получается.

Верить или нет этому рассказу? Непросто ответить однозначно. Проверить же еще сложнее. Дело в том, что ущелье Дых-Су, пожалуй, самое труднодоступное в Кабардино-Балкарии. Не имеется не то что дорог, а даже тропинок, как таковых. Местные жители, в силу сложности природного ландшафта, здесь не бывают, так как до ущелья от селения достаточно далеко (более двадцати километров), а самое главное, хождение по нему сопряжено с немалым риском для жизни. Оползни, крутые склоны, тут и там изборожденные постоянно находящимися в движении каменными осыпями, смыкающиеся скалы, между коих даже бурлящий водяной поток с трудом находит себе дорогу, узкие карнизы, которые невозможно преодолеть без страхов-

ки и альпинистских навыков, ледниковые выносы делают ущелье по большому счету непреодолимым.

Не случайно, что 8 марта 1944 года, в день выселения балкарского народа, именно здесь скрылись несколько жителей аулов, что располагались ранее на месте нынешнего селения Верхняя Балкария. Органы НКВД, узнав об этом, даже провели специальную операцию, только никого так и не нашли. Причем несколько солдат, участвовавших в поиске беглецов, навсегда остались в ущелье, разбившись на скалах.

А в наше время, как утверждают сами верхнебалкарцы, пройти Дых-Су от начала и до конца (на это, кстати, надо не менее трех дней) смогли всего несколько человек. И это несмотря на то, что награда, объявленная кисловодскими Абаевыми, всколыхнула многих. Один из них Магомед Мусуков. Но котлов он не нашел, как и другие молодые люди, использовавшие в поисках даже металлодетекторы. Естественно, это не укрепило их веру в сообщение старика о том, что он видел котлы. И поэтому вопрос о том, спрятаны или нет в верховьях Черекского ущелья скифские котлы, по-прежнему остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Маттис Й.* Аспекты культурной антропологии народов Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. С. 63.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 65–66.

⁵ Там же. С. 66–68.

⁶ Там же. С. 69.

ТАИНСТВЕННОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

В книге «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное»¹ мы уже рассказывали о Греческой лестнице, проложенной по отвесной скале и поднимающейся на высоту более тридцати метров к небольшой площадке, огороженной каменной стеной двухметровой высоты с толщиной стен более полуметра. А далее по узкой – тридцатисантиметровой – тропке, ныне обвалившейся, можно было добраться к таинственной пещере, о которой сложено немало легенд. Но куда больший интерес представляют имеющиеся документальные источники, рассказывающие об этом.

Так, побывавший в этих местах кизлярский дворянин Алексей Тузов в 1743 году сообщал в Коллегию иностранных дел: «В той чегемской деревне, в одной ложине, имеется около трехсот дворов и есть тамо две христианские церкви каменные, во всякой целости, токмо без глав и стоят впусе. ...У тех же чегемцев имеются христианские книги, и содержат оные на превысокой горе, на которую и проход весьма трудный и страшный»².

У Леонида Лаврова, выдающегося кавказоведа, одного из тех, кому Балкария обязана своей подлинной историей, читаем: «Когда А. Тузов случайно забрел к этой горе, то его обвинили в попытке украсть книги и чуть было не убили. Потом, при содействии кабардинского князя Нитча, чегемские старшины водили А. Тузова и донского казака на ту гору. «И пришедши в полугоре на уступ, открыли имеющийся там сундук сосновый и показывали восемь книг, писанных краскою и чернилами на пергаменте и на бумаге, величиною в десть, в полдесть и в четверть. Тут же, вынув из сундука, показывали дьяконский оларь кутняной ветхой. И из того сундука книги вынимали, сняв шапки, с великим благоговением и страхом. И, кроме христиан, к тем книгам никого, а паче мухамедан, отнюдь не допускают».

Еще до этого генерал-лейтенант Ероптин посылал команду в Чегемское ущелье для взятия этих книг, но чегемцы их не отдали, заявив, «что они... все прежде помрут, нежели оные книги кому отдадут, объявляя, что все их чегемское благополучие в скоте и в хлебе в тех книгах состоит»².

Знаменитый путешественник Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1781), участвующий в экспедиции на Кавказ, вел дневниковые записи, впоследствии составившие двухтомник «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.».

В этом уникальном письменном источнике по истории, исторической географии, этнографии, археологии, экономике Кавказа второй половины XVIII века в разделе «Провинция Басианиа или Басиана» читаем: «Каменная церковь длиною в 4 сажени имеется в округе Чегем у Улу Елт, где беременные женщины обычно дают священный обет принести в жертву животное и устроить торжественное его съедение»³.

А публикатор труда Гюльденштедта академик Петер-Симон Паллас (1741–1811), дополняет его: «Они (балкарцы) были христианами и имеют у себя церкви, среди которых особенно замечательна одна на Чегеме. Она расположена на скале, в которой вырублен витиеватый проход, снабженный с обеих сторон железными перилами. Здесь еще сохраняются остатки книг. Несколько листов из них, добытые отсюда со многими опасностями, оказались: один лист – из Евангелия на древнегреческом языке, другие – из [других] греческих церковных книг»⁴.

Об этом же пишет Г. Ю. Клапрот, видевший книги, хранившиеся на скале у селения Верхний Чегем: «Во время моего пребывания на Кавказе я имел случай доставить себе несколько отрывков: одни принадлежали греческому Евангелию, другие – служебнику и составляли часть службы ноября месяца; у меня хранятся семь листов. По письму рукопись относится ко второй половине XV в.»⁴.

У Абрама Самуиловича Фирковича (1788–1874), автора работы «Археологические разведки на Кавказе» (1858) находим уточнение, что, помимо верхней пещеры, есть и нижняя: «Только в Чегеме я узнал одно предание об этом месте, хранимое в тайне туземцами, что будто бы в подошве той горы, над которою стоит упомянутое строение, есть отверстие, ведущее в пещеру, находящуюся под самим строением. В этой пещере хранятся книги, разные вещи и оружие под проклятием, а потому никто не решается прикоснуться к ним и даже открывать тайну эту другим под опасением дурных последствий»⁵.

Об этом же и таинственном подземном ходе сообщает Платон Зубов, автор книги «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях», вышедшей в

1855 году в Санкт-Петербурге: «Между развалинами древних христианских церквей, коих постройка и надписи могли бы хоть несколько пролить свет на историю сих стран, определив эпоху господствования христианской религии между означенными племенами, особенно замечательны остатки таковой церкви, находящейся близ урочища Улу Эльт, на скале, составляющей берег реки Чегем; внизу сей скалы находится подземный ход, запираемый железными дверями. Уверяют, что в сей церкви хранятся достойные внимания древние книги. Беременные женщины по обещанию закалывают близ сей церкви овец и оставляют оных на съедение зверям»⁶.

А вот еще одна цитата. Из труда известного ученого, основателя знаменитого Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Всеволода Миллера (1848–1913), убежденного, что здесь, на Кавказе, являющемся заповедником мировой истории, «этнограф может черпать старину полною рукой и всюду собирать обширный материал для своих наблюдений»⁷.

«Действительно, — читаем в разделе «Археологические экскурсии в горские области Кабарды», — народное предание говорит, что близ Чегема в горе, в пещерах, был когда-то склад христианских книг. У подножия горы сохранились следы прилепленных к скале построек, фундаментов, ниш, стен и т. п., а выше по горе идет искусственный, укрепленный камнями на извести карниз. Эта тропинка ведет к пещере, в которой будто бы были найдены книги. В настоящее время уже нет возможности составить себе понятие о форме церкви и даже точно определить ее место. Но еще в начале этого столетия (XIX век. — В. К.) она существовала...»⁸.

О древних культурных обитателях Чегемского ущелья писал и В. Тепцов в своих заметках «По долинам Кубани и Терека».

Протицируем их, помня о том, что под названием *Терек* на самом деле подразумевается Черек: «Скалы ущелья Джилки-Су и горы Лак-карги по всем признакам служили надежным убежищем от хищников-варваров древним культурным обитателям Чегемской долины: об этом свидетельствуют разные сооружения на скалах и пещеры. Но варвары были сильны своею численностью и настойчивостью, полчища их двигались одно за другим, не давая населению опомниться и собраться с силами. Не выдержали дружного натиска бесчисленных орд и скалы, не спасли они своих обитателей: пали все их сооружения, исчезло и само племя, не сохранив о себе никаких воспоминаний у современных обитателей долины Чегема.

Время хранит еще пока могилы древних обитателей этого края, да остатки их оборонительных сооружений. По этим памятникам старины и строят догадки нынешние обитатели каждый на свой лад. Не лишним будет описать по возможности эти остатки культурной старины в горах Кавказа.

Ворота, ведущие в аул, словно стражи, охраняют два столба, высеченные из цельного камня в рост человека. Один из них, над самой пропастью ворот, смотрится в бешеные волны разъяренной реки, другой венчает противоположную скалу. Первый у самой тропы, до второго еще никто не достигал из современных обитателей. Местные «догадчики» говорили нам, что первый из этих памятников поставлен очень давно их предками по следующему поводу: кто-то из чегемцев выехал из аула по своим делам, но его сразила вражеская пуля на том самом месте, где теперь стоит ему памятник. Неизвестный убийца стрелял, как полагают, с противоположной скалы от второго столба. Быть может, это так и было, а все-таки для сомнений и догадок остается большой простор. Предание предполагает под памятником могилу, но он стоит на твердой скале, что очевидно исключает предположение о могиле. Скорее всего, памятник этот должно отнести к отдаленным временам и приурочить его к культурной старине. Он стоит на древней дороге, сооруженной над пропастью ворот из полубетасанных камней. Стоит он на таком месте, откуда видно далеко по долине Чегема в обе стороны, виден прекрасно и сам аул. Не было ли здесь сторожевого пункта, и не подавались ли отсюда при посредстве этого столба в аул сигналы о нападениях?

Такое же значение мог иметь и второй столб для крепости, остатки которой сохранились на противоположной скале и видимы со стороны ущелья Джилки-Су. До развалин этой крепости, видимых снизу только отчасти, нет никакой возможности добраться: время смыло бывшие пути к ним и оставило только отвесные стены исполинских скал. Из ущелья Джилки-Су видны остатки стен бывлой крепости да фундаменты каких-то сооружений. Отсюда же видны в скале на высоте нескольких десятков саженей две, несомненно, обитаемые когда-то пещеры. Ближайшая к аулу имеет высеченный в скале вход правильной четырехугольной формы; отверстие второй не носит искусственных следов. К обеим пещерам вели высеченные ступенями лестницы с кладенными на извести парапетами. Лестница к первой пещере скоро обрывается, что исключает теперь всякую возможность добраться до нее: отсюда до отверстия еще около пяти саже-

ней гладкой отвесной скалы. Говорят, несколько лет тому назад еще существовал карниз, на который можно было поставить ногу, и что в пещеру лазил с опасностью для жизни какой-то местный смельчак, побуждаемый любопытством и желанием воспользоваться предполагаемыми в пещере сокровищами, но он нашел в ней только мрак и пустоту. Время смыло и этот карниз.

Ко второй пещере тоже вела винтообразная в своем начале лестница. По этой лестнице можно подняться на две трети всей высоты скалы; далее тропа идет по выступу известняка и, не доходя десятка саженей до первой пещеры, круто поворачивает вверх и теряется на вершине скалы. Пещера лежит на половине всего этого пути. Карниз, по которому был ход в пещеру и далее на вершину скалы в крепость, местами расширяется до 4 аршин. В расширенных местах карниза уцелели еще фундаменты каких-то цилиндрических сооружений, быть может, башен. По карнизу свободно можно пройти саженей 25–30, далее он суживается до 3–4 вершков и, наконец, не достигая пещеры, обрывается вовсе на несколько саженей. Дрожь пробегает по всему телу, если взглянуть отсюда в глубину ущелья, кружится голова и чувствуется тошнота. ...На полдороге к пещере из скалы сочится вода, утолявшая, быть может, жажду томившихся когда-то в пещерах и крепости»⁹.

И, наконец, обратимся к знаменитой работе двух московских ученых – филолога Всеволода Миллера, процитированного нами выше, и историка Максима Ковалевского (1851–1916), побывавших в Чегемском ущелье летом 1883 года: «Особенно интересна по остаткам древних построек узкая теснина, по которой протекает река Джилги, до сих пор носящая осетинское имя (*Зилга* – кружащаяся). В скале на правом берегу реки есть несколько пещер и заметны следы дороги, искусственно сделанной и карнизом огибающей гору. В версте от аула на одной площадке этой скалы остатки башни, построенной из местного камня на крепком цементе. Поднимаясь зигзагами вверх к башне, укрепленная каменными перильцами тропа ведет далее по краю горы карнизом на восток к горной пещере, вероятно, служившей караульной. Внизу, у подножия той же горы, заметны следы других построек. К одному естественному гроту саженей в 5 вышины с правой стороны была прилеплена какая-то постройка в виде каменного домика, которого заднюю стену образовала одна сторона грота. Это место до сих пор зовется *папасовым* жильем (т. е. поповым). Недалеко от него другой, меньший грот, по-видимому, был использован

как часовня. В нем виден каменный уступ, на котором когда-нибудь стояла икона; к уступу ведут с правой стороны несколько высеченных в камне ступеней. Еще ниже, близ реки, виднеются могильные камни с изображениями крестов. Стороны гротов, входившие внутрь часовни и папсова жилья, до сих пор носят следы штукатурки. Ходит предание, что в одной из пещер когда-то была найдена груда старинных книг, писанных на пергаменте...»¹⁰

Вывод из всего сказанного, сделанный Леонидом Лавровым, таков: «В районе Верхнего Чегема существовали небольшие церкви. Кроме них, в пещере, на левом берегу реки Джилги, находился склад богослужебных книг и других церковных предметов. К пещере вела высеченная в скале лестница, остатки которой до сих пор видны. Надо думать, что использование пещеры для хранения книг относилось к более позднему времени, чем постройка церковей около селения Верхний Чегем. Перенос «священных» предметов из церквей в пещеру, по всей вероятности, произошел тогда, когда, в силу сложившейся политической обстановки, построенные до этого церкви оказались перед возможностью разграбления»¹¹.

Итак, различные источники, охватывающие почти двухсотсемидесятилетний период, убедительно свидетельствуют о наличии пещеры, в которой хранились христианские реликвии — книги и утварь. Но та ли это пещера, к которой ведет Греческая лестница? Ведь ни один из путешественников не утверждает, что он сам побывал в каменном хранилище, не уточняет, что оно представляет из себя внутри.

А ведь помимо означенной пещеры, до которой можно было добраться по сооруженной на отвесной скале лестнице, имеются и другие — ниже грота. Если присмотреться внимательнее, то на скале также можно заметить следы от проложенных к ним когда-то лестниц. В какой из них прятали (по другим сведениям — выплавляли) золото, добытое на протекающей внизу реке Джилгису? Кроме того, судя по всему, пещеры были связаны между собой единой системой лестниц, позволявшей в случае опасности переносить сокровища. Более того, в ряде документов говорится о нижней пещере. А. С. Фиркович, напомним, сообщает о «подшве горы», в которой «есть отверстие, ведущее в пещеру», и Платон Зубов утверждает, что «внизу скалы находится подземный ход, запираемый железными дверями». А верхнечегемцы до сих пор рассказывают историю примерно семидесятилетней давности про одного местного смельчака, обнаружившего этот вход и попытавшегося исследовать ее. Пещера оказалась на-

столько длинной и разветвленной, что он сам не заметил, как заблудился, сбился с пути и искал дорогу назад столько времени, что факел потух. Выбравшись же, рассказывал, что ходы в пещере не естественного происхождения, а проделаны руками человека, и некоторые из них ведут куда-то вверх, а потом неожиданно обрываются, словно их недоделали или засыпали.

Чего в этих словах больше – вымысла или правды, судить трудно. Но вот что интересно: народная память из поколения в поколение передает рассказы о том, как в этой самой тайной пещере в эпоху Средневековья прятались женщины и дети. Местные жители, уведомленные наблюдателями, использующими систему сигнальных костров, о приближении захватчиков, тут же спешили к пещере и один за другим скрывались в недрах горы. Оставшиеся заваливали вход заранее приготовленным камнем, маскировали его, а сами поднимались по Греческой лестнице в верхнюю пещеру, куда неприятель, осыпаемый градом стрел, добраться не мог. Враги, рыскавшие в бессильной ярости по опустевшему поселению, в жилищах которого еще не потухли очаги, высылавшие конные дозоры во все три долины, сходящиеся в Верхнем Чегеме под углом, не могли понять, куда же подевались женщины и дети. Но сколько ни рыскали, вход в пещеру так и не нашли.

Вероятнее всего, легенды эти связаны с нашествием полчищ Тимура на Северный Кавказ, который в 1395 году стал ареной его борьбы с Золотой Ордой.

Вот как об этом, опираясь на исследования В. Г. Тизенгаузена, пишет Леонид Лавров: «Кавказские народы (кайтаки, аланы, абазинцы, адыги) оказывали упорное сопротивление Тимуру. Некоторые эпизоды этой борьбы, кажется, происходили в Балкарии или в Карачае. Так, по словам иранских историков, современников Тимура, последний, после победы над золотоордынским ханом Тохтамышем, пошел от Жулата к низовьям Волги, потом на Елец, оттуда через Азов к Кубани. Разорив эту область, он пошел на другую, во главе которой стоял некий Пулат. По дороге к Пулату Тимур остановился в местности Балкан. Может быть, это Балкар или река Малка, называемая по-кабардински и по-карачаево-балкарски – *Балкъ* (последнее мнение высказывал автору покойный профессор А. Н. Генко)? Пулат защищался в горах, в крепости Кабчигай, но Тимур взял ее и сжег.

Получив известие «с правой стороны от великого мирзы Мираншаха (одного из Тимуровых военачальников), от подножия горы Эль-

бурз», что золотоордынец Утурка укрылся у абазин («в местности Абаса»), Тимур налегке перевалил за Кубанью через Главный Кавказский хребет и взял в плен Утурку. После этого он вернулся на северную сторону Главного хребта и некоторое время стоял лагерем около Бештау («среди Беш-тага»). Оттуда он совершил поход в «область Симсима». Многие из жителей Симсима бежали в горы («вошли в неприступные места, так что [даже] пешком туда с трудом можно было идти»). Тимур вслед за ними вошел в горы, «завоевал все те крепости и приказал, чтобы жителей их, связав, бросили с крепости вниз. И еще в горах он взял бесчисленные области». После того полчища Тимура пошли к Дагестану на аварцев.

В настоящее время нет возможности точно установить, чему соответствуют Симсим и Кабчигай. Исходя из того текста, откуда черпаем сведения о походе Тимура, они должны были находиться в горах недалеко от Бештау и Кубани, то есть примерно в Балкарии или Карачае. Упоминание «горы Эльбурз» мало помогает разъяснению, так как под этим именем скрывался весь Кавказский хребет. Балкарские предания говорят, что Тимур вторгнулся в Баксанское и Чегемское ущелья»¹².

И вот что еще интересно: рассказывают, что будто бы уже в наше время, а именно в марте 1944 года, в пещере нашли убежище несколько балкарских семей, сумевших избежать депортации. Выйдя из нее, они завалили вход, а с годами – ведь балкарцы были на чужбине долгих тринадцать лет – он окончательно был погребен камнями, так как здешние породы сложены лавовыми осыпями.

Исследователи последнего времени (С. С. Анисимов, М. И. Ермоленко, П. Г. Акритас и другие) также пишут о верхнечегемской пещере, но речь ведут о той, к которой была сооружена Греческая лестница. О пещере же в подошве горы, подземном ходе, соединяющем ее с какими-то другими каменными хранилищами, никто из них не упоминает.

Так была ли эта пещера или нет? Если была, то где в нее вход? Наши поиски привели к тому, что мы обнаружили лаз в одну из пещер, расположенную у подножия интересующей нас скалы, в месте, которое находится чуть выше природного памятника – «гриф».

На высоте примерно двух метров имеется малозаметное отверстие полуметровой высоты, ведущее в естественный каменный мешок. Длина его около шести метров, высота – метра полтора: в полный рост не стать и спрятаться в этой камерке могут от силы десять человек. Но вот что интересно: естественных входов в пещеру,

оказывается, два, а самое главное — в левом углу расположен уходящий вниз сифон, земля в котором наносная; она легко прокалывается острой палкой на достаточно большую глубину, свидетельствуя, что там, внизу, пустота, а значит, пещера имеет продолжение. Но так ли это или нет, могут ответить только раскопки...

В то же время пещера эта достаточно убедительное свидетельство тому, что в недрах горы имеются и другие каменные мешки, а значит, история с пещерой, в которой скрывались во время набегов жители Верхнего Чегема, может оказаться вовсе не вымыслом, а реальностью. Той самой реальностью, которая приоткрывает тайну существования в этих местах греческой митрополии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Котляровы М. и В. Необъяснимое. Непознанное. Невероятное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 131–135; С. 53–56 данного издания.

² Цит. по: Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. Вып. 2. С. 104.

³ Гюльденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т. К. Шафрановской; Коммент. и общ. ред. Ю. Ю. Карпова. С. 337 [Неопубликованная рукопись].

⁴ Цит. по: Лавров Л. И. Указ. соч. С. 104–105.

⁵ Фиркович А. С. Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. СПб., 1858. Ч. 3. С. 127–128.

⁶ Русские авторы XII века о народах Центрального и Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 57–58.

⁷ Цит. по: Тютюнина Е. С. Всев. Миллер: Кавказ — заповедник мировой истории // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 71.

⁸ Миллер В. Ф. Терская область: Археологические экскурсии // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 90.

⁹ Тепцов В. По долинам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 158–161.

¹⁰ Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. Вып. 4. С. 31–32.

¹¹ Лавров Л. И. Указ. соч. С. 104.

¹² Там же. С. 67–68.

ПРОПАВШИЕ АНГЛИЧАНЕ

...Где-то в семидесятых годах прошлого века, будучи на турбазе «Безенги», мы впервые услышали об этом событии. На вопрос, как называется один из скальных выступов, местный житель произнес следующую фразу: «Ингилизле акъкъан (саркъкъан) къая». Даже человеку, малознакомому с балкарским языком, первое и последнее слово в этом сочетании понятны: англичане и вершина. Дословный же перевод фразы таков: «Скала, где погибли (посыпались) англичане». Проводник, молодой паренек, подробностей, к сожалению, не знал; в советской литературе, как выяснилось впоследствии, эпизод этот не нашел достойного отражения, и на тот момент интерес к происшедшему в этих местах много лет назад так и остался неудовлетворенным.

Спустя какое-то время, читая первый том собрания сочинений «дяди Гиляя» – выдающегося русского дореволюционного журналиста Владимира Гиляровского, – в очерке «Восходящая звезда» наткнулись на короткое упоминание о том же самом событии: «Прошло около двадцати лет. В обманчивых снегах таинственного Коштан-тау погибли первые его исследователи – два англичанина и два проводника-швейцарца. Приезжавшие на розыски погибших из-за границы не нашли никаких следов. В 1889 году розыски продолжались»¹.

А когда стала доступна знаменитая книга Константина Чхеидзе «Страна Прометея», вышедшая в далеком 1928 году в негласной столице русской эмиграции, китайском городе Шанхае, и экземпляр которой, чуть ли не единственный сохранившийся из всего тиража, неисповедимыми путями оказался в Кабардино-Балкарии, случившееся с английскими альпинистами еще более заинтересовало. Тем более что Чхеидзе, вложив эту историю в уста проводника Абдуллы – «передового горца», как характеризует его писатель, «настоящего пионера своего ущелья, да и всей своей горной страны Балкарии», – придал ей романтично-криминальный оттенок.

Итак, обратимся к первой части «Страны Прометея» – «Горы и горцы»: «...Абдулла успел еще передать мне кое-какие отрывочные и непроверенные сведения о пропавшей в 191... году экспедиции

англичан. Несколько англичан приехали в горы с целью подняться на вершину Эльбруса. У них были все необходимые препараты, запасы, много денег, смелости и уверенности. Столичное и местное начальство знало об этой экскурсии и покровительствовало ей. Было приказано всем старшинам верхних селений оказывать всемерное содействие отважным англичанам. И вот их видели в Кашка-тау, потом в Хуламе и Безенги... Потом они будто бы свернули к Хасауту; а некоторые говорили, что они задержались в Гунделене... Все это очень трудно проверить. Факт же тот, что ни один англичанин не вернулся, а из бывших с ними двух проводников вернулся один и сказал, что при подъеме на Эльбрус поднялась снежная буря и все его спутники погибли. А его, по милости Аллаха, перед выходом с последней стоянки зашибло сорвавшимся обломком скалы и потому он отстал...

— А через малое время, — продолжал Абдулла, — появился слух, что второго проводника видели за перевалом, в селении Геби. Этот слух вызвал подозрения, что с пропажей англичан не все ладно. Было наряжено целое следствие. Дело пошло до Петербурга. Тамшний английский посол требовал найти виновных, нанимал сыщиков. Но ничего не нашли и не выяснили.

— Но, может быть, и в самом деле англичане погибли как-нибудь иначе? — спросил я.

Абдулла в упор посмотрел на меня, будто вымеряя степень возможного мне доверия, и, поглаживая свои длинные усы, выстриженные около рта и отпущенные от концов губ, медленно протянул:

— Валлаги азым, не знаю. Я там не был. Но пришлось слышать, что в одном селении англичане попросили показать им танцы. Старшина селения посоветовался со стариками. Старики предложили старшине ответить гостям отказом, сославшись на пост или траур. Но старшина, желая угодить тем, кому покровительствовало начальство, все-таки собрал молодежь и пригласил англичан посмотреть, как она умеет в горах веселиться. Кое-кто из англичан немного знал русский язык. Когда вышла танцевать красавица Джансурат, один из них, вероятно, сильно подвыпивший, выскочил в круг и хотел с ней танцевать. Но сделал это так неловко, что оскорбил и девушку, и ее родных. Однако это еще можно было бы простить. Но потом этот же господин пригласил к себе брата нашей красавицы Джансурат и просто спросил его: «Сколько стоит?». Вот тогда будто бы брат предложил свои услуги в качестве проводника. Этого же брата видели

впоследствии в Геби. Что он с ними сделал, не знаю. Но видишь ли, по дороге на Эльбрус очень много опасных мест. Там встречаются неожиданные провалы. Иногда люди засыпают вечером в уютном месте, защищенном скалой, а просыпаются на краю обрыва... Все может быть, все может быть»².

Уточнив, что Геби – это уже Грузия, а именно Кутаисская губерния, согласимся с тем, что в горах, особенно в горах Кавказа, на самом деле, все возможно, но уж очень многое вызывало в этом пересказе недоумение и даже больше – определенного рода внутреннее сопротивление.

Прежде всего то, что горцы, для которых гостеприимство всегда было одной из главных нравственных ценностей, оказались способны на подлый поступок, пусть даже и вызванный неадекватным поведением пришельца. Десятки европейских путешественников, побывавших в разные века на Северном Кавказе, свидетельствуют об обратном.

Вспомним хотя бы слова французского путешественника Абри де ла Мотрэ, писавшего в 1724 году: «Гостеприимство настолько велико, даже среди татар и черкесов, считающихся наиболее дикими, что путешественники не оплачивают не только то, что поедают у них, но даже фураж лошади»³.

Или вторящего ему корреспондента лондонской «Таймс» Джона А. Лонгворта: «Иностранец испытывает мало опасностей и будет принят с радушием, куда бы он ни направился, путешествуя по диким ущельям Кавказа столь же свободно, как если бы он передвигался по самым оживленным магистралям Европы; если же он настроен на приключения, то он будет разочарован тем, что на него никто не нападет и не устроит ему ловушки или засады»⁴.

Удивление вызывало и то, что уж очень, мягко говоря, некультурными, не умеющими совладать с животными инстинктами, представляли в описанном эпизоде сами англичане – те самые, для которых понятие «джентльменство» не пустой звук, а образ жизни, модель поведения, что сродни горскому кодексу чести. Тем более что это были представители элиты лондонского общества – члены Английского альпийского клуба, созданного в 1857 году и заявившего своей целью «содействовать установлению дружбы между альпинистами, развитию горных восхождений и исследований во всем мире и лучшему познанию гор через литературу, науку и искусство». А входили в клуб не только альпинисты, но и лица королевской крови, ученые, художники, писатели, фотографы.

Покорив практически все пики в Альпах, англичане обратили свой взор на совершенно неисследованный к тому времени Кавказ, открыв новую главу в истории клуба – «Альпинизм за пределами Альп». В 1868 году здесь побывали Дуглас Фрешфильд, Каминс Таккер, Адольфус Мур, поднявшиеся на Восточную вершину Эльбруса с проводником-французом Франсуа Девуасу и двумя местными жителями – Ахией Соттаевым и Дячи Джаппуевым. Нелишне будет напомнить, что тогда же англичане побывали и в районе Безенги, и Дуглас Фрешфильд, пораженный величием увиденных пятитысячников, воскликнул: «Как жаль, что Коштан-тау и Дых-тау ниже Эльбруса, именно они достойны носить титул настоящих короля и королевы Кавказа». Впрочем, всех интересующихся той экспедицией отсылаем к книге Д. Фрешфильда «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус», главы из которой переведены по нашей просьбе пятигорским краеведом, экскурсоводом, этнографом, знатоком ряда европейских языков Игорем Гориславским и выпущены отдельным изданием под названием «Исследования Кавказа».

Но вернемся к истории альпинистского освоения. В 1874 году – снова Адольфус Мур, а также Гораций Уокер (Уолкер), Фредерик Гардинер, Кроуфорд Гроув (более известный в России как Грове, автор изданной в 1879 году редакцией журнала «Природа и люди» книги «Холодный Кавказ», заново отредактированной и выпущенной в 2009 году нашим издательством), сопровождаемые проводниками Дж. Кнубелем, балкарцами Ахией и Дячи, покорили Западную вершину двуглавого великана.

Кстати говоря, имена Уильяма Донкина и Гарри Фокса, тех, о ком пойдет речь ниже, вписаны в историю Альпийского клуба вовсе не потому, что они погибли в горах Кавказа, а как высокопрофессиональных альпинистов, в чьем послужном списке несколько первовосхождений. А фотография Донкина «Лагерь около морены ледника Гульба», один из последних его снимков, сделанных за несколько дней до гибели на Коштан-тау в августе 1888 года, – среди самых почетных экспонатов музея клуба ⁵.

Одним словом, при всем уважении к удивительному труду Константина Чхеидзе, в его трактовку гибели англичан мало верилось. Крепло желание более подробно узнать о событиях далекого 1888-го (а не 191... какого-то, как утверждается в «Стране Прометее»).

Просматривая газеты тех лет, пагиревскую ⁶ и тугановскую ⁷ библиографии, удалось узнать, что о пропаже англичан писали не только

многие российские газеты и журналы, прежде всего кавказские ⁸, но и вся европейская пресса. А на страницах английских газет и журналов эта тема была постоянной весь конец лета и осень 1888 года. Да и впоследствии газеты не раз вспоминали о пропавших членах Английского альпийского клуба.

Что же произошло в горах Балкарии в том далеком августе? Нам поможет разобраться в этом сообщение коллежского асессора, известного русского топографа Н. В. Жукова, сделанное им 3 февраля 1889 года на общем собрании Кавказского отдела Императорского Русского географического общества ⁹. Но вначале напомним, что коллежский асессор (от латинского – заседатель) – восьмой чин в таблице о рангах, принятом в России до 1917 года.

Вот его сообщение, которое мы приводим в сокращении: «В половине июня минувшего года я был командирован на съемку северной части Главного Кавказского хребта. В район моего участка входили две из высших гор этого хребта – Дых-тау и Коштан-тау.

При отъезде из Тифлиса я получил от начальника военно-топографического отдела генерала Жданова предписание содействовать ожидаемым в настоящем году президенту Английского альпийского клуба господину Денту и профессору Донкину, которые должны были приехать на Кавказ для исследований Главного хребта между горой Эльбрус и верховьем реки Урух.

В конце июня я приступил к съемке, начав ее с горы Коштан-тау и ледника Уллу-ауз-чиран. В первых числах июля работа со стороны ледника Уллу-ауз-чиран была закончена. И я возвратился к постоянному своему лагерю, находившемуся верстах в двух от селения Тубенель Безенгиевского общества, у соединения рек Думала и Черек, где узнал, что в селение прибыли два англичанина.

В тот же день я отправился в селение и застал там английского туриста – господина Муммери (Mumtery) и его проводника-швейцарца, вместо ожидаемых мною господ Донкина и Дента, которые, по словам Муммери, должны были прибыть сюда не позже, как через две недели».

Прервем для небольшого уточнения жуковский рассказ: упоминаемый им турист Муммери, на самом деле А. Ф. Маммери, – известнейший английский спортсмен, одним из первых ставший совершать восхождения высокой категории трудности без сопровождения проводников, тот самый альпинист, который не прошел баллотировку в члены клуба по причине, что он когда-то был... сапожником. Вот

такие снобистские традиции. Кстати, в том же 1888 году, но в июле, Маммери вместе со швейцарским проводником Хансом Цурфлем совершил невероятное по скорости восхождение по южному гребню Дых-тау – путь туда и обратно занял всего одиннадцать часов! Об этом он рассказал в своей книге, главы из которой также переведены по нашей просьбе Игорем Гориславским и вышли отдельным изданием.

Продолжим цитировать Н. В. Жукова: «3 августа я заметил из своего лагеря на левом берегу Череха большую партию путешественников, шедших по направлению к леднику Уллу-чиран (Безенги). Желая убедиться, не Дент ли с Донкином проследовали в этом направлении, я послал в селение своего переводчика. Оказалось, что эта новая партия состояла из профессора Ворлея, двух английских натуралистов – Гольдера и Коккина и двух проводников-швейцарцев. Об этом мне сообщил оставленный ими в селении Тубенель переводчик Рефельд. (Кстати, вот какая информация об этой «партии» и ее целях имеется в Интернете: «Другая сильная компания – Хенри Хольдер и Херман Вуллей с гидами совершили второе восхождение на Дых-тау с севера, первовосхождения на Катын-тау и Салынан. Их товарищ по экспедиции Джон Коккин вместе со швейцарскими гидами Ульрихом Альмером и Христианом Ротом месяцем позднее совершили три первовосхождения на пятитысячники Шхара, Восточная Джанги-тау, а в сентябре – на вершину Северная Ушба по страшному южному склону через седловину».)

Тринадцатого августа часов в 10 утра ко мне в лагерь пришли профессор Донкин и натуралист Фокс. Господин Донкин рассказал, что с ними был и господин Дент, но дорогой он заболел и вынужден был возвратиться в Кутаиси. Сам же Донкин со своим спутником направляется к горе Коштан-тау, на которую думает подняться, а также исследовать ледник Уллу-ауз-чиран.

Так как в этой местности мною было уже все снято, то Донкину было очень интересно рассмотреть мой план. Он просил, кроме того, дать ему высоты некоторых определенных мною точек, указать, где можно остановиться и с какой стороны начать восхождение.

На вопрос, долго ли он намерен оставаться у Коштан-тау, Донкин отвечал, что пробудет не более пяти дней, так как здесь предстоит только исследовать Уллу-ауз-чиран и взойти на вершину Коштан-тау. Затем он спустится к балкарской караулке под Главным хребтом, откуда займется исследованием ледника Дых-Су, чем и закончит научные работы настоящего года.

Считая небезопасным пребывание их одних под ледниками, я предложил господину Донкину двух казаков из моей команды на то время, пока он будет находиться у подножия Коштан-тау. Но он отклонил это предложение, говоря, что уже бывал здесь раньше, довольно знаком с местностью и с местными жителями, так что считает себя вне всякой опасности.

После этой встречи я целый месяц не имел никаких сведений о господах Донкине и Фоксе. Наконец, по снятии мною северо-восточной части своего плана, 15 сентября, около 7 утра, по дороге из Безенгиевского в Чегемское общество мне пришлось остановиться в селении Тубенель. Здесь меня встретили несколько стариков, которые просили прочесть полученную из Нальчика бумагу (писарь и старшина в это время были в городе Владикавказе).

Бумага эта оказалась предписанием помощника начальника Нальчикского округа старшине селения Тубенель немедленно приступить к розыскам в ледниках Коштан-тау погибших там профессора Донкина, Фокса и двух швейцарцев – Фишера и Штрайха. Прочитав это предписание и объяснив его старикам, я стал советовать немедленно организовать поиски. Тут выяснилось, что в селении живут два англичанина. Я попросил проводить меня к ним и в одной из саклей действительно нашел англичанина по фамилии Уолле (Wollez), другой же был германский подданный немец Ригер, служивший у Донкина переводчиком».

Выяснилось, что Уолле приехал на Кавказ поохотиться на оленей и туров, выбрав для этого Безенгиевское общество. В Нальчике он встретил переводчика Ригера, от которого узнал, что 13 августа господин Донкин отправил его с багажом в Балкарию, а сам со спутниками, взяв на пять дней провизии, отправился покорять Коштан-тау.

Вернемся к сообщению коллежского асессора Н. В. Жукова: «17 августа с одним из жителей селения Тубенель, находившимся при Донкине, были переданы остальные вещи и записка, в которой Донкин просил прислать хлеба, чаю, сахару и табаку к балкарской караулке под Главным хребтом, куда намеревался скоро прибыть. Но с тех пор прошел почти месяц, а о них нет никаких известий.

Узнав об этом, господин Уолле отправил телеграммы – одну в Петербург, на имя английского посла, с просьбой о содействии, а другую в город Батум – на имя английского вице-консула, которого просил распорядиться организовать розыски со стороны Кутаисской губернии. Сам же Уолле отправился к помощнику начальника

округа и лично просил его содействия, чтобы предпринять розыски с северной стороны Кавказа. Тот снабдил его предписанием к старшине Нальчикского округа, который в свою очередь вручил ему открытое предписание. Уповав на силу этих предписаний, Уолле отправился в селение Тубенель, где ему пришлось убедиться, насколько бессильны здесь всякие предписания: жители положительно отказывались помочь ему.

Выслушав этот рассказ, я вторично собрал стариков и стал уговаривать их оказать содействие англичанину, объясняя, что в таких случаях они не должны гнаться за вознаграждением, а действовать совершенно бескорыстно.

Уолле сказал мне, что раньше он предлагал жителям по три рубля на человека в сутки и, кроме того, премию в 200 рублей тому, кто найдет следы пребывания путешественников; но это показалось им очень мало, и они стали запрашивать такие деньги, которых Уолле положительно не в состоянии был дать. Я объяснил старикам, что они будут отвечать за нерадение, если не вышлют требуемого числа людей в помощь англичанину. Это, как видно, им очень не понравилось, и мне объявили, что ни старшины, ни его помощника нет, молодые люди все на покосе, а они, старики, помощи никакой не могут оказать. Затем все вышли и уже больше не появлялись. Особенное противодействие оказывал житель этого селения Давлет-Гирей Суншев.

Упорство жителей чрезвычайно взволновало Уолле, и он сказал: «Там, где жизнь четырех человек находится в опасности и где целая нация следит за исходом дела, мне кажется, местной администрации следовало бы не ограничиваться какими-то предписаниями, которые, как я мог убедиться, не имеют здесь никакого значения, а следовало бы кому-нибудь лично принять на себя труд руководить розысками». Видя, что от жителей нельзя ничего добиться и зная, как дорога в данном случае каждая минута, я предложил к услугам свою помощь. Уолле с удовольствием принял предложение, и мы вместе отправились в лагерь, чтобы собраться в путь.

Раньше чем отправиться на розыски, я послал начальнику отделения съемки рапорт, в котором доносил ему, что отправляюсь на розыски господи Донкина и Фокса, хотя не имею на то прямого предписания, и затем прошу дальнейших распоряжений.

В том же рапорте я сообщил, что жители не оказывают никакого содействия к розыскам пропавших путешественников, и просил от имени Уолле довести об этом до сведения окружного начальства.

Когда мы были почти готовы к отъезду, явились к нам 7 человек жителей, согласных идти за 3 рубля в сутки».

О том, что коллежский асессор Н. В. Жуков не совсем объективен по отношению к местным жителям, обвиняя их в безразличии и алчности, будет сказано чуть ниже; как и о том, что не только он один был озабочен судьбой пропавших англичан. Так как следующая часть сообщения Жукова целиком посвящена организованным им поискам, передадим ее в нашем более сжатом пересказе, опустив все тяготы и испытания, как не имеющие прямого отношения к делу. Итак, поисковая группа двинулась по ущелью реки Думала к горе Коштан-тау. В двух верстах от ледника Уллу-ауз-чиран заночевала, а в саженях трехстах от него обнаружила место стоянки господина Донкина и его спутников, что «было заметно по разбросанным вокруг коробкам от консервов и бумаге». (Вот, оказывается, с какого времени началось негативное влияние человека на горную экологию!) Пройдя еще «с версту по левой морене ледника, были замечены следы от сапог со множеством гвоздей на подошве... пропавших путешественников». Достигнув верхнего уступа ледника и не обнаружив никаких следов, решено было прекратить поиски в этом направлении. Тем более что один из участников – тот самый Уолле – почувствовал себя плохо: у него начался «сильный пароксизм лихорадки». К тому же резко похолодало, появились первые признаки метели. Вернувшись к месту, где ранее была обнаружена стоянка господина Донкина и его спутников, группа заночевала, а на следующий день, 17 сентября, возвратилась в лагерь. Но не все: трое человек были посланы через хребет Коштан к балкарской караулке, так как при удачном восхождении англичане должны были спускаться именно в этом направлении. Кстати, в документах мы нашли их фамилии – Ш. Эфендиев, М. и Г. Рахаевы.

Через день, 18 сентября, коллежский асессор Жуков получает предписание от начальника отделения съемки приступить к розыскам погибших англичан и решает осмотреть Коштан-тау со стороны ледника Мижирги. Воспользовавшись услугами лучшего в тех местах проводника Шамиль-Гирея, ранним утром 20 сентября он выдвигается к леднику.

Далее идет весьма красочное описание трудностей экспедиции, вызвавшее, как читатель увидит в дальнейшем, весьма ироничную реакцию местных властей, преодоление «массы продольных и поперечных трещин», «неустрашимость казаков» (именно они входили в

группу), достижение «подошвы Коштан-тау», отказ идти проводника: «Там худа, туда моя не пошел, там пропал», естественно, разыгравшаяся метель, при которой «идти по леднику, среди трещин, провалов и громадных камней становилось положительно невозможным», и принятое решение «отказаться достигнуть намеченной цели».

Спустившись в лагерь, ассессор Жуков узнает, что администрация прислала двух всадников, которые вывели — под плетками — на поиски 19 человек. Правда, при этом сомневается, что они эти поиски осуществляли на самом деле. 22 сентября вечером, говорится в его же сообщении, «приехал сюда и пристав этого участка, но, насколько я мог судить по его действиям, не для того, чтобы предпринять что-либо к отысканию погибших, а для производства дознания по моим донесениям. На другой день, рано утром, он выехал в Балкарское общество, чтобы повидаться там с Уолле.

Не помню, где-то сообщалось, что полтораста балкарцев были высланы на поиски и что три человека достигли вершины Коштан-тау. Цифра эта не только преувеличена, но совершенно не верна, так как из этого общества не было выслано ни одного человека. Что же касается того, будто три человека достигли вершины, то это такой вздор, который могут допустить только люди, не выдавшие Коштан-тау и не знающие того, что делается там в сентябре месяце».

Вот это последнее замечание и вызвало, вероятно, самое большое негодование у местных чиновников, считающих — может, и справедливо — что не гражданскому чину сомневаться в правдивости их донесений и рассуждать, могут или нет горцы покорить вершину, которая им куда ближе и роднее, чем Н. В. Жукову.

Уже в № 57 газета «Кавказ» публикует к сообщению ассессора своеобразный комментарий начальника 3-го участка Нальчикского округа подполковника Ловена. Письмо его озаглавлено «Еще о погибших английских альпинистах Донкине и Фоксе» и направлено из слободы Нальчик 25 февраля 1889 года. В своем ответе Ловен иронично называет ассессора «Жуков 2-й» не потому, что хочет его унижить, а по той причине, что фамилия начальника отделения съемки, как оказывается, тоже была Жуков. И поэтому он, как начальник, естественно, Жуков 1-й.

Итак, Ловен пишет, что «нисколько не желает оспаривать энергию и храбрость коллежского ассессора господина Жукова 2-го, который, несмотря на все опасности, в пылу увлечения, уповая на всемогущее «авось», долго и бодро шел вперед, увлекая примером казаков, временами даже сам дивясь их смелости, и, не найдя ничего, вернулся назад.

В неудаче этих поисков, конечно, нельзя винить господина Жукова, но нет также и оснований возлагать ответственность на меня или на жителей.

Горцы ходят, вероятно, не хуже господина Жукова и его казаков и при желании могут подняться на такие высоты, куда, пожалуй, не пойдет даже неустрашимый господин Жуков 2-й. Все дело в умении заставить их себя слушать, а этого-то умения у господина Жукова и нет: не желая понять, что в короткое время, когда большинство населения находилось на полевых работах, невозможно найти людей для поисков, господин Жуков стал кричать и браниться. Поставив себя в такие отношения к горцам, господин Жуков не мог, полагаю, ожидать от них полной готовности жертвовать рядом с ним жизнью при розысках погибших путешественников.

Подробный рассказ о поисках господ Донкина и Фокса напечатан в 279-м номере газеты «Кавказ» за прошлый год; повторять его нет надобности. Добавлю только, что ни господин Вулле, ни переводчик Ригер не заявляли мне о гибели альпинистов, узнал я об этом частно и лично отправился на квартиру господина Вулле, но, не застав его дома, разыскал на улице, где и предложил свое содействие в поисках. При этом объяснил господину Вулле, что, ввиду отсутствия начальника округа, уехавшего с депутатией во Владикавказ, сам не могу отправиться вместе с ним, а так как господин Вулле не мог достать лошадей, то по приказанию моему они были доставлены ему на другой день из ближайших селений.

По требованию моему из Балкарского общества действительно было послано на поиски около ста человек и более пятидесяти из Безенги и Хулама, и неправду говорит коллежский асессор Жуков 2-й, уверяющий, что из Балкарского общества не было послано ни одного человека.

Точно так же неправда, будто бы посланные мною всадники выгоняли жителей на поиски плетью; мои милиционеры – люди деликатные и вежливые, не бранятся и не дерутся.

...По приезде начальника округа из Владикавказа в Безенги были вновь предприняты розыски альпинистов, для чего высланы люди не только из Балкарии, Безенги и Хулама, но даже из Чегема. Несколько раз партии числом до 100 человек поднимались на ледники с одним из лучших охотников и ходоков по горам старшиною Безенгиевского общества таубием Тенгизом Суншевым. Осматривая их, где только это было возможно, спускались в трещины на веревках, а в тех ме-

стах, где видны были скалы, сооружали по приказанию начальника округа груды камней, чтобы иметь возможность, в случае надобности, фактически опровергнуть не в меру фантазирующих корреспондентов и показать, до каких высот доходили поиски. К сожалению, все меры по розыскам погибших оказались безуспешны, но не по вине горцев, а потому, что розыски начаты были слишком поздно. А начали их поздно вследствие позднего заявления переводчика Ригера, который только месяц спустя после того, как пропали господа Донкин и Фокс, сообщил об этом администрации. Следовательно, нет никаких оснований винить в неудаче ни меня, ни горцев. И лица, близкие к погибшим, прекрасно это понимают, потому-то брат покойного В. Ф. Донкина в письме, адресованном на имя маркиза Салисбюри, напечатанном в 33-м номере газеты «Кавказ», и просил выразить глубочайшую благодарность русским властям за доброту, оказанную ими при содействии поискам. Причем власти эти не ограничивались деятельной помощью одному из соотечественников господина Донкина, искавшего своего брата, но высылали по собственной инициативе несколько разведывательных партий и не оставили без внимания ничего, могущего привести к отысканию погибших. А председатель Альпийского клуба письмом от 22 ноября на имя начальника Нальчикского округа сообщил, что на общем собрании клуба единогласно принята резолюция выразить величайшую благодарность Д. А. Вырубову за спешную и великодушную помощь в удостоверении и розыске следов секретаря клуба господина В. Ф. Донкина и господина Фокса.

Таким образом, лица, наиболее заинтересованные в поисках, надеются, что местные власти приняли все зависящие от них меры, чтобы отыскать погибших. Остается недоволен только один коллежский асессор Жуков. Печально, но что же делать: на всех не угодишь».

Ответ подполковника Ловена и его весьма хлесткую иронию по адресу коллежского асессора можно было бы рассматривать, как попытку защитить честь мундира, печатно оправдаться в глазах начальства и общественности, если бы не документальные источники, свидетельствующие, что (ассессор просто не мог этого знать) местные власти сделали все возможное для поиска англичан.

О том, что в Управлении архивной службы КБР имеется обширная «Переписка с начальниками участков о розыске путешественников, английских подданных Донкина и Фокса и проводников, швейцарских подданных, не возвратившихся при исследовании ледников горы Кашка-тау», нам подсказала ученый-архивист Е. С. Тютюнина. Ее до-

тошность, въедливость, буквоедство, строжайшее, не терпящее ни малейших исключений следование канонам и правилам оформления документов порой могли вызывать раздражение, но куда в большей степени – восхищение перед знаниями, опытом, высоким профессионализмом человека, отдавшего работе с историческими документами всего себя.

Итак, вот оно – дело № 7 Управления Нальчикского округа II отделения, озаглавленное «О розыске путешественников английских подданных Донкина и Фокса и проводников, швейцарских подданных Штрейха и Фешера (правильно – Каспера Штрайха и Йоганна Фишера. – *Авт.*), невозвратившихся с г[оры] Кашка-тау и других мест в течение месяца»¹⁰, начатое 13 сентября и оконченное 29 октября 1988 года. За прошедшие 120 лет его открывали, что явствует из листка требования, всего несколько человек. А жаль – чтение прелюбопытное, снимающее практически все вопросы, в том числе и те, что волновали Константина Чхеидзе.

Нет нужды воспроизводить все материалы этого дела на 59 листах с оборотами в основном большого (А3) формата, тем более что почерк писарей не просто оставляет желать лучшего, а требует пристального внимания и определенного разгадывания приводимых текстов. Выберем главное.

Дмитрий Алексеевич Вырубов, состоявший с 1887-го по 1898 год начальником Нальчикского округа – тот самый чиновник, что интересовался древностью и собрал в наших местах большую коллекцию «различных предметов, начиная от каменных топоров и кончая железными ножами и женскими украшениями эпохи позднего Средневековья»¹¹, – сообщает во Владикавказ, что англичане и швейцарцы отправились к ледникам Безенги без местного проводника 28 дней назад. Отнимем от 13 сентября эту цифру и получим 17 августа – начало восхождения иностранных путешественников. И именно в этот день Донкин, как утверждает асессор Жуков, передал записку, в которой просил прислать продукты и сообщал, что вскоре прибудет к балкарской караулке, что под Главным хребтом. Кстати записка эта подписана не Донкиным, а Фоксом и отличается английской дотошностью и скрупулезностью: «Мы отправляемся через горы в караулку. Мы уезжаем отсюда утром. Мы надеемся быть в караулке в четверг или в пятницу. Человеку, который принесет вам эти письма, нужно заплатить. Я ему ничего не дал. Вы должны заплатить за пять дней. Вы уже дали 5 рублей задатка. Итак, приходите немедленно на караульный кош с багажом. В понедельник мы будем

готовы отправиться в Геби. Закажите 7 лошадей из караула в Кибули насколько возможно дешевле. Возможно, что, когда мы будем в горах, если погода будет плохая или на другую сторону перейти нельзя будет, мы вернемся обратно в Безенги...».

Далее к делу приобщена телеграмма из Тифлиса от 14 сентября от английского консула Пиккока с просьбой хранить вещи английских путешественников до их возвращения, а за ней следует сама опись этих вещей. В ней 115 пунктов, которые свидетельствуют, что иностранцы были подготовлены к экспедиции по полной программе.

В мешках находились: одежда – жилеты, фуфайки, брюки, пальто; утварь для еды – тарелки, чашки, сковорода, чайник, ситечко, фляжка; различные вещи – часы, чернильница, портсигар, аптечка, фотоаппараты; снаряжение – палатка, веревки, фонари, альпийская палка. Не будем забывать, что основную часть альпинистского снаряжения путешественники взяли с собой.

Само собой, в списке – сигары: их целый ящик. И, конечно, поданные Великобритании не были бы ими, если бы не взяли в путешествие самого известного англичанина: под номером 48 значатся «два тома Шекспира». Нам незнакомо содержание багажа Дугласа Фрешфильда, побывавшего в ущелье двадцатью годами раньше, но, вероятнее всего, Уильям Донкин и Гарри Фокс были первыми, кто читал в этих местах «Гамлета» и «Отелло».

Переписка набирает обороты: телеграммы, рапорты, отчеты. Наиболее содержателен из них документ (рапорт от 26 сентября 1888 года № 2391), подписанный подполковником Ловеном и содержащий как подробную рекогносцировочную карту мест, где произошли означенные события, так и предположения – что могло произойти с путешественниками. Ловен предполагает, что, по причине сильных туманов, стоявших 18–20 августа, Донкин, Фокс и сопровождающие их швейцарцы не могли преодолеть перевал Ширивик и оказаться в Грузии. С большей степенью вероятности можно говорить о том, что «названные путешественники или попали в глубокую трещину ледника, и если это несчастие с ними случилось, то оттуда, если бы даже и известно было, куда они провалились, достать их уже нельзя. Или же они сорвались со скалы, и их засыпало обрушившимся завалом снега. Или, быть может, от сильного холода где-то в пути они замерзли, и их засыпало снегом». Независимо от того, следует вывод, как они погибли, в настоящее время найти их будет весьма затруднительно, а если это и удастся сделать, то только не раньше июня следующего года, когда стают снега.

Сами розыски описаны подробно, детально, с приведением конкретных мест, фактов, эпизодов, фамилий участников. Здесь протоколы дознаний, отличающиеся особой дотошностью, въедливостью, свидетельствующие о том, что рассматривались все версии происшедшего, в том числе гибели от рук местных жителей. Дознание по личному приказанию начальника Нальчикского округа производил прапорщик Магомет-Мурза Кудашев. Опрошены были практически все, кто общался, видел, слышал об англичанах. Вывод, который можно сделать из протоколов, однозначен: в гибели иностранных путешественников виновата природа.

Уже после завершения работы над этим текстом в наши руки попал фундаментальный труд (даже вес этого тома вызывает уважение – почти четыре килограмма!) Михаила Залиханова «Мой дом Эльбрус», в котором опубликован материал «Как обвинили балкарцев в гибели англичан»¹².

Возражая К. Чхеидзе, академик пишет следующее: «На самом деле, как мне говорил тогда Кази, англичане отпустили своих проводников, сами дошли до подножия Коштан-тау. Здесь установили свой лагерь, а сами пошли на восхождение и где-то на стене они сорвались или их накрыла снежная лавина.

Во всяком случае отец Кази, Касим, и несколько человек из следственной комиссии нашли нетронутый и неразграбленный лагерь иностранцев. Здесь в установленной палатке были обнаружены в наличии деньги, карабины, фотоаппараты и другое снаряжение. Таким образом, ложное обвинение было снято с Безенгиевско-Хуламского общества Балкарии». Но выяснилось это лишь летом следующего года, когда на Кавказ приехала поисковая экспедиция англичан под руководством легендарного Дугласа Фрешфильда (к тому времени ему было уже 45 лет и еще столько же предстояло прожить), в составе Клинтона Дента (знаменитого хирурга), Чарльза Пауэлла (друга Гарри Фокса), Х. Вуллея (спортсмена-фотографа) и четырех швейцарских проводников – Каспера Маурера, Ульриха Кауфмана, Христиана Иосси и Андреаса Фишера, младшего брата пропавшего год назад Йоганна.

Двадцать девятого июля ими была найдена последняя стоянка исчезнувшей группы – под нависающей скалой, на вымощенной камнями площадке лежали спальные мешки, оружие, снаряжение, записная книжка, чуть поодаль, у костровища, посуда и продукты. Все говорило о том, что Донкин, Фокс, Штрайх и Фишер, приготовив место

для ночевки, решили обойти гребень по ледовому склону. Здесь-то и произошла трагедия. Вероятнее всего, альпинисты провалились в одну из многочисленных, скрытых снегом, трещин. Поисковая экспедиция пришла к такому выводу и потому, что на вершине Коштан-тау, куда взойшли Вуллей и Иосси, они не обнаружили ни каменного тура, которые всегда выкладывал в таких случаях Донкин, никаких других следов.

Об этом, как пишет Михаил Залиханов, сообщается «в отчете Английского альпийского клуба, опубликованном А. Лорчем в трудах Кавказского горного общества от 23 декабря 1917 года № 13: «Год спустя Alpine Club снаряжает экспедицию для поисков тел погибших... Кроме задачи найти тела погибших, экспедиция имела еще другую, весьма характерную для английского джентльмена. Решено было туземцев, гостеприимством которых англичане пользовались в течение стольких лет, очистить от несправедливого подозрения в убийстве погибших. Тела альпинистов, как и заранее предвиделось, найдены не были, но удалось констатировать факт несчастного случая.

Под отвесной скалой, немного ниже перевала Уллу-Ауз (Балкария), лежали нетронутыми немые свидетели проведенной ночи. ...Не хватало лишь кирок, ранцев и каната. Тайна была разгадана, и не оставалось ничего иного, как оставить погибших в их могиле под защитой ледяного свода. И звезды лишь у них на страже, блестящая вершина — могильный камень»¹².

В чем же оказалась главная причина неудач в организации поисков альпинистов? Здесь мы вновь вернемся к сообщению коллежского асессора Н. В. Жукова, с чьими высказанными выводами нельзя не согласиться: «Нет сомнения, что главная доля в неудаче нынешних поисков принадлежит переводчику Ригеру, который бездействовал в то время, когда ему было хорошо известно, что у путешественников, после присылки последних вещей, оставалось провизии не более как на два или три дня, а достать ее было негде. Вместо того чтобы немедленно принять меры для розыска путешественников, Ригер не делает ничего почти целый месяц и, наконец, подымается с места, благодаря только случайной встрече с начальником отделения съемки коллежским асессором Жуковым 1-м.

Проверяя работу, начальник отделения 10 сентября проезжал через селение Зиранки и, узнав здесь обо всем, случившемся с путешественниками, посоветовал Ригеру немедленно отправиться в Нальчик, донести об этом окружному начальству, а затем спросить

по телеграфу английского консула в Батуме, не имеет ли он каких-нибудь сведений о путешественниках со стороны Кутаисской губернии.

Ригер отговаривался неимением денег, для того чтобы самостоятельно предпринять что-либо; но если он нашел возможность, прожив в ауле целый месяц, добраться потом до Нальчика, то он мог бы сделать то же самое и раньше. Кроме того, ему было хорошо известно, что в 5 или 6 верстах от селения Зирашки, где он жил, стоит лагерь одного из наших съемщиков, штабс-капитана Лукина, а сообщение с этим офицером было очень легко, потому что лагерь его был расположен у дороги, ведущей из Балкарского общества в Безенгиевское, так что каждый из проезжающих жителей с удовольствием взял бы от него записку, чтобы передать господину Лукину, который помог бы ему, если не розысками, то, по крайней мере, тем, что послал бы казака с донесением обо всем случившемся в Нальчик.

Между тем самый малый выигрыш времени в настоящем случае имел огромное значение: во-первых, беспрестанно падал свежий снег, и отыскать следы путешественников с каждым днем становилось труднее, а во-вторых, в этой местности долго оставался профессор Ворлей (Вуллей), который, несомненно, принял бы горячее участие в розыске погибших соотечественников».

Вот, пожалуй, и вся история про англичан и швейцарцев, чей жизненный путь прервался на подступах к одной из высочайших вершин Кавказа, так и не покоренной ими, но ставшей последним земным пристанищем альпинистов, чья судьба оказалась отражена всего одной фразой на балкарском языке: «Ингилизле акъкъан (саркъкъан) къая» («Скала, где погибли (посыпались) англичане»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиляровский Вл. Восходящая звезда // Гиляровский Вл. Сочинения: В 4 т. М.: Правда, 1968. Т. 1. С. 401.

² Чхеидзе К. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 68–69.

³ Де ла Мотрэ Абри. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 127. Далее: АБКНКА.

⁴ Лонгворт Дж. Год среди черкесов // АБКНКА.

⁵ См. подробнее: Гиппенрейтер Е. Б. Английскому клубу Англии 100 лет // Победенные вершины: 1954–1957. Ежегодник советского альпинизма. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1959. С. 330–347.

⁶ Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913. Приложение: Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе... С. 309–529.

⁷ Туганов Р. У. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи с древнейших времен по 1917 год. Нальчик: Эль-Фа, 1997–2002. Т. 1–6.

⁸ См.: Динник Н. Я. По поводу погибших на Кавказе путешественников-англичан // Кавказ. 1898. № 303, 304; Жуков Н. В. Разыскивание английских альпинистов Донкина и Фокса, погибших при восхождении на Коштан-тау // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1887. Т. 9. № 2. Далее: ИКОИРГО.

⁹ Подробные сведения о розысках погибших английских альпинистов Донкина и Фокса // Кавказ. 1889. 8–9 февр. № 37, 38.

¹⁰ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 132.

¹¹ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 14.

¹² Залиханов М. Ч. Мой дом Эльбрус. М.: Издательский дом НП, 2007. С. 450.

НИЖНЕЧЕГЕМСКИЙ САД КАМНЕЙ

Чегемское ущелье — наша первая любовь: с детских лет бывали здесь, в последующие десятилетия облазили чуть ли не каждый уголок в поисках необычных природных объектов, артефактов прошлого; забирались в такие уголки, где время словно остановилось, а о прогрессе можно было догадаться только по инверсионному самолетному следу, исчезающему буквально на глазах с небесного свода-полотна.

Знали как будто все, но даже не подозревали, что сразу за селением Нижний Чегем располагается удивительный каменный комплекс, достойный пристального внимания и искреннего восхищения. До него нетрудно добраться — перед въездом в селение свернуть направо, проехав под своеобразной аркой из газовой трубы и по дороге с низко продавленной колеей взбираться, никуда не сворачивая, все время вверх и вверх.

В местах этих никто не живет — причина проста: отсутствие питьевых источников. Здесь пасут скот, да и то весьма непродолжительное время: травы обильны, но погода весьма изменчива, особенно в самой верхней точке — на Сабан-коше. Какие-то километры до дна Чегемского ущелья, но случается, что там, внизу, светит солнце, а здесь, на высоте, сумрачно, сыро, прохладно. И это в летнее время. Осенью же туман порой стоит столь плотной пеленой, что опытные пастухи теряются, не могут найти дорогу к кошу. А если заморосит дождь да незаметно сменится (и это в сентябре-октябре!) снежной крошкой, то станет понятно, почему на Сабан-коше пастухи не задерживаются.

Впрочем, цель наша куда ближе: какие-то четыре-пять километров по горной трассе — и глазам открывается удивительный альпийский луг с обильным травостоем, в котором то тут то там виднеются каменные вкрапления невероятного многообразия.

Это действительно что-то трудноописуемое: перед тобой один за другим возникают каменные замки самой различной формы и конфигурации — то устремленные строго вверх, то наклоненные вправо или

влево, сложенные из нескольких исполинов, стоящих ровными рядами, подпирающих друг друга, а то и наоборот – разрушающих, вонзающихся каменной беспощадной иглой в тело собрата. Выщербленные, выглаженные ветрами и влагой, но тем не менее выстоявшие под напором небесной стихии, от дождя, града, снега которой никуда не спрятаться, не скрыться, они, словно непокорившиеся стражи-воины, продолжают нести свою бессменную тысячелетнюю вахту. Причем, что удивительно, все смотрят в одну сторону, а если спускаются по склону, то один за другим, образуя гигантскую, весьма правильно и соразмерно выстроенную лестницу.

А рядом, в какой-то сотне-другой метрах, их собратья – совсем отличные, не похожие на тех, чьими «телами» выстроены могучие крепости. Они настолько колоритны и индивидуальны, что какое-то время находишься под впечатлением: здесь поработали вовсе не бездумные природные силы, а осмысленный разум.

Тут и настоящие колонии «грибов» на точеных ножках. По какой-то ведомой только ему причине небесный воздушный истончил основания каменных великанов, при этом практически не тронув верхушки. Начав, как опытный скульптор, отсекал все лишнее, он внезапно прервал свою работу, посчитав ее законченной. К другим он отнесся с большим тактом: кому-то обрисовал лицевой абрис, столь схожий с человеческим, кому-то придал вид животных – как легко узнаваемых: коровы, серны, льва, кошки, так и фантастических, вымышленных, вошедших в знаменитый бестиарий Борхеса¹. Здесь и выравниватель (схож со слоном, но куда крупнее, с коротким хоботом и длинными прямыми клыками), и пожиратель теней (с передом крокодила, туловищем льва и крупом гиппопотама), и бурак (с человеческим лицом, ушами осла, туловищем лошади и хвостом павлина), и гиппогриф (помесь лошади и грифа), и перитии (тоже помесь, но оленя и птицы), и уроборос (змея, кусающая свой хвост).

И вот что удивительно – имеется целая поляна, причем огромная по своим размерам, подобных каменных чудищ. Причем все они расположены по отдельности и на определенном расстоянии друг от друга, словно в музее под открытым небом. Создается ощущение, что кто-то, обладающий недюжинной силой, расставил экспонаты по только ему ведомому ранжиру и принципу: рядом с прижавшимся к самой земле диковинным зверем, словно затаившимся в вечном прыжке, – семиметровой высоты истукан, чей осмысленный взгляд, кажется, сопровождает тебя повсюду.

Ощущение, что за тобой, прогуливающимся между экспонатами природного парка, внимательно наблюдают, не покидает. Только кто и откуда, с земли или неба?.. Это ощущение еще больше усиливается, когда ты прикасаешься руками к каменным телам, усаживаешься на спины-сиденья, и кажется, что не они передают тебе накопленное июльское тепло, не ветерок овеивает лицо, а само время греет, дышит тысячелетиями своей истории.

Здесь, в местах, практически не знающих людского присутствия, еще не знакомых с разрушительными последствиями человеческой цивилизации, отчетливо понимаешь: нашей планете суждена вечность, та, что даровал ей Создатель, та, что изначально была присуща всему живому. Годы – песчинки, не оставившие и следов на каменных истуканах; столетия – едва заметные морщинки, избородившие их поверхность; тысячелетия – вот кому дано право писать на каменных скрижалях историю происходящего на земле.

И каждый такой каменный истукан – своего рода машина времени, которую не надо создавать (она уже создана самой природой), а надо только суметь воспользоваться. Понять. Открыть. Прочитать.

...Мы посетили Нижнечегемский каменный комплекс в конце июня, как оказалось впоследствии, в самый подходящий для его восприятия момент. Дело в том, что именно в это время здесь всюду цветет азалия – одна из разновидностей горного рододендрона. Зрелище неописуемое и поистине поражающее: гигантские зеленые кустарники, проросшие между каменными глыбами, одновременно раскрыли тысячи желтых головок – узорчато-резных, изящных, ярко пылающих...

Камни в этом вычурном, поистине эстетском пространстве-антураже выглядят как испанские гранды на королевском балу – галантные, импозантные, гордые, величественные. А азалии, непостоянные и ветреные, как и все красавицы, тут же забыв о своих кавалерах, устремились вверх по горным склонам, спрятав их целиком под великолепным воздушным покрывалом, таинственно мерцающим под лучами светила, что-то шепчущим под легкими дуновениями воздушного странника.

С ними соревнуются лютики – целые поля из лютиков, вымахавших чуть ли не на метровую высоту – маслянистых, отражающих точеными лепестками солнечные лучи. И среди них – как корабли в бескрайнем море, как конники, остановленные на полном ходу, как странники, застывшие на вечном привале, – блестящие камни. Большие и маленькие, словно бусинки ожерелья, рассыпанного и так и не подобранного мифическим великаном.

Почему земля столь обильно выдвинула их из своего чрева именно в этом месте? О чем свидетельствует их расположение, на первый взгляд хаотическое, но отнюдь не такое, если взглянуть на комплекс с высоты: каменные нагромождения составляют если не идеальный, то весьма пропорциональный геометрический рисунок.

Какой природный разлом проходит здесь – ведь Сабан-кош расположен напротив знаменитого «лагеря» лашкутинских истуканов². По большому счету, они и нижнечегемские великаны – каменные собратья, только избравшие разные ущелья для обитания: одни – Чегемское, другие – Баксанское.

Ответы на заданные вопросы, конечно, есть, но, право, лучше их не знать, дабы не принижать таинственную притягательность этих мест, где прошлое не просто живо, а осязаемо, зримо, реально.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борхес Х. Л. Письмена Бога: Бестиарий. М.: Республика, 1992. С. 317–358.

² Лашкутинские истуканы // Необъяснимое. Непознанное. Невероятное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 193–197.

ИДОЛ УРОЧИЩА ТУУЗ-СЫРТ

Об этих необычных камнях мы впервые узнали из путеводителя «Туристскими тропами в глубь веков»¹. Его автор – самобытный ученый Исмаил Мизиев, известный своими трудами по истории и этноархеологии балкарцев и карачаевцев, – личность неординарная, масштабная. Человек энциклопедического ума, он посвятил свой талант и знания этногенезу тюркских народов. Физический недуг – чуть ли не 20 последних лет жизни И. Мизиев был прикован к постели – отрезал его от археологических экспедиций и сбора полевого материала, но не отразился на духовном мире, отношении к жизни. Постоянный научный поиск, умение удивляться и удивлять, неиссякаемое желание вглядываться, а главное – переосмысливать прошлое не могли не рождать уважение и восхищение у большинства из тех, кто знал этого подвижника. Как и зависть, недоброжелательность его, так сказать, оппонентов.

Впрочем, здесь лучше привести высказывание известного российского ученого, основателя современной кавказоведческой школы, профессора В. Б. Виноградова: «Еще один важный элемент этнографической проблематики 1980-х годов – это стойкая и последовательная защита бесспорного для меня права мужественного и видного балкарского ученого Исмаила Муссаевича Мизиева, скончавшегося в 1994 году не без воздействия развернутой вокруг него травли, иметь, обнародовать и отстаивать свои взгляды на происхождение балкарцев и карачаевцев Северного Кавказа.

Тот шабаш, который был устроен некоторыми археологами вокруг выхода в свет под моей редакцией и с моим проблемным предисловием монографии тяжелобольного И. М. Мизиева, подготовившего уже и докторскую диссертацию... не скомпрометировал безвременно ушедшего из жизни коллегу и не снял актуальности поднятых им проблем этнической истории, требующих объективного и непредвзятого исследования»².

...Мы общались с Исмаилом Муссаевичем в 1995 году, когда готовили к печати в издательстве «Эль-Фа» его последнюю, как вскоре

стало ясно, прижизненную книгу — «История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура»³. Его привозили к полиграфическому комбинату им. Революции 1905 года на инвалидной коляске, и понятно, что ни о какой беседе в издательском кабинете, располагавшемся на третьем этаже, и речи не могло идти. Один из авторов этих строк спускался вниз, и на лавочке под тенистыми деревьями, что растут на проспекте Ленина, осуществлялась редакторская работа, вносились правка и изменения в корректуру.

Порой дело доходило и до споров — в отстаивании разработанной им концепции происхождения карачаево-балкарского этноса ученый был весьма последователен, но возражения оппонентов не отрицал, так сказать с порога, а всегда внимательно выслушивал, анализировал, творчески воспринимал. И если понимал, что не прав или неубедителен, вновь и вновь пытался докопаться до сути происходивших явлений, событий, трактуемых источников.

Тех, кто хочет побольше узнать о духовном мире известного исследователя Кавказа, нашего современника, прожившего всего 57 лет (1940–1997), но оставившего заметный след в тюркологии, отсылаем к выпущенному нами мемориальному сборнику «Исмаил Мизиев: путь к истокам»⁴, в который вошли биографический очерк с анализом монографических работ, воспоминания современников, отрывки из записных книжек, библиография трудов ученого.

Мы же вернемся к самим каменным божествам. В путеводителе о них сказано следующее: «К юго-востоку от селения Нижний Чегем, в густом лесу урочища Тууз-Сырт, в 1959 году было обнаружено древнее изображение животного, высеченное из цельной гранитной глыбы, высотой около 4 метров». И еще одно предложение: «В этом же урочище был обнаружен огромный стоячий камень — менгир».

Речь наша только о менгире по той простой причине, что каменное изваяние животного (хотя, судя по имеющейся в том же путеводителе черно-белой фотографии, его в большей степени можно соотнести с мужским детородным органом — фаллосом, ассоциирующимся у древних с зарождением жизни) со временем оказалось утеряно. И судя по всему, окончательно. Пятьдесят лет — срок небольшой, но ни один из множества опрошенных нами жителей Нижнего Чегема не смог указать место, где находится это изваяние: вспоминали, что слышали о нем, кто-то даже видел, но большего узнать не удалось. И этому есть свое объяснение. Обнаружили его, напомним, только в 1959 году, хотя, естественно, находилось оно здесь многие столетия.

И, без сомнения, было известно проживавшим людям. Но так как в 1944 году балкарцы были депортированы сталинским режимом из родных мест и вернулись только спустя 13 лет, вероятнее всего, сведения и память о предназначении божества ушли вместе со стариками, в первую очередь пострадавшими от выпавших на долю народа испытаний и которых в чужой земле осталось больше всего.

В последующие же годы на судьбу каменного изваяния повлияло отсутствие подлинного интереса к этнической истории, варварское отношение к языческим памятникам. Уточним, божество, без сомнения, находившееся в первоначальном состоянии – в вертикальном положении, было найдено низвергнутым, более того, разбитым (судя по всему, при падении) на две неравные части. Со временем, оно просто-напросто могло уйти в землю или зарости кустарником и травой до такой степени, что стало практически незаметным, под силу было найти его местонахождение только хорошо знавшему человеку. Таких по прошествии полувека не нашлось...

А вот менгир оказался известен многим нижнечегемцам – кто-то забирался на него, будучи ребенком, кто-то пас поблизости скот... Здесь, наверное, самое время сказать несколько слов о том, что такое менгиры. Это мегалитические сооружения – вертикально врытые в землю длинные камни, обработанные человеком. Длина их достигает пяти метров. Известны подобные каменные истуканы, расположенные в Западной Европе, Северной Африке, на территории бывшего СССР – на Украине (Шибинские менгиры), на Северном Кавказе – в Кабардино-Балкарии, в частности, в Северном Приэльбрусье – урочище Джилы-су.

Нижнечегемский менгир, судя по фотографии в путеводителе, значительно отличался по размерам (высоте, обхвату) от последних, изображавших фигуру воина с ручной проработкой деталей лица и экипировки. Хотелось поскорее и поближе познакомиться с туузсыртовским каменным истуканом, но, тем не менее, наш путь к нему растянулся на целых два года. В первый раз помешала погода – лето оказалось настолько дождливым, что земля в урочище не просыхала. Глинистая колея, буквально проеденная бесконечными дождями и ручьями, опустилась настолько, что внедорожник чуть ли не намертво сел на первом же пригорке. На следующий год не смогли найти проводника, располагающего свободным временем. И наконец, нам повезло. Познакомились с Кайсыном Мизиевым – родственником знаменитого ученого. От него-то и узнали, что до урочища Тууз-

Сырт вовсе не обязательно добираться на машине, а следовательно, ждать осени, когда заготовители сена приведут горную дорогу в порядок. Есть и пешая, причем короткая, тропа, которая займет каких-то полтора-два часа, а то и меньше.

И вот июньским солнечным днем мы двинулись в путь. Тропа, ведущая от сельского кладбища, практически сразу уходит вверх, порой излишне круто – земля все время перед глазами. Подъем затяжной, тем более что на пути весьма глубокий каньон, который приходится обходить, что удлиняет дорогу. Тем не менее эти три-четыре километра по силам одолеть и неподготовленным туристам.

Вот и само урочище, огромная поляна, освещенная солнцем и обильно заросшая летними травами. На левом краю, в редком перелеске, и расположен менгир. Деревья вокруг него все сравнительно молоды – им четыре-пять десятков лет, и следовательно, еще совсем недавно менгир стоял на открытой местности – на самом краю обширной, пригретой светилом поляны, словно истукан у изголовья огромной площадки посреди леса, своего рода божество, охраняющее это воистину райское место. Правда, по преданиям, раньше менгир будто бы находился в самом центре поляны, а лет сто назад балкарцы перенесли его на нынешнее место. Но с чем это было связано, с помощью каких приспособлений, а главное, с какой целью осуществлено – неизвестно, а значит, означенными преданиями можно пренебречь.

Тем более что камень достаточно впечатляющ и велик: общая высота около пяти метров. Говорим «около», потому что от поверхности земли до верхушки истукана примерно три с половиной метра, еще более чем на метр он уходит в землю (если бы был закопан на меньшую глубину, то при своем многотонном весе вряд ли бы удержался в вертикальном положении). Обхватить его не под силу двум взрослым людям. А так как длина расставленных рук взрослого человека в среднем составляет 175 сантиметров, значит, ширина нижнегемского камня более четырех метров.

Форма у него не круглая, как у джиры-суйских истуканов, кстати говоря, выглядящих карликами в сравнении с этим гигантом, а вытянутая, чем-то напоминающая доисторический каменный нож огромных размеров. Такие же суженные по ширине края и верх, завершающийся конусом. Видны следы ручной обработки, причем достаточно объемной и многотрудной – древние мастера немало времени отдали как грубой каменотесной работе, так и тщательной шлифовке.

Но детализации, как и надписей, нет – это именно камень, которому придана определенная форма.

Менгир, если смотреть на него со стороны селения, наклонен чуть назад и влево: скорее всего он покосился от времени, силы ветров, обилия дождевой и снеговой влаги.

Естественно, сам собой возникает закономерный вопрос: зачем, для чего здесь был установлен этот камень-символ? Современная наука не дает однозначного ответа на этот вопрос.

Вот что пишет ученый А. Гурштейн: «Диковинные, грубообработанные камни, эпоху которых отделяют от наших дней, по крайней мере, 5–6 тысячелетий, раскиданы по многим уголкам Атлантического побережья Европы»⁵.

Другой ученый, Дж. Хокинс, вторит ему: «На этих древних камнях нет ни посвячительных надписей, ни строительных отметок – ничего, что бы могло рассказать о них»⁵.

«Среди северных арабских племен, – читаем в книге «Жизнь Мухаммеда», очень сильно было распространено почитание бетиллов – вертикально поставленных камней, в которых воображение часто позволяло угадать существо, напоминающее человека. ...Крупные каменные монолиты причудливой формы, созданные ветровой эрозией, одиноко стояли в степи на своих постоянных местах и сильно действовали на воображение своим загадочным видом и необъяснимостью появления вдали от скал и гор»⁶.

О «гладко обточенных камнях» писал знаменитый русский путешественник В. К. Арсеньев, задаваясь все тем же вопросом: с какой целью они были установлены?

Среди предлагаемых версий – надгробный памятник. Но в древности в наших местах, как свидетельствуют археологи, не было принято так возвеличивать умерших, даже самых великих, олицетворяемых с богами. Именно это – отсутствие захоронений около прямостоящих камней – не позволяет ученым с большей или меньшей точностью датировать установку истуканов.

Древнеязыческое божество? Но тогда почему оно сохранилось в единственном экземпляре и в других ущельях не встречается?

Место поклонения? Место жертвоприношения? Сакральное культовое место? Но поблизости нет развалин поселений.

Камень-обсерватория? В одноименной статье исследователь Александр Левин достаточно убедительно развивает эту версию, но наша попытка ориентировать чегемский менгир по восходу солнца

или сторонам света не увенчалась успехом. Впрочем, если вспомнить, что мегалит перемещался, то она (ориентация) заранее была обречена на провал.

Камень-указатель? Ведь «самое надежное хранилище золота, серебра, драгоценных украшений — захоронение в земле. Каменные столбы-тригопункты не могли не быть ориентирами для маркировки мест захоронений сокровищ»⁷. Но металлодетектор, с которым мы обошли вокруг мегалита и поблизости, более того, всю поляну по периметру, не показал ничего, кроме металлических деталей от колесиков и тракторов.

Зато биолокационная рамка, которую один из авторов этих строк тайне от других своих излишне рациональных спутников (дабы не быть поднятым на смех) вытаскивал и опробовал, тут же завертелась, как сумасшедшая, и так и не остановилась. О наличии каких ископаемых, геопатогенных зон или чем-то присутствии она пыталась сообщить, осталось неизвестным. Люди и сегодня здесь гости нечастые и немногочисленные — сельские пастухи в летнее время, косари ближе к осени. И это ныне, когда окрестный ландшафт цивилизация изменила. Мы не говорим — плохо это или хорошо, а просто констатируем. Тогда чье внимание должен был привлекать менгир?

И не менее важный вопрос: почему он установлен в этом месте? Только ли по причине того, что земля вытолкнула его именно здесь из своего чрева, что он уникален? Ведь ни рядом, ни поблизости подобных гигантских камней больше не встречается. Но тогда зачем, если верить приведенному выше преданию, его перетаскивали? А если не перетаскивали, то тогда как устанавливали? Такую громадину сдвинуть с места можно лишь с помощью специальных приспособлений и физических усилий немалого числа людей. Приспособления (а какие они могли быть, кроме веревок и деревянных брусков?) могли только чуть облегчить транспортировку и установку менгира, но основные трудности должны были преодолеть люди. Да, возможно, с определенной помощью тяглового скота, но в большей степени — руками. Спрашивается, зачем так напрягать себя, если по другую сторону нынешнего селения Нижний Чегем подобных камней не один, не два — десятки, сотни, и многие из них сама природа установила вертикально, более того, уже сама придавала некоторым форму их тууз-сыртовского собрата. Выбирай любой, обожествляй — надейся, проси, верь... И откроется, и исполнится, и сотворится чудо...

Потому и выбрали мегалиту место именно здесь, потому-то, прилагая нечеловеческие усилия, тащили его издалека, словно призванные (а может, облеченные?) высшей силой, — установить знак, отметить событие, прикоснуться к непознанному.

Дело в том, что у авторов есть свое объяснение появлению менгира в урочище Тууз-Сырт, но лежит оно за пределами рационального, а поэтому весьма далеко от конкретных научных предположений, исторических параллелей и разработок и потому весьма попахивает сумасбродством. Да чего там — скажем прямо — откровенным шарлатанством. Но тем не менее хочется высказать и эту экзотическую, а вернее, космическую версию. На поляне с установленным менгиром в наше время неоднократно наблюдали светящиеся шары, а проще говоря, неопознанные объекты, вплоть до лицезрения представителей иного разума. И если предположить, что свидетелями подобного же присутствия становились люди, жившие века назад, не отягощенные знаниями, верящие (по причине своих языческих воззрений) в небесную силу, то вполне объяснимо их желание установить на месте встречи с запредельным (вероятнее всего, к тому же, исполнявшим их нехитрые желания), памятник высшему божеству. Каковым и стал менгир. Малоубедительно? Не спорим. Но куда более убедительно то, что ныне происходит в Тууз-Сырте и чему есть немало свидетелей.

Впрочем, это уже совсем другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 37.

² Виноградов В. Б. Мое «народоведение» // Россия и Северный Кавказ: «Ничего не утаю...» (Л. Н. Толстой). Армавир, 2003. С. 58.

³ Мизиев И. М. История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура. Нальчик: Эль-Фа, 1996.

⁴ Исмаил Мизиев: путь к истокам. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.

⁵ Цит. по: Левин А. Камень-обсерватория // Книга тайн. М.: Общество по изучению тайн и загадок Земли, 1991. С. 158.

⁶ Панова В. Ф., Вахтин Ю. Б. Жизнь Мухаммеда. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 19.

⁷ Цит. по: Левин А. Указ. соч. С. 166–167.

ЧЕГЕМСКОЕ УЩЕЛЬЕ – ПОЛИГОН НЛО?

У жителей Нижнего Чегема с тууз-сыртовской поляной – ее прекрасно видно из селения – связано немало необычного, труднообъяснимого, таинственного. Прежде всего, потому, что в ночное время здесь неоднократно наблюдали непонятное свечение, яркие вспышки, светящиеся объекты в виде шаров и сфер. Вот лишь один из подобных фактов, о котором рассказал нам уже знакомый читателю местный житель Кайсын Жазаев. Причем все детали, подробности и имена из него приходилось вытягивать чуть ли не клещами, так он смущался, боясь, что его заподозрят в неискренности, а то и хуже – во лжи, поднимут на смех, примут за выдумщика, решившего нажить какие-то дивиденды на популярной теме об инопланетном разуме.

Выполняя данное Кайсыну обещание, что мы ни на йоту не отойдем от реальной картины, более того – опустим фамилии конкретных свидетелей, воссоздадим события 2005 года.

...В один из дней поздней осени (где-то в конце октября – начале ноября) Жазаев находился в гостях у зятя, Хасана, живущего на улице Аккизова. Часов в одиннадцать вечера вышел из дома и обратил внимание, что над урочищем Тууз-Сырт видно какое-то сияние.

Неосознанно подумал: «Кто же это ночью на машине по поляне разъезжает, ведь там-то и днем с трудом проедешь?» Пригляделся внимательнее и понял, что это не свет фар автомобиля водителя-экстремала, и даже не лунный луч, а сияние, исходящее от зависшего прямо над поляной (или приземлившегося?) объекта круглой формы.

Кайсын долго вглядывался в происходящее на поляне, в один из моментов ему даже показалось, что вокруг объекта происходит какое-то движение, и, чтобы проверить, не чудится ли ему все это, он позвал зятя. Тот вышел из дома, увидел объект, но объяснения тому, что это могло быть, не нашел. На предложение Кайсына подняться к поляне ответил отказом. Не потому, что испугался, а посчитал происходящее не стоящим внимания, а главное – расстояние смущало: далековато до поляны добираться, тем более в сплошной темноте,

по оврагам и буеракам. Но в одном с Жазаевым согласился – это не свет от фар, тем более костров. Контуры объекта были достаточно зримы и даже примерно (с поправкой на расстояние) определяемы – где-то метров пятнадцать или чуть больше.

Кайсына же не оставляло желание увидеть поближе светящееся чудо, и ночная ходьба его вовсе не смущала: по горам ежедневно с коровами десятки километров исходил, все тропинки вокруг Нижнего Чегема вдоль и поперек знает, хотя и не думал, имея два диплома и высшее инженерное образование, что придется стать пастухом.

На разговор Кайсына и Хасана вышел сосед-кузнец, его домо-чадцы. Смотрели заворуженно, не могли понять, что там над Тууз-Сыртом зависло. На реплику Жазаева, что это НЛО, дружно рассмеялись, а на предложение пойти посмотреть также ответили отказом. Попытался Кайсын мужиков поддеть словами: «Если не верите, то тогда чего боитесь?», – но отклика не нашел.

А сам никак не мог успокоиться: сообщил о происходящем племяннику, тот тоже не захотел идти. Позвонил родственнику жены, живущему ближе других к лесу, поинтересовался, видит ли он объект, не хочет ли подняться на поляну. Родственник подтвердил, что видит, но компанию в прогулке составить отказался, ответил со смехом: «А вдруг заберут?». Не выдержал тут Кайсын, высказался от всей души о своих собеседниках: мол, «когда говорю, что это НЛО, ухмыляется, а предлагаю проверить – отказывается. Неужто боитесь?!»

Все эти переговоры и наблюдения продолжались около часа. Объект все это время висел над Тууз-Сыртом, призывно мигал, словно приглашая людей подойти поближе, но так и не дождавшись желающих вступить в контакт, стремительно – в одно мгновение – взмыл вверх и растворился в черной мгле.

Так свидетелями чего стали многие жители Нижнего Чегема тем поздним вечером? Приземления (зависания) инопланетного корабля? Необъяснимого природного явления? Оптического обмана? Или (объяснение, удовлетворившее и успокоившее большинство нижнечегемцев) поиска с горящим факелом кем-то из односельчан потерявшегося теленка?

Мы пытались ответить хотя бы для себя на этот вопрос. Собеседники наши смущались, переводили разговор на другую тему, хотя все до единого подтверждали: «Да, видели какое-то непонятное свечение: объект не объект, но огромный шар точно».

А еще один местный житель, Али Шаваев, рассказал, что видел подобный шар двумя годами раньше. Как-то ближе к полуночи он вы-

шел на улицу и прямо над Сулу-колом (водяная балка), что вздымается круто вверх прямо за его двором, заметил непонятный светящийся предмет круглой формы, застывший над одним местом. Ночь была туманная, беззвездная, и от этого диск выделялся отчетливо. Никакого отношения к природным явлениям иметь он не мог, тем более что ни молний, ни всполохов не наблюдалось, спутать с луной его при всем желании было невозможно — висел достаточно низко над землей, продолжительное время совершенно неподвижно, цвета был не желтоватого, а ярко-белого, схожего с люминесцентным, формы — идеально ровной, без всякого намека на иллюминаторы.

Али позвал соседа — Эльдара Мизиева, тот вышел, и они уже вдвоем минут десять-пятнадцать наблюдали за неопознанным объектом, гадали, что бы это могло быть, а потом увидели, как диск неожиданно пришел в движение, стал словно нехотя подниматься вверх и вскоре исчез из поля зрения.

Уточним, что Сулу-кол находится на противоположной от урочища Тууз-Сырт стороне и диск (шар), который наблюдал Кайсын Жазаев и его родственники, и тот объект, что видел Али Шаваев с соседом, географически привязаны друг к другу, хотя и разъединены во времени.

Впрочем, Чегемское ущелье можно рассматривать как своеобразный полигон для неопознанных летающих объектов, появление которых здесь нередко. Мы уже писали (правда, с изрядной долей юмора и скепсиса) о В. П. Кострыкине¹, чье имя встречается в десятках российских и зарубежных уфологических изданий. (В частности, в «Энциклопедии визитов НЛО»² сообщается, что «летом 1968 года вблизи Нальчика контактер Виктор Петрович Кострыкин стал очевидцем приземления дискообразного НЛО»). Так вот, его контакты (предоставим читателю право брать или нет это слово в кавычки) с инопланетянами проходили практически в этих же местах — селения Нижний Чегем и Хушто-Сырт соседствуют: расстояние по трассе между ними меньше десяти километров. И что бы там ни говорили о Викторе Петровиче (в застойные советские времена его даже упекли — правда, ненадолго — в психушку за то, что достал всех своими откровениями), но когда множество людей подтверждают, что они были свидетелями необъяснимого, хочется если и не поверить, то хотя бы разобраться и чуточку понять, оценить происходящее.

Вот и глава администрации Хушто-Сырта Ескендер Гижгиев, пришедший в наше издательство с рукописью книги о родном селении,

вспомнил, что и он как-то видел огромный светящийся шар в районе Кум Тюбе. Плато это, располагающееся все в том же Чегемском ущелье, только повыше, известно за пределами Кабардино-Балкарии куда больше, чем в самой республике. И поэтому рассказ о нем заслуживает отдельного разговора...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Контактер из Хушто-Сырты // Необъяснимое. Непознанное. Невероятное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 53–57; С. 31–34 данного издания.

² Энциклопедии визитов НЛО. М.: Вече, 2008. С. 94.

ИЗ ЭЛЬТЮБЮ В КУМ ТЮБЕ

В «Энциклопедии визитов НЛО»¹, рассказывающей в хронологическом порядке (с древнейших времен до наших дней) о проявлениях инопланетного разума, название «плато Кум Тюбе», что в Чегемском ущелье, встречается неоднократно. Вот эти сообщения.

«9 сентября 1988, между 20:00 и 21:00. Плато Кум Тюбе (аномальная зона «Альфа») – высокогорный район вблизи реки Чегем в Чегемском ущелье и Бокового хребта в Кабардино-Балкарии, СССР.

Сотрудники гляциологической экспедиции «Севкавгидромета» наблюдали 5 светящихся шаров, вытянутых цепочкой, у вулканического массива. Расстояния между шарами были одинаковые. Диаметр каждого 2–3 метра.

В ту же ночь, там же, около 24:00.

Несколько отдыхающих высокогорной турбазы видели над вулканическим массивом 5 шаров, «построенных» двумя рядами: 3 – в верхнем, 2 в нижнем. [Записал со слов очевидцев В. Чернобров в 2001 году]».

«27 марта 1990, около 24:00. Плато Кум Тюбе (аномальная зона «Альфа») – высокогорный район вблизи реки Чегем в Чегемском ущелье и Бокового хребта в Кабардино-Балкарии, СССР.

Над вулканическим массивом наблюдался НЛО дирижаблевидной формы, светящийся желто-оранжевым светом. НЛО выпускал вниз тонкий голубой луч, затем исчез за хребтом».

«3 июня 1990, 23:53. Плато Кум Тюбе (аномальная зона «Альфа») – высокогорный район вблизи реки Чегем в Чегемском ущелье и Бокового хребта в Кабардино-Балкарии, СССР.

Очевидцы над горным вулканическим массивом заметили куполовидное свечение. Цвет ярко-желтый, по краю красная кайма. Продолжительность явления – около 30 мин».

Теперь, надеемся, понятно, почему нас так тянуло в Кум Тюбе? Стали выбирать маршрут. Понятно, что самым оптимальным было воспользоваться вертолетом, как и поступили участники экспедиции, чей отчет мы только что процитировали, но подобной возможности нам никто не предоставил.

Изучив внимательнейшим образом карту, выяснили, что самый короткий путь до таинственного плато проходит по ущелью Джилги — каких-то 13–15 километров пешком. Подсчитали: день туда, день обратно и день на месте. Вполне нормально. Команда собралась довольно большая — помимо авторов этих строк в нее вошли две супружеские пары: нальчане Андрей и Наташа (о них будет рассказано в материале «Мегалиты Звездного») и москвичи Юрий и Татьяна (профессиональные, скажем так, туристы, исходившие нашу республику вдоль и поперек). Вошел в нашу компанию и поляк Павел Кравчик — спелеолог-любитель, об особом отношении которого к Кабардино-Балкарии мы рассказали в очерке «Каменноостские катакомбы»².

В Эльтютю прибыли ранним утром. Первым делом нашли Исхака Газаева — летописца и исследователя Верхнего Чегема, которому в этих местах знаком практически каждый камень. Исхак встретил нас как всегда радушно, пытался усадить за стол, но, услышав о цели приезда, был весьма удивлен и долго в недоумении качал головой. Оказалось, что Джилги — ущелье весьма и весьма непростое: там нет выпасов, а следовательно, натоптанных троп. К тому же, в силу разного рода причин, в последние годы в местах этих не только пешие, но и конные — редкие гости, а значит, тропка, как таковая, перестала существовать — где заросла, где обвалилась, где смыта водой.

То есть придется идти по местности, для ходьбы вовсе не предназначенной — по каменным выносам, заросшим можжевельником склонам, отвесным скальным выступам. И все время вверх — перепад высот от начала ущелья до самого плато составляет более двух километров. Не случайно Джилги считается третьим — после ущелий Дых-Су и Гистанты — по трудности.

Уже после той поездки в наши руки попала знаменитая работа В. Тепцова «По долинам Кубани и Терека», в которой он писал об этих местах: «Мрачное ущелье Джилки-Су отличается необычайной дикостью и таинственностью. Царствующую в ущелье тишину нарушает только журчанье чистого, как слезы, ручья. Сюда не проникает ни один даже самый легкий ветерок. Ущелье это замкнуто со всех сторон высокими скалами и не принимает ни единой боковой долины. Над скалами описывают свои загадочные круги громадные орлы, обучая молодое поколение искусству добывать пищу. В многочисленных пещерах слоистых известковых скал гнездятся ночные хищники. Мрак в ущелье наступает задолго до заката солнца. Совы и филины вылетают из своих убежищ и своим неприятным криком наводят

уныние на посетителя их таинственного царства. Если посетитель вздумает произнести слово или крикнуть, то испугается собственного голоса. Есть места, где эхо повторяет сказанное слово 6–7 раз. Выстрел раздается здесь как грохот орудийного залпа, и гул от него долго не смолкает.

Остатки на скалах древних сооружений, до которых уже нет никакой возможности добраться, когда-то обитаемые пещеры, к которым вели высеченные в скалах лестницы, разрушенные временем; громадная четырехгранная башня у ворот в ущелье, силуэты памятников на древних кладбищах у южного подножия скал — все это делает ущелье Джилки-Су еще более таинственным и красивым»³.

Но в тот момент уже одно красноречие обычно молчаливого Исхака, пытавшегося отговорить от путешествия, должно было нас смутить, внести нотку сомнения в замышляемое. Не прислушались — и, как оказалось впоследствии, совершенно зря. Полтора десятка километров пусть и по горной местности казались вполне преодолимым маршрутом, тем более что впереди был огромный световой день — целых двенадцать часов. Неужто за каждый из них мы не одолеем чуть более тысячи метров?! Тем более что первые полторы тысячи пролегли по весьма натоптанной тропинке, ведущей к знаменитой Греческой лестнице, называемой балкарцами «Битикле», и которые заняли каких-то двадцать минут.

Так-то оно так, но натоптанная тропинка исчезла практически сразу за развалинами крепости, некогда прикрывавшей существовавшее здесь поселение, от которого остались только ушедшие в землю, заросшие травой каменные плиты. Ее поиски — для чего мы разделились на две группы: одна пошла поверху, по-над скалами, другая понизу, вдоль речки, — ни к чему не привели. Тропинка, если она и была раньше, то теперь просто-напросто перестала существовать. И если на каких-то определенных участках нам еще казалось, что мы наконец-то нашли ее, то уже через десяток-другой метров уверенность эта исчезала, и мы останавливались, не понимая, как преодолеть очередное препятствие.

А препятствий этих было не одно, не два и даже не десяток — буквально каждый метр приходилось преодолевать с трудом, напряжением, обдумыванием, куда поставить ногу. По правую сторону устремлялись, упираясь своими пиками в голубое июльское небо, сложенные из темно-коричневых складчатостей отвесные горы, выпертые столбами из земли. По левую сторону такие же ярко выра-

женные горизонтальные складчатости – чуть более покатые, заросшие кустарником и травой. Вот и решай, где легче идти.

Справа? Если в других ущельях языки каменных выносов составляют десятки метров, то в Джилги они протянулись на сотни. Перепрыгивая с камня на камень, то и дело рискуешь попасть в расщелину и сломать ногу. Тем более что каменные потоки движутся под тяжестью тела, от малейшего давления начинают плыть, словно живые, увлекая за собой вниз, в пропасть, до которой лететь десятки, а то и сотни метров. И вот что интересно – можжевельник, дикие кустарники, в том числе и плодоягодные – крыжовник, смородина, должны были как будто хоть как-то скрепить почву, но этого не произошло. Сползаешь вместе с кустарниками, через которые еще надо пробраться. Впрочем, понятно, почему это происходит: магматические породы под влиянием природных стихий постоянно разрушаются, осыпаются и долговременную тропинку здесь невозможно проложить в принципе.

Слева? Действительно, заросшие лесом склоны внушают большую уверенность и надежность – во всяком случае, при падении будет за что уцепиться. Но при ближайшем рассмотрении понимаешь, что надежда на деревья, как на друзей человека, дарующих ему на равнине тепло и уют, здесь, в горах, не менее призрачна. И они ничем не лучше, чем бессердечные камни. Поваленные сгнившие стволы, то и дело перегораживающие дорогу, которые нельзя обойти – столь узкая площадка, на которую они упали, а можно только перелезть с риском не удержаться на склизкой замшелой поверхности.

Крапива, стоящая непреодолимой стеной, ползучие растения, через которые приходится в прямом смысле этого слова пробиваться, не просто удлиняют путь, а делают его бессмысленным. Тем более когда в один из моментов, забираясь все выше и выше, ты вдруг замечаешь, что многометровая отвесная пропасть не только справа от тебя, но и впереди. И ее не перепрыгнуть, не преодолеть, а следовательно, надо возвращаться назад и искать другую дорогу.

Но если нет дороги ни справа ни слева, то, быть может, стоит идти по самой речке? Хороший совет, ничего не скажешь, только совершенно невыполнимый. За тысячелетия вода действительно промыла дорогу, но только для себя.

Выше мы говорили о перепаде высот, характерном для Джилги, отсюда ясно, что речка (вполне понятно, что она называется по имени ущелья Джилги-Су) на всем своем протяжении не имеет спокойных участков, тем более заводей – она бурлит и клокочет, нигде не

притормаживая даже на мгновение на своем чуть ли не отвесном пути. Причем гремит при этом так, что невозможно услышать спутника, находящегося от тебя всего в нескольких шагах.

Вот таким, поистине черепашьям шагом, мы и двигались, то и дело возвращаясь назад по причине того, что впереди одно за другим возникали непреодолимые препятствия, а следовательно, надо было в очередной раз переправляться с одного берега на другой. А Джилгису такое панибратское отношение не то что не прощает – наказывает. Течение бешеное, на относительно ровных участках отнюдь не ослабевающее, вода ледяная: ноги буквально немеют через какие-то секунды и перестают подчиняться. И вполне объяснимо, что многие из нас, независимо от воли и желания, приняли незапланированные освежающие ванны, причем кое-кто неоднократно – ведь переправ было не одна, не две, а добрый десяток. И если вначале один из авторов этих строк, чертыхаясь, снимал обувь и носки, то в последующем, как и все другие, перестал это делать.

Начало смеркаться. Предстояло принимать решение – двигаться дальше или останавливаться на ночлег. Увидев, что за ближайшим поворотом ожидает сразу несколько переправ, остановились на последнем. Итог прошедшего дня оказался неутешителен – за более чем восемь часов мы прошли, как показывал навигатор, пять с половиной километров. Понятно, что в глубину ущелья – на самом деле куда больше, но эти намотанные понапрасну метры к общему расстоянию не прибавишь.

Мы только-только подходили к концу лесной зоны, что, как явствовало из карты, не составляло и половины пути к Кум Тюбе, одна из вершин которой, видимая с самого начала ущелья, казалось, ничуть не приблизилась с пройденными нами километрами. Тот же навигатор услужливо сообщил, что достигли мы высоты две тысячи метров над уровнем моря, то есть поднялись на какие-то полкилометра. Не густо, право...

Лагерь пришлось разбивать в прямом смысле слова на каменном выносе, так как иного, более удобного места для палаток просто-напросто не нашлось – ни одной ровной площадки в пять-семь квадратных метров: повсюду покатые обрывистые склоны, огромные валуны, кустарники, деревья. Поэтому поставили палатки не рядом друг с другом, а на значительном расстоянии.

Ночь опустилась мгновенно. Сидя на корточках у костра, для которого даже место нашли с трудом, ожидая, пока в жестяной многоли-

тровой банке готовится туристский суп (оказывается, по-прежнему, как и в советские времена, из таких примитивных ингредиентов, как тушенка, китайская лапша, свежие морковь, лук, картошка, получается весьма изысканное блюдо!), мы размышляли о прошедшем дне. И пришли к общему знаменателю: ущелье не хочет нас пускать, более того — идти вперед опасно. Причем каждый почувствовал это по-своему: кто-то (Андрей и Наташа) через необходимость вовремя вернуться домой, кто-то (Юрий и Таня) через внутренний голос. Последние двое привыкли к невероятным нагрузкам, более того, в отличие от всех остальных, они планировали, добравшись до плато, остаться здесь на несколько дней, а тут вдруг передумали и решили не отрываться от группы.

Что касается одного из авторов этих строк, то таких сигналов, как стало ясно впоследствии, было сразу несколько. И если ряд из них (поскользнулся практически на ровном месте и искупался вместе с рюкзаком, потерял горно-лыжную палку и по этой причине едва не загремел в пропасть) можно вполне отнести на экстремальные условия путешествия, то один из эпизодов имел поистине мистический привкус.

Впрочем, чтобы стала ясна его суть, надо обратиться к событиям сорокалетней давности, когда во второй половине шестидесятых годов меня, на тот момент семиклассника, взяли в ботаническую экспедицию. Дело в том, что двоюродная сестра Тамара Попова, окончила аспирантуру в Ленинградском ботаническом институте, где и осталась работать. Но так как темой своей научной деятельности она выбрала флору Кавказа, то каждый год приезжала в республику, проводя летние месяцы в горных ущельях. Компанию ей составлял мой дядя — Иван Васильевич Котляров, фронтовик, впоследствии бухгалтерский работник, в силу разного рода причин проживший свою жизнь в одиночестве, которому Тамара заменила дочь.

Вот в одну из таких поездок я и напросился, а вернее, умолил родственников взять меня. Та июльская экспедиция — подписи на обороте сохранившихся фотографий отметили место и время — была в Чегемское ущелье, в его верховья — туда, где среди величественных сосен расположен знаменитый лагерь «Башиль».

Но, к сожалению, не красотами запомнились те места, а другим. В один из вечеров (у меня такое ощущение, что он был первым), я остался у палатки один. От нечего делать подбрасывал в костер ветки, когда они кончились, стал оглядываться по сторонам. Поверх

рюкзака увидел скомканную пачку «Беломора»; ни о чем не подумав, потянулся за ней, кинул в пламя, да тут же и забыл. Утром выяснилось, что в папиросной пачке дядя держал экспедиционные деньги.

Так как я не признался (вначале не вспомнил, а потом было стыдно), пачку искали достаточно долго. Естественно, не нашли, и поездка закончилась, так, по сути, и не начавшись. Не знаю, по той ли причине, по какой-то другой, но больше в экспедиции родственники меня не брали. А та злосчастная пачка — бело-голубая, с надорванным верхним краем — не раз мне впоследствии снилась: я видел, как она летит в костер, судорожно вскакивал, пытаюсь перехватить и мгновенно просыпался... А засыпал с чувством вины, что навредил близким мне людям и исправить свою ошибку никогда не смогу.

И вот спустя сорок лет, остановившись на ночлег в ущелье Джилги, я брожу по каменной площадке в поисках сухих веток для костра и вижу под деревом скомканную папиросную пачку.

«Надо же — «Беломорканал», неужели его и сегодня производят, а тем более курят», — думаю с удивлением и ощущаю, как непонятное волнение сковывает все тело. Через силу наклоняюсь, подбираю пачку — бело-голубую, с оторванным поверху краем, — рассматриваю и понимаю, что внутри что-то есть. Расправляю шершавую плотную бумагу, двумя пальцами залезаю внутрь и — по телу пробегает дрожь — достаю... деньги.

Темно, не понять, что это за купюры.

Пронзительная мысль: «Неужели те, советские, которыми пользовались в середине семидесятых годов прошлого века?»

Подхожу поближе к костру — в руках у меня четыре бумажки: сто-рублевая, пятидесятирублевая и две десятки. Современные, те, что сегодня в ходу... Оглядываюсь по сторонам и не могу понять: что это?.. Случайная находка? Кто-то, положив деньги в папиросную пачку, в какое-то мгновение, забыв о содержимом, машинально выбросил ее? А может, это мне весточка — прилетевшая из далекого далека? Только не понять — из прошлого или будущего?.. Особенно если вспомнить, что уже в Нальчике, познакомившись с главой администрации селения Хушто-Сырт, я неожиданно для себя узнал, что куда проще до таинственного плато Кум Тюбе добраться не по непроходимому Джилги, а по тропе, начинающейся сразу от турбазы «Башиль»... Но это уже другая история.

Заканчивая же эту, скажем, что той июльской ночью, проведенной в ущелье, некоторые из нас стали свидетелями необычных явлений.

Андрей рассказывал, что видел на вершине горы непонятные отблески: на костер не похоже, в большей степени – на луч фонарика, то вспыхивающего, то гаснущего, но без всякой закономерности. Юрий говорил о непонятных звуках, разбудивших его, а потом долго не дававших уснуть.

Неоднократно (а точнее, в самом начале абсолютно каждого часа – с двух ночи до пяти утра) просыпался и один из авторов этих строк: за стенкой палатки чудилось какое-то движение, в какие-то мгновения пробивался непонятный свет. Но встать (в палатке нас было трое), не разбудив кого-то из спящих, было невозможно. Да и вылезать в темноту, сырость и неизвестность особого желания не было.

Утром мы двинулись в обратный путь, который, несмотря на опыт предыдущего дня, оказался ничуть не легче и лишь немногим меньше по временной продолжительности. Суровое ущелье Джилги с неохотой, но все-таки отпускало нас домой – главное, что в здравии, сохранности и без потерь.

Все дальше и дальше отдалялась вершина Кум Тюбе, но удивительно: чем больше отходили от нее, тем явственнее становилась уверенность – мы обязательно вернемся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энциклопедия визитов НЛО. М.: Вече, 2008. С. 217, 244, 256.

² Необъяснимое. Непознанное. Невероятное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 241–245; С. 137–139 данного издания.

³ Тепцов В. По долинам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 157–158.

ОТЕЦ ЭЛЬБРУСА

...Пролетел август, за ним и сентябрь, а поездка наша в Кум Тюбе все откладывалась и откладывалась. И причины имелись как будто объективные: занятость проводников, отсутствие лошадей, «нелетная», так сказать, погода, но от этого было не легче. А тут еще в горах выпал снег (вершину Кум Тюбе из Чегемского ущелья видно достаточно хорошо), и стало ясно: встречу с плато «под солнцем» – так с балкарского переводится его название – придется отложить до лучших времен, по крайней мере, до следующего года.

Тем неожиданнее был телефонный звонок, раздавшийся утром 20 октября: завтра есть возможность подняться на плато, но для этого уже в половине шестого утра необходимо приехать в лагерь «Башиль». Сборы были недолги, сон так и не пришел, и в три часа ночи мы двинулись в путь, тем более что Чегемская дорога нам знакома, как никакая другая.

Мчимся с весьма приличной скоростью, рассекая светом фар ночной мрак ущелья, не притормаживая, минуем погруженные во тьму Эльтюбу и Булунгу, регистрируемся у удивленных столь ранним визитом пограничников и уже через каких-то сорок минут сигналим у запертых ворот лагеря «Башиль». Безуспешно.

Разбредаемся в поисках хоть одной живой души. Свет фонаря выхватывает летние туристские домики, административные здания – пусто, нет даже намека на людей. Если бы не отдаленный шум реки, то тишина была бы полнейшей. Ночное небо сверкает звездами, холодный воздух сдерживает дыхание, ощущение абсолютного одиночества сковывает сердце. И вдруг откуда-то со стороны легкое цоканье, еще мгновение – и перед нами пастухи с расположенной поблизости кошары селения Эльтюбу (бывший Верхний Чегем), привели лошадей.

Объясняют: если хотим вернуться засветло, надо торопиться. Приторачиваем рюкзаки к седлам, взбираемся на самую главную в горах тягловую силу – и вперед. Видимость нулевая, но Мурат, наш сопровождающий, дорогу словно не видит, а чувствует: уверенно находит

самое мелководное место на речке, лавирует между сосен в небольшой рощице, в которой осенью можно собирать грибы ведрами, и, наконец, предупреждает: «Предстоит затяжной подъем – самое сложное место на нашем сегодняшнем маршруте».

Впрочем, в темноте, когда с трудом различаешь лишь силуэты деревьев, осознать, сколь сложен путь, весьма затруднительно. Лишь в тот момент, когда голова лошади неожиданно приближается к твоей, начинаешь смутно понимать, сколь крут угол подъема. Тело, не получая нужной опоры, под своей собственной тяжестью стремится выскользнуть из седла, непроизвольно хватаешься руками за шею животного, выпуская из рук поводья.

Начинает светать. Утро выхватывает из ночного мрака кусты, хвойные кроны, каменные осыпи, по которым буквально карабкаются вверх лошади; взгляду открывается оставшаяся где-то в сотнях метрах внизу долина и прорезающая ее река, кажущаяся отсюда тончайшей серебряистой серпантинной ленточкой...

И какая-то неосознанная тревога заползает в душу: это каким же вертикальным должен был быть подъем, чтобы за столь короткое время мы смогли взобраться на такую значительную высоту?! Ясность приходит на обратном пути: скальный спуск столь впечатляет, что становится не по себе только от одного взгляда на петляющую между низкорослыми соснами тропинку. Ловишь себя на мысли, что, не изменив вертикальному положению, добраться до низа весьма проблематично.

Видимо, и животные разделяют твои мысли, ибо то и дело ослепляют. И понятно: им-то, в отличие от людей, ухватиться за кусты и ветки нечем. Поводок постоянно натягивается – лошадь пытается сопротивляться, но под напором хозяина, а в большей степени – прирученности продолжает спуск. В какой-то момент ее копыта, не находя упора, скользят по каменной осыпи, и животное упирается, а вернее, ударяет своей головой в спину человека. При этом чувствует свою вину – даже вздыхает, словно прося прощение за столь некорректное поведение, но удержаться на месте от такого толчка совсем непросто.

Утешает только мысль: «Какое чудо, что мы спускаемся, а не наоборот».

Если бы подъем предстоял в светлое время суток, мысль откатиться могла бы побороть желание увидеть Кум Тюме.

Невольно вспоминается, что испытал при подобном подъеме известный исследователь Кавказа, автор множества книг о нашей республике

Сергей Анисимов, путешествовавший в двадцатых годах прошлого века по Северному Приэльбрусью: «Наши кони стояли смирно и тихо, как будто слушая, что говорят о них люди. Когда мы вскакивали в седла, они не двигались, как неживые. Потом Балкарук тронул поводья, и мы пошли за ним гуськом. Он дал волю своему коню, и тот отыскал какую-то тропу. Она пошла вверх.

Трудно было разглядеть что-нибудь в темноте, но казалось, что тропка эта была необычайно узка. Движения наших коней были еще осторожней, чем при переходе через Малку. У моего коня то и дело оскальзывалось правое заднее копыто, и он весь приседал, потом осторожно выпрямлял ноги, поднимая меня на своей спине.

Мы сидели в седлах, можно сказать, ни живы ни мертвы. Потом привыкли и стали балансировать, стараясь помочь коням удерживать равновесие. Каждое мгновение можно было сорваться в пропасть, в ревущую внизу бездну, шум которой заполнял все ущелье и еще более усиливал жуть нашего пути.

Длилось это очень долго. Казалось, прошли часы. Наконец мой конь повернул куда-то влево, ступил еще несколько шагов твердо и спокойно, и я увидел сквозь хлопья снега светящуюся точку костра... Какое-то необычайно легкое настроение охватило не только нас, но и наших коней, и мы пошли быстро, рысью по ровному, покрытому снежной простыней лугу речной террасы прямо на огонь».

«А поутру они проснулись», — помните эту знаменитую ерофеевскую фразу? — подошли к спуску по тропе, по которой поднялись ночью, заглянули вниз и... «ужаснулись безумию нашего ночного путешествия. Крутой глинистый обрыв падал к потоку метров на 50 по отвесу склонами градусов в 40. Он весь размок, набух от влаги, и на узкой тропе было видно по следам, как скользили на ней ноги наших коней.

Балкарук мрачно посмотрел вниз и потом сказал:

— Я шел здесь ночью, потому что ничего не видел. Теперь я вижу, и днем здесь не пойду. Кони тоже шли, потому что не видели. Днем и кони здесь не пойдут...»¹.

Солнце золотит край неба, отгоняя тьму с горных склонов. По прямой их не одолеть, и наш проводник направляет лошадь вправо, спустя метров тридцать-сорок — влево и так много-много раз, пока мы не взбираемся на самую верхушку многометровой осыпи. За ней встает вторая, за которой будет и следующая.

Ровного пространства здесь практически нет — едва заметная тропинка все время забирает вверх, в большей своей части идет по

самому краю. Неловкое движение – лети вниз: зацепиться абсолютно не за что. Лети напрямик до бурной речки, пропилившей себе русло среди нагромождений лавовых пород.

Ведь именно здесь, на водоразделе рек Чегем и Кестанты, расположено Верхнечегемское лавовое нагорье. Оно, как сообщает справочник «Вулканы», «находится в грабене палеозойских пород, который развился вдоль поперечного меридионального Чегемского разлома. Плиоценовые липариты и их туфы покрывают площадь в 150 кв. км. Они образовались при извержениях и взрывах небольших вулканов. В конце плиоцена здесь сформировались два более крупных вулкана. Позднее они были сильно разрушены, их остатки находятся в западной части нагорья – Кюйген-Кая (3829 м) и Кум Тюбе (3771 м)»².

Так уж сложилось, что об этих вулканах в Кабардино-Балкарии мало кто знает. Опросив десятка два своих знакомых, мы услышали лишь один более-менее вразумительный ответ. А ведь Верхнечегемский – крупнейший из множества кавказских вулканов. Более того, всем известный Эльбрус – его сын и наследник.

Ученые подсчитали, что Верхнечегемский вулкан извергался не менее восьми раз: считается, что одно из них описал древнегреческий географ Страбон, автор знаменитой «Географии» – самого обстоятельного источника по истории и этнографии Северного Кавказа в начале нашей эры. Причем последнее извержение произошло всего несколько столетий назад (до 500 лет; Эльбруса – до 1500 лет), когда «из нескольких боковых центров излились закрученные канатные лавы. Сам конус вулкана высотой 2500 м и диаметром 16 м сложен более древними лавами, нижние из которых изливались в условиях равнинного рельефа. Мощность Верхнечегемского вулкана достигает почти 3000 м, после первого извержения его основание глубоко осело, и он оказался ниже Эльбруса.

...Эльбрус начал действовать одновременно с Чегемом, проявил большую активность и в целом моложе. Наследник Эльбруса – такой же полифазный вулкан – образуется в районе истоков Эшаккона примерно через 2 млн лет, а более молодые – еще севернее. В ближайшие тысячелетия активность ожидается только в южной половине этого полукруга, а также в поперечной полосе к югу от Казбека»³.

...Мы поднимаемся все выше и выше, петляя по осыпям, используя тропки, проторенные лошадьми и яками. Они пасутся сами по себе и остаются здесь вплоть до того момента, пока траву не спрячет снег. Он уже покрыл не только дальние, но и все ближние вершины,

языками спускается в лежащее по обе стороны плато. Еще немного — и четырехчасовой конный переход близок к завершению: мы на одной из высших точек лавового нагорья.

Слева, практически на одном уровне с нами, знаменитая вершина Кум Тюбе с ее скальным изгибом. Внизу, под нами, относительно ровная площадка с горным озерцом и буйной речкой Джилгису, уходящая в одноименное ущелье, то самое, что так и не пропустило нас в августе на плато. Справа еще одно плато, по которому мы и двигались, а далеко под ним, в клубящихся облаках, долина Чегема.

Вокруг удивительнейшая горная панорама снежных пиков, обрамляющих по всему периметру Верхнечегемское лавовое нагорье. Ослепительное солнце равнодушно освещает безжизненный, безмолвный пейзаж. Ни звука — не слышно птиц, не гудит ветер. Тишина поражает и настораживает. Время словно остановилось. Никого и ничего.

Дрожь пробегает по коже от одной только мысли: каково же остаться здесь в одиночестве — спрятаться негде, укрыться — тем более, согреться нечем — на многие километры ни деревца. И ночевка, которую мы предполагали осуществить здесь (правда, в летний период), уже не выглядит столь привлекательной, даже в контексте возможной встречи с неопознанными объектами, кои здесь, на плато Кум Тюбе, наблюдали неоднократно. Не случайно ведь исследователи непознанного называют места эти весьма таинственно: аномальная зона «Альфа». Но лично мы в день пребывания здесь ничего необычного, к сожалению, не увидели. За исключением двух каменных кругов, непонятно для чего предназначенных и с какой целью сооруженных. Диаметр обоих (около четырех метров) не предполагает соотнести их (по причине малой вместимости) с чем-то вроде загонов для скота. Тем более что круги сплошные, без намека на вход и расположены на коротком (около тридцати метров) расстоянии друг от друга. С какой целью была осуществлена столь непродуктивная работа, для нас так и осталось неясным; открестились от кругов и пастухи, утверждая, что они были здесь всегда, по крайней мере, сколько они себя помнят. Тем не менее сомнений, что круги рукотворного происхождения, ни на мгновение не возникает.

Повторимся: необычного, выходящего за пределы разума и понимания, мы действительно не зафиксировали, но вот ощущение того, что не одни, наличествовало: то на одном из дальних склонов вспыхнет и мгновенно погаснет солнечный лучик, словно отблеск от

увеличительного стекла бинокля; то при абсолютно чистом, свободном от облаков небе проплывет по земле тень – непонятно откуда взявшаяся, кем отраженная; то поймаешь себя на желании обернуться, поймать чей-то пристальный взгляд, идущий откуда-то сверху, со стороны огромных, но в то же время соразмеримых друг с другом каменных плит, своеобразной выкладкой обрамляющих подступы к одной из вершин.

И понятно, что солнечный луч отражается отполированным куском магмы с металлическими вкраплениями, что разреженный воздух создает иллюзию движения, а напряженное воображение – присутствия, но, тем не менее, вера в чудесное, запредельное здесь велика как нигде.

В безмолвии мира природы ищешь ответов, и если последних нет, то многое, естественно, домысливается. Причем каждым из нас по-своему. Вот поэтому ниже мы расскажем о том, чему хоть и не были свидетелями сами, но во что верим. А если точнее – хотели бы верить...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимов С. Эльбруское притяжение // Анисимов С. Вокруг Эльбруса. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. С. 37, 38.

² Апродов В. А. Вулканы. М.: Мысль, 1982. С. 224.

³ Дотдугев С., Тамбиев А., Урусова Р. О чем молчат вулканы Эльбруса? // Эльбрусоид. 2007. № 5. С. 99, 101.

И ИЗВЕРГАЛАСЬ ОГНЕННАЯ ЛАВА...

Авторы статьи «О чем молчат вулканы Кавказа?»¹, основываясь на изменении ландшафта, воздействии на растительный и животный мир, ряде косвенных признаков, выделяют три эпизода в истории катастрофических взрывов в нашем регионе.

Первое извержение произошло от двух с половиной до трех миллионов лет назад. К тому времени «Кавказ представлял собой платообразную равнину, в его восточной части хозяйничали ветры пустыни, центральная была полупустыней, а западная – сухие степи, подобные Гоби. В течение полумиллиона лет на Кавказе происходили быстрые перемены: появились первые ледники, стали полноводными реки, Каспийское море разлилось до подножия Бештау. Начало вулканизма не предвещало никаких катастроф, из двух-трех центров излились жидкие лавы, образовавшие потоки длиной до десятков километров.

Неожиданно весь Центральный Кавказ от Кубани до Ассы превратился в жаровню, десятки больших и малых вулканов выбрасывали в небо вулканические бомбы, пемзу и пепел, черные смертоносные тучи нависли над землей. За короткое время было выброшено 2–3 тыс. км³ расплавленного и распыленного материала. Предкавказье было занято морем, а в горах не могло остаться ничего живого. В Казбекской области извержения были многофазными и сопровождались огромными грязекаменными потоками.

В Эльбрус-Чегемской области, несмотря на большой территориальный охват и обилие центров извержения, процесс оказался беспрерывным. Вначале взрывные вулканы выбросили пемзо-пепловый материал, а затем из многочисленных очагов – бомбы, пемзу и пепел, которые тут же спекались, образуя слой туфолав средней мощностью 350 м.

Это событие изменило ландшафт региона до неузнаваемости, безжизненный склон Кавказа сократился на 20–30 км, его место занял Терский прогиб, куэстовый рельеф был затоплен туфолавами и переотложенным вулканическим материалом. Долины Баксана, Чегема и Черекон на время перестали существовать, позднее реки про-

пилили новые ущелья. До этого эпизода главной водной артерией служил Черек с притоками Чегемом, Баксаном и Малкой, впадавший в Древнекаспийское море западнее Георгиевска».

Второе извержение произошло примерно 0,8–1 млн лет назад. К этому моменту «Кавказ набрал высоту до 3–4 тыс. м и подвергся оледенению. Вероятно, центры извержения существовали и в Кавказской области, а западнее действовали два мощных очага – на Верхнем Чегеме и Эльбрусе, где сохранились остатки лавовых полей. На Чегеме это Кум Тебе и Кюйген-Кая, а на Эльбрусе – лавы, образующие почти километровую стену Кюкюртлю.

После излияния лав основание вулкана осело, вулканогенная толща обрела наклон в сторону главного жерла. Извержения носили взрывной характер и дали начало рекордному по протяженности селевому потоку, устремившемуся по древней долине Череха и вынесшему вулканический материал в район Георгиевска. Поток одолел 150 км. Молодые вулканические породы в руслах рек окатываются через 5–10 км, а через 50 км полностью истираются, а у Георгиевска среди местных гравийно-галечных отложений содержатся пачки и линзы грубых неокатанных обломков лав Верхнего Чегема и Эльбруса».

Последние извержения вулканов состоялись 25–30 тысяч лет назад. Кавказ в тот период «почти достиг современной высоты и четырежды подвергался оледенению. Мощные взрывы имели место в самом начале последнего, пятого оледенения, палящие тучи растопили ледники и вызвали грандиозные селевые потоки, вынесшие на равнину глыбы массой до нескольких сотен тонн. По Кубани, Малке, Баксану, Чегему, Черeku Балкарскому прокатилась волна наводнений. По Псыгансу, Черeku Безенгийскому, Черeku, Хазнидону, Лахумедону с выходом на Урух – грязекаменные сели.

...Черекский поток одолел более 60 км, затопляя некоторые участки долины на ширину до 500 м при первоначальной мощности 15–20 м. В пережимах долины его мощность достигала нескольких десятков метров, а над ним еще со скоростью курьерского поезда мчался тяжелый водно-песчано-глинистый поток. Внизу – каменная река, наверху – бушующая жидкая песчано-глинистая смесь общей мощностью 25–30 м...

Палящие тучи вулканов при температуре в несколько сотен градусов не оставили ничего живого, ни в одном случае под толщей пепла не встречены даже обугленные древесные остатки. Подобные

взрывы в слоях земных оставляют мало следов, а на поверхности пепел быстро разлагается и уносится осадками, сохраняются лишь отдельные пятна в западинах рельефа. Мощность пепла и пемзовых орешков на Баксане у селения Былым достигает 3–4 м, ниже по реке в переотложенном виде 10–15 м, у поселка Белый Уголь – 1,5 м. Многочисленные изолированные пятна пепла встречаются до долины Черека...»

Ученые считают, что «термическая энергия Земли на Кавказе накапливается к западу от Чегема, ядро радиусом около 25 км находится под Эльбрусом. Извержения будущего произойдут в полосе, которая протянулась от Казбека на юг и к Эльбрусу, затем через Бий-чесын на север к долине Калауса. Именно сюда на большой глубине накапливается расплавленное вещество из впадин Черного и Каспийского морей...»

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дотдугев С., Тамбиев А., Урсова Р. О чем молчат вулканы Эльбруса? // Эльбрусоид. 2007. № 5. С. 99–101.

ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА

И начнем мы конечно же с сообщений с места «под солнцем» — именно так переводится с балкарского Кум Тюбе — гора и лавовое нагорье, что в верховьях Чегема. В «Энциклопедии загадочных мест России» — первом в мире, как заявляют издатели, путеводителе по аномальным зонам, таинственным и удивительным местам — утверждается, что в этом уникальном справочнике описаны практически все загадочные, необычные и странные места Российской Федерации. Возможно, это и справедливо, но только не по отношению к Кабардино-Балкарии, лишь три объекта которой: гора Эльбрус, холм Кызбурун и плато Кум Тюбе — оказались достойны быть включенными в путеводитель.

Впрочем, не будем спорить, а процитируем весьма обширную статью, посвященную аномальной зоне: «Плато Кум Тюбе (аномальная зона «Альфа») — высокогорный район вблизи реки Чегем в Чегемском ущелье и Бокового хребта в Кабардино-Балкарии, где наблюдается большая активность полетов НЛО. Аномальная зона (АЗ) расположена в вулканическом массиве, сложенном гранитами, в большей части — сильно выветренными. Абсолютные высоты: 3500–3600 м. На границе АЗ «Альфа» — крупный кратер древнего вулкана, в котором находятся 2 озера. Район покрыт многочисленными маленькими ледничками и снежничками, сохраняющимися и летом. Растительность — чахлые, единичные растения верхней альпийской зоны. Типичные представители — камнеломки, мхи, лишайники. Что касается появлений НЛО, то для примера можно перечислить несколько наблюдений, сделанных квалифицированными специалистами:

9 сентября 1988 года между 20:00 и 21:00 сотрудники гляциологической экспедиции «Севкавгидромета» наблюдали 5 светящихся шаров, вытянутых цепочкой, у вулканического массива. Расстояния между шарами были одинаковые. Диаметр каждого 2–3 метра.

9 сентября 1988 года около 24:00 несколько отдыхающих высокогорной турбазы видели над вулканическим массивом 5 шаров, «построенных» двумя рядами: 3 — в верхнем, 2 — в нижнем.

6 сентября 1989 года с 20:25 до 20:34 в районе вулканического массива экспедиционный отряд гляциологов наблюдал и сфотографировал белый светящийся шар.

27 марта 1990 года около 24:00 над вулканическим массивом наблюдался НЛО дирижаблевидной формы, светящийся желто-оранжевым светом. НЛО выпускал вниз тонкий голубой луч, затем исчез за хребтом.

3 июня 1990 года в 23:53 над горным вулканическим массивом замечали куполовидное свечение. Цвет ярко-желтый, по краю красная кайма. Продолжительность явления около 30 мин.

На основании этих и других наблюдений было принято решение о проведении разведывательной экспедиции в предполагаемую АЗ. Экспедиция Ростовской секции по изучению АЯ из 7 человек, в числе которых был Е. Подмогильный, состоялась в августе 1990 года, базовый лагерь находился на высоте 3600 м, в 4 км от места вертолетной высадки отряда.

Вот строки из отчета Подмогильного: „В начале работы было облачно, ветер, затем прояснилось. Над лагерем горели яркие звезды. Присмотревшись, с удивлением увидели над собой гигантский колпак, похожий на хрустальную сферу, поблескивающий от мерцания звезд. Размеры его 0,8—1 км в диаметре и около 300 м в высоту. Через 30 мин в районе кратера появились светящиеся столбы, уходящие к звездам. Цвет — серебристо-голубой. В стороне кратера несколько раз наблюдалось неяркое серебристо-мерцающее свечение. Попытки применить биолокацию с целью выделить АЗ ничего не дали. Рамка крутилась в руках оператора с постоянной скоростью, не выделяя отдельных объектов. В 3:00 в двухстах метрах от палаток по дну долины стали зажигаться огни: зеленовато-изумрудные, искрящиеся шарики диаметром не более 20—30 см. Вспыхивали через равное расстояние: 8—11 м и равное время: 3—5 секунд. Когда засветилась гирлянда из 20—22 огней, через 15 секунд все мгновенно исчезло.

За следующие 2 дня были осмотрены окружающие горы и отроги, спускались в кратер, по внешнему впечатлению не похожий на вулканический. Были взяты пробы воды озер.

На 3-й день на широкой террасе, находящейся на гряде, усыпанной обломками гранита и отчасти задернованной, было найдено несколько округлых пятен диаметром около 5—7 м, в которых погибла вся растительность. От одного из таких пятен веером расходились 3 темные полосы длиной 70—100 м, шириной 3—3,5 м. Светлый гра-

нит на этих полосах был покрыт темно-коричневым налетом. Эти полосы ничем не напоминали водотоки, даже временные. Мелкие камни были покрыты налетом полностью, крупные только сверху, нижняя часть – обычный светлый гранит. Радиация «обоженного» гранита – 18 мкр, светлого (обычного) – 12 мкр.

Экспедиция на этом завершилась. После возвращения оказалось, что как чистая, так и экспонированная фотопленки, побывавшие в АЗ, оказались частично засвечены. На неэкспонированной после проявки заметны пунктирные следы белого и черного цвета. На другой пленке, на первом кадре, снятом в 1,5 км ниже АЗ, виден белый шар, не наблюдавшийся визуально...“

По сообщениям руководителя Северо-Кавказского филиала Международной уфологической ассоциации (Кавказского уфоцентра) Виктора Петровича Утенкова, вскоре была проведена проверка привезенных экспедицией образцов в Центральной Северо-Кавказской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы (ЦСК НИЛСЭ). В целях установления химического состава поверхностного налета вещества черного цвета, на исследование были представлены каменистые образцы, взятые с места предполагаемой посадки НЛО в этой аномальной зоне. Исследование провел заведомо ЦСК НИЛСЭ кандидат химических наук В. В. Бессонов, имеющий спецподготовку по криминалистическому исследованию материалов и веществ комплексом инструментальных методов, стаж экспертных работ свыше 16 лет. Проведенными исследованиями было установлено:

„...1. Образцы представляют собой обломки минералов неправильной формы, на изломе желтоватого цвета с блестящими включениями, по поверхности имеют наслоения вещества черного цвета; исследованы пробы, изъятые с поверхности, в сравнении с пробами, изъянными в массе образца (собственно порода).

2. Методом эмиссионного спектрального анализа показано, что элементный химический состав проб с налетами вещества черного цвета характеризуется ярко выраженным повышенным содержанием элемента марганца.

3. Повышенное содержание марганца на поверхности пород может быть обусловлено попаданием на них извне, разложением разных марганецсодержащих соединений. Многие соединения марганца обладают свойствами окислителей: калия перманганат; оксиды марганца. Из них два – сильными: при контакте с ними горючие вещества воспламеняются.

ЦСК НИЛСЭ. 21.12.92“.

Тайна зоны «Альфа» на плато Кум Тюбе привлекла многих специалистов, однако по финансовым соображениям многие запланированные эксперименты в этом месте так и не состоялись»¹.

Данная статья, как заметит внимательный читатель, повторяет ряд фактов, приведенных нами в очерке «Из Эльтютю в Кум Тюбе» и заимствованных из справочника «Энциклопедия визитов НЛО». Но мы посчитали нужным привести эту публикацию полностью, чтобы стало понятным, какое пристальное внимание уделяют нашим местам уфологи, как много надежд на встречу с инопланетным разумом связывают с Кабардино-Балкарией. И главное, что эти надежды отнюдь не беспочвенны.

Расскажем о том, что наблюдали жители республики в ночь на 13 февраля 1889 года, обратясь к статье «„Наутилус“ без капитана Немо»²: «Однажды мне на глаза попались две заметки об НЛО. Речь шла о разных событиях, но участвовал в них, судя по всему, один и тот же объект, который поражал наблюдателей своими размерами. Стал собирать о нем информацию. Постепенно скопилось досье, из которого явствовало, что вокруг Земли летает НЛО-странник. Невольно родилась аналогия со знаменитым «Наутилусом» капитана Немо.

Объект видели в разных точках планеты. События, видимо, были достаточно примечательны – о них рассказывали газеты. На Ближнем Востоке очевидцы описывали предмет вытянутой формы. Он напоминал сигару, которая излучала свет, словно неоновая лампа. В Средиземноморье твердили о серебристой сигаре. Шериф штата Алабама говорил о «банане» размером с аэробус, корпус которого переливался зелеными и красными огоньками. Наши соотечественники из Нальчика видели нечто похожее. И, кроме того, заметили иллюминаторы, а в них – чуть ли не экипаж НЛО. Наблюдения «Наутилуса» над Баксаном даже занесены в журнал дежурств отдела внутренних дел. Есть сигналы о его появлении в Тбилиси, Орджоникидзе, Дагестане, Чечено-Ингушетии.

Недавно представился случай прояснить некоторые подробности – «Наутилус» вновь появился в небе над Кабардино-Балкарской АССР. Слово специалисту.

Рассказывает В. Алтухов, заведующий лабораторией электродинамики Кабардино-Балкарского госуниверситета, руководитель аэрокосмического клуба при республиканском Дворце пионеров:

– Нами был составлен и утвержден «Отчет по изучению и анализу траектории полета и формы неопознанного летательного аппара-

та, полет которого проходил над территорией КБАССР 13 февраля 1989 года». Факты следующие.

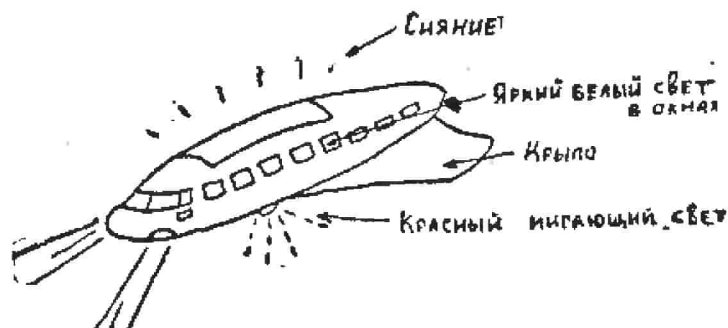
В указанный день в восемь часов вечера со стороны реки Шалушка был замечен ряд явлений. Первыми их наблюдали школьники Максим Попов и Денис Мутфиев. Внимание привлек объект красного цвета, расположенный высоко над горой. Было заметно, что он приближается. Затем в течение нескольких секунд, не изменяя формы и направления движения, он поменял цвет на зеленый. После этого объект рассыпался по горизонтали на шесть точек, также имевших зеленый цвет. Точки располагались через равные интервалы. Через десять минут они стали опять красными и слились в круг, после чего объект удалился из поля зрения.

Это была лишь первая часть феномена. В интервале времени от половины десятого вечера до десяти над городом появился летательный аппарат, который видели, только по предварительным данным, несколько сотен жителей Нальчика. Анализируя описания очевидцев, мы определили траекторию облета аппаратом нашего города и составили эскиз его внешнего вида. По общему описанию, обтекаемый аппарат-сигара имеет длину до ста пятидесяти метров. В поперечнике – до сорока метров. Вдоль корпуса располагались большеразмерные иллюминаторы прямоугольной формы. Чем ближе к хвосту, тем иллюминаторы были меньше. За летательным аппаратом тянулось свечение небольшой длины. Иллюминаторы очень ярко светились. Впереди, на носу аппарата, располагались два сканирующих «прожектора». Носовая часть была слегка отклонена вниз. Аппарат двигался со скоростью менее ста километров в час, бесшумно, на высоте около ста метров над землей.

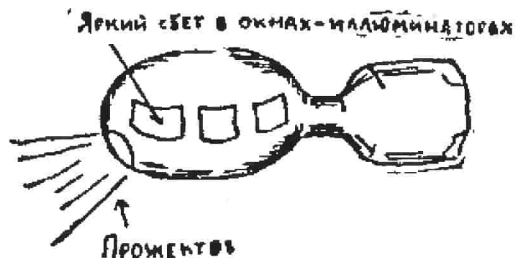
Войдя в черту города со стороны местечка Кенже, аппарат прошел над улицей Головки, повернул на проспект Ленина, прошел вдоль железнодорожного полотна над Александровкой до Нартана, развернулся, прошел над взлетно-посадочной полосой аэропорта. Между Стрелкой и Кенже, на выходе из Нальчика, он повернул в сторону города Баксана. По данным свидетелей, аппарат шел на снижение.

Но и это еще не все. Как эсминец, следующий в фарватере линкора, после ухода гигантского аппарата над городом появился летательный аппарат меньших размеров, большей подвижности и маневренности. Замыкающий аппарат «сопровождения» видели около двадцати четырех часов над микрорайоном «Молодежный». Объект шел над самыми домами, бесшумно и очень быстро уходил из поля

1. ПОЛЁТ В РЕЖИМЕ УСКОРЕНИЯ

2. ПОЛЁТ В РЕЖИМЕ БАРРАЖИРОВАНИЯ

3. ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ, КОТОРЫЙ НАБЛЮДАЛИ В МИКРОРАЙОНЕ "МОЛОДЁЖНЫЙ"

зрения наблюдателей. Внешне он состоял из двух округлых частей, соединенных перемычкой. Отдаленно части напоминали сферу, точнее, нечто среднее между сферой и эллипсоидом вращения. Обе части светились, а в головной наблюдались «иллюминаторы» овальной формы.

Одно из первых мест, где он наблюдался, — селение Гунделен КБАССР. Затем его видели в Кызбуруне II, станице Солдатской, зерносовхозе «Прималкинский». Очевидцы из Баксана дополнили внешнее описание аппарата... крыльями, которые как бы моментально появлялись, когда он делал аэродинамический маневр. Крылья очень похожи по форме на крылья реактивных пассажирских самолетов. По данным свидетелей, подобный летательный аппарат посещал КБАССР не в первый раз. В основном его видят в ночное время зимой. Как правило, он всегда появляется над Эльбрусом и идет от него в направлении северной части Каспийского моря. В этот раз он сделал небольшой крюк, облетев Нальчик».

А вот как рассказывает об увиденном в тот день Валерий Кагермазов: «Я и трое моих товарищей сидели в машине. Мотор работал. Стояла ясная, безоблачная ночь. Вдруг мы увидели над головой сигарообразное тело необычно больших размеров. Оно как бы скользило вниз под углом, близким к 45 градусам. Звука мы не слышали. Не услышали мы его и после того, как выключили мотор автомобиля. Что собой представляло сигарообразное тело? Оно было серебристого цвета с рядом яркосветящихся иллюминаторов, размеры которых уменьшались от носа к хвосту. Носовая часть была слегка опущена, впереди светил прожектор. Хвост слабо освещался и плохо просматривался. Все это мы наблюдали минуты две-три. Затем тело скрылось за холмом»...

Еще одно описание происшедшего находим в материале журналиста Али Казиханова, приводящего в своей статье «Хотите верьте — хотите нет» свидетельство работника аппарата МВД КБР В. А. Шогенова: «13 февраля 1989 года я возвращался домой из Баксана в Нальчик. Проехав по объездной дороге мимо поселка Чегем I, машинально взглянул на часы — 21 час 30 минут. Спустя мгновение заметил: с неба падает какой-то предмет. Остановился у обочины, вышел из машины. Сначала подумал, что под углом к земле несется горящий пассажирский самолет. Происходило это в километрах двух от меня: примерно на таком расстоянии находится Чегемский лес, а самолет летел прямо на лес. Однако, приглядевшись, понял — нет, не самолет

это: предмет был скорее похож на пассажирский авиалайнер, только размерами раз в десять превосходил его. Острый нос, хвост, несколько подрубленный сзади, короткие, очень короткие крылья.

Как я разглядел все эти подробности в темном, ночном небе? В местах расположения крыльев с двух сторон сыпались искры, напоминающие искры во время работы электросварочного агрегата. Они и высвечивали крылья. Из хвостовой части непрерывно вырывались пучки огней: впечатление такое, что там сидят несколько человек и стреляют из ракетниц. Но больше всего поразили иллюминаторы: они были огромные, на весь борт предмета, и ярко освещены. Насчитал их десять. Людей в иллюминаторах не было видно.

Все происходило в абсолютной тишине. Я даже испугался – взорвется. Но агрегат долетел до леса, повис над ним и через несколько секунд исчез: свет потух, и предмет словно растворился в воздухе. Все это произошло минут за 6–7.

Лейтенант Шогенов подтвердил свой рассказ вырезкой из статьи «Удостоились внимания инопланетян?» в Баксанской районной газете «Коммунист» (1989. 18 февр. № 22).

Вот некоторые подробности из этой статьи.

В журнале, который ведется РОВД, записано, что 13 февраля 1989 года в 21 час 55 минут жители Баксана А. Каншоев (ул. Шогенцукова, 158), Р. Хажметов (ул. Шукова, 44) сообщили, что видели в небе над городом нечто, похожее на самолет, терпящий катастрофу. Почти одновременно с этим звонком то же самое по рации в дежурную часть передали и милиционеры патрульно-постовой службы РОВД.

Артур Аюбов, младший сержант ППС: «Мой пост на автовокзале. Было около десяти вечера, когда меня окликнул стоящий на стоянке таксист: «Смотри вверх!». Подняв голову, увидел что-то фантастическое: в небе прямо над головой двигался объект необычных очертаний. Первое впечатление было, что горит самолет. Однако двигался он довольно медленно, совершенно бесшумно, излучая довольно яркий свет, похожий на свет нескольких ярких прожекторов, оставляя позади как бы хвост из ярко-красного пламени. Нет, на горящий самолет это похоже все-таки не было. Объект двигался в сторону Прохладного, казалось, постоянно снижаясь, пока не скрылся за горизонтом».

То же самое наблюдали в разных концах города постовые милиционеры Мухамед Чеченов, Аркадий Мишлюжев, Хасан Дугулубгов. Звонки в РОВД поступили и от дежуривших в этот вечер медиков «скорой».

Кстати, они, как и сотрудники патрульной автомашины милиции, сопровождали объект по госдороге до КДП, пока он не скрылся из виду где-то в районе Псыхурея–Крем-Константиновки. Свидетелями необычного зрелища стали и жители Баксаненка, Кызбуруна III. Наш фотокорреспондент Юрий Гергоков, наблюдавший необычное явление, тоже решил, что видел терпящий катастрофу самолет или же падающий метеорит.

Кстати, очевидцы описывают неопознанный летающий объект по-разному. Одним показалось, что у него были крылья огромного размера, объятые огненно-красным сиянием. Другие утверждают, что крыльев не было вообще. Один описывает очертания округлыми с прожекторами по периметру, другому показалось, что эти самые прожекторы, которых было якобы не более десятка, располагались впереди в один прямой ряд.

Но сегодня мы уже совершенно точно знаем: вечером в понедельник 13 февраля авиакатастроф в регионе не зарегистрировано. А сотрудники дежурной части РОВД по оперативной связи со своими коллегами из соседних республик узнали, что в этот вечер подобное небесное тело наблюдали и в Нальчике, Дагестане, Чечено-Ингушетии».

Итак, суммируем: «13 февраля 1989 года из Баксанского ущелья вышел цилиндр длиной 150 метров и двинулся по направлению к Нальчику. Размер объекта измерили по телеграфным столбам вдоль шоссе, а скорость – порядка 100 километров в час – по спидометрам автомобилей, которые пытались преследовать тело. Вдоль цилиндра располагались четырехугольные округленные окна наподобие иллюминаторов, которые светились при подлете к Нальчику, а также имелся мощный сканирующий прожектор. 6 сентября, а затем 11 октября этот же объект вновь появился над Нальчиком, причем в последний раз он снизился над центром города до 50 метров и стал медленно разворачиваться»³.

А теперь две весьма схожие истории, датированные все тем же 1989 годом. Обе они, помнится, вызвали немало иронических реплик, досужих домыслов, сделав их непосредственных участниц притчей во языцах. Но никто (ни тогда, по горячим следам, ни впоследствии) так и не попытался разобраться, где в происшедшем (а оно на самом деле имело место быть) правда, а где домысел.

Итак, в заметке «Сети для женщин» читаем: «Мы расскажем о попытке пришельцев похитить 16-летнюю Наташу Барину, учащуюся СПТУ, жительницу одного из поселков Кабардино-Балкарии.

Одиннадцатого октября 1989 года в шесть часов вечера Наташа вернулась домой после занятий. Зашла во двор, села на мопед, который стоял под металлическим навесом для виноградника. Задумалась. Вдруг в голове зазвучал голос, четкий, без интонаций, как у робота: «Сидите смирно, пока ваши голова, ноги и руки в порядке». Наташа осмотрелась. Над ней висела сетка. Прозрачная, тонкая, словно из полиэтилена. Ячейки шести-восьмигранные, со сторонами примерно 50 мм. Из переплетений струился мягкий свет.

Н а т а ш а: «Голову сдавило, послышались звуки, напоминающие дыхание. Почувствовала, что поднимаюсь вместе с мопедом. Я закричала».

Она хотела ухватиться за щит, к которому был прислонен мопед, но рука прошла сквозь него, как в пустоту. Размахивая руками, задела сетку: будто током ударило. С трудом сошла с мопеда, ноги были ватными и проваливались во что-то мягкое. На крик девушки из дома высочили родственники – тетя Галина Ребрина и ее муж Николай.

Г а л и н а Р е б р и н а: «Наташа размахивала руками, как бы отталкивая что-то сверху, и кричала. Голос был звенящим, очень громким».

Н а т а ш а: «Я увидела тетю через сетку: ее ячейки просматривались на свету горевшей у крыльца лампочки. Тетя что-то возбужденно говорила, но я не слышала ее».

Тут подбежал Николай, подхватил Наташу и завел ее в дом. В течение часа девушка приходила в себя, и все это время у нее дрожали руки. На кончиках пальцев остались следы от сетки.

Что можно добавить к этому? Местные уфологи, исследовавшие место происшествия, обнаружили здесь, на площади 250 на 90 метров, положительную аномалию. Они же выявили очевидцев, наблюдавших в это же время НЛО на большой высоте над этим районом. А через три дня жители близлежащего Нальчика вновь увидели теперь уже восемь неопознанных летающих объектов»⁴.

Вы, возможно, заметили, что приведенная нами заметка, рассказывающая о попытке похищения Наташи Бариновой, озаглавлена не в единственном, как было бы логично в означенном случае, а во множественном числе – «Сети для женщин». Ее автор, не зная на тот момент о другом аналогичном случае, оказался провидцем: «сети» были запущены вторично, практически сразу, и в них чуть не попала Баблина Балиева, жительница селения Чегем II.

«История ее приключений, связанных с НЛО, такова. Поздно вечером Баблина, уложив внучку спать, вышла во двор и... увидела перед собой большое светящееся сетчатое полотно. Ячейки были квадратные,

примерно десять на десять сантиметров, они очень ярко и красочно переливались всеми цветами радуги. За сеткой ничего не было видно. Сильное удивление женщины сменилось не меньшим испугом, и она убежала в дом.

— Я несколько дней никому ничего не рассказывала, — говорит Баблина, — думала, люди на смех поднимут. Но когда все это повторилось...

А повторилась история с сеткой через несколько дней. Опять же поздно вечером Баблина вышла во двор и через какое-то время увидела, как примерно с тридцатиметровой высоты прямо на ее бедную голову опускается все то же светящееся сетчатое полотно. Женщина снова не на шутку перепугалась и с криком бросилась в дом. Всю ночь не могла спокойно заснуть, а наутро рассказала родным и знакомым про эти истории. Выяснилось, что некоторые жители Чегема в те вечера наблюдали пролеты ярких шаров над поселком.

Вернувшись в Москву, я получил письмо от одной читательницы из города Котельнича с текстом молитвы, в которой содержатся и такие слова: «...Бог мой, на которого я уповаю! Избавь от сети ловца, от губительной язвы». Похоже, что древнему сочинителю этой молитвы были знакомы приведенные выше случаи «с небесными ловцами». Многие мои знакомые уфологи абсолютно уверены, что участвовавшие случаи бесследного исчезновения людей — это дело рук не столько земной, сколько космической мафии»⁵.

И еще одна история тех лет, рассказанная ее непосредственным участником (госслужащим одного из советских органов, по имени Азамат, попросившим не называть его фамилию по причинам, которые станут ясны ниже) журналисту Али Казиханову.

«В 1990 году, — рассказал Азамат, — я работал в Нарткале. Поздним вечером 31 апреля мы с коллегами, завершив подготовку к завтрашнему Первомаю, решили отметить предстоящий праздник. Посидели хорошо, весело. Одним словом, только часам к четырем утра сел я за руль своей «шестерки» и покатил в Нальчик. Настроение замечательное, погода прекрасная, по-весеннему теплая, на шоссе ни души...

Где-то на полпути заметил сверкающий шар. Он висел слева от меня, в поле. В другой раз в жизни бы не остановился, но настроение великолепное, душа поет. В общем, остановил «шестерку», перешел шоссе и направился к шару. Думал, потрогаю — и назад. Но чем ближе подходил к нему, тем больше он становился. Шагов за двадцать шар уже выглядел высотой метра в три-четыре. В его отполированных боках отражались кусты и я, идущий к нему.

Внезапно шар исчез. Испарился, как в сказке говорят. Я подошел к месту, где он только что находился, чтобы увидеть следы, которые оставил шар — он ведь должен был их оставить, — но кусты, трава оставались нетронутыми, непримятыми, никаких следов присутствия машины. Сильно удивило это меня. Но нужно было спешить домой, и я вернулся к дороге. А там еще один сюрприз — исчезла моя машина: украли, пока я ерундой занимался!

На счастье показался грузовик, на котором я вернулся в Нарткалу. Ворвался в ГАИ, кричу:

— Ребята, выручайте, «шестерку» мою угнали!

А они стоят, обалдевшие, челюсти чуть ли не до пола отвисли.

Потом пришли в себя и во двор меня ведут:

— Вот твоя «шестерка», — показывают на мою машину и спрашивают: — Где ты был, Азамат, мы тебя уже трое суток ищем, кто-то сообщил нам утром о брошенной у дороги автомашине, приехали — стоит, дверца открыта, ключи в замке зажигания... Ждали тебя, думали — отошел куда-то в кусты. Но ты не появился ни через час, ни через два. Искали по всему району, всей республике. Потом в розыск всесоюзный объявили...

Я было начал свой рассказ о шаре, но вовремя осекся: в лучшем случае не поверили бы, стал бы объектом насмешек на всю жизнь, в худшем — в психушку бы упекли...»

В этот же день Азамат обследовался у врачей, все анализы сдал, попросил исследовать поверхность тела на предмет инъекций или иных воздействий.

«Все чисто, ничего не обнаружили, — закончил Азамат свой рассказ. — С тех пор и ношу эту историю в памяти. Даже жене не рассказывал. Она ведь до сих пор уверена, что я три дня гулял где-то на стороне... Но где был все эти трое суток, хоть убейте, не помню».

Что к этому добавить? Только одно: если мы чего-то не понимаем, это вовсе не значит, что этого не может быть. Иные миры могут быть и далеко, и близко, и даже в нас самих...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энциклопедия загадочных мест России. М.: Вече, 2007. С. 397–399.

² Цит. по: «Наутилус» без капитана Немо // Фенид. Вып. 2. Сб. 3: НЛО: за и против. Гомель, 1990. С. 55–57.

³ Там, за горизонтом: Заметки со Всесоюзного семинара по аномальным явлениям // Там же. С. 107.

⁴ «Сети» для женщин // Там же. С. 94.

⁵ Женщина и НЛО // Там же. С. 100–101.

НЕОБЪЯСНИМЫЕ КРУГИ

Ущелье реки Псыгансу (его еще называют Суканским) – красоты редкостной, но в силу разного рода причин в последнее время людьми мало посещаемое. Хотя и расположено сравнительно недалеко – из Нальчика по дороге через Герпегеж, повернув налево у каскада Нижнечерекских ГЭС, проехав через селения Нижняя и Верхняя Жемтала, до самого ущелья каких-то четыре десятка километров.

И дорога здесь вполне нормальная – понятно: горная, но не серпантинная, без затяжных подъемов и спусков, вполне наезженная и посильная любому виду транспорта.

Идущая по правому (если ехать вверх) берегу реки Псыгансу, она практически на всем своем протяжении жмет к скалам, то нависающим прямо над дорогой, то отходящим пологими склонами на сотню-другую метров.

Красота здесь не суровая, безжизненная, как в верховьях расположенного за хребтом Черекского ущелья, а многоцветная, в летнее время особенно яркая. Горные склоны, покрытые удивительным цветочным ковром, поражающим изобилием видов и многообразием оттенков, разбегаются на определенных участках достаточно далеко, даруя обильные пастбища. С другой стороны ущелья они открываются великолепными цирками, дно которых сияет изумрудной травой, оттеняя коричневый амфитеатр отвесных стен.

Сегодня люди здесь, как отмечалось выше, – гости редкие: несколько пастушьих стад да по выходным одна-две машины любителей горных пикников за весь световой день. Как перевал – если свернуть в середине ущелья налево, то дорога (достаточно сносная и проходимая) приведет напрямик в селение Верхняя Балкария – не используется. Туристами – в советские времена здесь проходил один из популярных маршрутов – тем более.

Вероятнее всего, именно поэтому никто не обратил внимание на необычные круги, появившиеся как-то летом на одном из склонов дороги, поднимающейся из ущелья на перевал. Их здесь несколько. Один большой – диаметром семь с половиной метров и три маленьких – диаметром около трех метров каждый. Если присмотреться

внимательнее, вправо от большого круга вырисовывается какая-то геометрическая фигура, чем-то напоминающая два ромба, поставленных друг на друга.

Круги отчетливо видны с дороги, их форма практически идеальна. Глядя на них, сразу вспоминаешь о подобных объектах, ставших широкоизвестными после появления их в 1980 году в английском графстве Хэмпшир, впоследствии распространившихся по всему миру. В том числе и в России: не так давно они появились в Адыгее, о чем сообщало Центральное телевидение. Зародилась даже целая наука о кругах — *цереология*, которая предлагает несколько версий данного феномена. Среди объяснений: воздушные вихри — микроторнадо и следы от энергопотока, посадки НЛО и способ передачи информации, химический состав почвы и лазерное оружие, домашние животные и люди... (в «Энциклопедии загадочных мест мира» все они изложены и прокомментированы достаточно пространно).

Но явление, обнаруженное нами, совершенно другого характера: во-первых, круги расположены не на равнинной местности, а на достаточно пологом склоне, что не предполагает место приземления, а самое главное, образованы они не полегшей пшеницей (в нашем случае — дикорастущим растением), а выросшей. Называется этот род растений «костер». В нашем случае (существует десять видов) костер пестрый. Это одно-, двулетник высотой до 80 сантиметров, растущий на лугах, у дорог, на полях. Глядя на круги, создается впечатление, что кто-то специально высеял костер строго по окружности. «Высев» неравномерный и, без сомнения, искусственный — трудно представить, кому и с какой целью могла прийти в голову такая идея. Тем более она выглядит абсурдной, если подняться к самим кругам. На самом склоне, без подсказки снизу, маленькие из них найти почти невозможно.

Мы не проводили специального исследования этих мест — радиационного анализа, химического анализа почвы, биолокацию, не проверяли версию о том, что подобный вырост травы свидетельствует о наличии определенных полезных ископаемых (в частности, меди). Хотя из исторических документов известно, что в XVI–XVII веках в верховьях реки Псыгансу располагались выработки серебряно-медных руд. В частности, об этом говорится в отписке астраханского воеводы Ю. П. Буйносова-Романовского, направленной в 1627 году в Посольский приказ. Еще в одном документе, адресованном также в Посольский приказ, терский воевода И. А. Дашков в середине XVII века

уточняет, что «до той руды по Сюгун-су реке версты три»¹. Но откуда считать эти километры, не совсем ясно — нахождение рудных выработок, осуществлявшихся местным населением, сегодня неизвестно.

Что касается кругов, то после публикации в одной из газет нам подсказали, что подобные увиденным нами встречаются во множестве на склонах Аурсентха, где к ним привыкли и воспринимают как обычное явление. Действительно, побывав на горных пастбищах, мы убедились, что один из горных склонов буквально исчерчен словно огромным циркулем идеально ровными окружностями самых разных размеров — от малых до огромных. Вопрос — о чем свидетельствует этот природный феномен? — остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Цит. по: Чеченов М. И. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 96.

АДЫГСКАЯ АМАЗОНИЯ

...Хотим мы этого или нет, но тысячелетия придали слову «амазонка» весьма романтический оттенок: теперь удостоившаяся этого определения не столько воительница – грубая, бессердечная и жестокая, а в большей степени любовница – утонченная, изысканная, отчаянно-раскованная. И эта понятийная трансформация вполне объяснима – эмансипация превратила женщину в ту, кем она и задумана была Создателем изначально – не товарищем, соратником, работницей, а подругой, утешительницей, дарительницей удовольствия и продолжательницей жизни.

Впрочем, а как же римские мраморные копии с греческих оригиналов Фидия, Поликлета, Красилая, сцены битв на гробнице Мавзола (того самого, от имени которого образовалось слово *мавзолей*) и на Парфеноне, спросит кто-нибудь из знатоков мифологии. Да, они весьма привлекательны даже сегодня, но отображают не внешний вид амазонок, как таковых, а опозитизированные представления скульпторов о том, как они могли выглядеть. Действительность же была куда прозаичнее – при появлении амазонок не песню любви запевали, а уносили ноги куда подальше. Да и как было поступить иначе при виде несущегося на тебя всадника-воина, пусть и в женском облики, но косматого – развевающиеся волосы доходили до крупы лошади; с разверстым в визгливом крике ртом, придающим лицу обезображивающее – до животного облика – выражение; с обнаженными мускулистыми и черными от горячего южного солнца руками, в одной из которых сверкало не знающее пощады смертельное оружие – ослепляющее и обгадряющее...

Такой она была, подлинная амазонка – женщина, забывшая о своем природном предназначении, несущая не жизнь, а смерть.

...Если разобраться, по большому счету доподлинно нам так ничего и неизвестно об амазонках – были ли они на самом деле, где располагались их владения, что случилось с ними впоследствии? Общепринято считать, что племя женщин-воительниц получило свое имя, вероятнее всего, от названия обычая выжигать у девочек правую грудь для более удобного владения оружием. В определенное время

года амазонки вступали в физиологическое общение с мужчинами, а, родив, оставляли в племени только девочек; мальчиков же убивали или, по другим источникам, отдавали воспитывать на сторону. Вооружены были луком, боевым топором, легким щитом, сами изготовляли шлемы и одежду.

Во множестве трудов античных авторов, в том числе Гомера, Эсхила, Плутарха, Вергилия, Еврипида, встречаются упоминания о битвах и деяниях амазонок. У Геродота, Гиппократ, Лисия, Диодора Сицилийского уточняется и место их обитания: с одной стороны, на реке Фермодонт у города Фемискира (ныне территория Турции), с другой – в районе предгорий Кавказа и Меотиды (Азовское море). Вот этот ориентир – предгорья Кавказа – мы и положим в основу нашего рассказа.

Обратимся к знаменитой «Географии» древнегреческого ученого Страбона: «Метродор Скепсийский и Гипсикрат утверждают, что амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими. Все остальное время амазонки употребляют только для себя, выполняя отдельные работы, как пахота, садоводство, уход за скотом и в особенности за лошадьми; наиболее сильные из амазонок занимаются, главным образом, охотой верхом на лошадях и военными упражнениями. С детства у всех них выжигают правую грудь, чтобы свободно пользоваться правой рукой при всяком занятии, и прежде всего при метании копья. У них в ходу также лук, боевой топор и легкий щит; из шкур зверей они изготовляют шлемы, плащи и пояса. Весной у них есть два особых месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргарейцев. По некоему стародавнему обычаю, и гаргарейцы также восходят на эту гору, чтобы, совершив вместе с женщинами жертвоприношение, сойтись с ними для деторождения; сходятся они тайком и в темноте, кто с кем попало; сделав женщин беременными, гаргарейцы отпускают их домой. Всех новорожденных женского пола амазонки оставляют у себя, младенцев же мужского пола приносят на воспитание гаргарейцам. Каждый гаргареец принимает любого принесенного ему младенца, считая его, по неведению, своим сыном.

Река Мермода, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок, Сиракену и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Майотиду. Гаргарейцы вместе с амазонками, как говорят, поднялись в эти места из Фемискиры; затем, однако, начали восстание и начали воевать против амазонок вместе с какими-то

фракийцами и евбейцами (которые в своих кочевьях доходили до этих мест); впоследствии, прекратив войну, они заключили соглашение на вышеупомянутых условиях: будут общаться друг с другом только для того, чтобы иметь детей, жить же каждое племя будет самостоятельно.

Со сказанием об амазонках произошло нечто странное. Дело в том, что во всех остальных сказаниях мифические и исторические элементы разграничены. Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же — будь то древняя или новая, — требует истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко. Что же касается амазонок, то о них всегда — и раньше, и теперь — были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные. Кто, например, поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло состоять из одних женщин без мужчин? И мало того, что состояло из них, но даже могло делать набеги на чужую землю и побеждать не только соседние племена, так что это войско дошло до теперешней Ионии и могло предпринять даже заморский поход вплоть до Аттики? В самом деле, это допущение равносильно тому, если сказать, что тогдашние мужчины были женщинами, а женщины — мужчинами. Более того, такие же сказания об амазонках распространены и теперь, и наша склонность верить больше древним сказаниям, чем современным, еще более усиливает упомянутую странность.

Во всяком случае, передают об основании амазонками некоторых городов и о названиях их, происходящих от амазонок, например, Эфес, Смирна, Кима и Мирина, а также о их могилах и других памятниках. Все называют Фемискиру, равнины около Фермодонта и горы, возвышающиеся над ними, страной амазонок, утверждая, что они были изгнаны отсюда. Что касается теперешнего местопребывания амазонок, то только немногие сообщают об этом лишь бездоказательные и неправдоподобные сведения. Таков, например, рассказ о царице амазонок Фалестрии (Тхалестрии), с которой, как говорят, Александр вступил в сношения в Гиркании и даже сошелся, чтобы иметь от нее детей. Ведь этот рассказ не все принимают за достоверный: из множества источников те, кто более всего любит истину, ничего не говорят об этом, а те, кто заслуживает наибольшего доверия, вовсе не упоминают об этом, даже те, которые сообщают этот факт, рассказывают о нем по-разному. По словам Клитарха, Фалестрия даже прибыла к Александру от Каспийских Ворот и Фермодонта, между тем как расстояние от Каспийской области до Фермодонта больше 6000 стадий»¹.

Итак, Страбон, сообщив, что река, впадающая в Меотиду (Азовское море), разделяет амазонок и жителей Кавказа, определяет их место обитания. Все это наши места – Северный Кавказ, а время «начала начал «Амазонии» – XIII век до новой эры»² – так считает исследователь Эдуард Якубовский.

Впрочем, наиболее полный свод сведений об амазонках составил выдающийся советский этнограф М. Косвен, к трудам которого, а также к весьма любопытной публикации А. Цагарели «Амазонки на Кавказе» (Кавказ. 1870. № 146) мы и отсылаем всех интересующихся этой темой. Сами же обратимся к более поздним источникам – трудам европейских авторов, воспроизведенных нами в приложении к книге «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа».

Так католический миссионер Арканджело Ламберти, находившийся в 1630–1650-х годах в Мингрелии с целью распространения католицизма, в труде «Описание Колхиды» сообщает: «...в Кавказских горах в сторону Каспийского моря географы помещают амазонок, про которых утверждают, что хотя это были и женщины, но они были очень храбры на войне. Уже Плутарх в «Жизни Помпея» отметил, что когда Помпей преследовал бежавшего Митридата, то ему в Кавказских горах сопротивлялись, в числе других варваров, и амазонки. Всех этих варваров Помпей победил, покорил и множество убил; в числе убитых долго искали амазонок, но ни одной мертвой амазонки не нашли, хотя признаков их присутствия было много. За верность этого факта я не ручаюсь, но не подлежит сомнению, что до сих пор некоторые следы древних амазонок сохранились в этой стране, хотя не в первоначальном виде. И действительно, когда я жил в Колхиде, пришло к владетелю известие, что какие-то народы в большом числе выступили из своей родной страны и образовали три войска; самое большое войско пошло на Московское царство, а другие направились на Кавказ, чтобы напасть на сванов и карачаевцев. Но со всех этих мест они были отброшены назад с большим уроном, и когда тамошние жители раздели убитых, то в их числе они нашли много женщин.

В подтверждение этому Дадияну как раз принесли оттуда несколько штук оружия, которое носили эти женщины. Оно доставило владетелю весьма большое удовольствие, и у него возникло сильное желание, чтобы хоть одна из этих женщин попала в его руки. Поэтому владетель обещал большие подарки сванам и карачаевцам, если в случае вторичного нападения одну из них они поймут и живой приведут к нему: уж очень сильно он желал увидеть, как это женщина сражается с его подданными.

Оружие, которое принесли владельцу, было очень красивое и сделано с изысканным изяществом женских рук. Каска была почти такая, какую носят наши кавалеристы; латы на груди, на спине и на руках состоят из тонких и плоских железных кусков наподобие чешуйчатого панциря, который легко можно надеть. К панцирю внизу приделано что-то вроде юбки, которая достигает до колен; она шерстяная, наподобие нашей саржи, но такая ярко-красная, что похожа на самую тонкую порфиру. Обувь была удивительна по виду и по крою: верхняя часть всецело была покрыта крохотными кусками белой меди, величиною не больше булавочной головки. Пуговицы эти с внутренней стороны имеют отверстия и нанизаны на тонкие, но крепкие тесемки из козьей шерсти, которые внутри удивительно красиво и с большим мастерством переплетены между собою. Стрелы у них очень длинные, почти в четыре пяди в длину, и позолочены с начала до конца; они из лучшей стали, но не заострены, как обыкновенная стрела, а плоски и отточены, как скальпель; ширина кончика иной раз равняется ширине одного пальца; другой раз еще больше, в три или четыре пальца. Вот все, что в этой стране я видел и слышал про этих воинственных женщин, которые, как мне передавали, обыкновенно воюют с татарами, называемыми *калмуками*³.

Своеобразным дополнением к этому рассказу служат заметки саксонца Якоба Рейнегтса. Этот путешественник, настоящее имя которого Кристиан Рудольф Элих, в 1781–1783 годах по заданию российского правительства совершил пять экспедиций по Кавказу. В изданном на немецком языке его двухтомном сочинении «Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа», в частности, рассказывается о миграции древних черкесов, которые населяли берега Черного моря и «часто воевали с эммеками (имеретинцами). То были женщины, которые владели тогда нынешними Черкесскими и Сванскими горами и всей равниной до Ахло-Кабака. Они не допускали к себе мужчин, но, полные воинственной доблести, принимали к себе каждую женщину, которая изъявляла желание принять участие в их вторжениях в чужие земли и имела доступ в их героическое общество.

Наконец, после долгих войн, проходивших с переменным успехом, обе армии встретились для решительного сражения. Неожиданно предводительница эммеков, известная как выдающаяся прорицательница, предложила тайную встречу Тульму, командиру черкесов, который также обладал даром предвидения. Немедленно была разбита палатка в поле между двумя армиями, и пророк уединился в ней

с пророчицей. Спустя несколько часов предводительница эммечей вышла и объявила своему войску, что она, убежденная пророчествами Тульма, принимает их и признает как собственные пророчества; она берет себе пророка в качестве мужа, и отныне вражда должна быть прекращена, и что обе армии должны последовать примеру своих вождей. Так и сделали. Женщины немедленно положили конец войне и приняли черкесов в качестве своих мужей, которые, довольные своими новыми женами, были увлечены ими в места нынешнего их проживания»⁴.

И еще одна цитата, которая нам видится наиболее уместной, так как не только дополняет две предыдущие, но и привносит в тему конкретный географический колорит. Так вот, неизвестный автор (впоследствии выяснилось, что это Джордж Эллис, сотрудник английского посольства в Москве) «Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с перечислением кавказских народов и словарей их языков», вышедшей в Лондоне в 1788 году, сообщал следующее: «Предшествующее описание свобододолюбивого нрава черкесов, их образа жизни и обычаев в равной мере относится ко всем горцам Кавказа так же, как, наверное, и ко всем остальным нецивилизованным народам на земле. Нам представляются необычными лишь два обычая. Во-первых, запрет мужчинам под страхом публичного позора видаться и разговаривать на людях с женой, вследствие чего супруги как бы делятся на разные классы. Во-вторых, обычай забирать мальчиков у отцов и поручать их воспитание чужим людям. Девочек воспитывают только матери. Трудно сказать, у кого были переняты эти странные обычаи. Если предположить, что они существовали на Кавказе уже в древности, тогда можно даже попытаться объяснить и существование сказочных амазонок и гаргаренов, которые, по мнению древних географов, жили на землях, сейчас заселенных черкесами.

...В отношении амазонок Страбон замечает, что многие древние легенды становятся предметами насмешек и постепенно забываются, однако истории о воинственных амазонках регулярно подтверждаются рассказами путешественников. Нет ничего странного в том, чтобы женщины могли разводить лошадей, ездить на них верхом и помогать мужьям в битвах. Прокопий пишет, что римляне после сражений с гуннами часто находили на поле брани тела женщин. Зонар сообщает, что после сражения между Помпеем и албанами было найдено несколько доспехов, принадлежащих амазонкам. Во время

пребывания в Мингрелии отца Ламберти Дадиан (князь Мингрелии) получил сообщение о набеге на сванов и каракиоли (карачаев) нескольких кавказских племен. Бандиты получили достойный отпор, и после сражения было найдено много тел женщин. Дадиану прислали их доспехи. Они состояли из шлема, брасардов и кирасы, сделанных из небольших стальных пластин. К кирасам была прикреплена очень красивая красная юбка из саржи, которая достигала коленей.

Самыми удивительными обычаями, приписываемыми амазонкам, можно считать многомужество, избавление от сыновей и ампутацию одной груди. Последний обычай скорее всего придуман греческими этимологами для объяснения названия народа. На наш взгляд, с таким же успехом можно попытаться найти происхождение названия в черкесском слове «маза», которое означает луну, бывшую главным божеством у горцев Кавказа. Не исключено, что черкесская «луна» и явилась источником происхождения слова «амазонка», а вовсе не греческое «грудь». Однако решение этого вопроса следует предоставить этимологам⁵.

...Так как работы означенных выше авторов были переведены на русский язык только в последние годы, они, по понятным причинам, не были доступны Муаеду Ахметову – человеку, твердо уверенному, что он нашел одно из мест, где жили легендарные амазонки. А значит, черкесская версия обитания воинственного племени вполне имеет право на жизнь.

Так вот, по мнению Ахметова, родиной амазонок действительно были предгорья Кавказа, а если более конкретно – территория нынешней Кабардино-Балкарии и прилегающих к ней земель. Именно здесь располагались поселения воительниц. Доказательства? О них ниже. А пока расскажем о том, как Муаед заинтересовался историей амазонок. Было это более полувека назад, когда дед пятилетнего мальчика Асхад Теунович Ахметов, человек, знавший огромное множество легенд, преданий, притч, поговорок, если говорить по большому счету, один из последних хранителей древних знаний, повез внука в Пятигорск. И подъезжая к знаменитой горе Машук, сказал мальчику сакральные слова, запавшие в детскую душу и родившие желание не просто заглянуть в ушедшее, а сделать это прошлое – великое потерянное прошлое, скрытое под напластованиями времени, – достоянием современников.

Слова эти были такими: «А под этой горой ежегодно в день весеннего равноденствия собирались амазонки и устраивали состязания по бегу. И здесь они делили земли и воды».

Откуда старый, практически не знавший грамоты (умел только читать и писать), не знакомый с трудами историков человек знал об амазонках? Не из книг — из родовой памяти: о них ему рассказывала мать, а той — ее родители, и так от колена к колену, уходя в глубь столетий. Не было у кабардинцев письменности вплоть до двадцатого века, и лишь устные предания, передаваемые из поколения в поколение, сохранили нам события многовековой давности. Дед как о само собой разумеющемся рассказывал о силе, умении, мощи женщин-воительниц. Об их невиданном страшном оружии — стальной гибкой сабле, которую амазонки носили на поясе, но для врагов отождествляемой с поясом, мгновенно преобразующимся — выхватываемым и тут же безжалостно разящим. От сабли этой, называемой адыгами «и залэр маеу», что переводится как «сосредоточенная в малом огромная мощь», изготовленной методом порошковой металлургии (по технологиям, которые ныне утеряны), невозможно было защититься: огибая щиты и подлокотники, она несла смерть противнику. Вероятнее всего, именно это оружие великий историк Геродот назвал «поясом царицы амазонок Ипполиты — даром бога войны Ареса». Теперь понятно, почему древние эллины, вооруженные бронзовыми мечами, отступали под натиском амазонок, разящих сверкающими клинками.

Рассказывал дед и о том, где находились поселения амазонок — не на берегу Черного моря (Эвксинского Понта), о котором он слышал, но в глаза не видел, а в местах, где жил сам и по которым ходил Муаед. На территории того же селения Кенже, родного для Ахметовых. Остатки древней крепости, некогда располагавшейся здесь, заметны и сегодня, а топонимика служит еще одним подтверждением черкесской версии обитания воительниц. Здесь и «Ньюэжь Клагуэ йуащхэ» — курган Куцей Бабки, и «Къанжь унэ» — Дом Сороки, то есть курган, названный именем старой амазонки; дом свиданий. А в районе Хасаньи есть речка Нарт-унэ, что переводится как «дом свиданий для нартов».

Укрепления воительниц располагались и у нынешних селений Аргудан, Алтуд, Сармаково, в местечке Гузерпиль, что в Адыгее на реке Белой, что, кстати, переводится весьма символично: «место, куда смотрит сердце». Но главное в уверенности Муаеда Ахметова вовсе не топонимика, а эпос «Нарты», донесший до нас не только великие деяния его героев, но и историю женского военизированного общества, существовавшего на Кавказе в те далекие времена. Разделяя

мнение ученого Н. М. Дрягина, считавшего, что «красной нитью» нартского эпоса является «борьба нартвов с эммечь (амазонками)»⁶, Ахметов идет дальше — он убежден, что герои эпоса Сосруко, Бадыноко, Батараз, Шауей, Тотараш были сыновьями амазонок, в силу разного рода причин сумевшими избежать умерщвления. Вот как он трактует эпизод со сватовством нарта Шауей к красавице Малычипху: «Когда слава о красоте и уме Малычипху распространилась по всей Стране нартвов, к ней начали приходить и свататься молодые нарты. Но она всем придумывала разные предлоги и насмешки и отправляла всех восвояси... И приехал к ней Шауей со словами: «Попробуй мне сделать замечание-насмешку!», тогда она попросила разрешения обойти его кругом, обошла и произнесла: «Будучи сыном Канж и не будучи сыном Нэрыбгей, ты не жил бы!». Шауей ушел с низко опущенной головой, не смея ничего возразить...» Если перевести эту отповедь на понятный язык, то Ахметов видит следующее: девушка сказала нарту о том, что у него нет определенного отца, ибо он сын нарта, приходящего в дом свиданий. Его должны были умертвить, но так как его родила великанша Нэрыбгей, которую все боялись, он остался жив.

Амазонкой была и Сатаней, о чем говорит знание ею военных хитростей, которые она передала сыну Сосруко, произнеся при этом: «Не сравнивай меня с женщинами, сынок», так и слова о самой себе: «Сатаней подобна сидящему в седле нарту, но ведь Сатаней не считают обычной женщиной». Да и манера поведения, убедительно свидетельствующая в сказании «Бадыноко», что она руководила в молодости домом свиданий. Вспомним этот весьма красноречивый эпизод: «Что ни говорит Сатаней, Бадыноко оставляет без внимания. Тогда Сатаней сорвала с головы платок, обнажила белую шею с обеих сторон — показывает. И то ни во что он почел. Спустила ниже груди одежду — показывает. И то ни во что он почел. Ниже междуножья опустила одежды. Глянул, но и то ни во что он почел. Тогда она порвала шелковый шнур, сбросила прочь шаровары, — и то ни во что он почел.

Тогда Сатаней закричала:

— Эй, эй, ты, зачатый бродягой, шатающимся туда и сюда! Эй ты, снятый с кучи навозной! Коли у нас в округе найдется вертун похлеще тебя, пусть Тха с высокого места произнесет смертное слово над нашей землей. Ты не принимаешь угощений моих! Ладно! Я найду гостей и друзей, кто отведают моих трав, кто поднимет мою чашу!

Отвечает Бадыноко:

— Сатаней, ты — ведьма, составляющая яды, чтоб изводить нартов. То, что ты мне показала, — то нартов улада. Если б такие бабы, как ты, меня могли завлекать, я бы не дожил до сего дня...»⁷

Впрочем, дома свиданий, располагавшиеся вблизи крепостных укреплений, чьи названия сохранились в топонимических названиях, — лишь одно из многих свидетельств обитания амазонок на территории Кабардино-Балкарии. В книге Муаеда Ахметова их предостаточно — конечно, перед нами художественное произведение, но логика его построения, основанная на документальной базе, придает повести не просто конкретику, а особую правдивость. Греческие мифы и труды Геродота — своего рода реальная канва происходящего действия, в которую логично ложится и история Антеипху, вышедшей замуж за царя Тесея; того самого, который победил Минотавра; и война амазонок с эллинами, разрушение ими Аттики, захват Афин, датируемые 1255 годом до нашей эры. И история воительницы Дадух, ставшей царицей савроматов...

Вот это глубочайшее знание древней истории больше всего поразило, когда Муаед пришел в наше издательство с предложением издать написанную им книгу. Хотя сомнения и присутствовали — ведь за роман взялся человек, практически не имеющий никакого отношения к литературе. Окончив в 1977 году Хабаровский политехнический университет, он продолжительное время работал на различных руководящих должностях в строительной отрасли Камчатской области. Вернувшись в 1995 году в Кабардино-Балкарию, избранной профессии не изменил — по-прежнему занимается строительством. Правда, в его биографии были и литературные опыты — пробовал себя в детских стихах, даже печатался в кабардинских журналах «Ошшамахо», «Нур», республиканских газетах. Но солидное прозаическое произведение, требующее глубоких знаний литературного творчества — построения фабулы, проработки персонажей, создания не ходульных, а реальных образов — со своей биографией, индивидуальным языком, логикой поступков... Все это присуще роману «Адыгские амазонки», написанному с большим авторским мастерством.

В процессе работы над книгой, а она заключалась не только в редакторской правке рукописи, но и в поездках по тем местам республики, где проходило действие, крепла уверенность, что все, о чем идет речь, происходило на самом деле. Происходило именно здесь, где сегодня ступаем мы. Вот то самое укрепление (вал), что располагалось на горе Куны, между селениями Сармаково и Каменноостское. Уже

с автомобильной трассы видны опоясывающие левую часть горы террасы, расположенные одна над другой, те самые террасы, которые Ахметов считает улицами крепости Куны.

Объезжаем гору и начинаем подъем на нее. Муаед остается внизу – последнее время пошаливает сердце и столь затяжные испытания не для него. За горой встает гора, за покоренной – следующая. Кажется, несть им числа. Но вот, наконец, подъем заканчивается: мы обошли гору Куны по периметру – и перед нами предстали те самые террасы.

Что они из себя представляют, для чего предназначены, ответить сразу достаточно сложно. Видно, что рукотворного происхождения: сама терраса шириной три-четыре метра, покатый вал высотой в полтора-два метра, за ним следующая. Так, одна за другой, они убегают вниз, но сегодня это именно терраса, а отнюдь не улица, как считает Муаед. Впрочем, о террасном земледелии здесь тоже не приходится говорить. Почему именно здесь, так далеко от жилья и воды, с одной стороны, а с другой – почему террасы не продолжают до подножия горы, ведь площадь позволяет разбить одну за другой еще несколько?

Если же это улицы, то отчего они такие узкие, ведь на них должны были располагаться землянки, более того, улицы должны были быть как-то отделены заборами. Впрочем, в те времена в этих местах крепости были огорожены в первую очередь плетневыми (турлучными) стенами, а дерево перед временем бессильно, следов от него, естественно, не осталось.

На вершине горы остатки крепости или сторожевой башни, что вернее. Черные археологи уже вели здесь раскопки и видно, что сразу за слоем земли идет каменная кладка. Она едва заметна, но тем не менее есть. Все заросло крапивой, травой по пояс, среди которой то тут то там проглядывают удивительной красоты цветы – на точечной коричневой ножке огненный раскрытый зев с черным язычком.

Цветы эти называются *филипея красная*, они разбежались по склону горы Куны, словно кто-то пролил здесь капли алой крови... Горячей, живой, прожигающей почву. И кажется, что, и вправду, прорвавшись сквозь завесу времени, здесь только что промчалась на скакуне безжалостная древняя воительница, взмахнувшая оружием божественной силы – саблей-поясом и обагившая изумрудную зелень бурлящей кровью своих врагов. Зажмуриваемся, и время действительно поворачивает вспять...

Впрочем, то же самое происходит, когда читаешь саму книгу «Адыгские амазонки», столь живо и откровенно воссоздавшую стра-

ницы истории воительниц, построивших свою великую империю на беспощадной жестокости и навсегда ушедших во тьму веков.

Что осталось от них, изменивших своему женскому естеству и уверовавших, что им позволено не даровать, а отнимать жизни, дабы «делить земли и воды»?

Малые географические объекты, все еще носящие их имена? Сами имена, столь неузнаваемо изменившиеся с веками в эпосах других народов? Народные предания, прервавшиеся с наступлением века просвещения? Или кости – женские костяки, которые во множестве были найдены в районе Кенже, когда военные строители проводили по этим местам бетонную трассу, ведущую в глубь горы.

Каждый сам волен выбрать ответ на эти вопросы, как выбрал его одаренный строитель Муаед Ахметов и не менее одаренный литератор, хрупко и любовно воссоздавший события тысячелетней давности, словно сам побывавший в тех недоступных нашему взгляду временах и вернувший нам всем Адыгскую Амазонию...

И в заключение: Муаед Ахметов завершил работу над второй частью своего романа, которую назвал «Амазонки и нарты».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Античные историки о Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 74–76.

² Якубовский Э. Быстроконные девы // Книга тайн. М.: Общество по изучению тайн и загадок Земли, 1991. С. 182.

³ Котляровы М. и В. Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. С. 350–351.

⁴ Там же. С. 374–375.

⁵ Там же. С. 404–405.

⁶ Дрягин Н. М. Любовные мотивы нартского эпоса горцев Северного Кавказа // Тристан и Изольда. Л., 1932. С. 183–199.

⁷ Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 53.

АЗИАТСКИЕ КОЧЕВНИКИ ПРОТИВ «СТРАНЫ ПОЦЕЛУЕВ»

Справедливости ради надо сказать, что у версии реального существования амазонок было (да и есть) немало противников. Одним из них являлся ученый Е. Вейденбаум, автор исследования «Кавказские амазонки». Так как оно публиковалось достаточно давно – в номере за сентябрь-октябрь 1872 года санкт-петербургского журнала «Знание», а впоследствии не переиздавалось, нам представляется полезным услышать и эти аргументы.

Вот что пишет исследователь: «Наибольшей известностью пользовались в древности амазонки, обитавшие на северном склоне Кавказского хребта. Поэтому всякий, занимавшийся древней историей и этнографией Кавказа, встречая рассказы об амазонках, невольно останавливается перед вопросом: заслуживают ли они какого-либо внимания или могут быть оставлены в стороне, как очевидно неосновательные?

В подобном же недоумении находился и автор настоящего исследования. Амазонское государство, думалось ему, представляет столько противоречащего всем познаниям нашим о нецивилизованных народах и положении женщин у них, что рассказы о подобном государстве можно было бы с большой вероятностью отнести к числу вымыслов, которых так много у древних авторов. Но, с другой стороны, каким образом отвергнуть без всякой критики и проверки то, что не включает в себе ничего очевидно нелепого и что еще и теперь считается некоторым фактом, не подлежащим сомнению?».

Начав с такой преамбулы, автор на последующих пятидесяти страницах, переходя от материка к матерiku, от одного исторического периода к другому, камня на камне не оставляет от страны Амазонии и ее жительниц. Больше других от него достается Страбону и его поздним (современникам автора) комментаторам, в частности, доктору Пфунду. Последний объяснял причину перенесения понтийскими греками предания об амазонках на черкесских женщин тем, что они, будучи похищены, продолжали «в силу своего природного превосходства, пользоваться той свободой и тем же высоким положением, которым они пользовались на родине».

«Несостоятельность или произвольность этого объяснения очевидна, – иронизирует Е. Вейденбаум, – мы не имеем никаких достоверных сведений о том, занимали ли черкесские племена уже перед Р. Х. (Рождеством Христовым) те местности, которые занимают ныне. И если занимали, то

пользовались ли уже в то время черкешенки той сравнительно большой свободой, которой они пользовались в новейшее время. Напротив того, предание, как и следовало ожидать, говорит против предположения д-ра Пфунда о свободном положении женщины у древних черкесских племен. Непонятно также почему д-р Пфунд предполагает, что именно пленные, а не свободные черкесские женщины дали грекам повод считать их амазонками: пленницы должны были волей-неволей отказываться от части своих прав под влиянием грубых нравов кочевников; женщины же свободные пользовались ими на родине беспрепятственно и потому скорее могли быть приняты греками за амазонок».

Достается от Е. Вейденбаума и Палласу, склонявшемуся «к предположению, что амазонки были покорены черкесами и смешались с ними, сохранив, однако, некоторые из своих прежних обычаев»; и Ламберти, и Рейнеггсу, уже цитированным нами.

Так кого же тогда греки принимали за женщин-воительниц, перенеся на Кавказ предание об амазонках? Цитируемый нами автор уверен, что азиатских кочевников: «Характерные признаки народов, населяющих в настоящее время Среднюю Азию и известных под общим именем монгольских, знакомы каждому: они состоят в отсутствии бороды, сильном развитии скуловых костей и в сходстве мужчин и женщин как одеждой и ухватками, так и общей формой тела». А посему «отсутствие бороды, которая у арийцев считалась лучшим украшением и отличием мужчин» и «длинные волосы, заплетенные в косы, составлявшие у арийцев непреходящую принадлежность и отличительный признак женщин» («их волосы падали на плечи в виде двух длинных кос, поддержанных и перевитых лентами») – вот причина появления предания о женщинах-воительницах!

Именно отсюда, убежден Е. Вейденбаум, «произошло предание об амазонках кавказских, в то время когда Прикавказские степи и народы, занимавшие их, были известны грекам только по темным сбивчивым слухам, представлявшим тесную смесь истины с вымыслом». И торжественно заключает: «Знакомые с рассказами об отдаленных странах, встречающихся у древних писателей, не найдут ничего невероятного в предлагаемом мною объяснении происхождения предания об амазонках: они знают, что молва растет во время пути».

Это действительно так: за время пути успеваешь, перефразируя Маршака, многое подрасти! Но с другой стороны, как тогда быть с мифами о тех же нартах, с преданиями, передаваемыми из поколения в поколение, с географическими названиями, сохранившими память о женском начале, которое ну никак, даже с учетом бытующих ныне нравов, не спутаешь с мужским – не дано (и слава Богу!) сильному полу рожать!

Е. Вейденбаум полемизирует в своем труде с неким Ив. Шопеном, автором статьи «Новые заметки по (в оригинале – на) древней истории

Кавказа и его обитателей». Даже не полемизирует – уничтожает предложенную им версию образования амазонского государства. Скорее всего, он прав. Но сколь поэтична предлагаемая Ив. Шопеном расшифровка некоторых названий, свидетельствующая, по его мнению, «о господстве женщин на обеих оконечностях Кавказа, западной и восточной: река Тёрмодон, или Тармотун, значит «река» или «жилище женщин», река Мармодалис, на которой жили кавказские женщины, значит «мужчины, приходите»; то же значение имеет название реки Терек или Террек; река Кума значит «река заложниц», Маджар – «страна поцелуев», Чечня, или Чичня, есть перевод *Дзур-дзуг-эти* и значит «страна груди»; ...наконец название *Кизляр*, что значит «девичник», доказывает неопровержимо, что этот город был столицей Амазонского царства».

Не правда ли, достаточно трогательная трактовка, а уж в отношении «страны поцелуев» – прямо-таки убедительная!

СТРАНА КАБАРДА

Кабарда... Перефразируя слова поэта, как много в слове этом для сердца кабардинского слилось... Грустно констатировать, но такой территории в современном понимании уже нет: термин «Большая Кабарда» употребляют в основном историки, а «Малая» — если и звучит в обиходе, то чаще всего за праздничным столом, и уж обязательно, если среди присутствующих — уроженцы Терского района.

Хотим мы этого или нет, сегодня Кабарда в большей степени не географическое понятие, а духовное — этническое, ментальное, родовое.

...Историки до сих пор не пришли к единому мнению, откуда взялось это название. Ученый-языковед Джамалдин Коков в работе «Адыгская (черкесская) топонимия», в частности, сообщает, что «о происхождении топонима (и «топографического» этнонима) «Кабарда» (кабардинцы) в литературе существует ряд предположений и догадок. Часто ссылаются на имя некоего князя Кабарда Тамбиева как на первооснову термина «Кабарда». Предания-легенды о Кабарде обращены к сравнительно позднему времени походов крымского хана на Кабарду»¹.

Так как означенную легенду Джамалдин Нахович не приводит, считая, что содержащееся в ней «утверждение о том, что вся «земля от Пятигорска до Терека... с тех пор получила название *Кабарда*» (по имени воина), представляется наивным», мы коротко перескажем ее, воспользовавшись сведениями из статьи лингвиста А. Абдокова «Откуда пошло название «Кабарда»?»²

В легенде, относящей происхождение названия «Кабарда» ко времени прародителя кабардинских князей Инала, повествуется о борьбе кабардинцев с ференджеями. Напомним, что этим словом и созвучным ему «френки» (франки) горцы называли генуэзцев и других западноевропейцев, живших в неприступных крепостях, построенных на адыгской земле.

Так вот, согласно преданию, генуэзский паша настолько был потрясен красотой жены Инала, что, потеряв от чувств голову, любимыми путями решил завладеть женщиной. Для чего, зная о законах адыгского гостеприимства, обратился к князю с просьбой, которую, по горским адатам, нельзя было не исполнить, в свою очередь обещая выполнить любое пожелание князя.

Кроме коня и оружия, Инал обещал отдать все, но крепко придумался, когда услышал, что европеец возжелал его жену. Из этой безвыходной на первый взгляд ситуации – не сдержать данное слово адыг не мог, как и не в силах был расстаться со своей супругой – помогла достойно выбраться сама женщина. Она предложила князю исполнить просьбу ференджея, но при условии, что тот в свою очередь выполнит княжескую, а именно: уведет своих подданных с адыгских земель. А Кабард Тамбиев, присутствующий при этом разговоре, пообещал, что князь свою жену не потеряет. Так и произошло. Спустя три дня, на которые распространялось обещание Инала не трогать европейцев на адыгской земле, Кабард Тамбиев сумел отбить княгиню. И тогда благодарный Инал назвал все земли, которыми управляют Тамбиевы, *Къэбэрдей (Кабарда)*.

Интересно, что приведенное выше предание, но в трансформированном виде было опубликовано в 1911 году в издаваемом в Париже журнале «Мусульманин» под названием «Как ференки покинули Кавказ» и подзаголовком «Балкарская легенда». Записала ее Фатима Абаева – дочь знаменитого балкарского просветителя Мисоса Абаева, автора исторического очерка «Балкария», опубликованного на страницах «Мусульманина» в том же самом 1911 году. Данный очерк переиздан нашим издательством в первом выпуске серийного издания «Балкария: страницы прошлого» (Нальчик, 2005).

Жизнь Фатимы Абаевой (1892–1973) – первой балкарской женщины-литератора, по биографии которой можно изучать все взлеты и падения советской эпохи, – тема особая. Мы же скажем, что действующими героями ее варианта легенды являются могучий князь Кабарды Там-Бий, его молодая жена Дысше-Махо, ференкский князь Берт-Бий. Противостояние между двумя героями происходило не на поле битвы, а на шахматной доске. Партию эту Там-Бий, «игравший превосходно», уступил, ибо «не в обычаях Кабарды обыгрывать гостей». Но опять же, благодаря выдержке и уму кабардинской княгини, отправившейся с ференкским князем и добравшейся аж до Черного моря, все завершилось весьма благополучно, и даже без кровопролития: европеец, увидев, что кабардинская княгиня любит только Там-Бия «и скорее умрет, чем изменит ему», понял, что он не прав, и склонил голову перед волей женщины.

Имеются и другие предания, в частности записанное знаменитым Талибом Кашежеевым и также повествующее о Кабарде Тамбиеве его супруге. Правда, третьим действующим лицом является не европеец, а калмыцкий хан, и легенда эта менее аргументирована, когда

речь касается решения последнего «удалиться в свои степи». Так что народные предания, и в этом Дж. Н. Коков абсолютно прав, при попытке объяснить происхождение топонима, материал весьма не надежный. Тем не менее он, обобщив все имеющиеся в изучении этого вопроса сведения, начиная от европейских авторов (И. Барбаро, И. А. Гюльденштедт) и кончая современными учеными (Л. И. Лавров, Н. Я. Марр, К. Ф. Ганн), к какому-то однозначному выводу так и не приходит.

Как и другой ученый-историк – Ч. Э. Карданов (1927–2005), автор многих сотен статей и очерков, книг по истории республики. Среди них: «У истоков дружбы»; «Групповой портрет в Аушигер» (ставшая одной из первых работ, выпущенных нашим издательством «Эль-Фа» на тот момент – в 1994 году); монументальный труд «Путь к России». В последнем, привлекая огромное количество архивных, литературных, фольклорных источников, ему удалось рассмотреть весь комплекс взаимоотношений Кабарды с Россией, Турцией, Крымом, Ираном в XVI – начале XIX века.

...Два названных выше имени по-особому нам дороги: дело в том, что именно Джамалдин Нахович и Чалимат Эльдарович принимали профилирующие экзамены у авторов этих строк при поступлении в КБГУ: Коков – сочинение, Карданов – историю. Оба, несмотря на спущенные сверху «квоты» и предварительные договоренности (конкурс в начале семидесятых годов прошлого века в единственное на тот момент высшее учебное заведение республики был повыше, чем в МГУ, количество мест жестко ограничено, практически все они распределены), выставили «незапланированные» высшие баллы, коих и так оказались единицы.

Личностный аспект видится лишь поводом к констатации того факта, что эти два крупных и самобытных исследователя, внесших поистине неоценимый вклад в кабардинское языкознание и историю Кабарды, к сожалению, по достоинству так и не оценены современниками. Труды Ч. Э. Карданова нуждаются в систематизации и переиздании лучших из них, как и изыскания здравствующего ныне Дж. Н. Кокова – в большей и широкой доступности.

Возвращаясь к теме происхождения интересующего нас топонима, процитируем А. И. Абдокова, сообщающего, что «после установления тесных политических связей с Русским централизованным государством имя кабардинцев все чаще и чаще встречается в источниках, однако, если судить по ним, название Кабарды употреблялось как географическое название или как общее название целого ряда восточно-адыгских княжеств: Мударова Кабарда, Шолохова Кабарда,

Казыева Кабарда и т. д. ...Для самих кабардинцев не было характерно столь расширительное понимание названия «Кабарда», которым отличались русские источники. Пережитки такого узкого понимания границ Кабарды сохранились и до наших дней у кабардинцев»².

И обратимся к работе известного кабардинского ученого Сафарби Бейтуганова «Этнотопоним Кабарда: к истокам названия», в которой он делает вывод: заключение, сделанное еще в 1808 году Клапротом, о том, что «происхождение названия *Кабарда* установить трудно», до сих пор остается в силе. Более того, то, что казалось ему просто трудным, может сделаться невозможным. В сведениях Клапрота одно положение напоминает концовку предания в записи Кашежева.

Академик, не соглашаясь с Рейнеггсом, который выводил название Кабарда «от реки Кабард в Крыму и от слова «да» — деревня», свидетельствовал: «Еще и теперь называют многих черкесов — «кабарда», а именно узденей (дворян) из рода Тамби у реки Кишбек, впадающей в Баксан».

Далее Клапрот... вводит в научный оборот сведения венецианского посланника Иосафата Барбаро, который в 1474 году «называет уже тогда теперешнюю Кабарду этим именем».

И у него же читаем: «Академик И. А. Гюльденштедт пишет: «Кабарда называется на грузинском языке: *стороною, в сторону или на другой стороне*. Посему имя сие, может быть, грузинское и взято от положения в отношении Грузии... Еще одно наименование *Кабарда* приводит И. Ф. Бларамберг: «На карте Средиземного и Черного морей, подготовленной в 1497 году, можно прочесть название «Kabardi», написанное красными буквами несколько к востоку от Таганрога...».

Видимо, это же название отразилось на известных генуэзских и венецианских картах XIV–XV веков, хотя оно на них запечатлено к западу от Таганрога.

«Ключ к разгадке тайны топонима *Кабарда*, — считает Сафарби Бейтуганов, — содержится в материалах Николая Витсена (1640 г. — начало XVIII в.), который сообщал: «Кабарда — небольшая черкесская область. Минерва у древних имеет название *Кабардия*, по-видимому, в определенном месте, а именно в этой местности; говорили также в древности «Минерва Кабардинская», как это можно прочесть на подписи».

Отсюда вывод С. Н. Бейтуганова: «Проникновение названия *Кабарда (Кабардия)* на Северный (Центральный) Кавказ имеет религиозно-мифологическую основу и связано с древними греко-римлянами»³.

Итак, ответа на вопрос, откуда пошло название «Кабарда», что в нем, — до сих пор нет. Вернее — пока еще нет. Но, право, куда важнее, что за ним...

А за ним — страна, конкретные события и судьбы, вписанные в скрижали мировой истории. За ним — «слава Кавказа, его вольности щит». Эта поэтическая строчка из стихотворения «Сон», единственного стихотворения, написанного белогвардейским офицером Заурбеком Даутоковым-Серебряковым, возвышенного и печального гимна той Кабарде, которую мы потеряли в годы Гражданской войны и которую пытаемся вновь обрести сегодня:

Кабарда! Где ж твоя жизнь лучезарная,
Верность в любви, в мести коварная,
Слава джигитов нетленная,
Где старина та священная?

Где твои песни тягучие,
Где твои слезы горячие,
Где твои бурные радости
В мощных сынах вольной младости?

Где твои тучные нивы,
Где скакуны длинногривые,
Где твои быстрые реки,
Где твоя удаль — абреки?

Где наша мудрая чинность,
Где адыгейца повинность:
Гостю и старшим — почет,
Где еще хабзэ живет?

Где наши речи кунацкие,
Где отношения братские,
Где так звучавшее часто:
«Мыр зи ди шуугх паста»?⁴

Разве навеки кануло,
Что в твоём сердце уснуло?...⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия // Коков Дж. Н. Избранные труды: В 2 т. Нальчик: Эльбрус, 2000. Т. 1. С. 319–324.

² Абдоков А. И. Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 140.

³ Бейтуганов С. Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 13–19.

⁴ Вот мой хлеб-соль (каб.).

⁵ Цит. по: Чхеидзе К. А. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 209.

НЕСТОРЫ КАБАРДИНСКОЙ ИСТОРИИ

...Есть величайшая несправедливость в том, что могилы двух выдающихся сынов кабардинского народа — Жабаги Казаного и Шоры Ногмы — неизвестны и по сей день. Прах мудреца Жабаги покоится в горах Баксанского ущелья, а летописца Шоры — на мусульманском (татарском) кладбище Санкт-Петербурга, что за деревней Волково. Где точно — неизвестно. И это особенно обидно, ведь еще сравнительно недавно, каких-то пятьдесят лет назад, могилу Шоры можно было найти. Случись это, захоронение стало бы местом поклонения благодарных потомков человеку, которого исследователи по праву называли Нестором адыгской истории, историку, филологу, поэту, общественному деятелю, мечтавшему о приходе того времени, «когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство — светильник жизни — любовь к знаниям. Ударит и для нас час, когда мы все примем за грамоту, книги и письмо... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!.. Я сделал сколько мог и старался сделать сколь возможно лучше».

Ногмовская история, охватывающая период с древнейших времен до начала XIX века, — это квинтэссенция богатейших фольклорных сведений (преданий, сказаний, песен) и многочисленных печатных источников (античных, арабских, турецких, русских), позволившая автору «составить... краткую, но довольно ясную картину минувшей жизни адыгейского народа».

В ней «прослеживается процесс этнического формирования адыгского народа, повествуется о его жизни и борьбе за независимость, политическом положении, общественном и семейном быте, материальной и духовной культуре, исторических контактах с другими народами, в том числе с русским»¹.

Понятно, что создатель столь неординарного труда не мог не быть личностью легендарной. А как иначе можно сказать о человеке, который встречался с Александром Пушкиным. Во всяком случае, придерживающиеся такой точки зрения исследователи, считавшие

общение двух гениев — русского и кабардинского народов — возможным, опирались на авторитетные свидетельства, в том числе и академика Берже, автора биографического очерка о Шоре Ногме, писавшего: «Рассказывают еще некоторые кабардинцы, лично знавшие его, что он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске, что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский...».

Версия эта, допускавшая возможность подобной встречи, не имела точной датировки (предполагалось, что она могла произойти в 1820-м или 1829 году — во время пребывания Пушкина на Кавказе и Шоры Ногмы в Санкт-Петербурге). Но сторонников этого общения, прежде всего в советское время, было предостаточно. Среди самых активных — фольклорист И. В. Тресков, у которого один из авторов этих строк учился в начале семидесятых годов прошлого века и даже собирался писать дипломную работу. Когда же Илья Васильевич, искренне влюбленный в свой предмет, с горячим воодушевлением описывал встречу Пушкина и Ногмова, демонстрируя в подтверждение репродукции с величественного (в смысле многометрового) полотна местного живописца, выразить сомнение, что она была на самом деле, было верхом кощунства.

Но скорее всего, к нашему величайшему сожалению, это так. Как и встреча Шоры Ногмы с другим выдающимся русским поэтом Михаилом Лермонтовым. Допущение исследователя С. А. Андреева-Кривича о том, что «Лермонтову, бесспорно, был известен Шора, так как нельзя предположить, что известный всем приехавшим на воды в 1835 году Шора остался неизвестен Лермонтову»², в большей степени можно отнести к построению, характерному для логики, чем для литературоведения. Хотя у него есть немало сторонников, прежде всего Сафарби Бейтуганов, допускавший такую встречу весной 1841 года в Пятигорске или накануне роковой дуэли и уверенный, что «страстному поэту Ногмову не встретиться с Лермонтовым в маленьком курортном городке Пятигорске было куда труднее, чем встретиться»³.

Исходя из этого в не меньшей степени, чем у Андреева-Кривича, логического заключения, обратимся к фактам, породившим возможность встречи с кем-то из больших русских поэтов. А именно к публикации стихотворца Степана Нечаева, встречавшегося с Шорой Ногма во время своего пребывания на минеральных водах и рассказавшего об этом в 1826 году на страницах «Московского телеграфа».

Нечаевские «Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России» перепечатаны в одном из томов серии «КЛИО», откуда мы их и процитируем: «С введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного носовыми и гортанными складами, заставляет желать, чтоб для кабардинских племен изобретена была особая азбука. Один из их узденей, занимающийся разным торгом на Горячих Водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой человек успел выучиться — сколько можно в здешнем краю — пяти языкам кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому, или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения суннитского вероисповедания, в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором, вопреки некоторым ученым, не находит кабардинский филолог никакого сходства с черкесским; персидскому и русскому. Одни из них стали ему известны в школе кумыцкой, заведенной в деревне Эндери, которую русские называют неправильно Андреевскою; другие — от здешних миссионеров и сообщества. По издании азбуки он хотел заняться правилами грамматическими и переводами с арабского разных нравственных книг для чтения. Будучи предан Русской державе и доказав свою верность участием в наших экспедициях и прочим, он сочиняет иногда небольшие поэмы во славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе как через изустное предание и медленное изучение на память...»⁴.

Ученые не раз обращались к личности Шоры Ногмы. Только за последнее время о нем появилось немало публикаций, в том числе очерк Р. У. Туганова в его работе «Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX в.» (2002), две книги С. Н. Жемухова — «Жизнь Шоры Ногмы» (2002), «Философия истории Шоры Ногмы» (2007). Наше издательство подготовило к печати новое издание «Истории адыгейского народа». Отличие этой книги от всех предыдущих в том, что под ее обложкой впервые собраны самые главные труды по истории кабардинцев.

Это и малоизвестное сочинение князя Александра (имя, полученное при крещении) Мисостова «История несчастных черкесов», да-

тированное 1841 годом, а опубликованное отдельной книгой лишь в 2004 году, опять же в нашем издательстве. Данное недооцененное исследованием сочинение рассказывает об исходе предков адыгов из Египта и Сирии и концептуально отличается от ногмовской трактовки.

Это и популярный труд Владимира Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе», считающийся первой обобщающей работой по истории Кабарды в дореволюционной историографии Кавказа. Кудашевское исследование вышло в Киеве в 1913 году тысячным тиражом, а в наше время – в 1990 году – было переиздано репринтным способом, что весьма негативно отразилось на его восприятии читательской публикой (15-тысячный тираж, пожелтев от времени и складских условий, реализуется и сегодня).

О личности Владимира Николаевича (Эльбуздуко Канаметовича) Кудашева, жизнь которого отделена от нас какими-то десятилетиями, известно далеко не все. Ученый Туган Кумыков приводит такие сведения из его биографии: родился в 1863 году в селении Докшоково (ныне Старый Черек). В 1880 году окончил Нальчикскую горскую школу, специальностью решил избрать фармацевтику, для чего сдал экзамены во Владикавказскую классическую гимназию, что позволило ему приступить к аптекарской практике.

Звания аптекарского помощника был удостоен в Харькове, потом служил в одной из петербургских аптек, посещал лекции в качестве вольнослушателя медицинского факультета Московского университета, в стенах которого успешно в 1890 году сдал экзамены на степень провизора, получив высшее образование. Дальнейшие сведения о судьбе Владимира Николаевича достаточно противоречивы, и тот же Туган Кумыков их не приводит.

Значительно дополнили биографию кабардинского летописца не известные факты, недавно обнаруженные в украинских архивах Анатолием Дзагаловым. Их первоиздатель человек для нашего творческого коллектива далеко не чужой.

...В 2001 году в издательстве появился скромный улыбчивый парень. Оказалось, что он трудится... зубным техником, а в свободное от работы время пишет книгу по истории его родного селения Верхний Курп (Исламово). В поисках малейших упоминаний о судьбах своих односельчан еженедельно в течение трех лет работал в архивах. В результате напряженного поиска из-под руки человека, далекого от истории и тем более литературы, но искренне и глубоко любящего свою малую родину, вышла рукопись, каждая строка которой проникнута болью и печалью. Ведь малокабардинское селение вошло

в историю республики не только активным участием его выходцев в Русско-японской и Первой мировой войнах в составе Кабардинского конного полка Кавказской туземной дивизии, но и небезызвестным Верхнекурпским восстанием 1929 года, и последовавшими за ним жесточайшими репрессиями. Анатолий, получив с разрешения родственников доступ в закрытые ранее архивы, собрал уникальные материалы, позволившие восстановить имена и судьбы десятков его односельчан.

Подготовленная им рукопись книги «Исламово: забытые предки» нуждалась в серьезной редакторской доработке, на оплату которой у автора не было средств – их хватило только на бумагу. Но в издательстве посчитали делом чести довести рукопись до нужной кондиции, разделяя искреннее желание автора сделать своим землякам бесценный подарок – книгу об их дедах и прадедах, книгу, восстанавливающую родовую память.

И для самого Анатолия работа эта не прошла бесследно, он решил посвятить себя научной деятельности. Личная судьба сложилась так, что он переехал в Украину, устроился аспирантом в Институт истории, получил возможность работать в архивах, где и нашел неизвестные материалы о В. Кудашеве. Среди них заявления и обращения Владимира Николаевича в Киевское кредитное общество, а самое главное – воспоминания приват-доцента Н. П. Василенко, того самого, которому Кудашев, как он сам утверждает в предисловии, «всецело обязан возможностью появления в свет издаваемой мною книги «Исторические сведения о кабардинском народе».

Из воспоминаний явствует, что в 1894 году первый кабардинский провизор сочетался церковным браком с дочерью полковника русской армии Елисея Коченовского – Анной. А так как христианская церковь допускала браки только между единоверцами, Кудашев принял православие, сменив кабардинское имя Эльбуздучо на церковно-славянское Владимир, а отчество Канаметович – на Николаевич.

Анна была весьма обеспеченной невестой, а после смерти брата стала к тому же владелицей роскошного особняка в центре Киева. В дом этот, достраивая его, и сам Кудашев вложил немалые средства, чтобы перед Первой мировой войной (то есть в 1914 году) продать его за миллион рублей и поселиться вместе с супругой в Кабарде, дабы «заняться общественной работой среди родного народа».

«Чтобы подготовить основу для этой работы, – пишет Н. П. Василенко, – Кудашев решил издать историю кабардинского народа. Это дело он поручил офицеру В. Р. Апухтину. В. Апухтин начал

собирать материалы, однако не сумел их обработать. Кто-то посоветовал Кудашеву обратиться ко мне. Это было в 1911 году».

Отсюда становится ясным, как рождалась первая обобщающая книга по истории Кабарды – общими трудами Владимира Николаевича Кудашева, Всеволода Ростиславовича Апухтина и Николая Прокофьевича Василенко.

Книга, приуроченная к дню празднования 300-летия дома Романовых и даже преподнесенная самому императору, была доставлена Кудашевым в Кабарду, но оказалась невостребованной, пролежала до войны «под сукном», а в годы революции, судя по всему, большая часть ее тиража была уничтожена.

О послереволюционной судьбе ее главного автора нам известно немного: в возрасте 56 лет, в 1919 году, он вступает в ряды Добровольческой белой армии, после ее поражения покидает родину; новая власть в 1922 году упоминает его в списке своих главных врагов, находящихся в эмиграции.

И это о человеке, который «горел каким-то неосознанным кабардинским патриотизмом», «желал быть полезным своему народу и его культурному развитию», который «с одной стороны... любил Кабарду, кабардинский язык, быт», «с другой стороны... так сжился с Россией и россиянами, так ценил российские знаки отличия, что хотел приобщить кабардинцев к их культуре»⁵.

Книга, которая вобрала в себя труды Александра Мисостова, Шоры Ногмы и Владимира Кудашева, называется, на наш взгляд, весьма симптоматично – «Страна Кабарда». Та самая страна, которой кабардинские летописцы посвятили свою жизнь...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Писатели Кабардино-Балкарии: Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 47.

² Андреев-Кривич С. А. М. Ю. Лермонтов в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 121–22.

³ Бейтуганов С. Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 240–241.

⁴ Нечаев С. Д. Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 103, 104.

⁵ Цит. по: Дзагалов А. Владимир Кудашев в архивных источниках Украины и воспоминаниях киевского приват-доцента Николая Василенко: Рукопись неопубл. статьи. С. 11.

БИТВА РУССКИХ С КАБАРДИНЦАМИ

...Было ли в истории Кабарды такое событие, как битва русских с кабардинцами? Удивительное дело: сегодняшний обыватель почти на сто процентов уверен, что такая битва была, но вот когда именно – ответить затрудняется, хотя, не сомневаясь, относит ее к периоду Кавказской войны. Что в принципе верно, правда, с одним лишь уточнением – олицетворением грандиозного сражения (а как еще иначе можно оценить военное столкновение двух народов?) стало название прозаического произведения, не имеющего, по большому счету, никакого отношения к литературе, как таковой. Не случайно выражение это, спровоцированное отнюдь не самим событием (коего, повторимся, не было), а литературными недостатками повести («в высшей степени примитивной и поверхностной»), стало крылатым, употребляемым, «когда насмешливо говорится о ссоре, шуме и прочем»¹.

Впрочем, хорошо изрекать «умные» мысли, обогатившись предыдущими поисками и познаниями человечества, тем более глядя в прошлое из века сегодняшнего. Феномен повести «Битва русских с кабардинцами», имеющей второй заголовок – «Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа», достоин внимания и изучения. Достаточно сказать, что «выйдя в свет в 1840 году, она выдержала в дореволюционной России сорок переизданий!». Не правда ли, достойный соперник трудам Пушкина и Лермонтова!

Но процитированное выше утверждение пятигорчанина Николая Маркелова, автора недавно вышедшей, прекрасно иллюстрированной и в высшей степени интересной книги «Кавказ в лицах», не соответствует истине – повесть «Битва русских с кабардинцами» переиздавалась значительно чаще. Только во втором томе «Библиографии Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи с древнейших времен по 1917 год», составленной великим подвижником сей науки Рашадом Тугановым, – томе, который прошел через редакторские руки авторов этих строк, имеется упоминание о 57 изданиях. Более того, Рашад Умарович говорил, что еще около двадцати изданий (это число выводилось из указаний, имевшихся в выходных данных) им

так и не было найдено, а следовательно, и не введено в библиографический оборот.

Что же это за сочинение, которое начиная с 1840 года выходило на протяжении 77 лет практически ежегодно и оставалось в поле читательского интереса именно в те годы, когда великая русская литература завоевывала культурное мировое пространство? Произведение, само название которого (особенно вторая часть) вызывало снисходительную усмешку Белинского, Писарева, Достоевского... Что уж говорить о стиле, слоге, прямой речи и чувствах героев повести, поданных посредством незатейливых драматургических ремарок... Практически вся суть его, если не сказать больше — содержание, передано в заглавии: «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа». Но если первая часть названия повести оставалась все годы неизменной (лишь в 1873 году в ней выпало слово «русских»), то вторая варьировалась. Прекрасная магометанка в 1876 году называлась мусульманкой, что, понятно, одно и то же, но ближе современному восприятию. Она обрела имя: то Селима — как в самой повести, с сопутствующим уточнением «княжна кабардинская» (1873), то «Земира, умирающая на могиле своего друга» (1854), а один раз и фамилию — в 1897 году вторая часть названия повести звучала уже так: «Рассказ о храбром русском офицере Андрее Победоносцеве и прекрасной кабардинской княжне Селиме Узбек».

Но вот что осталось неизменным во всех переизданиях — эпитет «прекрасная». И действительно, как еще по-другому можно оценить «существо *горного* (в смысле небесного) мира», которое «с величественной осанкою входит в кибитку в черной одежде, подпоясанной золотым с камнями поясом, обнимавшем ее стройную, гибкую и тонкую талию». Тем более если прочесть далее: «Грудь ее закрывала сетка из червонцев, шею украшало бриллиантовое ожерелье, а голову — зеленая бархатная шапочка, унизанная крупными перлами с бриллиантовой же пряжкой, коею было приколото с левой стороны белое страусиное перо, загнувшееся через верх шапочки на правую сторону. Маленькие ее ноги обуты в сафьяновые алые сапожки, вышитые золотом. Белый флер с левого плеча наискось был бантом завязан с правой стороны груди».

Конечно, Селимы, как таковой, здесь маловато, зато какой антураж! Явно автор списывал портрет не с кабардинской княжны, а с более близкой и реальной ему натуры, вероятнее всего, царствующих кровей. Особенно удивляет страусиное перо, непонятно какими ветра-

ми залетевшее в наши края (напомним, битва происходит на реке Терек).

Под стать прекрасной героине и есаул Гребенского казачьего полка Андрей Победоносцев, многократно раненный в бою и по причине истощения богатырских сил захваченный в плен: «Темно-русые кудри осеяли гордое чело его с тонкими бровями; густые сомкнутые ресницы доказывали, что они скрывают прекрасные глаза. Белое лицо, покрытое смертной бледностью, оттенялось самым слабым румянцем на ланитах его... Широкие плечи, высокая грудь, тонкая талия и рост высокий представили ей Победоносцева богом брани или существом другого мира».

«Ей» – это, естественно, Селиме. И уже понятно, что между героями возникнет любовь, которой по силам окажется преодолеть национальные и религиозные границы...

Впрочем, нет особой нужды пересказывать более подробно незамысловатый сюжет, в котором тесно переплелись благородство кабардинского князя Узбека (чье имя навеяно автору отнюдь не кавказскими реалиями), сохранившего противнику жизнь и даже согласного, если тот примет мусульманство, вручить ему судьбу своей дочери...

Расставание Андрея с Селимой, вызванное обменом пленных, и их новая встреча, последовавшая после того, как (не отсюда ли позаимствован сюжетный ход создателями «Гусарской баллады»?) княжна, переодевшись в «вооруженного воина в блестящих доспехах», находит своего возлюбленного...

Превращение Селимы в амазонку и ее обращение в православную веру с новым именем София, покровительство главнокомандующего Кавказским корпусом...

И самое главное – благословение отцом выбора дочери. Так сказать, хеппи-энд, под который автор повести подводит весьма аргументированную базу: «Князь Узбек очень хорошо знал европейскую политику, ибо в юности своей путешествовал как по России, так и по другим соседствующим с оною иностранным городам, и научился вежливости и милосердию у сих народов, что и осталось в нем и поныне».

Обмен любезностями, то бишь подарками, когда князь дарит главнокомандующему коня «неимоверной красоты» да плюс к этому «два пистолета и кинжал, оправленные золотом и драгоценными камнями», а тот в свою очередь – «золотые карманные часы, осыпанные

бриллиантами, с такой же цепочкой через плечо и с прекрасной печатью своей фамилии с гербом...»

И наконец, уместившиеся буквально на нескольких страницах: поездка к родителям Победоносцева, рождение сына, пять месяцев спокойствия и счастья, обострение болезни Андрея, вызванной открывшимися ранами, и смерть его в возрасте 23 лет. А через день и смерть Софии, которая просто упала на гроб супруга, и «прекрасная душа ее вместе с тихим вздохом вознеслась на небо».

И коль вам на глаза не навернулись слезы, когда вы прочитали эти строки, то вы не «имеете небесных чувств сострадания», заключает автор, предлагая «лучше, не читая моей повести, бросить ее в огонь».

Теперь вам понятно негодование Белинского и Достоевского, оценивающих «Битву русских с кабардинцами» с позиций своего интеллекта и не относящих лубок к литературе, как таковой. Но в энциклопедии она гордо именуется именно так: *лубочная литература*.

Название «лубок» берет от слова «луба» — деревянная доска, с которой в XVI–XVII веках печатались тексты указов, всевозможные картинки на различные темы, развешиваемые в общественных местах. Когда картинки стали сопровождать пояснительным текстом, появились лубочные книжки. Впоследствии текст потеснил картинки (они остались только на обложке), и началось победное шествие лубочных книг — знаменитые сказания о Бове Королевиче и Илье Муромце, английском милорде и рыцаре Гаусе вышли в общей сложности тиражами в сотни тысяч экземпляров.

Вот и стало ясно, когда именно на российских просторах началось победное шествие той самой бульварной литературы, властвующей сегодня на книжном рынке, на котором востребованы книги, «рассчитанные на примитивные литературные вкусы», в сюжеты которых «в целях занимательности» введены «элементы авантюристности, а общий тон повествования сентиментален, язык слащав и фальшив». Вы думаете, это о современных женских романах и их авторах, дамочках, имя которым легион? Ошибаетесь, это как раз о лубочных книгах. Вот, оказывается, как далеко мы ушли за прошедшие несколько веков.

...Около десяти лет назад некое провинциальное издательство переиздало роман одной из «раскрученных» авторниц, но из-за оплошности художника («Все они на одно лицо», — оправдывался он впоследствии) поставило другую фамилию, не менее популярной и плодотворной «ваятельницы». И что же? Ожидали колоссального скандала, шума в прессе, издевок и реплик. Но ничего не было. Никто ничего

не заметил. Даже авторы (настоящий и мнимый), благо издание было контрафактное.

Историю эту мы вспомнили еще и вот почему. Книга «Битва русских с кабардинцами...» была столь популярна, что находились литературные авантюристы, желавшие примазаться к славе ее писателя — Николая Зряхова. В частности, в 1882 году автором значится имярек по фамилии Молчанов (именно так, без всяких инициалов); в 1885 году создатель скрылся за инициалами «С. В.»; в 1899, 1901, 1905-м подписант напускает еще большей таинственности: теперь он — «К-р О. М.».

В издательстве Е. Коноваловой, выпустившей несколько изданий «Битвы...» (нам известно о шести, вышедших в 1876, 1887, 1899, 1900, 1906, 1913 годах), бремя авторства принял на себя некто М. П. Мионов. Правда, при этом упоминается, что издание «переделано с изменениями и дополнениями солдатских песен». Сравнив зряховское «классическое» и мионовское «переделанное», следов переделки мы не обнаружили — один примитивнейший плагиат.

Но интереснее другое — подавляющее большинство «Битв...» выходило вообще без имени автора. Сам Зряхов как создатель нетленного лубка упоминается в заголовке лишь несколько раз. Вот до чего несправедлива бывает порой история. А ведь имя Николая Ильича Зряхова, чьи годы жизни даже точно неизвестны (по одним данным, родился он в 1782 году, по другим — четырьмя годами позже, а умер так вообще неясно когда, хотя и принято считать, что в конце 1840-х), затмевало — как ни крамольно это звучит — пушкинское. Известно, что появился он на свет в дворянской семье, детские годы провел в Астрахани, служил унтер-офицером в драгунском полку, воевал на Кавказе — участвовал в Русско-турецкой войне).

В отставку вышел поручиком, дома не усидел — вскоре вернулся в армию, но за какой-то проступок в 1816 году был отлучен от армии.

Вот то немногое, что нам известно об одном из самых успешных сочинителей пушкинской поры, авторе более десяти книжек, причем «Битва русских с кабардинцами...» отнюдь далеко не лучшая из них. Но так суждено было случиться, что именно она (повторимся, прежде всего благодаря хлесткому названию) осталась в истории. Но именно опять же из-за названия это невинное произведение оказалось под негласным запретом в советское время — крамольной была сама мысль, что «братские народы, живущие семьей единой», могут биться между собой. Помнится, с каким интересом и ожиданием встречи с чем-то запретным и таинственным один из нас взял впервые в руки книгу

Зряхова и с каким великим трудом дочитал (вернее – долистал) ее до конца. Поэтому, когда началась перестройка и Кабардино-Балкарское общество книголюбов решило переиздать «Битву...» (массовым тиражом – 25 тысяч экземпляров!), у нас, тогдашних начинающих издателей, решение это энтузиазма не вызвало. Но решение принимали другие, поэтому книга продается и сегодня, и конца ее реализации не видно. Всему свое время, тем более лубку.

И все-таки эта устаревшая, непритязательная, до неприличия наивная повесть продолжает жить. В чем ее загадка? Может быть, ответ в том, как писал в предисловии к изданию 1990 года известный адыгский писатель Эльберд Мальбахов (литературный псевдоним – М. Эльберд), что «в ней – едва ли не впервые в русской литературе! – задолго до Печорина и Бэлы любовь молодых героев не наталкивается на непреодолимую, казалось бы, преграду национальных, религиозных и прочих различий. И эта любовь – есаула Победоносцева и кабардинской княжны Селимы – побеждает. И самое главное: чуть ли не впервые в русской художественной литературе появились мысли о пагубности и бессмысленности межнациональных распрей и, напротив, о плодотворности и высоком смысле межнационального духовного родства».

Дорога она нам, живущим в республике, и тем, как автор описывает достоинства и величие кабардинского народа, не жалея, как и при описании подвигов русских воинов, эпитетов и сравнений. Вчитаемся, памятуя, что строки эти написаны 170 лет назад.

«Кабардинцы, обитающие за рекой Терек, служащей границей между ними и Кавказской губернией, имеют свои жилища в горах и ущельях, есть народ сильный, видный собою и весьма храбрый...

Жены и дочери их весьма прелестны и так же отважны, как они. Они нередко выходят на сражения мстить за убитых своих отцов, братьев, супругов и детей их. Кабардинцы, по наблюдениям некоторых историков, являются потомками храбрых амазонов, потому что они точно поселились в их стране, а другие полагают их пришельцами, занявшими их места. Но оставим эти изыскания ученым, лучше меня знающих историю света, и обратимся к продолжению описания сего замечательного народа.

...К похвале магометанок надо сказать, что они весьма нежны, верны и послушны мужьям своим. Одно его мановение заставляет каждую из них понимать волю своего супруга и повелителя; нежный его взор или улыбка приводит их в восхищение, малейшая угрюмость или строгий взгляд приводят их в трепет.

...В мирное время путешественник, какого бы закона он ни был, прибывший для наблюдения их страны и произведений ее, принимается дружески, пользуется их хлебом и солью. А чтобы в пути не мог получить какого вреда от злых людей или зверей, конвоируется ими от аула до другого и так далее, и, спокойно проживая у них какое-то время, с сожалением оставляет эту страну, и благодарит жителей за гостеприимство».

Эта весьма примечательная преамбула к описанию самой битвы, а правильное и точнее было бы сказать – военного эпизода между русскими и кабардинскими воинами. Сегодня практически невозможно сказать, о какой из стычек именно идет в книге речь: Зряхов не уточняет время, упоминая лишь, что она происходила «в начале нынешнего (то есть XIX) столетия», конкретное место – «у реки Терек». А столкновений именно там и в это время историками не зафиксировано. В частности, Николай Грабовский, автор знаменитого сочинения «Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость» (1876), рассказывает о нескольких столкновениях, происходивших в эти годы на реке Баксане. Но вряд ли именно их имел в виду Зряхов, ведь по большому счету конкретики, как таковой, в его произведении раз-два и обчелся, да и не главное она для него. Главное – чувства.

Чувства эти – для барышень девятнадцатого века искренние, а для нынешних – надуманные, раньше вызывавшие горячие слезы, а сегодня ироничную улыбку, – и позволили книге «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» пережить отведенное ей критиками время.

Ведь, как писал автор в обращении «К милым читательницам», предваряющем книгу:

О вы, чувствительны, прелестны россиянки!
Возьмите здесь пример с моей магометанки...
Не только в страсти сей, но в верности священной...
И вам сравнения не будет во вселенной!

Впрочем, Николай Зряхов, воспевавший неземную красоту и высоту чувств кабардинской княжны, не был одинок в своих чувствах. Европейские путешественники оставили немало восторженных высказываний о черкешенках. Эмиддио д'Асколи отдавал им «предпочтение перед всеми другими женщинами в мире». Жан Тавернье уверял, что «среди них можно встретить красивейших людей в мире». Адам Олеарий уточнял: «Женщины у них обыкновенно хорошо сложе-

ны, миловидны лицом, белотелы и красные щеки; волосы черные как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытыми лицами». Яков Стрейс удивлялся: «Я видел много женщин, но нигде не видел таких приветливых, любезных и услужливых в отношении чужеземцев, как здесь». Энгельберт Кемпфер сообщал, что «они общительны, приветливы и чистоплотны» и «сохраняют свою красоту до 50-летнего возраста». Абри де ла Мотрэ восторгался: «Глаза их черного цвета, красивого разреза, и блестящие, как звезды на небе в ту пору, когда ясно и сильно морозит. Их стан не стеснен корсетами, как у наших женщин-христианок, но он свободен и изящен, как у прекрасных статуй Венеры, оставленных нам древними, или некоторых других красавиц, существовавших в действительности». Ему вторит и Петер-Симон Паллас: «Черкешенки известны своей красотой по всему свету, имеют продолговатую голову, правильные и выразительные черты лица, красиво прорезанные, огневые, большей частью черные глаза, которые считают они самым сильным своим оружием, длинные ресницы и немного желто-бурый цвет лица».

Ну а всех превзошел голландец Жан Стрюи, которого цитирует в своем труде «Кавказ» знаменитый Александр Дюма, предваряя его слова весьма симптоматичной ремаркой: «...иногда менее трудно и особенно менее стеснительно сослаться на другого, нежели писать самому».

Итак, «кавказские женщины, — говорит Жан Стрюи, — все имеют в себе что-то приятное и что-то такое, заставляющее их любить. Они красивы и отличаются белизною тела, и эта белизна смешана с таким прекрасным колоритом, что только лилия и роза необходимы для того, чтобы составить красоту совершеннее; чело их высокое и гладкое — без помощи искусства, брови их так тонки, что они походят на загнутую шелковую нитку. Глаза большие, кроткие и полные огня, нос правильный, уста алые, рот маленький и смеющийся, подбородок такой, какой может быть свойствен полной красоте, шея и горло отличаются белизною и дородностью, которых требуют знатоки совершенной красоты, а на плечи, полные и белые как снег, падают длинные и черные как смоль волосы, то распущенные, то заплетенные, но всегда красиво обрисовывающие оклад лица. Говоря об их персях, я упомянул кратко, как о предмете обыкновенном, между тем нет ничего столь редкого, заслуживающего большего внимания: на них хорошо помещены и хорошо устроены два шара твердости не-

роятной, и я могу сказать, не преувеличивая, что ничего нет белее и чище. Одна из главных забот их состоит в том, чтобы мыть их каждый день, боясь, как говорят они, сделаться недостойными от пренебрежения тех прелестей, какие даровало им небо. Стан их прекрасный, величественный и роскошный...

...На трапезонтском и константинопольском базарах за черкешенку почти всегда вдвое, иногда втрое больше платят, чем за женщину, красота которой при первом взгляде показалась бы нам равною с первой и даже превосходящею».

Ну а закончить этот гимн горской красоте хотелось бы знаменитыми бальмонтовскими строчками, обращенными к черкешенке:

Я тебя сравнить хотел бы с нежной ивою плакучей,
Что склоняет ветви к влаге, словно слыша звон созвучий.
Я тебя сравнить хотел бы с юным тополем, который,
Весь смолистый, в легкой зыби к небесам уводит взоры.
Я тебя сравнить хотел бы, видя эту поступь, дева,
С тонкой лилией, что стебель клонит вправо, клонит влево.
Я тебя сравнить хотел бы с той индусской баядерой,
Что сейчас-сейчас запляшет, чувства меря звездной мерой.
Я тебя сравнить хотел бы... Но игра сравнений тленна,
Ибо слишком очевидно: ты средь женщин несравненна ².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крылатые слова. М.: Худ. лит-ра, 1987. С. 28.

² Черкешенка. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992. С. 40, 42, 44, 45–46, 51, 79–80, 243.

СКИФСКИЙ ВОЖДЬ ИЗ ПРОХЛАДНОГО

В музее Прохладного – равнинного города, где, как утверждает песня, «и не холодно, и не жарко», имеется уникальный экспонат, которым не могут похвастаться не то что провинциальные – многие ведущие музеи страны. Для любителей изделий из ценных металлов оно не представляет никакого интереса – изваяние воина вырублено из обыкновенного ракушечника. Но неповторимость и ценность фигуры не в материале, а в том, что она изображает скифского воина VI века до нашей эры. Таких ранних изваяний на территории нашей страны известно не более полутора десятков.

Фигура мужчины вырублена из прямоугольной плиты высотой 127 метров и толщиной 25 сантиметров.

«На плоском овальном лице невысоким рельефом показан прямой нос, длинные стреловидные брови, подковообразные усы, обрамляющие рот, миндалевидные глаза. Также рельефно изображены уши, аккуратно подстриженные на затылке и висках волосы, согнутые в локтях руки, ладонями прижатые к животу. На передней грани четко обозначены грудные мышцы, а на тыльной – лопатки и линия позвоночника, то есть мужчина обнажен по пояс. На задней и боковых гранях рельефом дан контур слегка согнутых в коленях ног, обутых, вероятнее всего, в кожаные сапоги» – такое описание дает изваянию московский археолог В. Ольховский.

А вот как он оценивает набор изображенных на изваянии предметов: «На шее отчетливо видна гривна – украшение в виде незамкнутого металлического кольца, концы которого образуют своеобразный замок, показанный на затылке... Гривны употреблялись в качестве украшений предками многих народов Европы и Азии еще в эпоху бронзы (III–II тысячелетие до нашей эры). В эпоху раннего железа шейные обручи из бронзы, железа, золота и серебра знали практически все древние племена Евразии – кельты, германцы, древние славяне, балты, угро-финны, древние иранцы, которыми гривна рассматривалась не только как украшение, но, прежде всего, как знак власти, богатства... Металлический обруч (особенно выполненный из «солнечного металла» – золота) на шее военачальника, вождя или

царя означал, что данный человек является законным носителем власти, полученной им от высшего божества — Солнца. Из глубины веков, например, до нас дошли рельефы, на которых показан момент передачи гривны солнечным божеством переднеазиатским владыкам. Гривны носили не только цари, но и их родственники, сановники, представители аристократии.

Следовательно, изображение гривны на изваянии позволяет предполагать, что мужчина является носителем обожевленной власти — вождем или царем. И одновременно воином. Справа к его широкому поясу подвешен острием вперед боевой топор, а слева — налучие (футляр для лука и стрел) с торчащим из него сложносоставным луком. Подобные луки были широко известны в Древнем мире. Многие восточные и греческие авторы прямо указывают, что означенные луки, очертаниями своей деревянной основы напоминающие северное побережье Черного моря, были грозным оружием скифов, наводившим в 1-й половине I тысячелетия до нашей эры ужас на переднеазиатские государства — Ассирию, Мидию, Лидию, Урарту, даже Египет.

У левого бедра воина изображен острием вниз меч — акинак. Это характерное оружие скифов, а также мидийцев, древних персов и некоторых других народов. Изготавливались они из железа и значительно превосходили по качеству бронзовые мечи и кинжалы. С течением времени форма навершия и перекрытия акинаков менялась, что позволило ученым их классифицировать. По предметам, сопутствующим мечам, установлено время бытования всех типов мечей. Акинак прохладненского изваяния датируется в пределах VI века до нашей эры. К поясу воина подвешена также плеть, свидетельствующая о том, что он был еще и всадником».

Следовательно, изображение обнаженного по пояс знатного воина изготовлено скифами в VI веке до нашей эры. По сведениям знаменитого историка Геродота, «скифы прежде жили в Азии, затем были вытеснены в Европу массагетами. Перейдя реку Аракс (Волгу), скифы частью изгнали, частью истребили живущих в Причерноморье киммерийцев, а затем через Кавказ прорвались в Переднюю Азию, где владычествовали в течение 28 лет. Потерпев в начале VI века до нашей эры поражение от мидян, скифы вернулись в Предкавказье. Они являлись прекрасными наездниками и стрелками из лука. Стремительные атаки скифской конницы, осыпавшей врага тучей стрел, заставили отступить даже персидского царя Дария, который в конце VI века до нашей эры во главе полумиллионной армии попытался покорить причерноморских скифов. Победа над персами закрепила за скифами славу непобедимого народа.

В середине VI века до нашей эры скифское кочевое население покинуло Северо-Кавказские степи и переместилось в Приазовье, Приднепровье и Крым. Скифы в V–IV веках до нашей эры являлись хозяевами степей между Доном и Дунаем. Многие оседлые племена, а также греческие города были вынуждены платить скифам дань. К концу III века до нашей эры скифы были оттеснены в Крым и на Нижний Днестр пришедшими из-за Дона многочисленными племенами кочевников-сарматов».

Археолог В. Ольховский уверен, что найденное на территории Кабардино-Балкарии изваяние «воплощает образ конкретного человека, занимавшего высокое положение в скифском обществе, который считался одновременно живым воплощением небесного божества, а также мифического первопредка и первого царя всех скифов». Устанавливались такие изваяния на вершине курганных насыпей, высота и диаметр которых зависели от социального положения погребаемого.

Кстати говоря, местное население весьма почтительно относилось к статуям, будучи уверено, что люди, потревожившие покой каменных истуканов, обязательно будут наказаны. В. А. Кузнецов в статье «Тюркские изваяния из Пятигорья»¹ приводит, в частности, такой факт. Истукана, стоявшего у станицы Бекешевской, один из местных жителей перевез в свой двор, после чего одновременно у него умерли сын и жена, заболел и сам хозяин. Местные жители были уверены, что от смерти их сельчанина спасло только то, что он отвез статую на прежнее место.

Впрочем, судьба означенного изваяния оказалась тем не менее весьма печальной – в конце тридцатых годов прошлого века она была перевезена в Пятигорский музей и установлена у входа в него. А 31 марта 1950 года вырыта вместе с двумя другими, разбита на куски и использована для ...вымостки улицы. Сведениями о том, как «отомстила» статуя лицам, принявшим столь варварское решение (некие пятигорские руководители Черкасов и Руденко), мы не располагаем.

К счастью, подобная судьба обошла стороной скифского вождя из Прохладного...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып. 1. С. 77.

ДОРОГИ «ЧЕРТОВОЙ ТЕСНИНЫ»...

Черекское ущелье до недавнего времени называлось Балкарским, и этому есть свое объяснение. Ведь, как писал выдающийся кавказовед Леонид Лавров, «ущелье реки Восточный Черек считается, по преданию, первоначальным местом поселения балкарцев. Оно и его население издавна у балкарцев носят имя *Малкъар*, у кабардинцев – *Балкъар*, а у грузин – *Басиани*. Старейшее письменное известие об этом ущелье содержит грузинская надпись на золотом кресте Спасской церкви в сел. Цховати в Ксанском ущелье»¹.

Отличие Черекского ущелья от других ущелий Балкарии не в природе, не в достопримечательностях, а в восприятии. Уж очень труден сюда был раньше путь: дорога изобиловала столь многочисленными опасностями, вилась по таким кручам и высям (глянешь вниз – дыхание перехватывает, а тем, кто боится высоты, лучше и не подходить к краю), что путешествующий здесь впервые волей-неволей задумывался о бренности человеческого существования.

Вообще-то горная дорога, а особенно та дорога какой она была 100–150 лет назад – это нечто несоотносимое с нашим сегодняшним восприятием. Кстати, нелишним будет напомнить, что термин «дорога» обозначал административно-территориальную единицу в Русском государстве XVI–XVII веков на землях башкир, татар и других поволжских народов. Даль трактует это понятие, как «ездовая полоса; накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье, для езды, для проезда или прохода».

Понятно, что горная дорога – это та, что проложена в горах. А вот что она из себя представляла?! Обратимся к определению Константина Чхеидзе, человека, хорошо знакомого с артериями Балкарии.

Вот что он писал в книге «Страна Прометей»: «Что такое горная дорога? Это иногда тропинка, иногда целый узор тропинок. Иногда ширина нашей дороги равняется пяти человеческим ладоням, положенным рядом. Дорогой называется высохшее русло потока, покрытое обломками скал. Дорогой (и неплохой дорогой) считается оползень, висящий над пропастью и кое-как поддержанный десятком-другим

каменной, положенных чьей-то заботливой рукой... И вот по таким-то «дорогам» наша молодежь мчится во весь опор. И мало того, что мчится – порой она забавляется тем, что бросает впереди себя папаху и потом, на всем скаку, подымает ее. Или – упав на спину коня – стреляет в воздух и снова заряжает винтовку и снова стреляет, пока не расстреляет обойму»².

А теперь перелистаем страницы записок путешественников, бывавших в ущелье в основном в XIX веке, чьи воспоминания переизданы нашим издательством в серии «Карачай и Балкария: страницы прошлого».

Петр Стеблинский, автор очерка «Путешествие в Балкарию», опубликованного в 1897 году в газете «Терские ведомости»: «Дорога же, которой пользовался этот народ многие годы, по рассказам очевидцев, была следующая: на половине утеса, о котором я уже сказал, выступает карниз, шириной в 1 аршин, такой же карниз, шириной в 1 аршин, и на противоположном утесе.

Чтобы соединить этот путь через пропасть, от одного карниза до другого были перекинуты деревья саженой в 12, замощены хворостом, для того чтобы не провалиться, и по этому живому мосту, повисшему над страшной бездной, колеблющемуся от самой малой тяжести, переправлялись; их было несколько.

Вот этим-то путем и доставлялись все продукты. Здесь малейшая неосторожность навьюченной лошади, мула и, наконец, хозяина, оступившегося или толкнувшегося о стену, оканчивались тем, что пролетевший саженой 100 вниз разбивался вдребезги об острые камни, что случалось зачастую.

Несмотря на все это, лошади и ездоки к этой опасности так привыкли, что со стороны мороз по коже подирает при виде, как горец, сидя на своей лошади, днем и ночью идет по этому страшному пути, вперив хладнокровный взор в эту зияющую бездну, откуда доносится плеск беснующейся реки. Зимой же, когда от гололедки путь становится невозможным для лошадей и мулов, тогда горцы подстилают по тропе свои бурки и таким образом проводят их»³.

Это описание соответствует периоду до проведения Балкарской колесной дороги, история создания которой посвятил свой монументальный труд автор нашего издательства Борис Темукуев⁴ и которая заслуживает отдельного разговора.

Пока же вернемся к впечатлениям Петра Стеблинского: «По каменной скале... теперь пробит колесный путь, проходящий коридо-

ром версты на 3 в скале, вышиной и шириной сажени $1\frac{1}{2}$, обложенный с краю пропасти невысоким каменным барьером. Мы пошли по этому коридору. Холодом и сыростью обдало нас при вступлении под эти каменные своды, из которых сочилась вода, как кровь раненого великана. Дорога подымалась все выше и выше и до того поднялась, что уже не слышно шума бурного Череха, только едва видно, как серебрится какая-то полоска воды. Мы миновали небольшой туннель; на повороте — другой, вон через кровлю коридора откуда-то бежит в пропасть ручей воды, растянувшись в воздухе стальной дугой; еще и еще дальше, и скала окончилась, и мы уже шли с горы, опускаясь ниже и ниже»⁵.

Спустя 16 лет дорога осталась практически такой же, какой была в конце XIX. Вот что писала путешественница М. К. Клименко в статье «В недрах Кавказа: «Но вот дорога мало-помалу суживается, обвалы, случившиеся только что, набросали огромную грудку камней. А лошадь осторожно ступает на камни, если почему-либо их нельзя обойти: сначала дотронется до него ногой и уже потом уверенным шагом переносит на него всадника. Бурные потоки перерезают наш путь. Легкие мосты дрожат и, кажется, сейчас рухнут под нами. Местами и мостов нет, и лошади идут по потоку, того и гляди, мы не выдержим напора воды и скатимся вниз.

Дорога становится крайне опасной; мы едем над самой пропастью. Ширина тропинки такова, что лошадь едва может идти; и, кроме того, местами она наклонна. С одной стороны — высокая стена гор, края которых касается нога, с другой — страшная стремнина, со дна которой едва слышен шум потока, самого же его не видно. Только и есть тот маленький карниз, по которому мы едва двигаемся. Стоит только оступить — и спасенья нет, закружилась голова: бездна — удел человека.

Над бездной же висит голова лошади в тот момент, когда она делает поворот. Наконец последний и ужасный склон...»⁶

Мало что изменилось и спустя еще пару десятилетий. Вспомним описание Сергея Анисимова, побывавшем в Черекском ущелье уже в советское время: «Вот склоны суживаются, и автомобильная дорога входит в узкое горло ущелья, разрезанного в крепких желто-розовых известняках Скалистого хребта. Черек разработал здесь свое ложе в виде очень глубокого каньона, где река с ревом и шумом летит в глубокой пропасти, а сверху проведено автомобильное шоссе, разработанное капризными карнизами. Оно то низко опускается к самой воде бурного потока, то взвивается на скалы очень высоко над его течением.

...Встающие... пики Скалистого хребта достигают высоты 3 тысяч метров над уровнем моря, а средняя высота полотна автомобильной дороги здесь около 100 метров. И это простое сравнение высот заставляет легко представить, как величественны виды этого замечательного каньона, стены которого украшают разнообразнейшие естественные архитектурные и скульптурные фигуры: колонны, башни, крепости. Очень красив здесь и сам цвет пород – от беловато-желтого до темно-розового. К этому прибавляется еще убранство кустарниками, мощными деревьями и множеством цветов. Вверху над всем этим виднеется узкая полоска темно-голубого бездонно-глубокого неба.

В пейзаже Балкарского ущелья увлекает полная насыщенность зеленого, розового и лазурного цветов. Карниз дороги дает местами очень острое ощущение высоты: скалы с одной стороны падают в бездонную пропасть, а с другой – стены ущелья поднимаются отвесно к небу или местами даже нависают в виде полутуннелей. Совершенно поражает также и толща пластов этих юрских пород, падающих под углом 35–45 градусов на северо-восток. В этих пластах чередуются известняки, сланцы и песчаники, а в более глубоких слоях обнажаются доломиты. Черек прорезал в этих пластах свое русло точно пилой, и в глубине этого разреза можно видеть еще более древние кристаллические породы в виде серого кавказского гранита, отшлифованного водами реки. Помимо этих зрительных впечатлений здесь очень остры и слуховые: рев и шум воды прямо оглушают»⁷.

Впрочем, и сегодня, когда горные тропы стали автомобильными трассами, а наиболее опасные участки спрятались в сами скалы, прорезанные туннелями, пребывание на высоте вызывает выброс адреналина у большинства приезжающих: где-то далеко внизу, в десятках метров от тебя, клоочет Черек; теснина столь отвесна и узка, что, сорвавшись (не дай бог даже представить это!), и стен не заденешь, долетишь до остроконечных мощных речных глыб целеньким...

Действительно, теснина Череха, так образно описанная путешественниками, поражала и поражает каждого. Это восхищение перед величием природы, мощью горных отрогов отразилось не только в описаниях путешественников, но и в названиях, данных ими скалам, крутым поворотам: *Балкарской* называлась эта дорога на фотографиях, датированных началом XX века и распространявшихся по России в виде открыток. Вот каменный навес «Пронеси, Господи» (на другой открытке так называется скала), вот «Смелый поворот», вот «Гора-

кольцо» (она же так называемый туннель). Все живо, узнаваемо – что такое сто лет для могучих стражей ущелья!

Изменилась, конечно, сама дорога – она оделась в асфальт, стала более безопасной, прорезав горы на самых опасных участках двумя достаточно протяженными туннелями. Места эти действительно опасные, но и в то же время самые живописные, вызывающие непередаваемую гамму эмоций. Поэтому, чтобы ощутить величие ущелья, посоветовали бы не мчаться с ветерком по освещенному электрическим светом туннелю, а выйти из машины и пройти пешком этот участок. Если боитесь высоты – прижимаясь к скалам, если более чем стометровая отвесная пропасть не смущает вас – над краем дороги, ибо вид отсюда открывается – сердце волнующий, глаза поражающий, чувства обостряющий.

Именно здесь, на этой дороге, начинаешь понимать, как мал и слаб человек – песчинка в сравнении с горами, любому камешку, сорвавшемуся с вершины, по силам забрать его жизнь; и как велик и могуч он, проложивший руками тропинки по скальным кручам, превративший их с помощью машин в современные магистрали, ожерельем опоясавшие горы.

Совершите это небольшое путешествие по старой Балкарской дороге в день вчерашний, право, оно стоит того, ибо будет будоражить вашу память еще долгие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. Вып. 4. С. 77.

² Чхеидзе К. А. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 75.

³ Карачай и Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. Вып. 9 (14). С. 58.

⁴ Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.

⁵ Карачай и Балкария: страницы прошлого. С. 59.

⁶ Балкария – страна гор и ущелий. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2009. Т. 2. С. 280.

⁷ Анисимов С. С. Кабардино-Балкария. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. С. 74–76.

...И «ЧЕРТОВА ЛЕСТНИЦА»

Сегодня мало кто знает, что из себя представлял и где находился участок Балкарской дороги, образно названный в народе «Чертовой лестницей». Остались только воспоминания путешественников, позволяющие домыслить, каких невероятных усилий стоило преодолеть это место, представляющее из себя чуть ли не вертикальный спуск с одного уровня на другой.

Одним из таких очевидцев был выдающийся кавказовед Н. Я. Динник (1847–1917). Его имя сейчас основательно подзабыто и в большей степени известно лишь ученым, в первую очередь зоологам. Что совершенно несправедливо, ибо Николай Яковлевич – выдающийся исследователь, навсегда вписавший свое имя в историю изучения Кавказа.

Родившись в Ставрополе, окончив здесь же Ставропольскую гимназию, он продолжил учебу на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, после чего вернулся в родной город и всю жизнь проработал преподавателем гимназии и казачьего юнкерского училища. Но все свободное время Н. Я. Динник отдавал главному делу своей жизни – изучению природы и животного мира дорогого сердцу Кавказа, совершая ежегодные поездки по расположенным на его территории округам, исходив «заповедник мировой истории» (слова В. Миллера) чуть ли не вдоль и поперек.

Свою первую статью «Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа» он опубликовал в 1877 году, а всего в его творческом багаже более ста статей, очерков, книг. За статью «Горы и ущелья Терской области» в 1885 году Н. Я. Динник получил серебряную медаль от Русского географического общества, а впоследствии и золотую за изучение Кавказа в целом.

За двухтомное исследование «Звери Кавказа» в 1912 году он был удостоен премии Российской академии наук. В этом монументальном труде Николай Яковлевич изложил результаты своих многолетних биологических наблюдений над кавказскими животными.

«Наблюдения эти, – процитируем строки некролога, опубликованного в «Известиях Кавказского отдела Русского географического

общества» (Тифлис, 1917. № 2–3. Т. 25. С. 366–368), – тем более ценны, что тип зоолога – наблюдателя жизни и нравов крупных млекопитающих в их естественной обстановке – ныне почти совершенно не встречается среди натуралистов. По крайней мере, в России со времен Эверсмана и Северцова и до настоящего времени единственным... представителем почти исчезнувшего ныне типа натуралистов, которые добывают свои знания исключительно среди природы с ружьем и биноклем в руках, русским Брэмом, являлся Н. Я. Динник.

Свои всесторонние, подробные и правдивые наблюдения над животными Кавказа он облек в прекрасную литературную форму и сочинение его «Звери Кавказа» является огромной ценности вкладом в русскую научную литературу, вовсе почти лишенную подобных сочинений. Оно читается с захватывающим интересом... всяким любителем природы и, несомненно, побудит некоторых из них внести также и свою лепту в дело изучения жизни и нравов диких животных, в настоящее время, по мере интенсификации культуры и хищничества, быстро приближающихся к исчезновению даже и в таком зоологическом Эльдorado, каким является Кавказский край».

«Со времени Брэма, – писал об этом сочинении такой суровый и требовательный критик, как К. А. Сатунин, – мы не имели таких точных правдивых и интересных описаний жизни животных, сделанных на основании своих собственных наблюдений. Эти качества делают книгу Динника поистине драгоценной. Пройдет еще немного времени, при быстром неудержимом шествии культуры ничего не останется от некогда богатой и оригинальной фауны Кавказа, и лучшим памятником ее остается книга Динника».

Две работы Николая Яковлевича Динника – «Поездка в Балкарию» и «Поездка в Балкарию в 1887 году», – опубликованные в 1890 году в знаменитом сборнике ЗКОИРГО (Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества), с того времени не переиздавались и в полном своем объеме были известны в прямом смысле лишь единицам. И это грустно: написанные ярко, образно, со знанием дела, изобилующие точными наблюдениями, они и сегодня вызывают живейший интерес.

Вот как описывает Н. Я. Динник свои впечатления о «Чертовой лестнице»: «Дорога все время тянется по лесу. В одном месте она, делая множество зигзагов, круто поднимается вверх, выходит на красивую поляну, а потом по спуску, известному под именем «Чертовой лестницы», сходит почти к самому берегу Черека.

Спуск этот вполне оправдывает свое название. Он тянется на протяжении около 200 саженей, страшно крут, каменист и представляет почти непрерывный ряд высоких ступеней, с которых лошадь должна спускаться с большой осторожностью. С левой стороны этой узкой тропинки зияет глубокая пропасть, почти отвесные стены которой покрыты, однако, кустарником и деревьями, а с правой поднимаются крутые скалы.

Там, где оканчивается спуск, Черек разделяется на два рукава; остров, окруженный ими, представляет сплошную, довольно тонкую, но очень высокую скалу. Здесь перекинута через каждый из рукавов по одному узенькому деревянному мостику. Оба они висят саженях в пятнадцати над поверхностью воды, и вид с них в пропасть, по дну которой бурлит Черек, очень эффектен»¹.

И еще одно описание, сделанное этим же автором, но спустя год: «Осмотрев озера, мы отправились вверх по ущелью Череха к балкарским аулам, чтобы потом пробраться к ледникам. Вся эта дорога уже была описана мной, но теперь в ней оказались некоторые перемены. Прежде она представляла узкую, местами даже очень плохую, тропинку; теперь же, по желанию самих балкарцев, ее начали разделять с целью превращения в колесную дорогу. С окончанием ее балкарцы в первый раз будут иметь возможность выехать, даже на арбе, из своего гнезда на плоскость. «Чертова лестница», для превращения которой в более или менее сносную дорогу потребовалась бы не одна тысяча рублей, должна будет при этом остаться в стороне, и выше ее дорога будет идти все по той же стороне речки, то есть по правой»².

И весьма живописный рассказ Николая Харузина: «Мы собирались ехать из Нальчика в Балкар, почти вовсе не посещаемый путешественниками. Нам говорили и про трудную дорогу, и про известную всему Нальчику «Чертову лестницу».

...Мы на значительной высоте; у наших ног под крутым, почти отвесным склоном пенится и бурлит темной полосой Черек; внизу виден мост, перекинутый над ним, и огромные черные пещеры, образуемые скалами на противоположном берегу.

...«Чертова лестница» представляет собой крутой длинный спуск, спадающий с вершины к мосту; каменные огромные глыбы представляют ступенеобразные выступы во всю длину спуска. Эта устроенная природой гигантская лестница идет над отвесной пропастью к Черeku; здесь самое узкое место ущелья; глубоко внизу,

где течет Черек, горы так сближаются, что образуют лишь крайне узкий пролив для бурливой реки; к тому же она идет извилинами, вследствие чего и без того спертые и кипящие воды реки, ударяясь о каменные стены, при постоянно крутых поворотах, страшно клокочут и ревут. Природа здесь дикая, подавляющая своим величием и красотой: над каменными стенами возвышаются новые стены, голые, бесприютные, по ним текут десятки больших и малых, выбившихся из камня, горных ключей, то узкими струями сочащихся по камням, то ниспадающих каскадами. Огромные пещеры, зияющие своими отверстиями из глубины скал, еще более усиливают дикий характер ущелья. На другой стороне реки вздымаются огромные вершины гор, по склонам которых среди обломков скал растут могучие буки, своей темной листвой придающие мрачную окраску горам»³.

Ныне дорога в Черекском ущелье пробита с левой (если подниматься вверх по течению) стороны реки и знаменитая «Чертова лестница» осталась, так сказать, не у дел. Да и невозможно было по большому счету осуществить здесь нормальный проезд – слишком резок и велик перепад высот. Поэтому знаменитый спуск сегодня еще можно увидеть с автомобильной трассы в месте, что неподалеку от одного из поворотов. Правда, с такого расстояния он не выглядит столь страшным и непреодолимым, тем более что время несколько пообтесало каменные глыбы, они покрылись растительностью, практически слившись с окружающим пейзажем. Гигантская лестница, вырубленная скульптором-природой, оказалась больше ненужна людям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Динник Н. Поездки в Балкарию в 1886 и 1887 годах. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2009. С. 10.

² Там же. С. 35–36.

³ Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 115–116.

ТВЕРДЫНИ ЧЕРЕКА

Рукотворные памятники Черекского ущелья – это удивляющие своей мощью и величием развалины древних крепостей и башен. Обратимся к запискам А. Фирковича: «В Балкарском ущелье и на горе того же имени взор путешественника поражается множеством башен, в недалеком расстоянии одна от другой построенных и образующих как бы одну обширную крепость. Древнейшие из них построены на едва доступных скалах, другие на равнине и в середине самого аула, высотой в 4, 5 и 6, одна даже в 7 этажей; основание их занимает от 4 до 5 квадратных саженей; кладка стен одна из самых прочных, шириной в нижнем этаже в сажень и более. Это прекрасное ущелье, как видно, было предметом зависти соседей и часто подвергалось нападениям их, что, вероятно, и было причиной сооружения такого множества башен. В настоящее же время, когда подобная опасность миновала, башни совершенно опустели и приходят в упадок. Постройку новейших из них относят к XVI и XVII столетиям. В некоторых из новейших башен, на самом верху сделаны крестообразные окна, которых края окрашены, что доказывает, что они принадлежали христианам; но жители от этого совершенно отказываются, отзываясь, что как они, так и предки их, построившие башни, были мусульмане»¹.

Куннюм, Зылги, Куспарты, Мукуш, Мухол, Курноят, Ишканы, Сауту, Глашево... – это названия лишь части аулов, на месте которых ныне располагается селение Верхняя Балкария. Именно их жителей надежно прикрывали от опасностей неприступные башни и крепости, возведенные на скалистых горных утесах. В отчете Императорскому археологическому обществу академика В. Миллера, который сам в ущелье не был, говорится: «Особенно богато башнями ущелье Балкарское, населенное древнейшим из тюркских горских обществ. При проезде этим ущельем путешественник почти не теряет из виду древних башен, сопровождающих Верхний Черек то с правой, то с левой стороны. Остановимся лишь на некоторых, представляющих до сих пор явственные следы сквозных крестов. Таковы две довольно хорошо сохранившиеся башни, построенные, по преданию, предками балкарской фамилии таубиев (горских князей) Абаевых. Одна из

них возвышается в ауле Куним и приписывается Али-мурзе Абаеву. Башня отлично построена, из камней на извести, и сохранила внутри следы 4 этажей. В нижнем этаже живут до сих пор. На трех стенах – северо-западной, юго-западной и юго-восточной – на значительной высоте виднеются четырехконечные кресты, образуемые выемкой в стене. Другая абаевская башня находится в ауле Шканти, на левом берегу реки Иртышки, и была построена Сосраном Абаевым. Она сложена так же, как и первая, и достигает высоты $8\frac{1}{2}$ сажени. Есть предание, что башню строили мастера сванетские или греческие. Внутри сохранились следы 4 этажей. В 1-й этаж ведет на восточной стороне небольшая дверь с полукруглой аркой. Дверь пробита на высоте 2 аршин от основания башни. На двух стенах виднеются кресты.

...На вопрос, к какому времени относится построение этих башен, можно ответить только приблизительно, сообщив народные предания о происхождении балкарских княжеских родов. При этом нужно заметить, что и народные предания представляют варианты относительно генеалогии балкарских таубиев. Вот одно предание, записанное со слов таубия хаджи Шаханова, пользующегося у балкарцев репутацией знатока старины. По словам этого старика, некогда в Стамбуле один падишах заподозрил свою дочь [в бесчестии] и прогнал ее от себя. Она бежала в Крым и вышла за крымского хана, который удостоверялся в ее невинности. От этого брака родился Чингис-хан; у него был сын Барак-хан, от которого произошел Джанбек-хан, отец родоначальников привилегированных фамилий Дигории и Балкарии – Бадилята и Басиата.

Это предание, конечно, не заслуживающее веры, очевидно, основано на желании возвысить Бадилята и Басиата, приписав им царское происхождение. Правдоподобнее другое, более скромное предание, записанное нами от эфенди Абаева, которое говорит, что Басиат и Бадилят были сыновья-сироты одного крымского вельможи, ушедшие из Крыма на Кавказ вследствие притеснений от родного дяди. По 1-му варианту (шахановскому), братья поселились сначала на реке Куме, а затем перешли на Кашхатау. Здесь они расстались: Бадилят пошел в Дигорию, где стал родоначальником дигорских дворянских фамилий, а Басиат поселился в Балкаре около нынешнего аула Кунима, на левом берегу Черека. В нынешнем Куниме жили в то время выходцы из Сванетии – *таулу* (мн. ч. *таулулар*). Басиат подчинил их себе и обложил данью. Кроме таулу, туземное население состояло из осетин-дигорцев и других ранних пришельцев. Предание

говорит, что туземцы исповедовали языческую религию, а Басиат с дружиной были мусульмане. Это предание следует поправить в том смысле, что туземцы, несомненно, как их соседи-дигорцы, хранили некоторые следы христианства, смешавшегося с языческими верованиями, а мусульманство пришельцев – Басиата с дружиной – довольно сомнительно, ввиду существования крестов на башнях, построенных потомками Басиата. ...Можно думать, что построение абаевских башен восходит, по крайней мере, за 300 лет тому назад, а башни, построенные туземцами-сванетами (таулулар) до прихода Басиата, относятся к еще более отдаленному времени»².

Дополним этот весьма занимательный отчет впечатлениями Николая Харузина, оставившего нам свидетельство увиденного им здесь в 1886 году, которое удивительно перекликается с событиями, происходившими в Чегемском ущелье ста двадцатью годами ранее – местью мумий. Впрочем, сравните сами: «Хозяин повел нас осмотреть большие курганы, возвышающиеся на крутом берегу Черека. Страшно было видеть эти две огромные гробницы среди гор. Курганы эти пользовались особым почтением и даже суеверным страхом местных жителей. По преданию, в давние времена умерло шесть женщин в ауле; у каждой из них было по ребенку, умершему одновременно с матерью. Их похоронили вместе с детьми в одном из этих курганов, но тела их не сгнили, и теперь они и их дети лежат, как будто живые, в обширной гробнице кургана. Много вокруг них лежит драгоценностей, похороненных вместе с ними. Есть и ход в кургане, заваленный землей и камнями, но никто не знает, с какой стороны он находится, за исключением старухи, самой пожилой в ауле, которая помнит еще то время, когда на кургане приносились жертвы.

На восточном склоне кургана лежат в беспорядке несколько каменных отесанных плит. Некогда эти плиты лежали в порядке – одна подле другой. Сюда собирались местные жители для приношения жертв: эти плиты считаются почти священными, взять их с кургана было бы тяжким грехом. Один местный житель, рассказывали нам, покусился на эти плиты, хотелось ему взять их себе на постройку дома, так как отесанных плит нигде не было в окрестности. Темной ночью он перетащил их с кургана к себе во двор; но наказание не замедлило: он сам и все его домашние захворали, и он, увидав в этой болезни наказание за свое преступление, обещался, что, если он и домашние его поправятся, тотчас отнесет эти плиты обратно. Перетаскивая плиты, он, однако, не клал их в порядке, а бросал на курган,

как попало; с тех пор эти плиты и не были приведены в порядок. После такого случая верующие жители не решаются прикасаться к святыне. Особенно священной считается северный склон кургана, но почему именно северный, нам объяснить не могли»³.

Одна из твердынь Череха – крепость Зылги, поражающая воображение своим величием. Она трехъярусная, где первый «представляет оборонительную стену с примыкающими подсобными сооружениями» длиной более 11 метров. Второй (средний) ярус – саму цитадель укрепления, от которой ныне «сохранились остатки двух сооружений с дверными и оконными проемами». Ранее их было четыре, о чем свидетельствует рисунок, опубликованный в «Материалах по археологии Кавказа». Глядя на этот карандашный набросок, поражаешься мощи неприступных бастioned, вознесенных руками человеческими на горные кручи. Третий (верхний) ярус «представляет отдельную башню, приспособленную к скальной площадке, из которой хорошо видны нижние строения. Одну стену башни заменяет отвесная скала. Вход в башню оставлен между передней стеной и скалой. В плане башня имеет овальную форму, что зависело от скальной площадки, на которой она воздвигнута. Между первым и вторым ярусами крепости – 12 м, между вторым и третьим – около 50 м»⁴.

В работе Исмаила Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии» описан целый ряд верхнебалкарских крепостей, идущих под номерами: 1-я крепость Карча-Кала (она же Болат-Кала), расположенная в 2–3 километрах к юго-западу от селения «на труднодоступном склоне горы, возвышающейся над левым берегом реки Черек Балкарский»; 2-я крепость «расположена в 400–500 метрах северо-западнее башен Абаевых на высоком, очень труднодоступном склоне»; здесь же, неподалеку, у горного водопада, развалины 3-й крепости – Малкар-Кала, представлявшей собой «сложный оборонительно-жилой комплекс» из цитадели и жилых построек; 4-я крепость «расположена на горе Курноят-Баши, в урочище Курноят»⁵.

Мы предприняли попытку подняться в крепость Карча-Кала. Достаточно быстро взобравшись на второй ярус, решили не останавливаться и добраться до верхней башни. Но уже на полпути поняли, что это далеко не просто: скала уходила все круче и круче вверх, камни из-под ног срывались и летели вниз, подпрыгивая при ударах высоко в воздух. В некоторых местах можно было подниматься, лишь цепляясь за траву, глядеть вниз даже не хотелось – сорвавшись, зацепиться было практически не за что, а поэтому лететь предстояло

сотни метров – до самого Черек, который с высоты виделся узкой серебристой ленточкой.

Но главное препятствие, как оказалось, ожидало впереди – чтобы войти в крепость, надо было продемонстрировать особую сноровку – пробираться, тесно прижавшись к скале, над бездной...

А ведь речь шла только о подъеме. С чем же приходилось сталкиваться строителям, подготавливавшим площадку для основания башни, закладывавшим камнями расщелины, возводящим мощнейшие стены! Здесь, на высоте, реально осознаешь, сколь сильны были – физически и духом, сколь настойчивы и мужественны были люди, строившие эти неприступные сооружения.

Ущелье из крепости как на ладони – видно, что воины, несшие здесь нелегкую вахту, могли заранее предупредить жителей высокогорной долины, дабы те подготовились к встрече с захватчиками.

Спуск вниз оказался куда труднее, чем подъем, – как будто совсем рядом, руку протяни, башня Абаевых, вознесенная над развалинами аула Куннюм, да только летать человеку не дано, приходится передвигаться боком, выискивая места, куда можно поставить ногу, чтобы не загреметь вниз. Одна из трех башен Абаевых (Абай-Кала) сохранилась почти полностью. В материалах к археологической карте «Древности Кабардино-Балкарии» говорится, что она трехэтажная, имеет форму усеченной пирамиды с толщиной стен до 1,2 метра. «В первом этаже имеется несколько бойниц и смотровые щели; в верхней части стен сохранились сквозные равносторонние кресты. Двери расположены в стене, обращенной в долину реки Черек, на определенной высоте от пола. Внутри башни выявлены 3 колодца-резервуара с выложенными на известковом растворе каменными стенами»⁶.

В этом нетрудно убедиться, заглянув в самую башню, время в которой как будто остановилось: наполни резервуары водой, замени сгнившие деревянные брусья, настели на них доски – и прошлое распахнет перед тобой свои двери. Кажется, закрой глаза, вслушайся – и оживет солнечный Куннюм: слышны возгласы мальчишек, срывающих сочные плоды с абрикоса, растущего выше башни и поныне плодоносящего, гортанные голоса стариков, сидящих на камнях и ведущих свои нескончаемые беседы, звон металла из кузни, блеянье овец...

Но нет – жизнь навсегда ушла из этого прилепившегося к скале аула: обрушились крыши жилищ, от которых остались лишь стены, заросли травой и крапивой улочки, разбегающиеся вправо и влево

от башни и чем-то напоминающие ходы бесконечного лабиринта – вправо, вниз, влево, далее снова вниз и вправо, и так, кажется, до бесконечности. А вот и ручеек – как без него людям: струится, как и десятилетия, века назад, питает влагой травы и фруктовые деревья, не желающие умирать. И от этого успокаивается душа – умирают одни поселения, жизнь людская продолжается в других.

Побывавший в этих местах в конце XIX века Дмитрий Вырубов, бывший начальник Нальчикского округа, отличавшийся от других царских администраторов своим неподдельным интересом к жизни местных народов, их археологическим памятникам, сохранил для нас на своих рисунках и крепость Зылги, и башни Абаевых. Вглядитесь в них – ведь это не просто творения рук человеческих, они как звенья единой цепи тех, кто жил, тех, кто пришел им на смену.

Дано описание и башен, две из которых хорошо сохранились – Абай-Кала и Амирхан-Кала, последняя привлекает внимание каждого тем, что построили ее прямо в долине Череха на вершине громадного камня. Забраться сюда можно только по приставной лестнице или с помощью специальных приспособлений; башня двухэтажная, высота ее 5,65 метра, длина – 7,25, ширина – 3,25 метра. Предполагается восстановить башню в первоначальном виде, но когда это произойдет и произойдет ли вообще – вопрос в немалой степени риторический: археологические памятники в нашей стране не предмет первой необходимости...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 67.

² *Миллер В. Ф.* Терская область: Археологические экскурсии // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 92–94.

³ *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 118.

⁴ *Мизиев И. М.* Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 18–19.

⁵ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 90–94.

⁶ Там же. С. 92.

ЦИТАДЕЛИ БЕЗЕНГИ

Башни и крепости другого ущелья Балкарии – Хуламо-Безенгийского – и сегодня, в век, когда человек осуществляет космическое строительство, вызывают неподдельное восхищение. Непросто найти ответ на вопрос: как, каким образом, практически на отвесных скалах, куда и налегке добраться по силам лишь опытнейшему альпинисту, имеющему современнейшее оборудование, жившие здесь столетия назад люди строили столь неприступные бастионы – доставляли сюда камни, раствор, деревянные балки?..

Одно из таких укреплений – Тотур-Кала. Ее еще называют Усхур-Кала. Дело в том, что цитадель эта воздвигнута на горе Тотур, а внизу означенной вершины некогда располагался аул Усхур, от которого сегодня не осталось практически никаких следов.

Вот что писал об этом оборонительном комплексе, расположенном на скале, что на правом берегу реки Черек Безенгийский, Исмаил Мизиев: «Цитадель этой сложной и остроумно выполненной крепости представляет собой как бы «ласточкино гнездо» над бездной, прилипшее к небольшому скальному козырьку. Скала на этом участке нависает над башней под отрицательным углом и, таким образом, делает ее неуязвимой сверху. Доступ когда-то существовал либо через перекидные деревянные лестницы метров 15–16 длиной, либо по вырубленным в скалах ступеням, которые давно разрушились. Местные старожилы рассказывают, что неоднократные попытки пробраться в башню с помощью лестниц и жердей не увенчались успехом.

Башня приютилась на высоте более 200 метров от основания горы, и к ней немислим доступ ни сверху, ни снизу, ни со стороны. У каждого, кто видит ее впервые, остается все то же удивление: «Как могли ее создать? Как подходили к этой загадочной цитадели укрепления и какие же безвыходные исторические события заставили жителей построить ее именно здесь?» К сожалению, на эти вопросы ответить трудно. Казалось бы, тут каждая гора – своего рода крепость. Кто мог додуматься построить ее именно в таком месте? Каменное гнездо!»¹

В классическом труде И. Чеченова о древностях Кабардино-Балкарии об усхурской крепости Тотур-Кала говорится следующее: «Крепость состоит из четырех сооружений, представляющих единую оборонительную систему. Одно из них (цитадель крепости) – башенного типа и построено в карнизе скалы на высоте 80–100 м; к нему ведет узкая тропа, частично разрушенная к настоящему времени. Развалины другого сооружения находятся на подступах к цитадели, где начинается отмеченная выше тропа. Остатки еще двух сооружений, защищавших цитадель с тыла, расположены на легкодоступном склоне скалы Усхур-баши. Все сооружения сложены из обработанного камня на известковом растворе. Сохранившаяся высота стен – местами более 4 м, толщина – до 130 см»².

А вот как описывает оборонительные сооружения на северо-восточном склоне горы Усхур краевед Тимур Шаханов: «Комплекс... представляет собой целую систему оригинальных строений фортификационного назначения. Состоит из нескольких башен, служивших в старину одной цели – обороне. Гора, на которой воздвигнута Тотур-Кала, круто поднимается над аулом Усхур (ныне несуществующим) и отвесно обрывается на юго-западе. Высота обрыва – 200 метров. И вот в его средней части, на небольшой скальной площадке, была воздвигнута двухэтажная, со всех сторон неприступная башня. Туда можно проникнуть только с вершины горы по узкой и крайне опасной скальной террасе.

Стенами этой башни... служит подступающая с трех сторон скала. Это уникальное сооружение буквально висит над пропастью. Снизу, то есть с дороги, сколько бы вы ни вглядывались, обнаружить башню невозможно. Она полностью сливается со скалой.

...Строение было возведено на ровном скальном выносе, размеры которого в основании составляли площадь 5х6 метров. Высота сохранившихся стен достигала 7 метров при толщине стен в 67 сантиметров. В западной стене были две бойницы, расположенные одна над другой. Стены башни были сложены из хорошо подогнанного камня на известковом растворе. У спуска к цитадели на горе располагалась еще одна башня. Она имела сторожевое предназначение и защищала подступы к основной башне. Помимо этой функции, башня использовалась защитниками цитадели в качестве дозорного наблюдения за противником. Находясь на верхней площадке, обороняющиеся могли видеть всю долину реки. Несмотря на свое вспомогательное назначение, эта башня имела довольно внушительные размеры. Дли-

на одной из сохранившихся сторон достигала 13,5 метра. Она, так же как и ее «старшая сестра», была сложена на известковом растворе.

С северо-востока – со стороны отлогого подъема на гору – цитадель прикрывалась еще двумя башнями. На верхней террасе одной из них сохранились две стены, размерами соответственно 4 и 6 метров и высотой в три метра. Вторая башня была укреплена бастионом довольно внушительных размеров. Длина его сторон достигала 12 метров каждая, а толщина стен и их высота – соответственно 1,3 и 4,3 метра.

...Расположение башен дает возможность контролировать все ущелье, куда достаёт глаз наблюдателя. «Тотур-Кала» в переводе с балкарского означает «крепость Федора». Она была, скорее всего, возведена в эпоху распространения на территории Северного Кавказа христианства и название свое получила в честь культа Федора Тирского»³.

Тимур Шаханов относит время возникновения башни Тотур-Кала к IX–XI векам. Правда, в 1987 году археологами Б. Атабиевым и В. Батчаевым здесь были найдены материалы, датируемые XIV–XV веками. Но тому, что возраст укрепления составляет тысячелетие, верится больше. Глядя на руины, оставшиеся от некогда неприступной твердыни, не покидает ощущение, что мимо тебя проносятся века.

Двадцатый – своим безразличием и варварским отношением к памятникам прошлого чуть не похоронивший крепость окончательно.

Девятнадцатый, восемнадцатый, семнадцатый – сохранившие в своих анналах письменные свидетельства об оборонительном комплексе, вознесённом над Черекон.

Шестнадцатый, пятнадцатый – когда укрепление продолжало служить обитателям ущелья.

Четырнадцатый – ставший для бастиона звездным часом, когда осаждаемый несметными полчищами завоевателей, возглавляемых Железным Тимуром, он отбивался до последнего защитника и со смертью его пал, но так и не покорился.

Тринадцатый, двенадцатый – когда это удивительное каменное гнездо прирастало новыми дополнительными фортификационными сооружениями, позволяющими вести оборону со всех сторон.

Одиннадцатый, десятый – когда была замыслена, начала строиться, была возведена цитадель.

Сегодня к крепости можно добраться на джипе, для чего по дороге, ведущей к пастбищам, можно объехать ее с левой стороны, а

потом спуститься прямо к подножию Тотур-Калы. Развалины оборонительных сооружений, расположенных на подступе к цитадели, не заслуживают такого внимания, как сама башня. Подступиться к ней действительно невозможно. Выступ, уходящий в глубь нависающей над ним скалы, расположен так, что строителям достаточно было возвести лишь одну стену, чтобы защитить башню сверху, замкнув каменное пространство, сделав его единым целым.

Узкая тропинка, ведущая с правой стороны, обрывается на подступах к башне – вероятнее всего, имевшийся здесь карниз был уничтожен самими защитниками уже после окончания строительства. Добирались же они в свое «ласточкино гнездо» по специально сооруженным мосткам, убиравшимся внутрь в случае опасности. Но, возникает вопрос, такие мостки могли соорудить и захватчики. Могли, кто спорит... Но под градом стрел и в проходе, закрываемом специально приготовленными – подогнанными друг к другу – камнями, это было сделать практически невозможно.

Что касается возможности достать защищающихся снизу, то сама эта мысль представляется абсурдной каждому, видевшему прилепившуюся к скале башню. Добрых полторы сотни метров стрела, пущенная рукой опытного лучника, конечно, одолеет. А дальше что? На излете стрелы теряли свою силу, тем более пущенные от подножия скалы, не могли попасть в бойницы, а выпускаемые издали – просто не могли долететь. Более чем полуметровая каменная стена была по силам только дальнобойным орудиям, которых у захватчиков в те времена, к счастью, не имелось.

Действительно, башня была неприступна. Ее защитников можно было взять только измором, прежде всего жаждой, лишающей человека сил уже через несколько суток, что, вероятнее всего, и произошло более шести столетий назад. Запасы воды не могли быть значительными, как и число воинов, ведь укрепление было совсем небольшим по своим размерам: площадь его вовсе не тридцать квадратных метров, как писал Тимур Шаханов, а в два с лишним раза меньше.

Утверждаем это с полным основанием, так как один из членов нашей группы смог пробраться в недостижимое «ласточкино гнездо», более того – произвести оттуда съемки прилегающих к башне окрестностей. То, что это будет непросто сделать, представлялось ясным с самого начала. Как и то, что для подстраховки необходимо содействие профессионального альпиниста. Эту помощь оказал спасатель из Приэльбрусья Расул Гулиев. С верхушки горы он страхо-

вал нашего фотокора, хрупкую, но спортивную девушку, решившую не спускаться в цитадель, а добираться до нее по апробированному веками пути — по скальному козырьку, вбив там, где он обрывается, страховочные крючья.

И вот один из нас занял свое положение на макушке Тотура, другой, кому предстояло дублировать команды спускающегося (по причине сильного ветра, достаточно большого расстояния, а главное — кривизны каменного выступа их не было слышно наверху), на самом краю обрывающейся в пропасть скалы — и проникновение в «гнездо» началось.

Вряд ли стоит говорить, что крепость покорила сразу (профессиональных альпинистов-скалолазов просим оставить свои реплики при себе, взяв недолгую молчаливую паузу). Наш фотокор, зависнув над многометровой пропастью и раскачиваясь под порывами налетающего ветра, весьма рисковала, но упорно продвигалась вперед, пока и не оказалась на каменной террасе.

Попутно выяснилось, что не совсем точен и Исмаил Мизиев, считавший, что для доступа в крепость нужны «перекидные деревянные лестницы метров 15–16 длиной». Мостки такие действительно нужны, если добираться до башни не со страховкой, но куда меньшего размера. Так что было не совсем понятно, почему «неоднократные попытки пробраться в башню с помощью лестниц и жердей не увенчались успехом» местных жителей.

Итак, размеры внутреннего помещения цитадели равны примерно двенадцати метрам, высота ее меньше семи метров; сказать, что она была двухэтажной, сегодня затруднительно, но в этом есть большая доля вероятности, потому что бойницы располагались одна над другой. Сколько человек могло поместиться здесь с пользой для дела? По большому счету не больше десяти. Скольких нападавших они могли поразить из своего «гнезда»? Практически всех, кто попадал в их поле зрения. Правда, при одном условии — если число захватчиков было достаточно малым: небольшой конный отряд, менее сотни воинов...

А если внизу собралось многотысячное войско, заполонившее своей враждебной массой все склоны горы? Тогда сопротивление защитников теряло всякий смысл — помочь жителям ущелья они ничем не могли. Впрочем, такому массовому нападению Тотур-Кала подвергалась в своей тысячелетней истории нечасто, как мы уже говорили выше, возможно, лишь раз.

Здесь, на вершине горы, где хозяйничает лишь ветер да орлы парят кругами в небесной синеве, время как будто замедляет свой

бег, давая возможность заглянуть в прошлое. И когда прямо через нас проплывает неизвестно откуда взявшееся косматое облако, это прошлое внезапно оживает.

И видится, что это не небесный странник гудит и посвистывает в каменных щелях и выемках, а сотни стрел, выпущенных захватчиками, выводят рулады смертельной песни. Не под порывами того же ветра шелестит густая трава, а скрипит и гнется под тяжестью сотен ног взбирающихся по склону людей. И падают они, пораженные из бойниц, и катятся со стонами вниз по крутому, чуть ли не отвесному склону, и кровь обагрят камни, дымящиеся под палящим солнцем.

Сердце наполняется ужасом, душа — печальными знаниями, а тело — животным страхом. Где ты, с кем ты? В прилепившейся к скале башне, судорожно выпускающий стрелу за стрелой? Или ею же пронзенный лежишь, уткнувшись в землю, не видя, как жизнь твоя уплывает в бездонное небо?

...Телефонный звонок из настоящего — здесь, оказывается, работает мобильная связь — возвращает к действительности. Справа, по автомобильной трассе, серебристая ленточка которой видна далеко внизу, словно в замедленной киносъемке движется автомобиль. Слева, на скальном выступе, белеют развалины другой цитадели — замка Джабоевых, за ним, в низине, собранные на небольшой ровной площадке дома мирного Безенги. А сбоку слышен крик: «Выбирай!» — наш фотокор закончила съемки.

Все это было, было, было, но — слава богу — не со мной...

Подъем из башни оказался куда сложнее, чем спуск. Веревка застревает в расщелине: она натягивается, но вперед не идет, и наша альпинистка беспомощно висит над бездной, раскачиваемая порывами ветра. Даже смотреть на это страшно, а чувствовать свою полную беспомощность в таком подвешенном состоянии...

Понимая, что веревка вот-вот может оборваться, Расул пытается сбросить сверху дополнительную, но — вы помните, что древние строители возвели башню под козырьком, — веревка не попадает в промежуток между скалой и развалившейся стеной.

Чтобы забросить веревку, надо наклониться как можно ниже и при этом удержаться на отвесной горной макушке. Раз за разом продолжаются безуспешные попытки, пока, наконец, веревка не застревает в щели между камнями, откуда ее можно достать, и башня отпускает с миром потревожившую ее многолетний покой.

Расположенный чуть поодаль, примерно в километре, замок Джабоевых — один «из монументальных памятников средневекового зод-

чества Кабардино-Балкарии, одно из самых уникальных сооружений с усовершенствованной планировкой»⁴, как восторженно писал Исмаил Мизиев.

Ему вторит Тимур Шаханов: «Это один из самых эффектных памятников такого типа на всем Северном Кавказе»⁵. О замке Джабоевых он говорит как о «наиболее внушительном по своим размерам сооружении подобного рода на территории Балкарии. Воздвигнут он на недоступной с трех сторон скале, которая господствует на местности. Его полуразрушенные стены видны на большом расстоянии. Как и усхурские укрепления, замок Джабоевых построен на очень выгодной для обороны местности. Он также контролирует большую часть долины и столь же неприступен. Плюс ко всему, замок этот прикрывает собой расположенный неподалеку аул. Это был когда-то грозный страж в горах Балкарии. Пешеходный подход к замку имеется только с восточной стороны.

Общая длина замка достигает 27 метров, а максимальная ширина – 7 метров. Самым высоким сооружением комплекса была восточная башня, но ее верхняя часть разрушена, а потому изначальная высота башни остается неизвестной; ее сохранившаяся часть имеет в высоту 8,3 метра.

Основным материалом для строительства служили отколотые куски скалы, на которой стоит замок. Это было целесообразно вдвойне: во-первых, отпадала необходимость доставки стройматериала издалека; во-вторых, куски откалывали с таким расчетом, чтобы усилить неприступность самой скальной платформы. Действительно, на большей части своего периметра края платформы почти отвесны и местами достигают высоты 3–4 метров. И это только верхний ярус всего скального выхода.

Толщина стен различных сооружений варьирует от 0,8 до 1–1,2 метра. Местами в кладке встречается тесаный камень. Известковый раствор чрезвычайно прочен, так как при изготовлении его применялась сывортка.

С восточной стороны перед башней имеются два вырытых в земле резервуара. Они смежные между собой и в разрезе имеют грушевидную форму, их диаметры у верхних краев 1,2 метра. Резервуары изнутри выложены камнем и тщательно оштукатурены. Вероятно, они служили защитникам для хранения запасов питьевой воды. Вообще, водоснабжению замка было уделено большое внимание. По некоторым сведениям, к нему скрытно была подведена под землей вода из ближайшего источника.

Замок строился в несколько приемов. Вначале было возведено двухэтажное сооружение типа тех, которые в литературе по зодчеству

горного Кавказа известны как «жилые башни», или «дома-крепости». В плане оно имеет вид слегка асимметричного прямоугольника длиной более 11 метров и шириной в средней части 7 метров. Из-за сильной разрушенности всего комплекса трудно судить о количестве и взаиморасположении бойниц. К настоящему времени фиксируется только одна бойница на первом этаже южной стены.

Впоследствии замок разрастался за счет дополнительных пристроек. К его восточному торцу была пристроена упоминавшаяся боевая башня. Гнезда от балок межэтажных перекрытий позволяют фиксировать в ней наличие четырех этажей. Но поскольку верхняя часть башни не сохранилась, то не исключено, что в действительности число этажей доходило до пяти или шести.

К противоположному, западному, торцу «дома-крепости» также было пристроено двухэтажное помещение – как бы его продолжение. В плане оно трапециевидное, с двумя бойницами на первом и одной – на втором этаже. Наконец, к этой второй пристройке пристроили небольшую двухэтажную башенку, тоже трапециевидную в плане. Общая длина этих двух пристроек 10,7 метра»⁶.

Считается, что этот уникальный памятник был уничтожен огнем в Средние века. Время не пощадило и его уцелевшие от пламени стены – сегодня можно увидеть лишь жалкие остатки удивительной цитадели, «ставшей неотъемлемой частью пейзажа», органично вписанной «в окрестный ландшафт». Под дождями и снегом осыпаются метровые массивные стены. Под воздействием влаги из них вымывается раствор, и камни сползают вниз один за другим. Только за последние годы это уникальное сооружение стало ниже высотой почти на полметра. Свой очередной, девятый век – принято считать, что крепость построена чуть позже Тотур-Калы – замок Джабоевых, возможно, и не встретит: все проекты по его восстановлению остаются лишь благими пожеланиями. И от этого становится стыдно и больно...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 27.

² Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 90.

³ Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 97–98.

⁴ Мизиев И. М. Указ. соч. С. 28.

⁵ Шаханов Т. Б. Указ. соч. С. 50.

⁶ Там же. С. 98–100.

ВЕЛИЧИЕ ХУЛАМА

Если сразу от въезда в селение Безенги повернуть вправо и по достаточно благоустроенной дороге подняться вверх, то уже по эту сторону Черека, примерно напротив замка Джабоевых, у подножия горы можно увидеть развалины балкарского аула Хулам, некогда процветающего и весьма известного поселения. Упоминания о нем не раз встречаются в трудах многих путешественников, ученых. Ныне аул практически разрушен, но вот что удивительно – даже эти полуразвалившиеся жилища, ушедшие в землю, заросшие травой, забывшие о присутствии людей, поражают своим суровым и гордым величием, которое еще больше подчеркивает нависающая над ними гора.

Время и природа, люди и общественный строй сделали как будто все, чтобы Хулам умер, а он не покорился, он упорно цепляется за жизнь – примкнул, прицепился к горе, тянется по ее склонам, и хоть разрушается от года к году, но если и уйдет в небытие, то только с ней.

Балкарские дома, музеем которых с полным основанием можно считать Хулам, здесь представлены в своем наиболее архаичном виде – это каменные потеррасные жилища с плоской крышей. Данные постройки, писал архитектор Эммануил Бернштейн, побывавший здесь в 1938 году, «располагались на крутых склонах преимущественно Черек-Балкарского и Черек-Безенгийского ущелий, где они врезались в самый массив скалы. В высеченном в скале уступе получалась горизонтальная поверхность пола и вертикальная – задней стены. В этом же массиве скалы высекался вдоль задней стены так называемый *тырхык* и углубление – ниша для текущего запаса дров, а в полу – ямы для хранения ячменя и картофеля. Камень, вынутый при постройке уступа, шел на кладку лицевой и боковой стен и ограждение усадьбы.

...Ступенчатое расположение жилищ на горном склоне приводило к тому, что крыши домов нижележащего ряда обычно использовались как дворы или просто открытые площадки перед домами, расположенными над ними. Иногда даже навес верхнего дома имел своим основанием крышу нижней постройки»¹.

А вот что отмечали В. Миллер и М. Ковалевский: «Сакли хуламцев и вообще горских татар... издали имеют вид груды камней и развалин. Вокруг небольшого дворика тянется ряд низеньких построек, сложенных из камня без цемента. Плоские крыши покрыты землей, и если бы не плетеные и вымазанные глиной широкие круглые трубы, вы не догадались бы, что ходите по крыше, а не по зеленой лужайке. Перед четырехугольными жилыми помещениями идут навесы на массивных столбах. Отдельно от других построек при каждой сакле — помещения для всякого приезжего, кунацкая. Привязав коня к рогатой коновязи, вы входите, нагнувшись в низенькую дверь кунацкой. На земляном полу у одной стены стоит широкая двуспальная деревянная кровать, у другой стены прямо на земле очаг, над ним пасть широкой трубы. По стенам полки для вещей. Все помещение, иногда сажени 3 длиною, освещается скудно маленьким окошком, конечно, без рам и стекол»².

А вот и более современное свидетельство краеведа Тимура Шахнова: «...другое дело Безенги и Хулам. Тут встречались сакли, стены и крыши которых видели десять и более поколений жителей. Дома в этом ущелье строились из камня, толщина стен достигала метра и более. Большинство домов были одноэтажными, крыша одного дома нередко служила двором для другого. Двухэтажные дома были редкостью.

У древнего жилища балкарцев имелась узкая дверь. Дом, пожалуй, больше напоминал крепость, нежели жилье. Об этом свидетельствуют маленькие окна-бойницы, расположенные на втором этаже. Дневной свет проникал на первый этаж, и только через дверь. Таким было типичное жилье балкарцев далекого Средневековья, когда мирные дни сменялись войнами и людям приходилось выдерживать осаду врага за стенами своих домов.

О том, что жилище горца было надежной защитой и построено прочно, можно судить по сложенным перекрытиям, ведь крыша засыпалась толстым слоем земли и служила двором вышеживущим. Поэтому нагрузка была колоссальной, и строителям не так легко было рассчитать запас прочности. Каждая сакля имела очаг. В более древних саклях очаг находился посередине жилища, пристенным он стал позднее. Освещалось жилье светильниками-чирахтанами, в которые по бокам вставлялись лучины, а в центре находились раскаленные угли или плоски с жиром»³.

Хулам хранит немало тайн, так как раскопки здесь практически не проводились. Удивительно, но случайным образом мы прикоснулись

к одной из них. На тропинке, ведущей к вершине горы, к которой аул прислонился сбоку, металлодетектор, настроенный на цветные металлы, заверещал на все лады, а на дисплее высветилось слово «клад» с тремя восклицательными знаками. «Клад» лежал буквально на поверхности, стоило только снять верхний слой дерна. Перед нами предстало днище бочки (так всем в первый момент показалось), зарытой вертикально. Воображение разыгралось, кое-кто уже принялся делить предполагаемые сокровища. Но, обкопав днище со всех сторон, мы выяснили, что это вовсе не бочка, а большой медный таз с полуметровым диаметром и десятисантиметровой высотой борта. Покрывшийся патиной, он скрывал под собой коновязь и какие-то листки бумаги, превратившиеся от времени в труху.

Весьма вероятно, что таз был закопан 8 марта 1944 года, когда произошло насильственное выселение хуламцев и всего балкарского народа. Судя по всему, своим прежним хозяевам он был весьма дорог, поэтому и спрятан, так как из-за тяжести (более шести килограммов) взять его с собой они не могли.

Изготовлен же таз из цельного листа меди, причем не механическим способом, а вручную, и, как нам сказали специалисты, скорее всего дагестанскими мастерами где-то примерно во второй половине XIX века. Подобные тазы в балкарских семьях были не редкостью. В фондах Национального музея Кабардино-Балкарии имеется старинное изделие из меди, представляющее из себя плоский таз для купания диаметром примерно один метр и с высотой борта около 10 см. Но, в отличие от найденного нами, он не цельный, а кован из листовой меди – днище представляет из себя диск, к которому заклепками прикреплен борт. Впрочем, главное не сам таз, а ответы на вопросы, кто его спрятал и что было написано на тех листках? Нам этого никогда не узнать.

Мелькнула мысль: «Может, это знаменитая тетрадь Кязима Мечиева, следы которой затерялись во времени?». Но между Хуламом и Шики – расстояние несколько километров, да и депортировали великого балкарского поэта не отсюда, а из Кичмалки, где в конце тридцатых годов и стали жить шикинцы, спасаясь от не знающих пощады селей.

...На вершине горы, у которой расположен Хулам, можно увидеть останки еще одной башни. Была она трапециевидной, с оборонительной стеной, достаточно труднодоступной, но главное, что вместе с другими – замком Джабоевых, башней Ак-Кала – составляла еди-

ную оборонительную систему: воины-наблюдатели кострами сигнализировали о приближающемся неприятеле.

Ак-Кала, то есть «Белая башня», о которой мы еще не сказали, служила для прикрытия аула Безенги, но расположена, в отличие от других, на равнинном участке — повороте дороги, ведущей в аул Шики. Ранее башня была четырехэтажной, о чем свидетельствуют, как пишет И. Мизиев, «симметрично расположенные ниши в стенах для укрепления внутренних перекрытий. В стенах имеются окна и бойницы»; высота башни достигает 14 метров.

Еще одна башня — Баксанук-Кала была возведена на вершине горы над аулом Шики. О ней имеется весьма интересная легенда, суть которой сводится к следующему: дочь князя Баксанука, отличавшегося неимоверной жестокостью и пренебрежением к простым людям, полюбила простого юношу, которому соплеменники дали особое поручение — найти место, куда можно уйти от ненавистного правителя. Перипетий в этой легенде предостаточно, но суть ее такова: погибает юноша, его любимая бросается в пропасть, но и князь погибает от рук взбунтовавшегося народа. По другой версии, речь в легенде идет о жене Баксанука, казненной им. Впрочем, суть ли важно — дочь ли, жена: и та и другая — люди, близкие и родные, а значит, история Баксанук-Калы в любом случае связана с семейной трагедией, символом которой и стала башня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бернштейн. Э. Б. Архитектура балкарского жилища. М.: Дикси, 1993. С. 21.

² Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. Вып. 4. С. 21.

³ Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 47–48.

МОСТЫ СТРАНЫ ГОР

У одного из самых известных русских журналистов конца XIX — начала XX века Владимира Гиляровского, чье имя в последнее время упоминается, к сожалению, достаточно редко, есть книга «Люди театра», а в ней очерк «Восходящая звезда». Название свидетельствует, что он как будто о выдающейся русской актрисе М. Н. Ермоловой, но на самом деле «дядя Гиляй» рассказывает о своих поездках в семидесятих годах XIX века. Одна из них — на Кавказ, в Кабарду. Побывал В. Гиляровский тогда и в ущелье, о котором ведем речь.

Вот как он описывает свои впечатления: «...бурно выющийся излучинами Черек был этот бешеный змей, вырвавшийся из ледников Коштан-тау. Около полусотни километров сверкала изломами узкая трещина, и на всем ее протяжении не живет ни одного человеческого существа... Только там, под ледниками, на другом берегу Череха, лепится к скалам заоблачный аул Безенги, а там, за ним, вершины невидимого Коштан-тау, по обе стороны которого снега горного хребта и будто бы перевал, исстари известный в этом единственном в этих горах ауле под названием «Магометова дорога». Должно быть, потому, что по ней, кроме Магомета, да и то по древним преданиям, никто не ходил...»¹.

Ходили и ходят, особенно сейчас, ведь тропа за прошедшее время стало полноценной грунтовой дорогой, которая вполне по силам не только внедорожникам, но и обычным легковушкам, если вы, конечно, не дрожите над ней. Но тем не менее испытаний дорога предоставляет предостаточно, ведь Черек в своих верховьях остается Черек — своенравной, бурной рекой, которую невозможно приручить, с которой необходимо обращаться как с женщиной — красивой внешне, но характером вспыльчиво-капризной: уж и знаешь ее как будто от головы до кончиков пальцев, но никогда не уверен, как она поступит в следующее мгновение, какие коленца выкрутит. Тем более, как распорядится своими обручальными полукольцами — мостами.

О эти горные мосты! Они были и будут темой особого разговора — сегодня они есть, а завтра нет, только что были проходимы, а ныне даже ступить боязно. Вот что писал всего 90 лет назад Константин Чхе-

идзе: «Представьте себе бездонную узкую щель. Там, внизу, в черном провале, ревет невидимая стремнина вод. Оба края словно обрезаны гигантским мечом. И от одного края к другому переброшены два, иногда три, необделанных ствола. Поперек стволов набросаны неприкрепленные жерди толщиной в человеческую руку. Некоторые толще, некоторые – тоньше. Местами многочисленные прошедшие здесь конские копыта пробили зияющие дыры. Упаси бог, если попадет в эту дыру тонкая нога благородного скакуна. Погибнет конь, погибнет наверняка, а может быть, упав, он увлечет в своем падении и несчастливого всадника...

Конечно, мосты через горные потоки слишком опасны, или лучше сказать, преступно-легкомысленны, чтобы ими хвастать. Но в стране гор они естественны и неизбежны. В стране ледников и пропастей они являются лишь частью общей картины, которая покоряет величием своей дикой красоты...

Я видел людей, попавших в горы с равнины; которые не решались довериться собственным ногам, чтобы перейти такого рода мост... Разумеется, над ними не надо смеяться. Но они производят в горах странное впечатление каких-то ужей, затесавшихся в общество соколов и кречетов»².

А вот что испытал Владимир Гиляровский: «Удивительный мост! Будто оторвали дно от плетеной корзины, увеличили его в сотню раз, перекинули каким-то чудом через огромный пролет и сверху наложили еще несколько таких же днищ... Внизу, глубоко под ним, ревет, клубясь белой косматой пеной, река, в которой воды не видно – пена, пена и пена и облака брызг над ней.

...Я вступил на зыбучий плетень без всякого признака перил. ...Я знал, что при таких переправах нельзя смотреть вниз, особенно здесь, на грохочущие буруны, но приходилось смотреть под ноги – того и гляди запнешься за торчащую ветку или нога попадет на какую-нибудь неровность зыбившегося подо мной висячего пути. А Черек будто переливался под нами...»³.

И еще одно свидетельство из того же, как будто не такого далекого XIX века – отрывок из письма знаменитого русского композитора Сергея Ивановича Танеева к Петру Ильичу Чайковскому, написанного в 1891 году и рассказывающего о путешествии из Пятигорска в Урус-биевский аул: «Трудно себе представить, до какой степени восхитительна эта поездка. Баксан в начале очень широк. Дорога идет то по одному, то по другому из его берегов. Мы множество раз должны пере-

езжать через мосты, сложенные из нескольких бревнышек, в то время как река ревет, как дикий зверь, увлекая и переворачивая в своем течении огромные глыбы камней. Лошади наши будут лепиться по скалам, перед нами будут открываться зияющие пропасти, мы постоянно будем испытывать приятное чувство человека, благополучно избежавшего грозившей ему опасности...»⁴.

Веревочные, с лихорадочно ходящими под ногами мостками, вырубленными из стволов молодых деревьев, положенных к тому же не вплотную, а с большими промежутками; с «перилами», которыми служила другая веревка, частенько протянутая лишь с одной стороны и прикрепленная к основанию весьма ненадежно, мосты исправно исполняли предназначенную им функцию – соединять людей. В то же время они являлись зримым свидетельством бесстрашия их создателей. Ступить на такое сооружение страшно, а каково наводить его: перекидывая веревку с берега на берег, устанавливая, продвигаясь на коленях, деревянное основание, соединять мостки с «перилами», рискуя каждое мгновение жизнью.

А сколь зависимы были от капризов погоды эти сооружения – порой за лето их приходилось восстанавливать неоднократно! Но как бы ни бушевали дожди, ни свирепствовали ветры, воля и мужество горцев были сильнее сил стихии.

Пришли другие времена, и сегодня от мостов, вернее было бы сказать – мостков, некогда протянутых на многометровой высоте над бурными реками, позволявших переправляться с одной стороны ущелья на другую, экономя время на многочасовом спуске и преодолении кипящих от набранной скорости потоков, не осталось практически никаких следов.

А вот от капитальных (хотя вернее было бы сказать – долговременных) мостов, возведенных в рамках строительства Балкарской общественной колесной дороги, следы в виде опор, сохранившихся на двух, но чаще всего на одной из сторон бурных горных речек, остались.

Сегодня мало кто знает, что это такое – Балкарская дорога. А ведь это было поистине грандиозное сооружение, введенное в эксплуатацию в начале июня 1893 года в присутствии начальников Терской области и Нальчикского округа. Дорога связала поселок Кашхатау с селением Чегет-Эль, то есть по ней можно было добраться из Балкарского общества по Черекскому ущелью на равнину. Прокладка ее продолжалась почти десятилетие, на строительстве были задейство-

ваны сотни местных жителей, объем проделанной работы (вручную!) поражает воображение даже сегодня. Впрочем, обо всем этом читатель может узнать из выпущенной нашим издательством в 2008 году книги, которая так и называется «Балкарская общественная колесная дорога». В нее вошли многочисленные документы, касающиеся всех этапов прокладки дороги, названы все причастные к этому удивительному сооружению лица, рассказано, кто, сколько и на что тратил общественные деньги, кто, когда и кого поддерживал.

Этот поистине титанический труд (в книге 700 страниц, тысячи фамилий, сотни документов – впервые выявленных, подготовленных к печати, атрибутированных) проделал практически один человек – Борис Темукуев, которому балкарский народ по большому счету должен поставить памятник за его подвижнический труд во имя нации.

Но вернемся к теме нашего разговора – мостам. Вот один из документов, опубликованных в сборнике «Балкарская общественная колесная дорога».

Начальник Горского участка подпоручик Цемиров 27 ноября 1868 года подал рапорт начальнику округа полковнику Нуриду, в котором, в частности, говорится: «В Балкарии работать дорогу начали с 15 октября и продолжали работу до 20 ноября, в продолжение этого времени устроив на реке Черек мост в 20 сажень длиной и в 7 аршин шириной: мост горской системы, поставлен на двух устоях, набитых снизу доверху камнями, в устоях этих со всех углов забиты сваи, к мосту проложена дорога на 200 сажень. Разработана вновь дорога по местностям Кузгютуп (Кюзгю-Тюбю) и Сукан на 7 верст, из трех болот, находящихся в этой местности, два обойдены, а на одном устроен мост 8 сажень длиной и 7 аршин шириной, мост этот уложен каменными плитами, для стока воды вырыта канава на расстояние 25 сажень. На всей местности этой разработано 427 камней и 500 оставшихся на прежде разработанной дороге. При старании балкарцев и их умении работать я надеюсь, что в будущем году к июню дорога будет окончена совершенно...»⁵.

Документ этот интересен тем, что из него становится ясным понятие «мост горской системы». Но вначале уточним, что сажень равна 2,13 метра, а аршин – 71,1 сантиметра, следовательно, мост длиной в 20 сажень равнялся 42,6 метра при ширине в 7 аршин – 5 метрам. Весьма серьезное сооружение.

Как же оно возводилось при полнейшем отсутствии механизмов? Технология была достаточно проста и апробирована неоднократно.

Прежде всего, одна сторона моста обязательно должна была быть сверхустойчивой, не зависящей от сокрушающей силы воды. Для этого подбирались скала или камень внушительных размеров, которые можно было использовать для одного из оснований. Второе (или оба, если на выбранном месте не оказывалось необходимого скального выступа) сооружалось следующим образом. Сбивался деревянный сруб заданных размеров, который набивался доверху камнями. На него устанавливался следующий, но не вертикально, а со смещением на определенное расстояние к центру реки. Следующий сруб выдвигался еще дальше. Так сокращалось расстояние между берегами, и само основание становилось более устойчивым, тем более что «в устоях этих со всех углов были забиты сваи к мосту». Эти опоры (устои) и ныне можно увидеть во всех без исключения ущельях Балкарии. Многие десятилетия, перестав в силу разного рода причин исполнять предназначенное, они противостоят безжалостному натиску водной стихии горных рек, став своеобразными памятниками мужественного труда и народной смекалки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиляровский Вл. Восходящая звезда // Гиляровский Вл. Сочинения: В 4 т. М.: Правда, 1968. Т. 1. С. 375–376.

² Чхеидзе К. Страна Прометея. С. 75–76.

³ Гиляровский Вл. Указ. соч. С. 378–379.

⁴ Чайковский П. И., Танеев С. И. Письма. М., 1951. Письмо 171.

⁵ Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 59.

⁶ Там же. С. 61.

ИСТОЧНИКИ АУШИГЕРА

Расположенные менее чем в тридцати километрах от Нальчика, в месте, где река Хео впадает в Черек, Аушигерские горячие источники – еще одно место паломничества туристов. И это вполне закономерно – народная молва приписывает их воде поистине чудодейственную силу: ее применяют внутрь и наружно, количество больных, избавившихся здесь от хворей, никто никогда не считал, но оно составляет многие и многие тысячи. А к болезням этим относятся заболевания кожи, центральной нервной системы, женской половой сферы, периферических кровеносных сосудов, нарушения обмена веществ, острые послеинфекционные явления и множество других. После принятия горячих ванн происходит ускоренное заживление травм, улучшается самочувствие, повышается жизненный тонус.

Впрочем, подробнее мы скажем об этом чуть ниже. А пока несколько штрихов из истории открытия Аушигерского источника. В 1964 году поисковая бригада приступила к разведке месторождений нефти в долине Черекского ущелья. Бурили скважину за скважиной, причем почти на километровую глубину, а черным золотом и не пахло. Уже планировали приостановить поиски, когда в дело вмешалось провидение – работник местного хозяйства случайно провалился в одну из засыпанных скважин. Вытащив его, увидели, что земля ушла на несколько метров вниз; мало того, яма значительно расширилась в своих размерах. Буровики решили продолжить поиски, и вскоре из скважины вырвался фонтан горячей (до 50 градусов) минерализованной, солоноватой воды. Нефть в месте, где Хео впадает в Черек, так и не нашли, а вот источник не заглушили, и вода продолжала изливаться на радость местным жителям.

Вполне объяснимо, что уже в скором времени здесь появились первые, выкопанные прямо в земле, ванны, а вскоре и что-то вроде бассейна. Весть о том, что аушигерская вода снимает всевозможные боли, что неходячие после принятия нескольких процедур уходят отсюда самостоятельно, разнеслась вначале по республике, а потом и по Северному Кавказу. В восьмидесятих годах прошлого века сюда

частенько стали наведываться отдыхающие в здравницах Кавказских Минеральных Вод. Уезжали они в большинстве своем довольные, разнося по городам и весям тогда еще необъятной страны весть о целебной силе Аушигерского источника.

Так продолжалось двадцать лет, пока автотранспортники республики не построили здесь профилакторий. В годы перестройки он перестал функционировать, а без хозяйского глаза и рук – ветшал буквально на глазах. Сегодня нужны большие капитальные вложения, чтобы вернуть его к жизни: термальные воды вовсю потрудились над стенами бассейна, люди – над всем остальным, имеющим мало-мальскую ценность.

Зато набирала силу частная инициатива: располагавшийся поблизости так называемый *дикий* бассейн был обнесен оградой, территорию немного обустроили, за въезд на нее машин и вход людей стали брать деньги. И основной поток наслышанных о чудодейственных теплых источниках хлынул, понятное дело, сюда. Но люди предоставлены здесь сами себе, каждый самостоятельно определяет продолжительность пребывания в горячей воде, количество купаний и температуру (у трубы она самая высокая), и понятно, что кому-то эти купания на пользу, а кому-то и во вред. Все чаще приходится слышать, что аушигерские процедуры ухудшили состояние больного, что кому-то еле удалось сбить давление, резко повысившееся после горячих ванн, а кто-то и в больницу попал. К сожалению, был и летальный исход... И это только сведения из круга людей, с кем общаются авторы.

Понятно, что все должно быть в меру, но кто устанавливал эту самую «меру» для нашего человека? Практически бесплатная лечебная процедура, воодушевление от обилия минеральной воды, изливающейся постоянно из горла трубы, возможность перекусить шашлычками под рюмочку – как тут не захмелеть и в прямом, и в переносном смысле. И вместо выздоровления приобрести болезнь. А ведь вода эта создана для человеческой пользы.

Специалисты Пятигорского научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии еще в 1968 году сделали ее полный физико-химический анализ, из которого явствует: аушигерская вода имеет хлоридно-натриевый состав без специфических компонентов, слабощелочную реакцию, она слабоминерализованна, растворенные в ней органические соединения не достигают токсических концентраций. И – внимание: «Может быть использована как бальнеологи-

ческая вода для ванн и лечебных бассейнов при условии ее охлаждения до 38 °С»¹.

Последующие анализы подтвердили, что «минеральная вода характеризуется как борная, маломинерализованная, хлоридно-натриевого состава слабощелочной реакции», представляет собой «прозрачную жидкость без цвета, запаха, слегка солоноватого вкуса», не образует осадка, не обладает радиоактивностью, а поэтому «может быть рекомендована для внутреннего приема с лечебными целями...»¹.

Для питья аушигерскую воду можно употреблять больным с хроническими заболеваниями печени и желчевыводящих путей, кишечника с нарушением его моторной функции, гастритами, нарушениями обмена веществ – ожирением, подагрой, легкими формами сахарного диабета.

Значительно шире спектр наружного применения. Это в первую очередь заболевания опорно-двигательного аппарата, центральной и периферической нервной системы, острые явления после инфекции (пиелонефрит, энцефалит, миелит). Вода также полезна для тех, кто страдает хроническими заболеваниями периферических кровеносных сосудов, воспалительными заболеваниями женской половой сферы...

Теперь вам понятно, почему сюда ни при каких условиях не зарастет народная тропа.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Прошлое, настоящее и будущее термального источника Аушигер // Природа Черекского района Кабардино-Балкарской Республики и ее охрана. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 14.

ГЛИНА-ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Аушигерский источник не единственное лечебное чудо этих мест. Если свернуть от дороги не влево, а вправо и немного пройти вверх по берегу речки, то взору откроются голубые отвесные пласты. Блестящие на солнце, то и дело сочащиеся родничками, невероятно скользкие у самой поверхности воды. Это голубая глина, запасы которой в этих местах поражают, как и ее лечебные свойства. О глине, являющейся панацеей от многих болезней, известно с давних пор: ею успешно лечили различные хвори древние лекари. Немало у этого природного лекарства поклонников и в наше время. Среди них – популярная целительница Валентина Травинка, так и назвавшая одну из своих многочисленных работ – «Голубая целительница глина»¹.

Почитайте ее – и станет ясно: лекарства не нужны, глиной можно вылечить абсолютно все. Впрочем, проще привести названия глав этой работы, говорящие сами за себя: «Как я расправилась с воспалением легких», «Берегись, подагра!», «Чтобы стать красивой, белолицей», «И псориаз сдастся, ура!», «Чтобы зубки не болели, ушки лучше слышали, а глазки яснее видели...» и даже – «Чтобы головка лучше думала...». Ну а в конец – венец голубого чудодейства: «Господин рак пасует»! Не больше и не меньше. Экзальтированность автора, так сказать, зашкаливает.

Впрочем, чем черт не шутит, если, как говорят американцы, рак бывает даже от насморка, то почему бы его (рак, естественно) глиной не вылечить. Ну а в том, что польза от голубой глины при лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата есть, и немалая, может убедиться практически каждый. Необходимы лишь терпение и пунктуальность. И само собой, наличие глины. Благо в этих местах ее можно заготавливать в неограниченном количестве. Главное – выбрать нужный пласт. В этом помогут металлические рамочки, если вы умеете ими пользоваться (что, кстати, доступно каждому), а на худой конец – обыкновенная металлическая гайка на нитке. Крутится она в этих местах, как заведенный волчок, отклоняется в сторону держащего нитку почти повсеместно, а значит, перед вами то, что надо. Сле-

дует только брать глину не с поверхности, а из глубины, тем более что особого труда это не составляет — природное снадобье залегает здесь пластами, которые легко поднимаются лопатой.

Помнить надо и о том, что глину перед употреблением следует просушить на солнце. Потом раскрошить и залить водой, желательно природной или дистиллированной. На следующий день она набухнет, станет мягкой и податливой, прямо липнущей к рукам. Теперь можно начинать и само лечение. Боли в коленях? Сделайте марлевую аппликацию, обмотайте больное место чем-то теплым и часа на два прилягте. Если вы все сделали правильно, если глина энергетически сильная, то уже через несколько минут она даст о себе знать — колено начнет буквально «крутить», жечь как бы изнутри. Это глина начинает вытягивать соли, которых у каждого из нас в организме предостаточно. Поэтому надо быть готовым к тому, что одной-двумя процедурами отделаться, если хочешь вылечиться, не получится. Нужно их проделать десяток, а то и больше. Во всяком случае, пишущие эти строки проверили сие на личном опыте.

Помогает, на самом деле помогает голубая целительница при суставных болях. И кожу лица разглаживает, убирая морщины. Что тоже весьма просто: на куске марли вырезаются отверстия для глаз, носа, рта, накладывается глина толщиной где-то с палец; полученную маску — на лицо на пару часов. Женщины, проделайте — и не пожалеете: ничуть не хуже дорогостоящих кремов и мазей действует! Кстати говоря, аушигерские глины — источник доходов для наших доморощенных лекарей: по осени заготавливают они ее бочками, а потом всю зиму врачуют страждущих, и самое главное — весьма эффективно. А ведь сеанс такого лечения по цене не уступает массажу. Господа, экономьте деньги — заготавливайте глину сами!

В последнее время, особенно в летние месяцы, на берегах Хео настоящее паломничество. Люди раздеваются чуть ли не догола, намазываются от пяток до головы глиной и часами лежат на солнце. Особым шиком считается смыть глиняную коросту в Аушигерском источнике. Удастся это немногим — перемещаться в «индейском одеянии» решается не каждый. Есть ли от подобного лечения польза, не знаем, но слышали о другом. Буквально в нескольких сотнях метрах вверх по течению реки имеется еще один лечебный источник. Местные жители называют его бериевским, рассказывая, что перед войной всесильный Лаврентий Павлович будто бы побывал в этих местах, лечил какие-то свои болячки. И вот что интересно: к его при-

езду источник был благоустроен, а после отъезда засыпан. Так это или не так, сказать сегодня трудно, но то, что источник был, подтверждают многие аушигерцы.

Мы попытались найти его следы, пройдя по Хэо вверх по течению пару километров. Обнаружили великое множество древних артефактов – впаенные природными катаклизмами в громадные валуны улитки, неизвестные (нам, по крайней мере) останки млекопитающих. Трогать руками то, что миллионы лет назад жило, дышало, двигалось – словно совершить путешествие в древнюю историю нашей планеты.

Но сам источник оказался куда как ближе – правда, от ванны, некогда сооруженной здесь, остались лишь куски бетона, да и мутная Хэо проходит сейчас прямо по тому месту, откуда изливается лечебная вода. Но отвести речку в сторону не представляет особых трудов. Может, и стоит это сделать, чтобы узнать от каких таких хворей пытался избавиться в окрестностях Аушигера Лаврентий Берия?..

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Травинка В. Избранное. СПб.: Питер, 1998. Т. 1. С. 249–376.

КЫЗБУРУНСКИЕ СТРАЖИ

Кызбурунские холмы получили свое название от близости к селению Кызбурун III, переименованного в девяностые годы прошлого века в Дугулубгей (в серии «Города и селения КБР: история малой родины» наше издательство еще успело выпустить книгу под таким названием), а ныне слившегося с городом Баксаном.

Даже сегодня эти заросшие травостоем, кустарником и деревьями три холма, опоясанные полузасыпанными земляными рвами и валами, внушают уважение, что уж говорить о том, когда они составляли единый – мощный и достаточно сложный – оборонительный комплекс, подступы к которому предваряли сторожевые посты, возведенные по углам городищ.

Понятно, что их строители (городища являются памятниками эпохи раннего Средневековья, то есть периода IV–XIII веков) умело использовали особенности рельефа местности, но сколько земли перепахать вручную им пришлось, чтобы сделать вершины холмов плоскими, вырыть рвы и подвести к ним воду, насыпать валы, дабы стали крепости столь неприступными.

Городища неоднократно обследовались, особых находок не было сделано, найдены лишь фрагменты пифосов (такие же, как на Джулате) – «с налипшими рельефными валиками, днища с клеймами исключительно аланского типа»¹. Тем не менее городища не дают покоя черным археологам – то тут, то там видны следы варварских раскопок, местное население поделится слухами о невероятных находках: изделия из золота, серебра и так далее. Но выдумки здесь куда больше, чем правды.

Хотя надо быть честными: огромное количество находок, сделанных на Кабардинской равнине, исчезло безвозвратно. И у этой поистине черной традиции многолетние корни.

Вот лишь одно из свидетельств, приведенных Н. А. Нарышкиным, побывавшим в наших местах в 1867 году: «Кабардинец Шарданов, сопутствовавший г. Фирковичу в 1848 году, умер несколько лет тому назад. В последние годы своей жизни он очень пристрастился к ар-

хеологическим изысканиям и к раскопкам, хотя, по-видимому, цель у него была далеко не научная. Я узнал, что около семи лет тому назад он разрыл один курган на местности, называемой Кишпек (в 15 верстах от Нальчика), и на довольно значительной глубине нашел правильно сложенный из обтесанного камня склеп, внутренность которого имела вид квадратной комнаты. Спустившись в него, он нашел два скелета, лежавших рядом на выложенном плитами полу. У каждого из них в головах находился камень с надписью красными буквами на неизвестном языке. Возле скелетов находилось несколько маленьких глиняных кувшинов, которые были тогда же разбиты Шардановым в надежде найти в них что-нибудь драгоценное, но вместо того они оказались наполненными чем-то вроде золы. На одном из скелетов Шарданов нашел две серьги или подвески из чистого золота, весом в несколько полуимпериалов. Не найдя ничего более драгоценного в склепе, он не счел нужным скрывать от посторонних о своей находке и даже дал знать об этом в укрепление Нальчик ближайшему своему начальству. К сожалению, меры, принятые для более подробного осмотра склепа, были несвоевременны. Когда назначенные для этого лица прибыли на место, то нашли его до половины засыпанным, кости от скелетов разбросаны, а главное — надписи на камнях были совершенно стерты и уничтожены...»².

Следы подобного, воистину преступного отношения к прошлому можно видеть и рядом с одним из кызбурунских городищ. Еще совсем недавно здесь располагалось небольшое мусульманское кладбище с искусно сделанными надгробиями. Надписи на арабском языке свидетельствовали, что представителей кабардинской знати здесь хоронили начиная примерно с XVIII века. Ныне величественные надгробия (высота некоторых достигает трех метров) наклонены к земле, повалены, заросли травой, мало того, с каждым годом их становится все меньше. Остается только догадываться, для каких целей и где можно использовать надгробные плиты предков, когда-то ходивших по этой земле...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 60.

² Нарышкин Н. А. Отчет об экспедиции в Балкарию и Кабарду // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. Вып. 1. С. 22.

БОГАТЫРЬ И КРАСАВИЦА

Сергей Анисимов, рассказывая в книге «Кабардино-Балкария» о Баксанском ущелье, упоминает укрепление, которое замыкало проход через теснину Эльджурту, утверждая, что в нем «сидели средневековые хищники. С этим замком в балкарском эпосе связывается сказание о княгине Гошага, в чем-то перекликающееся с легендой Лермонтова о замке Тамары»¹.

Нам остается лишь посочувствовать путешественнику Сергею Анисимову, вынужденному давать идеологические оценки историческим памятникам, но по-иному в те «светлые» тридцатые писать было просто нельзя. Мы же обратимся к запискам братьев Нарышкиных: «На правом берегу Баксана виднеются груды камней, обозначающих старинные кладбища и другие следы прежнего жительствова; поэтому можно предполагать, что местность эта гораздо более была населена в старину. По преданию туземцев, предки их, балкарцы, уступая натиску кабардинцев, постоянно занимали эти ущелья, продвигаясь все выше и выше к перевалу и не встречая нигде никакого населения, а только в некоторых местах развалины укреплений или жилищ, большей частью на высотах.

Около этих груд находится небольшое здание каменной постройки в виде часовни, сложенное из крупного булыжника, связанного известковым цементом, а внутри обмазанное известкой. Крыша с сильною покатостью составлена из тонких каменных плит наподобие черепицы, но сложенных весьма неправильно. Здание это имеет вид прямоугольника. Длина его до двух сажень, ширина около сажени. На полтора аршина от земли в нем пробиты два продолговатых окна, одно в аршин вышиною, другое же, поменьше, треугольной формы...

С трудом проникнув вовнутрь этого здания, я увидел, что оно построено над склепом, теперь уже в одном месте проломанным, но, несмотря на это, довольно хорошо сохранившимся.

В самом склепе, также сложенном из камня, связанного цементом, и имеющем глубину одну сажень, а длину около полторы, я

нашел хорошо сохранившиеся выдолбленные из соснового дерева гробы, из которых кости были вынуты и лежали в беспорядке в разных местах посреди груд обвалившейся извести, камня и прочего. Несмотря на все старания, я не нашел здесь ничего замечательного, кроме нескольких железных гвоздей от гробов. Одна только человеческая берцовая кость поразила меня своею необыкновенною величиною. Мне хотелось взять ее с собою и показать специалистам, но, видя, что окружающие меня туземцы не сочувствуют моей любознательности, я оставил это намерение.

Внутри памятника на стене в некоторых местах я заметил изображение оленей, сделанных весьма неправильно, и, очевидно, в то время, когда известка не успела еще высохнуть. Снаружи возле самого окна (большого) заметно такое же очертание руки.

К этому памятнику относится следующее, сообщенное мне туземцами, предание: здесь жил и в этом склепе был похоронен богатырь Камгут. Жилище его, или замок, следы которого заметны на противоположном берегу Баксана, господствует над окружающею местностью. Камгут принадлежал к фамилии Крым-Шамхаловых, потомки которых и теперь находятся в Карачае. В тогдaшнее же время Баксанское ущелье было населено карачаевцами, которые еще не были магометанами. Камгут славился одинаково красотою, удалством и необыкновенною силою. В честь его, а также и брата его Ханчау-Бия, и невесты его Кошеях сложены народом песни, которые до сих пор сохраняются. Он умер от оспы в молодых годах и был похоронен в том склепе, который я осматривал. Долгие годы этот памятник служил предметом всеобщего уважения, и никто не осмеливался дотрагиваться до него. Рассказывали, что в минуты, опасные для жителей ущелья, Камгут являлся верхом в полном вооружении и тем наводил страх на врагов, а по миновании опасности неизвестно куда исчезал...»².

Сегодня от крепости, принадлежавшей княгине Гошаях, не осталось практически никаких следов. Во всяком случае, наши поиски ни к чему не привели, хотя, по источникам, известно, что башня стояла вплотную к скале.

Но продолжает жить легенда. Как пишет исследователь Юрий Асанов, книгу которого к печати готовили авторы этих строк, «в прошлом у ряда народов Северного Кавказа широко была распространена и пользовалась большой популярностью лирико-эпическая песня, известная в карачаево-балкарском фольклоре как «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях», в адыгском – «Песня скорби Гашагах», «Песня Гашагаг». Ряд ее персонажей – «реальные лица, имена которых в

связи с теми или иными имевшими место событиями упоминаются в документах первой половины XVII века». И самое главное – «произведение это, представляющее собой лирико-эпическую повесть, в жанровом отношении сродни «Слову о полке Игореве». А «плач» княгини Гошаих стоит в одном ряду с «плачем» Ярославны»³.

Не здесь и не нам уточнять этническую принадлежность тех или иных персонажей, главное другое – по своей внутренней сути произведение, отражающее глубинные человеческие чувства, наднационально. Вот лишь один из фольклорных вариантов.

...К Гашааг, жене Каншаубия, приехала в гости ее младшая сестра, которую за светло-зеленые очи звали Гашанага. Увидела она Каншаубия – красивого, опрятного, отлично владеющего конем и оружием – и полюбила его. Попросила Гашанага у Гашааг ее платье, чтобы поглядеть, узнает ли ее муж сестры. В первый день Каншаубий отошел в сторону и во второй не коснулся родственницы жены, а на третий раз не сдержался, провел с ней ночь. Перед отъездом плеснула Гашанага на бороду Каншаубия наговорным зельем – и стали выпадать у него волосы, слезать кожа. Поехал тогда Каншаубий к сестре жены, желая излечиться, да и остался с ней навсегда. А Гашааг, оплакивая свою судьбу, сложила горестную песню...

А вот что явствует из публикации Н. П. Тульчинского ⁴: «В то время, к которому относится поэма «Каншаубий», Крымшамхаловы жили в ауле Эль-Джурт, существующем по настоящее время (этот поселок состоит из нескольких саклей) и расположенном у подножия скал, на левой стороне реки Баксан, в 5–6 верстах выше селения Герхожан. В поэме это селение названо «Тар-аууз», что значит по-горски «узкий проход».

По преданию карачаевцев, родоначальником Крымшамхаловых был Бекмурза, у которого было четыре сына: Эльбузук, Камгут, Каншаубий – герой поэмы и Гилястан. В молодости, по обычаю того времени, второй сын Бекмурзы, Камгут, воспитывался в Кабарде у князей Бибертовых» и «был пленен необыкновенной красотой малолетней дочери своих воспитателей, по имени Гошаих, которую он во что бы то ни стало решил похитить, вырастить, а потом жениться на ней. ...Камгут исподволь приучал к себе маленькую Гошаих: он стал часто возить ее на прогулки, сажая ее впереди себя на лошади. В одну из таких прогулок Камгут... вместе с Гошаих умчался к себе в аул Эль-Джурт». Чтобы скрыть девочку от взоров посторонних, он устроил для малолетней красавицы хижину в земле, поручил ее попечению одной старушки, и вскоре она «расцвела в пышную розу». Но счастье обошло стороной Камгута, чьи «доблести прогремели по

всей окрестности», – сразила его черная оспа... После смерти Камгута Каншаубий «прельстился необыкновенной красотой Гошиах и, вопреки обычаю, по которому она должна была выйти замуж за старшего брата, сам женился на ней. Но неумолимый рок и тут зло посмеялся над несчастной красавицей. Этот брак, совершенный по взаимной любви, причинил обоим супругам неизъяснимые страдания, которые прекратились только с их смертью. Дело в том, что Каншаубий был молочным братом одного из кабардинских князей Атажукиных, который страстно полюбил его. Каншаубий отвечал ему взаимностью. Молочное родство и взаимная любовь тесно сблизили молодых людей, ставших почти неразлучными. Поэтому Каншау бывал очень часто в доме князя Атажукина и подружился с его женой. Эта женщина и стала злым гением всей жизни Каншау и его жены Гошиах...» Увлечшись Каншау, жена князя Атажукина признается ему в любви, но, оказавшись отвергнутой, замышляет месть. Отведав приготовленного ею зелья, Каншау заболевает и отправляется на поиски лекарства в Персию. Старуха-персиянка обещает его излечить, но при том условии, если он женится на ней. Выбрав из двух зол меньшее, Каншау соглашается. Но выздоровление не приносит ему радости – он все время вспоминает о жене и детях. Видя это, старуха-жена разрешает ему поехать на родину, но только на три года. Если же он ослушается и не вернется, то болезнь вновь вернется к нему. Так и произошло...

История эта длинная, приводить ее всю не здесь, главное, что несчастная Гошиах провела свою недолгую жизнь в сплошных страданиях, отразила их в своей песне, заслужив сочувствие.

Ее замок, как мы уже отмечали выше, не сохранился, но склеп Камгута (Камгут-кешене), того самого, что пленен был красотой малолетней Гошиах, все также стоит на высоком правом берегу, скрытый деревьями от постороннего взгляда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. С. 46.

² Нарышкин Н. А. Отчет об экспедиции в Балкарию и Кабарду // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. Вып. 1. С. 7–9.

³ Асанов Ю. Н. Песня-поэма «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях». Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 4, 97, 114.

⁴ Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1904. Вып. 6. С. 249–259.

ПЕСЧАНЫЕ ЗАМКИ ИРИКА

Если ехать по Баксанскому ущелью и у поселка Эльбрус свернуть направо, то по тропинке, хоть и крутой, но достаточно найденной можно подняться в ущелье Ирик, знаменитое своими удивительными песчаными замками.

Ирик на балкарском языке означает «баран-валух» – животное, предназначение которого стать впоследствии шикарным шашлыком: нежным, сочным, буквально тающим во рту. По одной из версий, именно этим отличались бараны, откормленные в означенном ущелье.

А по другой – в основе названия тюркское слово *ырык* – «свобода», «воля», то есть за баранами никто не присматривал, и они паслись здесь без присмотра пастухов. И тогда Ирик – «ущелье, где свободно паслись бараны-валухи».

Баранам-горопокорителям, достаточно опытным и бесстрашным, самостоятельно отсюда выбраться действительно сложновато: дорога от поселка все время круто идет вверх, приходится взбираться на такие кручи, что дух захватывает. Где-то внизу грохочет речка, до нее как будто далеко, но одно неверное движение – тропа частенько стелется над самым краем обрыва – и это «далеко» преодолеешь за какие-то мгновения, только, естественно, в положении катящегося бревна, и маловероятно, что в сознании, а уж без здоровья – несомненно.

Но падать, право, не стоит: песчаные замки поражают своим величием и ажурностью, нарзаны – а их здесь несколько и быют они из-под земли тоже в весьма недоступных местах – непередаваемым вкусом, зелень полян, уходящих вправо под отвесным углом, – своей чистотой и нежностью. А уж если вы доберетесь до бокового ущелья, называемого *Ирик-чат* – небольшой долины, окруженной с трех сторон возвышенностями, то будете воистину вознаграждены – вид отсюда потрясает. Ирик-чат будет приходить к вам в сны, заставляя вновь и вновь вспоминать о его красотах и таинствах. Воистину божественное место...

МЕГАЛИТЫ ЗВЕЗДНОГО

Нередко в наших экспедициях (если так можно назвать поездки по Кабардино-Балкарии) оказываются совершенно незнакомые люди: кто-то кому-то сказал, за кого-то попросил – и вот уже отказать невозможно, приходится тратить время не столько на то, чтобы самому увидеть нечто новое, неизвестное, а, наоборот, показывать, объяснять. С одной стороны, приятно выглядеть человеком знающим, с другой – достаточно хлопотно и утомительно.

Андрей Белов и его супруга Наташа (упомянутые уже ранее в очерке «Из Эльтютю в Кум Тюме») – в этом смысле редкое исключение: внимания не требуют, более того, панически боятся показаться навязчивыми, по-хорошему услужливы и внимательны. Насколько с ними комфортно в горах, выяснилось во время похода в ущелье Джилги, когда Андрей взял на себя самое тяжелое – и дополнительный груз, и риск идти первым. Он бывший офицер, не паркетный штабной, а настоящий боевой, преданный делу и родине. Во время перестройки, как и многие армейские люди, оказался не у дел: воровать не мог, обижать не хотел, жертвовать принципами не желал. Демобилизовался, работу не нашел. Но жить-то на что-то надо – занялся домашним хозяйством: стал разводить коз, продавать их молоко.

Неприбыльным оказалось дело: содержат Беляевы около семидесяти коз, двадцать пять из них – дойные, дающие два-два с половиной литра каждая. Но молоко стоит дешево, 25–30 рублей за литр, очереди за ним не стоят – спросом особым не пользуется, хотя по своим качествам куда полезнее коровьего. А вот в Москве цена на него в несколько раз выше – ведь козье молоко считается лечебным, а москвичи, как никто другой в нашей стране, заботятся о своем здоровье; у тех, кто им поставляет козье молоко, своя постоянная клиентура, четко налаженный сбыт. И производство не просто окупается, а дает весомую прибыль на затраченные усилия: ухода козы требуют немало, а особенно кормов – пусть самых примитивных, но их ведь надо заготовить и в немалом количестве.

Вот и пролетают дни бывшего офицера на косьбе да выпасе: примерно в обед выводит в лес, а возвращается лишь к вечеру. Так

что истоптал вокруг поселка чуть ли не каждый уголок – все тропинки исходил, любую лоштинку знает, на каждую горку поднимался. Видел немало занимательного, пригласил и нас ознакомиться, как он выразился, с «каменным замком».

Нынешний пригородный поселок Звездный – это бывший военный городок Нальчик-20. И хотя сейчас стал он обычным открытым поселком, все здесь по-прежнему держится на военных, посвящено их проблемам и нуждам. Места тут удивительно красивые, особенно летом. Все в зелени лесов – они густые, мало пропускают влагу. И даже если только что прошел невероятной силы ливень, в лесу достаточно сухо, тропинка не хлюпает от грязи, отойдешь же в сторону – на ковре из прошлогодних листьев сухо и тепло.

По тропинке, которая обходит стороной военное стрельбище, громыхающее от автоматных очередей, уходим влево от аккуратного, всего в цветах, домика Андрея. Тропинка с каждым шагом набирает разбег: вначале медленно петляющая из стороны в сторону, она все больше заостряет угол подъема, а потом буквально взмывает ввысь, заставляя в иные моменты хвататься руками за ветки деревьев и кустарники. Вот и наша первая остановка – дорогу преграждает необычный камень. Камень этот – высотой чуть более полуметра, а диаметром полтора метра – действительно создает впечатление о том, что к нему прикасались руки человеческие. Во-первых, его внешняя поверхность идеально ровная, словно сточенная. Во-вторых, точно посередине имеется отверстие – точь-в-точь как в мельничном жернове, но не сквозное, а глубиной около двадцати сантиметров.

Сказать что-то более определенное весьма затруднительно: дело в том, что от камня осталась только половина. Природа, конечно, великолепная мастерица, но почему-то мало верится, что она, а не руки человеческие создали этот «мельничный» (выразимся так) жернов. Рядом с камнем протекает ручей, и это еще один плюс в доказательство версии причастности человеческих рук к обработке великана. Только что могла делать мельница на этой горе в пяти километрах от ближайшего поселения?

Кстати, у местных жителей она носит название «Пик-1», что, без всякого сомнения, пошло от военных. На карте гора никак не обозначена, лишь стоит цифра – 1000 метров. Это ее высота. Примерно такую же показал и наш высотомер.

Пик этот выделяется среди других. Он и расположен отдельно от них – такая кругленькая «пампушечка», которой словно предназначено служить сторожевым холмом, а может, и крепостью.

Удивительно, но, поднявшись наверх, вдруг обнаруживаешь действительно крепость, словно венчающую гору. Сложена она из огромных камней, узких, длиннющих – десять и более метров, поставленных на попа и плотно примыкающих друг другу. Причем некоторые из них столь ровные, что напоминают обработанные туфовые блоки – прямой угол и с боков, и снизу. Пик выложен такими мегалитами в основном с южной стороны, откуда подняться на него труднее. Более того, имеются даже своего рода наблюдательные площадки, с коих можно обозревать окрестности и откуда далеко в низине (в котловине) виднеется Нальчик.

Огромные камни выстроены по периметру пика на относительно равном расстоянии, в ряде мест они отвесно уходят вниз, делая доступ к горе практически невозможным.

Что здесь было в далекие времена и было ли что, сказать трудно. Андрей высказывает мысль, что в этой выкладке камней имеется какой-то смысл, что вовсе не случайно великаны положены друг на друга – более того, примыкают столь плотно, что между ними не просунешь даже лезвие ножа. Но при всем нашем воображении представить, что здесь была крепость, весьма затруднительно. С какой целью и зачем? А главное, кто, с помощью каких механизмов и сил выстроил ее?

Только природа, ей одной под силу ворочать такие махины и сооружать столь замысловатые сооружения. Тем более если вспомнить, что совсем недалеко от нашего пика – надо преодолеть всего несколько небольших хребтов – пролегает Чегемское ущелье с его знаменитым садом камней, по правую сторону от селения Нижний Чегем. А далее и не менее знаменитый Лашкутинский сад камней. То есть перед нами одна каменная гряда, протянувшаяся на десятки километров.

О том, как оказались эти камни положены друг на друга, стоит только гадать. Какую-то ясность в этот вопрос может внести внутренняя структура каменных монолитов. Ее прекрасно можно рассмотреть в небольшой пещере, имеющейся в горе. Видно, как сверху стекала вода, находя лазейки и дыры, обтекала монолиты, придавая им весьма необычную форму.

Ежевика, которой заросло все вокруг, спустила со скалы свои длиннющие побеги, и пещера оказалась прикрыта густым, не пропускающим ветер и влагу зеленым пологом. Здесь можно и отдохнуть, переждать непогоду. Здесь находят себе временный приют дикие звери – во всяком случае лежка кабана имеется.

Пик-1 — первый из трех подобных, расположенных в этих местах. Другие еще более величественны, еще более напоминают крепости, схожие... — здесь приходит на ум весьма некорректное сравнение — с приемными антеннами. Только опять же вопрос: кто посылал сюда сигналы и кто их принимал?..

Места эти, ранее посещаемые весьма часто, ныне практически пустуют, заброшены. Заросли тропинки, которые то и дело преграждаются сваленными деревьями, буреломом. А ведь отсюда до города каких-то двадцать минут езды на машине да полтора часа пешком.

Мегалиты поселка Звездного застыли в ожидании лучших времен. Но наступят ли они? И если наступят, то какие сигналы — из космоса? с земли? — разбудят их...

«ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД»

Говорят, что каждый встреченный рассвет продлевает жизнь человеку на один день. Понятно, чем рождено это романтическое утверждение: рождение нового дня всегда надежда – на светлое, доброе, ожидающее впереди.

Беремся утверждать, что рассвет, встреченный у Эльбруса, продлевает жизнь не на один день, а на несколько, как минимум. Уж очень это неповторимое и удивительное зрелище, а с ним и ощущение, и восприятие. Вот пробуждающее светило бросило лучик на двуглавого исполина, а уже через мгновение весь он порозовел, словно смущенный от своей величественной красоты, и на какое-то мгновение даже застыл в этом смущении. Но уже через несколько минут, словно опомнившись, что негоже горному владыке столь открыто проявлять свои чувства, засиял снежной белизной – девственно чистый, возвышенно гордый, царственно неприступный.

...Можно часами стоять и смотреть на Эльбрус – и не насмотреться, и не отвести глаз, и не устать от этого зрелища. Это не только наше мнение, но и всех, кто встречал июльские рассветы у подножия Эльбруса. Всех – имеем в виду, прежде всего, участников джип-фестиваля «Ледниковый период 2008», организованного нальчанином Александром Герельчуком вместе с группой энтузиастов. Саша (долгие годы знакомства позволяют нам подобную фамильярность) как-то в Интернете обратил внимание на обращение ребят из Астрахани к своим коллегам, любителям экстремальной езды из Ставрополя, провести что-то вроде фестиваля. Видя, что никто на это предложение не откликнулся, ответил сам. Завязалась переписка, были решены организационные вопросы, намечен маршрут, проведена рекогносцировка с выездом на место, составлена легенда (проще говоря, маршрутный план), определена дата выезда.

Из самых разных уголков нашей страны откликнулись любители острых ощущений – из Москвы, Волгограда, Астрахани, городов Ставропольского края. До последнего момента никто не знал, сколько соберется экипажей; приехало около сорока, в том числе семь

из нашей республики. Более того, в соревнованиях, а по большому счету просто дружеской встрече, решил принять участие и польский экипаж в составе Павла Кравчика и его друга Марчина. Павел (мы уже писали о нем) – большой друг нашей республики: он энтузиаст кабардинской породы лошадей, делает многое для пропаганды ее выносливости, неприхотливости в странах Европы.

И вот все экипажи собрались в Долине нарзанов. Перед участниками джип-фестиваля «Ледниковый период 2008» была поставлена весьма непростая задача – на джипах самых разных моделей добраться вначале до Северного Приэльбрусья, известного своими термальными источниками Джилы-су, плато, носящим название «Немецкий аэродром», геопатогенной зоной «Поляна грибов», целым рядом других объектов, по праву позволяющих называть эту местность «заповедником чудес».

А далее самое сложное – по местности, где и дорог-то никогда не было, переправиться через реку Кызылкол, одолеть подъем с остротой угла градусов в 50–60. Потом по плато, изборозженному рытвинами, ухабами, водяными промывами, в ряде мест заболоченному, усеянному каменными осыпями, подняться как можно дальше. Вплоть до ледника Уллучиран, от которого сам Эльбрус – на расстоянии каких-то сотен метров. Конечно, это по прямой; но стоя у ледника, кажется, что до седого великана действительно рукой подать.

...До места добрались без происшествий – шли колонной, не отрываясь друг от друга, сверяясь с легендой и удивляясь картинам природы, открывающимся взору. На поляне за урочищем Джилы-су (когда-то здесь стояла лагерем экспедиция Эммануэля, в составе которой находился знаменитый Килар Хаширов, первым в 1829 году взойшедший на Эльбрус), разбили лагерь. Допоздна не стихали в нем разговоры, горели костры, происходили знакомства.

На следующий день предстояло самое трудное.

Что такое горные дороги, нам известно достаточно хорошо – за многие годы поездок по Кабардино-Балкарии приходилось бывать в таких местах, где автомобильная колея не просто диссонирует с природой, а выглядит своего рода вызовом ей.

Что такое горное бездорожье, когда само пространство сопротивляется движению, как таковому, известно также по личному опыту. Будто и ясно, куда идти, а вот как – непонятно: дороги нет, а то, что можно назвать тропинкой, на самом деле осыпь, то уползающая из-под ног, то проваливающаяся куда-то вниз. Поэтому надо было видеть,

как покоряли участники «Ледникового периода» подступы к Эльбрусу, как поднимались по отвесным склонам, лавировали между вулканическими бомбами, преодолевали непреодолимые преграды из каменных исполинов, мочаков (заболоченных участков), как застревали по самое «пузо», как пытались выбраться (и выбирались!), окутываясь соляничным дымом, какую радость испытали, доползя до начала ледника.

Шестнадцать машин, подавляющее большинство которых российского производства (газики, узики, «нивы»), гордо застыли на гребне, за которым скрывался Эльбрус. Так завершилось это весьма не простое по организационным меркам мероприятие, которое было проведено без привлечения государственных средств, ресурсов власти, политических спонсоров (строительная фирма «Боларс», под флагами которой двигались экипажи, предоставила призы для всех участников) – на одном энтузиазме наших ребят, которые решили показать, как хороша наша Кабардино-Балкария, какие удивительные возможности она предоставляет для туристов-экстремалов, как здесь рады добрым гостям и умеют их встречать. А поэтому не было торжественных речей и заверений, помпезности и прочей шелухи, сопутствующей мероприятиям российского масштаба, хотя фестиваль, по сути, и стал таковым.

А что было? Взаимовыручка и радость открытий, уважение к гостям и гордость за родную землю, удивление перед возможностями людей и доброе отношение к природе. Кстати говоря, никакого ущерба природе участники фестиваля не нанесли – после них не осталось пустых бутылок и остатков еды: всем экипажам были розданы мешки для мусора, который и был увезен ими с собой.

Мы же отметим одно – можно долго и нудно говорить о воспитательной работе с молодежью, предлагать и реализовывать всевозможные мероприятия, практически никогда не достигающие заявленной их организаторами цели. А можно просто довериться и чуть-чуть помочь – и результат будет куда значимее.

Глядя на этих молодых ребят, заляпанных грязью, уставших беспрдельно, с синяками и ушибами, но в то же время счастливых донельзя, ни на йоту не отступивших от негласного девиза фестиваля: «Своих не бросаем!» (если какая-то из машин останавливалась, ни одна из последующих не проезжала мимо без фразы-пароля: «Помощь нужна?»), веришь, что Кабардино-Балкария снова станет туристической Меккой, которая ждет гостей и рада им.

УКРАДЕННОЕ ПРОШЛОЕ

Северное Приэльбрусье... Мало кто бывал в этом удивительном уголке Кабардино-Балкарии, но зато слышали о нем многие. Древние надписи, сохранившиеся на скалах, свидетельствуют о том, что северные склоны Эльбруса были доступны людям тысячелетия. Встречаются в этих местах массивные кресты, вытесанные из цельного камня с надписями на них, вырезанными латинскими буквами. Как писала в 1889 году газета «Терские ведомости» (86), старики говорили, что здесь проходила дорога, по которой «христианский народ ратью шел в Азию за веру» и оставил на своем пути эти кресты. О пребывании на Северном Кавказе римлян свидетельствует и череп со следами трепанации, техническое исполнение которой указывает на римский метод операции.

Именно здесь обнаружены захоронения, где найдены необычайно удлинённые, имеющие форму сферы, черепа, о которых писал еще греческий врач Гиппократ: «Прежде всего скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа...». А философ Зенобий, живший в Риме во времена императора Адриана, уточнял: «Сираки дают царский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову».

Некоторые исследователи, в частности пятигорчанин Александр Асов, уверены, что там, где правили «высоколобые, находились центры величайших древних цивилизаций». Более того, он же утверждает, что события ранней русской истории происходили в Северном Приэльбрусье, «где и располагались первые русские царства». Здесь же – на плато Ирахит-Сырт – находился Ирий – рай, чье описание «имеется во всех священных книгах мировых религий».

На счет местоположения рая сведений не имеем, но о том, что именно здесь был установлен знаменитый исторический памятник – каменный истукан, мы в своих книгах писали неоднократно. Каменный идол, или по-научному м е н г и р, – это более чем трехметровый красавец, зарытый на треть в землю. Его верх – голова воина в шлеме: четко просматривается лицо – глаза, нос, рот; руки очерчены бороздками, спускающимися по бокам и скрещивающимися на животе.

Менгиры – это, как сообщает энциклопедия, вертикально врытые в землю длинные камни. В нашем случае – цилиндрические столбы, вытесанные из зеленоватого гранита, диаметром в основании около полуметра, с плавно сужающимся конусом. Контур нос, бровей и нижней части лица обозначены одной линией, глаза – посредством двух круглых выемок, рот – дугой.

Когда их установили, кто и почему именно здесь – на эти вопросы исследователи отвечают по-разному. Одни, эмоционально настроенные, предполагают, что «одиноким менгир, который стоит здесь, как древний часовой... охраняет колоколообразный холм – Тузлук, на вершине которого находятся развалины древнего святилища Солнца» (См. очерк «Тузлук – храм Солнца»).

Другие считают, что эти стелы изготовлены «скифами, знакомыми с образцами как киммерийского, так и переднеазиатского искусства». В частности, балкарский ученый Бияслан Атабиев в изображении головного убора находит элементы ассирийских шлемов, которые были в ходу на Северном Кавказе на рубеже VIII–VII веков до нашей эры, датируя означенным периодом и установку стелы.

Третьи, к которым авторы относят и себя, видят в менгирах своего рода охранные символы величайшей горы. Впрочем, некоторые ученые ассоциируют его и с фаллосом – символом жизни.

Так вот – теперь обо всем этом можно только рассуждать. Потому что менгир, этот удивительный памятник Северного Приэльбрусья, исчез. Кто к этому причастен – можно только предполагать. Ведь подобные стелы продаются за большие, очень большие деньги – речь идет о десятках тысяч долларов. Во всяком случае, в Интернете апеллируют именно этими суммами. Поэтому вполне возможно, что наш менгир обретет новое пристанище на одной из дач кого-то из нынешних нуворишей, будет улаждать взор современного варвара, считающего, что за деньги можно купить все.

Надежды, что стелу найдут, практически никакой, ведь только за один археологический сезон в России разрушается около тысячи памятников истории и культуры. С 2002 года действует Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», согласно которому объекты археологии отнесены к культурным объектам федерального значения, а нарушение культурного слоя и извлечение археологических предметов, что и произошло в нашем случае, квалифицируется по ст. 243 УК РФ как умышленное уничтожение памятников истории и культуры. Вероятно, в ближай-

шем будущем уголовное наказание станет нормой для уходящих сегодня от суда и тюрьмы «любителей старины».

Но пока же мы вынуждены констатировать, что Эльбрус, входящий в число семи чудес России, потерял один из своих охранных символов. Если при этом вспомнить, что похищенный менгир был последним из стел с человеческим обликом, что все остальные сломаны, повалены, стали мишенями для варваров с ружьями, то станет ясно – мы потеряли нечто большее, чем каменного истукана. А именно – частичку прошлого. Не республики. Не страны. Человечества.

Вот такой материал был опубликован нами в «Газете Юга». А буквально через несколько дней он получил еще более печальное продолжение. Употребляя термин «варвары», мы и не предполагали, что слово это, претерпевшее за свою историю удивительные трансформации – от названия всех народов, которым греки противопоставляли себя, до определения поведения древних германцев и в конечном итоге символа людской грубости и некультурности, – столь уместно в нашем случае. Уже в тот день, когда мы стояли на скальном гребне у края пропасти, где и был установлен менгир, неожиданно мелькнула мысль о том, что каменного истукана могли ведь и скинуть вниз. Но она тут же была отброшена по причине своей дикости и бессмысленности. И все-таки надо было проверить и это алогичное по своей сути предположение.

Вместе с Аликбером, тем самым, чья машина, единственная из всех участвовавших в джип-фестивале, добралась до ледника Уллучиран, мы решили спуститься вниз. Это оказался весьма не простой путь – тропинки, как таковой, не было: каменные осыпи, провалы, травяные наросты, перемежаемые площадками мочаков (заболоченных участков), и при этом резко уходящая вниз плоскость. Более того, площадь, на которую мог (хотя саму эту мысль мы в тот момент отрицали) упасть истукан, оказалась столь обширна, а камней, внешне похожих на менгир, такое количество, что мы разделились: один пошел поверху, другой – понизу.

Под жаркими лучами июльского солнца, то поднимаясь, то опускаясь по крутейшей, уходящей из-под ног осыпи, по которой до нас вряд ли кто и ходил, мы облазили почти все участки. За исключением находящегося возле речки – просто не успели, так как по рации услышали, что колонна участников фестиваля уже двинулась в об-

ратный путь, а нам еще предстоял весьма затруднительный подъем. И все-таки мысль, что «взорнейшая версия», по словам Аликбера, оказалась не опровергнута, свербила, не давала покоя.

Спустя пару дней вниз спустились старожил Джила-су, Аркадий, и наш фотограф. И вот что они увидели...

Картину эту передать словами невозможно: древняя стела действительно находилась в том самом месте, которое мы не успели осмотреть. Но только это был уже не памятник, а ряд его фрагментов – каменных кусков, на которые истукан разбился, ударившись о скалу. Менгир, действительно, не украли, что, как теперь понимаем, явилось бы куда лучшим исходом для сохранности памятника, его убили – безжалостно, жестоко, варварски. Умирал он, как бы высокопарно ни звучало это по отношению к безжизненному камню, мученически: отделилась верхушка, представляющая из себя шлем воина, а от самого лица осталась только середина; на несколько частей раскололось тело – цилиндрический столб с четко очерченными руками, спускающимися по бокам и скрещивающимися на животе, представляет теперь несколько фрагментов. Памятник, возраст которого превышал две с половиной тысячи лет, перестал существовать – восстановить его в первозданном виде практически невозможно. Можно, конечно, вытесать заново, но это будет только жалкая копия.

Зачем, для чего, кем и с какой целью это было сделано – конкретного ответа нет. И в то же время он есть – группой лиц, отличительными чертами коих являются варварское невежество, полнейшее бескультурье, воинственное беспамятство, стимулятором которых стал конечно же пьяный кураж.

Всему этому есть точнейшее определение – вандализм. Общеизвестно, что вандалы – древнегерманские племена, известные жестокими войнами с Римом. В 455 году они овладели Великим городом и уничтожили в нем множество произведений искусства. С тех пор и пошло: вандал – невежда, варвар, разрушитель культурных ценностей.

Вспомнилось, какой болью отозвалось в сердце известие из Афганистана о том, что талибы взорвали огромные памятники Будды, вытесанные в скале. Думалось, такое возможно лишь там, где обитают дикие народы, незнакомые с просвещением и понятием «культурные ценности». Но вандализм не имеет территориальных границ и расовых различий. Он вне времени и цивилизации. И недавний факт, когда на башне Абаевых, в селении Верхняя Балкария, были срублены

христианские кресты, из этого же ряда. А разрушение менгира – его логическое продолжение. Кстати говоря, порушенные кресты были восстановлены, и сделала это местная мусульманская община.

История с менгиром получила широкую огласку. Обнародованная в республиканских газетах, она была перепечатана средствами массовой информации России, более того, даже приобрела политический оттенок, так как кое-кто увидел в этом эпизоде целенаправленное уничтожение памятников одного народа представителями другого. Но последнее из области запредельных фантазий, так как, повторимся, вандализм понятие вненациональное. Жаль, конечно, что представители правоохранительных органов не поставили в этом деле однозначную точку, выявив и назвав варваров поименно, но есть уверенность, что оно будет доведено до логического конца. Слишком многих взволновала судьба менгира. Есть надежда и на то, что он будет восстановлен – изысканы необходимые средства для реставрации, есть люди (и прежде всего, ученый Бияслан Атабиев, на мнение которого мы ссылались выше), которые полны стремления это сделать. А посему уже в ближайшем будущем один из верных стражей Эльбруса займет свое место в Национальном музее Кабардино-Балкарии.

Книга
третья

Содержание третьей книги

67	Корабль Ноя на седловине Эльбруса.....	351
68	Саркофаги Лохрана	358
69	Стена, запирающая устье	363
70	В глубь Хушто-Сырта	371
71	Гюдюрю – селение-крепость.....	373
72	Каменное одиночество.....	376
73	В поисках высокогорного склепа.....	378
74	С высоты Ак-Кая	386
75	Гора-могильник	390
76	Калез, осененный крестами	395
	<i>Приложение. Из книги В. А. Кузнецова «Христианство</i>	
	<i>на Северном Кавказе до XV века»</i>	401
77	Озер небесная голубизна.....	404
78	Каменные шары	409
79	Скалы, исполняющие желания	412
80	Катакомбы Актопрака	417
81	Следы тысячелетий	421
82	В поисках карасуйского чуда.....	424
83	Таинственные надписи	427
84	Пирамиды Кавказа	431
85	Царская корона	436
86	Бедыкская пустота.....	442
87	Ненайденная добыча Канжала	447
	<i>Приложение. Крымцы в Кабарде.....</i>	452
88	Штудинское чудо	456
89	Облака из других миров	460
90	Молниеносный плазмоид	463
91	МВД против НЛО	466
92	Гедмышх – как песнь песний.....	469
93	Возвращение «стража» Приэльбрусья.....	472
94	Кязим, вызывающий дождь	474
95	Гескенти – обитель нартов	478
96	Эльбрусская Дева Леонида Замятнина.....	484
97	Черный Альпинист оставляет следы	501
98	Айран для Белого Спелеолога	505
99	Посмертная слава Виктора Кострыкина.....	510
	<i>Приложение. Из книги Виктора Кострыкина «За гранью</i>	
	<i>неведомого»</i>	519
100	Жанна Кофман в поисках алмасты	536
	<i>Приложение. Из книги Бориса Поршнева «Современное</i>	
	<i>состояние вопроса о реликтовых гоминоидах»</i>	565

КОРАБЛЬ НОЯ НА СЕДЛОВИНЕ ЭЛЬБРУСА

Удивительное дело, как мифологические события, преломляясь в обыденном сознании, незаметно переходят грань от фольклорной фантазии к реальным, имевшим быть место событиям. Общеизвестно, что в мифологии северокавказских народов неоднократно упоминается о том, что во время Всемирного потопа корабль Ноя причаливал к Эльбрусу. Обратимся к весьма оригинальной статье П. Острякова «Народная литература кабардинцев и ее образцы»¹. И хоть ее автор, проживший в Нальчике около полугода, допустил ошибку в определении этнонима *балкарцы*, приводимые им образцы народного творчества весьма интересны.

Так представляя читателям отрывок из поэмы «Нарты», где, в частности, говорится следующее: «Как только творец создал Кавказ и лучший его перл – величественный Эльбрус, то и позволил у подножия этой горы селиться людям; первыми поселенцами был Ной со своим семейством, ковчег которого, после Всемирного потопа, остановился на Эльбрусе». Автор делает занимательную ремарку: «Горцы, – пишет он, – положительно убеждены, что Ноев ковчег остановился на Эльбрусе. Одни указывают на впадину между двумя вершинами горы как на место, через которое прошел ковчег, а другие более основательно ссылаются на то, что одному из горцев, всходявшему на вершину, удалось найти обрубок как бы обделанного дерева и обрубок этот до сих пор хранится у них как святыня».

Уточнив, что статья была написана в 1879 году, обратимся к другому, чуть более раннему источнику – книге Дугласа Фрешфильда «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус», вышедшей в 1869 году в Лондоне в издательстве «Лонгман, Грин и К^о». Книга эта по большому счету и открыла европейской публике Кавказ как таковой и его обитателей, в частности жителей Кабардино-Балкарии. Ее автор Д. У. Фрешфильд – тот самый знаменитый англичанин, одним из первых побывавший на Кавказе, проторивший сюда дорогу для горовосходителей всего мира и тем самым начавший новую главу

в истории альпинизма, получившую впоследствии название «Альпинизм за пределами Альп».

Дело в том, что члены созданного в 1857 году Английского альпийского клуба, заявившие своей целью «содействовать установлению дружбы между альпинистами, развитию горных восхождений и исследований во всем мире и лучшему познанию гор через литературу, науку и искусство», спустя десять лет покорили практически все пики в Альпах. Тогда они обратились, так сказать, к «чужим» вершинам, направив свой взор на совершенно не исследованный к тому времени Кавказ.

Летом 1868 года сюда отправилась экспедиция, в состав которой входили Дуглас Фрешфильд, Каминс Таккер и Адольфус Мур. Они вззошли на Казбек и Эльбрус (на Восточную вершину с проводником-французом Франсуа Девуассу и двумя местными жителями – Ахией Соттаевым и Дячи Джаппуевым), побывали в Осетии и Сванетии, в Балкарии, вершины которой буквально потрясли англичан.

До последнего времени эта работа знаменитого альпиниста, как и другая – «Исследование Кавказа Дугласа Фрешфильда» (Лондон; Нью-Йорк: Изд-во Эдварда Арнольда, 1896) не были известны русскоязычному читателю. Мы решили восполнить этот досадный пробел, осуществив перевод избранных глав из трудов альпиниста и издав их под общим названием «Исследования Кавказа»².

Эта короткая справка видится уместной, потому что в означенном труде есть сразу два момента, имеющих отношение к рассматриваемой нами теме. Первый – это пассаж, приводимый альпинистом. Вот он: «Таубии не знали об Арарате. Они лишь знали легенду, по которой кавказская гора связана с Арменией. Согласно местному преданию, ковчег зацепился за вершину Эльбруса прежде, чем остановился на Арарате. Верная оценка схожести высот этих двух гор действительно могла быть использована как довод в правдивости этой истории. Если ко всему этому подойти с общим признанием, мы готовы с радостью отказаться от риска иметь честь первыми взойти на Эльбрус в пользу команды ковчега, или, как весело произнес Франсуа, «*La famille de Noah*»³.

Уточнив, что в переводе с французского данная фраза звучит как «Семейство Ноя», мы тем не менее не разделим иронию англичан. Это, кстати, и есть второй момент обращения к труду Фрешфильда, так как дальше мы поведем речь об одном из его проводников – Дячи Джаппуеве и его потомках.

Но об этом чуть ниже. А пока еще одна цитата, еще более ранняя — из вышедшей в 1838 году во Франции книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829–1830 годы». Автор ее Жан-Шарль де Бесс — под таким именем его знали во Франции, а в Венгрии, откуда он родом, — Янош Карой Беш (1799 — после 1838 года) — сотрудник журнала «Хроника иностранной литературы», издававшегося в Париже, автор «Граматики тюркского языка». Занимаясь изучением этногенеза своего народа, а именно древнейшим кочевым периодом в истории венгров, Беш отправился в путешествие по маршруту предполагаемой миграции предков.

Оказавшись в Ставрополе, услышал о том, что генерал от кавалерии Георгий Эммануэль собирается покорить Эльбрус. Несмотря на то, что экспедиция уже несколько дней как ушла, Беш, бросив дорожную коляску, верхом на лошади догнал Эммануэля. Напомним, что знаменитая экспедиция Эммануэля, завершившаяся первым восхождением на Эльбрус, состоялась в июле 1928 года.

И вот что пишет знаменитый венгр: «Мы еще находились в лагере, как кто-то пришел известить генерала о находке в четырех разных местах ископаемого угля. В то же время кабардинец принес треножник, найденный им, по его словам, в Приэльбрусье, в горах, покрытых снегом. Этот треножник весил примерно 10 ливров (ливр — 400 граммов), а высота его была примерно 15 футов (33 сантиметра) и в диаметре он имел такую же величину. Судя по тому, как железо было отполировано и нигде не поржавело, можно было предположить, что это был чугун; местные жители рассказывали, что они слышали от своих предков, как Ноев ковчег остановился сначала у вершины Эльбруса, а затем ветер отнес его к Арарату. Как бы там ни было, можно предположить, что туземцы, жившие по соседству с Эльбрусом, не преминули бы приблизиться к этой величественной горе, которую они всеми силами стараются, прежде всего, скрыть от иностранцев»⁴.

И, наконец, цитата из еще одной весьма парадоксальной работы, подвергнутой уничижительной критике, причем как современниками, так и потомками, — из записок «Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу» польского аристократа Яна Потоцкого (1761–1815), совершившего осенью 1797 года путешествие по Северному Кавказу.

Цитируем: «22 ноября. Сегодня я перерисовал и раскрасил мое генеалогическое древо и могу сказать, что я изготовил весьма благородное растение, достойное фигурировать в генеалогических лесах

Германии. Однако оно представляется срубленным, поскольку некоторые неясности скрывают основание этого почтенного пня; однако так же обстоит дело со всеми родами в Европе.

Итак, род князей Кабарды начинается от Сема, сына Ноя; это несколько удалено во времени, но соответствует утверждению, что они пришли из Аравии, и в этом утверждении нет ничего абсурдного, поскольку точно известно, что начиная с 800-го до 1200 года многие арабы приходили в Болгар, Маджар, Бессарабию и даже в Венгрию, где они основали город Пешт; их тогда называли *исмаэлитам*. Их потомки до сих пор живут в южной части Кавказа, или, по крайней мере, жили в начале нашего века, о чем говорит Гербер. Следовательно, правящая в Кабарде фамилия могла прийти из Аравии; однако не меньше правды и в том, что начало этой генеалогии покрыто мраком неизвестности и искажено очевидными анахронизмами.

Т е к с т. Пророк Ной имел трех сыновей, старшего звали Сем. Сем имел 4 сыновей: Ларуна, Радуна, Лауна и Рауна. От Ларуна произошли ханы Аравии, а от трех других — князья. Эти князья терпели много бедствий в Аравии, поэтому они ушли из нее и рассеялись по разным странам»⁵.

Отвлечемся от высказанных предположений и отметим только родословную, идущую от Ноя, а точнее ее привязанность к нашим местам. Одним словом, Ной для коренных жителей Кабардино-Балкарии не библейский персонаж, а по большому счету родственник.

Вот, наконец, мы и подошли к сути данного материала.

...Как-то в издательстве появился улыбчивый разговорчивый мужчина, который отрекомендовавшись, что зовут его Виталий Келеметов и он наш читатель, сообщил как бы между прочим следующее: в Нальчике живет человек, который когда-то, а точнее будет сказано, в 1940 году, держал в руках деревянный брусок от корабля Ноя с вбитым в него железным костылем. Пряча ироничную улыбку, мы тем не менее записали имя и адрес человека, прикоснувшегося своими руками к одной из самых загадочных реликвий мировой истории. Зовут его Шагабан Хасымович Джаппуев, живет он в Вольном ауле.

Свидетельствуем, после того рассказа пробежало куда больше года и, если честно, не собирались мы на эту встречу, видя в ней прежде всего еще одну завиральную историю, но вот в чем дело: в разговорах с местными жителями, особенно верховий Баксанского ущелья, история эта всплывала то и дело. В Тегенекли живут Хаджиевы, так старшие рода рассказывают о плавании Ноя как о

реальном событии, имевшем место, пусть и происшедшем тысячелетия назад.

И этот феномен человеческой памяти, причем с детализацией события, связанных с ним фактов и эпизодов заинтриговывал не меньше, чем сама история корабля Ноя. Откуда такая уверенность, если не сказать убежденность, рассказчиков. Вымысел не обладает свойством оставаться в памяти, тем более переходить из поколения в поколение на протяжении многих столетий. Захотелось понять, на чем зиждется, чем подпитывается этот феномен.

И вот мы едем к Шагабану Джаппуеву, проживающему в Вольном ауле, праправнуку знаменитого проводника Дячи. Корни-то бруса с костылем растут отсюда. Да более того – опираются на реальные артефакты.

Вот что нам рассказал человек, приближающийся к своему восьмидесятилетию. Рассказывал смущаясь, как бы оправдываясь за то, чему был свидетелем.

Итак, дело было перед войной, а следовательно, где-то в году 1940-м. Родители Шагабана проживали в родовом поселении Джэпыр, что располагалось чуть ниже нынешнего поселка Эльбрус в Баксанском ущелье. Отселок, или по-другому хутор, состоял из 13–15 саклей. Джаппуевская ничем от других не отличалась. Было в ней и место, которые балкарцы называют *тёр* – далекое, глубокое, не тайник, а что-то вроде ниши, где хранился всякий-разный *хубурчубур*. У Джаппуевых в нем стоял старый, почерневший от времени, с многочисленными мельчайшими дырочками, проеденными жуком-короедом, невысокий сундук.

О том, что в нем находилось, восьмилетнему пострелу Шагабану давно хотелось узнать, да вот случая все не представлялось. Бабушка строго-настрого запретила приближаться к сундуку, тем более открывать его. Но запрет только усилил мальчишеское любопытство. И как-то, уловив момент в отсутствие взрослых, Шагбан, пыхтя и надываясь, вытащил сундук и открыл его.

Что в нем было, навсегда врезалось в детскую память. Прежде всего пистолет – двустольный, с удлиненным дулом; кинжал, что был раза в два больше обычного и два-три деревянных бруска – примерно в полметра длиной, тяжелых, почерневших, словно вытщенных из огня, в одном из которых торчал ржавый железный штырь.

Вполне объяснимо, что деревянные совсем не заинтересовали мальчика, но именно их первыми отобрала бабушка, когда застала

внука на месте преступления. Нашлепала больно, собачим сыном обозвала, который лазит куда ни надо, а когда положила реликвии обратно в сундук, а его — на место, чуть остыла, поутихла и рассказала следующее.

Все эти вещи остались от предков — кинжал и пистолет принадлежали его, Шагбана, прапрадеду — Тутару, который в один из набегов крымцев на наши места, будучи поставленным часовым у входа в одно из ущелий (в районе Кёнделена), проявил такие мужество и выдержку, что поразил пришельцев. Крымский хан распорядился привести к нему часового, расспросил его, подивился и подарил... *шаурдена* (солдата), сказав при этом: «Если вы будете вместе, в это ущелье даже черт не зайдет!».

Так ли это или не так, что здесь выдумка, а что было, когда происходили означенные события и с чем они связаны, ответить сегодня достаточно трудно, да и не входит это в нашу задачу. А вот что касается «деревяшек», здесь бабушка произнесла слова, которые врезались в память Шагбану: «Нух байрамбар кемеси» (Ноя пророка ковчег). Ни про Всемирный потоп, ни про Ноя и сооруженный им ковчег, мальчуган, естественно, ничего не слышал, да и бабушка толком ничего не объяснила, впрочем, что она могла толком сообщить...

Сказала только, что когда-то давным-давно, когда всюду была вода, большой корабль Нух-Ноя зацепился за одну из вершин Мингитау. А лет семьдесят назад Дячи, прадед Шагбана, повел англичан на вершину Эльбруса и на седловине нашел эти бруски. С тех пор и хранятся они в сундуке.

Правдив ли рассказ Ш. Х. Джаппуева? Мы не сомневаемся, что в сути описываемого — да. О Шагбане отзываются как о человеке честном, искреннем, не путающем правду с ложью. Не напрашивался он на рассказ: что видел, что слышал, то и рассказал, ни на что не претендуя и ни на что не рассчитывая. Другой вопрос, были ли те деревянные части корабля, на котором спаслось человечество... Хотя сама постановка этого вопроса у многих вызывает ироническую гримасу и рождает весьма язвительные реплики, мы не прочь были бы взглянуть, приоткрыв завесу времени, в тот старый сундук.

Но не дано... В 1944 году, когда жители поселения Джапур, вместе со всем балкарским народом, подверглись насильственной депортации, следы его затерялись. Никто из семейства Джаппуевых, за то недолгое время, которое дали семье на сборы, не вспомнил о месте тёр и запрятанном в нем сундуке. А когда в 1958 году Шагбан, его

мать Алтын и сестра Зоя вернулись (два брата и бабушка обрели покой в чужой земле), от сакли, как и от поселения в целом даже следов не осталось...

И неизвестно, в каком костре сгорели бруски от главного в мировой истории корабля, благодаря которому легендарный библейский герой, взяв «каждой твари по паре», даровал человечеству будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестник Европы. 1879. Авг. Т 4. С. 702.

² *Фрешфильд Д.* Исследования Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009.

³ Там же. С. 18.

⁴ *Бесс Ж.-Ш.* Манящий и сверкающий: Главы из книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829–1830 годы» // Первовосхождения на Эльбрус. Лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2007. С. 38.

⁵ Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. С. 292.

САРКОФАГИ ЛОХРАНА

Лохран (Лэхьран) – кабардинское название пастбищ в районе Малки. Из брошюры «Топонимия, флора и фауна Зольского района КБР», подготовленной под руководством А. Мирзаканова, можно узнать, что есть Большой, Малый и Лишний Лохран. Даны эти названия сравнительно недавно – несколько столетий назад. Как называли это место люди, жившие здесь многие века назад, неизвестно.

Чтобы попасть в Лохран, надо проехать селение Каменномоетское и далее по накатанной дороге двигаться в сторону отгонных пастбищ. Не доезжая километра два до штаба, повернуть налево (есть соответствующий указатель); добраться до шлагбаума, перегораживающего въезд в ущелье, и дальше по крутой, осыпающейся дороге, спуститься вниз.

Спуск продолжительный, в несколько километров. Наконец открывается ущелье – заросшее деревьями, обильное травой. Продвигаемся по довольно сносной дороге вглубь, переезжаем многочисленные ручьи – и вот перед нами Малка.

Сомнения нашего гида Арсена Бишенова в том, что переправиться на другую сторону будет непросто, обретают весьма зримую перспективу. Первые дни июня, с одной стороны, с другой – такого дождливого начала лета не сразу и припомнить. Малка коричневая, течение мощное, утягивающее за собой.

В одном из узких мест пытаемся наладить переправу, вернее, наш самый молодой спутник – житель Каменномоетского Мурат Шогенов – смело бросается в воду, но течение мгновенно относит его вниз. Паренек плывет, преодолевая поток, и в конце концов выбирается на берег, но уже в метрах 30–35 от места, где вошел в воду. Нам такие испытания не под силу, тем более с вещами в одной из рук: или промочишь все, или, что вернее, подаришь Малке.

Принимаем решение организовать переправу чуть ниже, где река не заперта в столь узком русле, а разлилась на несколько десятков метров. Более точно – метров на 50. Понимаем это по длине альпинистской веревки, запасливо взятой фотографом группы Жанной. Наш верный УАЗ «Патриот» подгоняем к самому берегу реки, при-

вязываем к его боковой ступеньке веревку и пытаемся перекинуть ее на другую сторону.

Безуспешно: веревка, с прикрепленной к ней палкой, долетает только до середины реки. Тогда привязываем веревку к поясу Мурата и он с трудом, но перебирается на другую сторону. Закрепляет веревку на коряге, переправа налажена. Пакуем вещи в полиэтиленовые пакеты – и вперед. Первым решается другой участник экспедиции – Заур. Он добирается до середины реки и не выдерживает удара Малки: переворачивается, уходит с головой под воду и выпускает из рук пакет с одеждой. Неутомимый вездесущий Мурат стремительно мчит по берегу, обгоняет уносимый течением пакет и с разбегу ныряет в мутную воду.

Удивительно, но ему удается перехватить у своенравной речки ее добычу и выбраться с пакетом на берег. Благополучно добрался до берега и Заур. Предстоит очередь одного из авторов этих строк. Честное слово, после предыдущей картины лезть в воду совершенно не хочется, но и показать свою нерешительность – тоже. Учитывая происшедшее с Зауром, пакет с одеждой закрепляю карабином и цепляю на веревку.

Вода не просто холодная, она ледяная, буквально прерывает дыхание, ноги немеют и, кажется, вот-вот откажут. Перехватывая веревку руками, проваливаясь в щели между камнями, когда вода, до этого доходящая выше пояса, поднимается до самого подбородка, перебираюсь на другую сторону и падаю на траву. Она здесь не просто некошенная – по пояс, густая, плотная, с вкраплениями, причем частыми, жгучей крапивы.

Надо одеваться и идти наверх – туда, где река, подмывая берег, открыла захоронения: каменные ящики, один край которых обвалился, обнажив кости людей, живших здесь многие века назад. Ящики эти выложены из камней высотой примерно в полметра или чуть больше; сверху они закрыты цельными плитами. Могилы расположены на высоком берегу, который река, изменяя русло, подмывает, и камни стенок ящиков падают вниз. По словам Арсена, разговаривавшего с теми, кто лазил в эти могилы, они не богаты на предметы быта – встречаются кувшины разных размеров да бронзовые бляшки. Есть еще один нюанс – необычная (удлиненная) форма черепов «обитателей» гробниц...

Могилы выкопаны строго перпендикулярно к реке, расположены рядами на расстоянии трех-четырёх метров друг от друга и уходят

вверх по пригорку достаточно высоко. Каменные ящики очень похожи на те, что располагаются на перевале Актопрак, недалеко от селения Былым (мы уже писали о них ранее в книге «Необъяснимое. Незнанное. Невероятное»).

Схожие захоронения описывает и путешественник В. Я. Тепцов, побывавший на территории нынешней Кабардино-Балкарии в 1891 году и отразивший свои впечатления в работе «По истокам Кубани и Терека». Вот что писал исследователь о могилах, осмотренных им в Баксанском ущелье: «Отверстие, ведущее в склеп, узко настолько, что в него с большим трудом может пролезть человек средней дородности. Склеп на извести из серого песчаника и имеет форму ящика $2\frac{1}{2}$ —3 аршина в длину, $1\frac{1}{2}$ аршина в ширину и $2\frac{1}{2}$ аршина в глубину. Сверху склепы закрыты большей частью цельными плитами песчаника. Промежности между камнями и все щели залиты известью. Входная и верхняя плиты тоже залиты прочным известковым цементом. На закрытый склеп насыпался небольшой курган земли для именитого покойника.

Форма могил, таким образом, напоминает гроб Господа нашего Иисуса Христа — пещеру, вход в которую закрыт каменной плитой. Такой формы могил придерживались христиане первых веков. По берегу Кестанты потом нам встречались настоящие пещерные могилы, высеченные в скалах Лха. Отваленные хищниками плиты открывали склеп со множеством костей и черепов покойников, но не в саванах, а в одеждах с украшениями. На костях мы нашли остатки шелковых тканей довольно тонкой работы. Во многих могилах находили мы стеклянные бусы, преимущественно синего цвета. Один из озроковцев продал нам несколько украшений, томпаковых и бронзовых, вынутых им из этих могил: тут были пряжки и бляхи от поясов, какие-то кружки, птичья томпаковая голова, томпаковые (из сплава меди и цинка. — *Изд.*) пуговицы, украшение, напоминающее птицу с опущенным вниз хвостом, часть, по-видимому, выточенного, каменного стержня, нечто вроде бронзовой серьги и другие вещички неизвестного назначения. За украшения с ризы священника татарин просил дорого, думая, что они золотые. Золото покойникам, вероятно, было еще неизвестно: его не оказалось, по словам татар, и в склепах под большими курганами. Сожалеем, что не имели средств приобрести все украшения, добытые в могилах этих христиан.

В стенах склепов устроены ниши, в которые ставилась посуда, и, по всем вероятностям, непустая: в одном из глиняных кувшинов, как нам

говорили, замечено было содержимое, видом своим напоминавшее порох. На воздухе оно быстро обратилось в легкую пыль. Содержимое это могло быть просом или чем-нибудь в этом роде. Быть может, в могилы ставили еду усопшим и вообще все то, что необходимо для жизни человека, по суеверию, что покойник, как и живой человек, нуждается во всем материальном, вроде того, например, как наши малороссы зарывают с покойником трубку, кисет с табаком, огниво и штоф водки, думая, что «люлька козаку — щоб скучно не було, як будет пред райскими воротами Петра (апостола) с ключами ждаты (покурить люльку), и як приде Петр, то употчуєт его горилкой, за те же вин его и в рай пuste». Посуда, найденная нами в склепах, по большей части деревянная, нередко раскрашенная красной и черной краской. Попадались большие круглые миски. Некоторые прекрасно сохранились.

Но более всего нас поразили черепа, валяющиеся в склепах в грудех множества костей. Каждый склеп служил, по-видимому, усыпальницей для целой семьи: в одном склепе попадались черепа и детей, и взрослых; число черепов в каждом склепе от 2 до 7 и более. Только около трети всех осмотренных нами черепов приближалось к обыкновенной правильной форме. Большинство же черепов имело форму тупого, закругленного сверху, наклонного конуса, основанием которого могла бы быть плоскость, проведенная от переносья к затылку. Наибольший из найденных нами черепов был в длину, от переносья, немного более 7 вершков, при нижнем диаметре около 4 вершков»¹.

Впрочем, в приведенном выше описании больше лирики, чем науки, но дело в том, что лохранские могильники до сих пор ждут своих исследователей и комментаторов, которые помогут ответить на вопрос, чьи это могилы и откуда они здесь взялись. Ведь могил здесь многие десятки — следовательно, поселение было немаленькое и существовало продолжительное время. Тем более что чуть в стороне находится еще одно захоронение, но меньшее по размерам. Но вот где жили люди? Арсен и Мурат, помешанные на кладоискательстве, облазили с металлодетекторами всю территорию вокруг — на горе, в лесу, на другой стороне реки, но абсолютно ничего не нашли.

Логично рассуждая, поселение, во-первых, должно было располагаться в месте, которое могло служить хоть какой-то преградой от неожиданного нападения врага — под скальным выступом или там, где имелась более-менее сносная природная защита от непогоды; во-вторых, рядом с водой и по большому счету не на правой стороне

реки, а на левой, более низкой. Не то что кладки от строений, даже малейших намеков на городище мы не нашли, за исключением одного малюсенького наконечника от стрелы. И то, что он имеет отношение к причастным захоронениям, вовсе не факт.

Так где же жили люди? Не могли же они привозить сюда своих покойников, преодолевая по бездорожью многокилометровые расстояния? Да и само расположение кладбища — под него отдана чуть ли не единственная ровная площадка в этих местах, что весьма непродуктивно для тех, кому надо было чем-то питаться, — не дает ответа.

Кто были эти люди, почему покинули эти благодатные места, кто лежит в могилах на пригорках, открытых рекой, а теперь и людьми, нарушающими покой мертвых... Может, подсказкой станут останки фундамента, расположенного примерно в двух километрах вверх по течению и представляющего из себя, с большой степенью вероятности, культовый объект — возможно, древнюю церковь...

Кстати говоря, в предании «Крымцы в Кабарде» (оно публикуется в приложении к очерку «Не найденная добыча Канжала») говорится о том, что оставшихся в живых татар, разгромленных на горе Кинжал, кабардинцы «преследовали по пятам, потопили часть в Малке, а остальных загнали в долину Ляхран, где растет большой сосновый лес... и едва третья часть спаслась в этом лесу. Кабардинцы их более не стали тревожить».

Какая тут связь помимо того, что место одно и то же, мы не знаем...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Черека. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 70–72.

СТЕНА, ЗАПИРАЮЩАЯ УЩЕЛЬЕ

Посетители в издательстве – гости частые, это понятно – куда же еще идти тем, кто хочет издать книгу. Но в последнее время к нам все чаще приходят люди, желающие поделиться своими сведениями о достопримечательных местах нашей республики – это реакция на выпуск нами краеведческой литературы, и прежде всего серии книг о таинственных явлениях, имевших место в КБР.

Юрий, так представился очередной посетитель, электрик по специальности, большой любитель туристических экскурсий и пеших походов.

– Вы видели это место? – Юрий показал фотографию, от которой в прямом смысле перехватило дыхание. На скальном гребне виднелись остатки многометровой стены, высоко вздымающейся в небо и практически перегораживающей ущелье. Фотография была достаточно отчетливой, что позволяло говорить: стена сложена из каменных плит довольно внушительных размеров. А вот природных или искусственных, разобрать было сложно.

Оказалось, стена расположена на перевале, связывающем Черекское и Хуламо-Безенгийское ущелья, вернее будет сказать, в одном из ответвлений, уходящих вправо от перевала, если подниматься со стороны селения Верхняя Балкария. Сам снимок сделал несколько лет назад друг Юрия – Александр, не менее заядлый любитель пеших походов. Вышли они к стене совершенно случайно, ничего не зная о ней и даже не предполагая, что такое вообще возможно. До этого долго бродили по горам, основательно вымотались и когда увидели перегораживающую ущелье стену, спускаться вниз – а спуск достаточно затяжной и непростой – сил уже не было. Сфотографировали объект сверху, с расстояния метров в шестьсот-семьсот, с мыслью вернуться в эти места в ближайшее время. Но не сложилось, и возвращение отложилось на годы, целых шесть лет, как оказалось.

Фотография действительно поражала воображение, мысль, что это монтаж, даже в голову не приходила – Юрий обещал нам показать стену, более того, принес карту, на которой отметил ее местонахождение.

Юрий и Александр были уверены, что это остатки рукотворной стены, закрывающей вход в ущелье. О том, что подобные стены возводили местные жители, писали многие путешественники по Кавказу. Так у знаменитого Клапрота читаем: «Где-то около 6 немецких миль к юго-западу от села Карачай лежит гора Джуман-Тау, где начинаются поселения сванов. Между этой горой и Эльбрусом к востоку – узкая долина, в которой течет маленькая речка Тебердех, она простирается аж до снежных гор и через нее лежит путь через Кавказ к истокам реки Цхенисцкали, который ведет в Имеретию и Мингрелию. Эта долина во многих местах очень узкая и окаймлена крутыми скалами. На южной оконечности, где она открывается в Имеретию, ширина ее составляет около 800 саженей, а рядом с ней, на западе, расположено село Кемме, которое все еще принадлежит имеретинской области Лечкум и состоит из сорока небольших каменных домов. Северный вход в эту долину, как о том рассказывают, когда-то был покрыт строениями и укреплениями; жители окрестностей даже утверждают, что видели в разных местах остатки стен и что крепость была построена на массивных железных столбах и брусах; по причине чего (как и из-за того, что она преграждала путь) крепость была названа Железными Воротами.

Схожие укрепления в узких долинах, что пролегают в горах, часто встречаются и в краю сванов; и отец Ламберти уверяет нас, что около 150 лет назад стена длиной в 60 лье охраняла Мингрелию на севере от набегов племен, живущих к северу от Кавказа. Рейнеггс предполагает, что вышеупомянутая долина между Эльбрусом и Джуман-Тау, вероятнее всего, и была *Porta Cumania* Плиния. Этот писатель, однако, хранит полное молчание относительно любого подобного горного прохода, но замечает, что близ каспийских горных проходов находится замок, расположенный на скале под названием Кумания; но это весьма отлично от Куманских врат. То, что имел в виду под Кавказскими вратами Плиний, я объясню позднее; разве что замечу здесь, что *Porta Cumania* является одной из многих ошибок Рейнеггса и что эти врата не упомянуты ни одним античным автором»¹.

Смущало несколько то, что никто из жителей Верхней Балкарии, кому мы показывали фотографию, стену не видел и все выражали большое сомнение в том, что она существует на самом деле. Одним словом, надо было ехать, тем более, что путешествие не представлялось особо сложным – перевальную дорогу начали строить еще несколько лет назад, потом, правда, забросили, но что-то должно же было остаться от усилий дорожников.

Ранним июньским утром наша экспедиция в составе авторов этих строк, Юрия и Александра, сообщивших нам о таинственном объекте, выехала в Черекское ущелье. Взяв в селении в проводники нашего автора, бывшего директора одной из школ Верхней Балкарии Бориса Казакова, мы стали подниматься в сторону Мухола.

То, по чему ехали, дорогой можно было назвать только в самом ее начале. Действительно, дорожники начали работу весьма основательно, но по какой-то причине забросили ее несколько лет назад. А горная дорога обладает одним весьма капризным свойством — если за ней не ухаживать, она чуть ли не мгновенно теряет свои проходимые качества. Камни, осыпаясь, перегораживают полотно; ручьи промывают в нем колеи, с которыми по силам справиться только тяжелой технике; обвалы настолько суживают дорогу, что в некоторых местах можно проехать практически задевая нависающую каменную стену.

Давно, судя по всему, проходил по горной трассе бульдозер. Но на столь серьезную технику нам рассчитывать не приходилось, поэтому мелкие камни убирали вручную, крупные, застывшие на середине дороги, объезжали чуть ли не впритирку к ним.

Переваливались на огромных валунах, непонятно как выстроившихся один за другим; преодолевали мост, от которого осталась лишь половина; настойчиво, с надрывом, карабкались вверх — к самому перевалу, до которого, как нам говорили и была пробита дорога. Но это оказалось не совсем так: проехав километров 17, мы поняли, что дальше надо идти пешком: сель практически смыл петляющую по земляному склону дорогу, превратив ее в своего рода русло — с глубокими промоинами, каменными завалами, местами, где полотно прерывалось, отвесными обрывами. Это усложняло задачу, но до перевала, как оказалось, было не так уж далеко.

И вот мы на нем и направляемся дальше, уповая на память Александра и слова встреченного нами пастуха, подтвердившего, что такая стена действительно имеется в том районе. Сыро, сумрачно, настроение поднимают байки Александра — бывшего туриста, в активе которого десятки путешествий по нашей республике: с ночевками, испытаниями, приключениями и... необычными встречами с животными.

Мы узнаём о еже, который так и не дал уснуть туристам, остановившимся на ночлег в Байдаевке (бывшее поселение в Баксанском ущелье), твердо уверенном, что удалиться надо людям, а не ему, хозяину этих развалин.

О бесстрашном шакале, утачившем пропитание прямо из-под носа Александра — сухое мясо, которое туристы взяли с собой, оказалось с душком, и он решил его проветрить: приоткрыл целлофан и положил рядом со своим спальным мешком.

О том, как собаки ловят сусликов: выстраиваются у всех выходов, а одна начинает подрывать нору и суслик, пускаясь наутек, попадает на стол одного из четвероногих друзей человека.

О яках, которые на узкой тропе шли на туристов и, казалось, вот-вот сбросят их вниз, пока Александр не догадался издать тарзанский крик.

Рассказам несть числа... А тем временем наша группа, уходя все время вправо, ориентируясь на русло горной речушки, преодолевая многочисленные мочаки (заболоченные места), пружинящие под ногами и то и дело грозящие принять ногу по самую щиколотку, спускается все ниже и ниже.

Три километра, в которые оценил Александр расстояние до стены, все удлинялись и удлинялись, тем более что в обратную сторону путь предстоял куда как серьезней — вверх идти намного труднее и, как минимум, в полтора раза дольше. К тому же погода начала портиться на глазах: принялся накрапывать дождик и, готовясь к непогоде, альпийские цветы начали один за другим чуть ли не на глазах закрывать свои головки. Откуда-то снизу, клубясь и надуваясь, поднимался туман.

Неужели все старания напрасны? И тут Юрий, ушедший вперед, призывно махнул рукой — вон она!

Открывшееся зрелище действительно было достойно восхищения. Внизу, на расстоянии в несколько сотен метров, на черном основании виднелась огромная каменная стена с двумя сохранившимися уступами. Издалека не было никаких сомнений в том, что она искусственного происхождения. На черном каменном основании довольно узкая (оказалось, чуть более метра толщиной) кладка высотой более 20 метров, а длиной в два с половиной раза больше.

И здесь нам самое время обратиться к знаменитой работе «Археологические открытия, изменившие историю» всемирно известного ученого Брэда Стайгера, в седьмой главе которой (она называется «Таинственные мастера-строители») идет речь о каменных стенах Беркли и Окленда в Калифорнии. Правда, сразу отметим, означенные объекты совсем невысоки и однозначно рукотворны.

«Говорят, — пишет Стайгер, — что г-н Сет Симпсон из Окленда изучал эти стены много лет в качестве хобби. По его данным, стены

тянутся более чем на 10 км к югу от холмов Окленда, но он не может их связать ни с одним из известных пограничных ориентиров: «Карты исследований, проведенных водопроводной компанией, показывают, что ни одна из стен не имеет какой-либо выраженной связи с линиями границы, за одним исключением в районе Воллмер Пик, где линия границы идет параллельно стенам почти на протяжении 550 м».

Нет также и намеков на то, что они могут быть останками загонов для скота или корралей.

...В холмах под Милпитасом Симпсон нашел похожие стены в слегка холмистой, почти безлесной местности.

И опять, за одним лишь исключением, «они не соответствуют обычному предназначению стен... В качестве ограды эти стены практически бесполезны... В районе Милпитаса каменные стены просто тянутся на несколько сот ярдов, а затем внезапно заканчиваются».

Никто из местных жителей ничего не знает о происхождении стен. Такое впечатление, что они были здесь всегда.

Обзоры вырезок из старых газет, посвященных высказываниям разных местных жителей, мексиканцев и китайцев, пионеров и «мачатланцев», по поводу того, кто же все-таки построил эти стены, указывают на следующее мнение: «Стены... странно напоминают сооружения атлантов, к которым, как говорят, имели отношения ацтеки и их предки, жившие в районе Мачатлана, на Мексиканском побережье».

Сет Симпсон признает возможность того, что некоторые из этих стен могли быть построены индейцами, чтобы завести преследователей в вариант «мешка, в котором их было можно легко убить».

Симпсон также подчеркивает, что при отсутствии обширных раскопок вдоль стен, такая теория — это все, что он может предложить: «Они были построены неизвестными людьми, неизвестно когда и с какой целью. И весьма вероятно, что несмотря на все наши надежды, они останутся загадкой еще в течение неопределенно долгого времени».

Лондонский Daily Telegraph от 27 января 1973 года подробно рассказывает еще об одной загадочной стене, которая возникла, чтобы идти в никуда и без какой-либо видимой причины.

Записи об этой таинственной стене оставил почтенный сэр Алек Киркбрайд, который в возрасте 75 лет был признан Daily Telegraph одним из последних британских офицеров, воевавших во время восстания арабов вместе со знаменитым Лоуренсом Аравийским. Стена Киркбрайда тянется на 32 км, на расстоянии примерно 19 км от Петры к Иордану.

Сэр Алек, который многие годы являлся резидентом британской разведки в Трансиордании и закончил свою долгую карьеру послом Великобритании в Ливии, рассказал прессе, что впервые он увидел «любопытную стену», пролетая над ней на легком самолете. Он был настолько заинтригован, что вернулся к ней уже верхом на лошади, чтобы рассмотреть поближе.

«Это было совершенно потрясающе, — вспоминает сэр Алек. — Поскольку для возведения стены в 3 м шириной и 60 см высотой потребовался гигантский труд. Но она не имеет ни малейшего отношения к пограничным или оборонительным сооружениям. Просто путаница какая-то».

Теория сэра Алека заключается в том, что стена была построена набатынами в раннюю христианскую эру; при этом он признает, что далеко не уверен в том, что эти пустынные жители в действительности могли построить такую таинственную стену. «Несмотря на многие исследования, объяснить сей факт пока не может никто», — прокомментировал он.

В апреле 1973 года штатный писатель альманаха *Persuit* предложил следующее толкование стены в пустыне в никуда сэра Алека: Сэр Алек, который наверняка знает эти места как никто другой, категорически утверждает, что это не оборонительная и не пограничная стена. Фактически же, если исходить из ее размеров, она больше напоминает дорогу; однако, судя по описанию, это дорога, которая никуда не ведет. Если все это так, то это означает, что некая группа (предположительно ненормальных) людей тщательно сложила 60 000 м³ камня просто так, без причины. Вряд ли кто-то может всерьез даже допустить мысль, что люди волокли сюда камни так, забавы ради, особенно если учесть, насколько негостеприимными являются места вокруг Петры»².

...Чтобы удостовериться, что перед нами действительно рукотворный объект, надо было спуститься вниз. Эти несколько сот метров стоили многих равнинных километров: резко уходящий, в некоторых местах чуть ли не отвесный спуск, преодолеть который можно было лишь держась за камни и чахлую растительность.

Но испытания стоили того — большинство из нас согласилось с тем, что стена все-таки природная. Она, казалось, вылезла из гребня горы — практически идеально ровная, но вовсе не цельная, а состоящая из пригнанных друг к другу каменных плит, чем-то напоминающих ручную кладку. Сила и аккуратность «строителя» поражали.

Воистину человеку с природой трудно поспорить даже в том деле, где он достиг высочайших высот — строительстве. Удивляло и то, что подобного каменного материала мы нигде поблизости не видели. Непонятно, что способствовало возникновению этого удивительного природного феномена.

Нам действительно очень и очень повезло. Спустия какие-то 15–20 минут, туман сплошной массой хлынул в ущелье, окутывая беле-сой хмарью все вокруг. Ветер еще какое-то время пытался разогнать его, поднимая вверх, но туман не сдавался, и вскоре ничего нельзя было разглядеть в каких-то нескольких метрах от себя. Стена растворилась в бело-сиреновом мареве, словно ее и никогда не было.

Пришло время выбираться наверх, а пять километров да все время в гору — испытание не из простых. Тем более что природа словно брала откупное за увиденное нами чудо. Вначале редкими каплями, потом чуть ли не сплошной стеной пошел дождь, мгновенно промочив нашу одежду, в том числе и хваленую альпинистскую экипировку. Туман стал вязким и осязаемым, скрывая не только ближнюю перспективу, но и силуэты товарищей, идущих в каких-то нескольких метрах.

Немудрено, что мы промахнулись с подъемом: выйдя на какое-то подобие тропки, двинулись по ней и вскоре поняли, что заблудились. Рации у нас не было, да и какая от нее была в этих условиях польза — кто бы с кем переговаривался, если непонятно было куда идти. Вправо — но представлялось, что там стена. Влево — но за одной горой выплывала следующая, а сил становилось все меньше и меньше. Тем более что мочаки, из которых, как теперь казалось, только и состояла почва, сделали свое дело, обильно насытив наши ботинки ледяной водой.

В какой-то момент стало грустновато — находясь между двумя хребтами, заснеженными и достаточно высокими, мы умудрились заплутать, уходя как будто все время вправо и тем не менее не находя выхода на перевал. Оставалось идти вверх, преодолевая себя и сомнения, уповая на то, что сверху все-таки виднее. Тем более что шел уже пятый час, а в горах темнеет рано.

В какой-то момент, словно сжалившись над нами, туман рассеялся, открыв сияющую солнечную кромку. Перевал, как оказалось, был перед нами, и, взобравшись, наконец, на него, мы увидели на зеленой траве наш черный «Патриот» и рванули к нему, забыв про накопившуюся усталость.

А потом были показавшийся нам таким быстрым в теплом салоне машины спуск в Черекское ущелье, заработавшая мобильная связь, позволившая Борису Казакову предупредить своих близких о нашем возвращении, горячие – с пылу с жару – сытные балкарские хычины, не менее обжигающий чай и дорога домой, в Нальчик, куда мы добрались уже поздно вечером и практически мгновенно провалились в сонное забытие. Главным действующим лицом его, естественно, была таинственная стена – природный объект (а может, все-таки искусственный?), равных которому никому из нас еще не доводилось видеть...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: Эль-Фа, 2008. С. 177–178.

² *Стайгер Б.* Археологические открытия, изменившие историю. СПб.: Питер, 2009. С. 145–147.

В ГЛУБЬ ХУШТО-СЫРТА

О знаменитой Хушто-сыртинской пещере (Хушто-Сырт – селение в Чегемском ущелье, знакомое слуху каждого, кто ездил к знаменитым Чегемским водопадам) мы слышали не раз, но вот побывать в ней все никак не удавалось. И вот ранней весной, в первый день мая – сырой и прохладный – мы двинулись к пещере. Как оказалось, она совсем недалеко от автомобильной трассы, по которой каждый день проезжает несколько десятков туристических автобусов, но ни один из них не приостанавливается на повороте, ведущем к этому подземному чуду. И совершенно зря.

Добраться до пещеры можно достаточно быстро и без помощи транспорта: на выезде из селения следует свернуть влево, пройти километр с небольшим, пересечь ручей (в котором одному из наших спутников в тот день удалось, поскользнувшись на камне, искупаться) и подняться на достаточно крутую гору. Здесь, у подножия скального выступа, имеется малозаметная щель.

Согнувшись в три погибели, спускаемся вниз. Пещера действительно огромная. Своды ее поднимаются практически сразу вверх, причем весьма прилично – высота в некоторых местах достигает 7–8, а где-то и 10 метров. Всюду осыпающиеся камни. Чтобы добраться до края пещеры, надо по осыпи взобраться вверх, откуда в разные стороны уходят узкие ответвления.

Трудно сказать, какова площадь данного подземного ангара, но, вероятно, это одна из самых больших пещер Кабардино-Балкарии. Интересна «картина», которую можно наблюдать на одной из стен пещеры – каменные наплывы нарисовали образ девушки в широком платье до щиколоток.

Дно пещеры ни в одном из мест не представляет из себя ничего плоского. Оно взбирается по разным направлениям вверх. Одно из самых больших ответвлений находится в левой стороне, за огромным валуном. Проход заканчивается тупиком, но создается впечатление, что из пещеры имелся и другой выход. Вероятно, по другую сторону скалы.

Луч мощного фонаря теряется под сводами пещеры. Здесь по большому счету могут спрятаться от непогоды, чужих глаз (несколько столетий назад такое происходило с большой степенью вероятности весьма часто) несколько сотен человек. Мало того, что пещера сама по себе незаметна, так если еще привалить несколько камней снизу, к отверстию, то мимо пройдешь – не заметишь. А если на камни положить ветки или дерн, то найти спрятавшихся практически невозможно.

По рассказам старожилов, еще в прошлом веке в пещере часто находили приют конные всадники. Только вот вопрос: как они проводили вовнутрь коней, коль сегодня вход представляет из себя узкую каменную щель, уходящую в землю? Следовательно, всадники могли попадать в подземелье только с другой стороны.

Несмотря на сырой день, в пещере весьма сухо. В ней свой микроклимат. Стены также сухие, не сочатся. Осыпающиеся камни не позволяют провести какие-либо исследования, детализировать, как давно пещера посещается людьми. Но то, что следы этих посещений теряются в далеких веках – несомненно. Ведь Хушто-Сырт образован на месте древнего аланского поселения. Здесь стоит обратиться к выпущенной нашим издательством книге, которая так и называется – «Хушто-Сырт». Из нее следует, что образование нынешнего поселения относится к 1958 году, то есть, к моменту возвращения балкарцев на родину после 13 лет депортации в Казахстане и Средней Азии. И отмечается, что, «судя по названиям селений, гор, ущелий и рек, местное население своими корнями связано с дигорцами, что является выражением общего аланского генетического и культурного наследия»¹.

Современный Хушто-Сырт образовали «выходцы из нескольких селений Чегемского общества: Гюдюрю, Актопрак, Бопу, Жууннгу, Кёкташ, Беттургу, Дуппур, Жора, Кендир Тюз, Кычеуген и Тызгы»¹. История всех означенных селений насчитывает немало веков и практически невозможно точно определить время их возникновения. «Судя по устному народному творчеству, как пишут в предисловии авторы книги, поселения много раз разрушались и возрождались, причиной тому были войны, эпидемии и различные природные стихии. В преданиях, относящихся к периоду до нашествия Тамерлана, местный народ упоминается как аланы, а по рассказам живущих здесь старожилов, прямыми потомками их являются и нынешние чегемцы». Впрочем, это уже другая история...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Хушто-Сырт. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 7–8.

ГЮДЮРГЮ – СЕЛЕНИЕ-КРЕПОСТЬ

Путешествие по селениям, от которых остались только каменные остовы, не самое приятное зрелище. Все время не оставляет мысль, что когда-то здесь жили люди – рожали детей, возделывали землю, печалились по ушедшим и без сомнения даже не предполагали, что когда-то им придется навсегда покинуть возделанные поля, могилы предков, родные сердцу и взгляду места.

Это печально, когда от людских поселений остаются одни названия, многие из которых сегодня даже не поддаются объяснению. Что нам известно о селениях Чегемского ущелья? Боппу вероятнее всего произошло от личного имени, Дуппур означает бугристое выпяченное место, Кёкташ – синий камень, Кала – крепость, укрепление. А вот Тызги не поддается анализу, вернее будет сказать – наши знания не позволяют объяснить топонимику данного слова. А ведь прошло каких-то шесть с половиной десятилетий с момента ликвидации поселения, для жителей которого Тызги было не пустым звуком, а насыщенный реальной жизнью.

...Если за Чегемскими водопадами свернуть влево, переехать через деревянный мост, то дорога, круто взбирающаяся вверх, приведет к месту, где когда-то находилось селение Гюдюрю – одно из самых древних в ущелье.

Опять обратимся к выпущенной нашим издательством книге «Хушто-Сырт». Оказывается, в современном балкарском языке данное название, так же как Тызги, не имеет объяснения. Некоторые исследователи, в частности Исмаил Мизиев, уверены, что Гюдюрю суть измененное Кутургу (*кутургу* – одно из гуннских племен, прародителей болгар). Другие ученые – Дж. Коков, С. Шахмурзаев – выделяют в нем осетинскую основу: *гудыр* – «замок», в значении *недоступный*.

Что же нам известно о поселении, чья история уходит в глубокое прошлое? По большому счету, практически ничего.

Его расположение: возвышенность на правом берегу реки Чегем.

И выбрано оно было специально – находящееся на каменистой местности, среди огромных валунов (один из них называется «Усхудар»), ме-

сто это труднодоступно для тех, кто приходил с черными намерениями: оно позволяло вести долговременную и удачную оборону.

За счет чего жили местные жители? За счет животноводства и земледелия – террасы, идущие в сторону склона, довольно обширны и даже ныне, спустя столетия, земля сохранила следы заботливого отношения к ней.

О более недавнем времени могут поведать архивные документы, согласно которым в Гюдюрю в 1884 году проживало 7 семей, которые составляли 58 человек. В 1908 году уже насчитывалось 26 дворов, а населения 191 человек, в том числе 98 мужчин. Спустя два года число жителей выросло до 295 человек, а дворов стало 32.

До революции была открыта мечеть, в советское время, в 1931 году, – школа. Среди ее учеников (сохранились списки учащихся) не только балкарцы, но и осетины, а также ребенок русского юноши, приехавшего сюда в 30-х годах учительствовать, обретшего в горах семейное счастье, жившего здесь вплоть до 1944 года и высланного вместе с балкарцами.

В марте того же года селение было разрушено.

Выше Гюдюрю еще одно заброшенное селение – Жора, что означает *святилище*. *Жор* – крест. *Жора*, *Геургю* – святой Гергий. Сами названия свидетельствуют о времени образования селения. Это века аланской православной епархии, о которой мы уже писали в материале «Чегемские мумии».

«Святилище» было местом обитания для немногих – в 1884 году здесь жило лишь четыре семьи, состоящие из 30 душ; в 1910 году насчитывалось 7 дворов – всего 67 человек. Большинство из них относились к сословию чанка – к *тауби* (балкарские князья). И поэтому жители Жора подверглись репрессиям раньше, чем весь балкарский народ: в период коллективизации они были раскулачены и высланы в Казахстан. А в 1944 году поселение и вовсе было ликвидировано. Остались развалины – мечети, мельницы, кладбища. Но потом и они исчезли – камни пошли на строительство животноводческой базы. Сегодня и от нее остался один остов.

Вот такая история. Селение-крепость выдержало нашествие кровавого завоевателя – безжалостные всадники Тимура вырезали всех его жителей, но вернулись бежавшие в горы – и поселение ожило. Селение-святилище постигла та же участь, но намоленное место позвало к себе и вновь зажглись очаги и наполнились звуками человеческой речи каменные сакли. И только век двадцатый, властители

которого поняли, что надо воевать не с камнями, а с душами, сумел изгнать отсюда людей. И пала крепость Гюдюргю, и заброшено было святилище Жора...

Побывайте в этих местах, взгляните в нагромождение камней, выстроенных самой природой в заградительные стены, вслушайтесь в шорох ветра, запутавшегося в траве, пробившейся сквозь фундаменты человеческих жилищ — и тысячелетнее прошлое откроется перед вами, и заговорят безголосые свидетели.

А если вы к тому же найдете таинственное подземное убежище, сведения о котором передаются пастухами из поколение в поколение и в котором местные жители, предупрежденные о приближении врагов, скрывались от безжалостных мечей косматых конников, то путешествие в ушедшие века обретет особую реальность.

Нам найти это убежище так и не удалось, не считая небольшого провала на ведущей к селению дороге — полузасыпанного, длиной в несколько метров, но, судя по показаниям приборов, имеющего продолжение в виде пустого пространства. К слову, весьма значительного...

КАМЕННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Дорога, ведущая в горы, расположенные с левой стороны селения Нижний Чегем, доступна лишь тракторам да вездеходам, особенно в середине мая. Но нам повезло: зима 2009 года была не снежной, весна запоздала, а май оказался на редкость сухой, дорожную колею тракторы не успели разбить, – и наш «Патриот» одолел кручи и подъемы весьма успешно.

Целью нашего путешествия был огромный (с двухэтажный дом) каменный великан, чем-то смахивающий на огромное доисторическое животное. Высота его чуть больше пяти метров; ширина примерно столько же, длина в четыре раза больше. Взглянуть со стороны – один в один строительный вагончик, только в 3–4 раза больший по размерам.

Мы решили забраться наверх великана, но оказалось, что это не так просто сделать: грани камня практически отвесны – с разбегу не возьмешь; щелей и выемок, за которые можно ухватиться, маловато.

Пришлось использовать альпинистскую веревку. Подогнали «Патриот» к камню, привязали к бамперу веревку и перекинули ее через великана. С ее помощью и забрались наверх.

Отсюда стало особенно ощутимо видно одиночества камня. Непонятно, откуда он здесь взялся, какими природными катаклизмами оказался занесен на травянистое плато, от которого его ближайшие собратья находятся в десятках километров.

Наверху камня довольно ровное пространство и два углубления, в которых скопилась дождевая вода. Удивительно, но в этих импровизированных озерцах видна какая-то живность – то ли это рыбки, то ли какие-то другие представители водного мира, но то, что не головастики – точно. Солнце, без сомнения, высушит эти озерца, и их обитателям придется погибнуть.

Обследовав камень, мы не пришли к единому мнению относительно его появления здесь. А вот о его «товарище» – тууз-сыртовском истукане, расположенном значительно ниже (см. вторую книгу данного издания), получили дополнительные сведения. Оказывается, как

рассказывают местные жители (естественно, со слов своих предков), его перетащили на место нынешнего нахождения с расстояния в несколько километров. Будто бы волоком, по бревнам, которые перекладывали одно за другим.

С нашим «бегемотом» (такое сравнение видится наиболее уместным) подобную процедуру проделать просто невозможно — он неподъемен даже для современной техники, тем более человеческим усилиям. Да и какой смысл в подобного рода перетаскивании. Не стал камень и местом сакрального поклонения, хотя его одинокое величие вызывает невольное уважение и даже трепет.

Так и стоит на поляне — палимый солнцем, обдуваемый ветрами, обмываемый дождями, заносимый снегами — великан, чье рождение уходит в далекие тысячелетия. И никакие стихии не страшны ему.

А совсем рядом с ним, на скальном выступе, природа создала еще один феномен: прямо из каменного чрева растет (во всяком случае такое впечатление остается от взгляда снизу) высокое и ветвистое дерево. Но и забравшись на вершину скалы, видишь, что так оно и есть — из трещины в глыбе, в которой не видно и признаков земли, тянется к небу большое дерево. Какими соками оно питается, остается только догадываться. Камень дал ему жизнь и поддерживает эту жизнь год от года. Вероятно, ему просто наскучило тысячелетнее одиночество...

В ПОИСКАХ ВЫСОКОГОРНОГО СКЛЕПА

То, о чем будет рассказано ниже, происходило не с нами, но не верить участникам событий, выступающих в данном случае в роли рассказчиков, у нас нет никаких оснований, тем более, что мы были достаточно хорошо знакомы с ними, во всяком случае, с двумя из трех.

Все началось с истории, поведанной Константином Рыбалко. Оба автора этих строк сталкивались с ним неоднократно – Костя родился и жил в селении Белая Речка, пригороде Нальчика, в те же годы, что и один из нас, – хорошо знали друг друга, общались. И не только в детстве, но и впоследствии – в годы учебы в Кабардино-Балкарском университете, после его окончания, когда Рыбалко работал ветеринарным врачом в одном из хозяйств республики.

Знакомство со вторым из авторов состоялось в конце семидесятых годов прошлого века – во время работы последнего в республиканской молодежной газете. Костя – заядлый любитель природы, знаток горных ущелий – как-то пришел в редакцию с материалом о диких братьях наших меньших. В этой зарисовке было столько тепла, искренности, тонких наблюдений, что, после небольшой правки, она увидела свет.

В день выхода газеты в кабинете Юры Курилова, спортивного обозревателя «Молодежки», статья была обмыта в дружеском кругу, и автор пообещал не останавливаться на достигнутом. И не обманул – заметки о встречах с животными, обитателями гор и лесов республики, последовали одна за другой. Многие из них впоследствии нашли место на газетных страницах.

Многие, но не все. В частности, одна из статей – о высокогорном подземелье, была отвергнута редактором, как завиральная, а на предложение опубликовать ее под рубрикой «рассказ», Костя не согласился.

– Зачем быть объявлять выдумкой? – доказывал он, но убедить не смог. И это вполне объяснимо – не приветствовались в те времена материалы с неясной идеологической подкладкой. А здесь подземелье – неизвестно кем вырытое, с какой целью и куда ведущее.

Статья о подземелье была опубликована Костей уже в перестроечные времена (правда, в сильно сокращенном виде) в газете «Кабардино-Балкарская правда» под притягательным заголовком «Тайна каменной плиты»¹. Перед тем, как процитируем рыбалкинский материал, уточним, что Скалистый хребет, о котором идет речь в тексте, тянется от реки Белой (бассейн Кубани) на 375 километров почти до Терека. Своей наибольшей высоты он достигает между реками Чегем и Черек (гора Каракая, 3646 метров). Чегемское ущелье тянется с северо-востока на северо-запад и рассекает все горные хребты (Лесистый, Пастбищный, Скалистый и Боковой), за исключением Главного (Водораздельного). Там, где ущелье прорезает Скалистый хребет, образовалась самая узкая его часть. Выше его, уже за хребтом, расположено селение Верхний Чегем.

А теперь та самая публикация: «Это было в предгорьях Скалистого хребта, в царстве скал и альпийских лугов. Я переходил в соседнее ущелье, когда опустившееся с высоты облако накрыло меня. Склон, ущелье, скалы – все утонуло в тумане. Пришлось идти медленнее, чтобы не потерять тропу. И все-таки на одной из каменистых осыпей я потерял ее. Несмотря на это, продолжал идти в надежде, что вновь отыщу. На склон поднимался приблизительно час. Взобрался на самый верх. Не пойму, где нахожусь. Место незнакомое. Перевал где? Слева или справа – тоже неясно. Пошел на спуск. Хорошо, что спустился не спеша. Смотрю: впереди, шагах в пяти, – линия, а за ней и ниже плывут клубы белесого тумана. Пропасть...

Внизу река шумит. Повернул назад, отошел подальше от края и пошел вдоль скалы: думаю, все равно пересеку ускользнувшую тропу. Сколько шел, не знаю, а тропы все нет. Думаю, а нужна ли она мне, если скалы уже кончились, спущусь к реке и без нее по поросшему травой склону. Стал спускаться, опять пропасть... Поднялся назад, и так несколько раз. А туман все клубился, словно пар над кипящим молоком.

Что делать? Рассуждаю: раз нет спуска, нет тропы, вернусь назад, в то ущелье, откуда начал путь. Надо уходить, потому что в такой обстановке где-нибудь свалиться очень даже просто. Повернулся спиной к скалам, что отрезали путь к реке, и пошел назад. Пришел к крутому спуску, который, к моему огорчению, тоже обрывался пропастью. Теперь я понял, что заблудился.

А туман, как назло, становился гуще и щедро кропил водяной пылью. Я шел до тех пор, пока не устал. Сам себя успокаивал, мол, в

горах не новичок, выберусь, главное – не паниковать. Надо где-то остановиться, переждать и обдумать положение. Штормовка промокла, потяжелел рюкзак. Я выбирал место, где расположиться, смотрю: впереди много камней и небольшая ровная площадочка. Пошел к ней. Эта площадочка оказалась тоже гладким четырехугольным камнем, лучше «стола». Я расположился на нем и, аппетитно пережевывая бутерброд, обратил внимание на следы рук человека. Представьте обтесанное тупым топором дерево. Ведь на нем останутся затесы. Вот приблизительно такие следы, только чуть помельче, были на этом камне. Я запил холодным чаем бутерброд. Собрал остатки еды в рюкзак и внимательно осмотрел камень. Это была плита размером приблизительно метр на метр или чуть меньше и толщиной сантиметров десять.

Что это за камень? Попробовал сдвинуть за угол, он поддался без особого труда сантиметров на двадцать в сторону. Смотрю: под ним пустота, темный, уходящий вглубь провал, из которого веет холодом. Дрожащими руками зажег спички. Они сразу потухли, то ли от дождя, сверху, то ли от ветра из ямы, ничего рассмотреть не удалось. Тогда я отодвинул плиту, под ней увидел такое отверстие, что впрору пролезть человеку. Глубина около метра, а справа – ступенька и темнота. Кое-как осветил, чиркнув сразу несколько спичек, заметил еще ступеньки и ход, который расширяется ко дну. И стены, и ступеньки обтесаны, как плита. Думаю: «Что это такое?» Любопытство подстегивало меня. Не очень-то смело спустился вниз. На четвертой ступеньке можно было стоять уже в полный рост. Я снова зажег спички и увидел перед собой узкую каменную лестницу, крутые ступени которой вели вниз. Я робко пошел по ним, и эхо моих шагов, гулко перекатываясь, зазвучало далеко внизу.

На десятой ступени я остановился. Идти дальше мне расхотелось. Кончались спички, а чернильная темнота была бесконечна. Вход светлел сзади, вверху, маленьким четырехугольником. А ступени все так же круто уходили вниз.

Скажу откровенно, идти дальше без света побоялся. Подумайте сами, как мне было лезть под землю, если наверху дороги домой отыскать не мог? Зажег одну из последних спичек, повернул назад. Смотрю: на стене что-то выбито, то ли буквы, то ли знак какой-то. Спичка погасла, так толком и не рассмотрел, что там было. Рукой нащупал какие-то линии. Больше спичек расходовать не стал, а вдруг где-то ночевать придется. Только и сделал, что бросил небольшой

камешек, который долго-долго летел вниз, подпрыгивая по ступенькам.

Наверх из этой норы выскочил быстро, дрожа от непонятного страха. Задвинул плиту на место. Думаю: «Обязательно еще приду сюда», — и, взвалив на спину рюкзак, пошел по гребню, так и не поняв, что это за плита, что за лестница. Кто ее вырубил, для чего и за какое время в монолитной скале?

Туман все так же стелился над землей, его белесая пелена по-прежнему окутывала все вокруг. Блуждал я до самого вечера. В одном месте прямо из-под ног вылетела стая уларов. Только поздним вечером мне посчастливилось: услышал лай собак; ориентируясь на звук, вышел к животноводческой ферме.

Оказывается, я удалился от потерянной мною тропы километров на 25 совершенно в другую сторону

Много лет прошло с того памятного дня. Но это место до сих пор не дает мне покоя. Ходил туда уже много раз, да так и не нашел его вновь. Оно исчезло, словно привидение, ведь в горах столько склонов и заваленных плоскими камнями гребней...

Я все рассказал археологам, они согласились со мной, но, чувствуя, не поверили.

Их начальник так и сказал:

— Покажите ту каменную лестницу, тогда поверим и обследуем.

Но как им покажу, если я и сам не могу найти это место? Этот плоский камень размером чуть больше половины крышки стола, словно иголка в сене, затерялся в горах. Я сейчас с гарантией нашел бы его, если бы тогда не было тумана и если бы не заблудился сам.

Теперь ругаю себя: «Почему не пошел тогда вниз до конца по этой лестнице, ведь должна же она где-то кончаться? Или, когда выбрался наружу, почему не заметил место?» — так рассуждаю сейчас. А тогда одолевали другие мысли: «Не свалиться в пропасть, найти бы дорогу домой».

Вот такая история, в подлинности которой можно было усомниться, но смущало одно: если она была Костей выдуманна, то зачем — славы не прибавила, пользы не принесла. Даже после публикации никто к Рыбалко не обратился с предложением поискать то место, провести разведывательную экспедицию. Да и время, если напомнить, было не самое благоприятное для подобного рода поисков.

И лишь спустя годы, когда мы узнали о таинственном склепе, расположенном в районе селения Эльтюбю (то самое, о котором рас-

сказано в материале «Чегемские мумии»), поразились совпадению некоторых деталей, описанных в исторических документах и тех, о которых рассказал Костя: каменная плита, отваленная пастухами, ступеньки, ведущих в «храмину»...

Может, это то самое подземелье? Да если и не оно, а другое, не менее таинственное?! Ведь действие по сути происходит в одном и том же районе, а по большому счету – одном и том же месте (вспомним о километрах, пройденных Костей в тумане: он вполне мог оказаться в районе Эльтютю).

Но как найти подземелье, если сам Константин впоследствии так и не смог это сделать. Сегодня же на него рассчитывать вообще не приходится – с того света весточку не пошлешь.

Тем не менее, с кем бы мы не общались, особенно в Чегемском ущелье, постоянно рассказывали рыбалкинскую историю. И в одном из собеседников нашли самого заинтересованного слушателя. Речь об эльтютюбинском учителе и краеведе Исхаке Газаеве – том самом, о котором мы вскользь упоминали в ряде материалов первой книги данного издания. Впрочем, теперь самое время исправить эту оплошность.

...Как рассказать о необъятном, универсальном, о щедром и открытом человеке – таком, как Исхак Газаев? О его скромности, когда речь заходила о нем самом. Сколько раз он провожал нас к исторически приметным местам верховьев Чегема, сколько раз инициировал разговоры о необходимости сохранения памятников старины и культуры своего народа, и ни разу не обмолвился о собственных проблемах, главной из которых была драматическая история неиздания балкарского «Букваря», над которым работал фактически всю сознательную жизнь.

Да, он блестяще закончил казахскую школу, поступил в казахский вуз, но без Чегемского ущелья жизнь не была бы в радость, и он вернулся домой. К скалам, родникам, камням, хранящим следы иных цивилизаций, других верований и устремлений духа. Кропотливо собирал любые сведения о прошлом не только из книг, но и из рассказов старших, из устных преданий и героических песен. Исходил все окрестности, пытаясь выстроить картину жизни ущелья в далеком времени.

Говорят, он будто беседовал с известными Эльтютюбинскими мавзолеями, в непосредственной близости от которых жил и которые часто навещал. Он не устал от наплыва гостей, которым надо было

рассказать обо всем интересном и значительном. Обязательно о Великом шелковом пути, шедшем через перевалы Думала и Актопрак, о рукотворном чуде Эльтюбю – лестнице «Бетикле», о христианской обители, находившейся внутри громадной скалы, нависшей над речкой Зылги...

Рассказать и показать, ни разу не сократив и не обеднив текста, восхищаясь деяниями живших здесь некогда людей. Так искренне восхищаться, что это подзаряжало энергией и неподдельным интересом всех, кто слушал Исхака Газаева. А это были журналисты, в том числе московские, чиновники, туристы, школьники.

Он знал тонкости обычаев и обрядов и мог, если было надо, по всем правилам провести свадьбу либо похороны. Мог дать хороший совет, как справиться с болезнью. Мог отвлечься от священного для горца сенокоса, чтобы объяснить мимо проходящему то, что того беспокоило.

Да, примечали люди, не ради себя самого живет Исхак. Он был хорошим учителем, строгим воспитателем. Мог зайти вечером в сельский клуб, заметить тех, кого по возрасту там быть не должно, и отправить домой. И все понимали, что это не по вредности характера, а для пользы ребенка. Для складывания в маленьком человеке поведенческих нравственных установок, вписывающихся в национальный менталитет.

Вечерами и ночами читал и удивлял тем, что не позволял себе остановиться в поисках знаний, оправдываясь, как многие: тяжелая повседневность, сельский быт. Казалось, ему проще, чем другим, живется. На самом деле он занимал свой мозг занятиями, уводящими от быта и возвышающими над обыденностью.

Писал, размышлял, сочинял – некоторые плоды его творческих усилий были собраны в книге «Чистые помыслы двигали пером», которую мы издали в 2010 году. Сквозь слова проступает светлый лик их автора, жившего как все, но при этом тонко чувствовавшего историческую наполненность столетий, духовную преемственность поколений и свою личную ответственность, чтобы не прервалась связь времен.

Именно Исхак загорелся нашей историей и стал начиная с лета 2008 года планомерно заниматься поисками таинственного подземелья. Он определил ущелья, которые надо осмотреть в первую очередь и обошел их одно за другим. Он расспрашивал односельчан, охотников и пастухов, пытаясь свести воедино сведения разных людей, с надеждой обрести хоть какой-нибудь ориентир.

Какая-то надежда появилась лишь летом следующего года, во всяком случае поводом говорить об этом послужил тот факт, что Исхак посоветовал нам приобрести прибор, который позволяет находить пустоты и подземные ходы. Мы даже не знали, есть ли такой портативный аппарат, определяющий аномалии грунта, а если есть, то как и на каких условиях им можно воспользоваться. Дело затянулось, тем более что Исхак ничего конкретного не говорил.

Аппарат мы так и не нашли, когда в конце лета 2009 года раздался телефонный звонок и Исхак попросил приехать: ему кажется, что он нашел или само подземелье, или что-то похожее на него.

– Жду вас в субботу, – сказал Исхак, – так как в четверг приедут телевизионщики снимать фильм об ущелье...

...На следующий день он вместе с Исмаилом Жеттеевым проводил экскурсию для телевизионщиков. Был бодрым. Был ярким рассказчиком. Был... потому что вечером ему стало плохо. «Скорая» отвезла его в Чегемскую райбольницу. А через сутки он покинул наш мир.

– Не знаю, как без него, – горестно резюмировал глава администрации Булунгу и Эльтюбю Ибрагим Кулиев.

Найдутся другие экскурсоводы – исподволь готовил себе замену Исхак. Не иссякнет гостеприимство чегемцев – сакральная традиция горцев. На своих местах будут стоять дома и горы, только нет Исхака – живого воплощения души этих мест, духовного богатства, которого хватало на всех.

Он не создал семьи. Его сестра Шарипа всегда была рядом и разделяла его веру в могущество добра и знаний. Сельский фельдшер, она днем и ночью оказывала помощь односельчанам. Но своему брату помочь не смогла.

Если от дома Газаевых идти на сельское кладбище тропинкой, то посередине пути окажутся мавзолеи – свидетели и хранители вековых тайн. Незримая связь соединила их и Исхака. Сиротливо высятся они над Эльтюбю. И им, и нам его очень не хватает.

...Казалось, на этом история с мифическим подземельем и завершится, так как Исхак, как мы выяснили впоследствии, своими находками ни с кем не делился, в каком направлении осуществлял поиски – не рассказывал. Известно только одно: далеко от селения он не отходил, следовательно, если и сохранилась «подземная хранина» (та, которую видел Константин Рыбалко, или какая-то другая), то она располагается где-то поблизости от Эльтюбю.

И вот совсем недавно в издательстве появился сравнительно молодой человек с красным обветренным лицом и мозолистыми рука-

ми, в которые буквально-таки въелась земля. Представился он Асланом и вначале было непонятно, зачем пришел. Оказалось, он читал наш материал о чегемских мумиях, долгое время занимался поисками подземелья. И самое главное – нашел! Только вот что?

Из рассказа Аслана вырисовывалась такая картина: вместе с товарищами они нашли выдолбленное в скале подземелье, в которое ведут узкие ступеньки. Спустившись метра на три с половиной – четыре, обнаружили коридор, отходящий куда-то в сторону, но путь в него преграждал завал. Завал этот они смогли, правда, с превеликим трудом, преодолеть, расчистив его, но обнаружили, что впереди еще один.

– Он большой, метров шесть, – сказал Аслан.

И эта точная цифра в обозначении длины завала несколько насторожила: может быть, ребята и его раскопали? Уж очень натруженными были руки у парня. Тогда что там увидели землекопы? Ведь Аслан не сообщил ничего конкретного, не рассказал ни о каких находках. Только пообещал, что когда они пройдут все подземелье, он обязательно сообщит нам об этом. А может, и покажет. Но так и не перезвонил.

Блефовал ли наш третий рассказчик? Опять же: для чего, с какой целью и по какой причине? Неясным осталась и цель его прихода. Одни вопросы. А значит, тайна подземелья, вырубленного в одном из ущелий Скалистого хребта, от нас по-прежнему скрыта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Кабардино-Балкарская правда. 1984. 22 июня.

С ВЫСОТЫ АК-КАЯ

Баксанское и Чегемское ущелья соединяет перевал, начинающийся от селения Былым и выходящий к бывшему поселению Актопрак. С правой стороны перевальной дороги лежит Скалистый хребет, пересекающий Кабардино-Балкарию с северо-запада на юго-восток. Гряда со стороны Баксанского ущелья называется *Кочкарташ*, с противоположной – *Ак-Кая*. Единый горный массив этот неприступен, одолеть его со стороны Актопрака невозможно без специальной подготовки и снаряжения; он по силам лишь опытным скалолазам.

В ясную летнюю погоду величественный массив, купающийся в солнечных лучах, словно плывет в воздушном море, сливаясь с небесной синью. Снизу, с дороги, кажется, что облака вот-вот упрутся в него или, по крайней мере, заденут о край. Но они проплывают мимо, подгоняемые восходящим потоком ветра, бессильно бьющимся о неразрушимую стену хребта.

Смотреть на это завораживающее зрелище можно бесконечно долго. Вот как описывает увиденное русский путешественник В. Я. Тепцов, побывавший в этих краях летом 1891 года: «Долина речушки вывела нас на красивое волнистое плоскогорье Гаргулдун. Перед нами широко расстилалась изумрудная равнина, окаймленная с севера хребтом Лха и с юга хребтом Кёкташ. На востоке глубоко под нами прорезывало скалы узкое ущелье Чегема. По этой нагорной равнине текли довольно большие ручьи, встречались болота и топи. Табуны лошадей и овец унизывали собой многочисленные холмы, которые и формой, и расположением в совокупности производили впечатление застывших волн моря»¹.

Стоя на высшей точки перевала обязательно ловишь себя на мысли: «Вот бы обрести крылья и в мгновение ока оказаться на верху хребта, подойти к его краю и окинуть взглядом окрестности».

В 2009 году мы решили воплотить эту мечту в действительность и подняться на хребет со стороны Чегемского ущелья, проехав по его верховьям к Ак-Кая. Нас предупреждали: дорога, ведущая к пастбищам, за последние годы пришли в запустение, в ряде мест практи-

чески непроходима. Тем не менее мы решили рискнуть и в один из последних майских дней двинулись в путь.

Начали свое путешествие с Нижнего Чегема, где, в беседе с местными жителями, уточнили маршрут. Очень помог дядя нашего спутника, Кайсына Жазаева, — пригвожденный болезнью к инвалидной коляске, но от этого не потерявший интереса к жизни. Его рассказ о событиях, имевших место какое-то столетие назад, особенно о взаимоотношениях балкарцев со сванами — их постоянном соперничестве и стычках — был так живописен и одухотворен, словно события эти происходили только вчера, но если уж не вчера, то месяц или в крайнем случае год назад. Столь образна и сильна родовая память у горцев.

Сразу вспомнились воспоминания знаменитого английского альпиниста Альфреда Маммери. Того самого, который совершил в июле 1888 года сверхбыстрое восхождение по южному гребню Дых-тау (туда и обратно за одиннадцать часов!). О своих приключениях Маммери поведал в книге «Мои восхождения в Альпах и на Кавказе», переведенной по заказу нашего издательства. Написанная живым слогом, ироничным, образным языком, она содержит ряд весьма интересных наблюдений о горских татарах (так европейцы называли балкарцев). Смысл сказанного англичанином можно выразить коротко: удивление — оказывается, и здесь, вдали от цивилизации, живут люди, достойные уважения и добрых слов; которые много чего не знают, но твердо следуют принципам, завещанными философами древности: люди существуют друг для друга. Во всяком случае, должны...

О взаимоотношениях балкарцев с соседями Маммери, в частности, пишет: «Наш татарин, прежде озабоченный сложностями горвосхождений, поделился с нами мнением о сванах. В его голосе звучала радость при описании дикой ярости, испытываемой им от рукопашных схваток. Было ясно: он придерживался мнения, что удовольствие таится в искусном умении подкрасться к противнику и выстрелить в упор из-за удобно расположенных камней. Беседа иллюстрировалась таким богатством жестов и мимики, что наше почти полное непонимание его языка никак не сказывалось на понимании его рассказа».

Столь же ярок был рассказ и далекого предка того «татарина», нашего современника из рода Жазаевых. Под впечатлением от этого рассказа мы и начали подъем к верховьям Ак-Кая.

Его начало не представляло особых трудностей. Кайсын, бывавший здесь неоднократно, то и дело останавливает наше внимание

на местных достопримечательностях: целебном роднике с ледяной водой – горло прямо-таки немеет от ее температуры; огромном каменном мельничном жернове, неизвестно когда и кем затащенном на одну из вершин по левую сторону от дороги. Мы, кстати, попытались одолеть ее, так сказать, с разбегу, на одном дыхании, и очень быстро выдохлись: вот он, совсем рядом, верх склона, но поднимаешься на него и видишь, что за ним нависает следующий, далее – другой, затем еще один и еще...

Вершина, до которой, казалось, рукой подать, все выростала и вырастала, нависая над долиной, над дорогой, которая превратилась в узкую ленточку. Но подъем стоил затраченных усилий – открывшийся вид ошеломлял своей пронзительной красотой: горное бескрайнее море разбегалось во все стороны, уходило за горизонт, вздымая по пути волны-вершины разной высоты и покатости, каждую из которых отличала ослепительно изумрудная окраска.

Спускаемся вниз, в некоторых местах буквально прорываясь сквозь низкостелющиеся заросли рододендронов, и едем по дороге дальше через места с говорящими названиями. Вот Сары-Тюз – *желтая долина* – она действительно именно этого цвета. Здесь множество древних захоронений, часть из которых разрыта, что позволило увидеть: люди, жившие здесь многие столетия назад, хоронили своих умерших в сидячем положении.

Вот местечко Гымыхла, что переводится как *низкорослая трава*. И действительно, трава здесь, вероятно, в силу затененности данного участка, не набирает силы и по высоте куда как ниже, чем растущая поблизости.

Вот возвышенность, называемая *Тауклу дуппур курица* – слово *курица* в данном случае подразумевает тетерева, а все словосочетание переводится как *Тетеревиная сопка*. Но, видно, давно дали сопке такое название. Тетеревов – птиц из отряда куриных, которые здесь, по рассказам пастухов, буквально кишели (шагу нельзя было ступить, чтобы из-под ног не вылетел самец, блестящий черный красавец, или самка, скромная небольшая птица серой окраски) – мы так и не увидели.

Едем дальше. Виды все удивительнее. Каньоны, уходящие далеко-далеко вниз по правую и левую сторону дороги. Пунктирные линии деревьев, прорезающие лежащие внизу плоскости, – они выросли в местах, где проложили себе дорогу горные ручьи.

Дорога не просто взбирается вверх, в какой-то момент кажется, что она упирается вертикально в гору. Удержаться, кажется, невоз-

можно. Тем более если, повторимся, долгие годы за дорогой не было никакого ухода. По этой причине в некоторых местах она представляет из себя нагромождение камней разной величины, налезających — из-за узости отведенного им ложа — друг на друга.

Как двигаться по этим каменным выносам? Вздвигаемся, словно каракатицы, на один из камней, с него переваливаемся на другой. То и дело выходим из машины, смотрим, где можно протиснуться, а где прямо-таки пролезть, чуть ли не обдирая бока машины.

Справа во всей красе вздымается огромный массив хребта Кач-корташ. В какой-то момент дух захватывает от лежащей внизу перспективы — если сорвемся, лететь предстоит долго-долго, переворачиваясь несчетное количество раз.

Дорога проложена с одной вершины на другую, кое-где спускается в лощины, чтобы буквально тут же неутомимо лезть вверх. И наконец, она в прямом смысле слова исчезает, смытая дождями и снегами — от нее не осталось ничего, кроме еле заметной пунктирной линии.

Ориентируясь по карте, выясняем, что находимся в местечке Кара-Баши — примерно чуть выше уровня бывшего поселения Гюдюрю, расположенного по правую сторону Чегемского ущелья. Следовательно, до перевала осталось каких-то два–три километра, которые можно преодолеть только пешком.

Но облака плывут прямо на нас, заполняя собой все пространство вокруг. В какие-то считанные минуты мы оказываемся в белесом маре, которое сгущается и темнеет чуть ли не глазах. Даже если мы сегодня доберемся до края горных круч, то ничего сверху не увидим — красоты долин и каньонов, лежащих под Скалистым хребтом, не откроются перед нами. Надо поворачивать назад, тем более помня, во что может превратиться дорога под весенним проливным дождем. Обидно, ведь именно там, впереди, как рассказывали пастухи, имеются захоронения, представляющие из себя пещеры-склепы, в которых выбиты каменные лежаки и столы.

Что ж, посидим на сооруженных древними ложах в следующий раз.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Черема. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2009. С. 74.

ГОРА-МОГИЛЬНИК

Сказать, что добираться сюда далековато, ничего не сказать. Из наших поездок по республике, эта — одна из самых протяженных. Ранним утром выехали из Нальчика, где-то через час с небольшим добрались до селения Каменномоетское, взяли проводника, достаточно хорошо знакомого с конечным пунктом нашего назначения. Резуан (ему уже за шестьдесят) исходил те места вдоль и поперек — в летнее время с колхозным скотом ежегодно выезжал на отгонные животноводческие пастбища.

Мы решаемся, несмотря на то что количество километров, которые, по словам Резуана, предстоит преодолеть от Каменномоетского, зашкаливает за сто.

«Как это может быть, — удивляемся, — вся республика по длине немногим больше, а мы уже сколько проехали?!» — И с надеждой, что проводник, как это всегда бывает в горах, несколько преувеличивает, едем.

Вот и селение Кичмалка, где асфальтированная дорога заканчивается; поворот на знакомый нам Лохран, новая многорядная дорога до Долины нарзанов и петляющая из стороны в сторону «Джилы-суйская трасса»... Проезжаем по ней что-то около двух десятков километров — до таблички, указывающей поворот на Бечасын.

Если до этого ехали по дороге, то теперь перед нами то, что осталось от нее. Огромные вымоины, проделанные водяными ручьями, так полюбившими дорожное ложе; невероятной величины лужи, внушающие страх одним своим видом, а уж глубиной и давно. И это притом, что дождь прошел несколько дней назад.

Дорожная колея темно-коричневая, следовательно, ручьи, текущие здесь, насыщены железом, земля вязкая, сплошная жижа. И так с добрый десяток километров.

Останавливаемся у поворота, где Резуан предлагает выйти. Оказывается, отсюда до интересующего нас объекта можно добраться двумя путями — пешком, спустившись в котловину, а оттуда поднявшись на гору, и по дороге, которая проложена, по словам проводника, практически до цели нашего путешествия.

Один взгляд на расстояние до горы вызывает сомнения в реально-

сти одолеть этот многокилометровый промежуток за один световой день. Решаемся использовать транспорт, хотя слова проводника о протяженности дороги («Наверно, километров двадцать, не больше») вызывают тревогу. Но опять же хочется верить в лучшее.

Ох, где же оно, это лучшее? Спустя продолжительное время и невероятное количество заполненных водой дорожных впадин, которые наша машина преодолевает чуть ли не вплавь, подъезжаем к молокозаводу, что на территории уже соседней республики – Карачаево-Черкесии. Далее направляемся к развалинам штаба отгонных пастбищ Зольского района. Здесь дорога как таковая и заканчивается.

Теперь надо двигаться по тому, что полтора десятков лет называлось дорогой, а сегодня стало частью пастбищ – колея заросла травой, и лишь в некоторых местах, на склонах, можно заметить, что когда-то здесь успешно ездили люди. И так километр за километром.

Как Резуан находит колею, остается только удивляться – трава одной высоты и повсюду одинакова. Два часа, отведенные проводником, заканчиваются, а мы, все также натужно ревя, лезем и лезем неизвестно куда. Склоны в некоторых местах настолько круты, что машина, как живая, замирает на них на какое-то время и только потом начинает медленно и нерешительно сползать вниз.

Наконец мы останавливаемся у столь крутого спуска, что передвигаться по нему если и возможно, то лишь хватаясь руками за траву. Оказывается, мы добрались до цели, расположенной у слияния рек Харбас и Шидактуб. Смотрим на спидометр – проехали от поворота, где Резуан предложил спешиться и пройти пешком, не 20, а целых 33 километра; из них 14 – от штаба пастбищ по сплошному бездорожью. Ничего не скажешь, хороша прогулочка!

...После примерно стометрового спуска перед нами возникает еще одна уходящая вниз чуть ли не под углом девяносто градусов гора, которая и является так называемым Городом мертвых. Оглядываемся, и понимаем, что мы действительно находимся на кладбище – грандиозном, поражающем своими размерами. По едва выглядывающим из земли буграм, на каждом из которых растет березка, угадываются контуры захоронений.

А вот и уже раскрытые черными археологами могилы. Они представляют из себя большие – около четырех, а некоторые и пять метров длиной – каменные ящики. Выложенные весьма основательно, более того – тщательно закрытые сверху массивными плитами.

Черные копатели подрывают могилы сбоку. Что они надеются в них найти? Ведь известно, что в подобных захоронениях особых

ценностей не встречается. Вспомним, что писали известные ученые Миллер и Ковалевский в своей знаменитой работе «В горских обществах Кабарды»: «...гораздо сложнее способ погребения выше в могильнике, на горе Донгат, в $\frac{1}{2}$ версты от нижнего могильника. Здесь мертвецы в довольно глубокой яме (2 и $1\frac{1}{2}$ аршина) обставлялись поставленными на ребро плитовидными камнями, которые, таким образом, представляли каменный ящик в форме гроба. Такой гроб сверху прикрыт плотно пригнанными одна к другой тремя плитами. Разрытые нами 3 могилы оказались крайне бедны вещами: нам попало лишь несколько пуговиц от пояса и бронзовых бляшек. Нет никаких признаков оружия. Местность, близ которой расположен верхний могильник, носит следы христианства. Некоторые могилы были обозначены поставленными стоймя плитами с высеченными в них крестами. Много таких плит было перенесено в одно место и послужило для ограды загона для скота. Нам удалось разыскать 6 таких могильных плит. Неподалеку от могильника есть довольно обширная пещера в скале, которая, судя по находящимся в коридоре человеческого костям, служила катакомбой. Из этих признаков и из крайней бедности могил верхнего могильника, можно предположить, что на верху горы была некогда монастырская обитель и что костяки, погребенные в каменных гробах, принадлежат монастырской братии. Большое множество всяких бус, бронзовых фибул, шил, зеркал, пряжек, стрел и даже золотых вещей было найдено в нижнем, сильно испорченном могильнике. Чегемцы принесли к нам довольно много вещей из прежних раскопок, так что мы могли составить порядочную коллекцию. Большинство вещей совершенно того же типа, как вещи из камунтских могильников в горной Осетии. Конечно, большинство предметов украшения не местного происхождения, а получались путем торговли или набегов: здесь вы находите в изобилии бусы из египетской пасты, египетские скарабеи, резные камни с иероглифами, бусы из золоченого стекла, опала, сердолика, стеклянные головки негритянского типа и т. п. Все это могло заходить на Кавказ во времена римского владычества в Закавказье и, раз попав в руки тогдашних красавиц, переходить из поколения в поколения. Там, где вещей мало, их, конечно, всячески берегут. Что касается черепов, то опять виденные нами не имеют никаких признаков монгольского типа и, конечно, принадлежат не предкам нынешних чегемцев»¹.

Этот вопрос: кому принадлежат черепа и кем осуществлены захоронения? — главный в нашем случае. Прежде всего скажем, что они

не описаны в труде И. М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии», содержащем ни много ни мало – 377 археологических объектов.

Более того, они отличаются, и весьма существенно, от других. Уточним чем. Во-первых, каменные ящики достаточно внушительны, тем не менее в них (естественно, в тех, что нам удалось осмотреть) был размещен лишь один костяк. Во-вторых, череп захороненного очень мал, чуть ли не детский. В-третьих, могилы расположены рядами – они словно опоясывают гору. Выкопаны примерно на одинаковом расстоянии друг от друга – где-то около 4–5 метров. Почва рядом с ними просела, а это говорит о том, что сравнительно давно (не в наше время и даже не сотню-другую лет назад) могилы вскрывались, вероятно, с целью грабежей.

Разрытых же повторно, уже в наши дни, захоронений сравнительно немного. Удивительно и то, что над каждой могилой выросла березка – скорее всего, семена этого дерева, уже в более позднее время, когда могилы разрывались, попадали в земляные холмики, выживали, вырастали, став тем самым своего рода надгробными памятниками.

Поражает и то, что для захоронений оказалось выбрано столь неудобное место – чтобы выкопать землю на таком отвесном склоне, надо было приложить немало усилий. А для сооружения самих могил, усилия эти удвоить, так как камни для ящиков приходилось доставлять издалека, скорее всего от реки, бегущей в глубине ущелья. А это многие сотни метров. Во всяком случае относительно плит, коими закрыты сами гробницы, это замечание видится верным.

Далее, то, что представляется нам наиболее важным. Нигде поблизости мы так и не смогли найти что-то вроде поселения. Его нет ни внизу, ни в других относительно ровных местах. Нет ни развалин бывших жилищ или культовых сооружений, даже групп камней. Кроме того, мы не смогли обнаружить хоть какие-нибудь металлические изделия – не расстающийся ни на минуту с металлодетектором Арсен Бишенов облазил все вокруг, но ничего так и не нашел. Тем более что поиск не представлял трудностей – место это столь далеко от туристских троп, что полностью лишено бытового мусора. Надолго ли, вот вопрос...

Что же это за кладбище? Расположенное в десятках километров от ближайших поселений, оно по сути своей алогично. Воинское? Но размещение захоронений свидетельствует, что они происходили не одновременно, а со значительными временными промежутками.

Да и не отличаются воинские захоронения такой тщательностью, тем более не требуют сооружения могильных ящиков для каждого умершего.

Могил, как мы уже отметили, здесь многие-многие сотни. Они начинаются у основания горы и рядами поднимаются практически к самой ее верхушке. В одной, сравнительно недавно вскрытой, но не до конца обкраденной, мы обнаружили поломанный кувшинчик и чашку. Интересно, что о них скажут археологи...

Место это рождает множество вопросов, на которые затруднительно получить однозначные ответы. Сюда надо приезжать не на день, а с продолжительной экспедицией. Но это уже имеет отношение к специалистам. А нам предстоял многокилометровый – чуть ли не двести километров! – обратный путь. И спустя два часа мы тронулись, с надеждой когда-нибудь еще раз вернуться в удивительный Город мертвых, похожего на который в республике больше нет.

Город, тайна которого когда-нибудь обязательно будет раскрыта...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. Вып. 4. С. 32–33.

КАЛЕЖ, ОСЕНЕННЫЙ КРЕСТАМИ

«Калеж» означает *старая крепость* (от заимствованного из тюркского «кьалэ» — *крепость* и «жы» — *старый*). На Северном Кавказе это название привычно и достаточно распространено. Известен населенный пункт (в частности, в Краснодарском крае) так называющийся.

Вспомним мощную крепость на горе Калеж около селения Хумара, что в 11 км севернее города Карачаевска, с которой некоторые исследователи отождествляют крепость Схемарий — ту самую, где умер преподобный Максим Исповедник (580–662), христианский монах, богослов и философ.

В Кабардино-Балкарии одно из мест на реке Малка (севернее старого разрушенного моста на подъеме от древнего русла), поблизости от одноименного селения, старожилы, и поныне называют Калелем.

Нас же интересует гора Калеж, что находится по правую сторону реки Малка, в пятистах метрах от въезда в селение Каменноостское; а если уж быть точными, то Восточное городище Калеж (кьалэжь ищхьэрэ). И вот почему. Местный житель Арсен Бишенов, о котором мы уже рассказывали ранее, излазил «Калележку» вдоль и поперек с металлодетектором и нашел здесь многие сотни (в этой цифре нет никакого преувеличения!) христианских крестов. Причем, находились они не в глубине, а практически на поверхности. Порой создавалось впечатление, что, с одной стороны, кресты просто-напросто побросали на землю, втоптав в мягкую почву конскими копытами, а с другой — люди и сами срывали их с себя в преддверии какой-то грядущей опасности, грозящей христианам неминуемой смертью. О последнем говорит тот факт, что множество крестов — самых разных: из железа, бронзы, серебра; от малюсеньких до огромных; нагрудных и нательных — лежали вместе, чуть прикрытые почвой или непосредственно под камнями.

Что же это было? Думается, только одно событие в нашей недавней истории (по залеганию крестов и их сохранности можно вести речь о пяти-шести столетиях) может лежать в основе происшедшего, а именно нашествие Тамерлана, оставившего на исходе четыр-

надцатого века кровавую память о своем пребывании на территории нынешней Кабардино-Балкарии. Мы уже писали об этом в очерке «Джунат, помнящий великого завоевателя» (см. первую книгу этого издания).

Общеизвестно, что воины Тимура отличались особой жестокостью. И в основе этой жестокости лежало, словами исследователя В. В. Бартольда, «утонченное, болезненно извращенное зверство» «железного хромца». Фактов сему в истории предостаточно.

Вот что писал епископ Султании в своих воспоминаниях о Тимурленге, рукопись которых хранится в Национальной библиотеке Парижа: «Не отыщется в мире человека более безжалостного, чем этот, и если на его глазах обезглавят сотню тысяч взрослых мужчин, женщин и малолетних детей, это не произведет на него ни малейшего впечатления – сердце его не дрогнет. Ему не раз и не в одном городе доводилось вырезать полностью все население, вплоть до последнего грудного младенца, и не случалось такого, чтобы он проявил жалости даже к столетнему старику, не говоря уж о мужчинах или женщинах.

...Взяв Дамаск, он вошел в город. Возле мечети Умара один из выдающихся мусульманских ученых Низамуддин Шами обратился с мольбой к Тимурленгу, заклиная его отказаться от намерения истребить население Дамаска. В ответ Тимурленг воскликнул: «Если бы ты не был ученым, я бы приказал содрать с тебя живого кожу!» В Дамаске он казнил столько жителей, что в живых не осталось никого, кроме тех, кто владел искусными ремеслами, ученых и литераторов.

...Во время похода на Рум Тимур-беку довелось осаждать некий город, расположенный между Арменией и Ангорой, и когда он взял тот город, велел побросать всех его жителей в колодцы, все те колодцы были забиты до отказа людьми, которых бросали в них живыми».

Я не думаю, чтобы в мире нашелся человек более жестокий, чем Тимурленг, возможно и в будущем не найдется такого, который превзошел бы его в этом отношении.

Нам видится, что точно так же воины Тимура поступили и с жителями крепости Калез, вырезав их всех до единого и вывесив на вершине горы черный флаг. Это означало, что город или крепость стерты со страниц Книги Бытия. И это на самом деле произошло – сегодня даже ученые не имеют представления, что находилось на этом месте.

Нам же кажется, что многочисленные находки крестов (сегодня их количество приближается к трем тысячам!) могут служить доказа-

тельством тому, что в районе селения Каменноостское располагалась одна из структур Аланской епархии – так называемые епископства, а именно Епископия Ахохия, сведения о которой содержатся в одном из актов Константинопольской патриархии, датированном 1364 годом.

Известный ученый Владимир Александрович Кузнецов в своей работе «Христианство на Северном Кавказе до XV века» пишет: «В этом акте, связанном с именем Аланского митрополита Симеона, перечислены его владения: церковь Богородицы Утешительницы в Трапезунде с клиром и принадлежащими угодьями, церковь Богородицы Афинской в Сотириуполе и земли «около Алании, Кавказии и Ахохии».

И далее ученый, вслед за исследователями начала прошлого века В. Томашеком и И. Маркрафтом, локализует Ахохию на Центральном Кавказе, высказывая предположение, что «термин «Ахохия» происходит от осетинского «хох», как осетины называют горные вершины от Казбека до Кассары. В XVIII веке в грузинской литературе существовало понятие «хохский» Кавказ, прилагавшееся к горам Северной Осетии, что засвидетельствовал Вахушти. Это дало мне основание сделать вывод, что понятие XIV века «Ахохия» соответствует горной зоне Северной Осетии»¹.

Другой исследователь – С. Н. Малахов, отмечая, что «до сих пор слабо изучены динамика этнотерриториальных границ епархии, характер и взаимоотношения Аланской митрополии с сопредельными *диоцезами* ², ее организационно-административная структура, уровень религиозного сознания прихожан»³, также придерживается версии локализации Ахохии на Северном Кавказе, определяя ее епископальный центр в районе Нальчика. Он, цитируя фольклорные сведения Шоры Ногмы о христианском епископе, рассуждавшем «о Законе Божиим с вершины Лесистого кургана, также склоняется к тому, что «епископия... в этническом отношении была адыгской (кабардинской), подчинялась Аланскому митрополиту и, скорее всего, после похода Тимура на Северный Кавказ в 1395 году прекратила свое существование»⁴.

В. А. Кузнецов также допускает, «что епископия Ахохия занимала равнину предгорной Большой Кабарды и на ее территории располагались могильники Каменноостский и Жанхотеко. Где находился ее центр и главный храм – мы не знаем, но то, что она в XIV веке существовала и была подчинена Аланскому митрополиту, вполне достоверно. Не исключено, что епископия Ахохия, но под иным названием,

была создана и функционировала уже в домонгольское время, ибо наиболее ранние следы христианства здесь зафиксированы в VIII–IX веках в катакомбах «Песчанки». Конечно, это самое осторожное допущение. Остаются неопределенными и границы епископии Ахохия»⁵.

Берем на себя смелость утверждать, что центр епископии Ахохия находился именно в районе нынешнего селения Каменноостское – слишком уж много материальных доказательств служат доказательством этому. Другой вопрос, что доказательства эти не введены в научный оборот, разошлись по личным собраниям частных коллекционеров. Остались лишь фотоснимки. Но отраженное на них впечатляет.

В целом же в замечательно изданной и глубокой работе В. А. Кузнецова непростительно мало внимания уделено христианским памятникам на территории нынешней Кабардино-Балкарии. Вот что, в частности, ученый сообщает: «Древнее христианство на территории Кабарды было, об этом прямо свидетельствуют его материальные следы. Так, в старой печати промелькнули данные о древнем полу-сохранившемся храме с кладбищем «в пустынных горах близ русла реки Баксан», но эти сведения остались непроверенными. По информации В. Тепцова, близ Озороково, на левом берегу есть развалины церкви и могилы вокруг нее. На остатках восточной стены сохранился выбитый на камне крест – «фактическое указание на то, что долина Баксана в древности была обитаема христианами». Этот материал также остался неопубликованным и тем более недатированным. Поэтому, на мой взгляд, решающее значение имеют достоверные находки монументальных каменных крестов, не уступающие по информативной ценности остаткам храмов (четыре плиты с крестами и греческими надписями из Баксана (Гунделен), из селений Кызбурун и Чегем). Высеченные на камнях кресты и «кое-где надписи, кажется, греческие», засвидетельствованы в районе Голубых озер. Но наиболее значительные объекты выявлены в предгорьях Кабарды. У аула Кармовского, в 45 км от Пятигорска, на участке Хабижа Абдрахманова, было случайно найдено пять каменных крестов, вытесанных из белого и розоватого камня. «Кресты эти одни имели форму квадратной удлинённой плиты, на одном конце которой вытесан крест по форме Георгиевского креста, а на самой плите высечена фигура дугообразного цветка, как обыкновенно мы видим такие фигурки на серебряных изделиях с чернью кавказской работы; на

других круги и шарообразные выемки; третьи просто по краям окаймлены лентой вышиной от 1,5 до 3 аршин». По словам Абдрахманова, на участке у озера при рытье земли часто встречаются такие кресты и плиты с высеченными на них крестами. Однажды Абдрахманов нашел там медную икону с ликом Богоматери с младенцем. В 1962 году в этом же месте найден бронзовый энколпион из двух половинок. На лицевой стороне креста — фигура Богоматери, на оборотной — Распятие. Энколпион может быть датирован XIII–XII веками, и не исключено, что он происходит из христианского могильника с каменными крестами. В таком случае мы получаем хотя бы приблизительную дату христианского кладбища и крестов с участка X. Абдрахманова.

Второй важный для нас археологический объект — обломки 30 крупных туфовых крестов, случайно открытые в 1977 году у селения Жанхотеко на берегу реки Баксан. Кресты покрыты весьма своеобразным орнаментом, включающим в себя изображения крестов, полумесяцев, круглых углублений, спиралей, треугольников и т. д. Наиболее характерным и ярким элементом следует считать «древо жизни» на кресте 3. Жанхотекские кресты датируются XIV — началом XV века, то есть золотоордынским периодом. Судя по этим фактам, христианские кладбища близ Кармовского Каменномоостского и Жанхотеко одновременны и могут быть датированы XIV веком — временем создания и упоминания в церковных актах епископии Ахохия»⁶.

Этот список сегодня можно дополнить множеством других свидетельств и фактов. Кстати говоря, поблизости от Калежа — чуть выше, над карстовыми озерами, — есть еще одно место, кабардинское название которого звучит как «папасова земля», то есть место, где жил священник. На вершине отвесного кургана, подъем на который достаточно затруднителен, видны развалины жилища. Остатки фундамента позволяют сделать вывод, что оно состояло из нескольких комнат и предназначалось для проживания епископа. Тут же вспоминается знаменитый Лесистый курган, в котором, по преданию, обитал византийский епископ (см. материал «Курган с серебряной дверью» во второй книге данного издания), как и описание «папасового жилья» в Верхнем Чегеме, сделанное В. Миллером и М. Ковалевским в их работе «В горских обществах Кабарды»: «К одному естественному гроту саженей в 5 вышины с правой стороны была прилеплена какая-то постройка в виде каменного домика, которого заднюю стену образовала одна сторона грота. Это место до сих пор зовется *папасовым* жильем (то есть поповым). Недалеко от него другой, меньший грот,

по-видимому, был утилизирован как часовня. В нем виден каменный уступ, на котором когда-то стояла икона; к уступу ведут с правой стороны несколько высеченных в камне ступеней. Еще ниже близ реки виднеются могильные камни с изображениями крестов. Стороны гротов, входившие внутрь часовни и папасова жилья, до сих пор носят следы штукатурки. Ходит предание, что в одной из пещер когда-то была найдена гряда старинных книг, писанных на пергаменте. Но подобное же предание нам случалось слышать и в других местах»⁷.

Означенное позволяет сделать вывод, что на территории Кабардино-Балкарии находилось несколько епископий Аланской епархии, просуществовавших вплоть до XV века: Ахохия — поблизости от нынешнего селения Каменномостское; Кавказия — в районе селения Верхний Чегем и та, что находилась в четырех верстах от крепости Нальчик на Лесистом кургане, где «шехнику (то есть епископу) был скован дом из жести с дверьми из литого серебра...»⁸.

...Название у этого очерка вначале было другим: не *осененный* крестами, а *усеянный*. По сути последнее вернее, а по смыслу — нет.

Черный флаг, поднятый над Каледжем, сгинул во времени, а кресты, спустя столетия, вернулись к людям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск: Снег, 2007. С. 119.

² Церковно-административная территориальная единица в Римско-католической, Англиканской, Шведской и некоторых других церквях, во главе которой стоит архиерей (епископ или архиепископ).

³ Малахов С. Н. К истории Аланской митрополии Константинопольского патриархата (Местонахождение византийской Ахохии) // Мир православия. Волгоград: Волгоградский университет, 1998. Вып. 2. С. 20.

⁴ Там же. С. 22–23.

⁵ Там же. С. 120–121.

⁶ Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 119–120.

⁷ Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. Вып. 4. С. 31–32.

⁸ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 77.

ИЗ КНИГИ В. А. КУЗНЕЦОВА «ХРИСТИАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ДО XV ВЕКА»¹

Епископия Кавказия. Как уже отмечалось, Кавказия как подразделение Аланской епархии, фигурирует в акте Константинопольской патриархии 1364 года. Это не единственное упоминание Кавказской кафедры в источниках. Известно, что на соборе в Константинополе при императоре Андронике Палеологе (1282–1328) присутствовал епископ Кавказский Василий. Комментируя данный факт, П. Иосселиани писал: «Где была кафедра Кавказского епископа, доньше еще неизвестно». В нотациях времени того же Андроника Палеолога Кавказская митрополия следует за Литовской, учрежденной в 1292 году, и занимает 83-е место. Очевидно, Кавказская митрополия была учреждена в самом конце XIII века, после татаро-монгольского нашествия и установления на Северном Кавказе господства Золотой Орды. В приписке № 87 к синаксарию (кратким житиям святых) упомянут Кавказский архиепископ Савва, умерший в 1318 году. Возможно, что Савва был вторым после Василия епископом Кавказским. Последнее упоминание Кавказии приводится в акте 1356 года, где говорится о самочинных действиях архиерея Алании, рукоположившего епископа на Кавказскую кафедру, причисленную к Святейшему синоду.

Где находилась епископия Кавказия? Поскольку она была в ведении митрополита Алании, искать ее следует недалеко от Ахохии, ибо в акте они поставлены рядом. Само название «Кавказия» содержит в себе конкретно-географическую информацию о Кавказских горах. Я уже касался данного вопроса и пришел к заключению, что наиболее вероятный вариант – отождествление Кавказской епископии с Верхним Чегемом в Балкарии, ибо здесь наблюдается концентрация христианских древностей. Первые сведения о них в 1826 году сообщил кизлярский дворянин Алексей Тузов, побывавший в верховьях реки Чегем: он видел две каменные церкви, которые «во всякой целости, токмо без глав и стоят впусе», несколько фундаментов и стен бывших часовен с «иконным писанием» и греческие книги. В 1793–1794 годах Северный Кавказ посетил академик П.-С. Паллас. Он также упоминает церкви Чегема, из которых происходят листы Евангелия на греческом языке и другие церковные книги. В начале XIX века о древнехристианской церкви Чегема писал Ю. Клапрот, которому удалось получить оттуда листы от Евангелия. Видимо, это было то Евангелие, о котором знал П.-С. Паллас.

Клапрот отнес Евангелие к XV веку и заметил, что рукопись содержала много ошибок переписчика, то есть была списана с более раннего оригинала. Наблюдения Ю. Клапрота ценны тем, что подтверждают факты переписывания книг в пределах Аланской епархии, о чем говорилось выше. Чегемская церковь имела 3 сажени в длину и стояла на скале, по которой вверх шла тропинка с парапетом. Это реальность: в Верхнем Чегеме, на левом берегу реки Джылгису, действительно существует так называемая Греческая лестница, вырубленная в скальном массиве и по-балкарски именуемая *Битикле*. В Верхнем Чегеме сохранились остатки трех (есть сведения о четырех) церквей, небольших (максимальная длина церкви 2–11,3 м, ширина 6 метров) и описанных в публикациях обобщающего характера. Довольно обстоятельно древности Верхнего Чегема описали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, побывавшие здесь в 1883 году. Они подтверждают существование «Греческой лестницы» с каменными «перильцами»; построек, местным населением, называемых «папасовым» жильем, то есть поповым; близ реки они видели могильные камни с изображениями крестов. Ходит предание, что в одной из пещер когда-то была найдена груда старинных книг, писанных на пергаменте. Особо выделены христианские могильники на горе Донгат, обозначенные вертикальными плитами с христианскими крестами. Несколько плит с крестами под горой Донгат было найдено в 1959 году Е. П. Алексеевой.

Греческое Евангелие, греко-византийские кресты на надгробных плитах, балкарское название церкви «килиса», явно производное от греческого «эклесиа», — все это, несмотря на местный характер строительства чегемских церквей, говорит о проникновении сюда именно византийского православия, причем в золотоордынский период XIII–XV веков, что соответствует времени упоминаний Кавказской епископии в документах. А это, в свою очередь, и позволило нам локализовать Кавказскую епископию в Верхнем Чегеме. Это была самая удаленная и глухая епископия Аланской епархии, по тем временам почти недоступная. Вероятно, именно ощущение своей «самостийности» и претензии на независимость епископа Кавказии породили спор митрополита Алании с Синодом. Аланский иерарх отстаивал зависимое положение Кавказии, ее епископский, а не митрополичий статус (на что, очевидно, посягал Кавказский епископ).

Интересный объект открыт П. Г. Акритасом в 1959 году у селения Актопрак на горе Мырсы. Это церковь длиной 7,2 метра с полукруглой восточной стеной-апсидой. Но самое существенное — «корыто», выдолбленное в большом камне; размеры «корыта» 120x90 сантиметров. Поскольку «корыто» расположено рядом с церковью, мы вправе предполагать в нем купель для крещения; на территории Аланской епархии это вторая купель и первая в ареале епископии Кавказия.

Очертить владения епископов Кавказии не представляется возможным. Думается, что предгорная равнина принадлежала в духовном отношении епископии Ахохии. Поэтому юрисдикция (или ее видимость) епископа Кавказии, скорее всего, могла ограничиваться горными ущельями Балкарии и частично Северной Осетии, особенно ее западной части — Дигории. Далее на восток в горах Осетии преобладающим было влияние Грузии.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что епископии Ахохия и Кавказия были наиболее продвинутыми на восток и наиболее поздно созданными подразделениями Аланской епархии. Возможен и другой существенный вывод: несмотря на перенесение кафедры Алании в Сотиириуполь в конце XI — начале XII века Северо-Кавказская аланская епархия продолжала существовать до XIV века, имея свой прежний кафедральный центр в Нижнем Архызе и не только сохраняя внутреннюю организацию, но и расширяя ее в восточном направлении. Главную особенность в истории Аланской епархии с XII века составило не перенесение кафедры Алании в Сотиириуполь на реке Чорох, а факт ее бифуркации и дихотомной организации, состоящей из двух взаимодействующих частей — кафедрального центра в Сотиириуполе и без паствы и реального центра в Нижнем Архызе с обширной паствой, причисленной в письме Германа II от 1232 года к числу наиболее ортодоксальных христианских народов наряду с иберами, абазгами, готами, хазарами и загадочными для нас «Alastoi». Подлинная христианская история народов Северного Кавказа после XI века творилась, конечно, не в малоазийском Сотиириуполе. Конец существованию Аланской епархии и ее епископии, вероятнее всего, положило нашествие «завоевателя мира» Тимура в 1395 году, хотя спорадические остатки христианства в ослабленном виде были и после нашествия и гибели Золотой Орды. Положение о том, что «Православная церковь в Алании значительно пережила Византию. Постепенно разрушаясь, она, тем не менее, просуществовала до XVIII века», представляется неточным — никакой церковной организации после XIV века не существовало, византийско-православное христианство смешалось с традиционными культами и трансформировалось.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Пятигорск: Снег, 2007. С. 121–122.

ОЗЕР НЕБЕСНАЯ ГОЛУБИЗНА

Увидеть это озеро мы мечтали не первый год. Слышали о нем от Бориса Темукуева, автора нашего издательства, самые восторженные отклики: удивительное, ни на какое другое не похожее, красоты неопишуемой. Все эти эпитеты только подстегивали наш интерес, который в силу разного рода причин оставался неудовлетворенным. И прежде всего потому, что озеро во всей своей красе предстает только в сравнительно короткий период лета: в начале июня – это еще ледяное зеркало, а к концу августа – это уже ледяная площадка. Кроме того, туманы в этих местах не редкие гости, а постоянные обитатели, выразимся так, и наблюдать за озером можно сравнительно короткий промежуток времени – до обеда, если, конечно, солнечно. Следовательно, чтобы добраться до него, надо выезжать не из Нальчика, а из селения Верхняя Балкария. И уж куда лучше отправляться в дорогу не из самого селения, а из ближайшего чабанского коша. Желательно с проводником, так как можно выйти совсем не туда, а следовательно, потерять время, силы и результата не достичь.

Наконец-то все обстоятельства сложились – время, проводник, возможности, и во второй половине субботнего дня наша группа выехала в Верхнюю Балкарию, а оттуда практически сразу к перевалу, ведущему в Хуламо-Безенгийское ущелье. Подобное путешествие (см. очерк «Стена, запирающая ущелье») мы уже проделали двумя неделями ранее, только теперь нам предстояло двигаться в противоположную сторону – влево от основной перевальной дороги.

От развилки, как оказалось, путь недлинный – километра три, но преодолели мы их с немалыми трудностями: этой дорогой никто не занимался с советских времен, вероятнее всего, ее приводили в порядок, но довольствовались при этом скорее всего скатыванием с полотна наиболее крупных валунов.

Последний чабанский кош, добраться до которого можно, лишь форсировав речку Чанашки (местные жители, не обделенные юмором, называют ее меж собой Чайканши), – место нашей ночевки. Эльдар Хасаов – хозяин коша на ближайшие дни (время внесло кор-

рективы в чабанские будни – стада нынче сборные и в зависимости от количества скота, принадлежащего каждому хозяину, им отработывается и энное количество дней: 10 овец – один день, 20 – два и т. д.) – встречает нас не просто приветливо, а как желанных дорогих гостей.

Право, как тут не вспомнить восхищенное наблюдение путешественника В. Я. Тепцова: «Пастухи никогда не спрашивают вас: «Кто вы? Куда? Зачем?». Они молча, как бы по священной обязанности, предлагают вам гостеприимство и считают обязанностью еще извиниться за скудость того, что могут предложить. Вы приезжаете на кош, приветствуете пастуха... и располагаетесь, как у себя дома. Вам молча подают молоко или сыр, вежливо спрашивают, не нужно ли еще чего. Удовлетворив требования гостя, пастух почтительно отходит от него и продолжает свою работу, если только он был занят чем-нибудь, или же, стоя невдалеке в почтительной позе, молча наблюдает за гостем. Речь их всегда звучит тихо, мягко, радушно»¹.

Почти 120 лет назад были написаны эти строки, а, глядя на Эльдара, кажется, что они о нем: выслушал с улыбкой о цели прибытия, в адресованную ему записку с просьбой о содействии нам даже не заглянул, а сразу пригласил в кош, усадил на широкий топчан и без вопросов и экивоков разлил в кружки свежий айран, достал из печки только что испеченный хлеб. Ароматный, зажаренный, с пружинящей плотной корочкой – от одного вида слюнки потекли, он вызвал такое море ассоциаций, что слова отказа даже не зародились на устах. Вспомнилось детство, горная Балкария, где отец одного из авторов этих строк снимал телевизионный фильм, который так и назывался «Чабанский хлеб», и тот далекий – более сорока лет пробежало – непередаваемый вкус. А разломив и вдохнув аромат, еще раз убедился: никакое самое воздушное пирожное чабанскому хлебу не соперник!

А Эльдар уже успел обстругать палку, видимо, заранее подготовленную для подобного рода случаев, нанизал на этот импровизированный шампур большие куски сушеного мяса и через какие-то несколько минут угощал нас весьма недурным шашлыком.

За разговорами время пробежало действительно незаметно. В десятом часу начало темнеть, и мы стали раскладывать на широком топчане – четыре человека разместились на его ложе без труда – свои спальники. В окружении стада овец – они располагались практически по периметру коша, но оказались весьма спокойными и негромогласными соседями – ночное время пробежало незаметно.

С рассветом мы двинулись в путь. Слова Эльдара о том, что он, то есть путь, сравнительно недалек, вызывали определенного рода опасения. Тем более что перевести это «недалеко» в реальные километры у нашего хозяина все не получалось. Впрочем, километр километру рознь: горный, он равен не двум да и не трем равнинным — смотря какая тропа и как круто она взбирается вверх. А здесь вверх предстояло идти практически все время. И хоть тропинка была натоптана, но обилие камней на ней делало движение весьма затруднительным. Как тут было не вспомнить о верных четвероногих друзьях, которых, к сожалению, поблизости не оказалось.

По отвесным горным склонам, по каменным осыпям, вспугивая яков — они улелетывали от нас с не меньшей скоростью, чем грациозные туры, мы, нанизывая минуты на часы, поднимались все выше и выше. Но чернеющая кромка перевала, разрезающая голубую небесную кромку, оставалась все такой же недостижимой. Приходилось только сожалеть, что от дороги, пробитой в этих местах геологами в невооруженно далекие советские времена, ныне остались лишь одни воспоминания.

Солнце припекало нещадно, чистое, без единого облачка небо предвещало великолепный обзор необычных природных объектов, до которых еще предстояло добраться. Ведь эльдаровское «недалеко» уже вылилось в добрые шесть-семь километров, от которых — мы шли практически без отдыха — гудели налившиеся усталостью ноги, а в глазах, которые заливал стекающий со лба пот, мельтешили солнечные зайчики, а вернее, если использовать правописательную терминологию — тире, дефисы, косые и прочие штриховые значки.

Подъем становился все круче и круче, и казалось, что сделанный шаг будет последним, но, доказывая самим себе и, конечно же, спутникам, что у нас еще есть порох в пороховницах, мы продолжали взбираться на перевал.

И он покорился! Более того, подарил такое зрелище, от которого сердце, казалось, было готово выпрыгнуть из груди. Далеко внизу, в разорванной котловине огромного цирка сияла ослепительной голубизны жемчужина. Солнце, преломляясь в воде, состоящей из великого множества тончайших льдинок, создало удивительную, неповторимую картину: озеро сверкало, переливалось, отблескивало, готовое, казалось, по многочисленным солнечным лучам, как по канатам, подняться вверх, в небесную высь, и улечь словно облако.

Цвет озера не просто поражал — он завораживал взгляд, притягивал. Такая неземная голубизна, мгновенно вносящая в душу покой и умиротворение, возможна только в райских чертогах. Мы не могли поверить своим глазам — откуда в этих местах появился волшебный сапфир, как он выжил среди суровых скал, не потускнел от постоянных туманов, не утратил свою голубизну от дождей и снегов...

Куда-то исчезла усталость, казалось, ноги сами понесли нас по отвесной, уходящей вниз тропке, оббегающей озеро. Зеркало его было огромным. Мы, не сговариваясь, пришли к общему мнению, что столь идеально красивого природного водоема нам еще не приходилось видеть. Даже знаменитое Голубое озеро виделось всего лишь пажом в его возможной королевской свите. Вспомнились слова, сказанные, правда, несколько по другому поводу путешественником Эмилием Ленцем, одним из участников знаменитой экспедиции Эммануэля: «Вспоминается мне блаженный час созерцания первых виденных мною снегов вершин островов Тенерифа. Мнилось совершенством натуральной природы. Майн гот, да они негожи стать даже карлами в свите Эльбруса!».

За большим озером (кстати, местные жители утверждают, что у него нет названия, хотя на карте озеро обозначено Гийбаш-Кёль) расположено малое, но оно ни в какое сравнение не идет с верхним. Вот уж действительно, король и паж, тем более что последний и меньше, и расположен ниже. Кстати, если верхнее озеро замкнуто в чаше цирка и, вбирая в себя снега со всех окружающих вершин, накапливает многометровую глубину, то из нижнего устремляется вниз шумный поток, отчего оно неглубоко.

О верхнем озере среди чабанов бытует легенда, что на одном из его берегов имеется пещера, каким-то образом связанная с самим небесным водоемом; более того, рассказывают даже о таинственных явлениях, происходящих в этих местах, спрятанных на дне сокровищах, но все это не просто маловероятно, а невозможно. Достаточно взглянуть на горные склоны, его опоясывающие, чтобы понять — в них, осыпающихся, сложенных из непрочных пород, пещеры как таковые в принципе невозможны. Что касается сокровищ, то их здесь просто-напросто некому было прятать да и не от кого. Озеро если скрывает что-то, то только туры рога и шкуры, от которых избавляются браконьеры, чтобы не попасться, так сказать, с поличным.

Впрочем, появление подобного рода легенд вполне объяснимо — неземная красота заставляет усиленно работать воображение, а оно

ныне у многих направлено, к сожалению, только в одну сторону – материальную; если обогатиться, то сразу: нашел клад – и все проблемы решены.

Где-то далеко-далеко внизу, на глубине многих сотен метров, нес свои бурные воды Черек, но даже малейшего шума не доносилось до неповторимого по своей красоте и величественности места, где мы расположились. На каменном выступе, нависающем над ущельем, посвистывал ветер, от которого склонялись травы и цветы, на него, заполняя весь небесный оком, надвигались воздушные воины – косматые, белесые, напоенные холодной влагой, но уходить все равно не хотелось.

Озеро, казалось, взяло нас в волшебный плен – очарования, удивления, умиротворения. И лишь когда солнце скрылось за облаками, сила этого очарования чуть ослабла, позволив нам двинуться в обратный путь. Он, даже ведущий вниз, не стал более легким: решив сэкономить время, мы пошли не по тропинке, а по каменной гряде, то тут, то там покрытой снеговыми заносами – рыхлыми, вязкими, в которые ноги под тяжестью тела проваливались по колено.

Спотыкаясь, преодолевая нескончаемые каменные заносы, мы шли вниз, а перед глазами, словно сопровождая нас, по-прежнему сияло горное озеро небесной голубизны...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Череха. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 50.

КАМЕННЫЕ ШАРЫ

Туристы, избравшие своей целью Аушигерские теплые источники, а потом направляющиеся к Голубым озерам, обязательно обращают внимание на необычный экспонат – практически идеально круглый каменный шар, установленный на постаменте у обочины дороги. Останавливаются, обходят его по кругу, задаваясь вопросом, зачем его соорудили, а тем более установили. Но шар этот никто не изготавливал, хотя, если присмотреться, как считают некоторые, на нем можно увидеть следы ручной обработки. Означенный шар, как и множество других, был найден при строительстве Черекского каскада ГЭС. Его собратья установлены у ряда учреждений и организаций Нальчика (у Хасаньинской больницы, на улице Щорса), на приусадебных участках частных лиц.

Подобные шары известны археологам республики (в одном из выходивших в Кабардино-Балкарии археологических сборников описан подобного рода артефакт; их в наших местах превеликое множество: шары можно увидеть по руслу реки Нальчик – в Долинске, сразу за территорией пионерского лагеря; за Шалушкой – другим пригородным селением столицы республики).

А вот что пишут в своем отчете участники исследовательской группы, состоящей из московских и нальчикских членов объединения «Космопоиск», вернувшиеся в сентябре 2008 года из Кабардино-Балкарии, где они занимались поисками неизвестных пещер: «Гроты и ходы в скальных породах действительно были обнаружены, некоторые из них, вероятно, никогда не посещались человеком, поскольку были расположены на почти недоступной высоте, а некоторые, вероятно, использовались для проживания отшельниками.

...Главной цели поиска (древней легендарной пещеры с вертикальным входом) группа пока не достигла. Но неожиданной находкой исследователи все же были озадачены – им стали попадаться странные, почти идеально круглые каменные шары диаметром до двух метров. Как эти, скорее всего искусственные, изделия попали в горы – пока остается непонятным».

Кстати говоря, все три полевые экспедиции 2008 года объединения «Космопоиск», проходившие помимо Кабардино-Балкарии в Иркутской области и Краснодарском крае, привели к общим находкам – каменным шарам, найденным на дне моря, на поверхности и под землей. Комментируя этот факт, ученый Алексей Корольков делает вывод, что «шары имеют природное происхождение; шары, встречающиеся на угольных месторождениях, называют *железистыми конкрециями*. К о н к р е ц и я – шаровидное минеральное образование, у нее радиально-лучистое строение. Чаще всего конкреции образуются в пористых осадочных породах – песке и глине; величина шаров зависит от их состава...»¹ Имеются сведения, что шары используются местными жителями в лечебных целях, более того – на откопанных с глубины в несколько метров шарах имеются странные надписи.

А вот как комментируют вышеизложенное интернет-пользователи. В частности, автор, геолог по профессии, сообщает, «что в природе есть очень правильной формы шары, которые образовались в результате геологических процессов. Действительно, конкреции – очень распространенные образования с радиально-лучистым строением: кристаллизация вещества шла от центра к периферии. Их можно встретить где угодно – и на дне моря, и высоко в горах. Наружная часть может напоминать узоры в виде иероглифов – это не письмена, а структура конкреции, фосфоритовой в частности. Есть шары, которые образовались в результате подводных извержений вулканов: у них скорлуповатая структура».

Еще один из комментариев – относительно энергии, излучаемой шарами: «В процессе минеральных образований правильной формы (тех же конкреций) кристаллизация в естественных условиях происходит достаточно медленно. Поэтому данные образования энергетически самодостаточны и являются донорами энергии. Когда вы с ними соприкасаетесь – вам комфортно. Есть понятие *литотерапии*. Вот почему нельзя продолжительное время общаться с искусственно выращенными кристаллами. Они растут в тигле очень быстро и являются энергетическими вампирами».

В дополнение к сказанному процитируем одну из глав книги «Чудеса света»: «Уже в 70-х годах XX столетия каменные шары были найдены в Крыму и на Кавказе: в Грузии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии...

Один из исследователей феномена, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института органической и общей химии, Валентин Глазов вспоминает, что о шарах, счет которым пошел на

многие сотни, ходили самые невероятные слухи. Рассказывали и писали о том, что вокруг них существует аномальное поле, в котором зашкаливают все электроприборы, останавливаются часы, а живые организмы демонстрируют отклонения от нормального поведения. У людей, побывавших в зоне действия шаров, фиксировалось учащение пульса, изменение координации движения, расстройство сна и провалы в памяти. На фоне вполне серьезных исследовательских материалов замелькали явно дутые сенсации: дескать, шары – это космическое око, настроенное на определенные волны приема-передачи сигнала высшему разуму. Если правильно войти в контакт, то якобы можно вылечить любой недуг, получить исполнение заветных желаний... В места, где находили загадочные шары, началось массовое паломничество. И, как это нередко случается, у кого-то действительно как рукой сняло давние хвори, кому-то внезапно повезло. Как говорится, была бы вера, а чудо найдется»².

Уместным здесь же будет сказать и о самых известных в мире шарах, обнаруженных в конце 40-х годов XX века в Пальмаре – сельской местности на юго-востоке Коста-Рики (Центральная Америка): «Рабочие, вырубавшие густые заросли тропических джунглей под банановые плантации, неожиданно наткнулись на какие-то странные каменные изваяния шаровидной формы. Самые большие из них достигали в диаметре трех метров и весили без малого 6 тонн. А самые маленькие не превышали размерами гандбольный мяч, имея в поперечнике всего около 10 сантиметров. Шары располагались, как правило, группами от трех до сорока пяти штук»³.

И вот что еще интересно: в результате дальнейших раскопок выяснилось, что в местах обнаружения шаров нет предметов человеческого быта, а самое главное – предполагаемый возраст шаров не 5–6 веков, как вначале считалось, а от ста до пятисот тысяч лет.

В настоящее время большинство ученых склонно считать, что шары идеальной формы имеют естественное происхождение, но это вовсе не отражается на их таинственной притягательной силе, которую испытывает каждый, впервые увидевший эти поражающие воображение природные артефакты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ forum.mehdiland.ru/index

² Чудеса света. М.: Мартин, 2007. С. 86.

³ Там же. С. 84.

СКАЛЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ ЖЕЛАНИЯ

Мы уже рассказывали в книге «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» об ущелье Кыртык, месте на редкость труднодоступном, посещаемом лишь любителями экстремальных ощущений да теми, кто интересуется необычными природными явлениями и объектами. В этих местах, по мнению руководителей экспедиции «Эльбрус – 5500 лет в глубь времен» Вячеслава Токарева и Владимира Стасенко (подробнее о ней во второй книге этого издания) жили куманы. Куманы, цитируем, «одно из многочисленных названий аланов (овсы или оси – в грузинских источниках; асы – в персидских и арабских; язы, язиги, язаматы, яksamаты – в русских летописях; як-цай – в китайских хрониках). Они были высоки ростом, голубоглазы, с длинными светлыми волосами, заплетенными впереди в две косицы для открытия лица».

Именно от них, по мнению Токарева и Стасенко, остались остовы множества расположенных в Кыртыке жилищ. Вот одно из них: «Здание 16х17 метров сооружено из огромных стволов деревьев, которых давно нет в ближайших окрестностях. Стены собраны из бревен 40 см и более в диаметре. Перекрытия сложены из стволов потоньше (30 см), причем опираются они не на каменные стены, а на деревянные колонны диаметром более 80 см, на которые уложены балки из стволов чуть потоньше. На балки опираются стропила полуметровой толщины. А уже на них лежит накат бревен перекрытия. Сверху накат задернован. Сооружение со стороны долины имеет открытую веранду во всю длину дома глубиной 4–5 метров. Другое помещение темное. Имеет широкий вход с левой стороны и проем в стене из середины веранды. Крыша задернована и смыкается со склоном. Построено оно во II веке нашей эры. Значит, тогда здесь произрастали подобные деревья. Иначе же, при обилии вокруг камня, было бы проще собрать каменные стены, нежели везти неизвестно откуда такие стволы деревьев вверх по крутым ущельям».

А они и не везли их, ибо деревья эти росли здесь еще в конце XIX века. Об этом свидетельствует русский путешественник В. Я. Теп-

цов, побывавший в Кыртыке в 1891 году и изложивший свои впечатления в записках «По истокам Кубани и Терека (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. 14. С. 59–21). Работа эта была переиздана в 2009 году нашим издательством с одним лишь уточнением: Тепцов описывает не истоки Терека, а Черека; все остальное как в оригинале: «Туманы скрывали от нас оконечность Эльборусской цепи, которая вместе с Эльбуром заключает красивый пейзаж долины Кыртыка. В глубине долины растут могучие хвойные леса, заметно поредевшие в последнее время. Массы деревьев срублены без всякой пользы: громадные ели и сосны, сваленные безжалостной рукой человека, заграждают путь на каждом шагу. Нам говорили, что баксанцы нарочно, со злости, повалили эти леса, когда прослышали, что они скоро должны отойти в казну. Они пытались уже и поджигать эти леса, но неудачно»¹.

Так что все куда прозаичнее, к сожалению. И «дерево строений на удивление сохранилось очень хорошо» вовсе не потому, что «им предположительно более 1800 лет», а потому, что самим этим строениям около двух веков. О чем сообщают и другие путешественники, в частности Николай Динник, автор работ «Поездка в Балкарию» и «Поездка в Балкарию в 1887 году», также переизданных нашим издательством². Кстати, и описание Токаревым и Стасенко остова здания полностью соответствует классическому балкарскому дому, стоит только обратиться к знаменитой работе Э. Берштейна «Архитектура балкарского народного жилища»: «В районах, когда-то богатых лесом, стены построек вначале делались целиком из дерева. При имевшихся у строителей технических средствах возможности обработки дерева были настолько ограничены, что при устройстве сруба или укладке балок кровли бревна, ввиду особой затруднительности их поперечной рубки, оставлялись той длины, какую имели после повала леса. По выступающим на разную длину концам этих бревен видно, что для получения их дерево не распиливалось поперек, а обрубалось или просто переламывалось.

...Поскольку сруб, помимо своего веса, принимал нагрузку от опирающейся на него кровли, его не клали на каменную стену, слишком для этого ненадежную, а опирали на вертикальные деревянные стойки, расположенные вдоль внутренней стороны каменных стен».

И так далее. Впрочем, мы достаточно далеко отошли от темы нашей публикации, заявленной в названии. В Кыртыке люди давно уже не живут, и нет доказательств, что это связано с геопатогенной зо-

ной. А вот о том, что имеется скала, вернее, отверстие в ней, пройдя через которое исполняются желания, происходит излечение от болезней, мы слышали от многих местных жителей. Отверстие такое в одной из скал, находящейся на расстоянии около двадцати километров от подъема с баксанской стороны, действительно имеется, но каковы его лечебные, а тем более провидческие свойства, сказать трудно. На первый взгляд обычное выветривание, происшедшее под воздействием природных сил за тысячелетия – напор ветра, снег, дожди, – точивших скалу и в наиболее уязвимом месте добившихся результата. С другой стороны, людская молва должна же подкрепляться какими-то конкретными фактами и доказательствами? Пастухи, чей кош расположен поблизости, рассказали нам о женщине, которая, пройдя много раз через отверстие в скале (сколько раз – никто не считал, но судя по всему – предостаточно), очень скоро забеременела, хотя до этого ей сие не удавалось в течение долгих лет. Но что за этим фактом, помимо искреннего женского желания, которому по силам сдвинуть горы? Зачатие происходит на земле, но разрешение на него дается на небесах. Не так давно некие разработчики духовных методик наделили одну из гор Кабардино-Балкарии мистическими свойствами – якобы побывав на ней и помолившись, облекаются в реальность извечные женские мечты. И началось: газетчики, телевизионщики, а за ними – настоящее паломничество жаждущих и страждущих.

«Вершина никогда не обманывает надежд, – заявила корреспонденту газеты «Жизнь» краевед Ольга. – Мы водим сюда людей уже много лет, переписываемся с женщинами, побывавшими здесь. Не смотря на диагнозы и возраст, каждая попросившая Уллугау подарить ей дитя благополучно рождает!

«Мать-гора» – не волшебная палочка и не золотая рыбка. На мелочи не разменивается, и просить о них тут не стоит. Уллугау исполняет только главные человеческие желания – и чаще всего женские! Это гора женского счастья...

Потерявшие надежду забеременеть приезжают сюда из самых отдаленных концов России.

После похожей на медитацию молитвы страждущие привязывают на дерево у подножия горы клочки ткани. На них написаны их желания: сын, дочка...

Уллугау, как антенна, обеспечивает людям связь с Богом. Ученые объяснить происходящее не могут, но желание материнства действительно исполняется»³.

В дальнейшем выяснилось, что «Мать-гора» помогает не только женщинам, но и мужчинам: один из жителей республики, жена которого дарила ему только представительниц слабого пола, попросил гору, и та откликнулась: супруга родила-таки долгожданного мальчика.

Вот как: пришел к горе, попросил — и результат налицо. Все это было бы смешно, если бы не было грустно...

Но вернемся к нашей скале, вернее, к отверстию в ней. Оказывается, оно недалеко от нее, не в Кыртыкском ответвлении. Об этом мы узнали из публикации Э. Иониха «Скала Силы», по-балкарски *Кюч-къала*.

«К ней, — пишет автор, — не зарастает народная тропа. Мужчины, женщины и дети в большинстве случаев получают то, что хотят. Условие одно: просить нужно хорошее, доброе и желательно для другого человека. И у вас все получится. Проходить отверстие можно с любой стороны. Желательно постоять некоторое время внутри, сосредоточиться, загадать желание. Загадывайте только одно. Не распыляйтесь... — и далее автор подтверждает сказанное следующим фактом: — В начале лета 2007 года, как обычно, я с друзьями приехал к скале Силы. Видим, что в отверстии Силы стоит женщина в трансе. Никого и ничего не замечает. Наконец, женщина очнулась и пошла по тропе в нашу сторону. Я заговорил с ней. Оказалось, что зовут ее Валя, ей 44 года, она из Ставрополя. Вместе с сыном каждый год ездит на море и работает в кафе официанткой. Сыну Алеше исполнилось 17 лет, и он тоже решил подзаработать. В то же кафе его взяли разнорабочим, хотя он рассчитывал на большее. Они поработали 10 дней, и Алеша захандрил. Хочет бросить работу и уехать домой. Но там нет работы, и опять матери придется трудиться за двоих.

Валентина давно слышала о скале Силы и решила обратиться к ней с молитвой, в которой изложила совершенно нереальную просьбу сына: стать в том кафе барменом. На море, где все давно схвачено и перехвачено, без протекции и родственных связей занять такую должность — несбыточная мечта».

Ну а дальше самое главное: осенью Валентина позвонила автору, который предусмотрительно оставил ей номер своего телефона, и сообщила, что вскоре «после ее приезда бармен нес ящик с бутылками, споткнулся, упал и сломал ногу. А Лешу пригласили работать на его место»⁴.

Действительно, фантастическая (определение автора) история. Вот она, такая скала Силы — ради исполнения чужих желаний и физи-

ческое увечье нанесет. Мы-то, недоумки, считали, что только в горах надо за ноги опасаться, а н вон, оказывается, горы и на море могут достать, перебив кости.

Но не будем ерничать. Если кто-то верит в магическую силу скальных отверстий и задуманное при этом сбывается, разве это плохо? Волшебная красота горной Кабардино-Балкарии – этот тот феномен, разгадку которому надо искать в душе человеческой. Если она открыта доброму, светлому, чистому, то задуманное обязательно сбудется, пройдешь ли ты в отверстие в скале или только постоишь рядом с ним. Вот и мы не стали долго раздумывать и загадали желание, что в 2011 году у нас выйдет книга «Таинственная Кабардино-Балкария». Если вы держите ее в руках, тем более читаете эти строки, значит желание наше исполнилось. И отверстие, что расположено в одной из скал Кыртыкского ущелья, действительно способно творить чудеса!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Черема. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 58.

² Динник Н. Я. Поездки в Балкарию в 1886 и 1887 годах. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 58.

³ malahov-plus.com/

⁴ clamber.ru/540-skala-sily.html

КАТАКОМБЫ АКТОПРАКА

Мы уже рассказывали в очерке «Глиняные замки» об этом необычном месте, расположенном в начале перевала, соединяющего Чегемское и Баксанское ущелья. Но знакомство было поверхностным, шапочным, если так выразиться, заставляющим всякий раз, когда мы проезжали мимо глиняных замков, сожалеть об упущенном и неувиденном. И когда мы услышали рассказ одного из пастухов о том, что ему известно место в Актопраке, где имеется яма, бросив в которую камень, звук падения услышишь не ранее, чем через секунд 20–30 (несколько сот метров!), мы тут же решили исправить свою давнюю ошибку.

Обратимся к труду путешественника В. Я. Тепцова «По долинам Кубани и Терека»: «У южной подошвы Лха почти от самого берега реки Чегема тянется верст на 5 параллельно Лха глинистый серый гребень – Актопрак. Название это означает «белая глина». Гребень этот как бы нарочно изрыт множеством пещер и темных ходов. Говорят, один из подземных ходов идет через всю двух-трехверстную ширину гребня. Через этот естественный туннель проходит скот из одной долины в другую. Овцы, козы и телята прячутся от жары в пещерах и галереях Актопрака.

Южная сторона гребня извилиста и отвесна. От гребня здесь отходят словно выгоченные нарочно столбы и круглые башни; множество карнизов и выемок украшает отвесные стены. В общем, получается такое впечатление: кажется, что гребень этот служил некогда берегом моря или большого озера, которое плеском своих волн выбило в мягком грунте гребня все эти изгибы, выемки, столбы, пещеры и галереи, а само куда-то потом умчалось»¹.

Августовский Актопрак – это сплошное зеленое море растительности, причем трава – в человеческий рост. Ямы и промоины не увидишь до тех пор, пока в них не провалишься. Один из авторов этих строк неожиданно, на абсолютно ровном месте, провалился одной ногой и мгновенно по пояс ушел в землю. То есть при движении надо проявлять особую осторожность, дабы не оказаться в глиняном под-земелье.

В одной из промоин на оплывшем склоне замечаем на глубине трех-четырех метров кости. Такое ощущение, что они человеческие. Но как туда попали? Захоронения здесь в принципе невозможны.

Продолжаем поиски. Нужная нам яма, по словам пастуха, в промоине, проделанной сточными водами. Вот одна из таких. Довольно отвесные стены, уходящие на 10–15 метров вниз. Само отверстие. Глубина его непонятна. Бросаем камень, начинаем считать. При цифре восемь слышен глухой стук удара. Вряд ли это место, которое мы ищем. Но как проверить? Только путем спуска вниз.

Наш фотограф, она же спелеолог, переодевается в специальный костюм. Мы же в это время прикрепляем к одному из деревьев, растущих на краю промоины, альпинистскую веревку. Спуск начинается. Голос из-под земли доносится все глуше и глуше. Узнаем, что на расстоянии нескольких метров ход раздваивается – один ведет вниз, причем достаточно далеко – свет фонаря теряется в темноте. А второй уходит в сторону перевальной дороги.

Находиться внизу, даже упираясь ногами в стены, совсем непросто – глина постоянно осыпается и ты волей-неволей сползаешь за ней. Сплошной пльвун, пусть и рыхлый, а не жидкий. А если, не дай бог, осыплется склон, то раскопать человека в столь узком колодце практически невозможно. Вот, кстати, и объяснение костям, запечатанным в глиняной массе. Человек ли, животное, попавшие в эту ловушку, были практически обречены: при попытке выбраться лишь усугубляли свое положение, все более удаляясь от поверхности. Находят объяснения и многочисленные случаи исчезновения в этих местах коров.

Риск действительно достаточно высок, и мы вытягиваем нашего спелеолога, чья одежда окрасилась в желтый цвет, наверх. Уточнить, как далеко вглубь горы идет найденная нами яма, в этот раз не удастся. Но зато мы выковыриваем из глиняных стен каменные кругляши, словно выточенные глиняных дел мастером. Разнообразие их форм и размеров поражает – от пятикопеечных до величиной с блюдце.

Вот что писал по этому поводу все тот же В. Я. Тепцов: «В недрах Актопрака, в мягкой глине, лежат точно нарочно выточенные искусной рукой камни разнообразной величины и в большинстве случаев правильной круглой концентричной формы – формы стопы блинов, когда они уменьшаются поочередно от середины. Ко многим из камней прилепились сбоку такие же маленькие камешки, будто дети к матери. Величина отдельных камней от 1 линии до 8 дюймов в диа-

метре (0,25–20,3 сантиметра. – *Изд.*). Состав – кажется, дилuviальная глина, цементированная известью. Одни по форме напоминают черепахи, другие бисквиты, третьи правильный овал и т. д. Изредка встречаются отклонения от правильных и симметричных форм. Встречаются формы сплюснутого с двух сторон шара.

Все камни в грунте покоятся в горизонтальном положении; встречаются одинаково в большом количестве как в верхних, так и в нижних пластах. Какой-либо особенной системы в их расположении нами не наблюдалось, за исключением горизонтального положения. Судя по некоторому разнообразию форм, можно было бы предположить в камнях Актопрака окаменелости морских допотопных животных, как думают многие, видевшие образчики их. Но окаменелости, насколько нам известно, сохраняют оболочку как окаменелости, или отпечаток этой оболочки на твердой породе, как отпечаток раковин, листьев и т. п., или, наконец, структуру строения клеточек, как окаменелости древних стволов, клеточки которых заполняются веществом породы. В камнях Актопрака ничего подобного не замечается, и одна только сомнительная форма, якобы напоминающая некоторых морских животных, дает основание предположению об окаменелостях.

Мы со своей стороны сделали совсем иное предположение об образовании камней Актопрака, рассуждая на месте об этих чудесах. Нам казалось, что камни эти суть оригинальные произведения воды, для которой скалы Лха когда-то служили берегами. У известковых берегов Лха вода осаждала в большом количестве глину, которая уплотнялась от собственной тяжести. Скалы Лха могли посылать многочисленные ключи в эту массу глины; струи известковой воды, пройдя массу, встречались с водой бывшего моря или скорее пресноводного озера; два противоположных течения воды, встречаясь друг с другом, производят воронкообразные коловороты.

Камни Актопрака не суть ли произведения нижней известковой воронки этих струйных коловоротов. Известковая вода, вертя глиняную массу наподобие того, как ком глины вертится на кружале гончара, цементировала, скрепляла ее частички и уплотняла вертящуюся массу в камень. Все это тем более вероятно, что подземные ключи и ныне журчат во многих галереях Актопрака. Из них у подножия этого гребня составляется довольно большой ручей. Вода в ручье грязна, сильно насыщена известью и почему весьма неприятна на вкус»².

Кстати говоря, по возвращении из путешествия, Тепцов показал актопракские диковинки ученым, в частности, управляющему гор-

ной частью Кавказского края, который высказал следующее предположение: «Образцы представляют собой мергельные (известково-глинистые) конкреции или стяжения, совершенно аналогичные так называемым иматовским фигурным камням, которые во множестве попадают в русло реки Вуоксы, вблизи водопада Иматра. Они вымываются атмосферными водами из глин, слагающих берега названной реки, и имеют иногда весьма причудливую, чаще же всего бисквитообразную форму. Образование этих конкреций среди глин обусловливается подземной углекислой водой, циркулирующей по капиллярным трещинам, в самой породе (в данном случае глины более или менее известковистой); постоянно растворяя заключающиеся в последней известковые части, она отлагает их вновь, вместе с суспендированными в ней глинистыми частицами вокруг какого-нибудь встречающегося ей на пути твердого тела, например кварцевой песчинки или т. п., притом более или менее правильными концентрическими рядами и обыкновенно в несколько слоев».

Современные ученые, которым мы показали актопракские изделия, придерживаются схожей точки зрения.

...Сегодня, как и более ста лет назад, глиняные кружочки, которые своей формой прямо-таки соответствуют нашему нынешнему восприятию летающих тарелок, — один из сувениров, которым Актопрак бескорыстно делится с каждым, побывавшим в этих местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Черема. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 74.

² Там же. С. 75–76.

СЛЕДЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

О том, что на одном из плоских каменных гребней, расположенном над каменноостровскими карстовыми озерами, имеются пятипалые следы человеческих ног, нам рассказывали местные жители, в частности Резуан. Тот самый, бывший нашим проводником к горемогильнику. Он столь подробно описал, что они из себя представляют, на каком расстоянии друг от друга расположены, что сразу поверилось: мы сможем увидеть не выемки в карсте, чем-то похожие на отпечатки человеческой ступни и образовавшиеся под воздействием природных факторов, а именно следы наших далеких предков, оставленные миллионы (!) лет назад.

Сразу вспомнились строчки из знаменитой книги «Археологические открытия, изменившие историю Брэда Стайгера: «В начале 1930 годов д-ра Уилбура Грили Берроуза, руководителя геологического департамента колледжа Береа, привели на место в холмах Кентукки, где он обнаружил десять полных человеческих следов и еще несколько их частей в песчанике каменноугольного периода. Все накопленные доказательства свидетельствуют о том, что они были оставлены на песчаном берегу в пенсильванский период палеозойской эры, то есть отпечаткам ног гуманоидов около 250 миллионов лет. Д-р Берроуз хранил свои работы в секрете семь лет. Можно себе представить, насколько он цеплялся за любую возможность исследовать следы двуногого создания, носившего обувь 38–39-го размера средней полноты.

«Три пары следов являются отпечатками как правой, так и левой ноги, — рассказывал через несколько лет д-р Берроуз Кенту Превьетту из луизильского журнала *Courier Journal* (1953. 24 мая). — В двух парах из них левая стопа находится впереди правой. Положение стоп такое же, как у человека. Расстояние от пятки до пятки — 54 см. В одной паре стопы находятся параллельно друг другу, а расстояние между ними такое же, как у нормального человека».

...Отпечатки следов были извлечены с помощью отбойных молотков Палакси Ривер в нескольких милях северо-западнее Глен Роуз, Техас, и доставлены в придорожный музей Берри на Шоссе 66.

Здесь доктор Уэсткотт из Мичигана объявил об их подлинности, обратив внимание на выраженный свод стопы, свидетельствующий об умении ходить.

Д-р Клиффорд Бердик изучал то, что представляется отпечатками человеческих ног в солее — современнике динозавров — более тридцати лет. В начале 1975 года д-р Стенли Райн из Университета Нью-Мехико объявил, что давность найденных в этом геологическом слое следов — 40 миллионов лет.

Пенсильванский период — это время гигантских амфибий. Могли ли быть следы оставлены одной из них? Д-р Берроуз считает это маловероятным: «Нет свидетельств наличия передних лап, хоть камень достаточно велик, чтобы сохранить их отпечатки, если они использовались при ходьбе, конечно».

Д-р Берроуз уверен, что эти создания, кем бы они ни были, ходили на задних ногах. Кроме того, нигде не было обнаружено следов волокающегося по земле брюха или хвоста.

Двадцать пятого мая 1969 года в газете Tulsa Sunday World была опубликована статья с описанием окаменевших отпечатков ног, обнаруженных Троем Джонсоном, инженером по связям «Норт Америкен Рокуэлл». Всего в нескольких милях за восточной окраиной Талсы Джонсон снял землю, корни и камни с выхода песчаника и обнаружил следы животных (многие из которых он не смог опознать) и несколько ясно различимых пятипалых отпечатков, напоминавших человеческие»¹.

Короче говоря, существование отпечатков не новость и их наличие на одном из горных плато Кабардино-Балкарии весьма возможно.

...Резуан практически сразу привел нас к месту, где сохранились следы. Представляет оно из себя стенку каменного гребня шириной около метра или больше (сказать точно сложно, так как все вокруг заросло травой). Край гребня оказался покрыт слоем дерна, который Резуан и стал раскапывать. Дело продвигалось достаточно медленно, так как дерн словно прикипел к каменному основанию — его нельзя было копать, а только поддевать, производя перед этим множество горизонтальных ударов.

Спустя час или около того, обливаясь потом под беспощадно жарящим полуденным солнцем, нам общими усилиями удалось убрать дерн на расстоянии не более пяти метров. Из тридцати, если не больше...

Видя наши расстроенные лица, Резуан с еще большим ожесточением работал лопатой, скидывая вниз один за одним громадные ку-

ски дерна. В его возрасте это было совсем непросто, но уж очень не хотелось ему выглядеть в наших глазах, как он сам выразился, «ба-лаболом». Тем не менее никаких следов по-прежнему не было видно. Мысли, что они исчезли, Резуан не допускал. Вероятнее всего было другое: он с годами несколько подзабыл, где конкретно располагались следы, ведь последний раз приходил сюда лет десять назад.

Выдохшись окончательно, мы решили отложить поиски до следующей поездки, но не предполагали, что Резуан, обескураженный неудачей, день за днем будет пешком ходить на скалистый гребень, расположенный довольно далеко от селения, и методично искать следы.

А потом раздастся звонок и прозвучат слова: «Можете приезжать, покажу следы». И мы поедem, и увидим, и удостоверимся в наличии пятипалых отпечатков на каменном гребне. Но к единому мнению — их оставил человек или здесь постаралась природа — так и не приходem...

...Есть еще одна версия происхождения следовиков — о ней рассказал С. Алексахин в статье «Передольский погост: Новые находки и новые загадки» (СПб., 2004), опубликованной в Интернете и где речь идет о подобного рода находках. Вот что, в частности, пишет публикатор: «Уникальной находкой можно считать обнаружение в пределах Передольского погоста культового комплекса из камней-следовиков. Исходя из топографии находок и их вида, можно осторожно предположить, что мы имеем межевой комплекс. Дело в том, что имеются достоверные данные о нахождении камней-следовиков с отпечатками ног человека на таком же расстоянии от центра округа — Передольского погоста на севере у деревни Дрегли, на востоке у деревни Косицкое. И вот на юге, в урочище Мигино, на краю холма, найден камень со следом человека. Таким образом, версия о пограничной роли камней со следами находит реальное подтверждение»².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Стайгер Б.* Археологические открытия, изменившие историю. СПб.: Питер, 2009. С. 104–108.

² *Алексахин С. С.* Передольский погост: Новые находки и новые загадки // <http://www.archacology.ru>

В ПОИСКАХ КАРАСУЙСКОГО ЧУДА

Слышали ли вы о том, что в ущелье Карасу-Ауз (оно расположено с правой стороны Черекского ущелья, немного не доезжая до Голубых озер) есть необычный горный водоем? Этот вопрос, заданный бывшим главой Черекского района Мурадином Туменовым, поставил нас в тупик, потому что даже не на всех картах озеро отмечено.

— Посмотрите — не пожалеете, я, например, ничего красивее не видел, — напутственные слова Мурадина подвигли в дорогу.

Увидеть высокогорное чудо с нами поехало еще несколько нальчан, любителей природы; наша экспедиция выросла до трех отечественных джипов. Что, как оказалось впоследствии, помогло нам избежать участи стать пленниками этого малодоступного ущелья.

Присутствие в экспедиции местных жителей, в том числе уроженца Бабугента, Руслана, убеждало, что наш поиск будет успешным.

...Дорога в ущелье перекрыта слагбаумом, возведенным перед ныне нефункционирующей турбазой, о чем мы знали и заранее попросили ключи у сторожа.

И вот по заросшей травой и молодой порослью деревьев дороге трогаемся в путь. Знаем, что надо ехать все время вправо, никуда в сторону не отклоняясь. Знали и об одном ориентире — водозаборе, забирающем воду прямо из источника в горе, расположенном на высоте в несколько десятков метров.

Водозабор, до которого мы добрались действительно достаточно быстро, проразил воображение своими размерами. Пять десятиметровых труб метрового или немногим меньше диаметра сварены друг с другом и поднимаются под весьма острым углом почти к самой вершине горы, из чрева которой извергается чистейшая, сверкающая на солнце вода. Трубы идут в два ряда, рядом с ними проложена лестница, насчитывающая 187 ступенек.

Естественно, мы поднялись по ним. Раскаленный от солнца металл, звенящая пустота железных прутьев ступенек под ногами, неумолчный грохот несущегося по трубам водяного потока, ледяные брызги, бьющие в лицо — все это служило прелюдией чего-то необычного, ожидающего нас впереди.

Продолжаем путь и сразу убеждаемся: он будет весьма и весьма нелегким. Прежде всего, потому, что уже продолжительное время здесь никто не ездил. И если вначале деревца, растущие посредине колеи, представляли из себя небольшие гибкие прутьики, словно забывшие, что им положено, а что нет, то вскоре их сменили молодые деревья, вовсе не желавшие гнуться под бамперами наших машин. Да и трава чувствовала себя вольготно на колее, практически скрыв ее из виду, поднимаясь в некоторых местах по пояс, а то и выше.

Приходилось, особенно на пригорках и в затененных местах, где жиж не просыхает даже в самый жаркий день, подтягивать машины тросом, прилагая к этому и всю имеющуюся в наличии мужскую силу.

Грязь летит во все стороны, моторы режут и возмущаются, но тем не менее мы продвигаемся вперед.

С немалыми трудностями и ущербом (ветки деревьев вовсю отгрызаются на лакированных боках наших машин, оставляя ощутимые следы соприкосновения с ними) удастся преодолеть чуть меньше четырех километров. Всё:— деревья, выросшие посреди колеи, достигают нескольких сантиметров в диаметре и дорога покорила их окончательно. Трава же, вспоенная водой, скапливающейся в самой колее, столь бурно устремилась вверх, что вымахала в человеческий рост; огромные шляпы лопухов и борщевиков в некоторых местах нависают прямо над нашими головами.

Останавливаемся на огромной поляне, растительность которой, судя по всему, даже не упомнит, когда последний раз здесь побывал человек с косой. Зато гнус чувствует себя в этих травяных джунглях ой как вольготно. Не помогают никакие антимоскитные средства — оводы и мухи присасываются ко всему, что открыто и даже к одежде, пытаясь во чтобы то ни стало получить доступ к телу. Генетическая память насекомых, забывших вкус человеческой крови, ведет их в бесстрашные атаки, которые не может сдержать гибель отдельных бойцов. Гнус образует целые стаи, несокрушимые в своем желании отыгаться за долгие годы отсутствия в этих местах человека.

Следовательно, надо оставлять машины и двигаться вперед пешком. Только вот куда? В сплошном море лопухов теперь совсем невозможно понять, где проходила раньше дорога. Отклоняя могучие стебли в сторону, пытаемся найти хоть какие-то намеки на колею. Нет не то что дороги, даже тропинки. А местность во все стороны гористая — с разбегу не возьмешь. Да и где теперь, в каком направлении расположено озеро, ради которого было затеяно путешествие?

Видя постигшее нас уныние, проводники решают разбрестись (по мнению одного, оно слева, другой же считает, что справа) по сторонам, подняться на ближайшие вершины, дабы попытаться сверху увидеть водоем. Наиболее выносливые примыкают к ним, остальные остаются в импровизированном лагере, продолжая безуспешные попытки отбиться от гнуса.

Часовые блуждания толком ни к чему не приводят: нашли лишь какую-то тропинку, но куда она ведет, узнать не смогли, боясь окончательно заблудиться. Сообща принимаем решение вернуться к машинам и попытаться продвинуться по следующему ответвлению ущелья.

Трогаемся, преодолеваем речку и практически сразу останавливаемся на кособоге — вода подмыла берег, через него можно только перелететь. Спешиваемся, перепрыгиваем по камням речку и углубляемся в лес. Но и в этом направлении он стоит сплошной стеной, все больше спутников отстают от впередиидущих, пока этим идущим не остается один человек — проводник Руслан...

А время неумолимо: дело, как ни странно (даже не заметили, как пробежали часы!), идет уже к вечеру, а ночевать среди влажных, поющих от гнуса травяных зарослей что-то совсем не хочется.

Сообща принимаем решение возвращаться обратно и в ближайшее время снова поискать озеро.

Дома, тщательно изучая карту-миллиметровку и привязываясь к запомнившимся ориентирам, мы с грустью понимаем, что находились практически рядом с высокогорным чудом, в каких-то двух шагах: нужно было только раздвинуть ветки деревьев — и водоем небесной голубизны открыл бы нам свои таинственные глубины...

ТАИНСТВЕННЫЕ НАДПИСИ

О существовании таинственных надписей на скалах Черекского ущелья мы слышали от многих балкарских стариков, местных жителей. Но никто не мог нам пояснить, какую информацию они несли, на каком языке были написаны. Не сохранилось даже написание букв, несмотря на то, что отдельные из них еще были распознаваемы в конце XIX века, о чем имеются свидетельства ряда путешественников.

В частности, Всеволод Федорович Миллер (1848–1913), знаменитый этнограф, считавший, что Кавказ представляет собой своего рода заповедник для изучения мировой истории, побывавший в Кабардино-Балкарии летом 1883 года, отмечал: «По дороге от Кашкатау к Зылги, там, где кончается опасный, в виде ступеней, карниз, называемый туземцами «Чертовой лестницей», виднеется с правой стороны дороги на скале сглаженное в виде плиты место, над которым сделан небольшой шиферный выступ в виде навеса. Под ним некогда была выведена белой краской надпись в 2 строки, от которой в настоящее время заметны лишь следы нескольких букв с правой стороны. Место, занимаемое остатками надписи, представляет в длину 7 четвертей и в ширину $\frac{1}{2}$ аршина. Туземцы называют это место *Бакшиш*. Надпись нарочно испорчена, и последний из вандалов, разрядивший пистолет в нее и выбивший несколько букв, по словам туземцев, был одим из английских путешественников.

Следы другой надписи, еще более испорченной, видны близ аула Куним, на высокой отвесной скале. Надпись была также защищена навесом, который, однако, не спас ее от истребления»¹.

Более расширенное описание означенных надписей имеется у Н. Харузина, ученика В. Ф. Миллера, совершившего экскурсию в Черекское ущелье в 1886 году. Николай Николаевич Харузин (1865–1900) свои дорожные впечатления отразил в статье «По горам Северного Кавказа», опубликованной в журнале «Вестник Европы». Извлечения из этой статьи, посвященные Балкарии, мы перепечатали отдельным изданием.

И вот интересующие нас строки: «На половине Чертовой лестницы, спускаться по которой приходится пешком, находится в скале, в выбоине, довольно высоко от спуска, надпись. Кем и на каком языке она была писана, не знает никто. Еще недавно эта надпись была цела, так как каменный навес сохранял ее от разрушительного действия непогоды; теперь едва сохранились следы нескольких букв. Дело в том, что в 70-х годах несколько англичан, путешествовавших по Кавказу, поднимавшихся на Эльбрус, заехали и в Балкар. На Чертовой лестнице они стали стрелять из револьверов; когда им, наконец, надоело стрелять без цели, они выбрали себе целью эту надпись и испортили ее так, что теперь остались лишь незначительные следы ее»².

Чуть ниже Николай Харузин рассказывает и о другой интересующей нас надписи: «На противоположном берегу Черека по склону горы поднимается амфитеатром аул Кунным, среди которого возвышается также башня, принадлежащая Абаевым.

Кунным считается древнейшим аулом. Здесь основался Бассиат, когда он покорил Балкар. Мы отправились в Кунным, чтобы осмотреть башню и надпись, которая, по словам нашего проводника, сохранилась в одной из выбоин в скале.

Чтобы добраться до скалы, на которой была надпись, приходилось подниматься в гору сначала по крутому склону, усеянному мелкими, острыми камнями. Проводник наш снял свои чукяки и, несмотря на острые камни, быстро поднимался вверх, словно его босые ноги не чувствовали никакой боли.

Наконец склон пройден, мы у подножия скал, уступами поднимающихся вверх; цепляясь за камни, нависая над более или менее высокими обрывами, мы продолжали подниматься, между прочим по небольшому карнизу, которые бывали так узки, что по ним можно было пройти только боком, придерживаясь руками за выступы утеса; затем снова подъемы по скользким выступам скал.

Наконец проводник наш остановился перед довольно широкой выбоиной в скале, но надписи не было видно; впрочем, при более внимательном осмотре можно было еще различить следы истершейся надписи, выполненной белой краской; но время и дожди уничтожили ее настолько, что кроме едва видных следов некоторых букв ничего различить нельзя было.

Никто не мог нам сказать в Балкаре, на каком языке была сделана надпись; мулла, который лет десять тому назад видел эту надпись,

тогда еще довольно целую, уверял, что она написана не на арабском языке. Балкарцы по крайней мере не признавали надпись своей; предания не сохранили даже имени того народа, который начертал на Чертовой лестнице и здесь, высоко на скале, эти загадочные письмена»³.

Имея столь подробные ориентиры нахождения надписей, мы сумели отыскать оба эти места в Черекском ущелье — и каменный навес над «Чертовой лестницей» (сегодня дорога идет по другой стороне ущелья и добраться сюда ой как непросто), и тем более скалу, что нависает над бывшим аулом Кунным. Знали, что уже сто лет назад надписи практически не читались, тем не менее на что-то надеялись. Естественно, зря. От надписей не осталось никаких следов.

Итак, что же мы имеем? Ни Миллер, ни Харузин не оставили нам даже зарисовок букв, которыми были осуществлены надписи, но сообщили несколько интересных моментов. Прежде всего, то, что балкарцы отказались от авторства означенных сообщений; следовательно, они, надписи, были созданы как минимум пять-шесть столетий назад.

Далее. Известно, что в написании отсутствовали арабские буквы (свидетельство муллы). Значит, надписи датировались доисламским периодом; куда как вероятно, что они существовала не только до нашествия Тимура, но и значительно раньше. А отсюда, вероятнее всего, были сделаны византийскими миссионерами. Теми самими, которые уже в VI веке, при императоре Юстиниане, обратили свой взор на племена и народы Кавказа, а с начала X века (в течение практически шести веков) вели здесь «активнейшую миссионерскую деятельность, продвигая христианство в глубь предгорий и гор Кавказа»⁴.

Думается, датировка черекских надписей XI–XII веками наиболее вероятна. Содержание же их, без сомнения, закрепляло «успех греческих церковных миссий, совершивших культурный подвиг на окраине «варварского» мира»⁴, а может, содержало и сведения о тех, кто пришел в эти горы с именем Христа. Нам об этом теперь никогда не узнать.

И вдвойне обидно, что к этому неузнаванию приложили руку не столько безымянные местные жители, которых иностранцы привычно обвиняли в невежестве и варварстве, а просвещенные европейцы, чьи имена нам известны. Дело в том, что англичане, выбравшие своей целью для упражнений в меткости стрельбы из револьверов надпись над «Чертовой лестницей», выбившие из нее последние раз-

личаемые буквы и окончательно уничтожившие свидетельство далеких времен, были не кто иные, как члены знаменитой экспедиции горовосходителя Дугласа Фрешфильда.

Не в 70-х годах, как пишет Н. Харузин, «путешествовавших по Кавказу, поднимавшихся на Эльбрус и захавших в Балкар», а побывавших там чуть раньше – летом 1868 года. Именно тогда Дуглас Фрешфильд, Каминс Таккер и Адольфус Мур вместе с проводником-французом Франсуа Девуасси вззошли на Восточную вершину Эльбруса, а потом побывали в Балкарии, где и поупражнялись в стрельбе.

Кто из англичан оказался самым метким стрелком, мы никогда не узнаем – в книге Д. Фрешфильда «Путешествие по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус», посвященной означенной экспедиции и переведенной по заказу нашего издательства ⁵, о тех соревнованиях по стрельбе ни слова...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миллер В. Ф.* Терская область: Археологические экскурсии // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 99.

² *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. Вып. 3. С. 116.

³ Там же. С. 121–122.

⁴ *Кузнецов В. А.* Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск: Снег, 2007. С. 123.

⁵ *Фрешфильд Д.* Исследования Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009.

ПИРАМИДЫ КАВКАЗА

Английский альпинист Флоренс Кроуфорд Гроув (Грове) – автор классического труда в литературе по изучению Кавказа. На его «Холодный Кавказ» ссылаются многие российские путешественники и исследователи, в немалой степени вследствие того, что книга явилась одним из первых живописных описаний величественного горного массива, покорения его знаковых вершин, документальным рассказом о коренных жителях высокогорья.

«„Холодный Кавказ“, – писал другой английский альпинист Дуглас Фрешфильд, – живая и в то же время весьма точная серия рассказов о кавказском путешествии и о людях на Кавказе. Хотя она и включает историю первого восхождения на высочайшую вершину Эльбруса, однако, в основном, в ней больше повествуется о путешествии, чем о восхождении. Вероятно, поэтому и объясняется ее столь большая привлекательность»¹.

В работе К. Гроува, летом 1874 года вместе с Муром, Уокером и Гардинером побывавшего на Кавказе, имеется описание гор конической формы. Конус, напомним, – это тело, полученное объединением всех лучей, исходящих из одной точки и проходящих через плоскую поверхность. Если основание конуса представляет собой многоугольник, конус становится пирамидой.

Вот что, в частности, заметил английский альпинист: «Несколько слов о тех конических горах, которые нам попадались в начале нашего путешествия по этой обширной покатости. Их было несколько; все они имели значительную высоту и отличались замечательно правильной конической формой. Одна из них казалась настолько симметричной, что трудно было представить себе, чтобы она не была произведением рук человеческих, и наши проводники ни за что не хотели верить, что гора эта искусственная, и только после того, как мы подошли к ней совершенно близко и указали им на громадную ее величину, превосходящую в четыре раза величину наибольшей египетской пирамиды (Great Pyramid), они увидели, что нужно было употребить слишком много труда, чтобы устроить подобную гору, и

решились допустить, что над нею действительно работала сама природа. Удивление их было велико, да и на самом деле горы эти представляли любопытное зрелище. Очевидно, они были вулканического происхождения, чем только и можно было объяснить их особенную, крайне вытянутую форму; при этом следует помнить, что в данное время вы находились вблизи когда-то действовавшего вулкана Эль-боруса.

Можно было бы принять эти горы за могильные курганы отжившей расы, но подобное предположение было бы слишком большой вольностью со стороны путешественника»².

Тем не менее такое предположение Гроув высказал – уж очень поразила его идеальная конусная форма одной из вершин на территории нынешней Кабардино-Балкарии.

Пирамидам в истории человечества отведена особая роль. Люди сооружали их повсеместно. Для чего? Одна из версий – для общения с богами. Другая – пирамиды, благодаря своей форме, накапливают космическую энергию. Третья – пирамиды являются естественными генераторами земной энергии. Напомним, что «в 1967 году известный американский физик, лауреат Нобелевской премии доктор Луис Альварес решил исследовать с помощью электронной техники прохождение космических лучей сквозь толщу пирамиды Хефрена. Разместить 30 тонн аппаратуры и работать с ней группе ученых из Калифорнийского университета помогали видные египетские физики. После того как полученные результаты были обработаны, доктор Альварес отказался комментировать их. Дело в том, что точнейшая телеметрическая аппаратура почему-то дала искаженное представление о ее геометрических пропорциях. А вот египетский физик Гонейд заявил, что они «научно невысказуемы»: «Это – тайна, которую мы не в состоянии объяснить. Называйте ее как хотите – проклятьем фараонов, волшебством или магией»³.

Сторонником искусственного происхождения горных пирамид является, как известно, исследователь Э. Мулдашев, осуществивший с этой целью несколько экспедиций в Гималаи, где ему «удалось насчитать более 100 пирамид и различных монументов, четко ориентированных по сторонам света и расположенных вокруг основной пирамиды высотой 6714 метров (священная гора Кайлас). Поражало огромное многообразие форм и размеров пирамид. По ориентировочным подсчетам, их высота от подножия до вершины колебалась в пределах 100–1800 метров (для сопоставления, высота пирамиды

Хеопса составляет 146 метров). Весь этот пирамидальный комплекс очень древний, поэтому во многом разрушен. Но при внимательном рассмотрении удастся выявить достаточно четкие очертания пирамид.

...Главное отличие их в том, что большинство тибетских пирамид сопряжены с различными по размеру вогнутыми, полукруглыми и плоскими каменными конструкциями, которые специалисты группы называли «зеркалами». Возможно, эти «каменные зеркала» выполняют роль не только «машины времени», но и экранируют потоки различных энергий, распределяя их. Многие пирамидальные конструкции Тибета имеют дополнительные плоские «каменные зеркала», которые, вполне возможно, экранируют энергии, «собираемые» пирамидой, и сочетают их с потоками энергий от других пирамид и «зеркал»⁴.

...Вершин, которые похожи под описание Гроува, в республике несколько. Это прежде всего Когутай – Большой и Малый, одна из вершин на плато Кум Тюме, о которых мы уже рассказывали в первой и второй книгах данного издания; безымянные скалы-конусы в Черекском и Хуламо-Безенгийском ущельях.

Подобного рода объекты пирамидального типа имеются и в Зольском районе. Обнаружил их учитель Муаед Мальсургунов, о чьих поисках рассказала республиканская газета: «Представьте себе: две пирамиды стоят на склоне горы ступенчато. Нижняя – длиной 100 м, шириной 50, верхняя – 80 х 30. Члены экспедиции Пятигорского отделения Русского географического общества пришли к выводу, что строения рукотворные – это и есть храм Солнца.

Пирамид, подобных удивительной паре, расположенной неподалеку от селения Сармаково, по долине реки Малка – семь. Кто и когда их возвел – неизвестно.

Сармаковский учитель со слов старших знает, что в 1912 году была предпринята попытка раскопать странные сооружения с четкими геометрическими очертаниями. Но его дед – Тохтамыш Мальсургунов, главный эфенди селения Бабуково (прежнее название селения Сармаково), – не позволил нарушить покой тысячелетних пирамид. Ему удалось уберечь от разорения то, что было создано жителями этих мест в незапамятные времена»⁵.

...Имеется еще одна небольшая гора, расположенная в районе селения Карасу, о которой мало кто, за исключением местных жителей, пасущих скот в этой местности, знает. Гора эта представляет

интерес потому, что имеет форму пирамиды и, вероятнее всего, искусственного происхождения – возможно, насыпная.

Добраться до этого необычного объекта не так-то просто – то, что в конце прошлого века было дорогой, превратилось с годами неухода и пренебрежения в подобие горной тропки, тут и там размытой своенравной речкой. Немалых трудов стоило нам объехать принесенные водой каменные великаны, преодолеть ямы и промоины, чтобы выбраться к верховьям Карасу.

Дорога, петляющая по густому лесу, с колеей, в ряде мест превратившейся в сплошное болото, то и дело заставляла останавливаться, применяя где силу, где сноровку, где хитрость, чтобы достигнуть цели нашего путешествия. Но у нас был надежный штурман – учитель местной школы Алаххбирды Кучмезов, большой знаток прошлого, поборник истины в подлинной истории насельников Кавказа.

И вот, наконец, мы добираемся до небольшого скального хребта, под которым расположился невысокий – метров 70–80 – холм: та самая пирамида. Рядом имеется и вторая насыпь, значительно меньшей высоты. Вместе они составляют что-то вроде комплекса.

Честное слово, на первый взгляд определение «пирамида» кажется не совсем точным при виде конусообразной земляной, пусть и довольно отвесной, насыпи, заросшей травой.

Подминая траву, выросшую где по пояс, а где и выше, начинаем подъем. В какой-то момент – от прерывистости почвы – создается ощущение, что под ногами расположены каменные плиты, засыпанные землей, придавшей пирамиде определенную покатость. Но это только ощущение.

Вершина холма плоская, площадью около трех-четырех десятков квадратных метров, в самом центре достаточно большая яма с оплывшими земляными краями. Проглядывают очертания каменного пояса, но без раскопок трудно разобраться, искусственный он или природный. Хотя раскопки здесь уже кто-то вел. Металлодетектор показывает полное отсутствие железных предметов.

А вот ощущение какой-то особой атмосферы на вершине присутствует. Пытаемся понять, в чем оно заключается, но однозначного ответа нет. Скажем то, что почувствовал один из авторов этих строк: в какой-то момент перехватило дыхание, стало остро не хватать воздуха. И это никогда не испытываемое ранее ощущение удивило и насторожило предчувствием чего-то неожиданного и тревожного.

Пришлось остановиться, передохнуть, хотя нельзя было сказать, что подъем был трудным или при осмотре «пирамиды», обходя ее по периметру, перенапрягся. После короткого отдыха – пара-другая минут – отпустило, дыхание пришло в норму.

Кто мог знать, что это был первый приступ так называемой *грудной жабы*, по-народному, – стенокардии, по-научному, вылившийся в конечном итоге в серьезные проблемы с сердцем, приведшие через год к операции – шунтированию. Спровоцировала ли их «пирамида», саккумулировавшая какую-то энергию, или, наоборот, отняла – сказать трудно. Определенно было другое – до подъема на тот злосчастный пирамидальной формы холм в районе Карасу проблем с сердцем у одного из пишущих эти строки не было и в помине.

Возвращались мы с пастбищ другой, верхней, дорогой, возвращались почему-то в тревожном, даже несколько гнетущем настроении – разговоры сами собой почему-то прекратились. Все молчали, хотя как раз говорить было о чем. Дело в том, что сел подмыл один из холмов, нависающих над селением Карасу и открыл старинные (скифские?) захоронения, в которых школьники, ученики Алаххбирды, обнаружили несколько бронзовых украшений, в том числе конских.

Ранее в самом селении при строительстве домов было найдено несколько наверхий булавы. Великолепно обработанные – поражает абсолютно ровное сквозное отверстие с идеальной внутренней полировкой (что и сегодня труднодостижимо), предназначенное для насаживания на деревянную рукоять, – они выточены, судя по весу этих сравнительно небольших каменных яиц, из вулканической породы с большим содержанием железа. Несколько сжатое по вертикали тулово одного из наверхий, изготовленного из белейшего прозрачного мрамора, имеет обточенные шипы-ушки, также великолепно обработанные...

Но тем не менее в машине царил непонятное молчание – возможно, встреча с карасуйской пирамидой давала знать. А может, мы просто устали после напряженного, наполненного событиями дня...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрешфильд Д. Исследования Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 77.

² Гроув Ф. К. (Грове). Холодный Кавказ. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 109.

³ Тайная история мира. М.: Мартин, 2009. С. 419.

⁴ Чудеса света. М.: Мартин, 2007. С. 63, 66.

⁵ Иванов А. Малкагендж из неолита // МК в Кабардино-Балкарии. 2009. 23–30 дек.

ЦАРСКАЯ КОРОНА

Эта история, происшедшая в 1970 году, наделала не просто много шума – она прогремела буквально на всю страну. Помнится, как весь Нальчик только и говорил о двух вандалах-дегенератах, которые распилили драгоценную корону, найденную ими в Черекском ущелье. Об этом написала союзная пресса, суть публикаций которой изложил в своей книге «Мой дом – Эльбрус» Михаил Залиханов в главе «А корона счастья не принесла»¹. Базируется данная глава на заметке журналиста газеты «Советская Россия» Анатолия Подольского, напечатанной вначале в информационном издании, корреспондентский пункт которой он представлял в нашей республике, а впоследствии перепечатанной «Кабардино-Балкарской правдой».

Вот та самая заметка: «...Два жителя г. Нальчика, приехав на рыбалку на реку Черек-Безенгийский, недалеко от селения Карасу, приняли бутылку-другую портвейна, и их потянуло ко сну. Один из них проснулся раньше другого и продолжил рыбалку. Переходя от заводи к заводи, он нашел удобную корягу и, усевшись на нее, закинул свою удочку подальше от берега. Вдруг он заметил блеск какого-то предмета на другом берегу реки.

Отставив удочку, он добрался до этого предмета, освободил его от ила и песка. Оказалось, что это корона. Напялив это изделие на голову, до конца еще не поняв, что нашел, идет и будит своего напарника со словами: «Смотри, чем я не король». Тот, когда пришел в себя, определил, что в руках у них находится дорогая вещь – действительно царская корона. Они решили эту вещь поделить пополам и с помощью ножа и камня они разрубили изделие на части.

В Нальчике они отдельные куски продавали зубным врачам для изготовления золотых зубов. Когда выручили достаточные суммы денег, решили прокатиться на отдых к Черному морю. Извлеченные драгоценные камни из короны они спрятали в одном из цветочных горшков.

Проходит какое-то время. Соседка, подруга хозяина дома, где спрятаны драгоценные камни, иногда в отсутствие хозяина заходила

в дом, поливала цветы и делала уборку. Увидев, что цветок в одном из горшков завял, она выбросила его в мусорный ящик вместе с горшком.

Через несколько дней прибывают и экскурсенты. Обнаружив исчезновение горшка, они бегут к соседке и спрашивают, где горшок. Та говорит, что цветы завяли и она выбросила их вместе с горшком в мусорку. Они ей не поверили и устроили допрос с пристрастием. Короче говоря, избили ее до полусмерти. Она, как очнулась, побежала в милицию.

Милиционерам удалось обнаружить у каждого из них по небольшому куску короны. По этим кускам удалось установить, что вес золотой короны был более двух с половиной килограммов, драгоценных камней, как выяснилось, было 48. Какого качества и цены они были, никто уже определить не сможет. Таким образом, это уникальное древнее изделие оказалось безвозвратно погибшим.

Конечно, это является невосполнимой историко-археологической утратой для нашего края. Если эти несерьезные люди пошли бы официальным, законным путем, то получили бы и большую сумму вознаграждения, как положено по закону, а так они угодили в тюрьму: один на четыре, другой на три года. В общем, найденная корона им не принесла счастья».

Вот такая заметка с идеологически выдержанной концовкой... Но прежде чем перейти к еще одному газетному сообщению, хотелось напомнить строки из знаменитого труда Н. А. Нарышкина «Отчет об экспедиции в Балкарию и Кабарду», побывавшего в наших местах в 1867 году и засвидетельствовавшего следующий эпизод: «В горах балкарского общества Безенги были найдены старинные женские украшения. Зная желание мое увидеть эти вещи, Наурузов поехал за ними, но привез только небольшой слиток золота, которое при внимательном рассмотрении оказалось весьма низкой пробы и происходило от переплавки украшений»². К сожалению, варварство бессмертно...

В конце прошлого века выходившая на тот момент газета «Мир республики» опубликовала заметку учительницы карасуйской школы Лейлы Гергоковой «Золотой улов». Она по интересующему нас поводу и содержит несколько уточняющих фактов: «В 1970 году двое туристов-рыболовов стали свидетелями тому, как местный мальчишка на отвесном берегу реки нашел блестящий предмет, напоминающий обруч. При близком рассмотрении обруч оказался золотой короной. Рыбаки обманным путем, сказав мальчишке, что это не золото

и вещь нужно сдать в музей, завладели сокровищем и скрылись с места рыбалки. Впоследствии они потихоньку распиливали археологическую находку и по кусочкам сбывали ювелирам, зуботехникам, официантам.

Со слов одного очевидца, корона была довольно-таки тяжелая. Посередине сокровища блестел большой камень в виде ромба. Дальше по всей поверхности располагались, по мере убывания, такие же ромбообразные камни с голубоватым оттенком.

По всей вероятности, хозяин короны был человеком богатым и властным. Старейшины Карасу рассказывают, что именно здесь происходило одно из сражений местных жителей с воинами завоевателя Тимура, в котором погиб один из его полководцев. Говорят, что корону нашли на его могиле. В селе известно о старинном массовом захоронении, где вместе лежат человеческие останки и кости лошадей. Мальчишки по сегодняшний день находят там разного рода «безделушки»: бронзовые статуэтки, яйцеобразные камешки со сквозными отверстиями...»

Историю эту, потрясающую воображение своей пещерной дикостью по отношению к артефактам прошлого, в Карасу знают все от мала до велика. Именно оттого, что рассказывали ее неоднократно, она со временем обросла рядом неточностей, которые мы постараемся устранить.

Итак, летом 1970 года двое нальчан повадились рыбачить на Черек-Безенгийский, в местечко, что в районе селения Карасу. Выезжали на субботу-воскресенье, с ночевкой, с бутылочкой, распивая которую, отмечали улов. Черек в те годы радовал рыбаков весьма неплохой добычей.

С нальчанами познакомились местные школьники-мальчишки, один из них — Ахмат Гиляхов — привязался к рыболовам, пользовался их удочками, случалось, вместе с ними и ужинал.

Как-то раз, когда нальчане опорожняли очередную бутылку привезенного с собой спиртного, Ахмат бродил по берегу реки, закидывая то здесь, то там удочку. Тут-то он и заметил солнечный отблеск, отразившийся в каком-то предмете, лежащем у отвесного обрыва на противоположном берегу реки.

Перебравшись, увидел, что солнце отражается в прозрачных камешках, вставленных в металлический обруч. Вытащив его из песка, Ахмат, не имевший в силу своего малолетства даже понятия, что такое корона, надел ее на голову и в таком виде предстал перед рыбаками.

Надо отдать должное дальновидности и хитроумию нальчан – мгновенно осознав ценность находки, они, тем не менее, не показали виду, с улыбкой сняли корону с головы мальчишки, примерили по очереди и сообща решили, что корону следует сдать в краеведческий музей.

Что мог возразить мальчуган двум взрослым мужчинам? И корона покинула Карасу. Взрослые же рассказу Ахмата не очень поверили – мало ли что пацану взбредет в голову, да и был он весьма непослушным сорванцом.

Так все, возможно, и забылось бы и никто не узнал о царском венце, если бы нальчане не проявили добросердечие. То ли боясь разоблачения, то ли чувствуя свою вину перед мальчишкой, они стали постоянно наведываться в Карасу. А так как корона к тому времени была уже распилена пополам и кусочками распродавалась, денег у наших рыболовов имелось предостаточно. Долю Ахмата они возвращали доступным их пониманию способом – приезжали в Карасу, затаренные самой лучшей едой с базара, с полудюжиной бутылок коньяку. Пир в палатке шел горой, и мальчишка был его полноправным участником. В памяти Келлета Ольмезова сохранилось, как бесчувственный Ахмат лежал в палатке. Именно тогда он пристрастился к спиртному, от которого в конечном счете и ушел из жизни в 2007 году. Кстати говоря, событыльников в той палатке хватало, и история с находкой постепенно становилась достоянием многих.

Обладатели же короны потеряли всякую осторожность, торгуя золотыми кусочками (обруч они даже не распилили, а разрубили зубилом) направо и налево. Получаемые деньги – огромные по тем временам – требовалось тратить, а куда – ума не хватало. Как-то даже выехали в Сочи – троим, вместе с мальчиком, где устроились в одной из лучших гостиниц и не вылезали из ресторанов...

Именно тогда сию веселую компанию увидел один из авторов этих строк. Дело в том, что в 1970 году нальчикский клуб «Автомобилист» (ныне «Спартак») сражался за выход в первую лигу футбольного чемпионата СССР. Финальная пулька и проходила в главном южном городе страны. И пишущий эти строки, на тот момент семнадцатилетний первокурсник Кабардино-Балкарского госуниверситета, вместе с товарищем по группе Олегом Гусейновым, ныне корреспондентом «Газеты Юга», получив стипендию, на несколько дней махнул в Сочи. Благо в те времена билет на автобус до Минеральных Вод стоил 2 рубля 20 копеек, а на самолет – 14 рублей. Тогда как стипендия составляла аж 35 рублей.

Вот на два целковых с небольшим (за вычетом стоимости обратного билета), мы и жили в гостинице «Южная» целых четыре дня. Правда, питались пирожками и на обратную дорогу от аэропорта до Нальчика не хватило, но читающему эти строки, надеюсь, ясно, что можно было приобрести в те годы на многие сотни рублей, которыми были набиты карманы владельцев короны.

О том, что они летели с ними в одном самолете, узнали только, если быть честными, знакомясь с материалами уголовного дела. А на тот момент запомнилось, как весело и бурно вели себя двое взрослых нальчикских пассажиров и бывший с ними мальчишка, как чуть ли не у трапа самолета (тогда такое практиковалось) ждало их светло-зеленое такси, водитель которого предупредительно распахнул дверцу машины.

Естественно, подобная «загульная жизнь» должна была обязательно заинтересовать соответствующие органы, тем более что в те недалекие времена было не принято афишировать наполняемость своего кармана. Ускорил ее окончание с драгоценными камнями, выброшенными радивой домохозяйкой...

Короной занялись компетентные органы, и не только ответственные за общественный порядок. Наши героев арестовали, неоднократно допрашивали. Было осуществлено несколько выездов на место, где нашли корону. Но других артефактов так и не обнаружили.

Атрибутировать корону тоже не удалось – по незначительным рубкам конфискованного у продавцов и покупателей золота это оказалось весьма сложно сделать. Осталось словесное описание (неполное), по которому был сделан графический рисунок находки.

К какому выводу пришли эксперты, нам неизвестно. Одно из предположений – корона была скифской.

...У знаменитого английского драматурга Кристофера Марло есть трагедия «Тамерлан великий», действующими лицами которой являются персидский царь Микет, его брат Хосров, а также множество различных царей. В прологе пьесы, в частности, говорится:

От песен плясовых и острословья,
От выходок фигляров балаганных
Мы уведем вас в скифские шатры;
Там перед вами Тамерлан предстанет,
Чьи речи шлют надменный вызов миру,
Чей меч карает царства и царей.
В трагическом зеркале отраженный,
Он, может быть, взволнует вам сердца.

А вот монолог Хосрова из второго акта первой сцены:

...Чтобы создать столь дивного героя,
Вошла судьба с природою в союз.
Он управляет собственной жизнью
И жребиями множества людей,
Поэтому сильнейшие враги,
Узнав о подвигах его отваги,
Дань восхищенья отдают ему.
Когда, объединившись с Тамерланом,
Направим мы свои мечи и копья
На жизнь царя, что крепостной стеной
Обнесена, как замок неприступный, —
Ни крепкие врата, ни ров глубокий
От гибели Микета не спасут.
Спадет корона с головы глупца,
Как спелый плод осеннею порою...³

А если допустить, что корона Микета, завоеванная Тамерланом, неисповедимыми путями судьбы оказалась в наших краях? Ведь версию о принадлежности короны одному из полководцев «великого хромца», а может (чем черт не шутит!) ему самому, сохранила народная память.

Судьба же тех, кто прикасался к царскому венцу, оказалась весьма печальной — об Ахмате мы уже говорили; из рыболовов, чья жизнь пошла наперекосяк после отбытия тюремного срока, один давно умер, сведениями о другом мы не располагаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Залиханов М. Ч. Мой дом — Эльбрус. М.; Нальчик, 2007. С. 492–493.

² Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. Вып. 1. С. 20.

³ Кристофер М. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1961.

БЕДЫКСКАЯ ПУСТОТА

О пещерах, что в верховьях селения Бедык, мы слышали многое. Местные жители спасались в них от завоевателей в год нашествия Тимура. Герои романа Эльберда Мальбахова «Страшен путь на Ошхамахо» ночевали в них. В годы Гражданской войны здесь прятались красные партизаны, а во время Великой Отечественной войны и последующие годы – дезертиры.

Известно, что в одной из таких пещер более тридцати лет скрывались Ахия Жангуланов и Махмут Хуболов, о чем писала в 2003 году «Газета Юга»: «Жили когда в заброшенных кошах, когда у реки. Особенно тяжело было зимой – костер разжигать было опасно. По рассказам Ахии, он и Махмут сильно отощали, у них отросли бороды, одежда превратилась в лохмотья.

Однажды остановились в Бедыке. Нашли защищенную от людских взглядов пещеру, почистили ее, замаскировали камнями. В пещере был маленький источник. В ней можно было развести костер. Чтобы не было дыма, дрова должны были быть очень сухими. Поэтому заготовив дрова, Ахия и Махмут смогли воспользоваться ими только через три года.

...Махмут был верующим, делал намаз, из пещеры практически не выходил. Охотясь очередной раз, Ахия угодил в трещину между камнями и три дня просидел там. Махмут нашел друга.

Недалеко от пещеры посадили картофель, замаскировав орешником. Ахия научился делать бузу из картошки. Иногда, по его словам, «грешил»: уносил из домов в конце села кур, один раз – барана.

Со временем оборудовали летнюю пещеру. А в зимней держали корову, которую зарезали, когда она отелилась. Теленка постигла та же участь, из-за чего впоследствии сильно переживал Ахия.

Когда умер Махмут, Ахия отчаялся. Перестал прятаться и пришел в село. К тому времени слух о пещерных людях уже разошелся по району. Георгий Черкесов, тогда директор совхоза «Эльбрус», встретился с Ахией: «Теперь уже никто не будет тебя преследовать. По тем временам дали бы тебе 10 лет, а ты отсидел 30»¹.

Столь длинную цитату мы дали преднамеренно, чтобы читателю стало ясно, как долго можно было скрываться в бедыкских катакомбах.

А вот еще одна публикация из той же «Газеты Юга». Местный житель Зураб Черкесов рассказывает: «Эту пещеру нашли два местных охотника. Наткнулись случайно, но заходить внутрь не стали. Потом через эти места проходил мой отец с друзьями. Они обнаружили узенькую тропинку и зашли в пещеру. Отец рассказал мне об этой находке.

Мы с Али Боттаевым и Эльдаром Селяевым решили обследовать ее. Прямо у входа обнаружили собранные с двух сторон кости: с одной стороны черепа, два целых и четыре сломанных. С другой стороны – кучку из фрагментов остальных костей скелета. Метров через десять лежит сохранившийся целиком скелет двухметрового человека.

Дальше пещера разделяется на три туннеля. Каждый из них ведет в большую залу, откуда вглубь ведут еще четыре туннеля. Мы прошли по одному из них, он вывел нас в зал, в котором можно было бы поместить крупный самолет. На протяжении всей дороги нам попадались кости оленей, других животных, которые мы не смогли определить. Человеческие кости.

Отмечали дорогу мелом, чтобы не заблудиться в лабиринтах. Но, несмотря на это, на обратном пути заблудились. Мы увидели потрясающее зрелище – растущие из земли сталагмиты и озеро с пресной водой. Там тоже были разбросаны кости. Из предметов – почти целиком сохранившиеся несколько глиняных кувшинов. Выбираясь, набрали на выход с обратной стороны. Он расположен на десятиметровой высоте.

Мы успели обойти лишь малую часть лабиринта.

Отец челюсть одного из черепов передал зятю – он увлекается археологией. Тот отправил ее на экспертизу своему знакомому археологу, который рассказал, что челюсть принадлежит представителю монголоидной расы: ее задняя часть шире и длиннее, чем у европеоида».

Естественно, после такого захватывающего описания мы практически сразу решили отправиться в пещеру. Подготовились основательно: взяли спелеологическое оборудование, катушку маркировочной лески, чтобы не заплутать, несколько фонариков.

Компанию нам составил Василий, тот самый, о котором рассказывается в первой книги данного издания: не стареющий балагур и

оптимист, облизавший чуть ли не все пещеры Кабардино-Балкарии. Но, к нашему удивлению, не знакомый с бедыкской.

Еще одним нашим спутником стал Аслан Бекулов.

Так как бедыкцы уверяли, что мы самостоятельно не найдем нужный объект – в Интернете местные пользователи убежденно заявляют, что дорога к нему великая тайна, – сопровождать нас вызвался арендатор Харун. Он, как выяснилось впоследствии, в пещере ни разу не был, смутно даже представлял, где конкретно она находится, но уверенно двинулся в путь. Уверенности этой, как мы поняли совсем скоро, способствовала вчерашняя свадьба, где Харун был не в числе последних.

До этого мы пару раз поднимались в верховья Бедыка, благо туда ведет достаточно накатанная дорога, так как некоторые местные жители продолжают здесь пасти скот, а уж корма на зиму заготавливают все. Показывали нам и вход в пещеру – показывали с противоположной от нее стороны, откуда через узкое ущелье глубиной в сотни метров перебраться никак невозможно. Если только по воздуху.

Следовательно, к пещере надо идти непосредственно от Баксанского ущелья, что и мы и сделали, оставив машину у реки. Раньше дорога вела к самим пастбищам и с этой стороны, во всяком случае, тракторы по ней поднимались, о чем свидетельствовала проглядывающая сквозь зелень колея. Но было это, вероятно, достаточно давно, да и в другой стране...

Подъем оказался достаточно затяжным и продолжительным. Кое-где тропинка столь резво устремлялась вверх, что приходилось помогать ногам руками, хватаясь за молодые деревца, а то и подтягиваясь с их помощью.

Спустя где-то около часа или что-то вроде того наша компания взобралась на горный гребень. Заросшее травой плато представляло живописное зрелище. Но от этого и было неясно, где конкретно находится спуск к пещере. Мы как будто определились по противоположной стороне и были уверены, что пещера именно под нами. Но взглянув вниз и увидев многометровую пропасть поняли, что это не совсем так.

Все-таки решили начать спуск и уже через короткое время остановились, зависнув на ошеломляющей крутизне, где стоять было можно только вцепившись в чахлые деревца. Отпустив их, вниз можно было только катиться, а чтобы подняться вверх, надо было пригнуться к земле и ползти, цепляясь за все, что могло сдержать падение, преи-

мужественно за траву. В какой-то момент мы и сами не могли понять, как нас угораздило забраться в столь небезопасное место, где буквально на каждом шагу лежали сгнившие, и от этого особо опасные, деревья, а вершина горы оказалась так далеко, что невозможно было поверить в реальность ее достижения.

Стало ясно, что мы спустились не там.

Сил подниматься вверх практически не осталось, что уж говорить о поисках. Вспомнилось предупреждение о том, что найти пещеру совсем не просто. Не случайно ведь о ней так долго не знали. Но наш спутник Харун, позабывший к этому моменту о вчерашней свадьбе, не терял времени даром.

Он покинул нас, зависших гроздьями над пропастью, и методично стал осматривать все склоны. К тому моменту, когда мы благополучно выбрались на относительно ровный пригорок, харуновский поиск дал результат: пещера была наконец-то найдена. Спуск к ней оказался куда легче, чем тот, что мы осуществили по расположенному выше склону. У входа в подземелье оказалось достаточно места для большой группы людей. Рядом расположена каменная арка — та самая, которую видно с противоположной стороны каньона.

В саму пещеру ведет довольно узкая щель. Переодевшись, мы полезли вниз. Надо сразу сказать, что подобное мероприятие не для слабонервных. Пещера невысокая, пролезть в нее можно только ползком. Правда, совсем скоро пещерный свод поднимается и можно встать в полный рост. Но зал этот относительно невелик. А дальше в разные стороны отходит несколько ходов, продвигаться по которым можно или на корточках или ползком. Очень большая влажность способствует росту великого множества сталагмитов, в ряде мест образовавших настоящие каменные занавеси. При свете фонарей зрелище это таинственно и мрачно. Особенно когда понимаешь, что часть наростов вовсе не сталагмиты, а кости как животных, так и человека.

Привязав леску к одному из каменных пальцев, двигаемся вперед. Свод все ниже и ниже. В стороны уходит сразу несколько узких, до полуметра высотой ответвлений. Василий выбирает одно из них, влажно отблескивающее при свете фонарей, и через мгновение скрывается в нем вместе с нашим фотографом Жанной.

Пишущему эти строки что-то расхотелось следовать за смельчаками, и он решил осмотреть повнимательнее зал, где оказался. Высокий — где в полтора, где в два человеческих роста, общей

площадь в несколько десятков квадратных метров, зал этот вряд ли служил местом долговременного проживания людей: и холодновато, и сыровато, и мрачновато.

Особенно неприятно стало после того, как почему-то потух фонарь, основательно подзаряженный накануне. Главное, что леска, которую тянули за собой Василий и Жанна, оказалась непонятно где. Нащупать ее руками не удалось, а хождения и поиски в темноте привели к тому, что перед пищущим оказался какой-то непонятный узкий лаз, в который он неожиданно для самого себя полез, будучи уверен, что это и есть выход из пещеры — тот самый, по которому в нее вошли. Но в скором времени лаз раздвоился, от чего стало грустно и тоскливо, а самое главное — «некому руку подать».

Голоса, еще какое-то мгновение назад доносившиеся из глубины горы, затихли. Лишь редкие капли, падающие с потолка, нарушали тишину подземелья. Ощущение, что находишься в могильном склепе, крепло с каждой минутой. Так как повернуться в лазе не было никакой возможности, автор этих строк лихорадочно, словно ящерица, заскользил назад, благо под животом были не острые камни, а мягкая земляная масса, и в какой-то момент почувствовал, как одна из его ног зацепила что-то гибкое и пружинистое. Это оказалась леска! Спасительная леска, позволившая выбраться на поверхность.

А вскоре на ней появились и два оставшихся исследователя. Они оказались несколько разочарованы. Пещера отнюдь не отличалась гигантскими размерами, а самолет, который мог разместиться в одном из залов, скорее всего был бы «кукурузником». «Озеро с пресной водой» (а какой еще она могла здесь быть?) оказалось и вовсе лужей. Другого выхода обнаружить не удалось, хотя, вероятно, он имеется — в пещере ощущается движение воздуха и вовсе не с той стороны, откуда мы в нее забрались.

Впрочем, мы смогли осмотреть лишь малую часть ответвлений. А значит, Бедыкская пещера еще не открыла все свои тайны.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Газета Юга. 2003. 4 дек.

НЕНАЙДЕННАЯ ДОБЫЧА КАНЖАЛА

В 2008 году в Кабардино-Балкарии отмечалось 300-летие Канжальской битвы, в которой войско крымского хана Каплан-Гирея I было разбито кабардинским ополчением, руководимым князем Кургоко. Эта битва, без всякого преувеличения, одно из важнейших событий военной истории Северного Кавказа того времени, по большому счету – самая значимая победа кабардинцев над внешним врагом.

Проходила битва на горе Канжал. Карачаевцы и балкарцы во все времена называли эту вершину *Канжол*. Местность Канжол (Къанжол) впоследствии в русской транскрипции стала называться Канжал, а затем в более привычном для русского языка звучании – Кинжал, и этот топоним закрепился в картографии.

Имеется немало сведений о самом сражении и месте, где оно состоялось, – значительная часть их воспроизведена в книге «Канжальская битва и политическая история Кабарды», вышедшей в нашем издательстве¹. В ней опубликованы архивные и фольклорные материалы, записки и отрывки из работ Абри де ла Мотрэ, Ксаверии Главани, Густава Гербера, Генриха-Юлиуса Клапрота, Дмитрия Кантемира, Семена Броневского, Николая Данилевского, Шоры Ногмы, Хан-Гирея и целого ряда других авторов.

Лучшей, и не только на наш взгляд, научной работой об этом сражении является труд историка Валерия Сокурова «Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре». Валерий, сосед по дому авторов этих строк, активно сотрудничал с нашим издательством – выпустил книгу о знаменитом фольклористе Зарамуке Кардангушеве, подготовил фундаментальную статью «Институт выезда на службу у черкесов», которую мы опубликовали в журнале «Эльбрус». Планировались и другие работы, если бы не неожиданный отъезд Сокурова на постоянное место жительства в Москву.

Большинство трудов о Канжальской битве (авторы этих строк заговорили о важности данного события задолго до предъюбилейных публикаций²), появившихся в последнее время, в той или иной мере ба-

* К и н ж а л (Кынжал): *кын* – ножны, *жал* – острое; К а н ж о л: *кан* – кровь, *жол* – дорога. Букв.: кровавая дорога, тропа, путь (*тюрк.*).

зируются на сокуровской работе, но выводы многие историки, отнюдь не располагающие другими источниками, делают совершенно разные.

В первую очередь это касается итогов битвы, количества ее участников и места проведения сражения.

Вследствие чего мы приведем обширную цитату из сокуровского труда, касающуюся силового соотношения противоборствующих сторон и имеющую самое прямое отношение к нашему материалу: «В источниках приводятся весьма разноречивые сведения о численности войска, собранного ханом. Опираясь на хронику Рашида (1720), И. Хаммер (1831) утверждает, что в поход с Каплан-Гиреем I на кабардинцев отправилось 20 тыс., в том числе 6 тыс. ногайцев из Бессарабии, 1,5 тыс. сейменов хана, 3 тыс. сипахов (турецкая кавалерия) под командованием бейлербея (наместника) Кафы Муртазы-паши; еще 5 тыс. темиргоевцев и 5 ногайских племен принудил хан силой. Трудно сказать, на чем основаны эти данные. Очевидно, Рашид почерпнул их из официальных турецких или татарских источников. Цифру 20 тыс. называет также источник кабардинского происхождения. Это письмо князя Татархана Бекмурзовича, который был, пожалуй, достаточно осведомлен о величине войска противника. А в письме кабардинских князей от 1769 года встречается уже 40 тыс. В описаниях де ла Мотрэ, Дмитрия Кантемира и И.-Г. Гербера приводятся более крупные размеры войска. А де ла Мотрэ определяет его в 100 тыс. человек (число, конечно, явно преувеличенное). Кантемир пишет, что Каплан-Гирей I выставил против кабардинцев 80 тыс. татар, а «когда переправился через Танаис, к нему присоединились 15 тыс. кубанцев». И.-Г. Гербер называет более скромное число — 30 тыс.

Итак, назвать точную цифру нет возможности. Приведенные данные позволяют, однако, составить представление о масштабах ханского войска и его организационной структуре. Таким образом, войско под верховным начальством Каплан-Гирея I составляло не менее 20–30 тыс. и включало в себя крымских и турецких солдат, ногайцев и темиргоевцев»³.

Сегодня кое-кто упор делает на самые большие цифры (сто тысяч человек!), что вступает в противоречия с истинным положением дел. Тем, кто бывал на Канжале, понятно: столь огромная конско-людская масса никак не могла разместиться на достаточно небольшом пространстве гористой пересеченной местности. Ну а если даже разместилась, более того, стояла достаточно продолжительное время (около трех недель), то должна была оставить после себя весьма ощутимые следы. А ведь была еще и «принимающая», так сказать, сторона. А это, по разным источникам, от 7–12 до 30 тыс. человек.

Следовательно, следы от такого пребывания войск должны были сохраниться, причем весьма значительные.

Кроме того, по свидетельствам дипломатических источников, в частности, донесению российского посла в Константинополе П. А. Толстого канцлеру Г. И. Головкину «о бесславном завершении похода крымских татар на черкесов», только «с пашой Муртазой янычан и турчан возвратилось в Керчь всего человек с тридцать, а прочие все тамо пропали, которых было с ним всего больше четырех тысяч турок конных и янычан»⁴. И это только часть потерь.

Следовательно, на Канжале нашли свою погибель, по самым скромным подсчетам, не менее десяти-двадцати тысяч крымцев. Значит, помимо следов пребывания войск должны остаться и многочисленные захоронения.

Этот вопрос давно волновал нас. Дело в том, что целый ряд экспедиций в те места, проведенных в 2004–2006 годах, — экспедиций, достаточно хорошо подготовленных и оснащенных (нам помогали пастухи, которым эти места были знакомы вдоль и поперек; к поездкам привлекались опытные поисковики, в наличии у коих были самые современные металлодетекторы), не дал абсолютно никаких результатов. Мы искали в разных местах, буквально облазили горные склоны, но ничего (за исключением пары наконечников от стрел) так не нашли. Хотя подобного рода артефактов должно было быть многие тысячи, ведь раскопки в этих местах никогда не велись — до последнего времени необходимой качественной аппаратуры просто не имелось.

И вот еще одна экспедиция, проходившая, напомним, задолго до юбилейных событий. В этот раз только металлодетекторы имелись у четырех человек, что позволяло значительно расширить круг поисков.

Дело в том, что до нынешнего времени так точно и неизвестно, где проходило само сражение, в каком месте размещался лагерь крымцев, с какой из вершин были направлены вниз 300 ослов с привязанными к их спинам вязанками сена, которые (ослы, естественно) «ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспомощности и смятении стал рубить друг друга»⁵. Хотя имеется целый ряд привязок к местности. В частности, знаменитая Алеготова скала, о которой пишет все тот же Шора Ногма. Названная так потому, что «толстый паша Алегот в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за дерево, повис и кончил жизнь в таком положении».

Итак, прибыв на место, где проходило знаменитое сражение, поисковики немедленно ринулись в бой. Выстроившись в ряд, разойдясь друг от друга на расстояние 50–70 метров, они медленно дви-

нулись по наиболее плоскому месту в районе Канжала, где только и можно было разбить относительно большой лагерь.

Особых находок, помня результаты предыдущих поездок, мы не ожидали, но все-таки надеялись что при столь массированном поиске какие-то артефакты будут найдены. Спустия где-то полтора часа намеченный участок был пройден. Находки – два наконечника от стрел, не представляющих никакого научного интереса.

Поиск продолжили под скалой, той самой, носящей имя крымского паши, но вновь неудачно. Здесь же расположились на обед, размышляя, как поступить дальше. И тут к нам подъехал работник природоохранных органов Хасан, долгое время, как выяснилось в разговоре, наблюдавший за нами со стороны. Оказалось, у нас есть общие знакомые, более того, как-то сидели даже за одним столом. Поделились с Хасаном нашими проблемами, и он посоветовал поискать не遠деке от привала – на холме, название которого с кабардинского переводится как *место, на котором делили добычу*.

Крутой спуск по дороге вниз, относительно ровная площадка, где когда-то располагался штаб отгонных животноводческих пастбищ Хаймаши, неоднократно посещаемый одним из авторов этих строк в период его работы в газете «Советская молодежь» в семидесятых годах прошлого века. Знакомый пейзаж, только от штаба не осталось сегодня никаких следов.

Дороги к нужному нам холму как таковой нет. Едем по бывшим пастбищам, давно забывшим, какому количеству скота они давали пропитание. Чуть не застреваем в мочаках, по которым и пешком-то передвигаться проблематично, а уж на тяжелом джипе тем более. Сами не заметили, как заехали в настоящее болото. Машина буксует и возмущается.

Спешиваемся, рассредоточиваемся и начинаем подъем на курган. Металлодетекторы не показывают ничего на склонах, но на макушке, весьма небольшой по площади (не более сотни человек поместится), начинают дружно подавать голоса. Раскопки приносят две необычные находки – панцирные нашивки, изготовленные из металла, да сгнившие от времени остатки воинских доспехов. Все.

Несколько расстроенные, уезжаем. Канжал и на этот раз не открыл нам своих тайн, не поделился добычей, остатки которой, хоть малые, обязательно должны были находиться в земле.

О чем же это говорит? То, что сражение было, сомнению, естественно, не подлежит. Но, скорее всего, как таковое оно проходило не в том месте, которое историки ему отводят. Ведь вещественных следов не найдено практически никаких. Ситуация, схожая с Кулико-

вым полем: оно есть, а доказательств, что битва с татаро-монголами происходила именно здесь, раз-два и обчелся. Впрочем, по историческим данным, Куликовская битва велась на площади в десятки тысяч гектаров, а не на десятках, как Канжальская. Возможно, на месте, где мы провели расширенный поиск, состоялось какое-то локальное сражение. Вероятно, и топонимические названия отражают эту локальность.

Следовательно, поиск надо расширять, ведь павшие в той битве так и остались на месте сражения, значит, должны быть братские могилы. Тем более что мы многое слышали о находящихся в районе Канжала татарских кладбищах. Во всяком случае, расположение одного из них – огромный овраг, в глубине которого под сравнительно небольшим слоем грунта находится великое (со слов очевидца) множество человеческих черепов и костей, – известно. Очевидец этот, проживающий в селении Хабаз, обещает показать означенный овраг, но обставляет исполнение просьбы целым рядом условий. Они достаточно трудновыполнимы, но тем не менее мы верим, что сумеем договориться.

Известно нам и место Асланжи в районе Канжала, где долгое время стоял памятный камень типа могильного, имевший какие-то надписи, а ныне увезенный в неизвестном направлении. Вот почему мы надеемся, что письменные источники Канжальской битвы обретут и вещественные доказательства.

Уместным дополнением к этому материалу нам видится публикация кабардинского предания, записанного фольклористом Л. Г. Лопатинским, о сражении с крымцами, проходившем в этих же местах, но несколькими годами (если можно говорить так применительно к легендам) ранее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Канжальская битва и политическая история Кабарды. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008.

² Котляровы М. и В. Живописная Кабардино-Балкария. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2006. С. 33–37.

³ Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 54–55.

⁴ Канжальская битва и политическая история Кабарды. С. 339–340.

⁵ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 146–147.

КРЫМЦЫ В КАБАРДЕ

I

Крымский хан Мамай, желая привести под свою руку Кабарду, явился неожиданно со своим войском. Не приготовившись к защите и растерявшись от внезапного нападения, кабардинцы заявили свою покорность. Хан взял у них заложников и остался на некоторое время в Кабарде. Свое войско он расположил по домам в кабардинских аулах; в каждом дворе стояло по два человека крымцев. Татары всячески издевались над бедным народом: после обеда должны были кабардинцы, в знак покорности, запрягаться в арбы и возить своих постояльцев, до тех пор пока они не прикажут вернуться назад; это называлось — *семанхашхен*.

По вечерам же татары-бездельники ходили по домам и осматривали кабардинских женщин, и которая им пришлась по вкусу, они ее брали к себе; о сопротивлении же жестоким победителям нельзя было и думать. Вот как надругались крымцы над кабардинцами! Все это продолжалось около полугода. Половина крымского войска стояла лагерем на горе Кинжал¹, и туда должны были кабардинцы гонять каждую неделю скот для прокормления воинов, что было весьма тяжело для народа.

В селении Ашабовом жил знатный кабардинец, по имени Миншак Ашабов, кабардинским же князем в это время был Кургоко Атажукин (Хатажуко). Один крымский паша заметил, что у Миншака жена красива, и распорядился, чтобы ее привели к нему. Вечером пришли к Миншаку люди и сказали, чтобы он выдал жену. Миншак объявил, что он не отдаст ее. Те ушли и доложили об этом паше. Паша пожаловался хану. На следующий день призвали Миншака к хану. Миншак снял шапку и стал пред ханом, сидевшим на ковре и курившим из большой трубки.

— Отчего ты, — спросил грозно хан, — не отдал своей жены одному из моих пашей?

— Не отдам! — сказал смело Миншак.

— Посмотрим, не отдашь ли ты! — сказал хан и с этими словами положил трубку на голову Миншака, перевернув ее горячей золой вниз, и держал ее до тех пор, пока огонь в трубке не выгорел. Миншак стоял, не моргнув даже глазом, как будто бы он и не чувствовал никакой боли. Удивившись твердости духа Миншака, хан отпустил его домой.

— Ну! — сказал Миншак, придя домой, — это еще ничего; но если бы они меня запрягли в арбу, в которой возят семанхашхенов, то я дал бы себя знать этим проклятым татарам!

Об этих словах Миншака прослышали крымцы и, недолго думая, призвали его и запрягли в арбу. В арбе развалился паша, и Миншак возил его до тех пор, пока не пал в изнеможении. Тогда паша велел своим людям выпрячь его. Лишь только Миншака выпрягли и стали толкать, чтобы он пашу высаживал из арбы, он выхватил шашку, и убил пашу и всю его прислугу. Когда об этом услышал крымский хан, то он не сказал ничего, отложив расправу с ним до более удобного времени.

II

На речке Мазехе, правом притоке Малки, стоял аул Кармов. В ауле жили два брата Кармовы: Кануко и Кандохо. Сам хан гостил у братьев Кармовых и был женат на родной их сестре. Хан имел при себе пелуана (борца), которого никто из кабардинцев не в состоянии был побороть, чем хан особенно гордился. Однажды хан велел огородить плетнем место для борьбы и дать знать по аулам, не пожелает ли кто-нибудь из кабардинцев помериться силами с его пелуаном. У братьев Кармовых был крестьянин, по имени Бей, который, как говорят, был до того силен, что, отправляясь в лес, вырубал ступицы, ободья колес и все деревянные принадлежности для арбы, привязывал к большому брусу и нес все это на своих плечах, не чувствуя совершенно тяжести, как будто это была вязанка дров.

Князь Кургоко стал разведывать среди кабардинцев, не найдется ли кто-нибудь, кто бы мог вступить в борьбу с ханским пелуаном. Тогда этот Бей сказал:

– Кургоко, я поборол бы этого борца; только у меня руки коротки!

Этим он намекал на то, что он простой человек, не имеющий никого за собой. Кургоко смекнул, в чем дело, и сказал, что он постарается о том, чтобы его руки были подлиннее. Явился Бей на место борьбы. Крымский пелуан, гордясь своей силой и непобедимостью, рычал, как лев, вызывая всех, кому это угодно, на борьбу. Позади него сидел сам хан и курил длинную трубку. Вдруг подошел к пелуану Бей, схватил его своими мускулистыми руками, поднял вверх и швырнул на землю с такой силой, что пелуан только стонал от боли, лежа на земле, без всякого движения, еле-еле живой. Хан, не ожидавший ничего подобного, был до такой степени поражен и вместе с тем выведен из себя, что вскочил со своего места и ударил Бея трубкой по голове так, что пробил ему голову.

Раздосадованный этим, Кургоко вынул шашку и хотел нанести удар хану, но люди его удержали, говоря, что гостя-де не следует трогать. Пелуан через день умер. Бею завязали голову, и рана зажила. После этого Кургоко стал думать крепкую думу о том, как бы им всем освободиться от ханской неволи. Он созвал через глашатая князей и некоторых урков на сход, на-

помнил всем о перенесенных от татар оскорблениях и распорядился на следующую ночь умертвить всех крымцев, расположенных по домам кабардинцев. Как сказано было раньше, хан жил в доме у Кармова, а с ним вместе там было двое приближенных хана. Ночью ворвался к Кармову Бей, заколол своей пикой ханских приближенных и подошел уже к самому хану, чтобы и ему нанести смертельный удар, но сестра Кармова бросилась к Бею с словами:

– Сперва убей меня, а потом моего мужа!

Этим она обезоружила Бея и спасла жизнь своему мужу. Вот каков был этот Бей! У этого Бея было два сына: Кашеж и Шеру; от первого пошли Кашежевы, а от второго – Шеруовы.

III

Пощадив жизнь хана, Бей решил помочь ему бежать из аула, чтобы угодить этим сестре владельца аула Кармова; он боялся, чтобы кто-нибудь другой не выместил на хане всей злобы, накипевшей на сердце кабардинцев. С этой целью он принес из дому корыто, уложил в него хана и перенес его незаметно на ту сторону реки Малки. Затем, оставив его там, перенес в корыте же его жену. Когда уже оба были на том берегу в безопасности, Бей доложил обо всем одному из братьев Кармовых. Тот взял с собой двух верховых лошадей и, переправившись через Малку, поспешил к хану. Посадив на одну лошадь хана, а на другую его жену, он отправился, вместе с ними в дальний путь – в Крым. После различных приключений, они достигли Крыма, где Кармов остался в гостях у хана.

Проходит месяц-другой. Кармову жилось у хана очень хорошо, так как хан и его жена, в благодарность за спасение жизни, ничего не жалели, чтобы пребывание в ханской столице сделать для него более приятным. Наконец Кармов стал проситься домой. Хан предлагает ему на память какие угодно драгоценности, но он от всего отказался и попросил себе в дар чубарого коня из особенной породы, которая водилась только у одного хана. Этот конь стоял в конюшне с кобылицей. Хан сначала не соглашался отдать редкого коня; но Кармов все настаивал, а ханша поддерживала в этом своего брата.

Не устояв против усиленных просьб обоих, он отдал Кармову коня; но кобылица до такой степени привыкла к жеребцу, что, когда вывели его из конюшни, она стала ржать жалобно и бить копытами землю. Видя это, хан отдал ему и кобылицу. Кармов, навьючив лошадей всяким добром, благополучно прибыл в Кабарду. Все люди дивились красоте редкого коня. Кургоко Атажукин, услышав о приезде Кармова и о красоте приведенных им лошадей, приехал к нему на следующий день, чтобы убедиться, правда ли это. Когда же он увидел этих лошадей, то сказал, что ему очень нравится чубарый конь.

– Для кого же я его привел, – сказал Кармов, – как не для тебя: он твой!

Атажукин взял коня и в знак благодарности возвратил Кармовым штраф, взятый с них за содействие бегству хана, и еще отдал им в по-

дарок целое семейство рабов, по фамилии Хатемизовы, потомки которых до настоящего времени живут в селении Ашабовом.

IV

После бегства хана, кабардинцы под начальством князя Кургоко напали в числе 500 человек врасплох на лагерь крымцев, стоявший на горе Кинжал. Половину войска они истребили, а оставшиеся в живых бросились, очертя голову, бежать вдоль по ущелью. Кабардинцы преследовали их по пятам, потопили часть их в Малке, а остальных загнали в долину Ляхран, где растет большой сосновый лес. Крымцы искали в нем убежище. Во время этого бегства весьма много крымцев погибло от ударов кабардинских *gate* (сабель) и едва третья часть спаслась в этом лесу. Кабардинцы их более не стали тревожить. Начало смеркаться, и когда князь Кургоко сделал распоряжение всем собраться в одном месте, то Миншака Ашабова не оказалось. Все уже за него беспокоились, когда он явился с татарской *сешхо* (шашка) в руке, отнятой у паши. Шашку эту он отдал своему слуге Ципилу, потомки которого хранят ее до настоящего времени в своем доме. После разгрома крымцев в руках кабардинцев осталась несметная добыча, и они на некоторое время избавились от иноземного ига.

Комментарий А. Г. Лопатинского

У Шоры Ногмова упоминается о нападении крымского войска на Кабарду, причем некоторые подробности совпадают с сообщенными в нашем сказании. Так, например, неожиданность нападения крымцев, продолжительная их стоянка в Кабарде, чинимые татарами народу притеснения, разгром их лагеря на горе Кинжал — все это происходит так, как оно описано здесь. Даже и имя кабардинского князя Кургоко Атажукина то же. Очевидно, оба сказания относятся к одному и тому же историческому событию, а именно — к вторжению в Кабарду крымского хана Каплан-Гирея, совершившемуся в 1703 году (в нашем рассказе он называется Мамай). Разумеется, канва рассказа другая: народная фантазия, завладев каким-нибудь историческим фактом, разукрасила его по-своему, прибавив некоторые детали и даже приплела сюда мотивы из других сказаний. Но от этого интерес к этому сказанию только увеличивается: в произведениях народного творчества, с исторической подкладкой, выступают гораздо рельефнее черты характера народа и сложившийся с течением времени своеобразный уклад его бытовой жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Г о р а К и н ж а л — составляет собственно плоскогорье, тянущееся между Малкой и Баксаном, параллельно Джиналу; оно примыкает к предгорьям Эльбруса.

ШТУЛИНСКОЕ ЧУДО

...Много-много лет назад, а конкретно в 1975 году, один из авторов этой книги впервые попал на поляну Штулу, завершающую Черекское ущелье, и был поражен тем природным величием, что открылось глазам и сердцу.

Пахучие зеленые травяные ковры с алыми вкраплениями маков, цветочные поляны бело-розовых ромашек, лазурных васильков, низкорослых иссиня-черных тюльпанов.

Могучие, изогнутые ветрами светло-коричневые стволы раскидистых сосен.

Воздух, дарующий волшебный аромат-напиток свежести, идущей от обрамляющих поляну снеговых вершин и разморенной пылающим светилом хвой.

Солнечный свет, пронизывающий все вокруг.

Удивительная атмосфера тихой радости, душевного покоя, светлого согласия. И подумалось: «Если есть где-то рай, то Штулинская поляна первый претендент на это место».

Уже в наше время, готовя к печати книгу путевых впечатлений альпиниста Гроува «Холодный Кавказ» (на нее немало ссылок в данной работе), пишущие эти строки прочитали, что знаменитый английский путешественник «живописнее этой долины не встречал и в горах Швейцарии, что он не знает красивее этого пейзажа в целом мире». Вот так — не больше и не меньше: самая прекрасная долина на планете Земля.

Это мнение горовосходителя приводит и русский путешественник В. Я. Тепцов, дополняя его не менее изысканными словами: «Перейдя зеленое плоскогорье между Карасу и Ак-Баши, мы спустились в ту часть долины истоков Карасу, которая, по справедливости, может быть названа прелестной в своей грандиозной дикости. Она как бы отрезана от всего мира окаймляющими ее со всех сторон могучими кряжами. На юге простирается Главный гребень с бесконечными рядами снежных пиков и с необитаемыми снеговыми полями, от которых ползут громадные глетчеры, испещренные трещинами, темными шиферными моренами и торчащими ледовыми глыбами наподобие глыб Агштана. На востоке начало Дигорского отрога с рядами живо-

писных вершин и глетчеров; на западе темные скалы Шаривчика, а над ними бесконечные глетчеры, обрывающиеся в долину отвесными зелеными стенами; на севере из-за зеленых холмов видны высоко в небе грандиозные вершины Дых-тау и Коштан-тау с их могучими глетчерами и страшными в своем нагромождении скалами»¹.

...В ту далекую ночь 1975-го пришлось заночевать на Штулу. И это была, возможно, лучшая ночь в жизни пишущего эти строки. Звездная (до белых, желтых и голубых небесных светил можно было, казалось, дотронуться — только приподнимись, только воздвечь руки вверх) ночь, осязаемо-густая (ее хотелось сжать в кулаках) темнота, тишина, наполняющая уши звоном звуковой беззвучности, солнечное тепло, сохраненное травами, отблеск костра на незримых вершинах — такое не повторяется.

Вспомнились строчки из работы «По ледникам Дигории и Балкарии» известного альпиниста Николая Поггенполя, в июле 1904 года через перевал Штулу пришедшего в ущелье Дых-Су, а впоследствии побывавшего в ущельях Думала и Безенги.

Вот что он писал в «Ежегоднике русского горного общества» за 1905 год: «После чудного тихого вечера наступила такая ночь, какой я на Кавказе еще ни разу не переживал. Представьте себе мой спокойный, уединенный ночлег на зеленом оазисе альпийского пастбища среди природы, полной какой-то беспощадной дикости. Ни души вокруг на далекие пространства, ни человеческого жилья — одиночество полное. Гробовое, таинственное молчание, не нарушаемое ни единым звуком, ни малейшим шумом! Одни лишь сухие ветки жалобно трещат в огне костра, который, как символ жизни, один нарушает величавый сон природы и бросает красноватый блеск вокруг.

Но вот из-за высочайших гор Кавказа выкатывается бледный лик луны! Яркий серебристый свет ложится на ледяную долину и на бесподобные ледяные выси гор. Как мертвый великан в блестящем саване, сотканном из парчи и брильянтов, растянулся у ног моих могучий ледник, этот гигант, олицетворяющий собою грозное величие Центрального Кавказа! Густые, черные тени бороздят светящуюся белизну ледяной реки с ее широкими застывшими волнами — все это морщины на челе великана, но морщины — пропасти, в вечной мгле которых, в неизведанной глубине, слышен далекий сдавленный шум воды и глухое, иногда страшные трески. Но даже и они не нарушают подавляющего душу таинственного молчания высот, в котором есть какая-то мистическая прелесть, непередаваемая, необъяснимая, увлекающая человека на путь сверхземного мышления.

Я был так поглощен этим неестественным величавым зрелищем чудовищного по размерам, но дивного мира вечных льдов, мирно спящих

в холодном свете луны, что не замечал, как проходили часы, и если бы не внезапное по своей резкости ощущение холода, то, вероятно, просидел бы еще очень долго в состоянии, близком к гипнозу. Когда же я залез в палатку и лег в спальный мешок, то мне все время казалось, что чья-то невидимая рука уносит меня далеко за пределы земли, в морозную высоту эфира; легкий ветер колышет полотнище палатки; воздух чист, как кристалл; удивительно дышится тут и как хорошо спится!

Когда-нибудь здесь построят хижину, и наступит время, когда со всех концов мира потянутся сюда вереницы туристов, которых банальная прелесть альпийских зубчатых железных дорог заставит искать отдыха от жизненных дряг в непочатой красоте гор...»

Написанное Н. Поггенполем касается Безенгийской долины, но относится с полным основанием и к Штулинской поляне.

Относительно «верениц туристов» скажем, что уже в первые годы советской власти на поляне были организованы учебные альпинистские лагеря: с 1933 года – для украинских любителей гор, с 1934 года – для производственников ленинградских заводов им. Ленина, Ижорского, «Красный путиловец». Об этом можно узнать из книги П. С. Рототаева «К вершинам. Возникновение альпинизма в СССР». А из путеводителя семидесятых годов прошлого века – о том, что «на развилке ущелья построен приют «Дых-Су», а далее по ущелью – «Северный приют перевала Гезевцек». Из турбазы «Голубые озера» через эти приюты и перевал Гезевцек (3540 м), находящийся в Главном Кавказском хребте и ведущий в Рачинское ущелье Грузии, проходил плановый всесоюзный маршрут № 101, который оканчивался шестидневным отдыхом на Черном море».

Штулинской поляне в нем уделено немало восторженных слов: «Душистые буйно растущие травы, черные тюльпаны, рододендроны, живописные горы, расположенные в форме цирка, нарзанный источник, своеобразие животного мира, воздух, солнце – все это стоит того, чтобы отдохнуть здесь не один день. Это – один из незабываемых уголков Кабардино-Балкарии».

...Так случилось, что долгие годы мы не могли попасть на Штулинскую поляну. Дело в том, что в постсоветские времена дорога в верховья оказалась размыта, а восстанавливать ее оказалось некому. Так продолжалось не год и не два. Одна из наших попыток добраться до райского уголка пешком закончилась неудачей из-за нехватки времени. И только совсем недавно некий верхнебалкарский житель проявил патристическую щедрость: расчистил дорогу от громадного селевого наноса, привел в порядок на всем ее многокилометровом протяжении.

И туристы вновь зачастили на Штулу. Ведь здесь царит прежняя атмосфера покоя и света. Все также пахучи раскидистые сосны, горючливы ручьи и высоки травы. Не иссякли нарзанные источники, а окружающие поляну горные пики столь же высоки и белоснежны. Лишь тропа, ведущая в Грузию, местами покрылась зеленым ковром, а где-то скрылась под каменными осыпями. Та самая тропа, по которой проходил древний караванный путь; та самая, по которой в 1651 году ехало русское посольство в грузинскую Имеретию².

Возродится ли дорога, связывавшая в течение столетия Черекское ущелье, до недавнего времени называвшегося Балкарским, с Закавказьем? На этот вопрос могут ответить только народы. Но вот что интересно – один из организаторов туристских поездок (они включают и ночевку) в Штулу, с которым мы встретились на поляне в последний приезд, рассказал нам, что по вечерам неоднократно наблюдал на скальных выступах, образующих цирк, странныедвигающиеся тени. Приглядевшись внимательно, поймал себя на мысли, что тени эти от каравана – люди вели за узду лошадей, на крупах которых явственно виднелись массивные тюки. Зрелище это продолжалось несколько минут: караван шел мерно и спокойно, словно прорвавшись сквозь время, шел, отражаясь на скалах и облаках, шел, как столетия назад. Куда? Из прошлого в прошлое? Или из прошлого в настоящее?

Сложно объяснить это явление. Вероятнее всего, люди становятся свидетелями оптической иллюзии, творимой лучами покидающего котловину солнца. Но ведь возможен и хрономираж, наподобие того, что являет нам славный град Китеж. Ведь здесь, на Штулу, чудеса не просто возможны – они ожидаемы, реальны и зримы...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Черека. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 119–120.

² По ирано-турецкому миру 1555 года Имеретинское царство подчинялось Османской Турции, которой платило дань. В конце XV века Имеретия выделилась из Грузинского государства в самостоятельное государство – Имеретинское царство со столицей Кутаиси.

В XVIII веке цари Имеретинского царства неоднократно обращались за помощью к России. В 1769 году Екатерина II направила в Грузию войска, взявшие турецкие крепости и занявшие Кутаиси.

По Кючук-Кайнарджийскому русско-турецкому договору 1774 года дань Имеретинского царства Турции была отменена.

В 1811 году Имеретинское царство было преобразовано в Имеретинскую область Российской империи.

ОБЛАКА ИЗ ДРУГИХ МИРОВ

...С этим явлением один из авторов данных строк столкнулся в 1970 году.

Сентябрь. Нас, новоявленных студентов Кабардино-Балкарского госуниверситета, посылают в Баксанский район (селение Кызбурун III, ныне Дугулубгей) убирать «королеву полей», как в те годы величали кукурузу. Закончился еще один рабочий день; вечер, где-то в начале восьмого раздаётся чей-то удивленный возглас:

– Посмотрите на небо!

Мы высказываем из бывшей конюшни, отведенной нам под жилье, запрокидываем головы и не можем оторвать взгляд. На небе происходит что-то невероятное. Во-первых, оно багровое, во-вторых, по нему с востока на запад прямо-таки несутся ослепительно-розовые облака.

Если цвет облаков еще как-то можно объяснить отсветом лучей заходящего солнца, то стремительный полет невесомых воздушных кораблей – весьма затруднительно: ведь стоит абсолютно безветренный вечер, расположенные поблизости кукурузные поля не издают ни звука, ни один листок не колыхнется на стеблях. Но и это не самое удивительное.

Приглядевшись внимательно, замечаем, что, оказывается, все облака исходят из одной точки. Они словно рождаются на наших глазах, появляясь из какого-то невидимого небесного отверстия. Восточный горизонт совершенно чист, но где-то на одной трети видимого небесного свода, словно выдавливаемые из другого мира, рождаются одно за другим вначале серо-белесые, потом розовеющие и наконец совершенно алые облака.

Вот появилось еще одно – из маленького, еле заметного, оно растет на глазах, набухает, приобретает законченные формы, какое-то время словно раздумывает, двигаться ему или еще подождать, и наконец устремляется вслед за своими собратьями, чтобы за какие-то считанные минуты добраться до противоположного конца неба и исчезнуть неизвестно куда.

Эта воздушная феерия продолжалась достаточно долго – более часа. За это время на небе родилось и умчалось по одному и тому

же кем-то выбранному (или намеченному?) маршруту 12 или 13 небесных странников.

Никому из нас не приводилось видеть ничего подобного, и никто не мог объяснить, при чем мы присутствуем, что должно означать подобное появление «облачных гостей».

Долгие годы мы не встречали людей, ставших наблюдателями схожего природного (или искусственного?) явления. Но вот на глаза попалась книга «Тайная история мира». В одном из ее многочисленных очерков, озаглавленном «Плывут по небу облака... из параллельного мира», приводится рассказ туриста Юрия Белоусова, наблюдавшего нечто подобное совсем неподалеку от тех мест, где мы в далеком 1970 году убирали кукурузу.

Вот этот рассказ: «Я много ездил по стране, исходил сотни километров. Среди множества впечатлений не дает мне покоя одно. В сентябре 1959 года я был на Кавказе в альплагере «Эльбрус», на притоке реки Баксан. В час послеобеденного отдыха, когда все мы сидели по палаткам, вдруг раздался возглас: «Смотрите! Смотрите!» Я с приятелями выскочил из палатки и увидел, что весь лагерь стоит, запрокинув головы. Прямо над нами в небе рождались необычные облака! Рождались точно в одном месте. Впечатление было такое, будто в иголочный прокол выдувалось маленькое облачко, раскрашенное всеми цветами радуги. Оно отплывало в сторону, а в той самой точке рождалось новое. По небу плыли уже более десяти облаков, все они росли на глазах, а все их складки были расцвечены радугой. Это было удивительное зрелище, которое и сейчас, спустя почти полвека, не смазалось в памяти. Такое чудесное явление не только мы, туристы, но и инструкторы видели впервые».

И комментарий одного из авторов этой необычной книги, Сергея Демкина: «Очень компетентный метеоролог, которого я познакомил с собранными мною фактами, согласился с моей гипотезой, что загадочные облака могут проникать в земную атмосферу из параллельного мира, а не образовываться в ней в результате конденсации водяного пара. Не исключено, что в будущем удастся установить информационный контакт с «мыслящими облаками», если и они, и люди проявят к этому интерес»¹.

Мыслящие облака — это, конечно, круто. Но почему бы и нет, коль наука до сих пор не в силах объяснить причины появления и механизм образования необычных небесных странников. Тем более что подобного рода явления происходят в местах, отмеченных присутствием высших сил. Неоднократно наблюдали схожее «поведение»

облаков паломники, присутствовавшие в Иерусалиме на Пасху, когда происходит таинственное сошествие с небес Благодатного огня.

Вот что рассказывает москвич Георгий Рехин, в 1998 году приехавший в Иерусалим: «Исполнилось мое желание побывать на празднике Преображения Господня на горе Фавор. Народу собралось много, невозможно войти в храм, еле-еле протиснулся. Служба проводилась на греческом, арабском и изредка на церковно-славянском языке. Наконец пришло время причастия. Из-за многолюдства причаститься оказалось невозможным: стоявший на амвоне владыка из России тихо сообщил, что причастие будет продолжаться на улице. Народ в суете поспешил к выходу. Православные паломники уже заполнили просторную площадь возле храма.

Случайно столкнулся со своими друзьями, их взгляды были устремлены в небо: «Смотри, смотри! Облака пошли!». Облака даже не двигались, а летели. Погода тихая, а они мчались с удивительной быстротой, как ускоренные кинокадры. Их много: сгруппировались на западе и ждут своего часа, вылета... Выскочит одно облачко, будто из обоймы, спешит в сторону церкви и, едва достигая ее, тает на глазах. Ему бы еще лететь и лететь, такому легкому и пушистому, а оно почему-то растворяется... И так все близко, метров 50 над головой... Вдруг облака стали озаряться *фаворским светом*, по-другому не назовешь! Светящиеся всполохи, похожие на гроззовые, но никакого грома – яркая дуга, какие-то искры и блестящие звездочки...

Защелкали фотоаппараты. Я не исключение: сучусь, устанавливаю треножник, на него камеру. Поначалу техника не срабатывала – отказала электроника... Начинаю молиться, просить милости Божией хоть один кадр сделать, на память. Хотя осознаю, что память должна остаться в сердце... Облака плывут: достигая православного храма, все как одно поворачивают в сторону, хотя всего в 400–500 метрах католический храм, казалось бы, что им стоит проплыть над собором?.. Но словно невидимая рука отводит их в сторону... И тут же они тают, оставляя после себя неизгладимые впечатления в памяти и видение фаворского света в человеческой душе...»².

Свидетелем подобного явления был и наш друг Аслан Бекулов...

Может быть, всем нам стоит чаще глядеть на небо – вдруг удастся узреть момент рождения небесных странников, несущих благу весть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тайная история мира. М.: Мартин, 2009. С. 130–131.

² Чудеса света. М.: Мартин, 2007. С. 101.

МОЛНИЕНОСНЫЙ ПЛАЗМОИД

Октябрьским вечером 2008 года Мухарби Яхтанигов, бывший преподаватель Кабардино-Балкарской сельскохозяйственной академии, кандидат наук, а ныне, после ухода на пенсию, арендатор, поехал в микрорайон Нальчика Дубки, чтобы осмотреть посевы сорго. Эта культура, для республики новая, интересовала его как профессионального агронома – отслеживал посевы, фиксировал, чуть ли не по дням, всхожесть. Вот и сегодня цифровой фотоаппарат – обыкновенный, не из дорогих – был при нем...

Арендные поля бывшего совхоза «Нальчикский» располагаются напротив детской поликлиники, уходя вниз, на восток. Осмотрев нужные ему участки, Мухарби уже собирался возвращаться, как внезапно заметил, что метрах в 70–80 от него зажегся свет, словно кто-то включил мощнейший неоновый фонарь. Вглядевшись в наступающую темноту, агроном увидел светящийся диск, висящий на высоте около метра над землей.

Было непонятно, что это такое, как неясны форма и природа светящегося объекта. Мухарби, человек разносторонних интересов, любопытный, с творческой жилкой, настоящий исследователь природы (право говорить так дают нам долгие беседы в процессе подготовки книги о первом ректоре КБГСХА Б. Х. Фиапшеве), не раздумывая, сорвался с места и побежал в сторону диска. Когда до него оставалось где-то около сорока или чуть меньше метров, остановился, нажал на затвор аппарата, сделал снимок. Успел обратить внимание на то, что диск, яркий до рези в глазах, тем не менее абсолютно ничего не освещал вокруг себя. От него не было ни отблеска, ни лучей.

Очень сложно было определить размеры диска, но был он достаточно небольшой: где-то полметра или чуть больше в диаметре.

«Подойду ближе и уточню», – решил Мухарби, но подойти ближе ему так и не удалось. Объект словно заметил фигуру агронома, а может, отреагировал на вспышку фотоаппарата, но неожиданно поднялся на несколько метров над землей и в мгновение ока – каких-то пять-семь секунд – оказался на краю поля, а затем и вовсе исчез по

направлению к Нартану. Двигался он параллельно дороге на Владикавказ, причем очень плавно, словно управляемый чьей-то разумной волей. Мухарби только и успел, что еще раз щелкнуть фотоаппаратом, зафиксировав непознанный светящийся объект.

Никаких ощущений во время встречи с таинственным явлением М. Яхтанигов не испытывал — страха не было никакого, только любопытство, одно лишь желание понять, с чем столкнулся, свидетелем чего стал.

На вопрос, что это, на его взгляд, было, у нашего очевидца ответа нет. Да и у кого он может быть? Мухарби предполагает, что это могла быть шаровая молния, которую многие ученые наделяют разумом, но быстрота, с которой диск улетел, заставляет усомниться в подобном предположении. К тому же движение шаровых молний хаотично, зависит от воздушных потоков, да и не могут они зависать на продолжительное время на одном месте.

Если задаться вопросом, что мы имеем, то исходных моментов не так уж много: объект реальный — круглый, светящийся, движущийся, не вызывающий у наблюдателя физиологической реакции (страха, испуга, отторжения). Сам наблюдатель не из числа тех, кто обладает повышенным стремлением приукрашивать действительность. Да и к чему приукрашивание — есть снимки (читатель может их оценить сам), которые не подвергались фотомонтажу, позволяющему ныне сотворить любые чудеса.

На наш взгляд, Мухарби Яхтанигов видел в поле плазмоид. Кое-кто из исследователей считает его сгустком разумной плазмы, которая образуется за счет магнитной силы и подвижных электрических зарядов. Сведения о плазмоидах можно почерпнуть и в истории — древние люди, видя подобного рода объекты, считали их духами, демонами, джиннами. К. Циолковский называл их «эфирными существами». Но зафиксировать, так сказать, «живую» плазмоиды удалось лишь в последнее время, когда фото- и видеотехника активно вошли в повседневный быт людей.

Первопроходцем в исследовании плазмоидов считается итальянский ученый Лучиано Бокконе, опубликовавший в 1980 году солидное исследование по данной теме. Трехлетние наблюдения со специально построенной станции, оснащенной несколькими автоматическими камерами, разного рода датчиками, фиксировавшими электро- и магнитные поля, тепло- и радиационное излучения, позволили узнать много нового о плазмоидах. В частности, их скорость движения —

400–450 метров в секунду, или 1500–1600 километров в час (вспомним, как практически мгновенно объект, который видел Мухарби Яхтанигов, достиг края поля); при их движении возникает спиральная дифракция, что свидетельствует о мощном вращающемся силовом поле; порой их появление сопровождается различного рода звуками (свист, жужжание, барабанный бой); плазмоиды могут преследовать движущиеся объекты (самолеты, пароходы, поезда), зависать над аэродромами, вокзалами... Впрочем, твердо можно сказать только одно: зная много о плазмоидах, человек по-прежнему с уверенностью не знает о них ничего. И не случайно версия, что плазмоиды – это не что иное, как души умерших, также присутствует при попытках объяснить это загадочное явление.

МВД ПРОТИВ НЛО

Так как наша доблестная милиция первой оказывается на месте различного рода происшествий (сегодня вернее было бы сказать, должна оказываться), то со временем в издательском архиве накопилось немало свидетельств работников органов внутренних дел, в процессе исполнения своих служебных обязанностей сталкивавшихся с непонятными фактами и явлениями.

Среди них коллективный рассказ милиционеров, находившихся в служебной командировке на Аурсентских пастбищах и ставших очевидцами зависания огромного светящегося объекта (в его иллюминаторах переливались разноцветные огоньки) прямоком над их импровизированным контрольно-пропускным пунктом, представляющим из себя вагончик с прикрепленным к одной из его стен брезентовым тентом.

Наши упорные попытки узнать, как правоохранители реагировали на столь явное нарушение воздушного порядка на территории пастбищ, закончились ничем. Правда, мы выяснили, что доблестные стражи порядка, врасплох застигнутые идущим с неба светом, не стали брять оружием, тем более пытаться поразить из пистолетных стволов корабль пришельцев, а быстренько ретировались под уютную крышу дорожного вагончика и вышли наружу лишь тогда, когда за окном потемнело.

Отчего ни фамилий, ни должностей участников сих событий мы привести не можем.

А вот то, что в конце восьмидесятых годов в Юго-Западном микрорайоне Нальчика приземлялся объект, именуемый в составленном впоследствии протоколе как НЛО, действительный факт. Более того, участковый уполномоченный Арипшев выезжал на место приземления, что-то видел там необычное, поразившее его воображение и вернулся в райотдел в весьма возбужденном состоянии.

Стал рассказывать начальству, товарищам по службе, далее каждому встречному-поперечному о «зеленых человечках». И был единодушно осмеян, подвергся остракизму, в конечном итоге забрал написанный им рапорт и уничтожил его.

Дело, естественно, никто не открывал – в журнал происшествий запись от гражданина, просигналившего о посадке инопланетного корабля, также не нашла отражения...

Самое интересное, что был Арипшев на месте посадки не один – к рапорту прилагалась объяснительная сопровождавшего его спутника, но и это не помогло.

«Коллективная галлюцинация» – таков был вердикт начальства, о чем нам рассказал Валерий Шипилов, бывший работник райотдела, отвечавший за политико-воспитательную работу среди милиционеров, а ныне плодовитый писатель, выпустивший в нашем издательстве всего за несколько лет добрых два десятка книг.

Единственным, кто поверил Арипшеву, была Люба Маслова, работница паспортного стола, в то время входившего в систему органов внутренних дел. Рассказ участкового уполномоченного пополнил коллекцию собранных ею фактов о посещении инопланетянами нашей республики. Но что конкретно видел Арипшев, нам неизвестно, так как сам он ныне, к сожалению, в мире другом, а Маслова выехала на постоянное местожительство за пределы республики и ее воронежский адрес авторам неизвестен.

Зато известно, свидетелем чего стал еще один правоохранитель, облеченный в годы службы достаточно высокими должностными полномочиями – работал первым заместителем министра МВД Кабардино-Балкарской Республики.

С рассказанным ниже Магазали Эндреев выступил в документальном фильме «НЛО: свидетельства военных», подготовленном телевидением одной из западных стран. Отрывок этот может посмотреть каждый интернетовский пользователь.

А вот, что конкретно рассказывал Магазали Эндреев: «Несколько лет тому назад я летел вечерним рейсом из Москвы в Минеральные Воды. Я сидел полусонный рядом с иллюминатором, когда услышал шум в салоне самолета. Люди, буквально кинувшись на правую сторону, прислонялись к иллюминаторам и что-то разглядывали.

Я сначала не понял, в чем дело, но когда глянул в иллюминатор, то на большом расстоянии от самолета увидел шар величиной с футбольный мяч. Шар ярко светился и как бы стоял на месте.

Я подумал: «Чего они разглядывают?..»

И вдруг шар, сорвавшись с места, совершил скачок, как мне показалось, в несколько сотен метров! Интенсивность свечения шара мне казалась очень высокой, так как за бортом было темно.

Я видел несколько таких скачков, когда за доли секунды шар перемещался на большие расстояния, то приближаясь, то удаляясь от самолета. В промежутках между скачками он застывал на месте и находился без движения несколько секунд. У нас, находившихся в самолете, сложилось впечатление, что шар нас разглядывал... Все действие длилось полчаса, затем шар как бы растворился.

Я считаю, что видел что-то необычное, в крайнем случае неземное. Если бы шар наблюдал только я, то можно было бы сказать, что мне почудилось. Но если весь самолет чуть не переворачивало и стюардесса умоляла пассажиров не покидать свои места с левого борта и не перегружать правый борт, то, наверное, от галлюцинаций это далеко.

В моей жизни это был единственный случай, но я знаю факт, когда мой подчиненный, ехавший на машине со своей женой из города Баксан в Нальчик, видел в районе Баксана необычно огромный сигарообразный объект. Позже об этом писали в местных газетах. Аппарат привлек внимание моего подчиненного своими необычными размерами. После наблюдения с ним произошли кое-какие изменения физиологического характера. У него появились частые головные боли. Он несколько раз обращался к врачу. Его обследовали, но причину не могли найти.

Видели аппарат многие. Считали, что это падающий самолет... Движение объекта наблюдали сотни, а может, и тысячи жителей Баксанского района. Мой сотрудник, видевший этот аппарат, жив и по сей день. Он работает в Урванском районе заместителем начальника Урванского РУВД. Его фамилия Шогенов. Он может рассказать об этом случае более подробно»¹.

Впрочем, о том, что видел Шогенов, мы уже писали во второй части нашей книги.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Герштейн М. Заблудившиеся во времени. М.: Современник, 1999. С. 7–8; Интернет.

ГЕДМЫШХ – КАК ПЕСНЬ ПЕСНИЙ

Водопад Гедмышх – удивительнейший природный памятник, равного по красоте которому мы, объездившие республику вдоль и поперек, не знаем. Зрелище это невозможно описать словами, его надо увидеть, а увидев – уверяем, вы в прямом смысле слова замрете от восторга и потрясения.

Ни один из водопадов Кабардино-Балкарии – Чегемские ли, даже в конце шестидесятых, когда они были наиболее полноводны; расположенный в верховьях этого же ущелья знаменитый Абай-Су; водопады урочища Джилы-су, что в Северном Приэльбрусье, в том числе и прославленный Султан, – невозможно даже сравнить с Гедмышхом.

С высоты более семидесяти метров (по показаниям высотомера), опоясывая полукружием скальный выступ, вниз несутся водяные потоки. Их периметр приближается к сотне метров. Гора покатая, с многочисленными гrotами и каменными навесами, буквально изъеденная водяными струями, что придает ей сказочно-таинственный вид. Кроме того, она не хмуро-темная, как большинство других, ставших ложем для потоков, а многоцветная – ярко-кремовая, обрамленная изумрудьем свисающих то тут, то там вытканых мхами ковров.

Разноуровневые струи неумолчно летят вниз – одни на десятки метров, другие значительно меньше, но только для того, чтобы, пробежав немного по отлогим склонам, вновь сорваться вниз, ведь Гедмышх – это каскад из множества водопадов и водопадиков, создающих удивительно цельную, искрометную и в то же время нереальную по своему волшебству картину. Добавьте к этому водяную пелену, постоянно висящую над скалой, пелену, напоминающую густые шелковистые волосы, которые то и дело расчесывает гребешок, состоящий из солнечных лучиков-зубчиков, чтобы в какой-то момент заплести в них яркую семицветную ленту радуги...

Право, не хватает слов, дабы передать все это великолепие. Стоит посмотреть и на людей, впервые увидевших гедмышхский водопад: практически все на мгновение теряют дар речи, глаза округляются, лицо светлеет, озаряемое улыбкой – ясной, детской, беззащитной.

И на такое чудо у кого-то поднялись руки, тем более с разрешения Минприроды? Невозможно поверить и понять...

Действительно, до недавнего времени лицеизреть эту красоту могли лишь редкие счастливицы – чабаны, что пасли скот в урочище Мазеха, да туристы, готовые по бездорожью пройти от селения Хабаз одиннадцать километров.

Сегодня прямо к истокам Гедмышха (они на расстоянии каких-то двух-трех сотен метров от водопада) пробита капитальная грунтовая дорога, по которой проезжает практически любой транспорт. Дорога эта, как острым ножом, прошла по местной экологии: уничтожены сотни деревьев, взорваны скальные навесы, подрезаны земляные склоны. Началось массовое загрязнение экзотического уголка. В последнее время здесь настоящее паломничество – множество жителей Зольского района, не меньшее число ставропольчан едут и едут, желая соприкоснуться с чудом, оставляя после себя пластиковые бутылки от воды и стеклянные, прежде всего от водки, а также другой всевозможный мусор. Ведь контейнеров для его сбора не имеется, да и для другой цели пробита эта дорога.

О том, что проект предназначен для улучшения водоснабжения районных сельских поселений, из местных жителей практически никто не знает. Не говоря уже о том, что благодаря проекту они получают воду, но потеряют водопад. На наш взгляд, решение вести водяную трубу от истоков Гедмышха не просто неразумно, а преступно – и не только по отношению к экологии, но и всей республике в целом. В Министерстве строительства КБР уверяют, что никакого урона природе не будет нанесено. Что за логика? Водопад исчезнет, а урона нет?!

Гедмышх – это знаковый природный объект, сопоставимый, а возможно, даже более значимый, чем такие всемирно известные бренды Кабардино-Балкарии, как Голубые озера и уже упоминаемые Чегемские водопады. Наш германский друг, только что объездивший (в составе постоянно действующей экспедиции француженки Жанны Кофман, начавшей поиски снежного человека еще в шестидесятых годах прошлого века) чуть ли не весь Зольский район, впервые увидев Гедмышх, сказал следующее: «Узнав о водопаде, вся Европа приедет к вам».

Вся ли или не вся – вопрос спорный, но то, что Гедмышх привлечет к себе многие тысячи туристов – однозначно. И поэтому водопад обязательно надо сберечь: когда проект будет, так сказать, размо-

рожен, пересмотреть его, запретив отвод воды непосредственно из верхних источников. А пока незамедлительно заняться уборкой территории, поддерживая ее в надлежащем состоянии. Организовать на должном уровне сферу обслуживания (свято место пусто не бывает — и первые шашлычники уже облюбовали площадку у родников). Оградить наиболее опасные участки дороги — не хочется быть провидцами, но нет сомнения, что совсем скоро речка Гедмышх примет в свое русло железных коней, которых достать снизу будет практически невозможно.

Как это все осуществить? Создать государственное учреждение «Гедмышх», что позволит не только сохранить водопад в естественном состоянии, но и в конечном итоге, если правильно организовать рекламную кампанию и благоустроить объект для культурной рекреации, принесет финансовую выгоду.

Давайте подойдем к этому природному чуду по-государственному, с пользой для республики и ее жителей. Или такие подходы ныне не в чести?

ВОЗВРАЩЕНИЕ «СТРАЖА» ПРИЭЛЬБРУСЬЯ

В книге «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» мы рассказали о каменном идоле (менгире), установленном на плато Ирахит-Сырт, что в Северном Приэльбрусье. Стелу истукана – трехметрового красавца с головой воина в ассирийском шлеме, с четко вытесанным лицом и руками, скрещивающимися на животе, считали одним из охранных символов высочайшей вершины Европы. Ученые же уверены, что цилиндрические столбы, вытесанные из зеленоватого гранита с плавно сужающимся конусом, были изготовлены скифами на рубеже VIII–VII веков до нашей эры.

Двадцать второго июня 2008 года менгир исчез, о чем мы поведали в книге «Загадочное. Занимательное. Забытое»: «Древняя стела была сброшена в пропасть – истукан разбился, ударившись о скалу. Отделилась верхушка, представляющая из себя шлем воина, а от самого лица осталась только середина; на несколько частей раскололось тело – цилиндрический столб с четко очерченными руками, спускающимися по бокам и скрещивающимися на животе, представляет теперь несколько фрагментов. Памятник, возраст которого превышает две с половиной тысячи лет, перестал существовать. Восстановить его в первозданном виде практически невозможно...»

Эта публикация вызвала многочисленные отклики – ее перепечатал ряд информационных агентств, в Итернете появились десятки негодующих комментариев, часть авторов которых перевела разговор в плоскость межнациональных отношений, увидев в означенном случае целенаправленное уничтожение памятников одного народа представителями другого. Но последнее из области запредельного, так как вандализм понятие вненациональное. Наши же письма в компетентные инстанции, занимающиеся охраной культурного наследия, как и обращение последних в правоохранительные органы результата не дали, хотя и было известно, в каком населенном пункте проживают люди, совершившие варварский поступок.

Одним словом, скоро все затихло – был менгир и нет менгира. Но с подобным никак не могла смириться группа энтузиастов, любителей горного туризма из Ставропольского края. Наш хороший

знакомый – пятигорчанин Владимир Стасенко, исходивший Северное Приэльбрусье вдоль и поперек, основавший вместе с известным ученым из Санкт-Петербурга Вячеславом Токаревым постоянно действующую экспедицию «Эльбрус – 5500 лет в глубь веков» (о ней рассказывается в книге «Занимательное. Забытое. Загадочное»), выступил инициатором восстановления менгира. Был объявлен сбор средств – а речь шла о десятках тысяч рублей, большую часть которых внес сам Владимир, а также члены Пятигорского отделения Русского географического общества.

Встал вопрос: как изготовить памятник? Ведь копия не может быть символом. Тем более что восстановить менгир не представлялось реальным: мало того, что он разлетелся на несколько частей, так и обломки, вес которых превышал сотни килограммов, оказалось невозможно поднять вручную, как и использовать вертолет по причине расположенной рядом скалы. Тогда и было принято весьма необычное решение: воссоздать стелу с помощью современных технологий – из кварцевого песка и цемента с применением биополимерной присадки, делающей бетон самозаживляющимся и упрочняющимся со временем. Эту новейшую отечественную разработку сегодня используют для восстановления сооружений, находящихся даже в такой агрессивной среде, как морская вода.

Изготовленный истукан состоит из нескольких частей, которые вставлены друг в друга, а стыки заделаны, так что «скифский воин» получился монолитным и неразъемным. Более того, внутри имеется полость, в которую положены каменные куски настоящего менгира.

Все это легко изложить, но исполнить оказалось весьма непросто – финансовые, организационные вопросы потребовали немало усилий и времени, тем более что никто из властных структур, несмотря на обращение инициаторов, не откликнулся и на помощь не пришел. Тем не менее, благодаря энтузиазму Владимира Стасенко, они были решены и летом, а именно 20 июня (ровно два года спустя после уничтожения) страж Приэльбрусья вновь занял свое привычное место.

...Подлость и порядочность – два полюса качеств человеческих проявились в истории с менгиром. Неужели и дальше каменному истукану оставаться пограничем в этом извечном споре? Не трогайте идолов – они, пусть и сотворенные руками людей, являются посланниками времени, и только времени и силам природы дано право решать их судьбу.

КЯЗИМ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ ДОЖДЬ

Собирая материал о Кязиме Мечиеве – великом поэте, основателе балкарской литературы, философе и религиозном просветителе, – вылившийся впоследствии в книгу «Балкария: боль и гордость», авторы были поражены еще одной, весьма необычной ипостасью своего героя – умением повелевать силами природы. Это были не просто слова – свидетелей, которые видели, как «священнодействовал» Кязим, имелось предостаточно.

Вот что вспоминал Оюс Уянаев, один из опрошенных в процессе подготовки книги: «Летом... случилась жесточайшая засуха – месяц дождя нет, второй. Куда идти кичмалкинцам со своей бедой, кого просить о помощи? Власти? Но они с небесной канцелярией не в ладах. Пришли к Кязиму – он и посоветует, и обнадежит, и выручит.

Мы, дети, любили играть рядом с баракком, где жил Кязим. И вовсе не потому, что место было удобное – знали, что, увидя нас, не пожалеет слова ласкового, гостинца щедрого. В один из жарких дней мы играли в песке, когда увидели Кязима, зовущего нас. Примчались тут же, ожидая по привычке конфет или пряников. Но на этот раз в руках Кязима были не сладости, а лошадиный череп, на котором виднелась какая-то синяя надпись.

– Дети мои, – сказал старик, – возьмите эту кость и привяжите к камню в речке, да так, чтобы не унесло потоком. Вернетесь, я вам сделаю подарки.

Старшим среди нас был кязимовский внук Узеир Солтанов, он взял череп, и мы помчались на речку. А вскоре небо, на котором до этого не было ни облачка, потемнело, черная туча нависла прямо над Кичмалкой, и из нее полился на землю долгожданный дождь. Сельчане шли к баракку Кязима один за другим и благодарили его»¹.

Один из авторов книги писал по этому поводу: «Кязим не чуждался ни астрологии, которая в арабском мире ценилась как наука, ни эзотерических знаний, которые применял на практике. Обряд вызывания дождя, где он использовал череп лошади, и заклинание от падежа скота, где фигурировала отваренная лопатка животного, он дополнял мистическими письменами, выводив их химическим карандашом.

Кстати, это еще один аргумент в пользу освоения им оккультной силы звуков и связанных с ними буквенных знаков и их сочетания в реальной действительности, когда ему приходилось лечить и психические расстройства, еще один аргумент в пользу посещения им занятий в суфийской школе Дамаска»².

А вот рассказ из книги «Необъяснимые явления». Называется он «Вызывающие дождь»: «В последнее десятилетие XIX века в Америку приехал австралиец Френк Мельбурн, который повсюду заявлял, что он профессиональный колдун, вызывающий дождь. В своих экспериментах он смешивал в определенной пропорции, спрятавшись за брезентовым пологом, какой-то порошок с жидкостью, отчего вскоре через десятиметровую трубу в воздух поднимались клубы чада.

Трюк Мельбурна был не нов. Еще шаманы, знавшие, что за большими лесными пожарами всегда следуют проливные дожди, разводили в периоды засухи большие костры. И даже американские солдаты во время Гражданской войны 1861–1865 годов говорили, что дожди – естественное следствие боя – «боевые штормы», как они их называли, поскольку, как свидетельствовал их опыт, за облаками порохового дыма появлялись дождевые тучи. Конечно, последнее могло объясняться и чистой случайностью.

В 1891 году фермеры из Гудленда, штат Канзас, наняли сообщца Френка Мельбурна, чтобы он вызвал дождь после длительного засушливого периода. Когда тот начал работать, на небе несколько дней не было ни облачка. Но как только химический чад Мельбурна поднялся в воздух, в тот же вечер появились темные тучи. Вечером фермеры радовались дождю.

Через год Мельбурну пришлось снова совершить подобное действие. И дождь был сильным! А вскоре после этого австралийский колдун исчез. Последнее, что о нем слышали, – что он будто бы уехал в Африку. Но вместо него, естественно, появились другие.

Метод еще одного «экспериментатора» – К. Джуэлза – состоял в том, что он поднимал на маленьком воздушном шаре заряд динамита на высоту от 150 до 300 метров, где и взрывал его с помощью электрического кабеля, убивая сразу двух зайцев: устраивал фейерверк для зрителей и проливные дожди для фермеров.

Но, наверное, самым знаменитым колдуном, вызывающим дождь, был Чарлз Меллори Хетфилд, который всю жизнь занимался вызыванием дождя, а когда прочел книгу Эдварда Пауэрс «Наука плювикультуры», сам начал проводить эксперименты. Эта книга наделала

столько шума, что даже американский конгресс выделил средства, чтобы проверить теорию Пауэрса, согласно которой можно вызывать дождь научными средствами.

Хетфилд строил огромные баки на четырехметровых опорах-ножках, в них насыпал химикалии, перемешивая с водой, доливал кислоту и плотно закрывал бак деревянной крышкой. Минут через 20, когда крышку открывали, из бака поднимались вверх дурнопахнущие клубы дыма. За 25 лет своей работы Хетфилд получил 500 заказов в местностях вокруг Лос-Анджелеса, за которые требовал от 10 до 50 тысяч долларов. В ходе одного эксперимента он взялся наполнить водой высохшее озеро Хелмет, и ему действительно удалось поднять уровень воды больше чем на семь метров. Но наиболее блистательную работу он провел в пустыне Мохаве, где за три дня вызвал дождь, в результате которого на каждый квадратный метр пролилось примерно до тысячи литров воды»³.

Как видите, способы, которые использовал Кязим, в корне отличны от тех, что применяли его зарубежные коллеги: он не нуждался ни в какой «химии», а результат оказывался тем не менее положительным.

Здесь видится уместным вспомнить о том, что у балкарцев на случай наступления засушливых времен, имелось весьма эффективное средство для вызывания дождя. Являлся им священный камень — *сенташ*. В обычное время он спрятан в земле, но если становилось уж совсем невмоготу и засуха убивала посевы на корню, жители ущелья выкапывали камень — и дождь не заставлял себя ждать. Вот такой чудодейственный камешек — фольклорный персонаж.

Помнится, когда рассказывали о нем, мы весьма скептически улыбались. И продолжали улыбаться до тех пор, пока один из жителей Чегемского ущелья, кстати говоря, бывший летчик, не предложил нам съездить к месту, где закопан сей артефакт. Поездка эта в горные верховья, что за селением Нижний Чегем, обговаривалась тысячей и одним условием, была окружена завесой таинственности и обязательством никому о ней не рассказывать, а оказалась примитивной до обыденности. Единственная трудность заключалась в том, что до места пришлось добираться достаточно долго — видно, давно никто не пользовался могучими силами камня и дорога, ведущая к нему, заросла и практически исчезла. Так что большую часть пути пришлось пройти пешком. Тем большим оказалось разочарование — под тонким слоем земли (сантиметров 15–20, не больше, непонятно от чего рыхлой) лежал удлиненный беловатый, самый обычный камень. Абсолютно такой же, какие мы видели по дороге.

Тем не менее наш спутник с особой осторожностью очистил камень от земли, приподнял его за край, а потом и поставил в уже имеющуюся и словно бы кем-то заранее подготовленную лунку. Высотой сенташ оказался где-то около метра или чуть ниже (рулетку мы, естественно, не подумали захватить, так как не видели необходимости в уточнении размеров), в объёме сантиметров сорок-пятьдесят. Впрочем, какое это все имело значение? Мы смотрели на камень и не понимали, зачем сюда приехали, что хотели увидеть и в чем убедиться...

Процедура закапывания камня оказалась аналогичной откапыванию. Разочарованные и обиженные, мы молча отправились в обратный путь и даже не отреагировали на слова нашего спутника о том, что надо торопиться: скоро пойдет дождь, дорога размокнет и машина может застрять. Какой дождь, когда так жгуче припекает июльское солнце, так весело порхают бабочки и воздух напоен жгучими ароматами трав?!

Вот и машина, неуместная реплика водителя: «С дождем или без?», и, подпрыгивая на ухабах, мы медленно едем вниз. Едем, не замечая, как быстро вокруг темнеет, не воспринимая звука далекого громового раската и отблеска внезапно расплосковавшейся заоконную темноту молнии. И лишь первые капли — вначале редкие, незаметные, потом более частые, сливающиеся в единый ритмичный стук — приводят к осознанию: начался дождь. Впрочем, какой там дождь — настоящий горный ливень!

Слава богу, что уже совсем рядом селение, выбираясь к которому наша машина рычит и выбивается из сил. Последний рывок — и мы на асфальтовом шоссе. Все облегченно вздыхают — теперь не застрянем. А дождь? Он и так должен был пойти после обеда — синоптики предупреждали. Но вот как долго будет продолжаться?

В этот самый момент один из авторов этих строк вспоминает, что крыша книжного склада издательства прохудилась и при сильном, тем более продолжительном ливне начинает протекать. И сам собой рождается вопрос: «А мы достаточно прикопали сенташ?».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Котляровы М. и В. Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2003. С. 106–107.

² Там же. С. 410.

³ Непомнящий Н.Н. Необъяснимые явления. М.: АСТ; Олимп. 1998. С. 32–33.

ГЕСКЕНТИ – ОБИТЕЛЬ НАРТОВ

С Михаилом Докукиным, сотрудником Высогогорного геофизического института, мы познакомились в издательстве, куда он пришел с предложением своих услуг в поездках по республике. Дело в том, что у Михаила весьма редкая профессия – он специалист по опасным явлениям, а еще геоморфолог. Геоморфология – это наука о рельефе, его внешнем облике, происхождении, истории развития, современной динамике и закономерностях географического распространения. Геоморфологи исследуют историю и динамику изменения рельефа, предсказывают его будущие изменения. Дисциплина эта непосредственно связана с географией, геологией, геодезией, археологией, почвоведением, планетологией, строительством.

Естественно, такой спутник был бы крайне полезен в горах. И не откладывая просьбу в долгий ящик, мы отправились в Баксанское ущелье, а конкретно – в верховья Бедыка, лежащие с правой стороны реки Баксан. О каменном ложе в одной из гор, скальной перемычке, образовавшей природный мост, узком – какие-то 15–20 метров – каньоне с глубиной в 5–7 раз большей разговор еще впереди. Сегодня же нам хочется поведать о другом – трех необычных снах Михаила, снах настолько реальных и конкретных, что в какой-то момент нашему геоморфологу казалось, что все прокрученное перед ним происходило на самом деле.

Но вначале пару слов о самом Докукине. Человек он крайне скромный, даже больше – застенчивый; ненавязчивый, порой рефлексирующий, но при этом вовсе не склонный к излишним фантазиям. В Нальчик приехал в 1977 году, в трудное перестроечное время пришлось сменить профессию – занимался не своим делом, тосковал, но по-другому было не прожить. Тем не менее при первой же возможности вернулся в науку, и сны, о которых речь впереди, сыграли здесь не последнюю роль. Скажем и о том, что переданное ниже базируется на описании самого Михаила и сделанных им фотографиях, так что на авторство мы не претендуем, а только на пересказ.

Начало трехсерийного докукинского сна лежит в конце семидесятых годов прошлого века, когда в Баксанском ущелье, в районе горо-

да Тырнауз, проводились инженерно-геологические съемки. Одна из них осуществлялась в верховьях долины реки Кестанты (современное название Гескенти), впадающей в Баксан в районе селения Былым.

Чтобы добраться до конечных этапов маршрута, приходилось разбивать лагерь экспедиции в местах, куда можно было добраться на машине. В долине Кестанты дорога была проведена до середины ущелья, а значит, для осуществления работ в верховьях нужен был промежуточный лагерь. Вид вокруг, как рассказывает Михаил, был просто потрясающий: с одной стороны – скалистые уступы Верхнечегемского вулканического плато, с другой – древний ледниковый цирк, увенчанный вершиной горы Каяартыбаши. Около двух миллионов лет назад здесь бушевало огромное озеро раскаленной лавы. Кстати, одна из вершин Верхнечегемского вулканического плато называется *Кюйгенкая*, что переводится как «обожженная скала». Получается, как размышляет Докукин, местные жители балкарцы вложили в название геологический смысл...

Вернувшись из экспедиции в Нальчик, Михаил и увидел свой первый кестантинский сон. В нем исследователь, двигаясь в ходе одиночного маршрута по долине правого истока реки Кестанты, обнаружил заброшенную штольню. Хотя никаких штолен здесь и в помине не должно было быть по причине невозможности доставки необходимых механизмов, о чем Докукин прекрасно знал и даже во сне помнил об этом.

Тем не менее решил спуститься в штольню. Далеко он не мог продвинуться, так как не имел фонарика – объективная реальность и здесь влияет на происходящее в воображении, – но успел заметить как непонятное существо быстро скрылось в одном из боковых ответвлений штольни. Заметил он и какие-то следы присутствия человека – что-то вроде хозяйственной утвари. Причем все это произвело на Михаила столь сильное впечатление, что он проснулся от того, что разговаривает с оставшимися членами экспедиции, убеждая их направиться к штольне. Более того, впоследствии ученый не раз ловил себя на мысли, что такой поход надо обязательно совершить.

Спустя несколько лет первый сон нашел свое продолжение во втором. В тот момент Докукин в составе Герхожанской селевой экспедиции ВГИ находился в лагере, которой был разбит в долине реки Каяартысу в районе верхнего коша. Это ущелье практически рядом с рекой Кестанты – через долину реки Сакашильсу. В этот раз Михаил

занимался – опять же, напомним, во сне – подготовкой маршрута по долине правого притока реки Сакашильсу с выходом в верхнее течение реки Кестанты. Вновь видел ту самую штольню, помнил, какая она внутри, знал, что в ней проживает какое-то существо, но вниз так и не спустился.

Сон этот оставил какое-то незавершенное впечатление – был отрывочным, прерывающимся, словно промежуточным – своего рода подготовкой к чему-то главному, дающему ответ на донесенное до исследователя раньше. Но это главное затянулось (более чем на двадцать лет), и произошло объяснение (не реальное, а опять же воображаемое) летом 2006 года. К тому времени уже долгие годы (целых десять лет!) Михаил наукой не занимался (не занимался, повторимся, вынужденно – для того чтобы содержать семью, торговал на «Зеленом» рынке).

Итак, он вновь в том же самом месте – верховье небольшого водосбора левого притока реки Кестанты. Видит штольню чуть выше тальвега. (*Тальвег* – это геологический термин, означающий линию, соединяющую самые низкие (глубокие) точки дна долины или участки речного русла.) Спускается вниз, идет знакомым уже маршрутом и понимает, что штольня переходит в туннель. Удивительно, но в туннеле достаточно светло – свет сочится с противоположной стороны, становясь с каждым шагом все ярче.

Вот и выход. Глазам Михаила предстает залитая солнцем межгорная котловина. Верхняя часть ее – обрывы вулканического плато. Но ниже плато не осыпной шлейф, как должно быть, а ярчайшие зеленые склоны, покрытые сочной луговой растительностью. Среди трав и цветов отдельные валуны, где-то поблизости журчит ручей. Оглянувшись по сторонам, Михаил понял – он попал не в долину, а в замкнутую котловину. На одной из ее полей увидел... трех человек, сидящих в ряд на траве и смотрящих на него. Среди них была женщина. У незнакомцев были стройные атлетические фигуры, на головах шлемы. Причем еще до разговора Докукин знал имена незнакомцев – Сатаней, Ёрюзмек, Сосруко. Именно так.

Тут надо сразу сказать, что Михаил не большой знаток фольклора, тем более эпоса «Нарты». Читал греческие мифы, русские народные былины, сохранились какие-то впечатления от просмотра кинофильма по мотивам «Калевалы». Как-то купил книгу «Дебет Златоликий и его друзья» (балкаро-карачаевский нартский эпос), но до конца так и не прочитал – сложными для восприятия оказались именно имена героев.

По большому счету все его представления о нартском эпосе ассоциировались со зданием ресторана «Сосруко», что возведен на горе Кизилровка в форме головы воина в шлеме. То есть, имена, донесенные до него мысленно, не могли исходить из какой-нибудь информации, полученной ранее и вытащенной в нужный момент мозгом.

Общение с нартами, когда Докукин подошел к ним, происходило мысленно. После ответа на его вопрос: «Почему именно я?» — «Потому что давно за тобой наблюдаем, видим твоё отношение к горам» — пошла информация, объясняющая их появление. Было сообщено, что они могут принимать любой образ но наиболее убедителен им видится в данном случае облик богатырей. Тем более что именно с них и писали героев эпоса. Они обладают способностью сдерживать стихийные бедствия, в частности землетрясения, но бесконечно оберегать народы гор от природных катастроф становится все труднее и труднее.

Такой вот пророчески-предупредительный сон, сутью которого Михаилу хотелось поделиться с людьми, в первую очередь с теми, с кем общался. А были это компаньоны по торговле (на тот момент), и, естественно, глобальные вопросы сохранения природы никого из них не волновали. Вот тогда Докукин и понял, что необходимо срочно менять избранный путь и возвращаться на прежнюю работу. Спустя несколько месяцев он снова трудился в Высокогорном институте, многократно потеряв в заработке, но выиграв в жизненной энергии и творческом энтузиазме.

Сны, кстати говоря, повлияли и на круг интересов Докукина — стал интересоваться нартским эпосом, прочитал многое о героях, с которыми «общался», — Сатаней, Сосруко и Ёрюзмек.

Узнал, что Сатаней — героиня адыгского нартского эпоса, мать и воспитательница Сосруко и других нартов, распорядительница хозяйства нартов, женщина, чья красота не увядает, к тому же обладавшая магической силой (даже солнце останавливает свой ход по её просьбе) и практически бессмертная.

Что Ёрюзмек — герой карачаево-балкарского эпоса — «обладал отвагой и силою льва. Был рода простого, но, правдой ведем, с детских лет становится нартским вождем. Большеглазый, с усами, что цвета каштана, верный слову и враг лицемерья, обмана...» — как звучит в переводах С. Липкина отрывок из книги «Дебет Златоликий и его друзья».

Что Сосруко (в адыгском эпосе; в осетинском — Сослан, в балкарском — Сосурук или Сосрук, в чеченском — Сбсуркьо) — богатырь,

рожденный из камня, выкованного богом Тлепшем. Как тут не вспомнить, что все действие в снах Михаила Докукина происходило поблизости от «обожженной скалы». Кроме того, для печи Тлепша нужен был уголь, которого в долине Кестанты достаточно. В поселке Былым его даже добывали в промышленных размерах, о чем свидетельствует множество заброшенных ныне угольных штолен.

Но, для того чтобы сон стал явью, надо было найти саму штольню. Сделать это на практике совсем не просто – участок внушительный, экспедиция должна быть солидной (по количеству участников) и многодневной. Организовать такую сегодня совсем непросто. Да и кто выступит инициатором, выделив немалые средства для подтверждения увиденного во сне.

Решил тогда Михаил воспользоваться аэрофотоснимками, благо вся территория бассейна Кестанты на них зафиксирована. Но, просматривая под стереоскопом стереопары аэрофотоснимков, ничего похожего на штольню у подножия массива Кюйгенкая не нашел. Возникла мысль, что, может, во сне он видел зеркальное отражение – не левый, а правый приток (массив Кюйгенкая – водораздел правых притоков Кестанты)?

Как специалисту по опасным явлениям Докукину хорошо известно, сколь сильно человек повлиял на природу в районе Тырнауза. Только во второй половине пятидесятих годов прошлого века при разработке вольфрамово-молибденового месторождения было создано сразу несколько техногенных ландшафтов – карьер, отвалы карьера объемом более 200 миллионов кубометров, гигантская плотина и хвостохранилище у поселка Былым. И катастрофы не замедлили себя ждать – это и сход селевых потоков на реке Герхожансу в 1960-х, в 1978 и 2000 годах; и селевые потоки в Мукуланских балках, где размещены отвалы карьера. Но были еще и нереализованные варианты катастроф: паводок на реке Гижгит, в устье которой сооружено хвостохранилище, по счастливой случайности не привел к размыву плотины, вследствие которого была бы затронута практически вся долина реки Баксан. С одной стороны, было вовремя замечено смещение гигантского скального массива, а с другой – словно бы вмешались какие-то высшие силы, направив развитие событий по самому благоприятному варианту. Были катастрофы, которые обошлись без жертв, благодаря тому, что произошли в ночное время: сель в районе минеральных источников Джылы-су в 2006 году, обвал в Чегемском ущелье в 2009 году.

Не нарты ли, воображаемая встреча с которыми состоялась во снах Михаила Докукина, приложили к этому свою руку, или энергию, кому что ближе? И не их ли заслуга, что на территории Кабардино-Балкарии, на исторической памяти, крупных землетрясений не было зафиксировано, хотя они уже дали почувствовать свою слепую силу в Чечне, Дагестане, Южной Осетии, в районе Сочи...

Не кажется случайностью, что один из первых объектов, который довелось изучать Докукину после возвращения в ВГИ, — обвал в горах Чечни объемом около пяти миллионов кубометров, происшедший в 2006 году. Обвальные массы пронесли тогда по долине на расстояние семи с половиной километров от места отрыва на склоне Пирикительского хребта. Следы подобных обвалов присутствуют и в ущельях Кабардино-Балкарии. Наиболее известен обвал в ущелье Шхельды, описанный по рассказам очевидцев Н. Я. Динником в 1884 году. Обвальными массами, среди которых встречались глыбы с трехэтажный дом, была завалена территория устья долины Шхельды на площади почти двадцати гектаров. Повторение таких катастроф возможно в будущем.

Как относиться к поведенному Михаилом Докукиным: с иронией или серьезно? Нам кажется, как к снам — в своеобразной форме отображающим явления, происходящие в нашей повседневной жизни; предупреждающим о том, чего можно избежать. Главное, чтобы сны эти действительно не стали вещими в контексте того, что «нарты» не смогут больше оберегать людей от тех катастроф, которые мы сами и приближаем.

Что же касается бассейна реки Кестанты, то мы обязательно, уже ближайшим летом, организуем выезд в те таинственные, обожженные подземной магмой и солнечным светилом места, и если есть там штольня, вернее, если откроется она нам, обязательно спустимся вниз, чтобы попасть в котловину, где живут всемогущие нарты.

«ЭЛЬБРУССКАЯ ДЕВА» ЛЕОНИДА ЗАМЯТНИНА

Эльбрусская Дева... Фольклорный персонаж, созданный богатым воображением альпинистской братии, или фантом, обитающий в снежном высокогорье? Ответ, на наш взгляд, зависит от того, во что ты сам веришь.

Если же проанализировать истории, встречающиеся в Интернете, то окажется, что внимания заслуживают немногие. Среди них и рассказанная Леонидом Замятниным. Наберите эти имя и фамилию со словосочетанием «эльбрусская дева» — и на экране появятся десятки отсылок к сайтам, на которых воспроизведен пережитый ленинградским альпинистом эпизод. Вернее, записанный им от лица зимовщика Приюта Одиннадцати (что, как мы уточним ниже, не соответствует действительности, а видел Эльбрусскую Деву сам Леонид Замятнин).

История эта, происшедшая в 1972 году, в конце семидесятых легшая на бумагу, была опубликована в книге рассказов Леонида Замятнина «Такие высокие горы», вышедшей в издательстве «Эльбрус» в 1985 году. От этой публикации, а не от интернетовских вариаций, мы и пойдем.

Предваряет рассказ — как мы понимаем, для привязки к местности и исторической обоснованности — балкарская легенда: «В Баксанском ущелье живет легенда, красивая и страшная, как многие горские легенды. В старину все альпинисты, задумавшие покорить Эльбрус, заходили в балкарский аул Урусбиево (так назывался тогда поселок Верхний Баксан), где нанимали местного проводника.

В одно прекрасное утро в Урусбиево появилась группа иноземных альпинистов. Но горцы в это время воевали с враждебным племенем, все мужчины были в походе. В ауле остались лишь глубокие старики, женщины и дети. Чужеземцы уже было отчаялись найти проводника, но им неожиданно повезло. С гор спустился юноша с ягненком в руках. С весны он жил с отарой овец на дальних пастбищах, ничего не знал о войне и потому не ушел в поход. Юноша согласился вести иноземцев на Эльбрус, хотя старики его отговаривали. Был он красив, силен и отважен. И любила его самая красивая девушка аула. Она тоже умоляла его не идти на Эльбрус. Но он все-таки пошел.

Небо было ясным, и только над Восточной вершиной снежного исполина висело маленькое перистое облачко. Когда путники достигли середины горы, началась пурга. Решено было спускаться, пока не поздно.

— Вы не мужчины!— сказал им юный горец и пошел к вершине один. Его долго ждали внизу, но он не вернулся. Когда улеглась непогода, его искали, но так и не нашли. Его любимая, узнав о случившемся, решила отправиться на поиски сама. Она поднялась на Минги-Тау (так называли Эльбрус балкарцы) и обнаружила тело возлюбленного в глубокой ледниковой трещине. В отчаянии обратилась она к Аллаху с просьбой не разлучать ее с любимым. Так обратилась она в ледяную Эльбрусскую Деву. Говорят, что встреча с ней на снежных склонах Эльбруса предвещает беду. Эльбрусская Дева не может простить людям гибели любимого и, ожесточившись от горя, до сих пор мстит всем без разбору»¹.

А вот и сам рассказ зимовщика.

«Я так и считал бы эту легенду красивой сказкой, сочиненной экскурсоводами для развлечения туристов, если б сам не повстречался с ней однажды лицом к лицу.

Это случилось лет десять назад. В ту весну я работал плотником на базе Московского университета на поляне Азау, у самого подножия Эльбруса. Вдвоем с начальником группы — старшим инженером Севой, сооружали мы на склоне у реки Азау поворотные щиты для моделирования снежных лавин. По мере сил помогала нам романтически настроенная хрупкая девушка Лара, числившаяся по табелю техником. Сева не был альпинистом, но горы любил. Горнолыжником и полярным туристом он был опытным. И вот к нему в гости на несколько дней прилетела из Москвы его приятельница Лина. Ради нее Сева решил организовать поход к Приюту Одиннадцати со спуском на лыжах с высоты 4200 метров до поляны Азау. Откровенно говоря, затея эта мне не слишком понравилась: апрель, погода неустойчивая, можно попасть в лавину. Но Сева все-таки уговорил меня. Идти решили вчетвером. Четвертой оказалась Лара.

Сложные отношения были в нашей группе. Я безответно любил Лару, она — Севу, а Сева — Лину. Как относилась к Севе последняя, я не мог бы сказать определенно. Согласился участвовать в этой «экспедиции» при одном условии: на маршруте — решающее слово остается за мной. Альпинистом я был среди них наиболее опытным. Сева раздобыл два каландровых двуспальных пуховых мешка и ножовку

для выпиливания снежных кирпичей на случай ночевки в снежной хижине. Рыть пещеры в снегу мне приходилось, но в снежных хижинах я еще не ночевал.

Как я и предполагал, группа наша оказалась не очень мобильной. Собирались мы долго и только в четыре часа дня поднялись до Старого Кругозора в вагончике маятниковой канатной дороги.

Отсюда начиналась пешая часть нашего пути. От Старого Кругозора до строящейся станции второй очереди канатки, под названием «Мир», бульдозерами была пробита в снегу серпантинная дорога, по которой возили грузы вездеходы. Трикони наши увязали в грязи, перемешанной с мокрым снегом. На четверых мы несли два рюкзака и две пары лыж — для Севы и Лины. Девушки шли налегке. Очень скоро Лина начала отставать — сказывалось отсутствие акклиматизации. Погода портилась на глазах. Вот уже посыпала мелкая снежная крупа. Я нервничал: слишком медленно мы шли.

До станции «Мир» добрались к восьми вечера, в темноте. Здесь жили монтажники.

Приход наш заметно обрадовал их. Оживился фанерный сарайчик, заменяющий им кают-компанию. На столе появились замусоленные граненые стаканчики и какие-то подозрительные бутылки без наклеек. Аборигены рады были увидеть женские лица. А к тому же девушки наши были красивы.

Мы вчетвером выпили немного водки, перекусили. Монтажники предложили нам остаться ночевать. Это было разумное предложение. Но Сева стал настаивать на немедленном выходе наверх. А я не проявил должной настойчивости. Скорее всего, виновата в этом была Лара. Я боялся, что она сочтет меня трусом. Я хорошо знал путь к Приюту, был уверен в своих силах, я пошел, хотя понимал, что делать этого не следует. На Севу же, вероятно, действовало присутствие Лины. От обычного его благоразумия не осталось и следа. Ему хотелось продемонстрировать Лине свое искусство в строительстве эскимосских снежных хижин — *иглу*. И я промолчал.

Сразу за станцией «Мир» начинался глубокий снег. Дальше дороги не было, и я начал топтать ступени, проваливаясь по колено. Занятие это было для меня привычным. Я любил топтать ступени в снегу. Снова сыпанула крупа.

Минут через двадцать Лина остановилась. Ее мутило. И тогда Сева предложил нам с Ларой прокладывать путь до самого Приюта вдвоем. Они пойдут по нашим следам медленнее, как сможет Лина.

Я согласился. Лара чувствовала себя хорошо. Я решил довести ее до Приюта, оставить там рюкзак и лыжи и вернуться к Севе, чтобы забрать его рюкзак и помочь довести Лину. Я понимал, что он к тому времени изрядно с ней намучается.

Мы с Ларой прибавили шагу и скоро остались одни наедине с белым безмолвием. Шли молча. Подъем требовал четкого дыхания. Луны не было, хотя нельзя сказать, чтобы стояла кромешная тьма. Снизу поднимался, странный серебристый туман, сильно ухудшающий видимость. Долго шли без остановок и уже успели взмокнуть. Я чувствовал, что Приют где-то рядом. Вот, наконец, крутой снежный взлет. А вот и темный прямоугольник слева по ходу.

– Ларка, Приют!

Она тоже увидела его и повеселела. Пройдя еще с полсотни шагов, мы обнаружили вместо Приюта большой черный камень.

– Наваждение какое-то, – растерянно пробормотал я.

Еще трижды мы принимали за Приют большие черные камни, которых я никогда раньше не замечал, хотя много раз ходил по этому пути. Дело принимало скверный оборот. Кажется, я заблудился. Начиналась пурга. Лара замерзла. Она прижалась ко мне.

– Как хорошо. Какая надежная у тебя спина.

Решительность вернулась ко мне. Я представил, как приведу ее на Приют, как она обнимет меня. Уложу ее спать, поцелую в глаза и уйду в пургу, встречать Севу. А она будет лежать в спальном мешке с закрытыми глазами, как ребенок в конверте, и волноваться за меня, и гордиться мной. Я рванулся вверх и вдруг, при вспышке молнии, увидел серебристый контур Приюта, но почему-то опять слева. Через мгновение Приют скрылся в этом душном, липком тумане. Странная погода. Ларка отстала. И тут я увидел спускающуюся сверху фигуру в плаще-серебрянке.

Кто-то из инструкторов альпинизма спускается в горы. Только они имеют такие плащи. Но почему один и в такое позднее время? Ведь альплагеря сейчас не работают. Да вроде бы и не сезон для восхождений. Смутное беспокойство охватило меня.

А человек спускался мне наперерез, но почему-то не обращал на меня никакого внимания. Не слепой же он. Я двинулся навстречу. Крупа с ветром секла лицо и приходилось опускать его вниз. Пути наши пересеклись. Мы остановились в трех метрах друг от друга. Я поднял глаза и вдруг почувствовал, что волосы на моей голове начинают шевелиться. Я ощутил сильный озноб. Передо мной стояла

женщина в серебристой прозрачной фате, ниспадавшей до босых ступней. Она была абсолютно нагой и поразительно красивой. Прямые черные, как вороново крыло, волосы падали на плечи, белое стройное тело, маленькие пальчики ног. Я отчетливо видел коричневые соски девически острой груди. Но самым поразительным были ее глаза — огромные, черные, ледяные. Она смотрела мне в лицо, и я не мог отвести взгляд от этих пронзительных, гипнотизирующих глаз. Я забыл, кто я, где я. Я уже не владел собой, чувствуя, что тотчас пойду туда, куда позовут эти глаза.

Неожиданно кто-то тронул меня за руку. Я вздрогнул и обернулся. Это была Ларка.

— Я замерзла. Ты шел так быстро, что я не могла догнать тебя. Не бросай меня. Мне страшно.

Когда я снова повернул голову, никакой женщины в белом не было.

— Ты видела что-нибудь?

— Нет.

«Черт-те что,— подумал я,— а ведь это Эльбрусская Дева. Если бы не Ларка...»

Я вспомнил про Севу с Линой, бредущих по нашим следам. Надо идти навстречу. Пропади он пропадом, этот Приют. Лина уже, наверное, выбилась из сил. А ведь оба спальных мешка — в моем рюкзаке! Следы замечает. Не дай бог, если они потеряют нашу тропу. За нас-то я не волновался. У нас хватит сил добраться до станции «Мир», если понадобится. Но Сева с Линой...

И мы погнали вниз. К счастью, они не потеряли наши следы. Мы столкнулись, когда Лина уже совсем выбилась из сил. Ею овладело полнейшее безразличие ко всему окружающему. Хотелось просто лечь на снег и чтобы ее оставили в покое.

«Горняшка. Ну и дураки мы с Севой».

Надо было срочно что-то предпринимать. Пурга не улеглась. Находились мы где-то на высоте 3900. Сева достал ножовку, проверил состояние снега и показал мне, как выпиливаются снежные кирпичи. Мы принялись пилить по очереди. Один пилил, другой клал стены. Нижний ряд начал он. Девушки, нахохлившись, сидели на рюкзаках. Лина бредила, Лара обнимала ее, пытаясь согреть. Спины их уже замело. Хижину мы соорудили довольно быстро, настоящую эскимосскую иглу, как заявил Сева. Она была округлой, наподобие казахской юрты, только пониже — в половину человеческого роста, с прямоугольным лазом внизу.

Мы выстлали пол полиэтиленом, разложили спальные мешки и залезли в них попарно: я с Ларой, а Сева с Линой. Лаз закрыли изнутри снежным кирпичом. В пуховых мешках скоро стало жарко. Гудящая снаружи пурга совсем не ощущалась в хижине. Лара заснула на моем плече моментально. Точнее не заснула, а отключилась, или вырубилась, как сказали бы электрики. Я тоже вскоре задремал.

Проснулся от яркого солнечного света. Это Сева открыл лаз. Стояло утро. Удивительное. Ясное. Ослепительно белый свежевывавший снег искрился в солнечных лучах. Покой. Безмятежность. Вот тебе и горы с их сюрпризами! Мы с Севой вылезли наружу, раскопегарили примус, вскипятили чай из снега и разбудили девушек. Они улыбались, потягиваясь, как пригревшиеся котята. Обе чувствовали себя хорошо после такой уютной, теплой ночевки. Позавтракали.

«Все же молодец Сева, — подумал я, — удачно получилось у нас с этой хижинкой».

Ослепительное синее небо. Ясно видны обе вершины Эльбруса. Я вспомнил о встрече с Эльбрусской Девой. Мистика... Решил никому ничего не рассказывать: все равно засмеют.

Кто ж поверит в такое? Однако интересно выяснить, куда же я забрел вчера.

Лара схватила фотоаппарат. Сева с Линой занялись лыжами. Я крикнул им, что хочу немножко поразмяться и побрел вверх. Несмотря на вчерашнюю пургу, следы мои можно было различить. Минут через пятнадцать прямо перед собой я увидел Приют. Вот это фокус! Я не дошел до него вчера каких-то двести метров. Но следы сворачивали влево, прямо на крутые ледовые сбросы. Здесь никто никогда не ходил. Вот откуда взялись эти чертовы камни! Мой след оканчивался в трех шагах от ледового обрыва. Ох и лететь бы мне, сделай я вчера эти три шага. Мне опять стало не по себе. И я повернул вниз.

Лина с Севой уже надели лыжи. Сева катался грациозно.

— За мной! — крикнул он Лине и начал стремительно выписывать одну дугу за другой. Только снег фонтаном брызгал из-под кантов.

Лина свалилась на первом же повороте. Она не ушиблась, лишь вывалилась вся в пушистом снегу и хохотала, барахтаясь в сугробе. Сева помог ей подняться, что-то сказал, и они начали медленно вычерчивать пологие дуги, спускаясь вместе, подсаживаясь на повороте и снова вырастая, пока не скрылись под склоном, словно танцую какой-то странный танец.

Мы с Ларой восхищенно проводили их глазами, вздохнули с тайной завистью и, взвалив рюкзаки, побрели вниз, к станции «Мир». Там кончался хороший снег...»

Напомним, Леонид Замятнин вкладывает эту историю в уста безымянного зимовщика. Но то, что зимовщиком тем был Леонид, становится ясным, если обратиться к его повести «Эволюция лебедя», которую один из авторов этих строк опубликовал в 1994 году в редактируемом им (на тот момент независимом, то бишь частном) журнале «Эльбрус». Замятнин пишет, что в конце весны и летом 1972 года он работал на базе МГУ, где плотничал вместе с инженером и «построил огромный поворотный щит. Вероятно, он и по сию пору торчит на склоне над рекой Азау».

Совпадают также и герои подъема к Приюту Одиннадцати.

Почему же Леонид выступил в истории об Эльбрусской Деве, опубликованной в книге, а впоследствии размноженной на десятках интернетовских сайтов, лишь передатчиком чужого рассказа? Этот литературный прием был подсказан ему редактором издания В. Кузьминым. О чем сам Валентин Гигорьевич рассказал нам, объяснив свою позицию тем, что негоже было автору, чей возраст приближался к полтиннику, выступать в роли распространителя басен и слухов (вспомним, время-то было советское!), роняя к тому же свое реноме профессионального горовосходителя.

Леонид вспылил, но потом согласился, да и не мог не согласиться — для Союза писателей Кабардино-Балкарии, где выходила его книга, был он человек чужой, кому-то переходящий дорогу своим изданием.

Был Замятнин личностью неординарной — сложной: ищущей, сомневающейся, рефлексирющей. Его повесть «Записки несостоявшегося человека», написанная в 1977 году, побывавшая, как писал все тот же Валентин Кузьмин, «во многих издательских портфелях, но так и не изданная, что вполне объяснимо, поскольку повесть эта — о человеке интеллигентном, честном и нравственном, то есть наделенном качествами, с которыми в годы так называемого застоя «состояться» в общепринятом тогда смысле слова было непросто, а подчас невозможно», ярко свидетельствует об этом.

Вот строчки из этой повести (к слову, опубликованной одним из авторов этих строк в 1990 году): «Мне уже сорок. Кто я? Проще всего было бы ответить, заглянув в паспорт. Но в моем паспорте нет ни штампа о моей работе, ни штампа о браке. Лишь имя, год рождения

и национальность. Так кто же я? Пытаюсь вспомнить себя с самого начала. Несостоявшийся боксер. Несостоявшийся футболист. Несостоявшийся инженер. Несостоявшийся семьянин. Несостоявшийся поэт. Не слишком ли много для одного? С каких пор я стал так жесток к себе?

«Человек ищет свое место в жизни», — говорят про таких, как я... Не слишком ли затянулись мои поиски? Где оно, мое место? Чужого не надо. Не хочу ничего чужого. Так кто же я? Неужели — несостоявшийся человек? Стоит ли в таком случае продолжать эту грустную игру под названием *жизнь*?»

Он жил в коммунальной квартире, где когда-то Александр Блок написал знаменитые строчки: «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Но жил в городе на Неве только зимой, вторую половину весны, лето и первую половину осени проводил в горах, где работал инструктором-горнолыжником в альплагерях и гостиницах Приэльбрусья.

Горы любил как жизнь: «Я связан со многими альпинистами. С одними вместе ходил на восхождения, других натаскивал на скалах и льду, водил на вершины, став инструктором альпинизма. Третьих знаю заочно по рассказам знакомых. И они знают меня. По горам ходит не так уж много людей (я имею в виду тех, кто ходит долго). В конце сезона мы узнаем, кто погиб в горах, с кем никогда больше не придется связаться одной веревкой. И у инструкторов альпинизма есть процент усушки-утруски. Круг старых моих друзей по горам медленно, но неумолимо сужается. Срабатывает закон вероятности. Одна моя знакомая, сопоставив среднестатистический процент гибели инструкторов альпинизма и количество смен, отработанных мною в горах, подсчитала, что вероятность моей гибели составляет более пятидесяти процентов. Однако ничего. Все еще хожу. Бог хранит. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Что для меня горы? Трудно ответить однозначно даже самому себе. Конечно, это больше, чем спорт. Для меня это способ выжить. Это страна, куда я могу убежать и убегаю всегда, почувствовав, что жизненные силы мои на исходе. Быть может, это моя религия. Не представляю, как я жил без них четверть века».

Горы не раз проверяли его на прочность. И проверки эти по силам было выдержать далеко не каждому.

Начало семидесятых. Ледник Мижирги: «На восхождении на предвершинном гребне нас накрыла пурга. Я поленился надеть каску, и камень, прилетевший сверху, пробил мне голову. Я пролетел по сте-

не сорок метров – на всю длину веревки, связывающей меня с напарником. Впрочем, я был уже без сознания. Начались спасработы. Вертолет не смог сесть из-за непогоды. И трое суток ребята несли меня на руках через очень трудный перевал в ущелье Думала. Оттуда меня забрал вертолет. В тяжелом состоянии с вдавленным переломом черепа я попал на операционный стол республиканской больницы. В послеоперационной палате пришел в себя через неделю...»²

Здесь он задает себе в очередной раз вопрос: «Зачем нужно лезть на гору?» – и отвечает на него: – Что привлекает – риск, самоутверждение, красота? Наверное, и то, и другое, и третье. Риск нужен. Вряд ли стали бы мы ходить по горам, если б занятие это было таким же безопасным, как подъем на кресельной дороге на склон Чегета (заплатил сорок копеек (в 1880-х годах. Сейчас 400 рублей. – *Изд.*), отстоял очередь и поезжай). На горе Удача и Беда ходят рядом. Вершина стережет наши промахи. Просто надо быть всегда начеку и не думать о худшем. Считать, что с нами это не произойдет.

Если появился страх, стоит прислушаться, переждать, остановиться на время».

И поэтому уже через несколько месяцев он вновь в горах: «Заставляю себя работать на склоне через силу. Туристы считают меня «железным» мужиком. Они не догадываются, что после тренировок, заперев дверь на крючок, я падаю лицом в постель. Нет сил раздеться. Все тело ломит. Ноют от лыжных палок запястья. Сводит то ноги, то брюшной пресс.

...Как всегда, Чегет возвращает меня к жизни. Снова я впереди своей группы, снова, приседая и вырастая, в метель и мороз танцуем мы свой горнолыжный танец на бугристом снежном склоне. Ветер свистит в ушах, и несется навстречу земля. И блестят счастливые глаза на измученных лицах моих учеников, старательно повторяющих все мои ошибки. Впервые в жизни они спустились с самого верха Чегета.

Выходит, я еще на что-то годен».

Ближе к тридцати годам он неожиданно даже для самого себя (как признавался в товарищеском кругу) начал писать стихи. Понятно, о чем они были – о ставшей ему родной Кабардино-Балкарии, о величии вершин Кавказа, об обнаженности человеческих чувств.

Его первая книжечка (именно книжечка – 40 страничек в формате А5), вышедшая в Нальчике в 1976 году, называлась «Снегопад». Всего 31 стихотворение вошло в нее, но кто мерил поэзию количеством строк?! Вот триптих «Кабардино-Балкария»:

1

Край нецелованных небес,
Крылатых рек.
Душе — простор.
И тонет мелкое в тебе
Перед глазами этих гор.
Снег недоступный,
Неземной —
Ни темных пятен,
Ни следов.
И ты светлеешь от снегов —
Причастен к Вечности самой.

2

Ущелье Ирик-Чат:
Снега и — ни души.
Как музыка, звучат
Названия вершин.

Изящны, хороши,
Белы, хотя жара, —
Чегет — Кара-Баши,
Бжедух, Уллу-Кара.

Улар в густой траве
Мелькнул и был таков.
В кромешной синеве —
Кипенье облаков.

3

Запоминаю светил хоровод,
Оледенелую стену Донгуза,
Над Когутаем морозный восход,
Тень облаков на вершине Эльбруса.

Оцепенелых берез голоса
Я различаю в безмолвии белом;
Трудная нынче у них полоса,
Надо терпеть. Ничего не поделать.

Будут цветы и небес благодать.
Будут ручьи и апрельские слезы.
Надо суметь холода переждать,
Корни живые сберечь от мороза.

И строчки, посвященные любимым горам, своего рода исповедь влюбленного в жизнь человека, познавшего радость бытия и своего предназначения:

Уж я потерянным не буду,
Разочарованным — едва ли,
Ведь я притрагивался к чуду.
Встречал восход на перевале.

Прекрасна жизнь. И даже в горе
Ее бранить навряд ли стоит —
Все зачеркнуть, уехать в горы
И захлебнуться высотой.

И другие — носящие символическое название «Ступени в снегу». Это и жизненное кредо — не устраиваться в этом мире, а постигать его; это и смысл существования — не подгрести под себя, а оставить; это и одна из главных ценностей мира — товарищеские узы...

Ни в прежние дни, ни сейчас
Не ропщем на жребий, не плачем.
Надежный кусок не для нас.
Отнюдь. Мы привыкли иначе:

Колеса, времянки, шатры
И цепкий рюкзак за спиною.
Надежней в руках топоры,
Лопаты и ружья — порою.

Далеко уводят дела.
И так недоступны вершины.
Порой не хватает тепла.
На то мы с тобою мужчины.

Приучены бытом самим
Справляться с бедой в одиночку.
Спешим, чтоб оставить другим
Ступени в снегу или строчку.

И еще несколько строчек, которые, на наш взгляд, останутся в поэзии. Не могут не остаться — по глубине чувств, мыслей, позиции:

Гостей незваных не встречал
Штыком и автоматом.
Я был тогда постыдно мал:
Лишь восемь — в сорок пятом.
Давно завел свою семью.
Вступаю в возраст поздний.
Но до сих пор
Всю жизнь свою
Делю на ДО и ПОСЛЕ ³.

Роясь в Интернете, неожиданно наткнулись на повесть Василия Бетаки «Снова Казанова». А в ней воспоминания о Леониде. Невозможно не процитировать их.

«...С Ленией мы потом встретились в Париже в середине 90-х годов. Он сам рассказал подробно о своих путешествиях в заметках, опубликованных, кажется, в «Неве», но мне тоже хочется тут немного об этом поговорить. Уж очень необычным человеком был Леня.

Альпинизм был, безусловно, основой его жизни. Каждое лето он проводил в каком-нибудь альплагере, работая инструктором.

На Кавказе Леня познакомился с несколькими английскими альпинистами, которых водил на восхождения. И вот во время перестройки, когда открылись границы, один из англичан пригласил Леню к себе. Естественно, денег на билет у Лени не было, фактически была у него пенсия по инвалидности из-за пробитой головы, гроши, которые он иногда получал за публикации, да летом зарплата инструктора. Он, кстати, написал очень подробную книжку об истории советского альпинизма.

Отсутствие денег Леню не устрасило — он решил отправиться в Англию автостопом. По дороге остановился в Польше у знакомых по горам, немножко подзаработал, кажется, ремонтируя квартиры. Отправился дальше. Как Леня раздобыл необходимые визы для своего первого путешествия, я не знаю, — вероятно, по альпинистским же каналам.

Так или иначе, добрался он до Лондона, пожил с месяц у своего приятеля и захотелось ему в Шотландию — в горы. Лондонский альпинист тут же созвонился со знакомыми в Эдинбурге, и ребята организовали весеннее восхождение на какую-то шотландскую горку.

Тем временем, новые Лёнины знакомые, альпинисты из Эдинбурга, вспомнили, что их дочка познакомилась летом с дочкой живущего в Париже чилийского архитектора. Познакомились девчонки в скаут-

ском горном лагере. Было решено, что такое знакомство вполне обеспечивает Лёне приезд в Париж. Правда, телефона чилийца у шотландцев не оказалось, но адрес был, так что не беда – как в старые добрые времена, отправили Лёню с рекомендательным письмом.

Добравшись до Парижа, Лёня поутру постучался в дверь к совершенно незнакомым людям. Надо заметить, что ни французским, ни тем более испанским Лёня не владел, у него был весьма средненький английский, и все тут. Но Лёню с его письмом впустили и даже не сильно удивились. А в довершение всего чилиец оказался коммунистом, так что политические споры сопровождали Лёнино парижское житье. Что, кстати, совершенно не мешало этим наверняка славным людям на следующий год прислать Лёне приглашение, необходимое для получения визы.

Мне Леня позвонил уже под конец своего парижского житья, устав от музеев. Он прожил у нас последние несколько дней, мы гуляли по лесу с нашей ньюфкой Ньюшей и болтали о том о сем. В частности, он сказал тогда, что жизнь его переломилась, после того как ему в руки попало несколько стихотворений Цветаевой. До этого он собственно никаких стихов и не читал: не нужно ему было.

От нас Лёня уехал в городок Шамони, чтобы оттуда взобраться на Монблан, там его ждали очередные альпинистские знакомые знакомых.

В следующий раз он объявился в Париже года через полтора. Опять вначале жил у чилийца, а потом у нас.

На этот раз он приехал в Париж непосредственно после восхождения на Монблан. Оказалось, что в предыдущий приезд взобраться на Монблан не удалось, не помню уж почему. Так что на этот раз Леня с Монблана начал. И уже после этого отправился автостопом в Париж.

Дело было осенью, рано темнело, автостоп в такое время не подарок. И вот стоял Лёня в темноте под дождем на дороге в Бургундии и голосовал. Наконец остановилась машина, и из нее послышалось:

– Ну, садись, что ли, бля! Чего стоишь?

Первая возникшая у Лени мысль была о том, что он допрыгался и у него начались галлюцинации, скажем, от голода – из-за полного отсутствия денег Лёня последние пару дней питался грецкими орехами с деревьев. Но фраза повторилась, причем тон произносившего стал более нетерпеливым.

Так что Лёне ничего не оставалось, кроме как залезть в машину. Ну а первый вопрос водителя был:

– Воруешь?

Новый знакомец оказался по профессии международным вором, правда, довольно зачуханным. Он все время жаловался на несправедливость, на то, что его затирают более преуспевшие коллеги.

Леня узнал, что международных воров в наши бюрократические времена поджидают разнообразные неприятности, и одна из самых страшных – это «попасть в компьютер». После такого перестают давать визы. С Лёниным знакомцем именно это недавно произошло: он засыпался в Италии и сел в итальянскую тюрьму. В тюрьме как раз ничего страшного не было, но итальянцы сначала занесли его в компьютер, а потом выставили в Словению, поскольку в Италию он попал именно оттуда. И пришлось ему ехать дальше, минув Италию, что было совсем неудобно.

Неудачливый вор подобрал Леню на своем пути из Женевы в Париж. Женеву он посещал по делу – украл там в магазине несколько костюмов. Вор сразу пообещал Лёне отвезти его, куда тому нужно, только сказал, что надо сначала быстренько заскочить в аэропорт.

В аэропорту на стоянке стояла машина, которую щедрый вор тут же предложил своему новому другу. Леня отказался, объяснив, что он не только прав не имеет, но и водить не умеет. Тогда вор со вздохом перегрузил костюмы из одной машины в другую, после чего отвез Леню к чилийцам.

Вообще же на этот раз Леня приехал в Европу с тем, чтобы подготовить свое следующее путешествие. Оно должно было стать кругосветным. Вокруг света автостопом! Начать он собирался с Сибири, оттуда добраться до Аляски, потом в Калифорнию, ну и так далее...

Он очень беспокоился из-за прохождения тундры – необходимо было успеть проехать ее зимой, пока есть наст.

Леня очень торопился – за полгода до этой нашей встречи наш общий приятель, хирург и детский писатель Семенов-Спасский, прооперировал ему меланому на ноге. Леня очень хотел успеть.

А поездка в Европу была ему необходима для того, чтобы обзавестись нужным оборудованием (палаткой, хорошими ботинками), да и заручиться хоть какой-нибудь материальной поддержкой. Друзья-альпинисты свели Леню с фирмами, выпускающими туристское оборудование и со спортивными журналами. В каком-то журнале он рекламировал ботинки, за что получил пару в подарок, ну и заплатили что-то. От какой-то фирмы он получил палатку нового образца на опробование...

В этот Лёнин приезд мы с ним виделись в последний раз. Он сумел организовать свое кругосветное путешествие, сумел пройти Сибирь и Аляску. Заболел он, кажется, уже в Калифорнии. Оттуда вернулся в Питер и через несколько месяцев умер.

Такой вот был удивительный человек, очень свободный»⁴.

А вот реплика об этом путешествии Леонида Замятнина, состоявшемся незадолго до его смерти в 1996 году, другого интернетовского пользователя: «Много лет назад один случайный попутчик рассказал мне о некоем своем знакомом, который в свои без малого 60 лет совершил зимнее путешествие автостопом из Петербурга в США через Чукотку. Как выяснилось сейчас, его звали Леонид Замятнин, он был альпинистом, писателем и поэтом, и, судя по этому короткому рассказу, человеком исключительного мужества»⁵.

О своем путешествии Леонид оставил заметки. Их тоже можно прочесть в Интернете, еще раз отдав дань уважения мужеству этого удивительного человека: «Это ни в какое сравнение не идет с хитч-хайкингом по Западной Европе. Там от Бреста до Лондона с переправой я добирался за два с половиной дня. Европа – это фитюлька. Сейчас же я прошел 27,5 тыс. км на попутном транспорте и из Нью-Йорка в Петербург (через Шенон, Ирландия) я пролетел последние 8 тыс. км самолетом.

Сроки: стартовал из Петербурга 8 февраля, вернулся ночью в родной дом 30 сентября, то есть без малого 8 месяцев. У меня была картонка и листы бумаги на которых крупными буквами я пишу место назначения. Садясь в остановившуюся машину, я четко знаю куда мне надо ехать, для это у меня есть подробные карты местности. Зимой я еду в основном от автозаправки до автозаправки. Водитель видит эту дощечку, мой рюкзак, внешний вид, возраст. Ни в коем случае нельзя надевать черные очки, «блатные» кепочки. Водитель должен видеть твои глаза, и происходит психологическая игра. Если ты вызываешь доверие, то тебя возьмут.

Подбирают в основном только такие же чудачки, как ты сам, те, кто сами автостопили. Нормальные люди не берут и проскакивают мимо. А чтобы взяла женщина, да еще вечером, то это случается крайне редко. На Западе к автостопщикам привыкли и, если они видят человека с дощечкой, его подбирают, об оплате разговор не возникает. В России все совсем не так. Хочу заметить, что все это я вынес из собственного опыта, хитч-хайкингу я нигде не обучался. Постоянно путешествуя автостопом по Европе, я подспудно последние два года готовился к этой кругосветке»⁶.

И это осуществил неизлечимо больной человек, которому уже в сорок восемь поставили смертельный диагноз. Как он сам писал: «Анализ крови неумолим: лейкоз. Два года на бедрах и под мышками набухают лимфоузлы. Вначале я не придавал этому никакого значения. Когда понял, что это серьезно, оказалось — поздно. Пятидесяти мне уже не будет».

Стоило ли жить, спрашивает он сам себя. Ведь «никто не будет обо мне плакать — ни жены, ни сына, ни дочери. Никого не оставляю сиротой. Чего ж я добился? В альпинизме — всего лишь кандидат в мастера: даже в горах слишком любил одиночество. В литературе — только что вышла из печати первая, тоненькая книжечка стихов. Не утонет ли она в книжном море?

В чем смысл человеческой жизни? Думаю, в том, чтобы успеть за отрезок времени, отпущенный тебе, успеть понять себя и мир, подняться духовно на более высокую ступень и тем самым внести гармонию в человеческое общество, в природу, в космос. Слишком поздно я это понял. Тает моя шагреновая кожа. С досадой констатирую — не успел...»

Мы же скажем другое — успел.
Успел выпустить книги,
Успел узнать любовь,
Успел увидеть мир.

И главное — оставить частицу себя этому миру. В том числе и легенду об Эльбрусской Деве. Все-таки он ее видел. Все-таки она есть.

Утверждает это и другой наш хороший знакомый — смотритель Северного приюта на Эльбрусе Аркадий Давыдов, строками о котором, имеющими отношение и к Леониду Замятнину, мы и завершим свой рассказ: «Говорят, кто встретится с Эльбрусской Девой, никогда этого не забудет. Она бережет тех, у кого чистые мысли и светлая душа, а плохим людям там делать нечего — окутает непроницаемым ужасом, заставит бежать подальше от своего царства, а то и сыграет злую шутку, сбросит в расселину. Это душа Эльбруса. И уж если встретишься она на пути, жди неожиданностей.

Довелось увидеть ее и Давыдову. Встреча произошла через несколько дней после гибели группы альпинистов из Ульяновска. Аркадий шел за группой спасателей. Была непогода, ветер поднимал в воздух клубы снежной пыли. Наконец нашли палатки, в них никого. В метель опытный человек не рискнет покинуть убежище, но люди

исчезли. Тогда же он встретил еще одну группу. Она осталась на скалах Ленца, сделала остановку. Люди хорошо просматривались на фоне белых скал. Давыдов взглянул чуть выше — вверх по склону с порывом ветра поднялись снежные завихрения. Мощные, приковывающие взгляд. И вдруг между ними показалась женщина, подняла руку, помахала и ушла. Эльбрусская Дева.

Что это был за знак — идти дальше или возвращаться? После некоторых раздумий он все же продолжил путь. Правда, возвращаясь, упал, пролетел нешуточное расстояние и сам не помнит, как удержался. А когда вернулся к месту, где видел таинственный знак Девы, на него вдруг нахлынул ужас. Значит, предостерегал дух горы? А может быть, спас от верной гибели?»⁷

...Эльбрусская Дева оставила след в жизни альпиниста и литератора Леонида Замятнина. А он оставил свой след в нашей памяти — строчками, ступенями в снегу.

Книги Леонида Замятнина:

Снегопад: стихи. Нальчик: Эльбрус, 1976.

Скалолазы: спорт и профессия. Л., 1982.

Такие высокие горы: Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1985.

Каменный остров: Стихи. М.: Сов. писатель, 1987.

Пик Белецкого: Документальное повествование. Л.: Лениздат, 1987.

Эверест, юго-западная стена / Сост. Л. М. Замятнин. Л.: Лениздат, 1984.

Восхождения / В соавт. с И. В. Балабановым. М., 1998.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Замятнин Л. Такие высокие горы. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 95–104.

² Эльбрус. Нальчик, 1990. № 2. С.

³ День поэзии 1985. Л.: Сов. писатель, 1985.

⁴ lit.lib.ru/b/betaki_w_p/text_0100.shtml

⁵ dirty.ru/archive/20070711

⁶ Замятнин Л. По следам А. Ворова. СПб., 1994.

⁷ Турищева С. Увидеть мир и... умереть // Мужской характер. 2005. № 7.

ЧЕРНЫЙ АЛЬПИНИСТ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДЫ

Кто такой Черный Альпинист? «Такой же фольклорный образ, как и Эльбрусская Дева», — ответит реалистично мыслящий читатель и будет, конечно же, прав. «Википедия», знающая все и обо всем, уточняет, что это «призрак, история о котором является частью фольклора альпинистов». Он погиб в горах и с тех пор, неприкаянный, бродит повсюду, пугая и предупреждая альпинистов не расслабляться, чтобы не составить ему компанию.

Черный Альпинист — явление фольклорное, но в него верят всерьез, ибо он наказывает отрицательных и самонадеянных персонажей, а положительных и отзывчивых спасает от поджидающих неприятностей. И самое главное — в Черного Альпиниста верят настолько, что, случается, оставляют ему еду (вплоть до отдельного прибора!), так как многие альпинисты видели его воочию. Причем Черный Альпинист может оказаться на вид обычным человеком, неожиданно встретившимся в горах. Отличить его можно, прежде всего, по темному цвету лица. Впрочем, у кого из горовосходителей оно светлое? Первым делом на высоте от ультрафиолетовых лучей сгорает — краснеет, а потом темнеет — кожа лица. И под этот признак попадет практически каждый.

В Интернете о Черном Альпинисте можно прочесть на десятках сайтах, авторы которых уверены, что сей призрак обитает именно в их регионе. Упоминается прежде всего Памир, хотя красноярцы прописали его на скалах, что расположены на правом берегу Енисея (так называемые Столбы).

Имеется свой Черный Альпинист и на Кавказе...

Вот что рассказывает кандидат в мастера спорта по скалолазанию Ирина Саватеева (материал из Интернета): «Я с двумя спутниками спускалась с Эльбруса. Было еще светло, примерно четыре часа дня. Восхождение отняло у нас слишком много сил, и двигались мы с трудом. Очень боялись не успеть в лагерь до ночи. К тому же начинался сильный ветер со снегом.

Мы не ели двое суток — как было решено, совершили так называемое «голодное» восхождение. И сглупили: сил совсем не осталось.

Я уже теряла сознание, когда увидела черную тень слева от меня. Она следовала за мной по пятам. Я страшно испугалась. Видимо, от страха откуда-то взялись силы. Восприняла все, будто это моя смерть пришла за мной. И подгоняла своих спутников (они тоже видели тень). Так что добрались до лагеря засветло. Нет, галлюцинация исключается: мало того, что мой рассказ подтверждают те двое, — тень видели и другие, которые, обеспокоенные нашим долгим отсутствием, вышли навстречу. Первое, что они спросили:

— А где же четвертый? Вас же было четверо!

А теперь вспомним о человеке, который одним из первых написал об Эльбрусской Деве — ленинградском альпинисте и литераторе Леониде Замятнине. Как-то в один из июльских дней 1988 года он пришел к нам в редакцию, принес очередной рассказ, обсудить который мы решили в летнем кафе «Парус», что у входа в городской парк. За кружкой пива разговор зашел о мистике. Леонид поведал, с чем он сталкивался будучи зимовщиком Приюта Одиннадцати.

Кстати, кусочек того рассказа стал преамбулой к рассказу «Эльбрусская Дева». И здесь самое время привести его: «О чем думает зимовщик ночью, когда он один на Приюте, когда вьюга воет в трубах, как сейчас?»

Когда я ночью один, я не завожу движок, мне достаточно свечи. В непогоду на Приюте происходят странные вещи. Вы не поверите, но однажды я всю ночь отчетливо слышал немецкую речь и топот сапог на нижних этажах, кто-то наигрывал вальс на губной гармошке. «Мистика, — усмехнетесь вы, — слуховые галлюцинации».

Интересно — мог бы я слышать немецкую речь, если б не знал, что в 1942 году на Приюте хозяйничали фашистские горные егеря дивизии «Эдельвейс»?

В одну из ночей я услышал старинное танго. Музыка доносилась со второго этажа, хотя, кроме меня, на Приюте не было ни души.

Когда не спится в непогоду, я гляжу на пламя свечи и вспоминаю всех, кто на моей памяти ушел на вершину Эльбруса и не вернулся. Чудится, что они вереницей спускаются по склону. Они знают, что на Приюте я один. Зовет их мой огонек. Не правда ли, теплое слово — «Приют»? А ведь они — люди. Им хочется тепла. Я слышу, как хлопает внизу входная дверь, как скрипят ступени лестницы под тяжестью их шагов. Мне видятся их лица, обмороженные, обросшие. Отриконенные ботинки стучат по ступеням. Вот они миновали второй этаж, поднимаются на третий. Шаги замирают перед дверью моей комнаты. Сейчас раздастся стук... Я жду до рассвета, но они так и не решаются войти»¹.

...Читая рассказ «Эльбрусская Дева», сразу обращаешь внимание на то, что вступление к нему выглядит абсолютно чужеродным, притянутым, так сказать, за уши — оно никак не связано с содержанием того, о чем повествуется дальше. Причем тут зимовщик? Какое дело читателю до его слуховых галлюцинаций? Оказывается, самое прямое. Но вначале напомним, что лицом, коротавшем время в одиночестве на Приюте Одиннадцати, был сам Леонид Замятнин, а еще к этому добавим, что преамбула к рассказу «Эльбрусская Дева» была самостоятельным произведением, которое так и называлось «Рассказ зимовщика».

Вернемся к последней фразе — «сейчас раздастся стук». Читатель в ожидании, но однозначного ответа так и не получает. Вместо него только констатация, что они, ночные гости, «так и не решаются войти». Что из этого следует? А то, что стук наличествует, значит, кто-то пришел, но в дом так и не вошел. Сплошные неясности. В отражении происшедшего на бумаге, естественно. Так как в канву рассказа вмешалась идеологическая цензура и просто-напросто отсекала продолжение. А было оно весьма занимательным. Как рассказывал Леонид, в одну из бессонных ночей, проведенных им во время зимовки на Приюте, он действительно услышал стук. Весьма характерный — прерывистый, кулаком по двери.

Стук этот он по большому счету ожидал: утром должна была прийти долгожданная смена. И услышав, что кто-то настойчиво ломится, мгновенно выскочил из спальника и рванул ко входу. При этом даже мысли не возникло, что ночью смена никак не могла явиться. Рванул дверь на себя и прямо-таки кинулся наружу, желая принять в объятия долгожданного сменщика. И чуть не упал в искрящийся снег — перед ним никого не было. Небо было ясным, до звезд, казалось, можно было дотронуться рукой, и от этого было достаточно светло.

Достаточно для того, чтобы увидеть — никто к Леониду не пришел. В некотором недоумении Замятнин вернулся в Приют, снова забрался в спальник и стал размышлять, что это могло быть. Знал точно — не спал, не дремал даже, стук слышал весьма явственно. Пришел к выводу, что это забавляется ветер, хотя ночь была на редкость спокойной — безветренной и бесснежной. Впрочем, кто еще, если не ветер?

Попытался заснуть, но не получалось. Считал, считал, сбивался со счета и в этот момент вновь услышал стук. Явственный, не периодичный, а прерывистый, такой, какой производит человек, просясь войти. Стучали в дверь, стучали настойчиво, можно сказать даже — требовательно.

«Нет, не ветер», — сказал сам себе Леонид и не спеша стал вылезать из мешка. Он не спешил, даже тянул время и потом, когда двинулся по направлению к двери. Все это время стук не прекращался.

В какой-то момент даже показалось, что за стенкой помещения слышны чьи-то голоса.

Подойдя к двери, Леонид постоял около нее секунду-другую и, вздрогнув от звуков очередного стука в дверь (дрожь мгновенно пробежала по всему телу), неожиданно для самого себя спросил глухим прерывающимся голосом:

– Кто там?

Стучавший не ответил. Постояв еще какое-то время, Леонид резко рванул дверь на себя. Какая-то черная тень отскочила от двери и чуть ли не мгновенно оказалась в метрах двадцати, на пригорке. Приглядевшись, Замятнин увидел на фоне земли и неба высокого и очень худого (лучше будет сказать – стройного) человека, в облике которого было что-то странное. Уже потом, анализируя происшедшее, Леонид понял, что ему показалось странным – у увиденного им человека не было рюкзака, отчего он и выглядел не согбенным, а неестественно прямым.

Уже в следующее мгновение на пригорке никого не было.

Леонид не помнит, как он вернулся, снова забрался в спальник. Помнит только, что все время дрожал и никак не мог согреться.

А утром его разбудил стук в дверь – точно такой же, какой звучал ночью. Требовательно-настойчивый, сопровождаемый веселыми криками:

– Ты живой там или нет?!

Это действительно пришла смена. И, открыв ребятам дверь, первым, что услышал Замятнин, был вопрос:

– Ты куда это по ночам босиком ходил?

– Что? – переспросил Леонид, не понимая сути услышанного, и только тут обратил внимание на цепочку следов, протянувшихся от Приюта к пригорку. Следов, оставленных босым человеком...

– Но этого не может быть! – помнится, воскликнул тогда я. – Призраки не оставляют следов! Они не босые и не в одежде, они – бестелесные!

– Вот и редактор книги мне так сказал, – ответил Леонид, – и, улыбнувшись, добавил: «Чего только не привидится, когда «квасишь» в одиночку». Но я-то не пил и следы видел не только я, но и другие.

– Ладно, поверим, – произнес я. – Но тогда возникает вопрос: для чего собственно приходил к тебе Черный Альпинист?

– Вероятно, предупреждал. Ведь сразу потом и случился в моей жизни ледник Мижирги, когда я поленился надеть каску, и камень, прилетевший сверху, пробил мне голову, сделав инвалидом...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Замятнин Л. Такие высокие горы. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 95–96.

АЙРАН ДЛЯ БЕЛОГО СПЕЛЕОЛОГА

Фольклорную компанию Черному Альпинисту составляет Белый спелеолог – призрак погибшего исследователя подземелий, который так и не смог выбраться на поверхность. Персонажа этого и бояться – может завести туда, откуда не выберешься, и уважают – с его помощью многие как раз и нашли дорогу к свету.

С 1957 года, который принято считать датой зарождения спелеологии в СССР, на территории страны погибло более 80 человек. Кто из них стал первым «Белым» – то есть призраком, неизвестно. Версий на эту тему существует великое множество, но единого прототипа нет. Одни считают, что «Белый» родом с Памира; красноярцы уверены, что он обитает в знаменитых Столбах. На наш взгляд, есть Белый Спелеолог и в Кабардино-Балкарии, где в 1983 году в одной из пещер случилась беда...

Василий, спелеолог-любитель, о котором в этой книге упоминается не раз, как-то предложил нам осмотреть Суаканские (*Суакан* в переводе с балкарского *падающая вода*) пещеры, те самые, как он уточнил, в одной из которых погиб москвич. Об этом случае, невольным виновником которого стал знаменитый кисло-молочный напиток, мы много слышали, но на месте происшествия – в районе Сырт-Тала – не были. Гора Сырт-Тала находится в двенадцати километрах от Нальчика, она самая высокая в горно-лесистом кряже, расположенном к западу от города.

Невдалеке отсюда, по идущей поверху тропе, располагался стационарный приют турбазы «Долинск». Но сейчас от него остались одни воспоминания, а когда-то здесь имелся даже настоящий горнолыжный спуск.

Интересующая нас пещера Суакан представляет из себя небольшое отверстие в горе, куда с ревом устремляется речной поток – он падает вниз и выходит по одной из пробитых водой штолен уже с другой стороны. Это так называемый в гидрографии *сифон* – подводный туннель естественного или искусственного происхождения, по которому протекает вода.

Если пройти какое-то расстояние по пещере, то можно попасть в воздушную полость. Далее отверстие становится столь узким, что двигаться вперед можно с большой долей риска. Василий, кстати, здесь бывал неоднократно, но особо, несмотря на присущую ему бесшабашность, не рисковал.

Практически все пещеры вокруг обследовали москвичи. Их отметками испещрены скалы, нависающие над каменными сводами. И в тот солнечный день начала октября они вновь приехали в республику. Кто мог предполагать, что рядовая по большому счету экспедиция завершится столь трагично?..

Впрочем, для придания документальной достоверности нашему рассказу, обратимся к размещенному в Интернете отчету «Несчастные случаи при погружениях в сифоны».

Итак: «4 октября 1983 г. Пещера Суакан, Северный Кавказ, массив Сары-Тала, вторая категория сложности.

Пострадавший: Веревкин Александр, 1960 г. р. Перовский РТК, Москва.

Обстоятельства происшествия: группа из четырех человек выехала 1 октября из Москвы для прохождения ряда пещер, в том числе и некоторых сифонов. Двое участников имели подводный опыт, но небольшой и на открытой воде. 3 октября – заброска, 4 октября – начало работы под землей.

Перед выходом А. В. выпил большое количество айрана. При погружении в сифон А. В. через 3 метра уткнулся в древесный завал. Вернувшись, он повторил попытку разбора завала. Так как после повторного погружения по ходовому концу не было никаких сигналов, через 10 минут в сифон пошел Д. С. и веревкой вытащил А. В. из сифона.

Последствия происшествия: смерть в результате белой асфикции (бронхи и легкие были забиты творожной массой, воды в легких не было).

Меры жизнеобеспечения пострадавшего после происшествия: А. С. (врач) и С. Б. сразу же приступили к искусственному дыханию и массажу сердца. А. В. не подавал никаких признаков жизни, и через 1,5 часа попытки реанимации были прекращены.

Организация спасательно-транспортных работ: в Москву о ЧП было сообщено в 6 часов утра 5 октября. Утром 6 октября спасотряд клуба был в Минеральных Водах, вечером – у пещеры. 7 октября в 10 часов – спуск под землю первого спасателя, в 17 часов – тело поднято наверх, еще через 2 часа – поднято последнее снаряжение.

Непосредственная причина смерти, установленная после вскрытия: бронхи и легкие забиты рвотной массой (воды в легких нет). За три часа до погружения А. В. выпил 3 литра (!) айрана – и это при его слабом желудке, о чем все знали, но задумались только после всего...»

Кто же такой спелеолог Александр Веревкин? Вот что можно узнать из работы его друга Олега Парфенова «О соединении пещер Заблудших и Ручейная», также размещенной в Интернете.

Главка эта называется «Крымский спелеолог в Москве»:

«...Напевая песенку Веревкин проходил очередной уступ на Зимнем притоке Заблудших. В песне были строки про Бездонку, Эклиз-Бурун, Пантю, Шакала и еще что-то другое, крымское, но я тогда не собирался запоминать – вся жизнь была впереди, и мы с Сашей собирались вдвоем лазить по пещерам очень долго.

Саша родился в 1960 году, до 1979 года жил в Симферополе, в школе занимался спортивной гимнастикой. Первой его пещерой была пещера МАН. На нижний этаж он спускался по бельевой веревке, сложенной в несколько раз, светом служила обыкновенная свеча. Это он сделал один в 12 лет.

Потом была «дикая» спелеогруппа Веревкина, с которой, как говорил Александр Козлов (Шакал), председатель СКС (Симферопольский клуб спелеологов), справиться было очень трудно. Мир наступил лишь с переходом Веревкина в СКС.

Идеал пещеры для Саши – первопрохождение сложного сифона, единственный авторитет среди спелеологов – Шакал. Естественно среди Сашиных повествований преобладали две тематики: либо прохождение сифонов в Алешиной воде и Красных пещерах, либо подвиги Шакала как спелеолога, так и как оперативника.

На похвалу Веревкин был весьма скуп. По услышанным мною Сашиным отзывам, он спелеологов делил на две категории: «настоящий спелеолог» и «шланг». К «настоящим спелеологам», первым из москвичей, Саша причислил Володю Киселева, «настоящим спелеологом», после спасработ в Осенней, стал и Сергей Белоусов.

В 1979 году Саша переехал из Симферополя в Москву. В Москве Веревкин делает три шага, определившие его короткую дальнейшую жизнь – поступает в МИЗ (Московский институт землеустройства), записывается в секцию подводного плавания ДОСААФ и приходит в МГСС (Московская городская секция спелеологии).

...С Веревкиным я познакомился 21 января 1980 года на открытии последней школы МГСС, где вводную лекцию читал В. В. Илю-

хин. Андрей Болсунов, будучи инструктором школы МГСС-80, ходивший со мной на тренировки в МИФИ, быстро меня сагитировал на короткую поездку в Крым, на Караби. Далее идти я не планировал. Мой взгляд на спелеологию перевернула встреча с Веревкиным, с которым мы оказались в одном отделении. Болсунов особо не давил на нас, как инструктор, и мы с Веревкиным свободно лазили по хрестоматийным пещерам Караби. Пещеры Караби Саша знал гораздо лучше, чем то, что нарисовано на школьной топосъемке. Здесь, на Караби, Саша разбудил во мне интерес к исследованию пещер. Я смотрел на него и учился спелеологии. Товарищем Саша был превосходным. Вместе мы были в пещерах Караби, Майской и Заблудших. Веревкин в пещерах был почти как волшебник, все делал очень легко и элегантно. Признак мастерства».

...И вот мы у входа в ту самую пещеру, где завершилась Сашина жизнь. Вглядываемся в слова на металлической пластинке (такая же точно имеется и внутри) и пытаемся представить последний день московского спелеолога. Вот группа добралась до полянки, от которой до пещеры пара шагов; разбили палатку, перекусили. Похвалили айран, принесенный пастухами, пасшими скот поблизости. Саша особенно — все наливал и наливал из полуторалитровой бутылки, пока не закончил. Тут же появилась следующая — и ее опорожнил...

Сегодня трудно объяснить, чем ему так понравился балкарский айран, почему такое количество жидкости он выпил непосредственно перед погружением, хотя прекрасно знал, что на полный желудок спускаться в пещеру нельзя. Может, посчитал Суакан недостойным внимания? Может, чувствовал себя неважно — вспомним о больном желудке? Ответа нет.

Вот он лезет в сифон и практически сразу упирается в завал из веток и травы, спрессованных ударами воды. Пытается разобрать. Но не получается. Возвращается обратно и снова спускается в сифон. Все. Рвотная масса неожиданно поднимается из желудка и рвется наружу, перекрывая дыхание. Ее так много, что Саша теряет сознание и задыхается почти мгновенно.

...Двое из нашей группы: фотограф Жанна и польский исследователь Павел, о котором уже рассказывалось ранее, — лезут в сифон. Остальные — авторы этих строк и Василий — пытаются при свете яркого фонаря хоть что-то рассмотреть в грохочущем водяном горле. Видно, как осторожно пробираются наши люди по карнизу, скрываются за ним. Где-то именно здесь, перекрывая жерло сифона, нахо-

дился тот самый завал, который так и не смог разобрать Александр Веревкин. Сейчас завала нет, но, для того чтобы продвигаться дальше по сифону, нужна профессиональная подготовка и более серьезное оборудование. Принимаем решение не рисковать и вернуться сюда позднее.

Вернуться еще и потому, что в последнее время в этих местах происходят не совсем понятные явления. Неоднократно чабаны видели высокого, по-летнему одетого молодого человека, который направлялся в сторону пещеры, но не откликался, если его звали. Более того, парень этот, если за ним шли, ускорял ход и неожиданно, словно сквозь землю проваливался, исчезал в районе суаканского сифона.

Но это еще не все. У входа в пещеру не раз замечали разлитую по земле белую жидкость, по консистенции напоминающую айран, причем в весьма большом количестве. Кто, зачем и для чего это делал – непонятно. Если допустить, что ради розыгрыша, то на кого, спрашивается, он рассчитан? И откуда появлялся, а главное, куда исчезал молодой человек, замеченный чабанами в этих практически безлюдных местах? Впору вспомнить о Белом Спелеологе, брате Черного Альпиниста. Только вот противоречит фольклорным байкам его выход из пещеры – кого и о чем здесь можно предупредить?

Сами мы не видели ни разлитого у пещеры айрана, тем более призрачного силуэта, хотя внимательно оглядывались по сторонам и смотрели под ноги. Никого и ничего...

Что касается Саши, то его судьба – другим наука: начинающие спелеологи на этом примере изучают, что можно, а что нельзя делать, отправляясь в глубь земной толщи. А друзья отдали дань памяти своему товарищу, назвав его именем пещеру глубиной 427 метров и протяженностью 665 метров. Местонахождение пещеры Александра Веревкина таково: «Кавказ, Абхазия, плато Арабика».

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА ВИКТОРА КОСТРЫКИНА

В материале «Контактер из Хушто-Сырта» (см. первую книгу этого издания) мы уже рассказывали о нальчанине Викторе Кострыкине, прославившемся тем, что о его «встрече с инопланетянами» узнал весь мир (уфологический, конечно). Рамки того материала и заявленная тема — необычные явления в районе селения Хушто-Сырт — не позволили более подробно рассказать о самом контактере. А личность эта была весьма и весьма оригинальная, о чем позволяет говорить долговременное личное знакомство одного из авторов этих строк с Кострыкиным.

Состоялась эта встреча с помощью известной троицы нальчикских коллекционеров всевозможных артефактов — Виталия Вомачки, Бориса Загиева и Саши Забавина, в орбиту интересов которых оказались в той или иной мере вовлечены практически все, кто в Нальчике в те годы (вторая половина семидесятых — первая половина восьмидесятых прошлого века) выпадал, так сказать, из общего ряда, отличался своими причудами и поступками. Кострыкин был из их числа: во-первых, существовал в своем обособленном мире; во-вторых, убежденно утверждал, что общается с другими мирами; в-третьих, приводил доказательства подобного рода контактов.

Заключались они в том, что Виктор Петрович сыпал такими узкоспецифическими подробностями, которые были известны далеко не всем специалистам, более того — по большому счету стали им известны совсем недавно. В некоторых областях познания его были чуть ли не фундаментальными. И самое главное — у него было настоящее чутье-предвидение событий. В частности, он, как никто другой, умел предсказывать погоду — и на день, и на неделю, и на месяц, и на год. И не ошибался, о чем мы уже кратко упоминали в материале «Контактер из Хушто-Сырта». Конечно, долговременные прогнозы носили общий характер. Кострыкин не утверждал, что такой-то день следующего года будет дождливым или солнечным, но, предсказывая засушливое или дождливое лето, всегда попадал в точку.

Чему очень удивлялся публицист Георгий Радов (1915–1975), посвятивший Виктору Петровичу несколько абзацев своей книги «Пред-

седательский корпус»: «Помню, в начале лета на столе у бывшего председателя колхоза «Красная нива» в Кабардино-Балкарии доктора сельскохозяйственных наук Николая Никитовича Евтушенко я увидел листок бумаги. На машинке было напечатано: «Прогноз погоды по Кабардино-Балкарской АССР». Все излагалось подробно: и температура, и скорость ветров, и циклоны. «Особо опасные явления возможны в один из следующих вероятностных дней», – говорилось далее и уточнялось, что град и грозы возможны 3, 4, 6, 10, 23 июня, а ливни 4, 10, 14, 20 и т. д. и т. п. И оговаривалось, что «не исключены частичные смещения на один день». А подпись следовала такая: «В. Кострыкин, ученый-агроном, астросиноптик, кустарь-одиночка».

Я прочел странную бумагу, задержался на подписи, в которой угадывалась горечь непризнания, и посмотрел на Евтушенко: не в шутку ли он показал мне прогноз «кустаря-одиночки»? Нет, оказывается, вполне всерьез! Виктор Петрович Кострыкин, оказывается, работает не на метеостанции, а в потребсоюзе, предсказаниями занимается как любитель, рассылает их безвозмездно и... почти не ошибается!

– Проверь! – посоветовал Евтушенко.

Пока я был в Котляревской, следил за соответствием кострыкинских предсказаний. Что ж, действительно, с редкими «смещениями» дожди и грозы шли в указанное им время¹.

А вот как сам Кострыкин писал в работе «Из прошлого в грядущее» о том, на чем основаны его предсказания погоды: «Метод прогноза погоды и засушливых сезонов базируется на моем открытии, которое может быть сформулировано следующим образом.

Теоретически установлена и подкреплена практическими доводами ранее неизвестная закономерность, проявляемая наличием точек температурного равновесия, обусловленная барицентром планетной системы Земли по трем положениям и промежуточным возможным орбитам, с незначительным изменением радиуса окружности вращения при каждой лунной фазе и определяющим величину ее энергообмена с поглощением или излучением энергии, возмущающим стационарную, размеренную солнечную радиацию при регулирующих потоках межпланетного магнитного поля Солнца. Данная гипотеза подтверждается наличием точек температурного равновесия в динамическом подневном графике хода многолетних суточных температур. Между избытком и дефицитом энергии объективно существует момент равновесия.

Астрономическая система Земля плюс Луна рассматривается как единая по отношению к Солнцу. В таком случае, воображаемый центр тяжести системы – центр масс. или принятое в науке название – ба-

рицентр, — будет находиться на условной прямой Луна–Земля, но из-за разницы в массах — где-то внутри Земли и ближе к ее поверхности. Радиус окружности, по которой происходит вращение Земли вокруг Солнца, определяет величину ее энергии, которая не остается постоянной. Систематические изменения обусловлены переходом барицентра астрономической системы Земля плюс Луна с тремя возможными положениями Земли по отношению к центру светила, следовательно, с тремя различными радиусами вращения».

Хорошо завернул, не правда ли?! Но продолжим: «В фазах первой и последней четверти Луны барицентр системы окажется на средней орбите. При фазе полнолуния этот центр сместится на удаленную орбиту, а при новолунии — на самую ближайшую. С изменением радиусов вращения изменяется и энергия. При переходе с внешней орбиты на внутреннюю энергия излучается, то есть уменьшается. При очередном фазовом ходе Луны и возвращении с внутренней орбиты на внешнюю на Земле возникает дефицит в энергии и ей нужно со-общить ту же энергию...»

Но главное все-таки не *что*, а *как*. А вот так: «Описанные выше основы прогноза позволили мне в 1969 году предсказать засуху 1972 года с указанием районов СССР. Прогноз урожайности на 1970–1973 годы был мною разослан 88 хозяйствам и организациям и полностью оправдался. Прогноз урожайности: 1970 год — урожайный, 1971 год — частичная засуха, 1972 год — сильная засуха (Украина, Поволжье, Сев. Кавказ, Ср. Азия), 1973 год — урожайный».

От себя добавим: все сбылось. И вряд ли такое предвидение можно объяснить только тем, что Виктор Петрович имел солидное агрономическое образование, любил наблюдать за природными явлениями, более того, анализировать их во временной перспективе. Ведь способность как таковая заглядывать далеко вперед появилась у него только после так называемого *контакта*.

О, этот контакт! Он сделал Кострыкина знаменитым, востребованным, выездным. О нем пишут в российской и иностранной прессе, у него берут интервью, его приглашают на симпозиум по встречам с иными цивилизациями, одаривают подарками, с ним встречаются люди, чьи имена и заслуги известны каждому. Вот, например, Марина Попович — летчик-испытатель 1-го класса, полковник ВВС, Герой Социалистического Труда. Только послушайте, как тепло и сердечно говорит она о Кострыкине в интервью, данном корреспонденту газеты «Московский комсомолец»:

«— Марина Лаврентьевна, вы сами-то верите в летающие тарелки?

— Я не только верю, но и сама несколько раз их наблюдала. Впервые встретила НЛО в горах. С тех пор и заболела уфологией, а тема аномальных явлений стала моей второй после неба любовью. Я стала собирать материалы по этой теме, чем занимаюсь уже 30 лет. В моей книге «НЛО над планетой Земля» приведены свидетельства почти трех тысяч человек. Число же людей, наблюдавших НЛО в разных странах только за послевоенный период, исчисляется сотнями тысяч. Насколько мне известно, статистика психиатрии исключает столь большой процент людей, подверженных массовым галлюцинациям.

— Вы встречались с людьми, которых похищали инопланетяне? Есть ли у вас свидетельства россиян, которые путешествовали во Вселенной?

— В России, по моим данным, не так уж много таких людей. Их объединяет то, что после возвращения на Землю они начинали замечать в себе изменения в физиологическом, умственном плане, иногда приобретали какие-то новые навыки, умения, знания. При этом рассказать о своем путешествии по Вселенной они чаще всего не могут, так как все пережитое ими «там» стерто из их памяти. Так, одним из первых и, пожалуй, самым интересным, на мой взгляд, контактером был Виктор Петрович Кострыкин.

В районе горного селения Хушто-Сырт он встретил нечто, кардинально изменившее его жизнь. Сначала он увидел необычно яркий метеорит, падающий прямо на него. Но взрыва не произошло. А вскоре в полной тишине состоялась и необычная встреча. Это было существо в серебристом комбинезоне с него ростом. За пригорком на площадке, куда его позвал незнакомец, стоял огромных размеров дисковый аппарат, по периметру которого светились отверстия — выходы каких-то труб. Очнулся он утром уже в другом месте. А вскоре Кострыкин начал открывать в себе невероятные способности. Стал слышать на большом расстоянии, читал мысли, находил утерянные или спрятанные предметы, без ключа открывал замки, силой мысли заводил двигатель автомобиля. Ему стали подчиняться животные и птицы. Появилась способность снимать боль. Даже удалось поднять нескольких тяжелобольных. Но со временем эти способности стали угасать».

А самое главное, стали угасать не только способности (если они были), но и интерес к самому Кострыкину. Страдал он от «контакта» (или от излишнего воображения, определяемого в просто-

речи словами «не от мира сего») по большому счету всю жизнь. В советское застойное время — от полнейшего неверия, когда всем «инопланетянам» был не заказан только один путь — в психушку; в постсоветское — от излишнего внимания, когда ненасытной публике, освободившейся от цензурных запретов, требовались все новые и новые подтверждения наличия необъяснимого в нашей жизни.

А их-то у Виктора Петровича и не было. «Пообщавшись» с Кострыкиным разок, «представители иного разума», вероятно, посчитали полученного от имярека достаточным. И этого действительно хватило на период безгласия (для принудительного помещения в лечебницу), но оказалось совершенно недостаточным для времени, когда контактерами становились если не все, то через одного. Еще бы — пишут в прессе, приглашают для участия в телепередачах. А Виктор Петрович, гонимый и клейменный, по большому счету достойный звания «контактер-первопроходец», вдруг оказывается не у дел. Не выходят больше на связь с ним представители инопланетного разума, забыли про страдальца. Понятно, что при таком раскладе обида гложет, сердце кровоточит, а разум мучительно ищет выхода. И находит. Если контакта нет, то его можно придумать. Тут-то и появляются многочисленные заморочки Кострыкина о новых встречах, «базах инопланетян» и даже попавших в аварию кораблях.

Помнится, зайдя как-то к редактору газеты «Северный Кавказ» Али Казиханову, один из авторов этих строк на столе у него увидел несколько фотоснимков, на которых был запечатлен космический агрегат, сделанный из... металла и дерева. Именно так — с подобием ставней, прикрывающих окна-иллюминаторы, с массивным железным трапом и еще целой кучей деталей, убеждающих, что сие творение — дело рук людей с большим чувством юмора. Редактор объяснил, что этот «космический корабль», чем-то действительно напоминающий знаменитый «пепелац» кинорежиссера Георгия Данелия, находится на одной из гор под Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и никто о нем толком ничего не знает. Видно, что мистификация, но зачем и кем сотворенная — непонятно.

Как курьез, две фотографии редактор отдал пишущему эти строки, тот впоследствии показал их упоминаемой выше троице нальчикских друзей, те, в свою очередь, Кострыкину. И Виктор Петрович посчитал, что судьба дает ему в руки шанс — новой встречи с инопланетным разумом, подтверждения его контактерской избранности, пошатнувшейся в глазах окружающих. Ничтоже сумняшеся, даже не задумываясь о последствиях, он стал утверждать, что под Владикав-

казом потерпел аварию корабль пришельцев. А в доказательство по-казывал уже известные нам фотографии.

Знал бы Кострыкин, какой эффект вызовет этот несерьезнейший поступок. На него накинудись все. Накинудись, если разобраться, совершенно справедливо. Одно дело, когда говоришь о том, что было только с тобой, и совсем другое, когда пытаешься обобщить, обращаясь к общественности.

Михаил Герштейн, председатель Уфологической комиссии Русского географического общества, автор книги «Хроника крушений НЛО», посвящает Виктору Петровичу целую главу – «Пепелац» в горах под Владикавказом», в которой пишет: «Некоторые уфологи утверждают, что 5 мая 1983 года войска ПВО СССР засекли объект, совершавший маневры возле Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Пущенная с земли ракета не уничтожила его, а лишь повредила. Объект продолжал полет, теряя высоту, пока не исчез с экрана радара.

Два месяца спустя НЛО был найден грибниками в районе Столовых гор возле Орджоникидзе. У них был фотоаппарат, и они сделали несколько снимков. Аппарат оказался весьма похож на инопланетный «пепелац» Яковлева с Леоновым из фильма «Кин-дза-дза!».

Анализ фрагментов фотографии показал: оправа стекол иллюминатора крепится к «аппарату» болтами и гайками большого диаметра, торчащими наружу (такой способ крепления применялся в начале прошлого века); наружный трап приварен к корпусу «аппарата», сварочные швы грубые, с неровностями, без видимой обработки. Такая «продукция» свидетельствует о низкой, даже по земным меркам, конструкторской и технологической культуре изготовителя.

Оказалось, что экзотические подробности инцидента выдумал некий контактер Виктор Кострыкин из Нальчика. Личность, мягко говоря, неординарная. Еще в советские времена он утверждал, что пережил несколько контактов с инопланетянами. Находился в психиатрической больнице. Написал много рукописей о своих «исследованиях» и «контактах». В трактате «За гранью неведомого» с цитатами из Фридриха Энгельса Кострыкин утверждал, что «сверху» ему подсказали, будто он родственник Ленина по линии матери.

В 1990 году Кострыкина с его фотографиями пригласили во Франкфурт-на-Майне на конференцию «Диалог со Вселенной». После чего и появились многочисленные статьи в западных журналах об НЛО, сбито русскими.

На самом деле «летательный аппарат» был построен в 1977 году в Бреслау специально для съемок польского научно-фантастического

фильма «С серебряной планеты» студией WFF-2. Съемки проходили в 1977–1978 годах на Кавказе, но денег на то, чтобы закончить фильм, не хватило, и макет «космического корабля» бросили в горах. Где его до сих пор растаскивают туристы на сувениры»¹.

По полной подвергается остракизму и предыдущий кострыкинский контакт, сделавший ему имя в уфологической среде. Вот что пишет некто Б. Шуринов (интернетовская публикация): «Кострыкин утверждает, что регулярно общается с пришельцами как телепатически, так и непосредственно. Автор двух рукописей («За гранью неведомого» и «Из прошлого в грядущее») Кострыкин ведет обширную переписку с товарищами, интересующимися составлением прогнозов появления НЛО. Недавно пустил по Союзу список своих корреспондентов с указанием их домашнего адреса и места работы. В отдельной графе изложено и мнение Кострыкина об этих людях. Например: «Частые приступы сердца. Убеденный йог», или «Очень болеет за состояние проблемы», «100 %-ный йог, чувствуется, что экстрасенс, но он мне об этом не говорил», «Открыл глаза на работы Рерихов, помог понять, что такое Агни-йога»...

А теперь расскажем, со слов Кострыкина, о том, как у него начался контакт с НЛО. До контакта Кострыкин был серым бездуховным человеком и очень любил «зашибать». И была у него жена, задумавшая известить его смертью жестокой и мучительной: не дала опохмелиться. Заперла Кострыкина в квартире, чтобы он не мог добраться до магазина. Кострыкин метался по комнате, страдал, чувствовал, что настал конец. Спасение только в одном — немедленно в магазин. А дверь заперта. Западня! И тут из транзистора, доселе молчавшего, послышалось: «Возьми веревку, возьми веревку...»

«Ага», — сообразил Кострыкин и дальше уже действовал без подсказки. Взял бельевую веревку, привязал к ней деньги и спустил их через окно сердобольному пареньку, взявшемуся выручить страдальца. Через некоторое время пара бутылок поднималась наверх тем же способом. Кострыкин принял дозу. После этого случая у него установился регулярный контакт с НЛО»².

Конечно, данный автор не совсем справедлив — спиртное не было главным побудителем кострыкинских контактов. Но кому теперь — после «пепелаца» — докажешь...

А вот что с юмором поведал главный российский уфолог Владимир Ажажа в книге «Иная жизнь»: В Нальчике я провел двое суток, выступая с лекциями по приглашению местного научно-технического общества. Но главное, я встретился там с Виктором Петровичем Ко-

стрыкиным, полпредом уфологии на кабардино-балкарской земле. Еще в Москве я познакомился с его рукописью «За гранью неведомого», зауважал как одного из первопроходцев общего дела. Но многое в его поведении мне было непонятно. Провожу, например, последнюю лекцию. Кострыкин сидит в зале, склонившись, и все два часа не поднимает головы.

«Спит, наверное, — подумал я. — Ведь слушает меня уже четвертый раз». Ан нет. Лекция кончилась. Виктор Петрович бодро подходит и показывает листок, где он ставил крестики. По его словам, когда они одобряли то, что я говорил, в зале мелькали голубые вспышки. Вспышка — крестик, вспышка — крестик. Всего семнадцать.

— Ну, хорошо, — говорю я. — Пусть семнадцать. Так это много или мало? А потом, кто такие ОНИ?

В ответ Кострыкин смеется и, меняя тему, говорит:

— А завтра утром перед отлетом покажу Вам красивое место, оно исцеляет и заряжает бодростью.

И было утро. И лучше бы меня не водили супруги Кострыкины на то озеро. Место действительно выглядело красивым. Но это была какая-то мрачная красота. Вокруг большого озера в лесопарковой зоне стояли густые деревья, многие из них почему-то имели не зеленую, а желтую крону. А по воде плыли желтые листья, как это бывает осенью. В одном месте вода, берег и заросли расположились так, что на поверхности озера отражались две огромные темные впадины — как глазницы черепа. Вспомнилась чья-то картина «Остров мертвых», кажется, Чюрлениса или, может быть, Беклина. Неприятный эффект усиливался туманом, поднимающимся с воды. Стало зябко и жутковато.

— Что-то сегодня здесь не так, — сказал Виктор Петрович, и мы двинулись к нему домой за моим чемоданом.

Не успели войти, как супруга Кострыкина, Тамара, воскликнула:

— Ой, они опять были здесь!

В жилой комнате на верхней части трюмо явно проступал жирный след от касания маленькой ладошкой. Чтобы оставить такой след, младенец должен или встать на подставку или быть ангелом с крылышками. А в ванной комнате потолок являл собой поле, усеянное темными следами младенческих ножек. Мне стало не по себе.

И я, не спрашивая кто такие «они», стал быстро собираться. Прощавшись и поблагодарив за гостеприимство, я на автобусе поехал в аэропорт и успокоился, только подлетая к Москве».

И как своеобразное заключение вышесказанному, текстовой файл сюжета «Алло, Земля?» передачи «Итоги», вышедшей в эфир 25 ав-

густа 2008 года: «Мы с единомышленниками исследовали прогнозы и сообщения примерно шестисот контактеров, потратили на это уйму времени и сил, и теперь я могу с убежденностью сказать: не было ни одного случая подтверждения прогнозов, тем более реальной пользы от советов якобы инопланетян, — говорит Александр Ремпель. — Большинство из контактеров сознавались, что они просто все выдумали. Были и те, кто стал пациентом психиатрических лечебниц.

Если обратиться к существующей специальной статистике, то 90 процентов контактеров на проверку оказываются обыкновенными выдумщиками, то есть людьми с богатой фантазией. Одним из самых известных контактеров-врунов специалисты называют Виктора Кострыкина, рисовавшего механизмы летающих тарелок. На деле оказалось, что в качестве модели для своих рисунков он использовал фанерный макет декорации, сделанной польскими кинематографистами».

Вот и вернулся Виктор Петрович к тому, с чего начал — к психиатрическому диагнозу, обидному слову «врун» и утверждениям по отношению к нему абсолютно недостоверным — польский космический корабль появился куда как позднее первого кострыкинского контакта.

Но вот что знаменательно: работа «За гранью неведомого», работа, не отличающаяся ни авторской мыслью, ни литературным качеством, ни какими-то другими достоинствами, размещена на десятках интернетовских сайтах. Более того: на ряде книжных порталов она мирно соседствует с мировыми литературными шедеврами. И воспринимается это интернетовской публикой как само собой разумеющееся. Воистину, странны дела Твои, Господи...

Виктор Петрович Кострыкин — контактер с сумасшедшинкой — собирался жить долго. Собирался, но не довелось.

...Как-то в разговоре с дочерью он убежденно сказал, что после смерти даст ей знать обязательно о себе. Даст знать с того света.

Не дал. Может, забыл, может, нет обратной связи, может, и нет того света...

— Даже и не снится, — вздыхает дочь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комсомольская правда. 2006. 9, 16, 23 ноября.

² Шуринов Б. Тайла-Лайла. М., 1982.

ИЗ КНИГИ ВИКТОРА КОСТРЫКИНА
«ЗА ГРАНЬЮ НЕВЕДОМОГО»¹

Плато зоревых призраков

До 1962 года я мало верил в существование неопознанных летающих объектов, пока сам не увидел один летней августовской ночью. Случилось это в селе Благовещенка Прохладненского района Кабардино-Балкарии примерно в 22 часа. Наблюдая за спутниками, вдруг увидел очень высоко яркую светящуюся точку первой звездной величины. Ритмично меняя блеск, но без мерцания, она двигалась по небосклону в северо-восточном направлении от Главного Кавказского хребта по весьма странной зигзагообразной траектории. Объект шел быстро. Не укладывалось в наше понятие о физике меняющееся направление движения строго под прямым углом. Любой земной объект при такой скорости и поворотах разрушится. Стало быть, там нет инерции? А если нет инерции, то не должно быть массы. Но если нет массы, то нет времени! Странно все это... Пораженный необычной загадкой, наблюдал 5–7 минут.

Мне тогда было 33 года. С этого момента начались исследования, анализы, новые наблюдения, которые, объединившись с другими моими работами и наблюдениями, а впоследствии с самыми невероятными событиями, как считаю, привели к ряду отдельных разгадок и новых загадок.

Тогда же в Благовещенке вспомнил свое детство и бабушку, которая рассказывала, что еще до революции видели, что над Нальчиком летают огненные шары.

Итак, стал все чаще и чаще смотреть в звездное небо. Начал рассчитывать свои прогнозы визитов НЛО. Вначале по моим прогнозам их видели десятки людей, затем сотни, тысячи и даже десятки тысяч человек. Нередко для наблюдений организовывали вылазки в горы. Но группа наблюдателей, тем более неподготовленная, есть уже компания, вырвавшаяся из тисков города на лоно природы. Было, безусловно, весело, но больше сидели у костра или за удочками и смотрели на поплавки, нежели взирали на небо. Поэтому стал ходить сам.

Нельзя сказать, что, пустившись в одиссею, совсем не испытывал страха. Однако интерес подавляет мысли об опасности. Так было и в ночь с 6-го на 7 июля 1968 года.

Добрался до горного селения Хушто-Сырт, что в Чегемском ущелье. Хушто-Сырт в переводе с балкарского означает *Хуштова возвышен-*

ность — хребет. От села поднялся на альпийские луга за Чегемскими водопадами. Почему выбрал именно этот район? Да потому, что именно в этой части неба нередко видел НЛО. Ближе к вечеру разместился на копне. Струился приятный запах свежего сена. На копне как-никак безопаснее, удобнее, можно лежать на спине и обозревать весь небосвод. А звезды такие изумительные! Ни о каких контактах, разумеется, даже не мечтал. Просто отрешенно смотрел в глубину Вселенной. Ожидал, конечно, увидеть пролет визуально, если только повезет, чтобы лишний раз убедиться в справедливости прогноза. (Уже тогда я стал наносить маршруты НЛО на карту республики, и стали проявляться интересные закономерности).

Было около трех часов ночи. Вдруг увидел отвесно падающий метеорит, необычно яркий. Затем яркость пропала и дальнейшее снижение продолжалось почти рядом, сопровождаемое дымными «вилюшками». От неожиданности я поднялся, ошарашенный зрелищем, а затем сел на копне, почему-то в ожидании взрыва. Тишина... Бдительность мобилизовалась. И после совсем рядом, оттуда, где был лесок, почувствовал наводящий ужас взгляд. Посмотрел. Метрах в 100–150 вижу, как мне показалось, горит человек, но стоит спокойно. Я мгновенно соскочил с верхушки моего наблюдательного поста, бросился наутек. Подумал, что это смотрит горящий *алмасты*, что по-кабардински означает *лесной человек* (снежный). Почему-то лихорадочно заключил, что от нашей техники при ее аварии загорелся дремавший алмасты, а теперь мне за все это придется отвечать. Впопыхах даже забыл припасенные взрывпакеты, прихваченные в горы для защиты.

Но я был остановлен. Прить покинула меня. Ни сдвинуть ноги, ни поднять руки. Абсолютно не больно, нет и «мурашек». Собственные волосы на голове и на всем теле поднялись, словно назлектризованные. На лице выступил холодный пот, учащенно билось сердце, сознание ясное. Вскоре состояние скованности и гнетущий страх прошли. На смену растерянности пришла необыкновенная легкость во всем теле и подвижность. Услышал, что меня зовут, и я пошел на зов. За пригорком на площадке стоял огромных размеров дисковый аппарат, несомненно, металлический и неземного происхождения, светлых тонов. По периметру светились иллюминаторы.

Приблизившись, рассмотрел, что это вовсе не иллюминаторы, а просто открытые круглые выходы труб. Иллюминаторов, какие существуют в наших понятиях, там совершенно нет. По радиусу трубы уходили в глубь аппарата, а снаружи теплились каким-то особенным светом молочного оттенка. Трубы уходили к центру, как спицы от обода к ступице колеса. Станный свет местами огибал корпус, словно подчиняясь магнитному полю. Создавалось впечатление, что металлический аппарат находится как бы в световом коконе.

Меня встретило существо, на которое мы похожи, за некоторым исключением. По его серебристому комбинезону еще пробежали пламенно-огненные блики, а затем они потухли. У существа такие же руки с пятью пальцами, ноги и так далее. Рост, как и у меня, или чутьку выше. (Позже они объяснили, что человек, оказавшись в подобных условиях, воспринимает окружающий мир в искаженном виде, что их настоящий рост — 6 метров! Они могут сжимать даже пространство или, наоборот, расширять его.) Одежда светлая, а от головы и кистей рук исходило какое-то свечение, особенно заметное вне корабля. Фигура стройная, худощавая, пропорции нормальные, движения степенные, замедленные, можно сказать, величественные. Очень не любят, когда с ними разговаривают громко или размахивают руками. Меня останавливали неоднократно словами: «Говори тише. Не размахивай руками». Жестом меня пригласили войти.

Я переступил порог, где кончается всякая земная власть, а возможно, и наше трехмерное измерение. В отсеках было теплее, чем в это время на альпийских лугах. Ноги мои ступали приглушенно. Свет внутри аппарата мягкий, отнюдь не напоминает ни электрический, ни наш дневной. Резких теней в помещении нет. Свет, скорее, ближе к натуральному дневному, вроде молочного, падает сверху, источников не видел или не помню. В глубине у стенки стояли пульта, мигали цветные сигналы. Мебель или другие предметы выходят и уходят под пол или в стены. На стене совершенно не видно шторок или задвижек, но стена может разойтись и возникает экран, это я видел.

Здесь заметил еще несколько фигур, всего их было пять. Все они одеты одинаково и похожи друг на друга, как братья-близнецы. Ранее и отсюда именую ИХ большими буквами. По ИХ достижениям ОНИ достойны. Мое ликование стремилось излиться наружу при виде окружающего, столь невообразимого. Головы большие, в фас овально-вытянутые. Лица мне показались симпатичными и какими-то особенными. Сразу же создалось впечатление, что ОНИ смотрят на тебя и знают даже то, о чем ты думаешь. Никакой враждебности или любопытства с ИХ стороны. Самой большой особенностью являются глаза. Они крупные и разнесены под углом. Кажется, что ОНИ видят одинаково и в фас, и в профиль. Такой широкоугольный обзор очень пугает. Возможно, он необходим при сверхсветовых скоростях. Возможно, наше зрение менее совершенно. Никаких выводов не делаю. Во взгляде есть что-то, как мне показалось, птичье.

Голову венчает изделие, как мне показалось, из золота и камней; спереди — как тибетейка, а сбоку — как пилотка. Это аппарат для передачи мысли на расстоянии. Вскоре, к своему немалому удивлению, обнаружил, что на одежде никаких украшений; нет рубцов, строчек, даже нет пуговиц или швов, застежек или пряжек. Есть подобие складок на концах рукавов, брюк, шеи, пояса. Одежда белая с блеском. Подошвы видел толстые, вроде нашей микропоры. Других нарядов наблюдать мне

не пришлось. Волосы есть, короткие, но кажутся почему-то седыми, хотя лица совершенно не имеют морщин и выглядят очень молодо.

Представился сам. Сказал, что я кавказский челдон (человек с Дона), житель из числа коренных. Сию же минуту получил ответ, что на Кавказе только четыре коренные национальности, что остальные народы пришьлые или смешанные. Перечислили их. Названия у НИХ свои или древние, и лишь напомнило мне слово *сваны*, хотя сваны именуют себя хевсурами. Указали даже месторасположение каждой группы, но я не запомнил.

На меня произвело сильнейшее впечатление и необычность внешности, и степенность в движении, какая-то незыблемость, целесообразность, полнейшая уверенность. В разговорной речи с человеком используется необыкновенная связь, когда слышно внутри головы. Пробовал закрывать ладонями, затыкать пальцами оба уха, делать повороты и наклоны головы. Слышно все равно. Но направление источника звучания стабильно и не изменяется от перемены положений головы. Вопросы задаешь своим языком. Сдержанно и негромко. Ответы следуют четкие, ясные, без лишних слов. На чистейшем современном русском языке. В целях проверки, со своей «колокольни», я спросил, а можно ли говорить на кабардинском или немецком языках. Состоялся диалог:

– А ты лучше знаешь эти языки?

– Нет.

– Тогда говори по-русски. Для нас языковой проблемы нет.

Обращаются ОНИ не на «вы», а на «ты», но весьма вежливо и корректно. Голоса молодые и различаются по тембру и направлению. Эмоциональное состояние чувствуется. Уважают остроумный, здоровый юмор. Когда говорили со мной, то даже не разжимали губы. Словно действовал скрытый переводчик, но тембры и интонация разные. Стало быть, шла прямая передача мысли, строго ориентированная корреспондентом. Так что это не фантазия современных фантастов, а реальность. Между собою общались на каком-то непонятном языке. Запомнил слово «Тайла-Лайла».

Меня попросили сесть в очень удобное кресло и сказали уже по-русски:

– Сейчас наш путь к горе, – и один показал в сторону, где находится Эльбрус. (В 1970 году, 5 августа, в обращении при двусторонней связи ОНИ снова использовали слово «Тайла-Лайла». Позже случайно на карте обнаружил вблизи от Эльбруса и города Местиа гору Лайла – 4010 метров над уровнем моря. Не знаю, что ОНИ имели в виду, может быть, меня так называли, но возможно, эту гору.)

Но вернемся к событиям той необычной ночи. Находясь в кресле, вновь обратил внимание на оригинальную прямоугольную табличку над входом в другой отсек. Табличка казалась из золота, а по ней цветные камни. Рисунок что-то означал.

Затем ко мне подошли два существа, похожие, как близнецы. На руках у одного по самые локти были надеты черные перчатки. Здесь я об-

ратил внимание на кисти рук. Они отличались изяществом. Пальцы удлиненные, тонкие. Рука даже красивая. Перчатки как бы изготовлены по индивидуальному заказу. Никаких морщинок, складок. Материал поражал своим качеством. На перчатках совершенно не было глянца или бликов. Абсолютно черного цвета.

Смотрел я на подошедших не без испуга и настороженности.

Думаю: «Что это ОНИ еще затевают? Вдруг начнут сейчас потрошить?» Тем временем ОНИ взяли мою левую руку, повернули ладонь ребром, отвели большой палец и к месту между большим и указательным пальцами рукой в перчатке поднесли блестящий прибор. Мгновение, и на инструменте очутился кусочек моей кожи. А на руке оказался красный треугольник 6х6 мм. Боли и крови не было совершенно. И сразу же на глазах ранка стала затягиваться.

Тогда, ободрившись, я сказал:

– Я знаю, что это за перчатки и для чего они, – поскольку принял их назначение, как и наших медицинских. В ответ мне не произносили ни слова. Вдруг рука в черной перчатке, всеми пятью пальцами, стала погружаться в мою грудную клетку. Расширенными глазами я созерцал диковинное зрелище. Для руки в перчатке не существовало ни скелета, ни мышц, для нее не была преградой и моя майка, которая была на мне. Я совершенно не испытывал боли и никаких иных ощущений. Когда перчатка углубилась и коснулась моего сердца, тогда я вскрикнул от боли. Рука в перчатке проворно вынырнула обратно. На месте проникновения не осталось следов или крови. Уму непостижимо! До того момента мое сердце пошаливало. ОНИ сразу нашли дефект и устранили. ОНИ могут делать полостные операции без крови.

Как объяснить такие превращения, я уже побоялся разузнать, но спросил, зачем ИМ потребовалась кожа. Ответили, что там записан большой источник информации. Оказывается, из такого лоскутка можно вырастить несколько человеческих тел. ОНИ рассказали мне, что люди сами стали серьезно вредить своей оболочке, своему организму. В каком-то отдаленном поколении наша оболочка-организм не станет отвечать возложенным требованиям и не сможет полноценно исполнять жизненные функции. Ежегодное возрастание фоновых влияний: радиоактивного, химического, вибрационного, информативного, – не очень заметное ныне, весьма губительно для будущего. Срок того будущего у НИХ на контроле. Губительная доза возрастает быстро. На всех континентах не только у людей, но и у животных регулярно берутся образцы-пробы. Таким образом постоянно обновляется или пополняется огромный генетический фонд.

При всех визитах ОНИ ко всему относятся весьма бережно. Несмотря на то что ИХ часто пытаются обстреливать. Но есть визитеры, к сожалению, и противоположного типа. Обе противоположности конфликтуют между собой. Но здесь идет речь о добрых визитах.

ОНИ часто посещают заповедники: Кавказский, Астраханский, Асканию-Нова и другие. Отсюда и частота наблюдений в таких местах рекордная.

ОНИ сказали, что радиоактивные элементы уран и плутоний, находясь в окисленном состоянии, как бы связаны по рукам и ногам. Мы же сейчас упрямо тем и занимаемся, что снимаем эти путы. И тогда вещества начинают «танцевать» — и ногами, и руками, то есть проявлять радиоактивность. Эти образные выражения дают яркое представление. Но этого мало. «Танцующие» советские уран, плутоний и т. д. посылают свой привет американскому и так далее. «Радиоактивисты» уже не только «танцуют», но и держатся длинными руками друг за друга, тем паче, что для этого мы «радиоактиву» руки развязали. И вот самое страшное ожидается впереди, поскольку, оказывается, есть критический вес больших масс, что может привести к величайшему взрыву и гибели планеты. Взаимодействует все радиоактивное, где бы оно ни находилось: в бомбе, в реакторе, на складе и т. п. Мы, земляне, уже близки к этой большой критической массе, и она у НИХ на контроле. Как и все стратегические объекты. Поскольку мы в состоянии навредить не только себе, на Земле, но и другим в Космосе.

Я продолжал сидеть в том же кресле и, уже словно во сне, помню, как к моим глазам поднесли черный продолговатый прямоугольник. Наверняка какой-то прибор. Из орбит моих глаз стало выползать, выплывать какое-то ровное, голубоватое свечение. Вращая глазное яблоко, можно было видеть ровный свет.

Затем ОНИ обследовали мое большое родимое пятно на икре правой ноги. Нашли у меня пятно на лбу, чуть выше переносицы. До этого сам не обращал на него внимания. Цель подобных исследований осталась для меня неразгаданной.

Сказал ИМ, что ОНИ, по-видимому, давно живут где-то по соседству. Ответ был примерно такой: «Не только не по соседству, но дальше и совсем далеко».

Тут же инопланетяне дали блок информации о себе.

Живут ОНИ в большой звездной обитаемой стране, примыкающей к нашей Галактике. Есть между нашей Галактикой и их страной коридор, по которому они совершают перелеты. Топливо для космических кораблей — обычная вода, которая может медленно гореть, тем самым вызывая движение огромных кораблей, по строению похожих на кристаллы.

Пришельцы в своей стране в сравнении с нами очень долго живут. Если взять цикл среднестатистического землянина, то его жизнь равна приблизительно одной минуте жизни пришельца, в нашем понимании времени.

Все земные цивилизации подвержены катастрофическим разрушениям, связанным с большими циклами и ритмами космического характера. Развитие же ИХ цивилизации не омрачено подобными факторами и со-

храняется силой знаний. Однако пришельцев удивляет, что земляне, не дожидаясь больших циклов, сами пытаются себя погубить и ликвидировать все живое на планете. Это их беспокоит и привлекает внимание, заставляет осуществлять неослабный контроль за процессами, происходящими на Земле.

Я, усвоив информацию, сказал:

– Теперь я вижу вашу благосклонность и не сомневаюсь в ней, но почему на Земле есть место злу?

– Во многом сами люди повинны. А кроме того, есть другой мир, но скрытый от ваших глаз.

– Можно ли его увидеть?

– Сейчас увидишь воочию.

Мне предложили выйти из аппарата. Пейзаж оказался иным, чем при встрече. Долину или ущелье тоже окружали величественные, девственные горы. Была глубокая ночь, звезды мерцали и были крупные и яркие. Мне указали в стороне камень, на который я сел, и САМИ удалились. Метрах в десяти, прямо напротив меня, вдруг возникла громадная фигура, которая, казалось, состояла из самого мрака. Она напоминала чело-веческую, но существо было какое-то мохнатое или так мне показалось. Образно говоря, оно походило на мешок с ногами, головой и руками. Как оно возникло, я не заметил. Повернулся в сторону аппарата, который просто исчез, а когда – я тоже не заметил. Черное существо на двух ногах двинулось прямо на меня, вытянув страшные руки вперед. Я замер. Тело оцепенело.

Мелькнула мысль: «ОНИ спрятались, скрылись, оставив меня на раз-терзание этому чудовищу». Руки и ноги оказались парализованными. Обратился за помощью к православию, потом на арабском к исламу и снова к православию.

Поскольку я крещеный христианин, то во время Великой Отечественной бабушка и мать меня учили молитвам. Война закончилась, слава Богу, мы остались живы. А молитвы стали забываться. Так вот на этот раз я их сразу вспомнил: «Отче наш, иже еси на небесах...» Дальше же совершенно забыл. А это чудовище остановилось. Лихорадочно думаю: «Ага, вот оно чего боится». Но, постояв, черная громадина рванулась вперед вновь. Тогда молниеносно подумал, что, может быть, в данной ситуации лучше мусульманские молитвы. В свое время мне везло на добрых стариков-наставников. И я произнес:

– Бессмеляги Рахман Рахим, – это как «Господи, спаси». Существо остановилось. Но поскольку я умолк, оно снова неуклюже двинулось в мою сторону.

Мне не надо было делать перерывов в молитвах, а я тогда не знал. Не понимал, что обращение именно с верой – всемогущее средство. И произнес следующее:

— Лаил лаха ил Аллах, ин Мухаммед Расул ил-лах (Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед его Пророк).

Чудовище снова стало как вкопанное. Я умолк, и оно вновь настырно двинулось на меня, поднимая в моем направлении мохнатые руки.

Тогда я снова произнес:

— Отче наш, иже еси на небесах... — вспомнил дальше: — Да святится Имя Твое.

Вдруг левее, над грунтом, возникла яркая светлая точка. Она стремительно стала расти вверх и вширь и, достигнув размера апельсина, вдруг, развернувшись, образовала новую фигуру, тоже существо. Роста чуть выше человеческого, изящное, все состоящее из ровного, негасимого света. Грациозные контуры просматривались четко, детали сливались. За исключением головы, все как у людей. Голова в позе «выше голову» — в точности похожа на экваториальную половину месяца. Светлое существо напоминало птичеловека. Когда оно развернулось полностью, то черное существо бесшумно грохнулось о землю, как бы защищаясь.

Передо мною стояло само совершенство из света. Красивым жестом Существо из света предложило подняться. Как только «мешок» встал, тотчас Существо из света приняло позу готовности и, оторвавшись от поверхности, устремилось по дуге к Черному. При этом оно вытянулось и как бы потеряло форму. Мгновенно стало описывать спиральные окружности. Прошло над головой Черного, свернув ему шею и ноги одновременно. Окольцевало его, скручивая световую спираль, которой как бы расчленило Черного, сжимая и увлекая в круговорот. Такое невероятное вращение сопровождалось шелестом, напоминающим шуршание материи, или, точнее, хлопанье на ветру флага.

Все это ринулось на меня, с шелестом пронеслось прямо над моей головой и скрылось в скале, которая находилась за моей спиной. Ушла эта бело-черная спираль так, словно нож в масло.

Опомнившись, вскочил и ладонями похлопал по каменной стене. Сработал рефлекс автоматически, видимо, с целью определения прочности стены. И еще одна важная деталь. Когда невообразимая «круговерть» пронеслась надо мною, то какой-то охвативший животный страх заставил рвануться с места прочь. Но, как и при первой встрече в Хушто-Сырте, ноги и руки не подчинились. Тело было сковано удивительным оцепенением. Волосы стояли торчком, а холодный пот лился ручьем.

Меня снова позвали. Как ни в чем не бывало, аппарат стоял на месте. И внутри него мне потом разъяснили, что черное существо давно потеряло свои светлые одежды и с незапамятных времен не способно на добрые дела. Что оно также неистребимо и может сжиматься, внедряться и причинять зло всему живому, что ему нет доступа в летательный аппарат. Объяснили, что светлые точки и шары сопровождают людей. Наблюдают усиленным патрулем даже за космонавтами, находящимися в полете.

Под неослабным контролем находятся все объекты стратегического назначения.

...Очнулся я рано утром 7 июля. Сидел на соломе, а вернее, спиной к скирде соломы, весь мокрый, видимо, от росы. Далеко внизу, прямо перед собой, видел длинную ленту автостреды и бегущие автомобили. Место было знакомое, но это уже были не луга Хушто-Сырты, где состоялась встреча, а Куркужинское плато. На кабардинском языке *Куркужинское (Кулькужинское) плато* означает: *плато зоревых призраков*. Вначале не мог понять, каким же образом очутился здесь. Было ощущение какой-то странной пережитой опасности и подавленности или как бы от большого недосыпания. Напрягая память, вспомнил, что вечером поехал в Хушто-Сырт, был высоко в горах, за Скалистым хребтом, а оказался здесь. Минувя Баксанский район, попал в Зольский.

Чувства реальности не терял ни ночью, ни утром. Если даже допустить какое-то бессознательное состояние, бред, то не смог бы самостоятельно пересечь высокие горы, бурные реки и добраться сюда. В памяти всплывали картинки, диалоги, встречи и образы столь необычных существей. Все было, как реальная действительность, не галлюцинации, не обман чувств. Накануне, в тот день, да и вообще в то время, был абсолютно трезв. Со мной была только минеральная вода. Очарованный пережитым, пытался охватить богатство впечатлений. Собравшись, направился к автострате, и вскоре был дома. Здесь только сообразил, что меня просто подбросили ближе к большой дороге, откуда домой можно добраться и быстрее, и легче.

Через некоторое время один знакомый принес мне почитать одну из книг Казанцева. Вначале полистал страницы, рассматривая иллюстрации. И вдруг увидел очень знакомые фигуры. В книге приводились некоторые рисунки на камне, очень древние и недавно обнаруженные одним французом в пустыне Сахара. Они были высечены в глубокой древности. Изображенная группа называлась «Четыре богини». Если бы я не знал их свойства и то, что ОНИ состоят из света, то, наверное, на меня наскальный рисунок не произвел бы особого впечатления. Значит древние знали об этих Светлых Существах! Мне хотелось немедленно обо всем поведавать людям. Меня не колебала прочность памяти и важность познанного за гранью неведомого. Но велика была реальность непонимания. Ну кто бы воспринял всерьез мою декларацию? Чем бы подтвердил?

Пытался иносказательно обрисовать знакомым некоторые моменты. Воспринимали кто как. Так вырастала стена непонимания. Я начал сознавать, что стал каким-то чужим для людей, хотя их по-прежнему любил и уважал. Мне почему-то стало казаться, что люди много времени и массу усилий тратят не на пользу. Мне было жаль людей, да и самого себя со своими мыслями. Хотелось уединения для размышлений.

Я стал слышать мысли людей. А потому не мог пользоваться общественным транспортом. На работу ходил пешком пораньше, а домой – попозже. Избегал людей. Замкнулся в себе и полюбил одиночество.

Вскоре начались обычные для осени массовые поездки на уборку помидоров, картофеля и т. д. Здесь все вместе, и чего только не услышишь: вот что-то достать, добыть, завладеть, где-то стащить. Зависть, нелестные отзывы некоторых людей друг о друге, хотя в целом это и не столь уж плохие люди. Естественным для того времени был «круглый стол» на траве для общей трапезы с обязательной выпивкой. А как накалялись страсти после спиртного! Поэтому удалялся, мне было жалко сослуживцев, я это переживал и болел за них душой. Шутники мне с насмешкой кричали:

– Эй, святой отец! Иди к нам, мы нальем тебе стакан вина...

Очень и очень сложные отношения складывались и среди родных и близких людей. Почти все видели ЧУЖОГО, а это страшно. Мне хотелось кричать всем: «Люди, опомнитесь, остановитесь! Уважайте друг друга! Помогайте друг другу!»

В то время я абсолютно не знал, что у человека есть центры (чакры), от которых многое зависит, и с их раскрытием могут открываться сверхвозможности. И вот со мною стало происходить невероятное, о чем ОНИ при контакте не предупредили. При воздействии сильной энергетики раскрылись чакры. Со мной стали случаться чудеса, коим было много свидетелей. Я стал слышать, о чем говорят люди между собой на большом от меня расстоянии. Стал слышать через бетонные стены и перекрытия. Периодически читал, вернее, слышал мысли людей. Мог находить затерянные или запрятанные предметы. Игру в карты совершенно не люблю, но тогда всегда выигрывал. Меня досаждали любопытствующие, но играл не более трех раз. Открывал замки, если заедал ключ. Взглядом и мыслью останавливал работу двигателя внутреннего сгорания или не допускал запуска мотора. В тире был в состоянии выпустить серию пуль в десятку и рядом, разумеется, целясь. Все обнаруживалось случайно и многократно повторялось. Порою ощущал тонкий аромат неведомых цветов, а порою, наоборот, нестерпимые дурные запахи.

Мне стали подчиняться животные и птицы. Меня не трогала даже злая цепная собака, которая, наоборот, ласкалась и лизала мои руки. Всегда ласково разговариваю с животными и птичками, и мне кажется, что порой они хорошо понимают слова. Я стал как бы их переводчиком. Эти опыты по многочисленным просьбам повторялись. Птички меня и сейчас не боятся, если я один, доверяются. Садятся на руки, плечи, голову.

Снять головную или зубную боль манипуляциями рук мне стало несложно, и пациенты всегда были. Несколько раз бесконтактным методом останавливал кровотечение. Стал поднимать и оздоравливать тяжелобольных, от которых отказались врачи.

Сразу же после контакта мне стало противно есть мясо. Вернее, не мог. Особенно не выносил запаха жареного. Мясо и рыбу не ел и чувствовал себя хорошо. Чакры (центры) произвольно открывались и также закрывались. Я не знал, как закрепить, а тем более развить сверхвозможности.

Были и негативные последствия контакта. Начали разрушаться зубы один за другим. О вымывании кальция тогда не имел понятия. Также никакого понятия о концентрации и медитации тогда у меня не было. Тем не менее во сне, на астральном плане, путешествовал между прошлым и будущим.

В настоящее время сохранилось кое-что. Снимаю порчу от сглаза, могу лечить. Продолжаю понимать птиц и животных. Пользуясь мысленной шкалой, поднятием руки определяю радиоактивность в микрорентгенах в час или активность Солнца в числах Вольфа. Были периоды, когда предвидел крупные события в стране, и этому есть свидетели.

Жестокое недоразумение

Таким образом, мне пришлось стать свидетелем и участником самых невероятных событий. Во мне загоралось почти неодолимое желание: немедленно поделиться с людьми. В то же время сдерживала вся необычность увиденного, услышанного и испытанного. Кто поверит?

Мой контакт и общение с необычными существами каким-то образом ускорили одну разработку, как считал, сходную с излучением НЛО, с тонкой природой излучения. Решил, что все это умалчивать просто преступно.

Весной 1969 года получил первые результаты на практике. Уже была переписка с учеными, в том числе из Дубны. Чтобы ускорить решение прямо на месте, собрался дней на десять в Москву за свой счет. Там хотел встретиться с Феликсом Юрьевичем Зигелем, с которым был в переписке. Считал нужным рассказать о моем контакте с глазу на глаз, чтобы не выглядеть белой вороной и избежать сенсаций, поскольку события и факты, обрушившиеся на меня, выходили за рамки обычного. Думал найти совет, рекомендации. Но... попал в Москве в психиатрическую лечебницу, где без всякого на то основания меня продержали 50 дней! Разумеется, ничего антиобщественного не совершал. В то время даже слово *НЛО* было под запретом, готовилась замена его на ААА... Тяжело вспоминать. Но вся моя жизнь изменилась. А удары судьбы не прекращались.

С Зигелем так и не встретился. Он с семьей уехал в отпуск. С другими учеными тоже не встретился. В первые 10 лет «заморозил» описания событий. Описал самиздатом только в 1979 году. Годы застоя продолжались еще десять лет, но и они не притупили творческой активности.

Лицом к невидимкам

Много воды утекло, пока устоялся покой и прошла боль от столь страшного застойного удара. Не спеша, снова принялся за интересные меня проблемы. Получал письма, мне звонили, при встрече люди подбадривали, советовали не бросать увлечения, а проявить целеустремленность и настойчивость. По моим расчетам, очередной визит ожидался с 31 июля по 3 августа 1970 года. Снова влекла в горы притягательная сила. И вновь я направился по старому маршруту, к своему пристанищу у селения Хушто-Сырт.

Тридцать первого июля 1970 года вечером был на месте. Устроился на копне поудобнее и страстно питал особые надежды на встречу, хотя и не было большой уверенности. Но около 22:00 повторилось все в точности, как и летом 1968 года. На этот раз не убежал, но от неожиданности был напуган. Подумал, а не заберут ли меня на этот раз и не увезут ли куда-то далеко-далеко?

Оцепенения не было. Явно услышал арабскую речь, обращенную ко мне. Познания в арабском языке у меня ничтожно малые. В том, что это была именно арабская речь, был убежден по некоторым словам, например, «мархаба» — «здравствуйте». А еще и потому, что последовало настоящее, красивое, тягучее пение муэдзина со всеми интервалами. Пение продолжалось, пока не спеша приближался к новому очередному испытанию.

Все было, как и два года назад, и такие же «вилюшки» в небе. У дискового аппарата никого. Казалось, никто меня не встречал. Но меня ОНИ стали называть по фамилии: Кострыкин. Пилотов не было видно и внутри. Слышна приглушенная, чарующая музыка.

Дисковый аппарат сидел на «брюхе», и войти в него не составляло труда. Оставил внутри, у входа, свое снаряжение, прошел в глубь корабля. Никого. Сразу же заметил вход в соседний и такой же светлый отсек. Направился туда с целью и надеждой увидеть пилотов-«близнецов». Но как только оказался у входа, то услышал голос: «Там никого нет». Этот голос, несомненно, принадлежал женщине. Однако успел заглянуть в другой отсек. Он был такой же по виду: просторный, без каких-либо нагромождений, ничего лишнего. И там действительно никого не было.

ОНИ надолго не покидают аппарат-корабль и почти не отлучаются от него. На это надеялся, когда ждал.

Мне стало не по себе. Невольно, по-земному, почему-то подумал о западне. Оказаться обитателем в таком совершенном аппарате, среди невидимок, над которыми даже время не властно, мне было жутковато. Повернулся назад. Увидел раскрытую книгу. Она лежала на столе, привлекая внимание. Знаки шли столбцами и напоминали примерно наши стенографические. Страниц не листал и не знаю материал изготовления.

Стал сравнивать изображения с известными мне предметами, животными. Есть такой прием для запоминания.

Все запомнить было невозможно. Позже в рисунках я привел 12 знаков, запомнившихся из-за их несложности. Что обозначают два из приводимых в рисунках, спрашивал и запомнил. Остальные были расшифрованы и исправлены позже.

Рядом лежали развернутые странные карты звездного неба. Все детали невозможно вспомнить. Отдельные моменты в памяти сохранились яснее, другие хуже. Исключительно отчетливо ощущал, что за мною следят, наблюдают, но никого не видел. Постоянно слышалась приглушенная, чарующая, плавная, ненавязчивая музыка. Почему-то своей оригинальностью бросился в память знак, названный мною «кисет». Я спросил, указав пальцем:

– Что означает этот знак?

– Обитаемый участок Вселенной, – услышал в ответ.

В тексте встречались кресты, причем они имели разницу в начертаниях.

Далее обратил внимание на знак, названный мною «крокодилчик».

– Вот этот знак похож на крокодила, но он что-то здорово напоминает неприятное.

– Это символ жизни, и обозначает две соединившиеся галактики.

– Простите великодушно мое непонимание. Но я думаю, что если соединяются две галактики, то это будет уже символ смерти, но никак не символ жизни.

– Верно, но не совсем. Галактики стремятся к сближению, и через очень большие промежутки времени приближаются друг к другу. Соединяются попарно, происходит смерть, но не в вашем понимании. Перемещение, разрушение, созидание, обмен, затем они удаляются. Такова великая Мать-Природа... Так было, так и есть и так будет много раз.

Как они объяснили, человек – сложное существо, его оболочка – тело смертное, но в нем сущность, не истребимая ни временем, ни другими факторами. Сообразуясь со временем, местом и обстоятельствами, каждый индивид раскрывает, проявляет возможности, заложенные в его Светлом Существо, первоначальном «Я». Кроме того, ОНИ говорили о какой-то стародавней Конвенции.

– Значит, человек продолжает помнить свою жизнь, даже когда его похоронят?

– Хоронят оболочку. А сущность жива.

– Могу ли я получить какие-то доказательства?

– Сейчас ты услышишь мертвых и узнаешь их чувства.

Незримо передо мною стали проходить те, кто совсем недавно лишился жизни. Их было несколько. Вот некоторые. Повторяю, я их не видел, но слышал возгласы и переживания. Первой была женщина с молодым

голосом, которая жутко причитала, при этом называла имя любимого: «Коля, ты меня любил, Коля, ты меня убил». По всей видимости, она была жертвой какого-то жестокого или нелепого трагического случая. После нее последовали мужчины и женщины, которые после смерти вели себя бодро и весело. О некоторых создавалось впечатление, что при их жизни они были приговорены к смерти, то ли скованы тяжелой болезнью. Лишившись жизни в теле, а заодно страха или недуга, теперь они весело пели, плясали и не скупились на восторги. Даже строили планы.

Оказывается, души умерших людей разные. Есть такие, которые полностью пережили положенный век. Имеются страждущие, погибшие при каких-то обстоятельствах. Есть неприкаянные. Существуют падшие на самое дно. Оно, это дно, есть, и мне дали возможность слышать голоса тех, кто там живет. Я не решаюсь писать о них.

Я насчитал несколько категорий. Хуже тем, кто не прошел жизненный путь, а уже оказался как бы на вокзале без билета, да и его «поезд» придет еще не скоро. Еще хуже самоубийцам.

На вопрос о Христе последовало мощное пение хора, без музыкального сопровождения, хора из мужских и женских голосов. Они пели гимн Марии. Слушать его равнодушно нельзя — пошли мурашки по телу, а из глаз слезы. Это непередаваемо! Похоже на православное церковное пение.

Как мне растолковали, человек волен в своих деяниях, но есть определенные рамки. Разъяснили, что, к примеру, никуда не денутся ни убийца, ни его жертва, что в конце концов каждый получит свое по делам. Что касается правды, то она одна для всех, будь ты верующий или атеист, представитель любой национальности.

Правда эта — мера добра и зла обществу, через поступки идет совершенствование личности.

В то время, да и по сути, даже когда писал в 1979 году, я совсем не знал никакой оккультной литературы, поэтому полученная информация для меня была откровением.

Не берусь глубоко судить, но, насколько понял, в некотором роде жизнь отдаленно напоминает хоккейный матч, транслируемый в записи. Очень грубое сравнение. Мы можем знать окончательный счет игры, но ситуации и детали в самом процессе борьбы могут быть разными. Однако, видимо, нельзя утверждать и о полном фатализме. Природа не любит строгих стереотипных повторений. А потому жизнь еще напоминает как бы разные комбинации шахматной игры, варианты которой зависят от самих фигур и от окружения, расположения других фигур. Настоящая жизнь отдельного индивидуума в какой-то степени определена своей же предшествующей, но она направляет и последующую. Жизнь — кинофильм, человек — актер. С каждым новым фильмом, в зависимости от времени, места и обстоятельства, мастерство исполнителя роли растет

соответственно таланту и роли. Поэтому нет и не может быть скучного однообразия.

У меня спросили мое желание. Под влиянием водопада впечатлений, свалившихся на меня, я просто выпалил:

- Есть ли тот свет?
- Да, есть.
- Тогда где и кто там живет?

Что мертвые живут, видят, мыслят, помнят, я уже знал. Видел Существо, состоящее из Света. Но опять-таки не все было ясно.

- Такие же люди, в таких же городах.
- Если там есть города, то можно ли посмотреть хотя бы одну улицу?
- Улицу ты увидишь.

Сколько ни копался в памяти, сам процесс полета не помню. Очутился действительно на улице незнакомого города. Причем пришел в чувство прямо на ходу. Видимо, такое ощущение связано с переходом из иного измерения. Рядом шла незнакомая симпатичная молодая женщина. Светлые волосы спадали на плечи, линии фигуры правильные, глаза зелено-голубые. Она была жизнерадостна, бодр и уверена в себе. Казалось, ей лет 30–35. Входил в себя с неприятным ощущением, которое быстро прошло.

Мне стало необыкновенно легко, словно за спиной выросли крылья. Хотелось петь и прыгать. Все не было похоже на сон. На мне были мои босоножки, брюки и рубашка. Женщина-гид сказала:

- Вот улица, которую ты просил.

Слышал, как и обычно, своими ушами, то есть разговор шел не путем телепатии.

Она разговаривала чисто по-русски. Много улыбалась. После долго анализировал все. Думал даже о том, что, может быть, у НИХ есть какой-то неизвестный нам иллюзион, когда можно ощущать себя непосредственным участником событий.

Мы медленно шли по тротуару. Улица как улица, но исключительно чистая, словно вымытая. Дышалось легко. Погода была теплая, солнечная. Но не знаю, светило Солнце или другая звезда. По нашим меркам, на «терра инкогнито» было часов десять. Тут только хватился, что часов на руке нет. Я посмотрел на женщину-гида. В ответ она улыбнулась. Мне захотелось закурить, но в кармане сигарет и спичек не оказалось. Нашел лишь носовой платочек. Стал пристальнее вглядываться в прохожих в расчете попросить у кого-либо закурить. Ни одного курящего, тем более нетрезвого человека, не встретил. Люди были, как люди. Мужчины и женщины. Одежды, как и у нас. Печальных лиц не видел. Одни шли попутно, другие навстречу. Некоторые несли в руках небольшие сумочки разных фасонов или назначений. Шли парами и в одиночку. Тротуар широкий, метров шесть или семь. Покрыт тротуар и проезжая часть составом, походим на наш асфальт.

Народу было немного. Даже у нас в Нальчике болеелюдно. На меня нахлынул какой-то телачий восторг. Мне хотелось рассматривать прохожих, потрогать стволы зеленых деревьев, росших у тротуара. Женщина-гид заметила мои порывы, взяла меня под левую руку и, улыбаясь, сказала:

– Смотри здесь не скажи, что ты с того света.

Она подняла левую руку и глазами указала на золотой перстень с красным камнем, надетый на средний палец левой руки. С перстнем меня ранее ознакомили, и я прекрасно знал, что это такое. Перстень способен заменить целую армию! В малом режиме способен «отключить» человека, или заставить его выполнять команды. Просил подарить. Но ОНИ не дали, сказав, что, не умея обращаться, можно нечаянно причинить людям много зла.

Успокоившись, продолжал обзор улицы. Дома, здания, как и наши, видел не выше 5–7 этажей. Город чем-то напоминал Санкт-Петербург, разумеется, до запустения, то есть когда наш исторический город был чистым и красивым. Различил два стиля архитектуры. Более упрощенную застройку, но не до такой степени, как у нас сейчас (коробки), и более сложную, с так называемыми излишествами – колоннами, арками, лепкой, башнями.

Проезжая часть широкая. Но, странно, я не видел ни одного транспортного средства. Это бросилось в глаза сразу же, поскольку у нас практически трудно без содрогания пересечь любую улицу. Не видел на той улице ни единого столба с протянутыми проводами. Ни разу не встретились дети или глубокие старики. Не видел ни одного военного или милиционера, или в другой униформе. Не попала на глаза ни одна собака или другие животные.

Женщина-гид взяла меня под руку. Я тогда был моложе, да и жил один. Тут у меня невольно вырвалось:

– Вот бы получилась пара.

– Что ты, я старая...

– Ничего себе! Да не больше тридцати пяти.

– Нет, мне 12 тысяч лет.

Дал себе отчет, с КЕМ имею дело, и уже готов был увидеть и поверить в самое сверхсложное. Однако же как-то непроизвольно поднял свою правую руку и пальцем потрогал руку спутницы выше локтя. Тело было исключительно упругим, молодым. Все было выше наших представлений.

Еще мне показали какую-то лабораторию или производство. Там чем-то серьезным заняты.

Теперь я уверен, что видел людей, взятых с планеты Земля именно живыми. А потому женщина-гид строго предупредила, чтобы не проговорился, откуда я, иначе последовали бы вопросы, так как, видимо, на Земле остались родные, близкие, друзья и знакомые. А разговоры внесли бы определенную дисгармонию...

Очнулся я опять на Куркужинском плато, на плато зоревых призраков. Было второе августа, как узнал, добравшись домой. Прошло тридцать часов с момента встречи. Часы мои стояли, а стрелки показывали 10 часов, вернее, 22 часа. Они вышли из строя. Так же, как и два года назад, начались воспоминания, причем происходило все легче прежнего. И опять одежда очень влажная. Я думал, что это от росы.

...Прошло три дня. На работе дела двигались туго. Состояние было болезненное. Мне не хотелось никого видеть. В разговорах людей между собой на житейские темы стал улавливать собственную критику, думая: «Да неужели человека только вот это и волнует?». Такая чепуха! То и дело ловил себя на том, что моя мысль уклоняется от занятий по службе и начинает бродить по острым моментам минувших дней. Пытался сопоставить события, сделать анализ. Чувствовалась какая-то незавершенность невероятных событий.

В полдень пятого августа 1970 года достал свой термос, разложил на столе бутерброды. Все эти дни есть не хотелось, особенно отвращало от мяса и даже запаха жареного. В тот день находился в своей рабочей комнате один. Отдел наш размещался в центре города. Только собрался начать трапезу, как услышал призывы муэдзина. Даже забыл о самом начале второй встречи четыре дня назад, когда все началось именно с пения муэдзина. А может быть, это был вовсе не арабский язык, а еще более древний? Не знаю. Поначалу думал, что молодежь записала музыку на пленку и тешится. Но звуки исходили не со двора. И только тогда вспомнил Хушто-Сырт и нашел источник звука, закрыв уши. Он исходил сверху.

Меня поразило то, что меня «нашли» на работе. Через небольшой интервал грянула отличная музыка в современных ритмах, такую мелодию слышал у НИХ на корабле. Молодой мужской голос запел песню на русском языке. Пока я сообразил, что Послание адресовано мне, и понял, от кого оно исходит, начало было уже исполнено, а пение продолжалось. В тот самый момент я оказался за соседним столиком, схватил чистый листок и стал на бумагу записывать текст. Начал писать не с начала, а с того места, когда в руках оказался листок и ручка. Я не успевал записывать и тогда сказал: «Простите меня, повторите, пожалуйста». Моментально без перерыва мелодии, был совершен перескок к тому месту, где я остановился. И так повторялось трижды. Все событие длилось минут 10–15. Послание было адресовано мне. Оно предназначалось, как видно, для поднятия духа...

...Столкнулся лицом к лицу с неведомым вновь. Имея горький опыт, я не стал никому рассказывать о том, что со мной произошло. Молчал до середины 80-х годов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Левицкая Г., Кострыкин В. Контакты с внеземным разумом. Мурманск: Север. 1993

ЖАННА КОФМАН В ПОИСКАХ АЛМАСТЫ

Наберите слово «алмасты» в любой из поисковых систем Интернета и вы будете поражены обилием предоставляемой информации. И вот что интересно – огромное количество приводимых фактов относится к Кабардино-Балкарии: именно здесь, в наших местах – на Кабардинской равнине, в ущельях Балкарии местные жители видели, встречали, общались и даже сожительствовали (!) с лесным человеком. Не единицы, не десятки – многие сотни свидетельств и описаний.

В первой книге нашего издания «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (в очерке «Друг по имени Палестина») мы уже касались этой темы, рассказав о лесном человеке, обитающем в районе Мушт, что в Зольском районе, и о его взаимоотношениях с местной жительницей Татьяной Дмитриевной Поляковой. Но тема столь привлекательна и многообразна, что она будет подниматься еще много-много раз, пока не обретет своего исчерпывающего завершения: подтверждения – в этом мы абсолютно уверены – достоверными документальными свидетельствами факта существования иной ветви человеческого рода.

Алмасты как фольклорный персонаж, олицетворяющий демонологические силы, встречается практически у всех народов Северного Кавказа. Кабардинцы, балкарцы и карачаевцы так его и называют. Чеченцы и ингуши – *алмасы, алмазы*; кумыки – *албаслы къатын*, *ногайцы – албаслы*; агульцы и рутульцы – *албасти*; лезгины – *албаб*; лакцы – *сухасулу*; аварцы – *рохдулай*, таты – *дедей-ол...*

Практически одинаково и визуальное представление о лесном человеке – чаще всего в образе представительницы женского пола, покрытой шерстью, с безобразным лицом, длинными космами распущенных волос, отвисшими – чуть ли не до пояса – грудями. Место обитания – высокогорье, чаще всего в подавляющих случаях. Но не только: «по поверьям кабардинцев, алмасты живет в оврагах, кустарниках, нередко посещает заросли полей, особенно кукурузные плантации. Может появиться и в садах, огородах населенных пунктов».

С последним, как сегодня видится, пришлось напрямую столкнуться одному из авторов этих строк в начале шестидесятих годов про-

шлого века, а если уж точнее — летом 1963 года, находясь в пионерлагере близ Нальчика. Ушла из памяти причина, чем обидели мальчишку десятилетние сверстники, но сохранилось, как лез через лагерную ограду, как долго-долго брел по лесной чаще, поднимаясь на гору, пока не наткнулся на небольшую полянку с зеленеющим кукурузным полем. Здесь и присел на бугорок, где вновь настигли нанесенные друзьями несправедливые обиды и насмешки, от которых слезы сами навернулись на глаза, превратившись в нешуточные рыдания со вхлипами.

Беспредельно было жалко себя, и поэтому не сразу заметил, что из стеблей наблюдает за происходящим непонятное существо — все обросшее светло-коричневой шерстью, похожее на обезьяну (впоследствии был уверен, что с ней и повстречался, так как о лесных людях на тот момент ничего не слышал), но с человеческим лицом. А когда это существо раздвинуло стебли и предстало так сказать во всей красе — огромное, вровень с двухметровой кукурузой, с длиннющими руками и страшной лицом-мордой, животный ужас пронзил тело, мгновенно подбросил вверх, стремительно унося по направлению к лагерю.

Бежал, не обращая внимания на кустарники, ветви деревьев, ямы и лощины, оглашая все вокруг возгласом: «Чур меня!» Не знаю, почему именно это словосочетание, неизвестно откуда всплывшее в памяти и действительно означающее «не прикасайся, не тронь», показалось мне спасительным в этой ситуации, но прокричал я его великое множество раз (кстати, по одной из версий, упоминаемых Фасмером, это понятие происходит от слова «черт»). И даже продолжал кричать, находясь уже в лагере.

Об этом случае я никому — ни воспитателям, ни родителям, а тем более сверстникам — не рассказал, но столь велик был буквально впитавшийся в лицо ужас, что приехавшие на следующий день проводить меня отец с матерью, увидев свое дитя, тут же, даже не задавая каких-то вопросов, предложили возвращаться домой. Кстати говоря, это был первый и последний пионерский лагерь одного из авторов книги. Сегодня, спустя чуть ли не пятьдесят лет с того времени, в поведении алмасты (а это, конечно, был он, а не обезьяна), двинувшегося в сторону человека, а не наоборот, можно увидеть скорее не угрозу, а сочувствие...

Впрочем, рассказывая эту историю, пишущие ни на чем не настаивают и вполне допускают, что поведенный эпизод — плод детской фантазии. Но вот вовсе не фантазия все, что будет сообщено ниже.

Вначале короткая историческая реминисценция. Юлиус Генрих Клапрот (1783–1835), выдающийся немецкий путешественник и языковед, являвшийся иностранным членом Императорской Академии наук в Петербурге, побывал в начале XIX века на Кавказе, оставив записки о своем путешествии (в 2008 году в Нальчике вышла его книга «Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах»). Вот что он пишет об алмасты, называя его *салмасты*: «Что до остального, эти люди, как и все горцы, очень суеверны и рассказывают бесчисленные небылицы о злых духах и домовых, обитающих, по их словам, в горах; образчиком может служить следующая история. Зловредный дух в женском облиции, с очень длинными волосами, которого они именуют на своем языке *салмасты*, живет, по их словам, в некоем лесу. Где-то двадцать пять лет назад один из жителей села поймал домового, принес к себе домой и отрезал его волосы, кои тщательно спрятал, чем превратил дух в покорного себе. Однажды он приказал ему сделать немного боза; тогда домовый поставил котелок на огонь, сварил горох, а, пока суп готовился, хозяин и хозяйка вышли из дома, оставив в нем лишь двух маленьких детей. Скоро они стали просить «духа» дать им что-нибудь поесть. Тот пообещал сделать это, если они скажут ему, где спрятаны его волосы. Не успели дети указать на место, где лежали волосы, как демон схватил их и тем самым освободился от покорности своему хозяину. После этого он бросил двух детей в котел с кипящей боза и убежал назад в лес, где, как утверждают, он все еще и живет».

В чем-то похожую историю поведала уже в наше время жительница Зольского района Кабардино-Балкарии девяностолетняя Нахцук. Своей внучке – доктору филологических наук, профессору КБГУ Ирине Балловой – она рассказывала, как, зайдя поутру в сарай, где хранилась кукуруза, увидела странное обросшее человекообразное существо, распластавшееся на земле и сжавшееся при виде человека. Бабушка поняла, что алмасты больна, поэтому принесла из дома одежду, укрыла лесную женщину и в течение нескольких дней подкармливала едой со своего стола. Когда алмасты стало лучше, та ушла. Из этого следует, что эпизод, поведенный Клапроту, имеет не столько мифологические, сколько реальные, бытовые корни.

Впрочем, подобного рода эпизодов далее будет приведено предостаточно и большинство из них связано (найдено, записано, обнаружено) с экспедицией Жанны Кофман. Кто она такая? Имя этой женщины известно в нашей республике многим, что вполне объясни-

мо – на протяжении более четырех десятилетий исследовательница сама или с помощью своих учеников занималась поисками снежного человека. Вплоть до 2005 года, когда Жанна Иосифовна встретила в очередной летней экспедиции в Кабардино-Балкарии свой 86-й (!) день рождения.

Мы были уверены, что экспедиция на этом завершилась, но в июне прошлого, 2010 года в издательство заглянули двое молодых людей, жителей Германии, которые, как выяснилось, являются учениками Кофман, следовательно, поиски алмасты продолжаются.

Мартин и Кристоф (так зовут немцев) любезно передали нам один из обобщающих отчетов, озаглавленный «Атлас снежного человека». Вот что пишет в разделе «Кавказские экспедиции Ж. И. Кофман и других исследователей» В. Макаров, его автор: «Основной вклад в изучение кавказских популяций реликтовых гоминоидов внесла неутомимая Жанна Иосифовна Кофман. Врач-хирург, альпинистка, участница битвы за Кавказ, жительница Москвы и гражданка Франции, она с 1962 года фактически переселилась на Северный Кавказ и посвятила себя изучению алмасты».

К отчету В. Макарова мы вернемся ниже, а пока более подробно расскажем о Жанне-Марии Иосифовне Кофман, почетном председателе Российского общества криптозоологии. Криптозоология – напомним, наука о животных, существование которых не доказано или считается невозможным в данной местности в данное время.

Вот какие сведения можно почерпнуть в Интернете. Прежде всего, дату рождения – 22 июля 1919 года! Подробный московский адрес (Башиловская улица, дом 23, корпус 2), хотя последнее время исследовательница по нему не проживает – находится во Франции (по другим сведениям, в Швейцарии). А дальше детали биографии, поражающие воображение: «Отец Марии Кофман – обрусевший француз, чьи предки остались в России еще во время французской революции 1789 года, участник революционных выступлений 1905 года. Он был связным с восставшим экипажем броненосца «Потемкин», осужден за это на смертную казнь; ему устроили побег, после чего он добрался до Италии. Позже, когда началась Первая мировая война, вступил добровольцем во французскую армию. Женился на француженке, оперной певице; в 1919 году в Париже у них родилась Мария-Жанна, вторая дочь».

В 30-х годах прошлого века отец Кофман работал в России, был репрессирован, а после лагеря сослан в Углич. Мария-Жанна вместе со старшей сестрой приехала в СССР из Франции в начале 30-х годов.

Жила в Москве, где закончила Второй медицинский институт, получив специальность врача-хирурга. Увлекалась альпинизмом, покорив немало кавказских вершин и впервые услышав об обитающем в этих местах снежном человеке. В годы Великой Отечественной войны – на фронте: принимала участие в битве за Кавказ. Уже после войны, в 1948 году, сталинские репрессии коснулись и ее – шесть лет провела в лагерях; после этого жила в подмосковном городе Серпухове.

Однажды друзья-альпинисты познакомили ее с ученым Б. Ф. Поршневым (1905–1972) – советским историком и социологом, доктором исторических и философских наук. И ко всему прочему, основоположником гоминологии – науки о «снежном человеке». Борис Федорович собрал богатейшие исторические свидетельства о существовании гоминоида, восходящие к древнейшим литературным памятникам; показал, как на протяжении столетий уменьшался ареал распространения этого существа, вытесненного в конечном итоге высоко в горы, хотя основная среда его обитания всегда находилась куда как ниже. Но самое главное, представил убедительные доказательства тому, что, говоря о «снежном человеке», мы ведем речь не об одичавших в силу различных причин людях, а именно о реликтовых гоминоидах.

Именно с той встречи началось многолетнее сотрудничество Б. Ф. Поршнева и Ж. И. Кофман, которую он включил в число участников Памирской экспедиции Академии наук 1958 года по поискам «снежного человека».

Жанна Кофман стала достойным продолжателем дела ученого, так и не увидевшего при жизни напечатанной подготовленную им работу о гоминоидах. В 1960 году она организует в селении Сармаково Кабардино-Балкарии базу экспедиции, оснащая ее на свои личные средства фото- и киноаппаратурой, транспортными средствами. Вначале это были лошадь и мотоцикл, чуть позже – автомашины «Запорожец» и УАЗ. Именно отсюда она со своими добровольными помощниками, приезжавшими со всех концов Советского Союза, совершает многочисленные экспедиции в поисках алмасты.

Вот что рассказывает безымянный блогер одного из интернетовских сайтов: «С этой женщиной мы с женой познакомились в 1984 году. Человек увлеченно и без фанатизма занимался поисками «снежного человека» на свою мизерную пенсию и на средства от сдачи своей московской квартиры».

Весь весеннее-осенний сезон она жила в селении Сармаково, снимая завалюшку без никаких удобств, разъезжала по всему Кав-

казу на своем горбатом «Запорожце», у которого не хватало только одной детали – куска проволоки, пропущенной через днище и завязанной узлом на крыше, чтобы не рассыпался. Но бодрости духа не теряла никогда.

В первый же вечер знакомства мы проговорили с ней часа четыре. Жена потом говорила, что я наконец осуществил мечту каждого мужика – провел безумную ночь с французенкой.

За это время я из абсолютного скептика превратился в человека, готового хоть сейчас идти на поиски «снежного человека».

Вкратце, история вопроса, со слов Жанны, такова. В 50-х годах участились сообщения о том, что в горных районах Южного Дагестана и Азербайджана люди стали встречать непонятное живое существо, совершенно голое, поросшее шерстью, довольно крупное, правда, в пределах нормального человеческого роста. В то время никакой истерии по поводу снежных людей не было и в помине, сообщали об этом не обкуренные горожане, а простые крестьяне, пастухи из мест, где не только радио, но и газет-то никогда не видели.

Видимо, они так достали власти, что хрущевское правительство, дабы раз и навсегда покончить с этим вопросом, организовало большую экспедицию от Академии наук с широкими полномочиями.

Задача была поставлена простенькая – доказать, что это домоседы. В случае, если вдруг правда, при помощи местных властей организовать отлов существа и представить его научной общественности под девизом «Наш снежный человек – самый снежный человек в мире» и обеспечить очередной триумф советской науки. Под это дело не пожалели средств, так и была организована эта экспедиция.

Жанна вошла в ее состав как врач. Руководил всем этим делом профессор Поршнев.

Учитывая разную степень образованности и грамотности опрашиваемых будущих свидетелей, был составлен специальный вопросник из 80 пунктов.

Жанна была настроена достаточно скептически, но после опроса первых двух десятков свидетелей поняла, что алмасты абсолютно реальное существо. Люди из разных точек Кавказа говорили и описывали его совершенно одинаково, отмечали неагрессивность и даже дружелюбие, склонность к «шуткам», вроде примитивных танцев на виду у пастухов или передразнивания домашних животных. Описывая внешность, все отмечали «женскую прическу». Специалисты сошлись на том, что так они пытались описать «шиньонообразный» затылок,

свойственный гоминоидам. Еще одна характерная особенность – «волчья» шея, то есть практически полное ее отсутствие. Голова у описываемых алмасты практически не поворачивается, обернуться он может только корпусом.

Всего было опрошено более 200 свидетелей, и все участники экспедиции, вплоть до партработников и отъявленных скептиков, пришли к общему выводу, что алмасты существуют. Более того, по описаниям свидетелей, пришли к выводу, что речь идет о 8–12 особях разного возраста и пола.

«Нашествие» на горный Азербайджан и Южный Дагестан объяснили тем, что алмасты мигрировали из района Центрального Кавказа из-за боевых действий во время войны.

По возвращении в Москву был представлен обширный доклад, на Поршнева набросились академисты, обвинили в антинаучности и прочем. Но к мнению партработников из состава экспедиции прислушались и даже последовало поручение первому секретарю Компартии Дагестана организовать поиск и отлов существа. Как они там искали, не знаю, но через некоторое время триумфов в науке стало предостаточно и эту тему сняли.

Не успокоились только Поршнева и Жанна, на свой страх и риск продолжившая поиски.

На мой вопрос, почему «снежный человек» за столько лет так не пойман, она ответила: «Выжил алмасты лишь потому, что постоянно передвигается». То есть если его вчера где-то видели, то следующая ночевка будет в 10–30 км от того места. А учитывая, что информация до нее доходила в лучшем случае через неделю, то о реальных поисках не могло быть и речи.

Так что она его и не пыталась ловить, ограничивалась только сбором информации о его повадках, описании и ареале обитания.

«А пастухи почему его не пристрелят?» – не понимал я, пока сам не убедился, что местное население горных районов достаточно спокойно относится к его существованию, считает его чуть ли не добрым духом из леса. Мне самому один пожилой пастух объяснял, что есть животные и птицы дикие, а есть домашние. Также и люди: «А это просто дикий человек, за что его убивать? Он совсем не злой».

Еще одна интересная особенность: все опрошенные Жанной свидетели отмечали, что домашние животные (кроме собак, понятное дело) относительно спокойно на него реагировали.

Позже она вернулась в Москву, потом уехала во Францию к сестре, и мы потерялись. Знаю из Интернета, что ее приняли почетным

членом Международного общества криптозоологов в Париже. И вроде еще жива, дай Бог ей здоровья».

А теперь от этого лирического отступления вернемся к упоминаемому нами выше отчету В. Макарова: «Она объехала верхом или на машине и обошла пешком с рюкзаком за плечами почти весь Кавказ. Ее живой характер и общительность раскрывали перед ней двери домов и души горцев, от которых она слышала много интересного не только об алмасты и его собратьях, но и о некоторых других не изученных до настоящего времени животных вроде гигантских высокогорных варанов, необычных змеев и других. Но все-таки главное ее внимание было приковано к «дикому волосатому человеку» Кавказа – алмасты.

Почти ежегодно на базе экспедиции останавливались трупы молодых ребят, чаще всего студентов, отправляющиеся на поиски легендарного существа. Все они получали у нее подробнейший инструктаж, необходимое снаряжение, которое, к сожалению, иногда забывали возвращать. Почти за 30 лет работы экспедицией был собран огромный материал: сотни рассказов очевидцев из разных районов, десятки фотографий следов, несколько отлично выполненных гипсовых слепков. Неоднократно Жанна Иосифовна буквально «сидела на хвосте» у своего подопечного, но каждый раз ему удавалось скрыться от нее. Правда, в узком кругу она признавалась, что несколько раз видела существо, которое, по всей видимости, было не кем иным, как алмасты, но это было на таком расстоянии, что сфотографировать его не было возможности, следовательно, доказать, что это он, было нельзя. Неоднократно участники поисковых групп шли по следам алмасты, видели в темноте светящиеся красным светом глаза, которые находились на высоте примерно 1,5 метра и, следовательно, не могли принадлежать волку или рыси (и у того и у другого глаза ночью светятся зеленым, а не красным светом). Некоторым из участников экспедиции посчастливилось увидеть алмасты.

Так, Э. Б. Зелигман, дежурившая ночью в пустом коше, который якобы посещает алмасты, услышала чьи-то шаги – кто-то приближался к кошу. Через некоторое время звуки шагов прекратились и в проеме окна, на фоне неба, появилась лохматая голова. Очевидно, незнакомец разглядел или почуял находящегося в темном помещении человека, так как силуэт его головы исчез и послышался топот ног убегающего существа.

Похожая ситуация произошла с харьковским исследователем В. К. Панченко. Летом 1989 года он узнал от знакомых балкарцев, что

в сарай, в котором находилась захромавшая лошадь, наведывается алмасты. Панченко не стал терять времени на поездку за пленкой для фотоаппарата (она у него перед этим закончилась) и поспешил к этому сараю. Прикрывшись брезентом, он затаился и стал ждать. Уже глубокой ночью он услышал осторожные шаги приближающегося животного. Потом в широком проеме над дверью показалась фигура похожего на обезьяну или волосатого человека существа, которое мягко прыгнуло вниз. Через некоторое время это существо подошло к лошади, которая стояла совершенно спокойно, и стало поглаживать ее по шее. При этом раздавалось приглушенное бормотанье, интонации его были успокаивающие, ласковые. Лошадь стояла по-прежнему спокойно. Панченко было плохо видно, но когда он пошевелился, незнакомец метнулся к двери, одним прыжком буквально взлетел на край проема, соскочил вниз и раздался удаляющийся топот его ног.

Несколько раз участники поисковых групп видели похожие на человека темные фигуры, пробегавшие по склонам или гребням холмов, но всегда это было на большом расстоянии, так что на полученных фотографиях фигурки имели размеры, сопоставимые с зерном фотопленки, и о каких-либо деталях изображения говорить не приходится.

Произошло однажды и такое. Московская группа А. Данилова закончила полевые работы и возвращалась на базу. Усталые ребята растянулись по тропе, которая извивалась по склону горы. За очередным поворотом проглядывало небольшое кукурузное поле. Обогнув поворот, идущие впереди увидели трогательную картину: волосатая мама, с опаской поглядывая на появившихся из-за поворота людей, загоняла в кукурузу двух маленьких детенышей. Алмастятя, как всякие малыши, выворачиваясь из-под ее руки, с любопытством поглядывали на людей. Ситуация была вполне человеческая – мать, испугавшаяся незнакомцев, пытается укрыть своих детей. И все движения у нее были человеческие, она ласково, но настойчиво подталкивала малышей в гущу кукурузы. Преследовать, конечно, никто не стал.

Весной 1976 года произошло еще одно знаменательное событие. В середине марта Жанне Иосифовне сообщили, что на территории одной из туристических баз обнаружены свежие следы алмасты. Срочно выехав на место, она увидела цепочку четких следов странных босых ног человекоподобного существа, прошедшего или, скорее, пробежавшего по спортивной площадке. Следы были обнаружены накануне утром. Сторож рассказал, что ночью очень сильно лаяли со-

баки, а когда он вышел, то они бросились ему в ноги, но он ничего не увидел, а утром обнаружил следы. Туристов в это время на турбазе не было.

Всего было видно 23 отпечатка, которые тянулись в одну линию. Длина шага была около метра. Посетившая турбазу особь была не из крупных – ростом примерно 160 см. Сделанные Кофман фотографии и гипсовые слепки по своему качеству лучшие в СССР, а, возможно, и в мире».

Здесь мы сделаем одно небольшое отступление, о котором рассказал авторам Эткар Шпанагель (для всех нас – просто Эдик) – российский немец, человек широкой души, большую часть жизни проработавший фотографом в республиканских средствах массовой информации, создавший настоящую фотолетопись Кабардино-Балкарии 1970-х – начала 1990-х годов, мечтавший издать ее в виде альбома, но так и не сумевший из-за отсутствия средств сделать это, выехавший в конце концов на постоянное местожительство в Германию.

Вот что поведал Эдик. Двое весьма уважаемых в республике людей, чья фамилия в те годы была и ныне тоже на слуху, решили, следуя принципу «коль гора не идет к Магомету...», порадовать, так сказать, исследовательницу. Вначале думали организовать съемки – алмасты должен был изображать нарядившийся в медвежью шкуру более молодой представитель фамилии, но потом от этой идеи отказались, удовлетворившись следами. Изготавливали их долго и делали достаточно убедительными, оставшись весьма довольны своим розыгрышем, будучи уверенными, что «француженка» клюнет. Не клюнула – разобралась, прекратив с шутниками всяческое общение. Самое интересное, что дело происходило в Тызыльском ущелье, где авторы этих строк во время своих многочисленных экспедиций неоднократно видели непонятные следы, весьма отличные от медвежьих...

А вот чем завершается цитируемый выше раздел из отчета В. Макарова: «Летом 1994 года удача чуть было не улыбнулась неутомимой исследовательнице. Один из чабанов сообщил, что накануне утром он видел в районе одной балки трех алмасты. Кофман с двумя своими коллегами срочно выехала в указанное чабаном место. Спускаясь по дороге на дно балки, Жанна Иосифовна и ее спутники увидели на противоположной стороне стоящую около большого куста массивную фигуру. Расстояние было слишком большое, и разглядеть какие-либо детали было нельзя, даже в бинокль. Чтобы сократить расстояние,

двинулись напрямик по склону, но когда обогнули стоящий на пути куст, то этой фигуры на месте не оказалось. Прочесали балку, но ничего не нашли.

Из многих сотен рассказов очевидцев, собранных Ж. И. Кофман и ее помощниками, небольшая часть вошла в сборники «Информационных материалов Комиссии по изучению «снежного человека». По случайно выбранным 100 сообщениям, собранным Кавказской экспедицией, получается следующая статистика.

Распределение встреч с алмасты по годам: до 1930 года – 5, в 30-х годах – 8, в 40-х – 14, в 50-х – 14, в 60-х – 26; год неизвестен – 32.

Распределение по времени года: зимой – 12, весной – 7, летом – 32, осенью – 22; время неизвестно – 27.

Распределение по времени суток: ночью – 30, утром – 6, днем – 31, вечером – 13; время неизвестно – 20.

Распределение по полу: мужской – 21, женский – 38, не указан – 41.

Наблюдения детенышей: всего – 7, одного – 2, двух – 4, трех – 1.

Случаи поимки с последующим отпусканием – 4, приручения – 3, убийства – 5.

Рост: до 180 см – 8; 2 м – 9; 2,4 м – 1; около 3 м – 3; в остальных случаях рост не указан.

Собранные на Кавказе материалы по экологии и поведению алмасты были опубликованы Ж. И. Кофман в основном в зарубежных изданиях. Помимо богатейшего опросного материала и собственных наблюдений, участниками экспедиции были собраны фотографии, слепки следов, образцы волос и фекалий. Исследования последних подтвердили, что рацион алмасты растительный. Волосы же принадлежат примату, но имеют отличия от человеческих и обезьяньих.

И еще один материал из Интернета – своего рода квинтэссенция сделанного Жанной Кофман в Кабарде, настоящий гимн кабардинскому феномену.

Он так и называется «Снежный человек в горах Кабарды»: «Великолепную разведку в Кабардино-Балкарии провел летом 1960 года профессор А. А. Машковцев. Его отчет, насыщенный опросными данными и вносящий во все это сырье начальный биологический порядок, заложил новый дом. Ибо Кабарде суждено было олицетворять иной этап, иной уровень всего исследования. Это пятнышко на карте нашей планеты ныне – место, где полевое исследование

проблемы реликтовых неандертальцев, родни откопанного в тех же местах «подкумского человека», продвинуто дальше, чем где бы то ни было. И этим советская и мировая наука обязана Жанне Иосифовне Кофман. Она перебазировала свою работу в Кабарду с 1962 года.

В натуре Ж. И. Кофман заложен героизм. И она нашла себя. Ныне это первоклассный специалист, притягивающий к себе и вводящий в дело много молодежи. Высок ее огонь и мужественны жертвы. Лестница трудностей и препятствий, которым, кажется, конца не будет, и все-таки железная уверенность в торжестве и даже славе. Каждый год по несколько месяцев в кабардинских селениях — на «Запорожце» и мотоцикле, но без всякой материальной и организационной опоры, всего лишь на правах действительного члена Географического общества. Крепнувший шаг от ориентировки, исполненной сомнений, до обретенного уверенного мастерства и геометрической прогрессии знаний.

Для мировой загадки реликтовых палеоантропов Кабарда — не правило, а исключение. Здесь этот вид животных необычайно прижат к людям, к их домам и насаждениям. Тем самым тип отношений и связей с людьми до крайности своеобразный, пожалуй, схожий с древней стадией, отраженной в фольклоре и мифах. Поверья и религиозные наставления плотно, как брезент, прикрывают от посторонних этих охраняемых и подкармливаемых *шайтанов*: кто выдаст хоть одного, обречет себя и поколения потомков на жестокую кару. Но в то же время старая психология сегодня уже настолько расшатана, что терпением и тактом выкачивается изрядная информация. Кабарда, ставшая антропологической лабораторией, заставила окончательно решать вопрос о доверии к местным людям. Здесь как раз не оказалось ни одного маркирующего наблюдения приезжего ученого или геолога, за которые мы вынуждены цепляться в других местах, прежде чем прислушаться к местным голосам. Работающие в Кабарде отшвырнули посылку наших критиков, будто коренное население обязательно всё зачем-то лжет.

И вот шло из месяца в месяц, из сезона в сезон, как ни трудно это в тех краях женщине, медленное завоевание Жанной Иосифовной Кофман доверия и уважения этих простых людей Кабарды. Протокол к протоколу. Их сначала десятки, потом сотни...

На очередном отчетном докладе в Географическом обществе весной 1966 года Ж. И. Кофман с мастерством хирурга-анатома нарисовала мелом неопровержимую истину. Вот схематический череп

современного человека. Вот — ископаемого неандертальца. А вот — и мел на наших глазах превращает слова в линии — соединение десятков свидетельств о черепе алмасты. Третий рисунок оказывается тождественным второму!

При этом извлечь общее из протоколов опросов — дело не простое. Это не только не похоже на фольклор, а противоположно: скелет фольклора — повторение. В досье кабардинской лаборатории нет двух записей, хоть бы похожих друг на друга. Нет ни сюжета, ни стиля. Детали бесконечны. Не столько накладывая сообщения друг на друга, сколько прикладывая друг к другу, исследователь реконструирует образ палеоантропа. Впрочем, и он не стандартен. Алмасты и по внешности, и по поведению крайне индивидуальны. В каждом, оказывается, много своеобразного. Последний сезон работ группы Ж. И. Кофман продвинул к новой цели: к возможности собирать пучки информации об одной и той же особи алмасты, узнаваемой по несомненным признакам. Ее видели разные люди в близких местах на протяжении недолгого времени. Это новый сильно приближающий глазок в еще так мало ведомый нам мир этих призрачных животных.

Кабардинская лаборатория должна их декодировать. Мало надежд на наскок или счастливую случайность. Очень много надо предварительно знать.

...Кабардинское опытное поле под руководством Ж. И. Кофман — не прыжок, не расчет на случайность, а неуклонное продвижение. В чем главный результат? В том, что каждый год придвигает наш взгляд несколько ближе к зверю. Его натура видится все отчетливей. Каждый сезон открывает что-то о нем, чего мы не знали. Эта поступь дарует чувство неотвратимости успеха. Мы не просто в пещере, мы идем по ней, свет прибывает, а значит — выйдем. Но во мне эти шаги прогресса усиливают чувство огромности того, что еще остается неведомым. Палеоантроп, теплящийся на пространствах от приэльбрусских альпийских лугов и лесов до селений кабардинцев на равнинах, судя по всему, обладает свойствами, о которых мы еще и не подозреваем.

В самом деле, записей-то сделано много, но ведь информаторы составляют ничтожный процент населения Кабарды, а большинство информаторов видело лично алмасты один-два раза в жизни. Следовательно, встречи — редчайшее исключение из правила. Каково же правило? Почему случаются исключения? Вот громада того, что еще во тьме. Нелегко сказать, перевалили ли мы за половину пути. С от-

четливостью, какой никогда прежде не было, понимаем, как трудно будет дойти до цели, — судя по этому, самое трудное все-таки позади.

Все, что мы до сих пор узнали по всему миру, в том числе и тут, в Кабарде, это — непреднамеренные встречи. Мы доросли до проблемы: как перейти от коллекционирования непреднамеренных встреч к преднамеренным встречам? Нет, не для того, чтобы кого-то «убедить» и тем выдавить из кого-то «пожалуй, да». Но таков дальнейший этап исследования. Только значительная сумма непреднамеренных встреч смогла послужить его фундаментом. Достаточно ли мы узнали, чтобы какой-нибудь совет мудрейших смог извлечь из этой информации вывод, как сделать встречи преднамеренными? Надо настойчиво пробовать. Но если мы знаем еще недостаточно, надо расширить серию записей непреднамеренных встреч хоть в десять раз. Ведь рано или поздно мы окажемся в такой мере осведомленными о биологии реликтовых палеоантропов, в том числе об их отношениях с людьми в разных областях, когда прием, ведущий к преднамеренным встречам, найдется. Тогда начнется вторая половина истории изучения троглодитов».

Не правда ли, высокий штиль?! Так и ждешь за словами факты и свидетельства. И их, услышанных от непосредственных участников, было зафиксировано великое, как мы уже говорили выше, множество. Приведем лишь малую часть.

Рассказывает Н. Я. Серикова, старший зоотехник одного из колхозов Зольского района:

— Дело было в 1956 году, я только переехала в Кабарду, в Зольский район, и никаких местных рассказов об алмасты слыхом не слышала. Снимала квартиру у колхозника. Это был вечер, когда у соседей игралась свадьба. Я дремала, затем вышла в сад, снова легла в постель, но электричество не выключила и дверь во двор оставалась открытой. Было часов одиннадцать. Лежу и вдруг слышу какое-то повизгивание. Я сразу глянула на пол. Ужас! На полу сидело на корточках существо, все волосатое, глаза косые. Существо сидело на корточках, а руки — левая на правом плече, правая — на левом. Смотрело оно на меня таким взглядом, что вот-вот прыгнет ко мне. Я действительно окаменела. Смотрю на него, а оно на меня...

Затем у меня вырвалось несколько слов: «Господи, откуда ж ты взялся?» (в Бога я никогда не верила). Существо снова взвизгнуло и с такой быстротой прыгнуло в первую комнату, как будто вылетело,

дверью стукнуло с такой силой, что мне показалось – дом задрожал. После него в квартире стоял такой запах, что сравнить его ни с каким запахом не могу, какой-то удушливый, кислый. До утра я не могла ни встать, ни пошевелиться. Я думала, что, наверное, есть черти.

А утром от соседки узнала, что никакой это не черт, а просто алмасты, что жил он в доме у соседней старухи, а как она умерла, перешел в дом к Лукману Амшукову и живет у него. Может быть, этот самый, вспугнутый гармонью и шумом, вскочил в комнату, где когда-то уже бывал, но ретировался от звука незнакомой речи.

Каков был алмасты? Рост среднего человека, все тело покрыто волосами, не длинными, 3–4 сантиметра, брови густые, черные, на лице волосы короче и реже, чем на теле... Существо от моих глаз было приблизительно на расстоянии одного метра... О том, что это был алмасты, а не человек, говорят разрез его глаз, его дикий, звериный взгляд, ни с каким взглядом не сравнимый, его зловонный запах. Сама его фигура не была совсем похожа на человеческую – ноги и руки длиннее, чем у человека... Форма головы была немного продолговатой.

Я не раз беседовала с животноводами на эту тему, и многие, разговорившись, рассказывали, как они видели алмасты или слышали о нем от отцов, дедов и товарищей. Простые люди (чабаны, пастухи), когда уверены в тебе и твоей искренности, никогда не врут. Люди боятся выдать алмасты, они запуганы муллами и говорят убежденно, что если выдадут одного алмасты, то его сородичи все равно отомстят за своего брата.

Рассказывает Х. Х. Жигунов, дозировщик Баксанского кирпичного завода:

– Я решил срезать дорогу и пошел прямо по кукурузному полю. Едва свернув с дороги, примерно в 40 метрах от нее, наткнулся на останки алмасты, разорванного волками или собаками. На площади диаметром примерно в 15 метров вся кукуруза была поломана, повалена, все было истоптано. В середине площадки лежала голова алмасты с остатками шеи. Левая половина шеи была выедена. До этого я не верил в существование алмасты, поэтому стал разглядывать голову с особым интересом. Взяв палку, я переворачивал ее на все стороны и, сев на корточки, внимательно рассмотрел. Голова была окутана копной очень густых и длинных волос, очень спутанных и склеенных репейником. Форму черепа я из-за этого не разглядел,

но по размерам он как человеческий. Лоб немного покатый. Нос маленький, курносый. Переносицы нет, нос как бы вдавленный, как у обезьяны. Скулы выдаются в стороны, как у китайца. Губы не такие, как у человека, а тонкие, прямые, как у обезьяны. Зубов я не видел: губы были запечены, их я не открывал. Подбородок не такой, как у человека, а круглый, тяжелый. Уши как у человека. Одно ухо было разорвано, другое – целое. Глаза сильно раскосые, с разрезом вниз. Цвета не знаю – веки были закрыты, я их не открывал. Кожа черная, покрыта темно-каштановыми волосами. Волосы отсутствуют вокруг глаз и на верхней части щек. На щеках, на ушах – короткие волосы, на шее – более длинные. От головы шел резкий отвратительный запах. Это был запах не разложения, потому что останки были свежие, не было мух, червей – видимо, несколько часов как его разорвали, кровь только запеклась. Это был запах самого алмасты, настолько отталкивающий, что меня чуть не вырвало. Поэтому я рассматривал голову, зажав нос левой рукой, а правой держал палку. Запах напоминает запах старой грязи, немытого тела, плесени. Невдалеке валялись другие части тела, я видел белеющие кости, покрытые остатками темного мяса, но близко не подошел и не стал смотреть на них.

Рассказывает Хукер Ахаминов, колхозник:

– Десятого августа 1964 года, днем, я косил сено в поле подсолнуха. Местами оставались площадки, не засеянные подсолнухом, на них выросла трава, – вот я и косил. Вдруг услышал поблизости какой-то звук, не то сопение, не то фыркание, как собака, когда что-то лезет ей в нос. Я остановился, прислушался. Опять стал косить. Второй раз такой же звук. Я перестал косить. Когда он раздался третий раз, я положил косу и пошел смотреть.

Вдруг из травы по направлению ко мне поднялись две руки, как человеческие, но черные, волосатые, длинные. Особенно длинные пальцы. Я бросился оттуда и влез на арбу, метрах в 8–10 от этого места. Стоя на арбе, увидел человеческую фигуру, которая согнувшись уходила в подсолнухи. Я хорошо рассмотрел только спину. На спине рыжие волосы, как у буйвола, на голове длинные волосы. Когда алмасты ушла, я слез с арбы и вернулся к косе. Тут услышал писк из того же места. Осторожно подошел, раздвинул траву. На примятом сене, как в гнезде, лежали двое новорожденных. Видно, только-только отелилась она. Новорожденные – точно как человеческие, только что небольшие – килограмма на два потянут, не больше, а так от челове-

ческих не отличишь. Кожа у них розовая, как у человеческого ребенка, точно такая же головка, ручки, ножки. Не волосатые. Ножками и ручками шевелили. Я побежал оттуда, запряг арбу и вернулся в селение. Рассказал о своей встрече родным, соседям. Через два или три дня снова вернулся на это место. Там уже никого не было. Почему не сообщил об этом никому? А кому сообщать-то, зачем? Сроду никогда не слышал, что кто-нибудь этим интересовался.

Рассказывает Абери Татимович Коцев, пастух:

— Я не раз слышал от приятеля, что тот встречал алмасты в балке Акбечеюко, около Сармаково, что алмасты подходит к кошу, хлеб кушает. В августе 1959 года, когда сам пас там лошадей, попробовал проверить: выложил для приманки хлеб, до двух часов лунной ночи сидел в коше, тщетно ждал. На следующее утро, часов в семь поехал верхом вверх по балке пригнать ушедших за ночь лошадей. Вдруг при выходе из бурьяна, за поворотом, внезапно встретился с ним чуть не нос к носу. Он бежал навстречу мелкой рысью. Он остановился, и моя лошадь тоже остановилась, как вкопанная. Стояли мы в 3–4 метрах друг от друга.

Ростом небольшой, примерно полтора метра, чуть сутулый. Руки, длиннее, чем у человека, доставали до уровня колен. Они были оттопырены от тела, а локти слегка согнуты. Весь покрыт волосами — длиной как у буйвола, густыми, темно-серого цвета. Лоб не такой высокий, как у человека, а низкий и скошенный назад. Глаза раскосые. Скулы выдаются, точно как у монгола. Рот широкий. Подбородок не такой, как у человека: у человека подбородок тонкий, острый, а у него круглый, большой, не острый, а массивный. Сам — косолапый, колени чуть согнуты вперед, а голени кривые, как у хорошего ездока. Стопы слегка повернуты внутрь. Пальцы на ногах растопырены. Думаю, это был мужчина, потому что грудей я не видел. На голове волосы не очень длинные, но очень растрепанные, торчали хлопьями в разные стороны.

Интересно вот что: у человека лицо по сравнению с черепом уже и меньше. А у него по окружности череп подходящий, но так как он не такой высокий и более плоский, чем у человека, лицо получается крупнее. Несколько минут мы стояли, смотрели друг на друга, он дышал ровно, не запыхался после бега. Потом он повернул направо и шагом ушел в бурьян. А я поехал дальше.

Рассказывает Ержиб Кошокаев, житель селения Старый Черек:

— До войны алмасты было у нас много, а сейчас редко встречаются. Сам я видел их два раза. Первый раз это было в сентябре 1944 года. В то время у нас в республике были отряды добровольцев по поддержанию порядка, борьбе с бандитизмом и т. д. Я был членом такого отряда. Однажды мы ехали всем отрядом в степи, по коноплянному полю, около Черной Речки. Я ехал вторым, а первым — человек из Аргудана, он умер уже. Вдруг его лошадь резко остановилась, я чуть не наехал на него. Он говорит мне: «Смотри, алмасты!». Она стояла в нескольких метрах и забрасывала в рот верхушки конопли. Увидев нас, она очень быстро, на двух ногах, побежала в кош, который стоял недалеко.

Пока она бежала, несколько человек из отряда сорвали с плеч ружья и хотели стрелять. Но наш командир — русский из Нальчика — закричал: «Не стреляйте, не стреляйте! Давайте лучше возьмем ее живой». Мы спешили и окружили кош. Я оказался как раз напротив двери коша и видел все очень хорошо. Пока мы приближались, алмасты два или три раза выскакивала из коша. При этом она гримасничала, губы быстро-быстро шевелились и бубнила что-то. Мы сомкнулись и шли локоть к локтю.

Алмасты выскочила еще раз, вдруг закричала страшным криком и кинулась прямо на людей. Бежит она быстрее лошади. По правде сказать, мы растерялись. Она легко прорвала нашу цепь, прыгнула в овраг и исчезла. Какая она из себя? Лицо плохо было видно из-за волос. Грудные железы до низа живота. Ростом она была примерно 1 метр 80 сантиметров, здоровая. Вся покрыта длинными рыжими волосами, напоминающими шерсть буйвола. На ней был надет весь разорванный старый домотканый кабардинский кафтан.

Рассказывает Фейза Кумыков, колхозник:

— Алмасты я видел много раз. Сколько раз? Разве я могу сказать, сколько раз, если я их видел все время! Целых пять лет, пока был на нагорных пастбищах.

Однажды это было в каменистом месте, где есть пещеры. Их там много было. Есть разного возраста — побольше, поменьше. Пожалуй, женщин больше, чем мужчин. Алмасты — как человек: руки, ноги как у людей, но волосатые. Шерсть — как у медведя, темная. Одетых в одежду не видел. Разговаривать они не умеют, только мычат. Людей не боятся, только собак. Бегают очень быстро. Два раза я видел

алмасты совсем близко. Один раз шел в селение. К вечеру начался дождь. Я зашел в пещеру, развел костер, постелил бурку. К ночи дождь усилился. Вдруг в пещеру вошел кто-то очень большой, мохнатый, на двух ногах.

Сначала подумал, что медведь, потом вижу — нет, алмасты. Мне стало очень страшно. Оружия у меня не было, только один нож. Сделал вид, что ничего не вижу, а сам сижу ни жив ни мертв. Нож держу в руке. Потом немного успокоился, вспомнил, что старики говорили: «Если его не обидишь, и он не тронет». Алмасты сел у костра, боком ко мне, и выжимает волосы. Потом подсел поближе к костру. То один бок огню подставит, то другой. Я осторожно отполз немного в сторону. Успокоился — потому что он не злой.

Сказал ему несколько слов, потом заговорил с ним по-кабардински, по-балкарски, по-русски. Алмасты только мычит. Постепенно я задремал и уснул. А ночью слышал, что он что-то жует. Наверное, мои харчи. Но ничего не сказал. Утром я проснулся очень рано, алмасты уже не было. Торбочку он мою развязал и все съел, ничего не оставил.

Рассказывает Мухамед Пшуков, строитель:

— Это было еще до войны, летом. Мы жили тогда в селении Батех в Зольском районе. Откуда-то в наш огород пришла алмасты и поселилась в нем, в кукурузе. Настелила там разных тряпок, траву. Прожила она у нас неделю. Все время находилась в нашем огороде. Кушала зеленую кукурузу. Вся волосатая, на голове длинные волосы. Ногти длинные. Глаза раскосые, красные, зубы крупнее, чем у человека. Днем она всегда лежала. Лежит обычно на боку, но все переворачивается, долго в одном положении не лежит. К нам много народу ходило на нее смотреть. Если подойдут близко сразу несколько человек, она беспокоится, садится, кричит, встает, сама себе рвет волосы на голове. Кричит очень громко. Когда успокоится, если человек стоит близко, она тихонько подходит и начинает лизать его, как собака.

И совсем удивительный случай, нашедший отражение в одном из отчетов экспедиции: «Хабас Карданов, молодой кабардинец, познакомился с самкой алмасты, вероятно, кем-то уже прирученной, но потерявшей своего покровителя. Уж очень легко она поддавалась. Впрочем, Хабас, следуя правилам, долгое время отрекался, хотя не умел как следует скрывать привязанность этой алмасты к его дому,

и многие жители села Сармаково, в том числе его родные, об этом говорили. Дядя его, Замират Легидов, прямо повстречался с ней в одиноком доме Хабаса. Приятели заставили его разговориться. За несколько месяцев до того встретил он в бурьяне страшную волосатую женщину. Он окаменел и покрылся потом от страха. Она же испугалась меньше и продолжала сидеть, когда он пятился. А через несколько дней он повстречал ее снова, потом еще несколько раз и однажды бросил ей какую-то пищу, не то сыр, не то хлеб. Потом он уже всегда давал ей есть, она стала приходить за кормом к нему в кош.

Затем он перегнал гурт в Сармаково, и алмасты последовала за ним — стала жить при его доме. Хабас рассказывал, что приучил ее к кое-каким работам: «Она очень сильная и понятливая... Работает быстро, сильно». Например, грузила сено на воз. Ходила она воровать для него помидоры куда-то далеко от Сармаково.

«Языка человеческого она не знала, но бормотала что-то нечленораздельное». В тот раз, когда дядя повстречался с ней, она вошла с охапкой украденных помидоров и присела, что-то бормоча и кряхтя. Интересно, что мать и отец Хабаса не хранили тайну, а высказывали знакомым опасения, как бы алмасты не принесла несчастья их сыну. А он и в самом деле сначала смеялся, а через два-три года уж и не знал, как от нее отделаться: прогнать было невозможно.

В 1959 году в тех местах сведения об алмасты собирал инженер сырзавода М. Темботов по поручению своего брата-зоолога А. Темботова, работающего в Нальчике, в университете. Узнал он про Хабаса Карданова, вступил в переговоры. И тот дал понять, что не прочь отделаться от своей дрессированной назойливой алмасты, заломив, однако, изрядную цену. Настал последний час эпопеи. М. Темботов для получения указаний связался по телефону с одним из членов нашей комиссии. Надо помнить, что это было весной 1959 года: существование снежного человека на Кавказе еще почти не умещалось в мыслях, а комиссия только что претерпела «кораблекрушение» в Академии наук. Достать нужную сумму было нелегко. Темботов бросил переговоры с Хабасом Кардановым. А вскоре тот уехал работать в Сибирь: близкие утверждают, что этому решению содействовало желание избавиться от алмасты».

Но сведениями, собранными в рамках экспедиции Кофман, вовсе не исчерпывается перечень наблюдений «снежного человека» в нашей республике.

Вот запись рассказа участницы Великой Отечественной войны, учительницы Елены Николаевны Парамоновой, сделанная сотрудницей Института палеонтологии АН СССР А. И. Осиповой:

— В 1949 году произошел со мной загадочный случай, о котором я до сих пор не могу забыть. Работала я тогда в Кабарде (поселок Майский, станица Котляревская). Было мне 25 лет. Я снимала комнату у колхозника. Из комнаты выход был в общий коридор, в котором стояла лестница, ведущая на чердак.

В то лето мне приходилось очень редко ночевать в квартире, я с детским садом выехала на дачу, и комната все время была заперта. Однажды в душную августовскую ночь, оставшись в поселке, я спала очень беспокойно: насекомые буквально изводили меня. Решив избавиться от них, я среди ночи перешла спать на пол, подальше от кровати. Таким образом, место моей постели оказалось недалеко от двери, возле печки, на которой стояла керосиновая лампа (я оставила лампу зажженной, слегка прикрутив ее). Не успела я задремать на новом месте, как услышала чье-то шаги и тяжелое дыхание. Я вспомнила, что дверь осталась незапертой, так как я не всегда ее закрывала, зная, что входная дверь хорошо закрывалась хозяевами.

Почувствовав чье-то присутствие, я повернула голову и увидела перед собой нечто страшное. Он (буду пока называть его так), наклонившись надо мной, схватил край моей простыни и раскрыл меня. Очень испугавшись и не спуская с него глаз, я стала натягивать простыню на себя. Он, отскочив к ногам и таким образом несколько загородив свет, продолжал неоднократно предпринимать попытки, чтобы стащить простыню, а я вырывала ее, пытаясь прикрыться. Сорвав с меня простыню и отбросив ее, он стал хватать меня за руки и поднимать с пола. Наша неравная борьба продолжалась недолго, хотя помню, что за это время я успела очень устать... Вместо криков о помощи я только ойкала, но достаточно громко, потому что спавшая за стеной хозяйка услышала.

Существо действовало беззлбно, молча и не очень грубо, не причиняя мне сильной боли. Чувствовалось, что борется он без особых усилий, как бы шутя, но без улыбки, с серьезным спокойным лицом. Во взгляде его огромных глаз чувствовалось любопытство, он с интересом разглядывал меня... Ему удалось схватить меня за руку и рывком поднять с пола. Однако я успела при этом ударить его сильно ногой, после чего он вдруг отступил и исчез за дверью так же

неожиданно, как и появился. В это же время за стеной отчетливо был слышен скрип кровати и голос проснувшейся хозяйки.

В страшном испуге и смятении я бросилась к двери и накинула крючок. Оставшись одна, я продолжала трястись от перенесенного кошмара и как будто онемела, боясь подать голос. Понемногу успокоившись, увидела отброшенную в сторону простыню. Болели руки и ноги от ударов об его тело...

Как же выглядел этот пришелец? Конечно, если бы он имел облик обычного человека, я не испугалась бы так сильно, так как не из робкого десятка. Но страх овладел мною потому, что увидела при свете лампы нечто странное, страшное, нигде и никогда не виденное мною, я даже не слыхала ни о чем подобном. Это было какое-то существо, по телосложению соответствующее человеку, но только очень крупного роста. Широкий в плечах, с большими мускулистыми руками и ногами, он был без одежды. Все тело его было покрыто шерстью, однако не свисающей клочьями, а покрывающей тело густым невысоким покровом. Окраска не темная, светло-коричневого оттенка. На груди и ногах шерсти несколько больше, чем на ладонях. Крупная, но соответствующая росту голова покрыта курчавыми темными волосами (как у негров). Длинные ли волосы сзади я не видела, так как вообще не видела его спины. Лицо не было страшным, оно имело черты молодого человека, но также покрыто небольшой шерстью. Не было у него ни усов, ни бороды. Огромные черные глаза выделялись на этом лице. По размеру они значительно больше, чем у человека, но взгляд их не был злым. Я просто не могу описать их выражение, но только у человека я никогда не встречала такого взгляда и таких глаз... Помню, что мне страшно неприятно было прикосновение его рук, покрытых шерстью...

С трудом дождалась утра, и когда услышала, что хозяйка вышла доить корову, осмелилась наконец выйти из комнаты. Когда я рассказала хозяевам о том, что произошло ночью, они не были удивлены. По их мнению, ко мне приходил «домовой», который живет у них на чердаке, и они иногда слышат, как он ходит. Но они не сказали, что видели его когда-нибудь... Хозяева еще предупредили меня, что «домовой» так просто не приходит... Но мне больше никогда не доводилось встречать подобное существо. Я вскоре выехала из того поселка и никогда больше мне там не приходилось бывать. Объяснения про «домового» не убедили меня, так как я понимала, что хозяева пожилые, малограмотные люди и наслышаны о «домовых» от своих бабушек ¹.

А об этой истории поведал известный инструктор по альпинизму Эдуард Ионих:

– Тридцать детей из города Майского вместе с тренером Людмилой Колесниковой приехали на турбазу «Эльбрус». Меня назначили их инструктором. 9 ноября 1997 года мы посвятили катанию на горных лыжах, но случилось нечто необычное.

Около 12 часов дня Марина Глухова и Наташа Шайдурова, поднявшись вверх по склону, увидели на снегу отчетливый след ступни примерно пятидесятого или большего размера. Через несколько минут девочки метрах в ста от себя заметили человекообразное существо – примерно 2,5 метра высотой, и шириной в плечах около метра. Кисти рук его свисали до колен. Существо не имело шеи, голова его (яйцеобразная, вытянутая назад и вверх) была как бы насажена на широкий, мощный торс. По внешним признакам это был мужчина. Совершенно голый, тело покрыто шерстью светло-коричневого цвета. Кисти рук, ступни ног и лицо с мощно выступающей челюстью были без волос. Существо сидело и что-то ело, заметив людей, убежало в лес.

Испуганные девочки пришли ко мне. Вместе мы пошли на склон и там увидели два отчетливых больших следа. Контур их не был резким и совершенно отличался как по форме, так и по величине от человеческого. Явственно просматривались очертания большого пальца. Я замерил следы ладонью – они оказались около 40 сантиметров в длину и где-то 18 в ширину.

Чуть позже Марина Глухова, Коля Дрябин и Саша Ключко видели похожее существо, бегущее поперек склона. Передвигалось оно размашисто; руки при этом болтались вдоль тела.

Около 17 часов Олеся Пампуха, Даша Кириенко, Марина Глухова в сгущающихся сумерках заметили стоящее существо, но приняли его за огромный камень. Что ошиблись, поняли лишь тогда, когда камень исчез.

Примерно в это же время Марина Глухова, Саша Сизько, Игорь Орешкин и Саша Ключко видели существо сидящим на камне, а Коля Дрябин, Вика Тю и Света Шерсткина – быстро идущим.

Через два дня, 11 ноября в 18 часов ребята из Чегемского района и их тренер Аджиев в районе горно-лыжного склона слышали странные крики, доносящиеся из лесу. Похожие крики слышали в ночь с 11-го на 12 ноября тренер Людмила Колесникова и девочки из Майского Юля Макарова и Аня Логвинова...

А вот рассказы Рената Камбиева о встречах со «снежным человеком», записанные Э. Ионином:

— Впервые я увидел алмасты, будучи девятилетним мальчиком, когда приехал в селение Каменноостское на каникулы. Июньской ночью двоюродная сестра повела меня в деревянный туалет, находившийся метрах в пятнадцати от дома, на краю усадьбы. Ночь была лунная, все вокруг хорошо видно. Неожиданно сестра остановилась и, поняв, что я продолжаю движение, крепко сжала рукой мое плечо.

Я взглянул в ту сторону, в которую пристально глядела сестра и увидел рядом с туалетом огромное, около двух метров, существо. У него не было шеи как таковой, голова плавно переходила в плечи. Спина – огромная, мускулистая – была покрыта густой шерстью. При свете луны шерсть казалась серого цвета.

Я спросил у сестры: «Кто это?». Но она ничего не ответила, а стала пятиться назад, таща меня за собой. И тут кто-то из нас наступил на железный ковш... Существо мгновенно отреагировало на шум, но не убежало, а стало смотреть в нашу сторону. Тут мы и припустили...

Спустя года четыре, будучи в том же селении Каменноостское, около часа ночи я пошел в коровник, где находились две лошади и несколько коров. Лампочка светила так тускло, что я не сразу заметил огромную фигуру, сидевшую на поильнике для коров, рядом с одной из лошадей. И лишь потом понял, что передо мной то самое существо, которое я видел раньше. Его лицо закрывала голова лошади. Иногда лошадь мотала головой и поворачивала ее в мою сторону. Тогда я мог видеть массивную челюсть и руку, которая, не торопясь, даже несколько меланхолично, заплетала косички на гриве лошади. Я стоял около пяти минут и наблюдал, как на гриве прибавлялось число косичек. Стоял до тех пор, пока существо не начало приподниматься. Лишь тогда быстро кинулся назад в дом...

Со слов тети мне известно, что родной брат моего деда, проживавший все в том же Каменноостском, в пятидесятых годах прошлого века встречался с алмасты. Было это так.

Дед начал замечать, что его конь каждое утро взмылен настолько, словно на нем скакали всю ночь. Так продолжалось около недели. Наконец дед решил проверить, что за странные вещи происходят в кошаре в его отсутствие. Вечером пошел в кошару, взяв с собой ружье, вилы и немного поесть. Лег спать. Около часа ночи проснулся от шума. Оказалось, алмасты, перелезший через изгородь, поймал

коня, вскочил на него и начал гонять по кругу. Так продолжалось целую ночь. Дед не нашел в себе силы прервать скачку.

На следующую ночь он снова пришел в кошару. Точно так же алмасты перелез через ограду, вскочил на коня и поскакал. Дед собрался с духом, вышел из кошары и, подняв вилы наперевес, встал на пути всадника. Алмасты резко остановил коня, пристально посмотрел на смельчака и, оскалив зубы с клыками, громко зарычал. После чего соскочил с коня, перепрыгнул через ограду и исчез в темноте. Утром деда нашли лежащим на земле в полубморочном состоянии. После той встречи он около двух недель болел.

Видел алмасты и родной брат моего деда А. И. Гедгафов, житель Заюково. Как-то потерялся бычок, и Асламурза отправился его искать. Оказался рядом с мельницей, на которой трудился его приятель. Асламурза зашел внутрь, поздоровался с работниками, которые сказали ему, что его приятель внизу поправляет ремни. Дед начал спускаться и увидел чей-то силуэт, на уровне лица выделялись красные глаза. Посчитав, что это и есть приятель, стал с ним разговаривать, но ответа не получал. И в этот момент сверху его позвал знакомый голос. Поднявшись, Асламурза увидел... своего приятеля и удивился: «Я думал — с тобой разговаривал! Кто же там тогда внизу?». И узнал от работников, что это алмасты приходил полакомиться мукой, оставшейся между жерновами.

К этому рассказу нам бы хотелось сделать небольшое дополнение. Дело в том, что Асламурза Гедгафов наш давний автор — он выпустил в издательстве ни много ни мало, а 14 книг! Последние две совсем недавно — в начале 2011 года. Память у Асламурзы Исуфовича великолепная. И вот как он уточнил приведенную выше историю.

Действительно, в поисках бычка он забрел на мельницу, где работал его родственник Темиржан Гедгафов. Раньше тот был табунщиком и как-то встретился с медведем. В схватке победил, но навсегда остался искалеченным — зверь вырвал ему брови, изуродовал лицо, белки глаз налились кровью. Именно поэтому силуэт, который Асламурза увидел на мельнице, он принял за своего родственника. Темиржан же специально поднялся наверх, чтобы не мешать алмасты полакомиться.

«Он тоже человек, — сказал, — с ним по-доброму и он тебя не обидит».

Рассказал нам Асламурза и вовсе удивительную историю. Оказывается, один из жителей Заюково по имени Батырбек даже сожительствовал с самкой алмасты. Об этом многие знали, а некоторые

сельчане подшучивали, спрашивая: «Ну как там твоя алмасты?» На что Батырбек спокойно отвечал: «Женщина она и есть женщина».

Видела неоднократно алмасты, причем альбиноса, и тетя А. И. Гедгафова, Фатимат. Поводился он приходить по вечерам на край их огорода. Придет и стоит выжидает, пока Фатимат не появится из дома. И уходил только тогда, когда она домой заходила. Такие наблюдения вошли у алмасты в привычку, но ни разу он не сделал попытки приблизиться к женщине.

И еще несколько современных свидетельств, почерпнутых из интернетовских сайтов.

Рассказывает Ада Н., жительница деревни Минино:

– Раньше жила в Кабардино-Балкарии. В селе Гунделен одна из хорошо знакомых женщин привела меня к себе домой и сказала, что она мне кое-что покажет, но я должна поклясться под страхом смерти, что никому об этом не расскажу. Она вывела из соседней комнаты странное существо около метра ростом, лохматое, от него исходил сильный запах. Руки и ноги существа были кривые, мордочка светленькая, глаза круглые, красноватые. Существо принялось бегать вокруг меня и «чирикать».

Мне еще раз напомнили о том, что я никому не должна рассказывать об увиденном. Я спросила о том, что это за существо. Хозяйка ответила, что это алмасты. Считается, что та семья, у кого он живет, счастливая. Об этом я, пока жила там, никому не рассказывала.

Рассказывает Елена С.:

– В горах Кабардино-Балкарии встретили одного старика. В разговоре он проговорил случайно: «Есть счастливые семьи, есть несчастные. В счастливых семьях живут друзья».

Я не поняла.

«Не человек, не зверь. Добрый. Живет с тобой, пока в душе мир. Обидишь – уйдет (пропадет). Семья не будет знать счастья в течение семи колен. Алмасты – хороший друг. Найдешь его – всегда будешь счастлив».

И совсем недавний случай, обнародованный одной из республиканских газет: «18-летний житель Псыгансу Залим Болов утверждает, что в последних числах июля в нескольких километрах от своего села видел «снежного человека»:

— Я несколько раз ходил ночами на поля наших арендаторов, расположенные в 8–10 километрах от села. Мы оберегали урожай от кабанов, которые нередко вытаптывают пшеницу. В ту ночь, примерно около 22:30, я сидел с ружьем, чтобы пугать кабанов, на краю пшеничного поля, в 70 метрах от опушки леса. Нас было пятеро, остальные располагались вдоль края поля на расстоянии 25–30 метров друг от друга. Было очень тихо. Я услышал на опушке шорох и треск сучьев. Кто-то из лесу шел в мою сторону. Было темно, но мне показалось, что это человек. Когда он подошел на 8–10 метров, я его отчетливо разглядел. Он был выше двух метров, весь покрыт волосами и имел очень длинные руки. Он шел прямо на меня.

Я встал, направил на него ружье и сказал по-кабардински: «Не подходи ко мне! Я буду стрелять в тебя!»

Он остановился, посмотрел на меня, повернулся и пошел к лесу. Когда он скрылся, я услышал его громкий крик-стон, а затем он стал плакать. Я испугался и пошел туда, где сидели мои друзья.

Музарин Тхашугоев, находившийся ближе всех к Болову, вспоминает, что Залим был очень взволнован: «У него были круглые глаза, и он уговаривал нас пойти домой».

Крик-стон слышали все пятеро сельчан. По их словам, он не подходил ни на один знакомый им звук. Жители Псыгансу считают, что алмасты, по всей вероятности, шел к полю, чтобы полакомиться молодой пшеницей. Между тем в селе вспоминают, что в 50–60-х годах жители Псыгансу не раз рассказывали о встречах с алмасты в окрестностях села»².

А это анонсы сюжетов из программы «Необъяснимо, но факт», прошедшей 19 мая 2005 года по ТНТ. Итак, что нашла экспедиция Сергея Дружко «Кавказский алмасты»: «В Кабардино-Балкарии алмасты иногда крадут людей. Десять лет назад в селе Псыгансу «снежный человек» похитил девушку. Когда Фатима Колгоева пропала, все решили: ее украл жених. По горским обычаям, это считается нормальным. Но через три дня никто не заявил родителям о намерении жениться. Они забили тревогу. Фатима нашлась несколько лет спустя. Работники увидели ее в компании огромного волосатого мужчины и такого же волосатого ребенка. Девушка вырвалась и побежала к людям. Она запрыгнула в их грузовик и умоляла скорей уехать. Увидев, что женщину увозят, йетти еще долго бежал следом, разрывая тишину ужасными криками. Когда девушка отошла от шока, она рассказала, что алмасты ее похитил, заставил жить с ним и родить ребенка.

Так кто же они такие, кабардино-балкарские алмасты?

Известный исследователь таинственных явлений Вадим Чернов приводит несколько версий того, кем являются, откуда приходят или куда уходят «снежные люди». Среди них — предки человека, некое недостающее звено в эволюции; одичавшие современные люди, потомство которых во втором-третьем поколениях чурается цивилизации; представители инопланетной формы жизни; жители парамиров; плод воображения.

И одна из наиболее убедительных — отталкиваемый вид. Согласно этой версии, выдвинутой доктором биологических наук В. Б. Сапуновым, криптозоологом из Санкт-Петербурга, «человечество на заре своего становления столкнулось с реликтовыми гоминоидами (так называемыми *лешими* или *снежными людьми*), которые, так же как и люди, произошли от человека разумного. В результате конкуренции двух близких видов получилось следующее: гоминкиды ушли в глухие места, стали более скрытными, развили свои экстрасенсорные способности, а люди, обладавшие меньшей физической силой, для того чтобы победить в борьбе за выживание, стали создавать орудия труда и охоты, создали сложную систему коллективных взаимоотношений, технику, науку и только так одолели «лесных братьев»³.

Следовательно, «снежные люди» родом с Земли, здесь они были столько, сколько помнят себя люди, следовательно, всегда. Сколько их осталось сегодня конкретно в Кабардино-Балкарии? Вероятнее всего — единицы.

И как ни больно с этим смириться, но сие именно так. И поэтому строчки из стихотворения большого русского поэта Николая Заболоцкого, написанные в 1957 году, до сих пор остаются лишь литературным произведением — свидетельством неувиденного и неслышанного:

Говорят, что в Гималаях где-то,
Выше храмов и монастырей,
Он живет, неведомый для света,
Первобытный выкормыш зверей.
Безмятежный, белый и косматый,
Он порой спускается с высот,
И танцует, словно бесноватый,
И в снежки играет у ворот.
Но когда буддийские монахи
Со стены завоют на трубе,
Он бежит в смятении и страхе
В горное убежище к себе.
Если эти рассказы не бредни,

Значит, в наш всеведающий век
Существует все-таки последний
Полузверь и получеловек.
Ум его, как видим, необширен,
И приют заоблачный суров,
И ни школ, ни пагод, ни кумирен
Не имеет этот зверолов.
В горные упрятан катакомбы,
Он и знать не знает, что под ним
Громоздятся атомные бомбы,
Верные хозяевам своим.
Никогда их тайны не откроет
Гималайский этот троглодит,
Даже, если, словно астероид,
Весь пылая, в бездну полетит.
Но пока над свежими следами
Ламы причитают и поют,
И пока, расставленные в храме,
Барабаны бешеные бьют,
И пока тысячелетний Будда
Ворожит над собственным пупом,
Он себя сравнительно не худо
Чувствует в убежище своем.
Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименья
Произносит, громко хохоча⁴.

Жанна Кофман, отдавшая поиску гоминоидов долгие десятилетия, так и не встретила с алмасты лицом к лицу. Но жизнь продолжается. Продолжается, верится, и для «снежного человека». А значит эта встреча обязательно состоится. И одной тайной на земле станет меньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Быкова М. Легенда для взрослых. М., 1990. С. 49–51.

² Гусейнов О. В Псыгансу снова вспомнили о снежном человеке // Газета Юга. 2003. 21 авг.

³ Сапунов В. Леший: экология, физиология, генетика. СПб., 1996. С. 10–17.

⁴ Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы». М.; Л., 1965.

ИЗ КНИГИ БОРИСА ПОРШНЕВА «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О РЕЛИКТОВЫХ ГОМИНОИДАХ»¹

...Особенно большой интерес для обзора и предварительных выводов представляют весьма обильные, в высшей степени конкретные и продолжающие непрерывно поступать сведения из Кабардино-Балкарской АССР. Первую попытку обобщить и проанализировать эти сведения сделал краевед П. П. Болычев (г. Нальчик), как в форме заявления в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке», так и в форме статьи «Алмэсты», которая была опубликована в нальчикской газете. В течение 23 лет занятий историей и фольклором Кабардино-Балкарии П. П. Болычев до самого недавнего времени считал рассказы об «алмасты» («алмастын») чисто легендарным сюжетом, подобным сказкам о ведьмах, и не придавал им большого значения. В конце концов он принужден был склониться к мнению, что «алмасты» — действительные человекоподобные существа, дикие, пугливые, избегающие и боящиеся человека, ведущие ночной образ жизни. Важным доказательством реальности «алмасты», по мнению П. П. Болычева, является то, что в той части КБАССР, где он в основном производил сбор сведений, об «алмасты» больше ничего не слышно после 1942–1943 годов, когда через эти места дважды прокатился фронт. Возможно, замечает П. П. Болычев, что гром орудий и прохождение армий заставили последние экземпляры этих существ переселиться в какие-то другие районы.

Вот как резюмирует П. П. Болычев сущность десятков собранных им рассказов. «Алмасты» — это не имеющие человеческого разума дикие люди или, может быть, человекоподобные обезьяны. Жили они в лесистой горной части Кабарды и Балкарии. Специальных логовищ они не имели, их встречали в заброшенных саклях и пастушеских хижинах на высокогорных пастбищах. Некоторые видели, что они ели початки кукурузы, лук, морковь, а в лесах Кабарды с весны появляется много съедобных растений: летом — ягоды, осенью — дикие фрукты и орехи; один старик утверждал, что «алмасты» добывают и употребляют в пищу зайцев. «Алмасты» не имели никакой одежды. Их тело густо покрыто волосами черного или бурого цвета, за исключением грудей у самок, тоже черных, оттянутых книзу, болтающихся при беге. На голове длинные жесткие развевающиеся волосы. Утверждают, что глаза у них имеют красный оттенок. Передвигаются «алмасты» на ногах, как и люди, причем очень быстро, даже на лошади их не догнать. Лошади боятся, а собаки ненавидят «алмасты».

В нескольких сообщениях упоминается, что собаки выгоняли их из кустов и, издавая нечленораздельные вопли, они убегали. Самки бегут, прижимая к груди своих детенышей. «Алмасты» ведут ночной образ жизни и днем появляются только в том случае, когда их вспугнут из убежища, где они скрывались.

П. П. Болычев приводит и некоторые отдельные рассказы. Один кабардинец, отец Мухарби Табухова, однажды, работая в лесу, под вечер развел костер, а затем пошел в аул и лишь по дороге вспомнил что-то и вернулся. У догорающего костра он увидел нескольких «алмасты», сидевших на корточках кругом огня; заметив человека, они вскочили и скрылись. Согласно записанному рассказу Сурат Нагоевой, ее родственник, прячась от ливня на Зольских пастбищах, залез в небольшую пещеру и столкнулся здесь со скрывавшимся «алмасты». Согласно записанному рассказу Нуши Барамкуловой, она в детстве, пойдя с подругой за водой к роднику, встретила там самку «алмасты», которая убежала в кусты, а девочки с плачем прибежали к себе в селение Шалушка.

П. П. Болычев вносит предложения об организации широких сборов среди населения конкретных сведений об «алмасты» и, в случае обнаружения хоть немногих живых экземпляров, о создании заповедника для защиты их от окончательного вымирания. Он подчеркивает, что сбор сведений в Кабардино-Балкарии — дело не простое, так как из-за каких-то верований «старики не всегда охотно рассказывают посторонним о таких вещах» (ИМ. III. № 121; Советская молодежь. Нальчик, 1959. 27 сент.).

Из других собирателей опросных данных об «алмасты» в Кабардино-Балкарии необходимо в первую очередь отметить Р. Д. Варквасова (данные преимущественно по Лескенскому району), Х. Г. Тхагапсоева (данные преимущественно по Баксанскому району), Ю. Н. Ерижикова (г. Нальчик).

Вот кое-что из опросных данных, сообщенных Р. Д. Варквасовым. В 1956 году возле пещеры в местности, называемой Кардахурт, несколько ребят были испуганы существом, которое одни называли «губгана» («полевая старуха»), другие — «алмасты», но описания их совпадают: ростом с человека среднего роста, сутуловата, безволосое человеческое лицо, длинные волосы спускаются до плеч, тело покрыто красновато-бурыми волосами. Летом 1957 года километра на два выше того же места проезжавший на арбе колхозник Афаунов, по его словам, видел «алмасты» в долине одной безымянной речки, в тридцати шагах от себя, его описание внешности «алмасты» совпадает с вышеприведенным. По словам Галима Евгажукова из поселка Кызбурун, он видел в 1936–1938 годах многих «алмасты» мужского и женского пола, очень высоких ростом, в Тызыле — местности в западной части Кабарды. Они обитают там, как он утверждает, в многочисленных пещерах, но когда колхозные стада занимают окрестности этих пещер, «алмасты» покидают Тызыл и

переходят в Кинжал и Татлахуко; поэтому в этих очень больших и глубоких пещерах их лучше всего искать с мая до середины июня. Впервые, как рассказывает Галим Евгажуков, он увидел «алмасты» женского пола еще когда был мальчиком: он подошел к ней вплотную, когда она сидела, видел, что она чесала волосы пятерней, что грудь была перекинута через плечо; один старик объяснил ему в ответ на его рассказ, что это «алмасты», а грудь перекинута потому, что они так кормят своих детенышей — грудь длинная и неудобно кормить спереди. А в последний раз за свою жизнь этот рассказчик видел «алмасты» в 1947 году: тот был стар, с седыми волосами, подошел к колхозному полевому стану и его видели несколько колхозников; как оказалось, это был полуприрученный «алмасты» — жившая постоянно на этом полевом стане сторожиха подкармливала его остатками пищи. Такие «алмасты», говорит рассказчик, менее боятся людей, хотя, конечно, группу людей избегают, а собак боятся очень сильно; «членораздельной речью они не владеют, но издают звук, похожий на человеческое мычание; сильные бегуны».

Юсуп Арутюнов, 35 лет, собрал в своем родном селе Жемтала многочисленные рассказы об обитании «алмасов» в близлежащей дикой местности, причем говорят, что до войны они там были не редкостью, но после войны уже мало кто видел их. Рашид Ишбухов, 22 года, в 1954 году, ворюя яблоки в чужом саду, столкнулся лицом к лицу с «алмасты», который якобы жил, прирученный и подкармливаемый, у семьи хозяина сада. Тафун Шибзухов, пася ночью лошадей, пытался поймать верхом на лошади подошедшего к шалашу «алмаса», но не смог его одолеть, так как он очень сильный. Старик ста с лишним лет Бекир Озирупов утверждает, что однажды ночью он настиг запутавшегося в дерновом кустарнике и упавшего «алмаса», которого он с любопытством рассматривал, зажигая одну за другой спички, причем тот всякий раз визжал и плакал. «Вижу: человек не человек, медведь не медведь, а все тело покрыто черными волосами». Талиб Балкаров, 40 лет, колхозный чабан, как говорят, видел недавно днем «алмасты» с детенышем в руках на горе Шиблоана, недалеко от поселка Лескен. Наиб Каров из поселка Аргудан, заехав на арбе на заброшенный пустующий полевой стан, в одном из помещений, по его словам, встретился лицом к лицу с «алмасты»; в окрестностях этого стана якобы и многие другие тоже встречали «алмасты». В долине реки Шекер один рассказчик якобы пытался догнать скрывшегося в глубокое ущелье «алмасты», другой якобы видел купающегося «алмасты».

Р. Д. Варквасов, приводя эти и иные записи, подчеркивает, что в народе верят в подлинность этих сведений, подчеркивают, что до войны такие человекообразные животные были не редкостью. Считается вероятным, что зимой они переходили куда-то в более теплые места, потому что все встречи происходили весной или летом. Список мест, где,

по собранному данным, встречали «алмасты»: ущелья рек Шекер, Черек, Урух, урочище Карзахурт, Кетмен, Бузаженко, окрестности селений Жемтала, Аргудан, Кызбурун. По народным рассказам, питаются «алмасты», живущие в горах, всевозможными мелкими зверями, дикими яблоками, грушами, орехами и т. д., а «алмасты», держащиеся около населенных пунктов, — фруктами, кукурузой, хлебом, сыром, сырым и вареным мясом, если им удастся что-либо из этого украсть у людей. Алмасты, по рассказам, очень чутки, могут убежать от собаки и лошади, из чего делается вывод, что они могут догнать любого зверя. Подчеркивается, что они сильно воняют — потом или чем-либо другим, но во всяком случае очень неприятно. Сообщаются сведения об отдельных семьях, которые втайне содержат прирученного «алмасты» или которые приучили «алмасты» приходить по ночам за пищей, однако это подкармливание или приручение всегда хранится почему-то в величайшем секрете от окружающих (ИМ. II. № 70; Рукописные сообщения Р. Д. Варквасова // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Приведем кое-что из записей Х. Г. Тхагапсоева. Он подчеркивает разницу между рассказами о фантастических сверхъестественных существах, способных делаться невидимыми и т. п., и сообщениями об «алмасты», которые внушают страх не какими-нибудь магическими своими свойствами, а своим сходством с человеческим обликом и в то же время уродливостью.

«Разводить огонь «алмас», видимо, не умеет, — пишет Х. Г. Тхагапсоев, — но в отличие от зверей он не боится его: старики, некогда бывшие пастухами, утверждают, что с ними нередко случалось, что к разведенному ими костру иной раз подходил греться какой-нибудь «алмас», и бедный пастух вынужден бывал в мучительном страхе терпеть не очень приятное соседство... Автору этих строк была рассказана одним стариком, Цаговым, весьма любопытная история, из которой явствовало, что его отцом-охотником был пойман «алмас» и даже, будучи приручен, выполнял простейшие трудовые операции». Но записаны не только воспоминания о далеких временах, а и утверждения многочисленных «очевидцев» о том, что они совсем недавно «были насмерть перепуганы» встречей с «алмасты» в урочище Псыншоко (Прималкинского района) или же в зарослях Гедукинского заповедника.

Весьма конкретно рассказывает колхозник Х. Н. Ахметов, как в 1918 году в районе Псыариша они с товарищем, ночуя в старом сарайчике на пастбище и оставив в углу на всю ночь тлеющий костер, проснувшись, увидели незнакомца, который показался им одетым в бурку, так как был весь волосат, рост имел выше человеческого, а «руки у него болтались до самых колен». На оклик пришелец лишь промычал что-то непонятное, затем встал и удалился, а когда за ним погнались собаки, он со страшным криком бежал от них. Группу колхозников, ночевавших на сенокосе в заброшенном

сарайчике, несколько ночей подряд кто-то забрасывал комьями земли и камешками, пока однажды парни не столкнулись со стоявшим у самого сарайчика «алмасты», который быстро скрылся в зарослях.

На вопрос, уходят ли «алмасты» зимой на другую сторону гор, одни отвечают положительно, по мнению же других, они остаются здесь же, скрываясь около незамерзающих болот, в заброшенных сараях и т. д.

Обобщая собранные данные о внешности «алмасты», Х. Г. Тхагапсоев пишет: «Конечности длинные, тело напоминает горбатого человека, шея толстая и короткая, все тело покрыто волосами (но не шерстью!), лицо же — в меньшей степени, мощные челюсти и крупные зубы; многие отмечают, что садится «алмасты» большей частью на корточки... По словам колхозника А. Бекулова (Чегемский район), он наблюдал, как «алмасты» перелезает через забор: сначала подтягивался на руках, а затем перебрасывал задние конечности». Особи мужского и женского пола имеют резко выраженные внешние различия: у женских особей меньший рост, очень длинные волосы на голове, женская фигура, развитые грудные железы. Ряд кабардинцев независимо друг от друга утверждают, что видели детенышей «алмасты».

«Никому не удалось видеть искусственных пещер или землянок, которые могли бы принадлежать «алмасты», зато нередки случаи, когда их видели в заброшенных сараях, в одиноких и удаленных от населенных пунктов юртах, в зарослях камыша; видимо, они не способны сооружать жилища. По свидетельству многих лиц, питаются «алмасты» растительной пищей, бывали случаи нападения их на бахчи. Существует единодушное мнение, что алмасты не хищны, то есть не нападают ни на скот, ни на людей, с тем чтобы сделать их своей добычей. Их действия носят оборонительный характер. От преследования скрываются быстро, вообще способны очень быстро передвигаться».

Наконец, в опросных данных Х. Г. Тхагапсоева еще яснее, чем у кого-либо, выступает своеобразная роль мусульманских суеверий по отношению к «алмасты»: считают, что убивший «алмаса» или обидевший его не избежит «Божьей кары», по словам некоторых местных жителей, «старики чтят «алмасов» и готовы оказать им любые услуги, в надежде, что Бог вознаградит их на том свете; и «алмаасы» находят среди них своих кормильцев и укрывателей на зимнее время» (ИМ. II. № 71; Рукописные сообщения Х. Г. Тхагапсоева // Архив комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Три любопытные записи присланы Ю. Н. Ерижиковым. По словам Х. К. Гетежева, в 1919 году он был свидетелем того, как вооруженные чем попало люди сбежались к лесу и с криком избивали лежавшую на земле покрытую черными волосами очень страшную на вид «женщину», на вид лет 45–50; ему сказали, что это существо забралось в один дом и бросило в кипящую барду девочку семи лет. В 1926 году тот же информатор, по

его словам, в старом загоне для скота далеко в поле заметил в дальнем углу похожее на человека темное существо. Через день с ним поехал туда старший брат, захватив хлеба и сыру, и, войдя в загон, стал кого-то громко уговаривать уходить в заросли и больше не появляться здесь.

«Но ему никто не отвечал, лишь, хорошо прислушавшись, можно было разобрать, что кто-то беспрерывно бубнит низким, глуховатым голосом. После этого в дверях показался брат, а за ним следовало какое-то существо. Это была очень страшная, покрытая волосами женщина. У нее были красноватые глаза. Фигура была низкая, коренастая, ноги короткие и кривые. Голова была покрыта густыми черными волосами, в беспорядке лежавшими на широких плечах, а с груди свисали сильно развитые молочные железы. Она шла не торопясь, что-то бубня себе под нос. Одной рукой она вела своего детеныша, которому было примерно год или два, а в другой руке держала привезенные братом подарки. Не переставая бубнить, она скрылась в густых зарослях».

Третий случай произошел в верховьях реки Нальчик, в месте слияния Большого и Малого Нальчика, в июле 1951 года. По рассказу Г. Е. Тохова, в безлюдном ущелье он подошел к заброшенному дому, принадлежавшему прежде, по-видимому, балкарцам. В одной из поросших травой комнат спиной к дверному проему сидело какое-то темное существо.

«Я знал из рассказов стариков, что есть какое-то существо «алмастын», и догадывался, что встретил не что иное, как «алмастын». Сначала я хотел подойти к этому существу, потом, побоявшись, передумал. Обойдя строение, я нашел какое-то отверстие, заглянул в него, и вот что я увидел. Прямо напротив меня в углу сидело существо, своей посадкой напоминающее человека, обхватив руками ноги и опустив голову на колени. Видно, услышав шорох моих шагов, оно приподняло голову и начало прислушиваться, потом, опершись о землю своими руками, оно приподняло свое тело. Теперь я мог хорошо разглядеть его. Тело было покрыто мелкой шерстью, а с головы свисали черные густые волосы, доходявшие до пояса. Глаза были большие и красные. Плечи были широкие не по росту (рост примерно 1,8 м), руки длинные и, по-видимому, цепкие. Ноги были короче туловища и кривые. Это было существо женского пола, ее молочные железы свисали почти до пояса». Услышав шум, произведенный лошадью, существо еще более насторожилось, а испуганный наблюдатель вскочил на лошадь и ускакал (Сообщение Ю. Н. Ерижикова // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Приведенные показания ни в чем существенном не противоречат друг другу и в то же время удивительно многообразны. Они как бы раскрывают все новые и новые оттенки поведения и облика данного человекообразного существа, что едва ли бывает с каким-нибудь мифологическим образом. Приведем еще письмо Б. М. Табухова из Лескенского

района, описывающее нападение на него такого существа в середине сентября 1959 года. Он вез на подводе дрова из лесу, переехал вброд речку Шекер и объезжал находившийся на пути небольшой курган. В этот момент никогда не виданное им раньше существо, которое он готов назвать «обезьяной» или «алмасты», подошло к коням и, как ему показалось, попыталось изменить направление подводы. Когда рассказчик оказал сопротивление этому существу, оно укусило его в плечо, но, получив сильный удар дубиной, издало нечленораздельные звуки и ушло в лес. За короткое время встречи рассказчик заметил следующее: тело этого существа было покрыто темно-коричневой шерстью длиной 3–4 см; рост выше среднего, примерно 190 см; стоял немного согнувшись; пальцы на руках толстые; лицо тоже имело волосяной покров, рот по отношению к общему размеру головы был очень широк, нос недлинный, порядка 6–7 см, глаза имели красноватый цвет, ничего не выражающий взгляд, большие широкие ступни (Сообщение Б. М. Табухова // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Преподаватель Аргуданской школы Кузьменко записал показание жительницы аула Аргудан (Лескенский район) Кушховой. Лет 30 назад в этом самом ауле Аргудан, выйдя зимним холодным утром, подошла к находившейся неподалеку от сакли глубокой яме для отбросов.

«Взглянув в яму, я вскрикнула от испуга. В яме на корточках сидела голая, вся заросшая густыми волосами женщина; на руках у нее был такой же волосатый маленький ребенок, и женщина пыталась завернуть его в обрывок грязной тряпки, выброшенной в яму».

Решив, что это шайтан, Кушхова, чтобы откупиться от него, бросила волосатой женщине старое одеяло. Волосатая женщина, прижав своего ребенка, убежала большими прыжками (Сообщение Кушховой // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Работник совхоза «Уркутин» Баксанского района КБАССР Талунев, утверждая в своем письме, что в Кабарде все люди от мала до велика без исключения знают о существовании «алмасты», далее перечисляет тех жителей селения Куба-Таба, которые лично наблюдали это существо, а также нескольких жителей соседних селений, которые могут, как он говорит, хоть под присягой заверить существование в этих краях реальных «алмасты». Всего названо двенадцать человек. Например, Хамид Синташев, 50 лет, лет 20–25 назад видел девушку-«алмасты», которую поймали в саду, когда она приходила за яблоками, продержали ночь в пустой комнате, а утром выпустили; «речью человеческой она, конечно, не владела, плакала, скулила». Хамид Паштов, 50 лет, в 1953 году приехав к стогу за сеном, видел старуху-«алмасты», сидевшую в сене. Мухамед Карданов, 25 лет, в 1952 году встретился с «алмасты» в кукурузном поле на расстоянии каких-нибудь 2–3 метров. Авес Тенгизов, будучи сторожем на сельской мельнице в селении Куба, в 1953 году, в декабре, услы-

шал на втором этаже мельницы шорох и, поднявшись, увидел «алмасты», который пригоршней ел зерна кукурузы и стремительно убежал от крика сторожа. Он же летом 1954 года, идя из селения Куба в селение Малка, наткнулся на кукурузном поле на двух детей «алмасты»: один из них спал, а другой что-то ел. «Надо сказать, — прибавляет автор письма Талунев, — что сейчас стало значительно труднее встретить алмасты, но летом это не безнадежно, так как они спускаются сюда в долину из-за того, что здесь им легче просуществовать. Питаются они летом в основном кукурузой и фруктами» (Сообщение Талунева // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Следует, наконец, упомянуть совсем недавние сведения, сообщенные нам госохотинспектором (г. Махачкала) В. К. Леонтьевым и преподавателем зоологии Кабардино-Балкарского университета (г. Нальчик) А. К. Темботовым о многочисленных наблюдениях «алмасты», сделанных жителями Кабардино-Балкарии летом 1959 года, в том числе в долине реки Малка.

Весьма любопытный рассказ передал научный сотрудник Высокогорного геофизического института АН СССР на Эльбрусе Аульдин Эльмесов со слов своего дяди Магила Эльмесова. В 1938–1939 годах, когда этот случай произошел, Магил Эльмесов работал колхозным табунщиком в селении Кызбурун-2. Каждое лето в июне-июле он поднимался по долине Баксана с колхозным скотом, обычно с лошадьми, на Приэльбрусские пастбища. Каждое лето в долину реки Малки привозил свою пасеку и один русский пчеловод из села Новоивановка близ Нальчика. В то лето, едва Магил Эльмесов зашел навестить его, как пасечник сообщил, что всего дней семь назад его младший брат (может быть, сын) подстрелил какое-то существо, очень похожее на человека, должно быть сатану. И пасечник повел Магила Эльмесова в кусты, метрах в 150 от его палатки, где лежал этот мертвый, скорченный «сатана». То, что Магил увидел, он запомнил на всю жизнь: уже разложившийся труп существа, очень похожего на человека: волосатое тело; вытянутое, как у собаки, лицо, несоразмерно туловищу длинные конечности. Он запомнил еще, что на ладонях волос не было. На ногах были очень длинные пальцы. Магил Эльмесов сразу понял, что это был «алмасты», о котором он не раз слышал.

Как же было убито это существо? С некоторых пор из шалаша пасечника по ночам стали исчезать продукты, в то время когда сам он спал под открытым небом, на вышке. Бывали даже вылизаны все тарелки и сковородки. Оставив подежурить два-три дня знакомого кабардинца, пасечник поехал домой за младшим братом, хорошим стрелком. Встретивший их перепуганный кабардинец подтвердил, что кто-то по ночам приходил в шалаш. Брат залег в шалаше, и полночь раздался выстрел дуплетом: брат сказал подбежавшему пасечнику, что когда «сатана» сунулся в шалаш, он в него выстрелил. Едва рассвело, они увидели возле шалаша

следы крови, которые вели в кусты. Пойдя по следу, метрах в 150 наткнулись на мертвого, скрюченного «алмасты», которому обе пули попали в живот (Записано Ю. А. Зерчаниновым 10 февраля 1961 г.).

Перейдем теперь к сжатому изложению отчета о рекогносцировочной поездке профессора А. А. Машковцева в Кабардино-Балкарию летом 1960 года. Базируясь на селение Баксаненок Баксанского района, А. А. Машковцев провел обширную опросную работу в ряде соседних селений и разметил ландшафтно-зоологические маршруты.

Прежде всего, А. А. Машковцев старался выяснить отношение широкой массы сельского населения к расспросам об «алмасты». К его удивлению, дети и женщины запросто указывали на какие-нибудь заросли кустарников около селения или на приусадебные участки, где появлялись «алмасты», и группа женщин даже просила помочь спугнуть с их участков поселившегося «алмасты», поедающего поспевшие фрукты и кукурузу. Беседуя с кабардинцами, мужчинами среднего и пожилого возраста, А. А. Машковцев вставлял в разговор осторожный вопрос: не являются ли все рассказы об «алмасты» плодом суеверия, чем-то вроде веры в черта. На этот вопрос неизменно следовал одинаковый ответ: черт — это бесплотный живой дух, а «алмасты» — материальные существа, есть «алмасты» женского пола и мужского, от их сожителства рождаются дети, они постепенно стареют, седеют, они умирают от старости и болезни. Не раз были случаи, что собаки чабанов догоняли и насмерть загрызали «алмасты». В старину «алмасты» встречались чаще, были случаи, что их приручали и они по несколько лет жили в кабардинских семьях, выполняя самые несложные работы. Были якобы случаи половой связи «алмасты» мужского пола с одинокими кабардинками, а одиноких кабардинцев — с «алмасты» женского пола. Со времени установления советской власти, говорили жители А. А. Машковцеву, особенно после ликвидации единоличных хуторских хозяйств и организации колхозов, после интенсивной вырубки равнинных лесов, распашки целинной кустарниковой степи, вместе с исчезновением в лесостепной, равнинной части Кабарды диких копытных зверей, резко стало уменьшаться и количество «алмасты». Однако, говорили кабардинцы, на окрестных землях все же ежегодно случаются встречи с «алмасты». К востоку, где сохранилось больше равнинных лесов, их видят чаще, чем в западной части Кабарды. В общем, все сельское население, по крайней мере в обследованных аулах Кабарды (Баксаненок, Псыншоко, Куркужин, Нартан) уверено в существовании здесь человекоподобных существ, тело которых сплошь покрыто темными волосами — «алмасты». Речью они не обладают и никакими орудиями не пользуются, но умеют бросать палки, комки земли, камни. На людей эти существа нападают чрезвычайно редко, в особенности миролюбивы и даже проявляют склонность к общению с человеком особи женского пола. По рассказам кабардинцев, они чаще всего встречают «алмасты»

на колхозных полях и приусадебных участках. В полях в летнее время «алмасты» попадают около полевых станов, где готовится пища и бывают отбросы, или около загонов, где живут полевые сторожа. На основе рассказов А. А. Машковцев высказывает предположение, что люди подкармливают «алмасты» остатками своей пищи и что это поощряется мусульманским духовенством.

Кабардинец Х. К. Гетежев, рассказывавший о том, как его брат вывел из овчарни волосатую женщину («губганана», как называют подчас «алмасты» женского рода) с волосатым детенышем (см. выше), добавил, что в том же году к его шалашу на кукурузном поле несколько раз приходила за остатками пищи та же самая полевая дикая женщина; «людей она не очень боялась, но, видимо, из осторожности обычно появлялась, когда я оставался один». Потом она внезапно перестала появляться.

Х. Г. Гутова указала место на пустыре между усадьбами, заросшее бурьяном, где в 1957 году она увидела в яме черное, волосатое, человекообразное существо. Соседи добавляют, что в этом же бурьяне они видели самку «алмасты» с ребенком летом 1960 года, незадолго до беседы.

Старик Хизир Губашев, 80 лет, селение Баксаненок, сказал, что он пас скот на горных пастбищах 20 лет и только один раз за это время там был встречен «алмасты», зато в равнинной части он лично дважды в жизни встретил «алмасты» — в 1936-м и 1958 году: «Как-то утром я пошел на речку, окруженную зарослями камыша и непролазных кустарников, и вдруг увидел «алмасты»: это был высокого роста дикий человек, тело которого было сплошь покрыто черными волосами. Это был мужчина. Я его видел очень близко, шагах в 15–20, и заметил, что его глаза удлиненные и поставлены косо, как у китайцев. Пальцы на руках толстые». Но Губашев добавил, что он мало смотрел на «алмасты», так как люди от этого болеют, и сам он все-таки проболел после встречи 3–4 месяца. Губашев рассказал, что несколько лет тому назад в лесу Карагач, который расположен рядом с полевым станом в урочище Псыариша, чабанские собаки поймали и задушили «алмасты», где его труп и лежал долго, пока не истлел. Несмотря на этот полный реализм, Губашев трактует «алмасты» как принадлежащих к племени джиннов (бесов), наказанных Аллахом за тяжкие провинности тем, что они свергнуты на землю, стали смертными и получили отвратительную внешность, походя одновременно как на зверя, так и на человека.

Старик Хамид Ахметов, 70 лет, рассказал, что в 1952 году, выйдя рано утром из полевой сторожки на колхозном поле, он увидел на влажной земле следы двух детенышей «алмасты», подходивших из кукурузы к самой сторожке. Через два года какие-то «алмасты» бросали куски земли в ночевавших в сарайчике во время сенокоса колхозников, один «алмасты» был замечен, но, по мнению Ахметова, кидали землю те же два детеныша. По этому поводу А. А. Машковцев замечает, что, если это верно, то

в окрестностях селения Баксаненок в настоящее время живет по крайней мере одна семья «алмасты», состоящая из отца, матери и какого-то количества детей разного возраста, которая, возможно, охраняется кабардинцами этого огромного селения, насчитывающего около 5 тысяч жителей.

Из других рассказов Ахметова отметим лишь одну деталь: когда одного подсевшего ночью к очагу «алмасты» на рассвете гнали собаки, «он бежал, а руки его болтались ниже его колен».

Елена Григорьевна Алексанова (63 года, русская, жена кабардинца-колхозника, селение Псыншоко) рассказала, что в июне 1959 года около 11 часов утра она на своем участке услышала мяукающие звуки и нашла среди кустов картошки сидевшего на корточках ребенка приблизительно 6–7-летнего возраста. Все его тело было покрыто черными волосами, волосы на голове были всклокоченные, как бы слегка курчавые, лицо было человеческое, но кожа лица — совершенно черная. Как оказалось, этого «алмастенка» гнали по огородам собаки, и, видимо, увидав женщину, он искал у нее спасения; пока она ходила за мужем, детеныш скрылся в бурьяне позади огорода. Е. Алексанова добавила, что ежегодно в период полевых работ она слышит от кабардинцев и кабардинок о встречах «алмасты» то в лесу, то в кукурузе, то в кустарниках. Но, как доверительно сообщила А. А. Машковцеву колхозница Марят Алхасова, в 1957 году к их соседу в усадьбу регулярно приходил «алмасты», которого тот кормил, однако всячески скрывал это от всех жителей селения и, конечно, ничего не расскажет приезжему.

Объездчик Гедукинского заповедника Салим Загаштуков рассказал, что в 1946 году, в июле, он оставил в небольшом заброшенном домике на лугу свою мамалыгу и ушел косить траву, а вернувшись, застал в домике «алмасты», доедавшего мамалыгу, который выскочил и убежал в лес. Тем же летом он вторично встретил этого «алмасты» в лесу, но с тех пор более не встречал.

Вот что рассказал заведующий свинофермой Нашир Панжиков. В 1958 году видели «алмасты» возле старого свинарника, летом 1959 года был встречен «алмасты» очень высокого роста в Чегемском лесу (на реке Чегем). Тем же летом 1959 года на горных пастбищах в районе гор Инал и Кинжал в урочище Домбей-Кермен разыгралась трагедия. Два пастуха-ко-невода увидели, как какой-то зверь с пастбища спустился в лесистое ущелье. Один из пастухов побежал с ружьем в том направлении, вскоре раздался страшный крик, на помощь бросился второй с ружьем. Оба не вернулись к табунам. Только через два дня были найдены их страшные изуродованные трупы с оторванными руками и головами; стволы ружей были погнуты. Нашир Панжиков с основанием утверждает, что официально признанный виновником медведь никогда не расправляется так с жертвами. Нашир Панжиков окончил десятилетку, знает зоологию.

«Думаю, — говорит он, — что пастухов убил огромный дикий горный человек, что-то вроде гориллы. У нас — добавил он, — кроме совершенно неопасных, безобидных «алмасты», в горах и диких ущельях встречаются еще гориллоподобные страшно свирепые горные дикие люди».

Однако другие рассказчики дают то же название «алмасты» этим существам очень большого роста (гораздо выше самых высоких людей), они очень похожи на людей, но их тело сплошь покрыто черными волосами, они издают сильный, острый, неприятный запах. От людей они спасаются с такой быстротой, что и собаки их догнать не могут. Интересно, что место обитания этих «алмасты» приурочивается к районам, прилегающим к горам Инал и Кинжал. А. А. Машковцев слышал от ряда информаторов, что в этих местах в пещерах обитают «алмасты», которых пастухи из селения Куркужин и ветеринарный врач Бетал Кумыков ежегодно видят, когда летом пасут в этих местах колхозный скот. Ветеринарный врач Кумыков сделал наблюдение, что чаще всего «алмасты» встречаются на этих горных пастбищах в период выжеребки кобыл, последние которых они поедают.

По утверждению нескольких жителей селения Кызбурун-2, около колхозного полевого стана в течение 15 лет жила пара старых, уже поседевших «алмасты». Они не очень боялись людей, но очень боялись собак. Жившая постоянно на этом полевом стане сторожиха кормила этих «алмасты» остатками пищи, которую она варила для колхозников во время летних полевых работ. Они не обладали членораздельной речью, а издавали звуки, похожие на мычанье.

Р. Д. Варкасовым записано сообщение Хамила Тленкопачева. В 1937 году в пионерском лагере, где он был секретарем комсомольской организации, кто-то ночью похитил мясо из котла, на следующую ночь поставили сторожа, в полночь он заметил на территории лагеря человекообразное существо, у которого были очень длинные руки, узкие плечи и удлиненная голова. Сторож поднял тревогу, все бросились за «алмасты», но поймать его не удалось, его угнали от лагеря собаки.

Житель селения Баксаненок молодой кабардинский поэт Х. А. Шублаков в конце октября 1957 года, бродя в районе Псеариша, заметил следы ребенка, очевидно детеныша «алмасты», на полузамерзшей болотистой почве около степной речки.

Преподаватель агрономии средней школы селения Баксаненок Апон Георгиевич Тетцов, осетин, рассказал А. А. Машковцеву 31 июля 1960 года о событии, происшедшем за два дня до того, ночью 29 июля, на полевом стане № 2, где он провел двое суток с бригадой учеников старших классов. Когда легли спать, собаки полевого стана лаяли на кого-то в стороне кукурузного поля и были долго возбуждены. Часа в два ночи галопом примчалась кем-то напуганная на лугу лошадь полевого сторожа. Затем раздались тревожные крики из домика, где спали девушки. Одна из них,

Л. Заракушева, рассказала: она спала у порога, проснулась от шороха, разбудила подругу, обе с ужасом из-под одеяла смотрели на человекообразное существо, которое подошло к дверям и смотрело на спящих. Это был огромного роста и очень широкоплечий «алмасты», немного постояв, он опустился на корточки, продолжая рассматривать спящих. Услышав голос агронома, кричавшего на перепуганную лошадь, «алмасты» медленно, не торопясь встал на ноги и вышел из домика. Наутро агроном А. Г. Тетцоев расспросил полевого сторожа, ответившего, что около полевого стана № 2 где-то в кукурузе или в конопле каждое лето живет «алмасты», который в течение этого (1960) года вот уже третий раз приходит на полевой стан, к домику.

А. А. Машковцев 4 августа 1960 года посетил этот полевой стан, беседовал со сторожем и с двумя поварами, которые варят пищу для колхозников. Сторож сказал, что, переночевав несколько дней на полевом стане, приезжие, может быть, и увидят «алмасты». Но поварами принялись укорять прибывших за то, что они охотятся, ищут, хотят поймать «алмасты», пугая, что делать этого не надо во избежание несчастья. У А. А. Машковцева осталось впечатление, что поварами эти кормят проходящих на полевой стан № 2 «алмасты», может быть целую семью; по словам жителей селения Баксаненок, женщины-колхозницы каждый год встречают «алмасты» около этого полевого стана № 2.

В селении Нартан на реке Нальчик со слов колхозника Бекулова записано следующее происшествие. Летом 1959 года молодой кабардинец где-то в лесу поймал маленькую девочку-«алмасты» лет 7–8. Жители сбегались к околице, где он держал за руку дикую лесную девочку, одной рукой закрывавшую лицо. Сбежавшиеся кабардинцы приказали парню немедленно отвести ее в тот лес, где она была поймана, и отпустить на волю, во избежание несчастий, которые в противном случае неизбежно обрушатся на селение. По той же причине оказалось невозможным продолжить опрос жителей. Сам Бекулов не хотел продолжать беседу об «алмасты», так как, по разъяснению его дочери, считает, что после того, как он столкнулся в каком-то сарае, в поле, с «алмасты» и, испугавшись, ударил его вилами, в семье начались разные несчастья.

А. А. Машковцев приводит убедительные данные в пользу того, что «алмасты» в какой-то мере находятся под защитой и покровительством Корана. Кавказские мусульмане, замечает он, будут чинить препятствия в наших поисках этих существ. Этих достаточно наказанных Аллахом джиннов правоверный мусульманин должен щадить в их тяжелой неприглядной жизни. А. А. Машковцев проводит любопытную зоологическую параллель: как известно, мусульмане не охотятся на диких кабанов, поскольку Кораном запрещено есть свинину, и поэтому кабан на территории Кавказа (как и Средней Азии) в большом количестве обитает в тех районах, где значительная часть местного населения — мусульмане.

Как только в таких районах поселялось много людей, придерживающихся христианского вероучения, так в этих местах очень быстро уничтожались дикие кабаны. Вот точно таким образом, исходя из иррациональных религиозных мотивов, мусульманство оказывается охранителем не только диких кабанов, но и диких волосатых лесных людей.

Анализируя все собранные записи, А. А. Машковцев приходит к выводу, что они просты, искренни и реалистичны; приходится допустить, что в самом деле какие-то человекообразные существа, может быть питекантропного или неандерталоидного типа, в очень небольшом количестве до сих пор обитают на территории Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. В летнее время они встречаются на равнинной лесостепной территории Кабардино-Балкарии. Вероятно, часть из них и зимует в лесостепной Кабарде, укрываясь от непогоды в пустующих полевых человеческих строениях, а может быть, получая приют и подкормку от некоторых суеверных лиц. Однако не все «алмасты» в Кабардино-Балкарии являются «нахлебниками» человека и живут вблизи поселков на равнине. Часть «диких лесных волосатых людей» живет в горах под Эльбрусом, в районе гор Инал и Кинжал в пещерах.

Являются ли эти горные «эльбрусские» дикие люди тем же самым, что и живущие на Кабардинской равнине? А. А. Машковцев выдвигает два возможных решения: 1) это два разных типа, две особые расы, 2) дикие «великаны» Центрального Кавказа, достигающие огромного размера и огромной силы, это попросту очень крупные особи мужского пола тех же самых диких горных людей. Второе предположение представляется А. А. Машковцеву более вероятным. Зоологам хорошо известно, что у крупных млекопитающих самцы могут достигать значительно большего размера, чем самки. Огромного размера достигают подчас самцы медведей, диких кабанов, тигров. Чаще всего самцы, достигающие огромного размера, очень угрюмы, свирепы и любят одиночество. Охотники называют таких очень крупных кабанов «одинцами». Охота на них весьма опасна. Вот таковы же, возможно, и горные «алмасты», — они более нелюдимы, достигают большого роста и огромной силы. Они предпочитают круглый год жить в непроходимых горных ущельях. Они гораздо более, чем молодь и особи женского пола, склонны избегать людей и близости населенных пунктов. Вероятно, эта высокогорная популяция «одинцов» совершает сезонные миграции в области Главного Кавказского хребта, живя то на его северном, то на его южном, черноморском, склоне (Сванетия, Грузия, Абхазия).

Что касается «алмасты», живущих на равнине Кабарды, то А. А. Машковцев делает предположение, что это — особи преимущественно женского пола, в особенности имеющие детенышей или беременные. В поисках недостающих жизненных условий они принуждены делать попытки жаться к людям — становятся «нахлебниками», воруют в садах овощи и фрукты, пое-

дают отбросы, в полях питаются кукурузой, арбузами, ягодами терновника и т. п. Поскольку детеныши «алмасты» очень похожи на человеческих детей, может быть, материнское чувство женщин издревле, с далеких языческих времен побуждало их, в свою очередь, к жалости, к контактам с этими дикими существами (*Машковцев А. А. Поездка в Кабардино-Балкарию 1960 г. [Рукопись]*).

Наконец, закончим наш обзор данных по Кабардино-Балкарии записями, произведенными летом и осенью 1962 года. Вот фрагменты из записей С. Г. Мюге.

Лесоруб из Баксана Хозали Жанкираев в лесу в районе Эльбруса встретил волосатого человека, который схватил его за руку; Хозали вырвался, дикий человек его не преследовал. Инженер И. И. Симонов, работавший в 1956 году близ селения Жемтала, сообщил, что жители этого селения однажды, придя утром на работу к месту изготовления клепок для бочек, застали возле непогасших за ночь углей костра дикого человека. По словам ассистента КБГУ А. К. Темботова, во время последней войны партизаны, скрывавшиеся в балках района рек Малка и Кичмалка, в течение нескольких дней подкармливали двух «алмасты», живших в соседней пещере. Жители села Сармаково утверждают, что в 1924 году в трех километрах от села водился «алмасты»; видели его по ночам многие, но он избегал встреч с двумя и более людьми. В 1935-м (или 1937-м) Баразби Ногмов в селении Каменноостское охранял склад, к нему подошел «алмасты», но Ногмов от испуга (по поверию кабардинцев, от заколдовывающего взгляда «алмасты») стрелять не смог, хоть и хотел. Шофер, тракторист Тохов в 1939 году, возвращаясь ночью, встретил на тропинке, проходившей через поле подсолнечника, находившегося на расстоянии трех-четырех шагов «алмасты»; Тохов зажег пропитанную керосином паклю, которую носил с собой по ночам для защиты от волков, и при свете хорошо рассмотрел «алмасты»: рост с человека, покрыт шерстью, разрез глаз якобы вертикальный (может быть, это впечатление создает сильно выраженное так называемое «третье веко»?); Среди жителей селения Сармаково есть поверие, что «алмасты» можно поймать и приучить выполнять домашнюю работу, однако лишь в том случае, если удастся у него вырезать кусок шерсти и спрятать в доме. В 1938-м или 1940 году Мату Жериков (свыше шестидесяти лет, сторож), рубя хворост в балке Шеголуба, увидел «алмасты», побежал на полевой стан, вернулся с племянником Талибом Жериковым, и они застали «алмасты» на том же месте; увидев людей, «алмасты» встал и ушел. Талиб Жериков в 1939–1940 годах, ночью проходил мимо уборной, которую с лаем окружили собаки; Жериков бросил в уборную сверху камень (уборные часто ставятся без крыш) и оттуда выскочил «алмасты», который скрылся в бурьяне на близлежащем кладбище. В 1936–1937 годах, в июне, дождливым днем чабан услышал в балке Аурсентх странный крик и, подойдя к краю балки, увидел в пещере

три фигуры; он побежал на полевой стан селения Каменноостское и привел с собой к балке человек 30, в том числе Талиба Кулишева, со слов которого записаны дальнейшие сведения. В пещере увидели трех «алмасты», повернувшись к людям спинами и издававших нечленораздельные звуки — «бормотавших»; так как люди плотно стояли у входа в пещеру, «алмасты» не пытались бежать из нее, а люди их хорошо рассмотрели на расстоянии 3–5 метров: рост немного меньше человеческого, коренасты, покрыты черно-бурой шерстью, похожей на шерсть буйвола, местами сваленной как войлок; резкий неприятный запах «старого загона»; хвоста нет; глаза раскосые, красноватые; голова, по-видимому, немного длиннее, чем у человека, хотя точно трудно определить, так как она покрыта длинными, очень грязными и сбитыми волосами; шерсть на теле не очень длинная, но плотная, причем на груди длиннее, чем на боках и конечностях; наблюдатели якобы увидели какие-то набедренные повязки из тряпки или войлока. Кулишев уверен, что в этих балках «алмасты» можно встретить и сейчас, хотя встречаются они гораздо реже, чем раньше.

Мухаммед Шогенов из селения Каменноостское утверждает, что в 1933 году утром у родника на него напал «алмасты», началась борьба, но на шум прибежали собаки и «алмасты» отступил, скрывшись в пещере. В этой же самой пещере в феврале 1960 года охотник М. М. Балагов, преследуя раненую лису, натолкнулся на «алмасты» — человека голого, покрытого бурой густой шерстью; охотник оставил лису и побежал домой. В районе Псыбундж (за Кичмалкой) ехавший на волах Мурадий Хофиюгов лунной ночью летом 1945–1946 годов встретил на дороге двух «алмасты». Тика Шаботеков, старик свыше 80 лет, по его словам, до последней войны много раз видел «алмасты» в балках Джаманкул и в балке левее селения Каменноостское, преимущественно ночами; по его словам, после войны «алмасты» в этих районах исчезли. По словам Бестана Шанахова, старика 105 лет, он около 50 лет тому назад возле пещеры по течению реки Малки видел «алмасты»: рост небольшой (150–160 см), глаза вертикальные (?), красные, весь покрыт черной шерстью — взлохмаченной, неаккуратной; волосы «на голове длинные, грязные, свисают космами; обладает очень неприятным запахом, напоминающим запах старой пещеры. «Алмасты» что-то лопотал на нечленораздельном, нечеловеческом языке. Совсем не собирался нападать. Шанахов выставил пистолет, но «алмасты» явно не понял его назначения. Заинтересовался блестящими ножнами кинжала. Походка у него почти человеческая. Шанахов и «алмасты» стояли друг против друга несколько минут, затем оба отступили. Шанахов утверждает, что до этой личной встречи он не верил рассказам стариков о существовании «алмасты».

Упомянутый выше Баразби Ногмов (свыше 70 лет) в старые годы был атаманом шайки разбойников и нередко скрывался в горах от пре-

следований властей. В 1918–1920 годах он проезжал верхом по долине Кичмалки и на узкой тропинке встретил «алмасты». Лошадь испугалась, но он рассмотрел «алмасты» довольно подробно: шерсть с сединой, свалывшаяся, как мох на дереве; глаза с вертикальным разрезом (?); старый мужчина; его сильный неприятный запах позже несколько дней преследовал Ногмова. Ногмов вспомнил, что убийство «алмасты» навлекает несчастье, и проехал мимо. Колхозник Кара Кочкаров, 70 лет, рассказывает, что до образования колхозов он сеял кукурузу в долине реки Малки, ниже селения Каменномогское. Однажды в зарослях кукурузы он увидел самку «алмасты», которая кормила детеныша. Шерсть черная, всклокоченная. Издавала сильную вонь. Была повязана тряпкой вокруг поясницы. Второй раз Кочкаров видел «алмасты» на камне на самой середине реки Малка. Как он слышал от отца (объездчика), «алмасты» часто воруют одежду, пищу, тряпки. «Далеко в горы не ходят. Там им кушать нечего». Часто видели прежде «алмасты» за Пятигорском — в лесах и виноградарниках.

Согласно записям С. Г. Мюге, некоторые кабардинцы различают две разновидности диких людей: 1) «алмасты» — волосы длинные; глаза имеют вертикальный разрез; встречаются близко от селений; питаются падалью, воруют кукурузу и другие сельскохозяйственные растения на полях; 2) «мозыль» — лесной человек, водится вдали от селений; шерсть у него короче; грудь килевидная; глаза с горизонтальным разрезом; «мозыль» выше «алмасты», больше похож на человека, одежды не носит. Ветеринарный фельдшер селения Каменномогское, Балагов, интересовавшийся вопросом об «алмасты», сообщил, что в дальних пещерах под Эльбрусом местные жители показывали ему череп, берцовые и другие кости, которые, по их словам, принадлежали «алмасты» или «мозылю»; пещеры эти расположены на солнечной стороне долины Харбаса. Балагову известна и пещера в районе Джаманкул, где, по словам местных жителей, водились «алмасты». Предварительный осмотр этой пещеры, произведенный С. Г. Мюге, дал скудные находки: много кочерыжек сырой кукурузы, немногочисленные отдельные кости животных, нижняя челюсть и мелкораздробленные кости черепа ребенка 5–6 лет современного физического типа; следов огня и человеческой культуры не обнаружено (Из сообщения С. Г. Мюге 19 июля 1962 г. // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Перейдем к записям, сделанным в Кабардино-Балкарии летом и осенью 1962 года Ж. И. Кофман и членами ее группы — Л. Вегером, О. Ольшевской, В. Трошиным, Е. Сидельниковым.

Вот рассказ окончившей 3 курса Ленинградской консерватории кабардинки Л. С. Озроковой (36 лет, Урванский район, Старый Черек):

«Раньше, до войны, алмасты в нашей стране была уйма. Очень многие

люди видели их. Видела, в частности, моя мать в молодости. Она работала в поле с другими крестьянами. Вдруг подошла группа алмасты и стала их дразнить — повторять их движения: крестьяне работают тяпкой и алмасты как будто держат тяпку, крестьяне сядут — и те сядут. Крестьяне испугались, подошли к старику Али, который точил тяпки, так как работать он уже не мог. Он сказал: «Не надо бояться, они не тронут». Когда мы были маленькие и уходили в лес, мать всегда предупреждала: «Если увидите алмасты, не дразните их, не бросайте в них камней, палок». Отец мой был большим охотником, охотился в горах, в лесу. Он встречал алмасты много раз... Алмасты мужского пола называются «мозыль», алмасты женского пола — «губганана» (полевая старуха). «Алмастын» же — общее собирательное название. Так по-русски говорят «мужчина», «женщина», а обобщающее название — «люди». После войны «алмасты» видят значительно меньше».

Тогда же записан дополняющий предыдущее *рассказ Шамилят Озроковой, 70 лет.*

Лет 40 назад она была разбужена ночью лаем собак, насккивающих на что-то в углу сада и отскакивавших обратно. «Я посмотрела туда и увидела, что стоит губганана. Стоит прямо, как человек, только очень большого роста, вся покрыта волосами, особенно длинные волосы на голове. Груды очень длинные, до низа живота. Лицо страшное, похожее на человеческое, только губы выдвинуты вперед. Похожа на обезьяну».

Рассказчица сначала науськивала собак, но те боялись подходить слишком близко; затем взяла большую палку, подошла к «губганане» и сильно ударила ее, та очень громко закричала и с места перепрыгнула через забор почти двухметровой высоты.

«До войны очень много было у нас алмасты. Сейчас мало слышно. Они кушают все, что растет на огородах: огурцы, помидоры, початки кукурузы. Зимой они живут в лесу».

Рассказ Жандарби Дзахмишева (59 лет, Лескенский район, Аргуданский техлеспункт).

«Я видел «алмасты» в июле 1937 года на южных склонах Западного Кинжала, точнее, на восточном берегу Тызыла. Я пас отару баранов, которые шли по берегу, а я выше их, по косогору. Было 10–11 часов утра, хорошая погода. Завернув за поворот, я вдруг увидел «алмасты» в 15 метрах от себя, если не ближе. Он сидел на солнышке, в шерсти ковырялся. Я остановился, собак у меня не было, ружья тоже, а барашки внизу уходили. Тогда, постояв, я свистнул. На свист он повернул ко мне лицо. Я видел длинные волосы на голове. Лицо, кажется, похоже на человеческое. И тотчас он встал на ноги, весь волосатый, шерсть похожа на буйволиную, и ушел на двух ногах в пещеру, перед которой сидел. Я спустился вниз и обошел пещеру. На третий день нас туда пошло человек пять. Мы зашли в пещеру. Там очень воняло. Были следы, похожие на

след человеческой ноги, только свода нет, стопа плоская. Костей, подстилки какой-нибудь не было. Пещера очень глубокая. За 10 лет, что я там пас скот, я видел «алмасты» только один раз. Но не было года, чтобы я не слышал от 3–4 человек о встречах «алмасты». Там много сусликов, много горных индеек...

Ержиб Кошокоев (70 лет, селение Старый Черек) заявил, что до войны в их краях «алмасты» было очень много, «можно сказать — масса», сейчас же их очень редко встречают. Лично он видел алмасты дважды за свою жизнь. Первый раз это было в сентябре 1944 года. В составе отряда по охране порядка рассказчик ехал по коноплянному полю около Черной речки, когда ехавший впереди него резко остановил лошадь со словами: «Смотри, «алмасты»!» Впереди, в нескольких метрах, говорит Кошокоев, стояла «губганана», записавшая себе в рот верхушки конопляных стержней с семенами. Увидев отряд, она быстро на двух ногах побежала и спряталась в стоявший неподалеку кош. Отряд спешил и окружил кош, причем рассказчик был как раз против двери коша.

«Пока мы приближались, «губганана» два или три раза выскакивала из коша, она казалась очень взволнованной: выскочит, суетится, бросится в одну сторону, а там — люди, вбежит обратно в кош, снова выскочит, бросится в другую сторону, но там тоже люди. При этом она гримасничала, губы быстро-быстро шевелились и она бубнила что-то. Между тем наша цепь все ближе приближалась к кошу, мы уже шли локоть к локтю. В это время «губганана» выскочила еще раз, заметалась, да вдруг закричала очень страшным криком и кинулась прямо на людей. Бежит она быстрее лошади. По правде сказать, люди растерялись. Она легко прорвала нашу цепь, с разбегу прыгнула в овраг и скрылась в окружающих речку зарослях. Ростом она была примерно 1,80 метра, здоровая, лицо плохо было видно из-за волос. Хотя на ней были обрывки старого домотканого кафтана, было видно, что груди до низа живота, а все тело покрыто длинными рыжими волосами, напоминающими шерсть буйвола. Я ходил смотреть следы в овраге: они очень маленькие, так что я очень удивился тогда несоответствию между ее ростом и длиной следа».

Второй раз Кошокоев видел «алмасты» летом 1946 года, проезжая рано утром верхом вдоль кукурузного поля. «Алмасты», сидевший у дороги, при приближении всадника встал и ушел в кукурузу. «Алмасты, — говорит Кошокоев, — надо выслеживать по ночам возле конопли, когда она созревает. Конопля — самая любимая его еда, он съедает ее очень много — ходит по полю и запикивает в рот грозди семян. При этом все время бубнит «бум-бум-бум», чавкает, сопит, шуршит стеблями, так что когда «алмасты» ест коноплю, его ночью далеко слышно... «Алмасты» любят также арбузы. Раньше они приходили на бахчи и много вредили. Однажды я шел к колхозному сторожу на бахче между старым Череком и Аргуданом. Смотрю: много испорчено арбузов, изгрызаны как-то странно, середина

вся выедена. Взял один, посмотрел, там следы больших зубов. Я понял, что это «алмасты». Подхожу к своему другу, смеюсь, говорю ему: «Что же ты за сторож, посмотри какая у тебя бахча стала». Он отвечает: «Не говори! Измучил меня «алмасты». Каждую ночь приходит и кушает арбузы. Я выхожу к нему с палкой, а близко подойти боюсь. Я кричу ему: «Как тебе не стыдно, уходи отсюда!» Он в ответ: «Бум-бум-бум». Я опять кричу: «Совести у тебя нет! Ведь я отвечаю за арбузы». А он свое: «Бум-бум-бум». Так вот и переговариваемся с ним всю ночь».

Кроме этого колоритного рассказа, Кошокоев в ответ на расспросы сообщил также, что лет 30–40 назад два пастуха нашли в лесу голову «алмасты», недавно загрызенного собаками или волками. Рассказчик вспоминает, как сокрушенно говорили пастухи: «Как жалко, как жалко «алмасты». Как видим, во всех этих сценах нет открытой враждебности между человеком и «алмасты». Скорее налицо признаки известной взаимной адаптации. По словам того же Кошокоева, люди жалеют «алмасты», прикармливают, когда те приходят к дому или в дом, а то и выбрасывают им старые лохмотья, «чтобы им не было холодно». Еще чаще «алмасты» сами воруют еду и одежду, последнее, может быть, они делают из любопытства и непреодолимого подражания. Если человек искупался на берегу реки, после его ухода нередко из лесу к этому месту выходит «алмасты», осматривает, трогает и нюхает место, где лежала одежда.

Ибрагим Гулиев, 31 год, вспоминает, что, когда ему было 7–8 лет, он в поисках потерявшейся козы наткнулся на лежавшую в траве «алмасты», свернувшуюся клубком. «Алмасты» была вся покрыта волосами темно-рыжеватого цвета. Она спала. Ростом она была примерно с девочку лет 13. Некоторые сообщения о подобных случайных встречах относятся к совсем недавнему времени.

Балкарец Салим Хучуев, работник того же маслосырзавода «Коштан», 39 лет, сообщил, что в 1959 году ночью лошади близ коша чего-то сильно испугались, и он выскочил с ружьем.

«Вижу, ко мне приближается человек. Я окликнул его, но он не ответил. Он приближался и все время скалил зубы и смеялся, как истеричная женщина. Я направил на него ружье и крикнул: «Стрелять буду!». Он засмеялся еще громче. Я зажег костер и тут понял, что это «алмасты». Увидев огонь, он начал пятиться и ушел».

Назир Кулиев сообщил, что в октябре 1961 года охотник из Тырныауза, отправившийся вниз по реке, вскоре вернулся в сильном волнении: его напугало человекообразное существо, которое он увидел в ущелье близ Чертовой Ямы. Это существо сидело на корточках, руки его были настолько длинные, что предплечья как бы лежали на земле. Это был мужчина, без всякой одежды, покрытый шерстью серого цвета, очень худой; похоже было, что он либо болен, либо очень стар.

Тогда же, осенью 1961 года, произошло следующее происшествие с *Хазизом Бечукуевым, 19 лет.*

«Я пас лошадей недалеко от центральной усадьбы совхоза «Эльбрусский». Как-то холодным туманным вечером мы с Хозыром Байдаевым сидели у костра. Из тумана показалась человеческая фигура. Когда она приблизилась, мы увидели, что это был «алмасты». «Алмасты» сел у костра напротив нас и все время на нас смотрел. Это был мужчина. Волосы на голове у него были очень длинные, весь он был покрыт черной шерстью. Подробно мы его не разглядели. Он не уходил часов до трех ночи, но утром его уже не было. На вторую ночь мы привязали верховую лошадь около костра. Он снова подошел к костру и все время был около лошади, но она осталась привязанной, он только ходил вокруг нее или сидел». То же было на третью ночь, и еще несколько раз «алмасты» подходили к костру пастухов, когда бывала плохая погода.

Вот сообщение еще более свежее. *21 июля 1962 года Нина Бодаева, 19 лет, с 10-классным образованием,* сообщила, что две недели назад, когда она, работая на прополке кукурузы на поле Псыхо, около полудня пошла набрать воды в реке Черек, у самой воды под плетнем бахчи она заметила человека, сидевшего в тени на корточках, подойдя ближе, увидела, что он весь с ног до головы покрыт рыжими волосами. Девушка испугалась и, бросив ведро, убежала.

Вот несколько сообщений о поимках и случаях приручения «алмасты». *Абузер Жабоев, 28 лет, тракторист из селения Аушигер,* рассказал, что в 1939 году его отец на конопляном заводе в селении Герменчик, въехав как-то вечером на лошади в конюшню, в углу увидел человека и окликнул его, но тот бросился к выходу и выскочил из конюшни. Отец погнался за ним на лошади и при дневном свете увидел, что это «алмасты», весь покрытый волосами, а волосы с головы достигали даже земли. «Алмасты» забежал в какое-то помещение, то ли в цех, то ли в баню, вызвав там переполох, а отец вбежал туда и схватил его за волосы. Подоспевшие люди помогли отцу задержать его. «Алмасты» заперли в сарае и держали 2–3 часа, затем решили отправить его в Нальчик. Отец получил за поимку «алмасты» 500 рублей награды.

Точно так же многие жители селения Сармаково сообщили, что летом 1962 года Харитон Бекулов (пос. Новая Жизнь, Прикумского района) во время заготовки камыша и купания сумел захватить «мозыля» — человекообразное существо, покрытое густой черной или темно-бурой шерстью. Отец его, Зачи Бекулов, подтвердил факт поимки его сыном «мозыля» и получения 500 рублей премии.

С. Т. Штымов, 45 лет, кандидат педагогических наук, директор средней школы, рассказал так о чуть не состоявшейся поимке и поисках «алмасты» его братом: «Это правда, что в нашей стране есть алмасты. Я сам видел его в детстве. Это было летом 1924 го-

да, во второй половине августа. Мы возили лен на теребилку, в районе урочища Псытауш, в 9 км от Баксаненка, по направлению к городу Прохладному. Меня оставили возле повозки с лошадьми. Но мне было скучно, я стал ходить поблизости и забрел в старый, заброшенный кош. Это было во 2-м часу дня, и вначале, после солнечного света, я ничего не заметил в коше. Потом, когда глаза привыкли к темноте, я разглядел какое-то волосатое существо, которое сидело в углу на корточках. Я стоял в дверях, закрывая выход, и закричал от испуга. На крик прибежал мой старший брат Саша, которому было тогда 40 лет. Он сразу определил, что это «алмасты», так как ему приходилось неоднократно встречать их. Он сказал мне: «Не бойся, не обращай внимания, это существо безобидное, ты видишь — оно почти такое же, как мы», — и стал подходить к нему. Тогда «алмасты» издал пронзительный громкий писк, как обезьяна. Брат пытался схватить его. «Алмасты» сопротивлялся. Возились они несколько минут. Наконец «алмасты» вывернулся и на двух ногах выбежал из сарая. Он нырнул в заросли. Сам я все это время стоял в стороне и дрожал от страха. Шерсть на «алмасты» была густая, черная. На голове очень длинные волосы. Лица я не видел из-за свешивающихся с головы волос. Ростом он был небольшой: 1,30–1,35 метра. Вскоре после этого, в 1925 году, в то время как брат мой был председателем сельсовета, к нему из Баку или из Еревана приехал товарищ, врач. Этот врач интересовался «алмасты». Он специально приехал к брату потому, что брату приходилось, когда он был партизаном в Гражданскую войну, неоднократно видеть эти существа в лесных трущобах и зарослях. По просьбе этого врача брат вместе с ним в течение июля занимался поисками «алмасты». Они объезжали верхом весь район, заходили в заброшенные коши, сараи. Наконец однажды в том же районе, где я видел, брат наткнулся в коше на «алмасты». Он бросился на него, крича товарищу, чтобы тот поспешил на помощь, но, прежде чем врач успел сойти с коня, «алмасты» вырвался и убежал. Я помню, что они потом сожалели о том, что выехали только вдвоем, а не взяли с собой целую группу.

Очень чтимый среди балкарцев старец Тапа Хазиевич Шаваев, около 100 лет (селение Былым, ныне Угольное), дал очень любопытные сведения о приручении и прикармливании «алмасты» балкарцами в прошлом: «Раньше их было много и они часто жили у людей. В нашем селении, например, была одна семья, Ахматовы. У них постоянно жил «алмасты» в доме... В Каменномоетском (по-нашему, Кармакабак) тоже жил «алмасты» в одном доме. Я часто ночевал в том доме. Каждый раз, когда семья садилась за обед или ужин, во двор выносили паек «алмасты». Один раз забыли оставить, и когда вернулись вечером, оказалось, что он все перерыл в доме в поисках своего пайка: перешвырял всю посуду, все кастрюли, ложки, миски... Раньше можно было найти «алмасты». Теперь очень трудно. Сараи, в которых он жил, сгорели, а люди (приручавшие

его) все умерли. Зимой они живут в пещере или в том доме, с которым познакомились. Но только люди, у которых алмасты живут, редко когда говорят об этом...»

Наконец, вот еще одна из записей 1962 года. Вернее, это соединение двух независимых друг от друга записей, относящихся к одному и тому же случаю. Главный механик Сармаковского маслосырзавода М. Темботов рассказал, что года 2–3 назад ночной сторож одной из летних ферм Умар Урчуков сообщил ему о следующем происшествии. Поздно вечером сторож, сидел в коше у огня. В кош зашел огромного роста «алмасты» — мужчина, покрытый волосами, который открыл бидон с молоком и долго пил, а, напившись, бросил бидон, не обращая внимания на льющееся молоко, и направился в дальний угол коша, где и находился всю ночь. Утром его уже не было. М. Темботов попросил сторожа на случай, вторичного прихода «алмасты» выкладывать у входа сырую глину для получения отпечатка следа. Действительно, сторож через несколько дней сообщил, что отпечаток получен, однако, по приезде М. Темботова, оказалось, что след затоптан скотиной, ночевавшей в коше. Через несколько дней сторож сообщил по телефону, что у него украли тук шерсти. Отправившись по следу, сторож пришел в пещеру, где на разбросанной шерсти спал его ночной гость. Сторож испугался и убежал. М. Темботов немедленно приехал, и они вдвоем пошли к пещере. В ней была обнаружена шерсть, служившая кому-то постелью. Эту шерсть, говорит М. Темботов, они со сторожем отнесли к нему в кош (Из записей 1962 года группы под руководством Ж. И. Кофман // Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Все эти весьма обильные сообщения, поступающие из Кабардино-Балкарии, если принять их за несомненные, характеризуют эту область как занимающую особое положение на Кавказе не только по количеству наблюдений, но и по двум ясно выступающим особенностям. Во-первых, здесь много сведений о детенышах, что давало бы основание рассматривать именно данную часть Большого Кавказа как очаг размножения кавказского «снежного человека» в наши дни. Во-вторых, здесь многочисленны упоминания о приручении или полуприручении этих существ, об их подкармливании, об использовании ими посадок культурных растений и пустующих строений, словом, об определенных элементах какого-то своеобразного синантропизма.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ М.: ВИНТИ, 1963. Ч. 2. Гл. 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая Необъяснимое. Непознанное. Невероятное

Говорящие мумии	7
Друг по имени Палестина	16
Привидение из Долины нарзанов	21
Кёнделеновский телеотключатель	23
Сны о пришельцах	25
Сошедшие со звезд	28
Контактер из Хушто-Сырта	31
Визиты инопланетян	35
Древние художники Тызыла	41
Удивительная птица	45
Дверь, ведущая в иномир	49
Греческая лестница	53
Менгиры – стражи прошлого	57
Монастырь на Сарай-горе	60
Дука-Бек из Этоко	68
<i>Приложение. На берегу реки Этоко</i>	74
Глиняные замки	81
Кыртыкские склепы	83
Верхнечегемские могильники	86
Священные камни	89
Гора-кольцо и туры Тимура	91
Балкарский Город мертвых	93
Джулат, помнящий великого завоевателя	98
Священные холмы Кызбуруна	103
Пещера чудес	105
Верхнекуржунский Стонхендж	109
Лашкутинские истуканы	111
«Поляна грибов»	114
«Немецкий аэродром»	118
Голубой сапфир	123
Карьер, излечивающий болезни	132
В окрестностях Нальчика	134
Каменноостские катакомбы	137
<i>Приложение. Озеро Шатхурей</i>	140
«Антенны» Когутая	142
«Мать-гора»	144
Эльтюбю «вне времени»	146

Книга вторая Загадочное. Занимательное. Забытое

Курган с серебряной дверью.....	151
Тузлук – храм Солнца.....	162
<i>Приложение 1. Из отчетов экспедиции «Кавказский</i>	
<i>Аркаим»</i>	<i>168</i>
<i>Приложение 2. Из отчетов экспедиции «Эльбрус –</i>	
<i>5500 лет в глубь времен»</i>	<i>170</i>
Котлы, вмещавшие стадо	173
Таинственное подземелье	180
Пропавшие англичане.....	189
Нижнечегемский сад камней	207
Идол урочища Тууз-Сырт.....	211
Чегемское ущелье – полигон НЛО?.....	218
Из Эльтюбу в Кум Тюбе	222
Отец Эльбруса.....	230
<i>Приложение. И извергалась огненная лава... ..</i>	<i>236</i>
Пришельцы ниоткуда.....	239
Необъяснимые круги	251
Адыгская амазония	254
<i>Приложение. Азиатские кочевники против</i>	
<i>«страны поцелуев»</i>	<i>266</i>
Страна Кабарда	269
Несторы кабардинской истории.....	274
Битва русских с кабардинцами.....	280
Скифский вождь из Прохладного.....	289
Дороги «Чертовой теснины»... ..	292
...И «Чертова лестница».....	297
Твердыни Черек.....	301
Цитадели Безенги.....	307
Величие Хулама	315
Мосты Страны гор	319
Источники Аушигера.....	324
Глина-целительница	327
Кызбурунские стражи	330
Богатырь и красавица.....	332
Песчаные замки Ирика	336
Мегалиты Звездного.....	337
«Ледниковый период».....	341
Украденное прошлое	344

Книга третья
Тайное. Таинственное. Труднообъяснимое

Корабль Ноя на седловине Эльбруса	351
Саркофаги Лохрана	358
Стена, запирающая ущелье	363
В глубь Хушто-Сырты	371
Гюдюрю — селение-крепость	373
Каменное одиночество	376
В поисках высокогорного склепа	378
С высоты Ак-Кая	386
Гора-могильник	390
Калеж, осененный крестами	395
<i>Приложение. Из книги В. А. Кузнецова «Христианство</i> <i>на Северном Кавказе до XV века»</i>	<i>401</i>
Озер небесная голубизна	404
Каменные шары	409
Скалы, исполняющие желания	412
Катакомбы Актопрака	417
Следы тысячелетий	421
В поисках карасуйского чуда	424
Таинственные надписи	427
Пирамиды Кавказа	431
Царская корона	436
Бедыкская пустота	442
Ненайденная добыча Канжала	447
<i>Приложение. Крымцы в Кабарде</i>	<i>452</i>
Штулинское чудо	456
Облака из других миров	460
Молниеносный плазмод	463
МВД против НЛО	466
Гедмышх — как песнь песний	469
Возвращение «стража» Приэльбрусья	472
Кязим, вызывающий дождь	474
Гескенти — обитель нартов	478
Эльбрусская Дева Леонида Замятнина	484
Черный Альпинист оставляет следы	501
Айран для Белого Спелеолога	505
Посмертная слава Виктора Кострыкина	510
<i>Приложение. Из книги Виктора Кострыкина</i> <i>«За гранью неведомого»</i>	<i>519</i>
Жанна Кофман в поисках алмасты	536
<i>Приложение. Из книги Бориса Поршнева</i> <i>«Современное состояние вопроса о реликтовых</i> <i>гоминоидах»</i>	<i>565</i>

Литературно-художественное издание

Котляровы Мария и Виктор

ТАИНСТВЕННАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Сто невероятных, загадочных,
труднообъяснимых фактов, явлений,
событий, происшедших в республике,
которую называют
жемчужиной Кавказа.

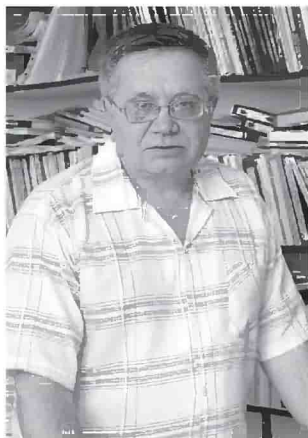
ISBN 978-5-93680-446-5

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 22.02.11. Подписано в печать 28.03.11.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Прагматика.
Усл. печ. л. 34,4 + 2,79 вкл. Тираж 500 экз.

Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел./факс.: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru

Мария и Виктор Котляровы — журналисты, литераторы, издатели — в Кабардино-Балкарии и за ее пределами известны своими работами, посвященными истории, этнологии титульных народов КБР. Сегодня в их творческом багаже более 50 авторских книг, в том числе: «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяни к огню души моей... Книга о художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003), «Живописная Кабардино-Балкария» (2006), «Неповторимый Нальчик» (2006), «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа» (2007), «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (2008), «Занимательное. Забытое. Загадочное» (2009), «Заповедная страна» (2010).

Издательской деятельностью занимаются около 20 лет — первые книги были выпущены в 1992 году в созданном ими центре «Эль-Фа». За семь лет увидело свет более трехсот названий, в том числе около тридцати в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО).

С 1999 года учредители — Мария и Виктор Котляровы — зарегистрировали новое издательство, получившее название «Полиграфсервис и Т» и начавшее работу в рамках объединенной редакции регионального журнала «Эльбрус» — независимого альманаха, имеющего российскую аккредитацию. С 2006 года книги стали выходить под маркой «Издательство М. и В. Котляровых».

Восемьсот книг увидело свет за это время. Большинство их оформила **Жанна Шогенова** — профессиональный дизайнер, фотограф, художник. Несомненным свидетельством ее мастерства являются альбомы, составившие серию «Кабардино-Балкария: природная жемчужина» из восьми томов, в которые вошло более полутора тысяч авторских снимков.

Плодотворными для мастера стали последние годы — увидели свет красочные альбомы «Кабардино-Балкария: сердце Кавказа», «Живая связь времен: декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии», фотоиздания «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное», «Занимательное. Забытое. Загадочное», первые тома многотомной серии «Народы Кавказа: история, география, этнография».

Оценивая деятельность издателей, Сергей Степашин, председатель Счетной палаты РФ, являющийся также президентом Российского книжного союза, назвал их патриотами, чье благородное научное подвижничество способствует взаимопониманию культур, сближению народов Северного Кавказа и России.